

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

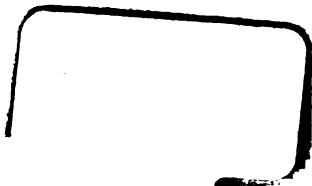
PSlav 236.4 (1872)
3

ПРОЦЕДУРА
1940

ПРОЦЕДУРА
1955 г.

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

МАРТЪ.

1872.

ДѢЛО

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

6
1872

СОДЕРЖАНІЕ.

3

- I. ИЗЪ КУЛЬБА ВЪ РОГОЖКУ.** Романъ.
(Продолженіе) . . . . . **Н. С. ПРЕОБРАЖЕНСКАГО.**
- II. СТАРЫЙ КОРЧМАРЬ.** Стихотвореніе. (Изъ
Петѣфи) . . . . . **А. Ш.**
- III. СТАТИСТИЧЕСКІЯ ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ТЕ-
ОРИИ ПРОГРЕССА** . . . . . **П. Н. НИОНОВА.**
- IV. НА ПРОЩАНЬЕ.** Стихотвореніе . . . . . **ОМУЛЕВСКАГО.**
- V. ИСТОРИЯ ПЛЕВИСЦИТА.** Разсказъ одного
изъ 7,500,000 избирателей, сказавшихъ
«да». (Продолженіе) . . . . . **Э. ШАТРИАНА.**
- VI. ВЪ ИЗГНАНІИ.** Стихотвореніе. (Изъ Гейне). **Д. Д. МИНАЕВА.**
- VII. ГАЗЕТНАЯ ПРЕССА ВЪ АНГЛІИ.** . . . . **С. С. ШАШКОВА.**
- VIII. РАХМЕДЪ-ИНАКЪ, ВЕЕЪ ЗААДИНСКІЙ.**
(Очеркъ нравовъ центральной Азіи) . . . . **Н. Н. КАРАЗИНА.**
- IX. «ЗОВЕТЪ»...** (Записки Семена Долгаго). Ро-
манъ. Тетрадь первая . . . . . **Н. Ф. БАКИНА.**
- X. ВЪ ТИХОМЪ ОМУТѢ — ВУРЯ** (Очерки ан-
глійской провинціальной жизни). Романъ.
(Гл. XIII—XV). . . . . **ДЖОРЖА ЭЛЛИОТА.**
- XI. СОВРЕМЕННЫЙ КАРФАГЕНЪ.** . . . . **А. НАВАЛИХИНА.**
- XII. ПРЕКРАСНА НОЧЬ!** Стихотвореніе. (Изъ
Петѣфи) . . . . . **А. Ш.**

См. на оборотѣ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

XIII. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЭТЮДЫ. Недоконченные люди.

(Продолженіе) . . . . . П. НИКИТИНА.

(«Николай Негоревъ или благополучный россиянинъ», романъ И. Кушевскаго. 2 т. Изд. Базунова. Слб. 1872.)

XIV. ПЕРВОВЫТНАЯ КУЛЬТУРА. . . . . А. И. ПЕТРОВА.

(Primitive Culture: Researches into the development of Mythology, Philology, Religion, Art and Custom, by Edward B. Tylor. London. 1871).

XV. НОВЫЯ КНИГИ.

За много лѣтъ (1859—1871). Статьи, отрывки, исторія, критика, полемика, судебныя рѣчи и проч. В. Спасовича. Слб. 1872.—**Туруханскій край, его природа и жители.** П. И. Третьякова. Слб. 1872.—**Медико-топографическій сборникъ.** Томъ II. Слб. 1871.—**Бочевая жизнь въ Сибири.** Джоржа Кеннана. Переводъ А. Кондратьевой. Слб. 1872.—**Очеркъ судебной психологій.** Составилъ д-ръ медицины А. I. Фрезе, директоръ казанскаго окружнаго дома умалишенныхъ и доцентъ психіатріи при казанскомъ университетѣ. Казань. 1871.

XVI. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА . . . . .

Талантливое произведеніе французской политической литературы.—Буржуа-жантильомы.—Гнѣздо легитимизма—городокъ Абержеманш.—Въ чемъ состоитъ консерватизмъ французскихъ мелкихъ собственниковъ? — Реакціонныя стремленія версальскаго національнаго собранія.—Неудачи реакціонной партіи. — Обзорѣніе характеровъ и дѣятельности представителей легитимизма въ городкѣ Абержеманш. — Предводитель партіи, красивый мужчина аббатъ де-Корбино.—Вѣроятное происхожденіе его богатства.—Начальникъ штаба легитимистской арміи г-жа де-ла-Соле. — Ея энергическая дѣятельность на пользу католицизма и легитимизма. — Графъ Адольфъ де-Студеасъ.—Благоговѣніе къ нему «абержеманскихъ господъ». — Реакціонная дѣятельность его въ палатѣ.—Щеголь де-Пренсанъ. — Его тщеславіе дворянскимъ происхожденіемъ.—Верстовой столбъ де-Преваль.—Его услуги легитимизму въ должности мирового судьи. — Безформенная масса Дорваль.—Служеніе партіи порядка.—Непосѣда и беднякъ Малембранш.—Вырожденіе буржуазной аристократіи и аристократической буржуазіи Франціи.—Отецъ и сынъ де-ла-Шатеньере.—Солдатскія воззрѣнія сына. — Его политическія симпатіи. — Вліяніе провинціальной тины на свѣжаго человѣка. — Скетивъ докторъ Вьень. — Второстепенные агенты абержеманскаго легитимизма. — Воспитатели французскихъ дѣтей. — Немѣлость реакціонной партіи во Франціи.

XVII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. . . . .

Вопросъ объ артеляхъ.—Отношеніе къ нему нашихъ ученыхъ и ихъ обществовъ.—Засѣданіе Вольно-экономическаго общества 5 января 1872 г.—

ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБЪ ИЗДАНИИ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„Д Ф Л Р“

въ 1872 году.

Журналъ «ДЪЛО» будетъ выходить въ 1872 г. на прежнихъ основаніяхъ, по прежней программѣ и въ томъ-же направленіи, какъ и въ прежнія пять лѣтъ.

Подписная цѣна журналу на годъ:

безъ пересылки и доставки . . .	14 р.
съ пересылкой	15 р. 50 к.
съ доставкой въ Петербургъ . . .	15 р.

На полгода:

безъ пересылки и доставки . . .	7 р. 50 к.
съ перес. иногородн.	8 р.
съ доставкой въ городъ	8 р.

Подписку просятъ адресовать исключительно въ С.-Петербургъ, въ Контору Редакціи журнала „ДЪЛО“ — (адресъ ея извѣстенъ почтамту).

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ:

- Изъ кулья въ рогожку. Романъ. (Продолженіе) . . . . . *Н. С. Преображенскаго.*
Старый корчмарь. (Изъ Петёфи). . . . . *А. Ш.*
Статистическія примѣчанія въ теоріи прогресса . . . . . *П. Н. Ніонова.*
На прощанье. Стихотвореніе . . . . . *Омулевскаго.*
Исторія плебисцита. Разсказъ одного изъ 7,500,000 избирателей, сказавшихъ „да“. (Продолженіе) . . . . . *Э. Патріана.*
Въ изгнаніи. Стихотвореніе . . . . . *Д. Д. Минаева.*
Газетная пресса въ Англіи. . . . . *С. С. Пашкова.*
Рахмедъ-Инакъ, бекъ Заадинскій. (Очеркъ нравовъ центральной Азіи) . . . . . *Н. Н. Каразина.*
„Зоветь“... (Записки Семена Долгаго). Тетрадь первая. . . . . *Н. Ф. Бажина.*
Въ тихомъ омутѣ—буря (очерки англійской провинціальной жизни). Романъ. (Гл. X—XII). . . . . *Джоржа Эллиота.*
Современный Карфагенъ. . . . . *А. Навалихина.*
Прекрасна ночь! Стихотвореніе. (Изъ Петёфи) . . . . . *А. Ш.*

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- Литературныя этюды. Недоконченные люди. *П. Викитина.*
Первобытная культура . . . . . *А. И. Петрова.*
Новыя книги . . . . .
Политическая и общественная хроника. . . . .
Внутреннее обозрѣніе. . . . .

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

№ 3.

Инд. № 24461

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1872.

ТИПОГРАФІА А. МОРГЕРОВСКАГО, ВЪ ТРОИЦКОМЪ ПЕРУЛКѢ, ДОМЪ ГАССЕ.

1
126.4 (1572)
3

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 марта, 1872'года.

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
APR 3 1963

ВЕРНА

ИЗЪ КУЛЬКА ВЪ РОГОЖКУ.

XVI.

РЕФОРМАЦІЯ ВЪ БУРСѢ. ДАЛЬНѢЙШАЯ СУДЬБА ПРОФЕССОРА.

Предоставивъ начальству и своимъ товарищамъ педагогамъ обычную войну съ философіей и богословіей, Черенасовъ попробовалъ не только не воевать, а напротивъ сблизиться съ своими учениками. Прежде всего, онъ позаботился, чтобы не сдѣлать пугала изъ своей науки. Оригинальнымъ показалось уже то, что онъ подсмѣивался надъ этою наукой, а вмѣстѣ и надъ своею педагогическою дѣятельностью. Роль наставника онъ прямо называлъ жалкою и пустою, смѣялся надъ руководствами, надъ примѣрами, помѣщенными тамъ, употреблялъ иногда такія выраженія, что де „вотъ это мѣсто надо выдолбить потому, что это суцая ерунда,“ „вотъ это можно и не долбить, потому авторъ проврался и написалъ со смысломъ.“ Выругать авторитетъ, сказать, что вотъ тутъ Цицеронъ поретъ дичь, для Черенасова считалось обыкновеннымъ дѣломъ и на первыхъ порахъ шибко смущало бурсаковъ. Не смотря однако на такой оригинальный приѣмъ, при которомъ всякая латынь, казалось, была дѣломъ смѣхотворнымъ, преподаваніе Черенасова оказывалось живымъ и занимательнымъ и вскорѣ привлекло къ профессору всѣхъ учениковъ. Позаботясь сначала о томъ, чтобы внушить сомнѣніе къ самой наукѣ и поразить

такимъ образомъ въ самомъ центрѣ страшное умственное холопство, обуявшее бурсу, Черенасовъ вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнили и сухую семинарскую програму, прикрывавшую обоюдное невѣжество и учащихъ и учащихся; ограничивъ чтеніе отцовъ церкви, онъ обратился къ Софоклу, Гомеру и Аристофану. Тогда это можно было дѣлать, такъ-какъ начальство, будучи само малограмотно, смотрѣло на дѣло ученя съвозъ пальцы: профессоръ въ классѣ, слѣдовательно все въ порядкѣ, *statu quo* не нарушенъ, лишь-бы не страдала администрація, а тамъ читай что хочешь. Постояннымъ разнообразіемъ и неожиданностью своихъ приемовъ, Черенасовъ не давалъ спать ни богословію, ни философіи и вскорѣ совсѣмъ почти уничтожилъ долбню, хотя повидимому только и говорилъ, что „наука эта сущій подлець: безъ долбни ничего не возмешь, потому ерунда. Анафемы эта сволочь, что пишетъ грамматики.“ А самъ между тѣмъ изъ самой сухой матеріи, каковы, наприм., синтаксическія правила, умѣлъ дѣлать если не чтонибудь интересное, то по крайней мѣрѣ смѣшное, и правило, съ удачно прибраннымъ примѣромъ, часто съ анекдотомъ, встать и умно рассказаннымъ, навѣки запечатлѣвалось въ памяти. Изъ общихъ фразъ и сентенцій, которыми переполнены руководства, издаваемые для російскаго юношества, онъ дѣлалъ что-нибудь новое, часто противоположное, напримѣръ: „Дверь отворена. Лягушки квакаютъ.“ Смѣхъ въ этомъ случаѣ не мѣшалъ дѣлу. Часто также пригонялъ онъ къ мѣсту пословицы, особенно хохлацкія, укоренившіяся съ тѣхъ поръ въ N-ской семинаріи. Чтобы лучше прививался Софокль, Черенасовъ заставилъ семинаристовъ перечитать всѣ существовавшіе тогда переводы Шекспира. Совѣтовалъ также знакомиться съ русскою литературою. Вообще и въ классѣ и на дому у себя нерѣдко бесѣдовалъ съ учениками, указывая особенно, что читать. Какъ долбня и бессмыслица ожесточаетъ и наставниковъ и учениковъ, такъ, напротивъ, хорошія и серьезныя вещи устанавливають въ этомъ случаѣ отношенія естественныя и добрыя. Вотъ потому Черенасову никогда не устраивали въ бурсѣ никакихъ скандаловъ, въ родѣ кошачьяго концерта, ни другихъ штукъ, какія заурядъ допускались съ другими педагогами. На классахъ его не было ни шуму, ни свисту, ни струнъ, натянутыхъ подъ партой. Все это не могло укрыться отъ стариковъ профессоровъ, и они вскорѣ посмо-

трѣли на новаго товарища косо. И они были правы; тѣмъ болѣе, что на своихъ классахъ стали все чаще замѣчать раскрытыя греческія книги или, что еще хуже, Гоголя и Лермонтова: ясно было, что богословія съ философіей и знать не хотятъ никакой тамъ патристики, ни герминевтики, ни гомилетики, а одинъ богословъ на классѣ нравственнаго богословія разъ вслухъ выразился, къ великому соблазну всѣхъ и особенно профессора, что „самъ Цицеронъ есть ничто иное, какъ ерунда, и вдобавокъ вредная“. За такое святотатство богослова чуть не выгнали (испугала только смѣлость мысли); но всего болѣе дѣло это повредило Евгению Михайловичу, ибо и начальство и многіе другіе стали поговаривать, что молодежь становится легкомысленна, что въ ней нѣтъ устойчивости; преподаваніе, толковали, должно быть солидно и стройно; зачѣмъ оно идетъ въ разладъ, когда требованія установлены вѣками, утверждены писаніемъ и отцами церкви? Какой нибудь молокососъ съ своимъ Шекспиромъ сбиваетъ съ толку молодые умы. Развѣ нужно попу знать Гамлета? Онъ долженъ приводить тексты, а не хохлація пословицы. На классахъ только и видишь одно безобразіе. Въ богословіи словно все хохлы сидятъ. Только и слышишь: „бисъ его батьку знае“ да „сто чортивъ ему въ хвистъ.“ Отецъ инспекторъ прямо говорилъ, что въ семинаріи завелись *непорядки* и долго на эту тему бесѣдовалъ съ ректоромъ по вечерамъ, какъ Орликъ съ Мазепой. Тутъ хотя и не упоминалось имя Черенасова, но ясно было, на какіе *непорядки* указываетъ инспекторъ. На всѣ разглагольствованія своего кліента, ректоръ отвѣчалъ только, что „все зависитъ отъ времени: надо пока подождать, а между тѣмъ послѣдить, за кѣмъ скажется надобность.“

Гроза собиралась уже надъ Черенасовымъ, но обстоятельства отвели ее на нѣсколько времени. Черенасовъ появился въ печати. Первую статью свою помѣстилъ онъ въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ. Она касалась духовныхъ училищъ. Семинарскій синьлиторъ прочелъ ее. Къ прежней неприязни присоединилось чувство зависти, ибо всякій предполагалъ, что на статью обратить вниманіе высшее начальство. Владыка N-ской епархіи былъ человекъ добрый, но слабый; всѣ дѣла онъ предоставилъ секретарю консисторіи, чтобы тѣмъ удобнѣе предаться кабинетнымъ занятіямъ; онъ былъ знатокъ греческой и римской литературы, свободно читалъ по-французски и

по-нѣмцѣи и въ то время занимался англійскимъ языкомъ; нерѣдко сидѣлъ онъ по цѣлымъ ночамъ, разбирая, съ помощью русскаго или французскаго перевода, Вальтеръ-Скотта или Диккенса; такимъ способомъ онъ быстро подвигался впередъ, во всякомъ случаѣ несравненно быстрее, чѣмъ шли дѣла его епархіи. Онъ не терпѣлъ ничего, что отзывалось администраціей, за то былъ великолѣпенъ въ служеніи, острякъ и юмористъ на обѣдахъ; его блистательные экспромты помѣщались въ христоматіяхъ и учились наизусть школьниками. Его дорогой хересъ, изысканная и роскошная обстановка привлекали къ нему весь высшій кругъ губернскаго города; его пѣвчіе славилась по Россіи. Онъ уважалъ всякій литературный трудъ и потому естественно долженъ былъ обратить вниманіе на статью молодого профессора. Онъ уже прежде зналъ Евгенія Михайлыча, какъ человѣка даровитаго, а главное, знающаго языки (владыка любилъ языкованіе); теперь же онъ не безъ удовольствія видѣлъ, что въ его семинаріи есть бойкое перо, владѣющее къ тому же историческими задатками; съ большою похвалою отозвался онъ о статьѣ. Въ тотъ-же вечеръ отецъ ректоръ съ инспекторомъ, доселѣ толковавшіе о необходимости перемѣнъ въ семинаріи, завели совершенно другую матерію, какъ будто и рѣчи промежъ нихъ о Черенасовѣ никогда не было: похваливши осетрину, что бралъ въ прошлую среду кафедральный у Черемушкина, они перешли вообще къ дороговизнѣ и затѣмъ долго рѣшали вопросъ: что лучше давать въ наступающей великій постъ семинаристамъ: горохъ или капусту? Только уже при разставаньи ректоръ замѣтилъ какъ-бы вскользь:

— А владыка, сказалъ онъ, — похвалилъ статью-то.

— Да, отвѣчалъ, надѣвая калоши инспекторъ: — скажи враже, якъ панъ каже.

Такимъ образомъ оправдались предположенія семинарскаго синклита, что на статью обратить вниманіе начальство. Старики остались въ тѣни. Кромѣ такъ-называемыхъ *положенныхъ* наукъ они ничего не знали, читали же „Московскія Вѣдомости“ да переводные романы Дюма; а одинъ профессоръ, котораго семинаристы за его лысую голову прозвали „бѣднымъ Юрикомъ“, и которому пора уже было „идти на замазку“, даже и этого не касался; у него была совсѣмъ особая библіотека, состоявшая изъ самыхъ маленькихъ кни-

жекъ. Онъ собиралъ ее лѣтъ двадцать и тѣмъ меньше была книжка (особенно любилъ онъ книжечки въ вершокъ), тѣмъ дороже онъ платилъ за нее, была-ли она „объ игрѣ въ преферансъ“ или „объ истребленіи клоповъ“. Вообще онъ любилъ все крохотное. Собиралъ, на примѣръ, гривенники, пятачки серебрянные, пятиалтынные, укладывалъ ихъ въ обычные столбики, и, завернувши въ бумажку, надписывалъ: пятачки, гривенники. Охотникъ тоже былъ онъ до маленькихъ картинокъ, и стѣны его маленькой квартирки были испещрены ими такъ, что рябило въ глазахъ. Онъ, надо замѣтить, любилъ сладкое, и въ маленькихъ столикахъ съ ящичками всегда лежали у него пряники, конфеты, жамки всякія; послѣ обѣда до самаго вечерняго чая онъ перелистывалъ какую-нибудь книжечку или, если успѣвалъ достать утромъ (онъ всегда съ утра объ этомъ заботился) мелкой серебрянной монеты разнаго калибра, то развертывалъ столбики, снова укладывалъ и, перемѣнивши бумажки, снова надписывалъ: гривенники—32, пятачки—58; среди этихъ занятій, когда сердце его нерѣдко замирало отъ восторга—это было въ тѣхъ случаяхъ, если много доставалъ онъ мелкаго серебра—онъ не забывалъ своихъ пряниковъ и постоянно жевалъ что-нибудь; тутъ нерѣдко попадалась ему конфета съ барыней или какимъ-нибудь туркомъ-наѣздникомъ: онъ тотчасъ-же бережно снималъ ее и откладывалъ въ особую коробочку, гдѣ уже много лежало подобныхъ картинокъ, а вечеромъ, послѣ чая, обклеивалъ золотымъ бордюрчикомъ, придѣлывалъ петельку и затѣмъ пришилавалъ булавкой на стѣну. Вотъ оттого и были такъ пестры стѣны, что рябило въ глазахъ. Въ комнаткахъ его вообще все было миниатюрно: на окнахъ крохотные горшечки съ цвѣтами; стулья низенькіе, диванчикъ—усѣсться двоимъ, коверчикъ передъ нимъ съ носовой платокъ; при этомъ все чисто и опрятно такъ, что хоть на ладонь-бы все это поставилъ да и любовался-бы: игрушечка — да и все! И самъ хозяинъ—маленькій, лысенкій, въ халатикѣ, съ своими гривенничками и пятачками, съ картинками и жамочками, какъ нельзя болѣе гармонировалъ съ своею крохотною, игрушечной обстановкой. Самая рѣчь его отличалась миниатюрностью: онъ всегда говорилъ: солнышко, пятачекъ, гривенничекъ, жамочка, стульчикъ, мужичокъ, курочка...

— Федосьюшка! говорилъ онъ, обращаясь къ кухаркѣ: —

подай халатикъ. Сапожки вычистила? Поставь самоварчикъ. Да вотъ тебѣ рубликъ, возьми сухариковъ, да сдачу, пожалуйста, серебрецомъ... Не будетъ давать, такъ табачку четверточку захвати... Хоть гривенничекъ серебрецомъ. Пятачокъ теперь и не нищи. Возьми, пожалуй, одну конфетку съ картиночкой... Да за нимъ вѣдь еще наша копеечка оставалась. А палочку мою повѣсила на гвоздикъ? Да дровецъ-то нынѣ побольше, а-то морозецъ. Завтра у насъ воскресеньице что-ль? Лампадошки смотри зажги.

Таковъ былъ старшій маленькій холостякъ, профессоръ патристики. Лѣтъ двадцать тому назадъ его натолепули-было жениться и дѣло началось уже ладиться, да какъ представилъ онъ себѣ, что, можетъ быть, неловко тогда будетъ считать гривеннички и жевать прянички, какъ пораздумался, что, можетъ быть, придется растратить скопленное серебро, да слѣпить картинки, да горшечки съ цвѣточками замѣнить цѣлыми горшками—такъ у него и руки опустились. Взялъ онъ святцы и часа три по нимъ молился Богу; прочелъ акафистъ Николаю угоднику и, укрѣпленный вѣрою, послалъ на другой день рѣшительный отказъ невѣстѣ.

Мы нарочно распространились о бѣдномъ Іорикѣ, такъ-какъ онъ одинъ не принималъ участія въ той ненависти, которую питали къ Черенасову другіе педагоги. Онъ былъ, такъ сказать, не отъ міра сего. Черенасовъ рѣдко ходилъ къ кому, но профессора патристики посѣщалъ частенько. Онъ уважалъ его за крайнее незлобіе и тишину душевную; Іорикъ отъ природы былъ, дѣйствительно, весьма добраго характера; любовь къ гривенничкамъ не была въ немъ корыстолюбіемъ; если у него накоплялись мѣдныя деньги, то онъ нерѣдко разбрасывалъ ихъ въ окно уличнымъ ребятишкамъ и любовался, какъ они дрались за деньги; всякаго, кто только приходилъ съ его родины и навѣщалъ его, онъ не отпускалъ безъ рубля, но только давалъ непременно бумажкою или мѣдью: серебра-же у него никакъ нельзя было вытянуть; это просто была манія ко всему маленькому — къ книжечкамъ, цвѣточкамъ, картинкамъ, пяточкамъ. Такимъ образомъ, его нельзя было назвать скупымъ; напротивъ того, онъ былъ гостеприименъ, любилъ угощать, и хотя самъ не пилъ, но для Черенасова всегда подавалъ графинчикъ водки, а иной разъ и два—и всегда съ приличною закускою. Товарищи смѣя-

лись надъ нимъ, почти презирали, ибо Іорикъ былъ существо совершенно безвредное, никогда не шпіонившее, ни на кого не доносившее; низопоклонство и рабство изъ остальныхъ профессоровъ создало какихъ-то взаимныхъ палачей, боявшихся другъ друга; если они сходились въ чемъ, то это въ ненависти къ Черенасову и въ презрѣніи къ вопеечному профессору (такъ обзывали они Іорика), который, дѣйствительно, и ростомъ и видомъ своимъ напоминалъ тѣ вопеечныя свѣчки, какія несутъ ниндія-богомолки, идя въ Кіевъ или въ Сергію. Черенасовъ оцѣнилъ этого добраго на рубли и скупого на гривенники профессора и лучше и вѣрнѣе. И не ошибся, какъ увидимъ впоследствии.

Встрѣтивши поддержку во владыкѣ, Черенасовъ, начинавшій невольно замѣчать, какъ шибко косится на него администрація, почувствовалъ себя свободнѣе. По настоянію владыки, онъ занялъ кафедру и латинскаго языка (если можно назвать кафедрой дырявое стуло съ торчавшею изъ подушки соломою). Прѣжнимъ профессоромъ затѣнули какую-то аполотетивку, оставашуюся до тѣхъ поръ праздною. Наступила самая блестящая пора дѣятельности Черенасова. Подъ покровительствомъ архіерея-классика лекціи его приняли характеръ университетскихъ чтеній. Онъ уже положительно не стѣснялся программой. Разинувши ротъ, слушали богословія и философія, какъ изображалъ онъ, напримѣръ, Цицерона, въ первый разъ занимающаго севаторское кресло, или рыжаго сутягу Катона въ спорѣ съ Сципіономъ Африканскимъ; рѣчи Брута и Антонія надъ прахомъ Цезаря (по Шекспиру) выучены были наизусть; исторія, являвшаяся по Кайданову въ видѣ какихъ-то суздальскихъ малеваній, принимала образы ясныя, отчетливыя, блестящія; да оно и не могло быть иначе, такъ-какъ источниками для нея служили теперь Шекспиръ, Тацитъ, Шлоссеръ и другіе въ томъ-же духѣ... Семинаристы какъ-бы инстинктомъ поняли тогда все непроходимое невѣжество тѣхъ, которые, какъ индюки надъ краснымъ сукномъ, сидѣли надъ всякими тамъ гомилетиками и герминевтиками. Спокойно пѣла теперь философія „Бандуру“ и отецъ инспекторъ только пожималъ плечами, а ректоръ повторялъ свое обычное, что „все зависитъ отъ времени“. Между тѣмъ Черенасовъ время-отъ-времени помѣщалъ свои статьи и переводы въ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“, принявшихъ, подъ вліяніемъ

образованнаго архіерея, нѣкоторый оттѣновъ смысла. Это еще больше упрочило его положеніе и онъ сталъ даже замѣчать, что у него заискиваютъ. Самъ владыка былъ у него на классѣ и остался доволенъ. Послѣ этого семинарское начальство, сначала какъ-бы мимоходомъ, а потомъ уже открыто, стало говорить, что въ семинаріи замѣчаются большіе успѣхи по древнимъ языкамъ. Съ его голосу запѣли и другіе. „Черенасовъ хоть и молодъ, однако съ тактомъ. Много трудится. Въ немъ, конечно, есть недостатки, да вѣдь кто безъ нихъ? Горячъ немало, но на это нужно время. Да и, наконецъ, хохлацкія пословицы—всякое знаніе не помѣха. Уходитъ, остепенится—какого намъ еще профессора нужно? Можетъ быть, еще хуже поступить. А этотъ не наущникъ—по крайности, хоть доносца не опасаться. А-то нашъ братъ больше все подлець да клязунивъ. Чѣмъ Никитка выскочилъ? То владыкѣ налететь, бывало, то ректору... Мы вружева-то эти знаемъ. Кто Бого-явленскаго съѣлъ? Никитка теперь небось четки перебираетъ да красное бутылками лупить, а Никанору охмѣлиться нечѣмъ. Коли дѣло-то разобрать, такъ подлець, выходитъ, хуже всего. Абрамка Сысоевъ то-ли не притворялся? И то, и се... А какъ на повѣрку пошло—всѣмъ шишъ показалъ. А души въ немъ не чаяли. Къ кому, бывало, идешь? Къ Абрамкѣ. Какже, любезный человекъ. Всѣхъ, бестія, надулъ! А съ Черенасовымъ можно жить. Что-жъ, что шибо идетъ? Намъ, старикамъ, пора на покой. Владыка не съ-бухта-барахта его любить. Завидовать тутъ нечему да и грѣхъ. Надо вотъ посѣтить его когда-нибудь, Евгенія Михайлыча-то, а-то онъ все одинъ, засидѣлся... Съ копеечнымъ много не разговоришься...“

Ободренный успѣхами, а также и посѣщеніемъ товарищей, прежде замѣтно чуждавшихся его, Черенасовъ и самъ сталъ появляться въ обществѣ. Общество это, конечно, состояло изъ своихъ-же профессоровъ. Евгенію Михайлычу поневолѣ пришлось теперь поближе познакомиться съ товарищами. Народъ оказался все темный, малограмотный (не надо забывать, что мы говоримъ о сороковыхъ годахъ), характера, впрочемъ, вполне установившагося, или, лучше сказать, установленнаго. Видно было, что какая-то невидимая сила царила въ этомъ кругу и давала всему направленіе и тонъ. Тутъ всякое слово сопровождалось чѣмъ-нибудь въ родѣ: такъ должно, такъ надлежитъ, такъ слѣдуетъ; новая мысль, новый предметъ

возбуждали прежде всего вопросъ, какъ на это смотреть начальство, что скажетъ владыка; споры допускались въ самомъ ограниченномъ видѣ, напримѣръ, изъ-за взятокъ во время преферанса, либо о цѣнѣ на хлѣбъ и именно, какая она была лѣтъ пять тому назадъ. Почетнѣйшимъ и важнѣйшимъ членомъ въ этомъ обществѣ считался секретарь консисторіи. Оно и неудивительно: у каждаго изъ профессоровъ чуть не по всей губерніи были разсѣяны родственники, кто попомъ, кто дьячкомъ, а секретарь, какъ мы видѣли, силу большую имѣлъ въ епархіи. Пока владыка читалъ въ подлинникѣ „Записки пиевикскаго клуба“, секретарь раздавалъ пособія, камилавки, ордена, посвящалъ въ попы, дьякона. Вотъ потому-то мѣсто для него всегда было на диванѣ, сидѣлъ онъ привольно, развалившись; чай ему подавался съ ромомъ, да не рублевымъ, а эдакъ отъ двухъ либо трехъ, между тѣмъ какъ прочіе пробавлялись визляркой; къ закускѣ подходилъ онъ первый; когда-же говорилъ, то всѣ слушали; а говорилъ онъ всегда такое дѣльное, умное: какъ, напримѣръ, готовится у владыки селедка съ лукомъ, у кого кафедральный заказываетъ сапоги и чѣмъ можно избавляться отъ рѣзи въ животѣ; самъ хозяинъ подавалъ его высокочелобивающую шубу, и его высокочелобивающее только мычалъ при этомъ что-то похожее на „не беспокойтесь“; самъ хозяинъ провожалъ сановитаго гостя за калитку, усаживалъ въ сани и закутывалъ сановнику ноги, затѣмъ напутствовалъ всякими пожеланіями блага, на что именитое лицо изъ окутывавшаго его воротника пускало какъ въ трубу что-то похожее на „бла-го-дар-ствую“. Проводивши *лицо*, хозяинъ возвращался въ комнаты весь сіяющій, радостный и довольный; онъ весело потиралъ руки и трепалъ по плечу вѣщнаго профессора, если этотъ оказывался на лицо; гости же глубокомысленно соображали въ это время, что-бы значило посѣщеніе сановника, ибо они по опыту знали, что оно почти никогда не проходитъ даромъ и что архіерейская селедка и сапоги кафедральнаго служатъ только отводомъ, прелюдіей, за которой послѣдуетъ самая пьеса, въ которой, какъ говорится, „воздастся коемуждо по дѣломъ его“. Вотъ потому для иныхъ и, разумѣется, для хозяина, посѣщеніе сановника было свѣтлымъ видѣніемъ, обѣщавшимъ пособіе или награду; другіе же усматривали въ этомъ посѣщеніи нѣкое зловѣщее предзнаменованіе, ибо, со-

ображая близость праздниковъ, понимали, что ихъ могутъ вычеркнуть изъ числа избранныхъ, такъ-какъ секретарь не посѣтилъ ихъ, не смотря на приглашеніе, и ромъ ямайскій остался втунѣ вмѣстѣ съ превосходнымъ балыкомъ и селедкою, приготовленною по архіерейски. Прехитрое дѣло это чиновничество! Стократъ блаженъ тотъ, кто постигаетъ его тайны! По улыбкѣ, по минѣ сановника, по тому — проводилъ-ли онъ тебя до передней или просто раскланялся, пустилъ-ли въ кабинетъ или вышелъ въ залу и оставилъ тебя у порога—привыкай, о юноша! предусматривать судьбу свою и устроить свое будущее. Соображай и то, о чемъ говорилъ онъ съ тобой. Помни архіерейскую селедку и сапоги кафедральнаго! О селедкѣ говорятъ въ хорошемъ расположеніи духа, сапоги—матерія неистощимая для пріятно-настроеннаго ума. Если уже начальство заговорило съ тобой о сапогахъ своихъ—значитъ, ты свой человекъ, твое дѣло въ шляпѣ.

Только по своему крайнему слабоумію Черенасовъ, посѣщая вечера и сталкиваясь съ секретаремъ, могъ видѣть въ этомъ сановникѣ такого-же титулярнаго совѣтника, какъ онъ самъ. Мало того, онъ позволялъ себѣ самія рѣзкія выходки противъ секретаря. Разъ, когда только-что проводили сановника и вошедшій хозяинъ торжественно во весь ротъ объявилъ: уѣхалъ! Черенасовъ замѣтилъ:

— Приѣдетъ еще! Крый, ховай погане, а воножь таки гяне.

Въ другой разъ другую пословицу примѣнилъ къ сановнику: Маленька галка, та ротъ великій.

О безсовѣстности секретарской въ присутствіи многихъ выразился: Плюнь ему въ вѣчи, а вінъ каже: „шежь двічи!“

И еще много было выходокъ со стороны нашего профессора; когда о нихъ передавали секретарю, то онъ только врыкалъ многозначительно, и лицо его принимало такое выраженіе, какъ будто онъ хотѣлъ сказать: ничего! мы это уладимъ.

Вообще на вечерахъ, въ компаніи, Черенасовъ не былъ остороженъ на слова: то сравнитъ кого чортъ знаетъ съ чѣмъ; либо пословицу пригонитъ неприличную и обидную. Профессоръ нѣмецкаго языка составлялъ, напримѣръ, лѣтъ ужъ десять нѣмецкую грамматику для семинарій. Однажды зашелъ разговоръ объ этомъ. Профессоръ сказалъ, что руководство его выйдетъ обширное и довольно толстое. Черена-

совъ замѣтилъ на это, что нѣмецкій языкъ идетъ слабо теперь оттого, что грамматикѣ маленькія и отъ употребленія до того истрепались, что бей ими по головѣ сколько угодно—толку все не будетъ, а вотъ какъ Петръ Степанычъ напишетъ намъ руководство фунтовъ отъ пятнадцати да отдастъ въ хорошій переплетъ—покрѣпче, то можно будетъ пронять какую хочешь башку.

— Знаете-ли какъ зовутъ нашего нѣмца? сказалъ однажды Черенасовъ.

— Какъ? спросили.

— Иоганнъ-Карль-Марія-Фердинандъ-Петръ—Степанычъ.

Нѣмецъ, разумѣется, морщился.

Уши у Думкофа (фамилія нѣмца) сверху были какъ-бы подрѣзаны: въ семинаріи звали его карнаухимъ. Черенасовъ, выпивши, объяснилъ это тѣмъ, что нѣмецъ происходитъ отъ того Малха, у котораго апостоль Петръ урѣзалъ ухо.

— Какъ фамилія вашего нѣмца? спросилъ кто-то изъ постороннихъ у Черенасова.

— Не помню, право—какой-то Копфъ, кажется, Шварцъ-копфъ, отвѣчалъ онъ.

И другимъ доставалось отъ нашего профессора.

О преподавателѣ словесности онъ выразился однажды, что развѣ лѣтъ черезъ двѣсти явится другой Шлѣцеръ и объяснить намъ, что теперь читаетъ Еремей Федорычъ.

Инспектора назвалъ составомъ изъ Фальстафа и Тартюфа, переложенныхъ на русско-татарскіе нравы. Этой шутки, впрочемъ, не поняли.

Былъ одинъ профессоръ лохматый, никогда нечесавшійся: издали можно было подумать, что онъ въ шапѣ.

— Ступай, сказалъ ему Черенасовъ—въ поны: скуфья ужъ у тебя есть.

Отъ этихъ и подобныхъ выходовъ нерѣдко происходили сцены, особенно съ нѣмцемъ.

— Вы меня называете десятью именами, сказалъ однажды Думкофъ:—вы меня обижаете.

— Ну такъ я васъ буду величать по батюшкѣ, отвѣчалъ Черенасовъ:—Степанычъ, Карлычъ, Иоганнычъ, Маринчъ.

Что было отвѣчать нѣмцу?

Разумѣется, если-бы такія выходы были въ порядкѣ вещей и остроты отражались остротами, то никто и не обратилъ-бы

на нихъ вниманія, но семинарскій синельить представлялъ нѣчто въ родѣ мутной лужицы гдѣ-нибудь въ тѣни у забора, а выходы Черенасова затрогивали ея педантическую плѣсень, вспрыскивали, такъ сказать, дождичкомъ. Разумѣется, это не нравилось; лужа, привыкшая къ покою и больше всего дорожившая имъ, теперь шибко волновалась. Къ тому-же въ пылу разговора выпивалась лишняя рюмка, языкъ становился развязнѣе, выходы рѣзче, — и Евгеній Михайлычъ не замѣтилъ, какъ въ короткое время успѣлъ затронуть всѣхъ и важдого и нажилъ себѣ множество враговъ. Нѣмецъ грозился писать въ Петербургъ, гдѣ у него была протекція, именно родной дядя состоялъ на службѣ подмастерьемъ у булочника фон-Шнабса. Пока нѣмецъ страдалъ дядею, Словесность намекала о какомъ-то отцѣ Паисіи, келейникѣ у одного именитаго лица въ Москвѣ; Герминевтика грозила протопопомъ, Апологетика протодьякономъ; все это всполошилось и вошло въ оупѣвшей памяти, отыскивая, нѣтъ-ли какого-нибудь монаха, попа, протопопа, дьячка что-ль, которымъ-бы можно было отписать о всемъ неблаголѣпнн духовно-семинарскаго чина въ городѣ N. Надо сказать, что столичное духовенство играетъ большую роль въ провинціи. Дьячокъ родственникъ въ столицѣ — составляетъ уже протекцію почище нѣмецкаго подмастерья. Но если уже петербургскій дьячокъ или московскій звонарь, затесавшись въ провинцію, говорятъ все о митрополитахъ да о разныхъ протопресвитерахъ, толкують о духовныхъ порядкахъ такъ, какъ будто-бы имѣли кресло въ сунодѣ, и при этомъ могутъ быть увѣрены, что будутъ пьяны съ утра до вечера на чужой счетъ,—то можно себѣ представить, какъ красивъ петербургскій попъ въ провинціи. Сидитъ онъ на почетномъ мѣстѣ; видъ такой важный, словно вотъ архіепископъ кентерберійскій въ парламентѣ. Ему, какъ секретарю, чай съ ромомъ; въ передней, слышно, откупоривается бутылка хересу. Передъ попомъ стеариновая свѣча (обыкновенно жгутъ салныя); на попѣ шелковая зеленая ряса; кругомъ въ тѣни, на низенькихъ стульяхъ, тихо вдыхая, притаились какія-нибудь темныя сельскія рясы, дѣлающіяся еще темнѣе отъ ярко-освѣщеннаго столичнаго гостя; гость знаетъ, что все это народъ темный, малосвѣдущій и потому словъ много не тратитъ: скажетъ да по молчитъ. Помолчавши и отхлебнувши пуншу, протянетъ: да-а! Это зна-

читать, что мысль прежняя все еще идетъ. Темный народъ, вздыхаетъ и проникается все большимъ и большимъ благоговѣніемъ. Изрѣдка какая-нибудь сѣрая ряска тихо проскользнетъ въ переднюю, перехватитъ наскоро рюмку водки и опять спѣшитъ на свое мѣсто, поелику его благословеніе начало говорить. Оно говоритъ отрывочно, фразами: въ провинціи это придаетъ вѣсь словамъ. Его петербургское благословеніе говорить о снудѣ.

„Готовятся реформы. Онъ это знаетъ. Секретарь ему кумъ и давно. Крестить уже пятого. Обѣщался тоже вице-директоръ крестить. Анна первой степени и въ непродолжительномъ времени тайный.“

Попы между тѣмъ напряженно слушаютъ пресвитера.

Но вотъ его благословеніе остановилось: ковыряетъ въ зубахъ.

Всѣ ждуть. Каждому любопытна государственная тайна.

— Отцу Петру разрѣшено служить.

Раздается общее „А!“ и бороды кругомъ выставляются изъ тѣни ближе къ свѣту.

— Да-а! говоритъ пресвитеръ, торжественно оглядывая собраніе.

— Сважи-ите! слышится гдѣ-то въ углу, и бороды прячутся въ тѣнь.

Общая пауза.

— Отецъ Сидоръ отошелъ къ праотцамъ.

Опять общее „А“ и появленіе бородъ.

— Да-а!

Исчезновеніе бородъ.

Тишина.

Петербургъ опять ковыряетъ въ зубахъ. Изъ провинціи слышатся вздохи.

— Да! реформы немалыя, говоритъ Петербургъ.

— Дай Боже! вздыхаетъ провинція, выпячивая на свѣтъ бороды.

Петербургъ молчитъ и прихлебываетъ пуншъ.

„Хоть-бы водку скорѣ подали!“ думаетъ провинція и опять прячетъ бороды. Въ ожиданіи государственной тайны, она сидитъ на-сухую.

Подаютъ наконецъ водку и закуску. Провинціи на смерть.

заказано прикасаться къ хересу: онъ назначается исключительно для пресвитера.

Бесѣда продолжается въ прежнемъ духѣ: вздохи, длинныя „А-а!“ и продолжительныя паузы.

Пресвитерь, наконецъ, собирается домой. Все общество провожаетъ его за ворота. Хозяинъ спѣшитъ убрать со стола хересь.

Компанія толпится около воды и замѣтно оживляется. Всякій чувствуетъ, что видѣлъ особу, посвятился, такъ сказать, во что-то высшее, государственное, выросъ на пол-вершка. Все волнуется, шумитъ, спѣшитъ вставить свое слово. Можно уловить, наконецъ, однѣ отдѣльныя фразы и восклицанія.

- Вѣдь кумъ секретарь-то!
- Анна первой степени! Что еще толковать!
- Вотъ тебѣ и Сидоръ!
- Всѣ сдохнемъ.
- Стой-ка, я выпью.
- Хо-хо-хо! И что это за городъ Питерь!
- Гдѣ сельди бралъ?
- Да говорятъ тебѣ самъ директоръ.
- Боже ты мой, Господи!
- Игра хоть куда.
- Пятаго крестить, глухъ что-ль ты?
- Былъ что-ль онъ прошлый-то годъ?
- На самыя Абулины. Мишута еще скуфью получилъ.
- Говорятъ тебѣ: какъ шутъ въ вершу.
- Это такъ.
- Съ самой колокольни.
- Что это, Боже, никакъ не продерешься въ воде!

Такъ вообще оживляется бурса подъ вліяніемъ высокаго гостя. Такое глубокое уваженіе питаетъ она къ своимъ петербургскимъ собратамъ по ремеслу. Потому неудивительно, что вся N-ская семинарія, въ своей общей ненависти къ Черенасову, грозила обратиться къ столицѣ. Тамъ, кромѣ духовнаго, представлялся для бурсы и другой видъ протекціи—свѣтскій, тоже достойный замѣчанія, какъ типъ подготовленный бурсой. У всякаго профессора отыскивался тамъ какой-нибудь дальній родственникъ, товарищъ-однокурсникъ, за то и бывший ученикъ, успѣвшій проложить себѣ дорожку

настойчивостью и терпѣніемъ: пришедши въ столицу пѣшкомъ, онъ въ короткое время соорудилъ изъ головы своей столь превосходный чиновничій аппаратъ, что кажется будто родился столоначальникомъ. Стоитъ-ли онъ на рождество въ обѣднѣ, посматривая искоса на своего начальника, цѣлуется-ли объ святой съ женою, надѣваетъ-ли орденъ передъ зеркаломъ, читаетъ-ли въ праздникъ о производствахъ или какую-нибудь книгу нравственную, чтобы почерпнуть изъ ней хорошія правила—ездѣ и во всемъ онъ столоначальникъ „отъ головы до ногъ“. И семинаріи высылали когда-то такихъ господъ дюжинами. Ездѣ, гдѣ требовалось отсутствіе личности и дѣятельность безъ смысла и цѣли, являлись такіе какъ-бы самой природой созданные столоначальники—особый типъ, который не должно смѣшивать съ такими-же героями провинціального свойства. Въ провинціи больше силы, жизни, энергіи, пьянства; взглядъ шире; пакостныя штуки смѣняются иногда великодушными порывами; несравненно больше смѣлости и свободы въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ; но строго-опредѣленная копеечная нравственность петербургскаго столоначальника въ какомъ-нибудь департаментѣ, его куринный взглядъ на все, кромѣ своего стола, его вѣчный разговоръ о своемъ департаментѣ, какъ о какомъ-то седьмомъ вселенскомъ соборѣ—все это невольно подавляетъ духъ вашъ. Разберите самую рѣчь его: слова—докладъ, отношеніе, подшить къ дѣлу, сейчасъ-съ, будетъ исполнено-съ, далѣе табель о рангахъ и титулы, которыми онъ величаетъ свое начальство—вотъ все незначительное содержаніе столоначальническаго лексикона. Самыя удовольствія тутъ строго опредѣлены, какъ часы службы. Въ табельный день столоначальникъ нашъ выпиваетъ послѣ обѣда бутылку пива. Въ воскресенье идетъ въ театръ. Онъ любитъ пьесы правоучительныя: „Жизнь игрока“, „Материнское благословеніе“; изъ комедій предпочитаетъ „Азъ и фертъ“, „Левъ Гурычъ Синичкинъ“; изъ оперъ „Аскольдову могилу“. Разъ въ году, именно на масляницѣ, онъ непременно уже покупаетъ свѣжую игру для блиновъ и угощаетъ своего ближайшаго начальника, который причмокиваетъ и оцѣниваетъ хересь, хвалитъ мимоходомъ квартиру, а если хозяйка недурна, то отпускаетъ комплименты (онъ тоже изъ бурсаковъ); напримѣръ, на замѣчаніе, что блины, кажется, не удались—онъ, обращаясь къ хозяйкѣ, сладко отвѣчаетъ:

— Въ вашемъ присутствіи все удастся.

— Не угодно-ли вина?

— Изъ вашихъ прелестныхъ ручекъ можетъ-ли быть что-неудобно?

Онъ слышалъ, какъ эти самые комплименты говорилъ его женѣ, тоже на масляницѣ за блинами, его начальникъ. Онъ запомнилъ ихъ точно также, какъ запомнить теперь столоначальникъ и будетъ на другой день отпускать ихъ въ такъ-называемомъ „своемъ кругу“, гдѣ онъ тоже играетъ видную роль и можетъ не стѣсняясь молоть всякій вздоръ, подобно своему начальнику. Впрочемъ, съ низшими себя онъ любитъ принимать и глубокомысленный тонъ. Разумѣется, тутъ онъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, говоритъ о своемъ департаментѣ.

Онъ говоритъ, напимѣръ, что въ ихъ департаментѣ готовятся большія реформы. Это значить, что будутъ перекрашиваться стѣны или перекладываться печи. О другихъ реформахъ онъ не имѣетъ понятія.

Онъ говоритъ, что капитальная стѣна не будетъ тронута, но внутреннее расположеніе измѣнять. Столъ его придется у самыхъ дверей. Кромѣ того заказаны новыя подушки для стульевъ—мягче и покойнѣе.

Вообще онъ говоритъ, что перемѣны и улучшенія должны послѣдовать большія.

— Входъ у насъ, какъ вы знаете, налѣво (это онъ вдается въ подробности реформъ): когда передѣлаютъ лѣстницу—вы снизу, прямо по ступенькамъ, будете подходить къ двери. Вы отворите дверь. Прежде вы должны были взять направо, но при настоящей реформѣ вы прямо изъ передней, снявши шинель, идете въ залу, а коридора уже не будетъ. Это статья весьма важная.

Далѣе онъ перечисляетъ опять залы и коридоры, въ которыхъ уже начались реформы; что-же касается до того отдѣленія, гдѣ его столъ, то препятствіе теперь только со стороны министерства финансовъ. Оно не утверждаетъ смѣты, потому-что тамъ идутъ такія-же реформы и улучшенія.

Таковъ еще типъ, приготовляемый съ избыткомъ бурсой. Разумѣется, въ Петербургѣ онъ шлифуется, сглаживается, принимаетъ видъ порядочности, но дѣло бурсы все-таки не пропадаетъ: отупѣніе и рабство мысли сопровождаютъ столоначальника часто дальше. Къ нему опять уже можно тог-

да примѣнить то прозваніе, которое дано еще было ему въ семинаріи. Вслѣдствіе какой-то безличности и отсутствія какихъ-либо замѣтныхъ чертъ въ характерѣ и фізіономіи, въ бурсѣ вѣчно позабывали, какъ зовутъ нашего столоначальника, и потому какой-то шутъ крикнулъ ему однажды: эй ты! Кузьма-Федоръ-Иванычъ! Съ тѣхъ поръ онъ и изъ бурсы вышелъ все Кузьма-Федоръ-Иванычъ. Получилъ онъ потомъ и Станислава второй степени, а все остался Кузьма-Федоръ-Иванычъ. Теперь вотъ онъ и генераль—а все-таки виднѣнъ въ немъ Кузьма-Федоръ-Иванычъ. Мы говоримъ генераль, такъ-какъ слово столоначальникъ не должно быть принимаемо въ этомъ случаѣ буквально: сущность въ томъ, что сдѣлайте вы Кузьму-Федоръ-Иваныча хоть министромъ, вы перемѣните только мундиръ и титулъ, столоначальникъ же останется во всей своей силѣ и министерство будетъ для него тотъ-же *столъ съ своими входящими и исходящими*. Онъ будетъ видѣть въ немъ коридоры, залы, мягкія подушки, затѣвать реформы относительно дверей направо и налево, вся разница будетъ въ томъ, что онъ чаще станетъ покусать иеру и смѣлѣе говорить комплименты! Сдѣлайте его конюхомъ — и въ конюшнѣ тотчасъ-же заведется *столъ со входящими и исходящими*. Кузьма-Федоръ-Иванычъ вездѣ останется вѣренъ самому себѣ.

Но въ провинціи гуси эти не безъ вліянія, и N-ской бурсѣ вскорости пришлось увидать такого Кузьму-Федоръ-Иваныча въ стѣнахъ своихъ.

Неизвѣстно уже почему—было-ли донесено или и сами собой достигли куда слѣдуетъ (не умѣемъ тоже сказать куда) слухи о положеніи дѣлъ въ N-ской семинаріи, только вскорѣ по отбытіи владыки-классика, получившаго архіепископство, въ новую свою епархію, явился въ городъ N одинъ изъ тѣхъ столоначальниковъ, о которыхъ мы упомянули: данное ему порученіе состояло въ общемъ обзорѣнн духовно-учебныхъ заведеній N-ской епархіи. Можетъ быть, эта внезапная ревизія назначена была потому, что новаго владыки еще не назначали и въ епархіи было, такъ сказать, междуцарствіе, а цемудрено и то, что за множествомъ дѣлъ тамъ, гдѣ слѣдуетъ (тоже не умѣемъ сказать гдѣ) долго не обращали особаго вниманія на нашу бурсу, справедливо полагая, что на

самомъ дѣлѣ ничего и не могло быть важнаго, и только для очистки совѣсти рѣшились наконецъ какъ-нибудь распорядиться: надо было удовлетворить провинцію да и поугатъ немного, чтобъ поотбить охоту къ разнымъ жалобамъ и докукамъ, беспокоящимъ высшее начальство. Выбрали для этого столоначальника образцоваго. Больше всего заботились, чтобъ новый Кузьма-Федоръ-Иванычъ имѣлъ видъ важный, внушительный, чтобъ въ голосѣ слышалась строгость, а въ глазахъ отражалось глубокомысліе. Умный человекъ не наведетъ страху, потому нарочно выбирали эдакаго *окръпшаго въ правилахъ*, по русскому выраженію *тетерю*: черезъ это осанка и видъ становились гораздо внушительнѣе. Объ немъ справедливо полагали, что хоть пугнаго онъ ничего и не сдѣлаетъ, за то страхъ наведетъ, какъ и всякое чучело. Къ тому-же внезапность ревизіи встряхнетъ немного бурсу. Бурса дѣйствительно встрепенулась. Начальство вообще хорошо понимаетъ, что такія экстренныя ревизіи не бесполезны. Онѣ держатъ подчиненныхъ въ трепетномъ ожиданіи чего-то, возбуждаютъ съ одной стороны страхъ, съ другой — надежды; біеніе чиновничьяго пульса ускоряется, прорѣхи за общей суматохой незамѣтнѣе; все, глядишь, чешетъ голову, чиститъ сапоги, вытрезвляется; все задаетъ себѣ вопросъ: что-то будетъ? Никому и въ голову не приходитъ, что въ сущности будетъ та-же канитель изъ оперы „Тяни козла за хвостъ“, на мотивъ: будь почителенъ. Встрепенулась, говоримъ, и бурса, прочкалась, провѣтрилась. Кто наканунѣ былъ пьянъ—вытрезвился. Началась ревизія. Кузьма-Федоръ-Иванычъ прежде всего осмотрѣлъ стѣны, освѣдомился, когда въ послѣдній разъ перекладывали печи, замѣтилъ также, что коридоръ узокъ и не худо-бы ходъ сдѣлать налѣво. Сопровождавшее его начальство почитательно и даже склонивъ немного голову выслушало по этому поводу, какъ устроены залы и какіе подоконники въ его отдѣленіи.

Библіотекой сановный столоначальникъ остался доволенъ: Кирилль Іерусалимскій, Ефремъ Сириинъ, Діонисій Ареопагитъ, Иринеи—все было въ полномъ составѣ и порядкѣ; переплеты прочные, кожаные. Только указавши на одно треснувшее въ штапѣ стекло, онъ щелкнулъ по немъ двумя пальцами и замѣтилъ: разбито, да заглянувъ въ углы, сказалъ: пыль. Затѣмъ осмотрѣлъ подоконники. Ревизія вообще шла

довольно быстро. Въ передней Кузьма-Федоръ-Иванычъ поморщился, потянулъ воздухъ: пахнетъ, сказалъ. Въ слѣдующей комнатѣ указалъ на потолокъ: сырость; въ другомъ мѣстѣ ковырнулъ пальцемъ краску: отпадаетъ.

Только въ главной залѣ онъ немного замедлилъ и даже растрогался: передъ образомъ горѣла лампада.

— Неугасимая? спросилъ онъ.

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Хорошо. Хорошо.

Затѣмъ началъ было рѣчь какую-то, въ родѣ того:

— Религія... это вообще... такое дѣло, которое...

Тутъ онъ остановился и вздохнулъ.

За нимъ вздохнули всѣ и нѣсколько времени стояли молча, поднявъ въ умиленіи глаза къ образу.

— Это вліяетъ, внушительно началъ ревизоръ: — если-бы это не вліяло, то безъ этого, строго говоря, куда жь-бы мы дѣвались? добавилъ уже онъ обыкновеннымъ разговорнымъ тономъ, взглянувъ на ректора.

Ректоръ слегка наклонилъ голову.

— Теперь куда?

— Въ классы, ваше пр—ство.

— А!

— Тутъ вотъ сейчасъ будетъ классъ исторіи.

— Хорошо.

— Преподаватель Андруцкій.

— А!

— Усердный преподаватель, ваше пр—ство.

— Хорошо. Хорошо.

И процессія вошла въ классъ къ профессору исторіи.

— Что у васъ? спросилъ генераль у профессора.

— Пелопонезская война, ваше пр—ство.

— А!

И ревизоръ сѣлъ рядомъ съ ректоромъ.

— Прикажете продолжать, ваше пр—ство?

— Да, да. Хорошо.

— Силоамскій! вызвалъ профессоръ.

Силоамскій всталъ.

— Пелопонезская война, отрѣзалъ онъ заглавіе.—Соперничество Афинъ и Спарты, соединившихся при общей опасности, когда дикіе и необразованные персы...

Тутъ ректоръ съ ревизоромъ начали разговаривать о чемъ-то вполголоса.

Замѣтивъ это, профессоръ помѣстился такъ, чтобъ ему слышенъ былъ отчасти отвѣтъ ученика и не терялась-бы нить разсказа, отчасти долеталъ-бы и говоръ начальства.

Боясь упустить и то и другое, историкъ, какъ заяцъ, направляя уши то въ ту, то въ другую сторону.

— Увеличившаяся между враждующими сторонами распря, звонилъ Силоамскій.

— У владыки Мефодія? спрашивалъ тихо ректоръ.

— Новые столы, да! отвѣчалъ ревизоръ.

— Къ несчастію афинянь...

— Сукно отъ пяти рублей.

— Алкивиадъ при всѣхъ своихъ талантахъ.

— Коридоръ налѣво.

— И присовѣтовалъ спартанцамъ заложить вѣрность.

— Тутъ-же кабинетъ.

— Въ это время двѣ партіи спорили въ Афинахъ, звонилъ Силоамскій.

— И если-бы по смѣтѣ утвердили намъ подоконники, продолжалъ ревизоръ.

— Партія Никія желала мира.

— Мы тотчасъ приступили-бы къ ватеръ-клизотамъ.

— Къ сожалѣнію Никій и Ламахъ попали въ плѣнь.

— А Іоанникій что-жь? спрашивалъ ректоръ.

— Я покажу, сказалъ онъ, афинянамъ, что я еще живъ.

— Тутъ рядомъ у него двѣ комнаты, говорилъ ревизоръ.

— И война приняла другой оборотъ.

— Глади въ оба, замѣтилъ ректоръ.

— Успѣвши, съ свойственною ему хитростью, обмануть стражей.

— Геромонахъ Трифонъ.

— И съ нимъ Фразибулъ и все войско.

— Двери подъ потолокъ.

— Одѣляли его вѣнцами.

— Съ мѣдными задвижками!

— Въ это время Афины представляли зрѣлище.

— Отъ пяти рублей! прислушивался историкъ.

— Но вскорѣ по легкомыслію Алкивиадъ потерялъ значеніе.

— И въ отхожемъ мѣстѣ? спрашивалъ ректоръ.

— Да. И въ ватеръ-кюветѣ, отвѣчалъ ревизоръ.

— Лизандръ-же разрушилъ афинскія стѣны.

— Дать два съ четвертью и дѣло съ концомъ.

Тутъ историкъ потерялъ обѣ нити, видимо утомился и нѣсколько времени ничего не слышалъ. Мало-по-малу онъ однако пришелъ въ себя и принялся за ту-же работу. Работа поистинѣ была каторжная. Потъ уже проступилъ на лицѣ профессора, а начальство все еще разговаривало, и вдобавокъ перемѣнило тему.

— Въ это время Алкивиадъ, звонилъ Силоамскій.

— Принималъ пилюли, напряженно ловилъ историкъ.

— И сидѣлъ запершись въ маленькой хижинѣ.

Ревизоръ поднялся.

— Онъ, кажется, понимаетъ, сказалъ онъ, указывая на Силоамскаго.

Профессоръ поклонился.

— Да, продолжалъ глубокомысленно сановникъ: — это у васъ исторія... Общая, такъ сказать, наука. Зерцало вѣковъ... и мы безъ исторіи, безъ этого, можно сказать, всеобщаго... Какъ, напримѣръ, не знать намъ, въ которомъ году было такое-то и такое-то событіе? Это есть всеобщее, неизбежное и безъ этого... Не такъ-ли? обратился онъ къ ректору.

Ректоръ наклонилъ голову.

— Теперь куда? спросилъ ревизоръ, повертываясь къ дверямъ.

— Классъ герминевтики, ваше пр—ство.

— А!

— Почтенный профессоръ, ваше пр—ство, заслуженный...

— Да? Хорошо. Хорошо.

И процессія двинулась на классъ герминевтики. Мы говоримъ процессія потому, что ректоръ, зная по опыту, какъ люди, подобные нашему ревизору, любятъ вообще апломбъ и большую свиту, созвалъ все, что оставалось свободнымъ въ семинаріи: профессоровъ, незанятыхъ на урокахъ, письмоводителя, эконома; инспекторъ, разумѣется, присутствовалъ тутъ, какъ начальникъ и былъ ближе всѣхъ къ высокому гостю: онъ шелъ какъ разъ сзади ректора. Весь этотъ кагалъ двигался вереницей изъ класса въ классъ и все должно было стоять во все время, кромѣ ревизора и ректора.

На классѣ герминевтики повторилась та-же сцена, что на исторіи.

Вообще, какъ только дѣло касалось учебной части, ревизоръ принималъ глубокомысленный видъ, повторялъ свои обычныя: „А!“ „Хорошо. Хорошо“ и „куда теперь?“ Только въ концѣ своего посѣщенія онъ на каждомъ классѣ говорилъ обыкновенно нѣсколько вѣскихъ значительныхъ словъ о наукѣ вообще, въ родѣ тѣхъ, какія высказаны были на классѣ исторіи. Больше всего онъ упиралъ на то, „что это (т. е. наука какая-нибудь) есть, такъ сказать, всеобщее, неизбѣжное и безъ этого, строго говоря... Не такъ-ли?“ обращался онъ къ ректору. И затѣмъ: „Куда теперь?“ и, та-же канитель.

Надо, впрочемъ, сказать, что начальство распорядилось тутъ умно. Оно именно выбирало ревизора безъ особенныхъ претензій на ученость и во всемъ, что касается наукъ, человѣка скромнаго.

Ревизія продолжалась дня три. Сановникъ всѣмъ остался доволенъ, вездѣ говорилъ: „хорошо, хорошо“, только къ Черенасову совсѣмъ не пошелъ на лекцію. Было-ли это у него въ особыхъ инструкціяхъ, или самъ онъ распорядился такъ, неизвѣстно.

Ломали голову, что-бы это значило. „Удержится-ли послѣ этого Черенасовъ? Начальство тонко дѣйствуетъ. Фактъ на лицо. Не пошелъ на классъ. Что значитъ? Всѣмъ доволенъ, благодарилъ. Отецъ Федоръ совсѣмъ было провалился на Златоустъ—самъ поддержалъ. Гляди еще скуфью приплеть“. И всякій радовался въ душѣ, что Черенасовъ не только сравненъ теперь съ остальнымъ людомъ, но еще и униженъ. „Нѣтъ, толковали: это, братъ, тебѣ не владыка. Тотъ тебѣ мирволилъ, а этотъ вонъ какъ повернулъ. Да. Не все хохлацкія пословицы — пора и за дѣло“. И толковали о дѣлѣ. „Въ нашей наукѣ, говорили, — не возьмешь такъ, тяпъ да ляпъ, а ты потрудишь, подолби — мы сами все это прошли, прочешь всякій сѣумѣеть, а ты наизусть выдолби... Насъ бывало какъ вздерутъ, такъ и знаемъ. А то читать! Вѣдь это только слово одно, что долбня, а подикось, возьми безъ нея—анъ пиши! Ничего не сдѣлаешь. Читать!“ Говорили и о чтеніи. „Развѣ это трудъ? Я тебѣ пожалуй въ два дня всего Шекспира окончу, да на что онъ мнѣ, спрашивается?“

Развѣ я къ тому призванъ? Мыслить насъ и безъ Шекспира учили и мы тоже вынесли кой-что... Такъ будто все и олухи. Хочешь цѣлый акафистъ наизусть скажу? Да не переводя духу, коли на то пошло... Да. Это что! Бывало въ одну ночь двадцать четвертокъ *своего* накатаешь... А откуда? Изъ головы все“.

„Да развѣ у насъ нѣтъ своихъ Шекспировъ? увлекались нѣкоторые:—Постоймъ. Вотъ тебѣ Ломоносовъ, Державинъ, гениальный Карамзинъ... Кто выдумаетъ такую штуку: О ты, пространствомъ безконечный! А? Это, братъ, не шекспировщина твоя, а хватай выше!“

Были толки и о ревизорѣ, особенно со стороны людей благочестивыхъ, любящихъ все торжественное, церемоніальное. „Особа, вполне особа, говорили одни.—А умще-то? Что это, Господи, какъ иной разъ одаренъ человекъ. Освѣжаешься, воскресаешь, такъ сказать, какъ видишь передъ собой что-нибудь эдакое... Да что говоритъ! Тактъ, благomyслие, благочестіе... Взглянуть-ли, спросить, сказать что—все это у него встаетъ, къ мѣсту;—учиться, учиться у такихъ людей!“

„Остановился передъ иконой, толковали другіе,—это, говорить, у васъ икона? Отвѣчаемъ. Это у васъ лампада? Отвѣчаемъ. Помолчалъ эдакъ. Неугасимая? говорить. Отвѣчаемъ. Вздохнулъ. „Религія, говорить, это есть всеобщее, неизбѣжное...“ Удивительно вообще!“

„А на классахъ, подхватывали,—что за умъ! лишняго слова не проронилъ. Скажетъ только: „А!“ ну ты и понимай тамъ. И все это: хорошо, хорошо, говорить. Черенасова, конечно, обидѣлъ, ну да вѣдь что-жь? Сама себя раба бьетъ, коль нечисто жнетъ“.

Припоминали и мелочи. Даже о штанахъ ревизорскихъ говорили не безъ умиленія.

— А замѣтилъ, какая у него шляпа? шла, напиримѣръ, бесѣда.

— А что?

— Ну, коли не видалъ, нечего съ тобой и толковать.

— Штаны-то, штаны-то, братцы...

— Да вѣдь генераль!

— А ходить-то, ходить-то?

— Козыремъ.

- На то сила.
 — И власть, сважи. Мы съ тобой такъ не пройдемъ.
 — А что, господа, замѣчательнѣй всего: видѣли у него на щекѣ бородавку?
 — Ну?
 — Все пощипываетъ, все пощипываетъ.
 — А!
 — Да!
 Всѣ помолчали.
 — А другой рукой по колѣннѣ гладить, замѣтилъ кто-то.
 — Это у нихъ у всѣхъ.
 — Что?
 — Да такъ, что-нибудь гладить. Иной по брюху, иной...
 — Врешь! брюхо никто не гладить.
 — Самъ видѣлъ одного. Ей-богу!

Словомъ, бурса съ мѣсяцъ толковала все объ ревизіи. Проводивши сановника, она вообще развернулась. Кто запилъ, а кто и безъ запоя напивался ежедневно пьянъ. Собирались по вечерамъ, играли въ карты. Всѣ, между тѣмъ, предполагали, что Черенасовъ скоро будетъ уволенъ. Поэтому стали къ нему ласковѣе, нѣкоторые даже искренно сожалѣли о немъ, такъ-какъ большею частію были въ добромъ, пьяномъ расположеніи духа; но когда одинъ очень уже поусердствовалъ въ этомъ отношеніи и, сидя у самаго графина, вздумалъ-было утѣшать Черенасова и заболталъ всякій вздоръ въ родѣ того, что не должно отчаяваться, все Богъ дастъ уладится, то бурса не мало удивилась, когда увидѣла, что Черенасовъ и не думаетъ отчаяваться: онъ, напротивъ, громко засмѣялся и даже оскорбилъ всю бурсу, выразившись о ревизорѣ, что онъ, надо полагать, былъ прежде гдѣ-нибудь кучеромъ. Всѣ приняли это какъ-бы на свой счетъ. А Черенасовъ еще пословицы сталъ пригонять, говоря, что ревизору въ пору-бы только „попа возить въ рѣшетѣ“, что онъ „продалъ kota въ торбѣ“, и заключилъ хохлацкимъ сравненіемъ, примѣнивши его къ сановнику.

Такимъ образомъ въ глазахъ товарищей Черенасовъ былъ униженъ и оскорбленъ. Самому ему было рѣшительно все

равно. Во время ревизіи онъ чувствовалъ только нѣчто въ родѣ одури: видѣлъ, что все это бѣгаетъ, мечется, крестится, вообще онъ не терпѣлъ суеты.

Ожиданіе бурсы однако не сбылось: его не уволили. Но вскорѣ по отъѣздѣ ревизора онъ получилъ отъ кого слѣдуетъ небольшую цидулку за №, объяснившую ему отчасти, почему сановникъ не удостоилъ его своимъ посѣщеніемъ. Цидулка была запечатана и съ надписью: конфиденціально. Черенасовъ лежалъ на диванѣ, когда старый гренадеръ, состоявшій сторожемъ при семинаріи, подаль ему пакетъ. Профессоръ прежде всего поднесъ гренадеру водки: они были, надо сказать, большіе пріатели, такъ-какъ и служили въ одномъ вѣдомствѣ и во взглядахъ сходились, да, и во всей бурсѣ, строго говоря, было всего три порядочные человѣка: бѣдный Иорикъ, Черенасовъ да гренадеръ.

Отпустивши пріателя, Евгенийъ Михайловичъ распечаталъ посланіе и прочелъ слѣдующее:

Такому-то (т. е. Черенасову: слѣдовали чинъ, имя и фамилія).

Затѣмъ самая суть такого рода:

„Во исполненіе воли высшаго начальства и по собственнымъ наблюденіямъ, равномѣрно и основываясь на неоднократно уже доходившихъ до меня слухахъ, строжайше предписываю вашему высокоблагородію немедленно войти въ предѣлы установленной по предметамъ вашего преподаванія программы, отнюдь не вдаваясь въ постороннія, чуждыя прямой вашей обязанности, разъясненія, при чемъ по возможности стараться о вселеніи въ вашихъ питомцахъ свойственнаго и духу и направленію ввѣреннаго мнѣ заведенія благочестія, какъ главнаго залога всякаго христіанскаго преуспѣянія и предписываемыхъ намъ священнымъ писаніемъ смиренія и самоуниженія.“

— Ну такъ чортъ же васъ возьми совсѣмъ! сказалъ Черенасовъ и выпилъ рюмку водки.

Справедливо говорилъ ректоръ, что все зависитъ отъ времени.

Въ предыдущемъ очеркѣ мы соединили нѣсколько лѣтъ дѣя-

тельности Черенасова. Конечно, дѣятельность эта не была ни обширна, ни особенно замѣчательна, но для того времени она все-таки служила какъ-бы преддверіемъ къ чему-то лучшему, болѣе разумному. Сначала по небреженію начальства, смотрѣвшаго на все, кромѣ хозяйственныхъ и административныхъ распоряженій, сквозь пальцы, потомъ подѣ покровительствомъ образованнаго архіерея, Черенасовъ успѣлъ внести нѣкоторый свѣтъ мысли и свободы въ ту непроходимую „тьму и сѣнь смертную“, въ которой тогда пребывали бурсы. И прежде всего важно уже то, что онъ указалъ на тѣ великія созданія духа человѣческаго, за которыя въ бурсахъ сѣкли, исключали, гнали, и разъяснилъ, что въ нихъ—въ этихъ созданіяхъ—нѣтъ ничего еретическаго, что напротивъ знакомство съ ними и есть то великое образованіе, которое дѣлаетъ человѣка не попомъ, не чиновникомъ, не архіереемъ, а человекомъ. Онъ подорвалъ благоговѣніе къ буквѣ, подулъ на ту паутину, что въ видѣ всякихъ книгъ и книжекъ опутывала мысль, показалъ на дѣлѣ, на опытѣ, что можно заучивать, пожалуй и наизусть, но безъ всякой долбни, подготовилъ наконецъ не мало людей, которые во всякомъ случаѣ должны были посвѣтлѣе смотрѣть на вещи—вотъ тѣ, пожалуй, незначительныя услуги, которыя оказалъ нашъ профессоръ N—ской семинаріи. Но, какъ и слѣдовало ожидать, вся его дѣятельность шла въ разрѣзъ съ существовавшимъ порядкомъ, и потому онъ не могъ кончить мирно и тихо, спокойнымъ домосѣдомъ, отцомъ семейства съ плѣшивою головою и ограниченной пенсіею. Когда пріѣзжалъ столоначальникъ, то своей ревизіей онъ помогъ только тому, что должно было въ скорости совершить и самое время. Еще задолго до полученія цидулки Черенасовъ началъ чувствовать по временамъ припадки хандры и апатіи: можетъ быть, однообразіе занятій, продолжавшееся уже болѣе десяти лѣтъ, невѣжественное начальство, тупо-эгоистическое общество, копавшееся въ своей лужицѣ вмѣстѣ съ плѣснѣвшими въ ней со временъ потопа всякими герминевтиками и апологетиками, наконецъ тѣ ежечасныя мелочи и дразги, тѣ съ утра до вечера нескончаемыя рѣчи и разговоры, которые хорошо выслушать разъ-другой, чтобъ посмѣяться въ досуженный часъ—все это, можетъ быть, подѣйствовало на крѣпкую натуру нашего профессора и конфиденціальная бумага о строгомъ

соблюденіи программы была, можно сказать, лишнимъ дѣломъ или, по крайней мѣрѣ, несвоевременнымъ. Черенасовъ самъ начиналъ чувствовать, что такая напряженная дѣятельность, какой онъ предавался, сидя по цѣлымъ ночамъ и читая то, что въ свое время сообщалъ ученикамъ, не можетъ долго продолжаться. Да съ лѣтами остывала и охота къ дѣлу; сталъ онъ также сомнѣваться въ томъ, дѣйствительно ли полезна его дѣятельность и не зависитъ-ли она отъ самой пустой случайности: приѣздъ какого-нибудь Кузьмы-Федоръ-Иваныча можетъ все перевернуть вверхъ дномъ, а захочешь на своемъ стоять—жди замѣчаній, выговоровъ, предписаній; вытолкнуть, наконецъ, вонъ и какой-нибудь „научныхъ дѣлъ мастеръ“ съ дипломомъ магистра оплюетъ твою дѣятельность и начнетъ прежнюю канитель съ долбней и крутыми мѣрами. Все, даже имя твое, забудется, и ты самъ потомъ будешь горько смѣяться надъ своимъ-же юношескимъ пыломъ, потраченнымъ на почвѣ сухой, бесплодной, чортъ знаетъ зачѣмъ и для чего. Такъ разсуждалъ Черенасовъ и факты, къ сожалѣнію, оправдывали его.

Тутъ же встали онъ и самъ овунулся въ лужицу, шатаясь по вечерамъ то къ тому, то къ другому: выучился пить, а выпивши болтать вздоръ по цѣлымъ часамъ, чего прежде, когда онъ сидѣлъ дома и чуждался общества, не было; голова по утрамъ трещала, требовала поправки и профессоръ вскорѣ выучился охмѣляться. Выучился, наконецъ, онъ и въ одиночку пить, дома, лежа на кровати. Часто поэтому не ходилъ въ классы дня по три, по четыре, а впоследствии запивалъ на цѣлыя недѣли. Да и въ классахъ онъ былъ уже не тотъ. Въ глазахъ не стало прежняго огня, въ голосѣ слышались фальшивыя ноты, споры въ римскомъ сенатѣ не отличались прежней живостью, такіе образы, какъ Марій и Сулла, стали тусклы, и напрасно усиливался Черенасовъ пробудить въ себѣ прежнюю энергію и чувство: все рѣже посѣщало его вдохновеніе и овладѣвшая имъ апатія неволью передавалась слушателямъ. Къ тому же частое пьянство лишило его прежней свободы духа: боязнь преслѣдованія, неизвѣстность будущаго, подозрительность, какъ на бѣду оправдывавшаяся фактами, сомнѣніе въ честности всѣхъ и cadaго, какой-то безотчетный страхъ, причиненный, разумѣется, сильно раздраженными нервами — вотъ что стало овладѣвать чаще и чаще

Черенасовымъ: натура ослабѣвала и искала фальшиваго подкрѣпленія въ водкѣ. Такимъ образомъ сами обстоятельства загоняли нашего профессора въ тѣ строго *установленные* предѣлы, о которыхъ гласила цидулка.

Не разомъ, впрочемъ, опустился Черенасовъ. Попробовалъ онъ было и выкарабкаться изъ лужицы, вспомнивъ свою литературную дѣятельность, и занялся переводами. Выбралъ кой-что изъ Светонія, изъ Лукіана, сидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ и, увлекшись работой, пилъ все это время умѣренно и классовъ не пропускалъ. Трудъ свой, по обычаю, отнесъ онъ въ Епархіальныя Вѣдомости. Но прежняго владыки уже не было. Въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ помѣщались теперь статьи въ родѣ: „О велелѣпіи Соборнаго Коломенскаго Иконостаса, устроеннаго на изживеніе первой гильдіи купца Андрона Сермягина“—какому-жь Лукіану тутъ могло быть мѣсто?

Вскорѣ послѣ этого Черенасовъ опять повелъ прежній образъ жизни. Нынче пьянъ, завтра охмѣляется. Проидеть дня два-три — опять, глядишь, пьянъ и опять охмѣляется. Такъ проскрипѣлъ еще года полтора или два на службѣ. Но къ концу этого времени уже видимо опустился во всѣхъ отношеніяхъ. Прежде, напримѣръ, хоть одѣвался опрятно, теперь же костюмъ его если не возбуждалъ смѣха въ фило-софахъ-бурсакахъ, то единственно въ силу того стараго уваженія, которое питала когда-то къ Черенасову вся бурса. Запой нашего профессора пошелъ теперь на цѣлыя недѣли. Двухъ-трехъ дней стало уже для него недостаточно. Разумѣется, такое положеніе дѣлъ не могло хорошо кончиться: глубокая страсть къ пьянству всецѣло овладѣла профессоромъ. Онъ пропилъ уже всѣ лишніе штаны, сюртуки, оставивъ только необходимую пару, чтобы ходить по временамъ въ классъ. Книги — единственное утѣшеніе свое — онъ берегъ еще, но опасался, что придется тронуть и ихъ, ибо онъ не могъ ручаться за себя въ тѣ минуты, когда всесильная жажда къ вину доходила у него до страсти, до неистовства.

Наконецъ ему велѣно было очистить казенную квартиру и удалиться на собственную. Это была только прелюдія къ полной отставкѣ, которая и не замедлила послѣдовать. Съ чемоданомъ, наполненнымъ книгами, вечеромъ, чтобы никто не видалъ, выѣхалъ Черенасовъ изъ бурсы. Никто не провожалъ его, кромѣ нѣсколькихъ бурсаковъ изъ Богословія, особенно

любившихъ профессора: они помогли ему уложиться, даже снабдили кой-чѣмъ необходимымъ. Одинъ принесъ штофъ водки, другой бутылку дешевенькаго вина для проводовъ; припасли тоже закуски: колбасы, икры, сыру. Табаку всякаго принесли Евгению Михайловичу, папирось. Одинъ даже настоялъ на томъ, чтобы Черенасовъ принялъ отъ него на память маленькую трубочку съ янтарнымъ мундштукомъ (это была единственная роскошь семинариста). Собралось всего человѣкъ съ десятокъ. Выпили. Бесѣда шла какъ-то вяло, отрывочно. Комната представляла тотъ беспорядокъ, какой всегда бываетъ при отъѣздѣ хозяина куда-нибудь далеко и надолго: валялись на полу веревочки, клочки бумаги, узелки кой съ чѣмъ, кожаная подушка. Была осень: бурсаки нанесли грязи. Все какъ-то было тускло, мрачно; сальная свѣча нагорала; полштофъ былъ почти опорожненъ; колбаса, сыръ— все это безъ тарелокъ лежало просто на столѣ, на бумагѣ, въ которой прежде было завернуто. Гренадеръ стоялъ у дверей, шевеля усами. Самъ Евгений Михайлычъ сидѣлъ на диванѣ и какъ-то тупо глядѣлъ на все, что около него происходило. Бурсаки между тѣмъ оканчивали сборы: кто завязывалъ узелокъ съ какимъ-нибудь тряпьемъ, кто спрашивалъ куда положить то и то, да не позабыли-ли чего? Подвода ждала уже у крыльца, и когда всѣ сборы были кончены и гренадеръ вынесъ чемоданъ и узелки, то всѣ присѣли. Неизвѣстно уже какими судьбами на мѣсто пустого очутился полный штофъ и компанія снова приступила къ водкѣ. Однако же веселости особенной не было замѣтно и разговоръ какъ-то не клеился.

— Нѣтъ, скверно, Евгений Михайлычъ, началъ одинъ богословъ,—что васъ не будетъ. Безъ васъ мы теперь чортъ знаетъ что... Ни бе, ни ме, ни бельмеса. Не будешь знать, что и читать.

Черенасовъ попробовалъ было сказать, что не онъ же у нихъ одинъ профессоръ: есть и другіе...

— О! подхватила вся компанія: то все начальство...

— Да, продолжалъ тотъ-же богословъ:—теперь намъ плохо придется: заѣдутъ благочестивые...

Богословъ былъ правъ. Начальство уже намѣтило нѣкоторыхъ либераловъ, какъ горячихъ послѣдователей Черенасова,

и теперь отъ *благочестивыхъ* имъ приходилось жутко: единственнымъ защитникомъ ихъ доселѣ былъ Черенасовъ.

— Писано бо есть: поражу пастыря и разбѣгутся овцы, сказалъ онъ, какъ бы чувствуя всю справедливость словъ богослова.

И еще говорили о многомъ, вспоминали прошлое, сожалѣли. Иные задумывались надъ собственнымъ положеніемъ.

И профессоръ, видя въ послѣдній разъ тѣхъ, кого онъ любилъ, тронутый и радушіемъ ихъ, и готовностью оказать всякую услугу любимому наставнику, вышелъ изъ обычной своей апатіи и, выпивъ рюмку воды, началъ ободрять присутствующихъ такъ:

— Вамъ нечего смущаться сказалъ онъ:—въ васъ молодость, сила, и слабостей нашихъ нѣтъ... Есть для васъ университеты, есть трудъ разумный, свободный. Читайте больше, но съ выборомъ; бойтесь, какъ огня, долбни: что дѣльно, умно, полно жизни, словомъ, что поражаетъ васъ,—то само собой засядетъ въ голову. Припомнится не для экзамена—это все ерунда,—а само собою, при случаѣ, когда сама жизнь натолкнетъ на извѣстный предметъ... Къ авторитету чтобъ не было благоговѣнія—это система, одну книгу повѣряйте другою, а своей головой обѣ; на живого же человѣка не смотрите съ тупымъ благоговѣніемъ или, того хуже, съ какимъ-нибудь телячьимъ восторгомъ, какъ смотрѣли иной разъ мы; напротивъ, наблюдайте его, вдумывайтесь въ слова его, сами экзаменуйте, изучайте его понятія, взгляды на вещи... Тогда не будутъ вамъ страшны, какъ были когда-то намъ, разныя глубокомысленныя „А“! да „гм“, да мычанья всякія: все это отъ тупоумія, невѣжества... Рѣдко кто изъ этихъ людей возвышается до истинныхъ понятій о чести и благородствѣ—тотъ, впрочемъ, и не мычитъ и не наводитъ страха; большинство же гробы поваленныя съ понятіями изъ Кайдановки и патріотизмомъ краткой Устряловки... Знаніе замѣняють ои усердіемъ, умственное убожество вымещаютъ на васъ и на насъ... Не разъ уже говорилъ я съ вами объ этомъ и теперь сказалъ-бы много, да вы сами въ свое время поймете все, что слѣдуетъ... Паче всего занимайтесь исторіей. Исторія,—а для ней-то, какъ я часто повторялъ вамъ, больше всего и необходимо знаніе языковъ—иначе на вой они чортъ?—такъ исторія, говорю, научить васъ, какъ

судить о вещахъ. Главное — сообщить свободу взглядамъ... Но только смогрѣть надо всегда на суть дѣла! Когда я говорю исторія, я разумѣю не то, что *благочестивые*...

— Еще бы! отозвалась компанія.—То ерунда!

— Помните хорошенько, продолжалъ профессоръ,—слова Шлоссера, которыя я уже говорилъ вамъ: „Смѣшно думать узнать человѣческую жизнь и истинное положеніе вещей изъ грамотъ и дипломовъ, изъ монетъ и генеалогическихъ таблицъ, изъ актовъ и официальныхъ извѣстій“. Наши же исторіи напоминаютъ именно тѣ слова Антонія у Шекспира, когда онъ говоритъ, что иногда—

Мы тучу принимаемъ за дракона
И облако за льва или медвѣда.
Нерѣдко воздухъ намъ глаза морочитъ
Бойницами высокихъ крѣпостей,
Гребнями горъ, нависшими скалами
И мысами надъ бездною голубой,
Съ деревьями, склонившимся долу.
Скажи, видалъ ты эти порожденья
Вечерней мглы?

— Видалъ не разъ, отвѣчаетъ Эросъ,—отозвалась вся компанія.

— Такъ, продолжалъ Черенасовъ.—И то

Что намъ конемъ еще сейчасъ казалось—
Мгновенно разлагается въ парахъ
И, какъ вода въ водѣ, въ нихъ исчезаетъ.

— Да,—вотъ наши исторіи! Это порожденіе вечерней мглы.

— Бурсацкой тьмы, подхватила компанія.

— Да всѣ онѣ одинаковы, на одинъ ладъ, сказалъ богословъ, подарившій трубочку.

Выпили. Закуривъ папиросу, Черенасовъ продолжалъ:

— Чтобы избавиться отъ этихъ миражей, говорилъ онъ,—надо освободить себя отъ многого, отъ всякихъ чудовищныхъ воззрѣній... Пусть смазываютъ вамъ голову всякими герми-невтиками и гомилетиками; вы же помните, что науки не сочиняются, наука-то и есть самая жизнь... Сочиненныя науки наносятъ только вредъ, ведутъ къ нетерпимости...

— Деруть за вихры, замѣтилъ кто-то изъ присутствующихъ.

— Именно. Берегитесь всякой нетерпимости: вы знаете, что она приводила къ кострамъ и пыткамъ, — и помните слова: homo sum et nihil humanum a me alienum puto. Что вамъ за дѣло, какъ кто думаетъ и рассуждаетъ? Потому навязыв-

ваніе своихъ убѣжденій, нетерпимость вообще создаетъ только лицемѣровъ и плутовъ... Вы думаете, что большинство, окружающее васъ, дѣйствительно вѣрить въ то, о чемъ говорить? Вздоръ. Это все лицемѣры.

— Въ чорта они вѣрятъ, потому боятся.

— Да, это ихъ только и поддерживаетъ, подтвердилъ Черенасовъ и, помолчавши, продолжалъ: — Въ жизни вы именно станете между лицемѣриемъ съ одной стороны и тупымъ фанатизмомъ массы съ другой; и то и другое равно отвратительны и вредны, — но вы не оставайтесь на распутіи, а выберите или, лучше, сами проложите себѣ новый путь свободы и любви къ человѣку, къ жизни вообще. Но вы знаете, что я разумѣю подъ жизнью не то, что благочестивые...

— Еще бы! отозвалась бурса:—благочестивымъ только попить, поѣсть, да чтобъ начальство погладило...

— Да начальству-то вишь некогда, замѣтилъ какой-то острякъ....

Посмѣялись, выпили. Закуривъ папироску, Черенасовъ продолжалъ тихимъ, задумчивымъ тономъ, какъ-бы разговаривая съ самимъ собою:

— Истинное счастье дается не плутнями, не захватываніемъ всего, что попало подъ руку. Комфортъ, говоритъ Шлоссеръ, и воображаемая потребности, нерѣдко замѣняютъ тѣ чистыя наслажденія, къ которымъ стремится и которыя оцѣниваетъ лишь благородная и свободная душа. Тутъ же приводитъ онъ и стихи Горація... Да, я вамъ говорилъ ихъ. Помните, мы разбирали какъ-то на классѣ разницу между *felix* и *beatus* по поводу слова *beatitudo*? Я еще привелъ стихи:

Non possidentem multa vocaveris
 Recte beatum; rectius occupat
 Nomen beati, qui deorum
 Muneribus sapienter uti,
 Duramque callet pauperiem pati;
 Pejusque leto flagitium timet:
 Non ille pro caris amicis
 Aut patria timidus perire. (*)

— Мы всю эту оду знаемъ, отозвалась компанія. — Мы

(*) Не богача должно счѣтать счастливымъ; этого названія гораздо скорѣе заслуживаетъ умѣющій благоразумно пользоваться дарами боговъ, и переносить суровую бѣдность, безъ робости готовый погибнуть за друзей или родину.

только слушали, какъ вы это говорили.... У васъ какъ-то оно иначе выходитъ, лучше....

— Безъ комплиментовъ, постыдился перебить Черенасовъ. — А ну-ка, встати, испытаетъ, каково было мое на васъ влияние, братія: кто помнитъ изъ Шекспира слова Генриха Пятаго о счастіи?

Сейчасъ выступилъ дюжій бурсакъ и, при всеобщемъ молчаніи, началъ:

Я знаю твердо,
 Что ни вѣнецъ, ни скипетръ, ни держава,
 Ни жезлъ, ни мечъ, ни муро на челѣ,
 Ни вытканная золотомъ одежды,
 Ни титулы—спутники царей, ни слава,
 Приливомъ осаждающая тронъ,—
 Все это, трижды взятое, не можетъ
 Дать королю покойный, мирный сонъ,
 Подобный сну простого земледѣльца,
 Незнающаго тягостныхъ заботъ
 И сытаго сухимъ и черствымъ хлѣбомъ.

— Bravo! слово въ слово разбойникъ! восхищался профессоръ.

— Именно, именно, продолжалъ онъ съ одушевленіемъ, почти съ восторгомъ.— Заботы отнимаютъ это блаженство, этотъ покой....

Тутъ вся компанія выпила.

Началось прощаніе, съ крѣпкими рукопожатіями и поцѣлуями.

Всѣ высказывали ту мысль, что они нисколько не думаютъ, что навсегда расстанутся съ Черенасовымъ и что будетъ время...

— Нѣтъ, братія, говорилъ Черенасовъ, садясь на подводку, моя карьера кончена.

*Trojae renascens alite lugubri
 Fortuna tristi clad' iterabitur *)*

— Non iterabitur! **) отвѣчала въ одинъ голосъ бурса.

Такова была послѣдняя бесѣда профессора съ любимыми учениками, послѣ которой онъ навсегда расстался съ бурсой.

*) Съ Троей, если она, не смотря на мрачныя предзнаменованія, вздумаетъ возродиться—повторится прежняя печальная исторія. Гоца.

**) Не повторится!

«Дѣло», № 3.

ГЛАВА XVII.

Сергѣй Михайловичъ Черенасовъ.

Сергѣй Михайловичъ Черенасовъ былъ похожъ на брата Евгенія, съ тою только разницею, что у послѣдняго въ физиономіи все какъ-то расплзлось, размякло, да и вся вообще фигура представляла что-то съ трудомъ поддерживаемое, а взглядъ и черты лица были такіе, какъ будто профессоръ растерялся въ дорогѣ, или его ограбили, или онъ припоминать, что „куда-то и что-то“ положилъ, но куда именно и что—забылъ. У Сергѣя Михайловича всѣ движенія были сдержанны, спокойны; черты лица сжатые, сосредоточенны; блѣдный, съ едва пробивавшимися усиками на тонкихъ губахъ, Черенасовъ имѣлъ вообще видъ приличный. Долгое пребываніе въ петербургскомъ обществѣ, часто самомъ аристократическомъ, сообщило его манерамъ извѣстную мягкость, такъ что во многихъ случаяхъ его можно было назвать вполне *distingué*. Черенасовъ каждый годъ пріѣзжалъ въ Окуевъ мѣсяца на два лѣтомъ, потому для него было готово всегда помѣщеніе въ домѣ отца Максима, который самъ, будучи одинокъ, довольствовался двумя извѣстными намъ комнатами, гдѣ стояли гусли и гдѣ хозяинъ съ регентомъ играли въ шашки. На половинѣ Сергѣя Михайловича было все на большую ногу, обличало привычки довольно широкія; мебель была уютная: кушетки, диваны, а главное шкапъ съ книгами, составлявшими довольно хорошую, хотя и маленькую бібліотеку, и письменный столъ со всякими ящичками и ящичками, однимъ словомъ, со всѣми удобствами. Все было чисто, убрано: Черенасовъ намѣревался провести теперь въ Окуевѣ и зиму, а можетъ быть, и остаться еще дольше.

— Ну теперь я къ вамъ на долго, сказалъ онъ отцу Максиму.

— То-то, говорилъ о. Максимъ,—мы съ регентомъ все это поубрали.... Есть тутъ хорошій человѣкъ. Онъ и клѣтки починилъ. При церквѣ поетъ. Гитаристъ. Басъ у него. Оболдухъ.

Тутъ-же кстати и наскоро о. Максимъ передалъ кой-какія новости.

— Отецъ Матвѣй здравствуетъ.

— А!

— Да. И племянникъ былъ. Въ академію отправили. Дѣдъ все за рыбой.—Мартынъ ошалѣлъ совсѣмъ.

— Пьетъ?

— Бѣда! На себя не похожъ. Песъ твой околѣлъ.

— Барбось?

— Да. Старъ ужъ больно. Объ Святой ногу перешибли.

Какъ хорошо иногда переселиться изъ душнаго, шумнаго Петербурга въ такой тихій, удаленный отъ міра уголокъ, какъ Окуевъ! Всѣ—и отецъ Матвѣй, и дѣдъ, и старый барбось—заявляютъ, что они живы, заявляютъ права на существованіе, но права незатѣйливыя, необидныя... Тревожныя, вѣчно разбросанныя мысли тутъ успокоиваются; природа вступаетъ въ свои права. Тихій вечерній вѣтеръ, закатъ солнца, заря надъ лѣсомъ, далекая зелень полей и тихая синева ночного неба — все это охватываетъ васъ съ прежнею силою и много тревогъ покидаютъ оживающую душу. Гдѣ это мелочное, часто смѣшное безпокойство, гдѣ эта дребедень ненужныхъ рѣчей и толковъ, гдѣ неугомонная дѣятельность, при всей своей лихорадочности неаполняющая пустоты внутренней? Широко тянется лѣсъ, въ свѣтлую, залитую лучами даль, убѣгаетъ рѣка, сады дремлютъ подъ солнцемъ, шуряются окнами ветхіе домики, усталый песъ прилежъ у воротъ въ тѣни, а улица облита солнцемъ и бьетъ цѣлыми пуками свѣта въ открытыя окна...

Придетъ въ сумерки о. Максимъ, повернетъ табакеркой, сядетъ, понюхаетъ. Черенасовъ лежитъ на диванѣ.

— Погодка, скажетъ попъ.

— Да.

Попъ высморкается.

— Хорошая, скажетъ.

— Да.

Помолчить.

— Три съ полтиной взялъ съ меня Прохоръ за бревно.

— Однако!

— Да.

Такъ идетъ бесѣда. Случись попъ Матвѣй или дѣдъ, бесѣда еще оживленнѣй.

— Вотъ, начнетъ съ одушевленіемъ отецъ Матвѣй:—какъ
есть лѣто. Что твоя Троица!

— Май, замѣтилъ Максимъ.

— Во что у насъ Духовъ-то?

— Двадцать седьмого, что-ль?

— Вишь!

Тутъ помодчатъ, положимъ. Но о. Матвѣй опять начнетъ
что-нибудь.

— А Мартынъ опять съ пономаремъ подрался. Заставилъ
его переводить что-то по-латыни, тотъ не перевелъ...

— Ну и драка?

— Да какая!

— А чай все-таки надо пить, скажетъ вставая съ дивана
Черенасовъ и тѣмъ прекратить на время бесѣду.

Но пока онъ съ о. Максимомъ хлопочетъ на счетъ само-
вара, дѣдъ съ Матвѣемъ успѣваютъ опять уже завязать бес-
сѣду.

— Почему бралъ? На этихъ словахъ застаеъ Черенасовъ
о. Матвѣя.

— Два съ гривной, говоритъ дѣдъ.

— Я съ четвертакомъ.

— И хорошъ деготь?

— Сласть! Духовить.

Вообще попъ съ дѣдомъ при постороннихъ между собою
рѣдко говорятъ, но чуть остались вдвоемъ — сейчасъ завязы-
вается бесѣда, потому и сосѣди, и ужь такъ сжились, что
не могутъ молчать, когда вдвоемъ.

Съ перваго-же вечера охватила Черенасова эта мирная
обстановка Окуева и онъ, лежа на диванѣ, не безъ удоволь-
ствія прислушивался къ тихой вечерней болтовнѣ о. Матвѣя.
Но скоро онъ пожелалъ остаться одинъ, сказавши, что усталъ
съ дороги. Лунная ночь глядѣла въ окна. Черенасовъ заку-
рилъ папиросу и сѣлъ у окна. Его блѣдныя черты лица, от-
тѣненные черными волосами, казались еще блѣднѣе при мѣ-
сяцѣ, и еще рѣче отдѣлялись маленькіе усики надъ тонкими
губами. Руки его были нѣжны и бѣлы, какъ снѣгъ. Онъ былъ
стройно и красиво сложенъ, недурень собою, только видно
было что-то болѣзненное и въ чертахъ лица, иногда вспыхи-
вавшихъ внезапнымъ румянцемъ, и въ тонкой, легко изги-
бавшейся талии. Во всѣхъ манерахъ его замѣтны были мяг-

кость и женственность, но онѣ не граничили съ вялостью, какъ это бываетъ у людей толстыхъ—нѣтъ! скорѣе это зависѣло отъ слабости сложенія вообще, напоминало о какой-то небрежности въ отношеніи къ себѣ и своему здоровью, но отъ ней еще болѣе, казалось, выступало общее изящество и тонкость формъ. Черенасовъ долго сидѣлъ у окна и смотрѣлъ усталыми глазами на залитую серебрянымъ туманомъ даль, которая открывалась за маленькими домиками города; ночная тишина Окуева успокоивала его нервы послѣ дороги. Онъ чувствовалъ пріятную усталость, но не хотѣлъ еще спать: ему нравилась давно уже непосѣщавшая его дремота и нѣга мыслей, когда человѣкъ не то чтобы думаетъ, а такъ себѣ перебираетъ въ головѣ что придется. Онъ щурился глазами, стараясь всмотрѣться въ даль и разобрать какое-нибудь темное пятно въ свѣтломъ туманѣ луннаго сіянія—и вотъ онъ разглядывалъ то дерево, то шалашъ, то видѣлъ, какъ блистала и снова пряталась гдѣ-то далеко надъ лѣсомъ одинокая звѣзда...

Дня два по пріѣздѣ Сергѣй Михайлычъ отдыхалъ, потомъ началъ дѣлать визиты кой-кому. Вездѣ принимали его съ особеннымъ радушіемъ, такъ-какъ человѣкъ пріѣхалъ изъ Петербурга, да еще съ положеніемъ. Былъ онъ у доктора уѣзднаго, у исправника, у головы, у попа. Андрея. Когда пріѣхалъ предводитель, то Черенасовъ былъ и у него. Всѣ къ тому-же знали, что пріѣзжій близокъ съ семействомъ генерала Кубрикова. Положимъ, въ уѣздѣ были и другіе два-три генерала-помѣщика, да генералъ генералу рознь. Кубриковъ былъ тузъ по губерніи; не только въ уѣздѣ. Черенасовъ же пріѣхалъ отчасти по дѣламъ этого туза и потому въ уѣздной колодѣ самъ сталъ козыремъ. Покамѣстъ, впрочемъ, не видно было, чтобъ онъ особенно чѣмъ занимался: дома видѣли у него много книгъ, но были и столы для картъ. Сначала онъ даже положительно ничего не дѣлалъ, посѣщаль клубъ, собиралъ у себя гостей и игралъ въ карты, прислушиваясь къ обыденному разговору въ родѣ того, что скоро ревизія, что прошлый годъ губернаторъ остался очень доволенъ—что Богъ дастъ нынѣшній; также о томъ, что все дорожаетъ, что сѣно не въ примѣръ противъ прежнихъ лѣтъ, а капуста совсѣмъ не родилась: безъ щей придется быть; часто также Черенасову приходилось выслушивать расчеты относительно того, какъ нынче Пасха будетъ, во что придется Успѣнье, каковъ-

то будетъ Спасъ и т. п.: заходилъ также разговоръ о событіяхъ городскихъ, кто сколько вчера выигралъ, гдѣ подрались, кто купилъ домъ, кто продалъ — словомъ вертись не вертись, а Черенасову приходилось послѣ Петербурга вращаться въ интересахъ въ родѣ того, кто былъ исправникомъ прошлый годъ и во что будетъ Дмитрій Солунскій; когда же разговоръ переходилъ нѣсколько въ высшія сферы, то Черенасовъ положительно становился въ тупищъ.

— Правительство знаетъ, что дѣлаетъ, говорить, напримѣръ, въ клубѣ одинъ изъ членовъ.

— Конечно, подхватывалъ другой:—теперь оно усмиряетъ, зачѣмъ? разумѣется, чтобы усмирить.

— А главное, господа, таинственно замѣчалъ третій членъ,— административныя сферы всегда должны стоять вдалекѣ... Это тайна, надъ которою всегда должна быть завѣса, завѣса и завѣса!

— Ну, разумѣется!

— Вотъ то-то и есть... И все-таки главное, господа, что будете-ли вы исправникъ, прокуроръ, членъ комиссіи, — вы должны всѣми силами поддерживать эту тайну, иначе не успѣете...

— Ну конечно! Развѣ я разомъ и стану всѣхъ херить?

Но Черенасову болтовня надоѣдала. Тогда онъ уединялся, ходилъ изъ угла въ уголъ, мѣрялъ комнаты, или же углублялся въ чтеніе. Тогда поджавши подъ себя ноги, въ халатѣ, сидѣлъ онъ по цѣлымъ днямъ на диванѣ и даже обѣдать не ходилъ съ Максимъ Ивановичемъ, а приказывалъ приносить себѣ отдѣльно, наскоро ѣлъ и опять читалъ. Въ немъ были отчасти черты того поколѣнія, которое когда-то читало и читало, не вида, впрочемъ, ни конца, ни особенной цѣли своему чтенію... Когда же надоѣдало чтеніе, то Сергій Михайловичъ приказывалъ закладывать лошадь и рыскалъ по городу, или же отдавалъ приказаніе лакею принимать *положительно* всѣхъ (это приказаніе на время занятій перемѣнялось на приказаніе: не принимать *рѣшительно* никого — говорить: уѣхалъ, да и все. Нѣтъ въ городѣ). Приемы и визиты, неизбежная при этомъ болтовня и карты, все это продолжалось иногда недѣли двѣ-три. Затѣмъ слѣдовало утомленіе. Выдвигался Цицеронъ, лексиконъ латинскій для справокъ, и начиналось чтеніе. Двери запирались. Черенасовъ

уѣхалъ, нѣтъ его въ городѣ. А Черенасовъ читалъ, не сходя съ мѣста, „De officiis“, или „Brutus“ или „Oratio pro Milone“. Не то, чтобы онъ былъ классикъ, но, зная латынь, въ болтовнѣ Цицерона не безъ удовольствія усматривалъ нѣчто знакомое, родное, предвѣщающее поколѣнне пошлое, тряпичное. Такъ въ чтеніи тянулось время долго, съ тою разницею, что иногда читался Шекспиръ, иногда Диккенсъ или Вальтеръ-Скоттъ, иногда Цицеронъ, а-то Горацій, Овидій, Лукрецій. Читалось все это, такъ сказать, запоемъ. Читался Руссо, Вольтеръ, Шиллеръ, Гете; повторялся Шекспиръ — иная драма разъ двадцать; повторялся Горацій, котораго Черенасовъ зналъ почти наизусть; читалось, наконецъ, чортъ знаетъ что: газетный фельетонъ за прошлые года, краткая исторія Устрялова, романы съ заглавіями въ пол-аршина, въ родѣ: „Заклятый замокъ или королева Гризельда, покинутая рыцаремъ Артуромъ и спасенная рыцаремъ Антономъ“. Утомленный серьезнымъ чтеніемъ, Черенасовъ нарочно иной разъ выбиралъ что ни-есть чуднѣе и неестественнѣе, особенно, гдѣ дѣйствовали черти, привидѣнія, гдѣ были подземелья и тайные ходы, любовь породила мщеніе и обратно, Артуръ понижывалъ шпагой Антона, Антонъ черезъ мѣсяцъ воскресалъ и въ свою очередь навизывалъ Артура на шпагу. Читалъ онъ также „Репертуаръ русской сцены“, судя по немъ о маломысленности общества, о праздной и сонной эпохѣ, когда возможны были пьесы въ родѣ „Азъ и Фертъ“ или „Левъ Гурьчъ Синичкинъ“, драмы „Жизнь Игрока“, „Материнское благословеніе“ и тому подобныя порожденія человѣческаго духа. Черенасовъ съ любопытствомъ знатока слѣдилъ иногда, какъ въ этихъ пьесахъ пробивалось иной разъ нѣкоторое поползновеніе на жизнь, на движеніе впередъ, на смѣлую мысль, но тотчасъ-же прятало голову, какъ улитка въ раковинѣ. Опять начиналась ерунда, и непременно казенная; опять объясненіе въ любви, разлученная пара и благодѣтельная рука какого-нибудь Deus ex machina, въ родѣ предсѣдателя казенной палаты или самого губернатора, разсѣбающаго направо и налево всевозможные гордіевы узлы, которые завязалъ авторъ въ лицѣ выведенныхъ имъ станowychъ, исправниковъ и множества людей такъ-называемаго бѣднаго, но благороднаго происхожденія, преимущественно изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей. Видѣлъ Черенасовъ, какъ наказывается по-

рокъ, награждается добродѣтель, какъ посылаетъ авторъ въ самый адъ становаго и предаетъ проклятіямъ на всѣхъ соборахъ исправника; благодѣтельная же рука откупщика, выдающаго замужъ сиротъ и награждающаго вдовъ, благословляется и въ семь вѣкъ и въ будущемъ. Но это собственно московское направленіе. Въ петербургскихъ изданіяхъ попадались Черенасову „дѣятельные губернаторы“, „образованные и честные совѣтники питейнаго отдѣленія“, бѣдные, но ничѣмъ не запятанные столоначальники, — словомъ, тутъ преобладалъ типъ административный. Правдивость, честность, неподкупная исполнительность — вотъ что выставлялось тутъ, какъ образецъ. Московскій типъ отзывался благочестіемъ, теплотою душевною; петербургскій — строгостью, точностью, неуклонностью въ исполненіи обязанностей. Москва все будто звонила, торжествовала; Петербургъ только официально присутствовалъ при торжествѣ. Петербургъ пересталъ сѣчь официально, Москва долго отстаивала патриархальную домашнюю расправу, выставляя съ этою цѣлію богача-помѣщика, въ родѣ Николая Ростова, отечески управляющаго крестьянами, которые сами не нахвалятся баринномъ: „баринъ — золото, говорятъ они, — коли сѣчь, такъ ужъ высѣчетъ; держи ухо востро: вздереть — страсть! За то и пожалуетъ по времени“. За то въ другихъ отношеніяхъ Москва была либеральнѣй. Такъ она иной разъ зло подсмѣивалась надъ административными тенденціями младшаго своего брата. Въ водевиляхъ, напримѣръ, допускались такіе свободные куплеты, что-де „губернаторскій сыночекъ“ всего скорѣе „схватитъ крестикъ иль чинокъ“. Черенасовъ слѣдилъ по отчетамъ „Репертуара“ за русской сценой. Между тѣмъ, какъ въ Петербургѣ шло „Материнское благословеніе“, „Купецъ Иголкинъ“, „Рука Всевышняго отечество спасла“, въ Москвѣ давали больше „Азъ и Фертъ“, „Анютинны глазки“ — это все укоръ Петербургу. Извѣстно, что Москва вѣчно интригуетъ съ сѣверной Пальмирой. Черенасовъ читалъ тоже старыя газеты. Тутъ отношенія между нашими столицами походили отчасти на отношенія Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, съ тою только разницею, что Петербургъ ѣлъ одинъ дыню, а Москва только записывала: „сія дыня съѣдена такого-то года, такого-то числа. Присутствовалъ такой-то“. Но младшій братецъ все-таки прислушивался, что скажетъ старушка: поставитъ вопросъ — да и въ смолчку. Че-

ренасовъ зналъ уже, что Москва прежде всего запоетъ молебны, подыметъ образа... Черенасовъ и по газетамъ и такъ, проѣзжая часто черезъ Москву, замѣтилъ, что старушка вообще страшная охотница звонить, подымать вообще шумъ, торжество... Либо все это принимаетъ въ ней широкіе размѣры—напримѣръ, хоть торжество какое-нибудь: ну, въ Петербургѣ выпьютъ по рюмочкѣ, поздравятъ другъ друга съ праздникомъ; Москва, глядишь, выкатитъ полведра и непременно съ трезвомомъ... Случается, Петербургъ поморщился—Москва ужъ охаетъ да вздыхаетъ такъ, что знаетъ грудь да подоплека! И во всемъ она старается какъ-будто перегнать братца. Вопросъ, напримѣръ: Петербургъ только еще застегнулъ вицъ-мундиръ и садится за рѣшеніе вопроса—Москва, глядишь, рѣшила, отпѣла благодарственный молебенъ, распахнулась и обѣдаетъ... Самые обѣды московскіе и рѣчи, за ними произносимыя, совсѣмъ не то. Въ Петербургѣ все чинно, въ границахъ; говорятъ, напримѣръ: „Вотъ мы приступили, наконецъ, къ окончанію возложеннаго на насъ труда, милостивые государи,“—въ Москвѣ сейчасъ размашистый характеръ, истинно-русскій: „Братцы! сослужили мы службу, сослужимъ и еще! Гдѣ мы?—въ самомъ сердцѣ Россіи, братцы, въ Москвѣ бѣлокаменной! Пусть нѣмцы на сѣверѣ...“ Петербургъ прислушивается. „А мы, братцы, должны помнить изреченіе: не стать намъ нѣмцевъ слушать!“ „Вишь, думаетъ Петербургъ, — балуется!“ Но онъ знаетъ, что это только въ началѣ обѣда шалость, а тамъ, какъ сдобратъ брюхо, такъ еще и телеграмму поздравительную пришлютъ ему.

Иногда Москва, разбирая свои тряпки, разойдется не на шутку, такъ-что чепчикъ у ней на сторону станетъ и она начнетъ шибко задѣвать Петербургъ; тогда братецъ, легонько поправивъ чепчикъ, старается возжечь въ ней религіозное или патриотическое чувство, указывая, напримѣръ, на Драву, на Саву, на синій Дунай или прямо на Византию... И старуха бушуетъ тогда на окраинахъ. Хламъ пребываетъ въ покоѣ, пыли нѣтъ и чихать братцу не съ чего.

Иногда же особенный ладъ завязывается между Москвой и Петербургомъ и они переговариваются, какъ дѣдъ съ о. Матвѣемъ черезъ улицу.

— А у насъ вомета новая, съ хвостомъ, говоритъ Петербургъ.

— Поздравляемъ! шамкаетъ старуха.

— Еще неизвѣстно, что означаетъ.

— А водку вы тамъ во сколько вогнали? любопытствуетъ Москва.

— Въ пять серебра.

— Поздравляемъ!

— Скоро тоже будемъ одну латынь изучать, говорить Петербургъ.

— Благодаримъ.

— И ежели какія перемѣны будутъ — отпишемъ.

— Благодаримъ.

— А нѣмцевъ вы намъ не трогайте.

— Не тронемъ.

Бываетъ такъ, что завяжется цѣлая переписка. Петербургъ, напримѣръ, пишетъ:

„Поздравленіе ваше получили и на томъ благодаримъ. Послѣ благодарственнаго молебствія былъ обѣдъ и мы ваше здоровье поминали“.

Москва отвѣчаетъ:

„Была и у насъ выпивка — каже! Съ рыла по пяти гривенъ, въ Ново-Троицкомъ трактирѣ. Ребята наши маленько подгуляли, одначе все въ порядкѣ, потому какъ на улицу мы ихъ не пущали“.

И такія взаимныя любезности и выпивка нерѣдко по самому обыкновенному поводу. Повѣситъ, напримѣръ, Москва новый колоколъ въ какомъ-нибудь приходѣ—Петербургъ сейчасъ:

— Поздравляемъ!

Москва.

— Благодаримъ. Колоколъ знатный. Поемъ молебенъ. Потомъ будетъ выпивка.

За выпивкой опять телеграммы. Изъ Москвы:

— Пьемъ. Будьте здоровы! Ребята наши маленько навеселѣ.

Изъ Петербурга:

— Будьте здоровы! ребятъ на улицу не пущайте!

Такъ Черенасовъ читалъ что попало, начиная съ Цицерона до русскихъ газетъ включительно. Но чтеніе это имѣло часто совѣмъ особенный характеръ. Случалось-ли вамъ, чтобы мѣсто, читанное вами лѣтъ пять, шесть назадъ, вдругъ из-

мѣняло свой смыслъ, такъ-что самыя буквы, кажется, опрокидываются вверхъ дномъ? Съ Черенасовымъ это бывало часто. Такъ, читая древняго римскаго писателя, онъ усматривалъ въ немъ и въ языкѣ, и въ содержаніи большую аналогію съ „Московскими Вѣдомостями“. Читалъ, напримѣръ, онъ вторую рѣчь противъ Катилины: „Итакъ, мы этого Катилину выгнали, прогнали, за ворота выпроводили и онъ отъ насъ ушелъ, вышелъ, удалился, вырвался (evenit, evagit, egripit),“ — что это такое, какъ не та-же московская телеграмма:

„Итакъ мы, слава Богу, молебень отпѣли, колоколь повѣсили, знатно брюхо понабили и теперь спать ложимся?“

Чтеніе тутъ не столько зависѣло отъ содержанія, сколько отъ взгляда и характера чтеца. Иной разъ самыя, повидимому, смѣшныя вещи читались Черенасовымъ совершенно серьезно; напротивъ, солидные, круглые, какъ кнутыя длинные и вылощенные періоды Цицерона пробуждали смѣхъ несказанный. Какъ къ писателямъ, такъ и къ людямъ Черенасовъ относился довольно оригинально. Газета плакала, напримѣръ, что губернаторъ плохъ: Черенасовъ хохоталъ. Къ Оболдуху онъ вскорѣ почувствовалъ самую нѣжную, теплую дружбу; съ удовольствіемъ слушалъ игру его на гитарѣ, а когда регентъ принесъ ему въ подарокъ чиза, то Сергѣй Михайловичъ былъ радъ, какъ ребенокъ, и долго благодарилъ и жалъ руку регенту. Но тотъ-же Черенасовъ послѣ перваго визита отхлесталъ такъ попа Андрея, назвавъ его и татаринкомъ, и коноваломъ, что о. Матвей не на шутку испугался, какъ-бы не донесъ попъ Андрей и не завязалось дѣло. Все, что было просто и безсодержательно для человѣка умнаго, Черенасовъ любилъ до страсти. Такъ, какія ужъ онъ открылъ качества въ старикахъ—только къ дѣду и о. Матвѣю онъ тоже шибко привязался. Ходилъ даже съ ними рыбу ловить. Особенно не любилъ онъ всякой окрѣпшей, установившейся солидности съ тѣмъ положительнымъ умомъ, который умѣетъ, напримѣръ, въ одно время и проникнуться патриотическимъ пыломъ и не забудетъ пуговицы застегнуть въ виду начальства. Попъ Андрей угощалъ Сергѣя Михайловича и хересомъ, и закуски всякія выставилъ, разсыпался въ любезностяхъ, а все-таки Черенасовъ назвалъ его негодяемъ. А между тѣмъ съ пьяницей Мартыномъ бесѣдовалъ охотно и даже разъ заходилъ къ нему и водки рюмку выпилъ. „Вотъ хорошій че-

ловѣкъ! отнесся онъ потомъ о дьячкѣ. — Фальши совсѣмъ нѣтъ“.

— Да пьеть шибко, замѣтилъ на это Максимъ.

— Что-жь пьеть? Чортъ и живетъ въ водѣ, да воды-то вовсе не пьеть. Вонъ пошъ Андрей...

Самое воспитаніе Сергѣя Михайловича вышло, какъ-то изъ обычной колѣн. Первые годы дѣтства его прошли въ тишинѣ, въ домѣ отца Максима, и оставили воспоминанія ясныя и спокойныя. Вотъ герой нашъ еще мальчикъ; онъ больше все одинъ; онъ или учитъ урокъ или читаетъ книжку. И необыкновенно ясно рисуется ему все, что онъ читаетъ. Вотъ простая палатка; вдали бродятъ стада, поле поднялось гдѣ-нибудь пригоркомъ, на который вскочилъ баранъ: ясно выдѣляется онъ на ярко-голубомъ небѣ, словно нарисованный. У входа въ палатку сидитъ хорошій бодрый старикъ, съ длиною, бѣлою, какъ снѣгъ, бородою: онъ видитъ вдали трехъ странниковъ и принимаетъ ихъ, а Сарра украдкой выглядываетъ изъ-за перегородки. А вотъ широкая голубая рѣка; высоко поднялся тростникъ по берегамъ ея, прямой и тонкій, и темнѣютъ въ глубинѣ его тихіе заливы, и волна прибываетъ къ нему и плескъ ея — будто сладкій задумчивый шопотъ. Плыветъ, качаясь по зыби, корзинка. Дочь Фараона приходитъ купаться и видитъ корзинку и велитъ подать ее себѣ. Широко стелется пустыня и даль ея необозрима; толпа народа, какъ волны, идетъ колыхаясь, шумя; впереди ея облачный столбъ и за нимъ обѣтованная земля; но далеко еще она и самому вождю не видать ее: съ грустью взглянетъ онъ на нее издали, съ горы, и потомъ возьметъ его къ себѣ самъ Богъ. Глубоко ложились на душу ребенка всѣ эти картины: ихъ простота и ясность какъ нельзя болѣе соотвѣтствовали той тихой, мирной обстановкѣ, какая царствовала въ домѣ о. Максима. Часто задумавшись сидѣлъ Черенасовъ, какъ дитя гдѣ-нибудь въ углу, когда наступившіе сумерки мѣшали уже читать, а двурогій мѣсяцъ рисовалъ на полу блѣдносініе узоры, споря съ тихимъ мерцаньемъ лампы. Тутъ иногда отецъ Максимъ, играющій на гусляхъ, напоминалъ собою Давида, и прочитанное днемъ рисовалось теперь въ головѣ мальчика съ новою силой и ясностью. Онъ любилъ эти картины и, чтобы ничто не мѣшало жить въ создаваемомъ мірѣ, онъ рано полюбилъ уединеніе и тишину. Онъ любилъ поля и

рощи, любилъ бродить по нимъ одинъ-одинехонекъ, или лежать гдѣ-нибудь подъ деревомъ, и смотрѣть, какъ вверху свозъ вѣтви сіяетъ голубое небо, какъ колышутся листья, двигаются, переплетаются и небо въ нихъ оттого какъ рѣчная зыбь; любить онъ уединенныя тропинки, протоптанныя гдѣ-нибудь между желтѣющею рожью или въ густомъ кустарникѣ, гдѣ корни ползутъ на дорожку, низкій дубнякъ растетъ и бѣлѣетъ, какъ лента, гдѣ-нибудь въ чащѣ березка; тутъ и лужайка прохладная, густо-зеленая: нависли вѣтви надъ нею и сдѣлался самъ собою тѣнистый гротъ, въ которомъ по цѣлымъ часамъ иногда просиживалъ ребенокъ. И прислушивался тогда онъ къ шуму голосовъ, несущихся изъ чащи, и все, казалось, для него жило тутъ: дальняя березка кивала вѣтвями, стоялъ угрюмо низкій приземистый дубокъ, протягивая, какъ лапы, туда и сюда свои кривые длинные сучья съ угловатыми острыми листьями; потупившись въ землю, недвижно и какъ-бы размышляя о чемъ, стояли колокольчики и желтѣль одувачикъ, накрытый, какъ сводомъ, развѣсистымъ густымъ кустомъ. И все сначала казалось тихо, исполнено строгой задумчивой мысли; но мало-по-малу ухо различало чирканье дальней птички, шелестъ березы, трескъ кузнечика; затѣмъ цѣлый міръ насѣкомыхъ наполнялъ слухъ своею горячею, спѣшной работой и тысячи голосовъ, казалось, неслись тогда изъ чащи: было тутъ и жужжанье, и свистъ, и шипѣніе, и тонкій плаксивый вопль запутавшейся въ паутинѣ мухи. Незримо передавалась вся эта жизнь душъ задумчиваго мальчика, и, углубляясь въ нее, онъ, казалось, забывалъ тогда все на свѣтѣ. Недвижно вперивъ свои дѣтскіе глаза на какой-нибудь цвѣтокъ или травку, онъ оставался такъ по цѣлымъ часамъ. Такъ разцвѣталъ герой нашъ, истое дитя природы, философъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ.

Образованіе его, впрочемъ, шло обычнымъ изстари заведеннымъ порядкомъ. Его учили, какъ водится, по книжкамъ, о которыхъ онъ сохранилъ только то воспоминаніе, что катехизисъ былъ въ пестрой оберткѣ, а арифметика въ синей; грамматика же Востокова состояла въ переплетѣ, но до того мягкомъ, истрепанномъ, съ оборванными углами, что имъ безъ всякаго опасенія можно было бить по головѣ, сколько угодно. Большое участіе въ образованіи Черенасова принимала также латынь, подъ видомъ тоненькой книжки, которая

имѣла свойство раскрываться всегда на *mensa*. Таково было его образованіе, руководимое сначала попомъ, потомъ какимъ-то отставнымъ столоначальникомъ, затѣмъ философомъ изъ мѣстной семинаріи, доколѣ наконецъ не отдали мальчика въ школу. Тутъ стали тускнѣть простые и ясные образы библіи и больше участія приняли всякія синія и пестрыя книжки; но, къ счастью, онѣ не заглушили въ мальчикѣ первыхъ впечатлѣній дѣтства и то, что ускользнуло отъ взора почтенныхъ наставниковъ, оставило глубокой неизгладимый слѣдъ въ воспріимчивомъ учениѣ. То были странныя, невѣдомыя чувства, сами собой возникавшія въ героѣ нашемъ при видѣ полей и рощъ, среди которыхъ суждено было ему расти и воспитываться.

Въ семинаріи Черенасовъ рѣзко отдѣлялся отъ другихъ бурсаковъ своимъ слабымъ сложеніемъ, тонкими чертами лица; это былъ нервный, мечтательный юноша, съ тихимъ, почти женскимъ, голосомъ... Его симпатичность избавила его отъ всякихъ щипковъ и подзатыльниковъ, а быстрыя способности отъ долбни: ему безъ труда давались всякія задачи и уже въ бурсѣ онъ началъ заниматься преимущественно чтеніемъ. Дальновидные люди поэтому и тогда уже замѣчали, что изъ него ничего не выработается. Но онъ кончилъ хорошо и поступилъ въ университетъ. Тутъ многое подѣйствовало на него благотѣльно и прежде всего спасло его отъ монашества, о которомъ онъ мечталъ-было въ семинаріи. Правда, въ университетскихъ лекціяхъ много тогда было казарменнаго, но двѣ, три случайно брошенныя мысли не совсѣмъ казеннаго свойства были достаточны, чтобы указать юношѣ тотъ свѣтъ, который скрывался отъ него за монашествомъ. И тутъ многіе предвидѣли, что изъ Черенасова едва-ли что выработается. Экзамены, правда, сдавалъ онъ отлично, профессора были довольны, но дѣло въ томъ, что онъ не могъ никакъ избрать себѣ какой-нибудь опредѣленной спеціальности въ родѣ санскритскаго языка или хорватской литературы XIX столѣтія. Въ университетѣ-же началъ онъ пописывать статейки въ журналахъ; въ нихъ была извѣстная оригинальность взгляда, умѣніе пользоваться матеріалами и обширная начитанность. Но журналистика повредила ему въ глазахъ начальства.

— И отчего не избрать себѣ что-нибудь опредѣленное, говорилъ одинъ заслуженный профессоръ,—очертить кругъ, изъ

второго уже такъ и положить себѣ не выходить? Зачѣмъ разбрасываться въ разные стороны? Мы вотъ нуждаемся въ руководствахъ, грамматикѣ у насъ нѣтъ хорошихъ... Молодежь вообще и прежде всего должна выработать себѣ что-нибудь.

Товарищи тоже косо поглядывали на Черенасова, ибо пропитались серьезнымъ взглядомъ на дѣло: кто писалъ уже года два о греческихъ частицахъ, кто изслѣдованіе о томъ, были-ли клопы у римлянъ и чѣмъ ихъ выводили, словомъ, всякій отмѣривалъ себѣ извѣстный кружокъ и тутъ уже выработывалъ что-нибудь серьезное. Всѣ они готовились къ извѣстной специальности и потому, окончивъ курсъ, тотчасъ же пристроились на службу, выправленные, выдрессированные и, главное, вполне довольные собою и воспитаніемъ и тѣмъ солиднымъ взглядомъ, который успѣли себѣ выработать. Когда они, задолго еще до окончанія курса выхлопотавъ себѣ извѣстное назначеніе, разсѣялись по имперіи, а иные получили командировку за границу съ огромнымъ окладомъ и съ обещаніемъ цѣлю обозрѣть тамъ различныя учрежденія, Черенасовъ остался на распутии.

И по робости, и по врожденной какой-то конфузливости, совершенно неумѣстной, онъ затруднялся надобѣдать начальству, просить, кланяться, а хлопотать черезъ третьи или десятыя руки вовсе не умѣлъ.

— Странное дѣло! вездѣ хочеть оригинальничать! говорили про Черенасова новые дѣятели, прежніе его товарищи. — А отчего не поступать такъ, какъ всѣ?

Черенасовъ остался въ Петербургѣ безъ мѣста и безъ протекціи. Онъ сталъ промышлять уроками, писать и печатать статейки. Долговязые магистры съ рыломъ въ поларшина, съ очками на носу, повачивали головами, читая работы бывшаго своего товарища, и сожалѣли о томъ, что Черенасовъ губить способности на мелочахъ вмѣсто того, чтобы взяться серьезно за римскихъ клоповъ. Потребности Черенасова были очень малы покамѣстъ. Комнатка въ пятомъ этажѣ, иногда обѣдъ, иногда одинъ чай съ булкой. Натура его, хотя и слабая, въ сущности была вынослива. Притомъ у него все зависѣло отъ расположенія духа. Напримѣръ, одна мысль, что онъ ни отъ кого не зависить, никому не кланяется — дала ему и энергію и бодрость духа. А въ будущемъ воз-

возможность какой-то широкой дѣятельности, свободнаго труда, осуществленія своихъ мыслей и надеждъ о счастіи, грезившихся ему съ дѣтства, наконецъ твердая вѣра въ силу мысли и труда—все это, вмѣстѣ съ молодостью, дѣлало то, что Черенасовъ легко переносилъ всякія невзгоды и неудобства жизни. Поставить на столъ самоварчикъ, откроетъ окно: дѣлнй закатъ горитъ на крышахъ, на куполахъ церквей, цѣлый рядъ дымовыхъ трубъ освѣщенъ розовымъ свѣтомъ... Вотъ, думаетъ Черенасовъ, такой-же закатъ теперь у насъ въ Окуевѣ, но тамъ свѣжѣе, прохладнѣе; попъ Матвей съ дѣдомъ небось пришли съ рыбной ловли и пьютъ чай... Черенасовъ таки свелъ отчасти на монашескую жизнь. Комнатка его была чистенькая, мебель простая, миниатюрная, точь въ точь какъ въ кельѣ; любоваться вечерней зарей, слѣдить, какъ надвигаются тѣни, встрѣчать сумерки, прислушиваясь къ тихо-шумящему самовару, сидѣть по ночамъ за книгой или за писаньемъ — вотъ было его времяпровожденіе. Года два по выходѣ изъ университета онъ даже не обременялъ себя особенно уроками, хотя и представлялись случаи; свободное время онъ предпочиталъ сидѣть въ публичной библіотекѣ, иногда по цѣлымъ днямъ, питаясь калачемъ, который осторожно отщипывалъ въ карманѣ и осторожно проносилъ и клалъ въ ротъ; тутъ-то онъ приобрѣлъ страсть къ чтенію. Ему все думалось, что образованіе его весьма недостаточно, и въ этомъ онъ много отсталъ отъ товарищей, которые теперь собственно укрѣплялись только въ правилахъ: это были даже солидные чиновники, иные украсились орденами, кто пожелался, кто сосватался... А Черенасовъ все оставался оригиналомъ. Изучилъ языки, перечиталъ столько, что и сказать нельзя! А все подписывался: состоящій въ такомъ-то классѣ такой-то. Но вотъ въ счастливую минуту подвернулся пріятель и уговорилъ Черенасова „утвердиться“ по крайней мѣрѣ въ чинѣ, чтобы хоть въ будущемъ поочистить себѣ дорогу. „Мало-ли что можетъ предстоять, говорилъ пріятель: ну, увидать, что все таки человекъ служилъ, чинъ имѣеть... Такъ оставаться нельзя! Да и теперь чинъ: у насъ чинъ все! безъ него ходу нѣтъ... Вздумалъ ты, положимъ, жениться: прежде всего, кто таковъ? гдѣ служить? А почему знать, можетъ ты сто тысячъ приданаго возьмешь: тогда и насъ по-

мани. Да наконецъ и дѣло-то все наплевать: не понравилось—брось, въ отставку подай!

Черенасовъ отговаривался, но пріятель былъ человекъ простой и добрый; онъ совѣтовалъ Черенасову отъ души, и притомъ безъ всякой задней мысли, даже прямо говорилъ: „Главное не смотри на это дѣло, какъ на что-то серьезное: а то какъ разъ запутаешься! У насъ вѣдь одна форма... Я вѣдь тебѣ и не говорю, чтобъ это было что-нибудь такое важное. Всегда поэтому можно наплевать.“ Простота и откровенность съ Сергѣемъ Михайлычемъ были самымъ лучшимъ родомъ увѣщаній, и потому онъ послушался, подобно тому какъ разъ въ Окуевѣ, почувствовавъ себя нездоровымъ, ни за что не хотѣлъ призвать уѣзднаго лекаря, а вылечился какой-то бурой настойкой, которую принесъ ему крѣпко-облюбившій его Мартынъ-дьячекъ и предложилъ именно отъ чистаго сердца.

Чтобъ утвердиться въ чинѣ, поступилъ Черенасовъ въ министерство финансовъ, гдѣ служилъ пріятель. Шесть мѣсяцевъ линевалъ онъ, графилъ и дѣлалъ заголовки. Дѣлать это заставилъ его „точный и добросовѣстный столоначальникъ“. Филологическое образованіе Черенасова, конечно, тутъ было ни къ чему. Отрывки изъ Цицерона и Софокла, приходившіе въ голову во время графленія, только сбивали съ толку. Но думая, что рано или поздно отъ него потребуютъ и дѣла, Черенасовъ сталъ читать статьи по политической экономіи, изучать разныя финансовыя системы и однажды завелъ разговоръ съ своимъ столоначальникомъ о системахъ податей, существовавшихъ въ разное время въ разныхъ государствахъ, о значеніи капитала и труда, объ отношеніяхъ между тѣмъ и другимъ—столоначальникъ все это слушалъ, нюхая табакъ, и наконецъ промолвилъ:

— Все это хорошо, сударь мой, только вѣдь у насъ это ни къ чему.

— Отчего?

— Оттого, что у насъ своя система—министерская!

— Да вотъ я теперь все графлю, началъ было Черенасовъ.

— Я, сударь мой, десять лѣтъ графилъ. Заставятъ—и теперь буду то-же дѣлать.

— Но гдѣ-же смыслъ?

— Служба, сударь мой, служба! Вы гдѣ воспитывались?

«Дѣло», № 3.

— Въ университетѣ.

— Ну вотъ... Какъ-же вамъ не знать этого?

Однако Черенасову надоѣло графить. Притомъ онъ думалъ, что случайно попалъ тутъ въ такое положеніе, что можетъ быть столоначальникъ интригуетъ какъ-нибудь, не даетъ ему нарочно ходу, что въ другомъ вѣдомствѣ, можетъ быть, и не то выйдетъ. Перебрался онъ въ другое вѣдомство. Начальникъ былъ нѣмецъ и потому на новомъ мѣстѣ Черенасовъ засталъ уже значительный коралловый островокъ: все были нѣмцы, кромѣ двухъ-трехъ мелкихъ писцовъ да вновь поступившаго Черенасова. Съ полгода и тутъ герой нашъ ставилъ какіе-то номера, цифровалъ страницы и подшивалъ. Неизвѣстно, когда-бы кончилось это подшиванье, но къ счастью Черенасова его вспомнило прежнее университетское начальство и предложило ему мѣсто учителя гимназіи. Дѣло сначала пошло хорошо, ученики полюбили новаго наставника и потому учились и знали. Черенасову и самому пріятно было сначала. Но года черезъ три онъ почувствовалъ, какъ словно ошалѣлъ немного. Бѣдность содержанія, однообразіе дѣятельности, а главное, куриное міросозерцаніе учено-педагогическаго кружка напомнили ему особое отдѣленіе въ комнатѣ дѣда или лучше особый птичникъ, куда старикъ сажалъ охрипшихъ чижей, чижей съ типуномъ, ослѣпшихъ отъ старости дроздовъ, щегловъ, синицъ, которые не то чтобы пѣли, а какъ-бы сквозь сонъ, вспоминая старину, ворчали всякій что-нибудь себѣ подъ носъ: дѣдъ не хотѣлъ истреблять ихъ, а оставлялъ спокойно докашливать свой вѣкъ и даже устроилъ особое отдѣленіе, нѣчто въ родѣ Силоамской купели, куда и собиралъ хромыхъ, слѣпыхъ, всѣхъ чающихъ движенія воды. Такова казалась и ученая корпорація Черенасова: каждый ворчалъ извѣстную пѣсню, у каждаго былъ свой типунъ на языкѣ. Чувствуя себя въ силахъ, а главное, проникнутый желаніемъ сдѣлать изъ себя что-нибудь лучшее и большее, чѣмъ учитель (все молодое воображеніе подсказывало)—Черенасовъ вышелъ въ отставку. Но, служа учителемъ, онъ сблизился съ семействомъ генерала Кубрикова, сына котораго онъ готовилъ въ университетъ. Черезъ генерала Черенасову снова повезло поступить на службу. Кубриковъ служилъ въ разныхъ мѣстахъ и между прочимъ въ одномъ обществѣ. За-

нятія тутъ были довольно странныя, смѣшанныя, такъ сказать. Разсматривались, напримѣръ, прописи, указывались мѣры къ развитію какого-то особаго „церковно-славянскаго элемента“ въ юношества, предлагались способы къ ослабленію идолопоклонства (къ развитію христіанства должно быть). Вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ занимались обращеніемъ въ православіе жидовъ и издавались проекты, отличавшіеся характеромъ именно общимъ о постройкѣ приходскихъ училищъ на каменномъ фундаментѣ, о способахъ въ скорѣйшему слитію славянскихъ ручьевъ въ русскомъ морѣ и т. п. Общество это издавало особый журналъ, гдѣ помѣщались протоколы засѣданій и цѣлыя статьи, если въ нихъ касалось что-нибудь „славянскихъ ручьевъ“, напримѣръ: Значеніе Ивана Яковлевича Корейши въ московскомъ мірѣ (статья самого предсѣдателя), объ архимандритѣ Анфиногеннѣ, жившемъ во второй половинѣ XIII столѣтія. Секретарь общества былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и редакторомъ журнала: это былъ человекъ изъ „новыхъ“, пробивавшій себѣ дорогу особымъ способомъ, вошедшимъ въ моду съ конца пятидесятихъ годовъ. Образовался особый типъ дѣятелей, на лицѣ которыхъ всегда изображенъ какой-то высшій государственный принципъ, который якобы ихъ руководитъ: тутъ и стойкость убѣжденій, и сознаніе долга, и ясная опредѣленная мысль, и какая-то готовность, не то чтобы подобострастіе, а такъ видно, что человекъ улавливаетъ, такъ сказать, малѣйшую мысль и намѣренія начальства. И какое вмѣстѣ съ тѣмъ достоинство и благородство въ манерахъ, въ осанкѣ, во всемъ! Врожденное достоинство и благородство! Таковъ былъ и секретарь общества.

— Читаль-съ, говорилъ онъ при первомъ-же знакомствѣ съ Черенасовымъ, котораго хотѣлъ заручить, какъ хорошаго сотрудника журнала, — читаль ваши статьи-съ. Хорошо-съ. Могу сказать. Тутъ главное духъ-съ.

Секретарь говорилъ отрывисто и рѣзко, но это была скорѣе прямота и искренность, чѣмъ грубость.

— Походимте-съ? продолжалъ онъ. — Очень пріятно. Вы въ здѣшнемъ университетѣ воспитывались?

— Да.

— Такъ-съ. Видно по направленію-съ. По духу видно-съ. Михайла Степаныча помните?

— Какже.

— Онъ уже генераль. Да-съ. И Семень Федорычъ, и Иванъ Сергѣичъ... Въ какомъ году извоили кончить?

— Въ 56-мъ.

— Стало быть не застали уже Степана Тихоныча?

— Нѣтъ.

— Хорошее было направленіе-съ. У Степана Тихоныча теперь и тутъ уже, и тутъ...

Секретарь указаль на грудь и на шею.

— Да-съ, продолжалъ онъ, — вотъ что значать реформы: ордена летятъ-съ!

Тутъ они заговорили о реформахъ. Черенасовъ, какъ человѣкъ молодой, пустился въ разглагольствія; секретарь смотрѣль на дѣло проще: говоря о реформахъ, онъ видѣль передъ собою извѣстную бумагу за извѣстнымъ номеромъ, протоколъ, статью, видѣль также возможность получить лишній чинъ, орденъ, словомъ, давно уже утратилъ общій смыслъ дѣла и затерялся въ мелочахъ, въ формѣ, однако не только не осаживаль Черенасова, но даже на всѣ его юношескія рѣчи о прогрессѣ отвѣчалъ:

— Конечно-съ. Конечно-съ. Совершенно справедливо. Это вы вполне вѣрно говорите. И главное духъ-съ. Совершенно вѣрно-съ.

— Все это, увлекался Черенасовъ,—даеть надежду въ будущемъ, впереди что-то видно...

— Многое видно-съ.

— Самая служба облагороживается, а то вѣдь это было...

— Мертвая канцелярія-съ! Но вы у насъ теперь въ два года получите вотъ сюда-съ!

Секретарь указаль на шею.

— Я объ этомъ собственно... началъ Черенасовъ.

— Не забочусь, вы хотите сказать? Это-то намъ и дорого-съ. Это намъ и дорого-съ.

— Меня особенно привлекаеть журналъ.

— Объ этомъ-то именно и хотѣль я съ вами поговорить. Мы, видите-ли, имѣемъ ту цѣль, чтобы по возможности способствовать образованію, отчасти, если хотите, порядку... Поэтому общія идеи, этотъ уровень намъ всего важнѣе.

— Но вѣдь можно проводить и свое въ статьяхъ, напри-
мѣръ...

— Еще-бы-съ! Прямо такъ и катайте!

— Я замѣтилъ о духовенствѣ...

— Тутъ мы было отчаянную штуку провели, да что прикажете дѣлать? Синодъ!.. Ну и вышла статья такъ себѣ, ни то, ни се...

— Довольно мягкая.

— Сглажена конечно-съ.

— И еще о воспитаніи у васъ. Помоему нужно-бы прямо сказать: такіе и такіе-то предметы уничтожаются.

— Да, но вѣдь вы знаете, что все у насъ зависитъ отъ начальства... Какъ-же вы будете уничтожать?

— Все-таки надо вести свое.

— Да мы и ведемъ-съ. Что вы хотите? О воспитаніи мы ведемъ-съ, о духовенствѣ ведемъ-съ, о вѣшнихъ дѣлахъ ведемъ-съ...

— Я не могъ никакъ уловить яснаго чего нибудь...

— Нельзя-съ. Наша роль не такая.

И Черенасовъ пустился въ журнальную дѣятельность. Какъ ни желалъ онъ быть самостоятельнымъ, однако мало-по-малу такъ привыкъ въ разнаго рода уступкамъ, ограниченіямъ, смягченіямъ, что выработалъ незамѣтно для себя особый слогъ, въ которомъ, хотя и проводилось то и другое, но на всемъ лежалъ добродушный оттѣнокъ. Какъ аккуратный, до самозабвенія преданный своему дѣлу писецъ, зажавъ дыханіе и закусивъ вѣрѣею нижнюю губу, очиниваетъ перо, весь погруженный въ свое дѣло: то поправитъ раскѣпъ, то подчиститъ, то подуетъ на него, и опять конравитъ, и прикинеть на глазъ и съ боку посмотреть — такъ и Черенасовъ подчищалъ и сглаживалъ статьи свои: то смягчить, то смазать, то вовсе минуешь... Можно сказать, что у него съ теченіемъ времени образовалась въ головѣ своя особая цензура и множество Дамокловыхъ мечей висѣло надъ его мыслями и выраженіями, пока онъ не набилъ, какъ говорится, руки, и не втѣснилъ взгляда своего въ положенныя рамки, въ которыхъ уже излишни едѣлались самыя смягченія и ограниченія.

Впрочемъ и такая литературная дѣятельность Черенасова была весьма ограничена. Ему приходилось больше писать объ азбукахъ, прописяхъ, о псалтыряхъ, издаваемыхъ для ново-

обращенныхъ, объ учебникахъ Зуева, Студитскаго и проч. Статьи эти онъ пекъ какъ блины. Самъ онъ впрочемъ ясно чувствовалъ, что нашель не то, чего ожидалъ, что онъ тратить свои способности на пустяки, служить не тому дѣлу, о которомъ мечталъ; словомъ онъ не былъ доволенъ собой; но привычка-ли, человѣческая-ли натура ужь такова—только какъ ни раздраженъ бывалъ иногда Черенасовъ, но хорошей объѣдъ, бутылка вина, всегда имѣвшаяся дома, смягчали какъ-то недовольство нашего литератора и онъ все откладывалъ далѣе и далѣе мысли о перемѣнѣ своей дѣятельности. Внешнее положеніе его было однакожъ недурно. Важныя бумаги, что-нибудь въ родѣ докладовъ, или памятныхъ записокъ для членовъ комисіи, большею частію поручались Черенасову. Дѣла въ обществѣ обыкновенно шли такъ: общество было нѣчто въ родѣ пританей, члены служили въ немъ какъ-бы мимоходомъ, занимая въ то-же время мѣста въ другихъ заведеніяхъ; чины были все большіе, оклады тоже, дѣла почти никакого. Секретарь соблюдалъ „общій уровень“, обращалъ въ православіе жидовъ, составлялъ протоколы и давалъ подписывать членамъ. А тутъ было нѣсколько и мелкихъ чиновъ, начиная отъ титулярнаго до коллежскаго совѣтника включительно, на которыхъ и лежали собственно всѣ дѣла, какъ разсматриваніе прописей, разборъ азбукъ и проч.; въ число ихъ поступилъ Черенасовъ. Эти-то мелкія спицы въ колесницѣ и работали, писали статьи, проекты, подавали мнѣнія, проводили всякія мысли и идеи; члены собирались разъ въ недѣлю для подписанія протоколовъ.

Черенасову поручили какую-то важную работу. Онъ взялся за дѣло, и настроилъ листовъ двадцать. Съ этихъ поръ на Черенасова посыпались чины, ордена и всякія пособія. Его сдѣлали редакторомъ журнала, издававшегося при обществѣ. Дѣло это было какъ нельзя болѣе ему по вкусу. Журналъ сдѣлался интереснѣе и получилъ характеръ отчасти ученый, отчасти литературный. Статьи самого редактора читались всего охотнѣе. На Черенасова, между прочимъ, смотрѣли уже какъ на будущаго секретаря, и дѣйствительно, какъ только прежній секретарь получилъ другое, высшее назначеніе, такъ Сергѣй Михайлычъ занялъ его мѣсто. Лѣтъ пять прошло тихо и мирно. Вопросы по-прежнему стояли бо-

лѣе на исторической почвѣ, разбирались архимандриты Анфиногены, іеромонахи Трифоны, на направление журнала мало обращалось вниманія. Новый секретарь и редакторъ, сидя за своимъ секретарскимъ столомъ въ отдѣльной комнатѣ, рядомъ съ залой общихъ засѣданій, работалъ обыкновенно надъ какой-нибудь статьей или же готовилъ протоколы для будущихъ засѣданій. Тутъ онъ имѣлъ случай наблюдать, какъ иногда въ государствѣ бываетъ эдакое тихое, мирное учрежденіе, въ которомъ и дѣло-то иной разъ трудно придумать. Кромѣ двухъ-трехъ случаевъ въ году тутъ всегда было затишье. Вотъ открывается засѣданіе, члены собрались, кто вздыхаетъ, кто нюхаетъ табакъ.

— Что, будемъ что-нибудь подписывать? спросить ктонибудь.

— А не знаю. Вотъ что-нибудь принесутъ, — слышится отвѣтъ.

Но вотъ завязывается бесѣда. Черенасовъ сидитъ и пишетъ. Направо отъ него, въ другой залѣ, его подчиненные строчатъ и скрипятъ перьями. Налѣво зала засѣданія. Дверь открыта.

— Что, слышится оттуда, — проѣзжали новаго жеребчика?

— Хочу въ новому году оставить.

— А кобылка моя ходитъ, видѣли?

— Видѣлъ. Вы вчера проѣзжали по Гороховой, а я встрѣтилъ Семена Никитича и пошли съ нимъ сыграть партію на бильярдѣ. Семенъ Никитичъ получилъ назначеніе.

— Тихонъ Петровичъ говорилъ что-то... Не слыхалъ, впрочемъ.

— Видите-ли: жена его нездорова, нуженъ воздухъ, онъ и хлопоталъ, чтобы дали порученіе. Тамъ губернаторъ нашъ. Ну мы его и пошлемъ туда.

— Ревизовать?

— Не то, чтобы ревизовать. Да ему и некогда. Осмотрѣть такъ сказать, наблюсти, если хотите... Онъ везетъ съ собой особаго человѣка — тотъ ему все это и обдѣлаетъ, и отчетъ напишетъ. Форма.

— Разумѣется, форма. Вы куда думаете отсюда?

— Я для моціона все по Невскому.

— Да, вы частенько тамъ.

— Да что прикажете дѣлать? Не сидѣть-же сложа руки. Какъ здоровье Анны Михайловны?

— Семень Иванычъ! слышится справа, изъ залы, гдѣ сидятъ младшіе чины, — послали вы въ Варшаву протоколъ за-сѣданія отъ 14 іюля?

— Успѣется.

— Да вотъ пишутъ...

— А чортъ ихъ возьми—хоть каждый день пиши!

Въ залѣ за-сѣданія зашуршали газетами.

— Какъ хорошо, слышится оттуда,—что всѣ эти газеты у насъ подъ рукою. Мы, какъ въ клубѣ.

— Долго вчера козыряли?

— Да вотъ видите-ли: поужинали мы довольно рано и сдѣлали такимъ образомъ большую ошибку: положительно нечего стало дѣлать. Намъ бы закусить сначала легонько, оно-бы время-то ушло незамѣтно, а мы, не разсудивши этого...

— Семень Иванычъ, раздается слѣва: паветъ изъ Москвы.

— Отложите покамѣстъ: успѣется.

— Да вотъ тутъ срочное...

— А чортъ ихъ возьми—хоть разсрочное!

„Однако большой лѣнтая этотъ Семень Иванычъ, думаетъ Черенасовъ: да впрочемъ изъ Москвы...“

— Разъ навсегда, раздается голосъ Семень Иваныча: какъ только изъ Москвы—къ чорту!

Черенасовъ улыбнулся.

Нагѣво у дверей остановились между тѣмъ два члена. Идетъ вполголоса бесѣда.

— Да, это удивительно: miss Магу. Князь отрываятъ записку: ба! къ князю пишетъ miss Магу. Князь сейчасъ къ носу: записка раздушена. Надѣваетъ фракъ, звѣзды и—знаете, старикъ живой—къ miss Магу...

— Это любопытно.

— Сухопарая дѣвченка, но есть въ ней что-то таеос... Дня три тому въ оперѣ miss Магу...

— Князь вѣдь со вкусомъ. Что ему не больше шестидесяти?

— Да, въ нашихъ лѣтахъ. Такъ я говорю, miss Магу... Но члены отходятъ. На мѣсто ихъ другая пара.

— Потребовали—слышать Черенасовъ—одну бутылку шампанскаго—выпили, другую—выпили, третью—выпили...

— Однако!

— Слушайте, слушайте: четвертую выпили, пятую...

— О-го, куда пошло!

— Шестую... Sophie осушила пять ставановъ. Не правда-ли рѣдкая натура?

— Богатая натура. Попробовать ее когда нибудь коньякомъ?

— Я увѣренъ, что она выдержитъ.

— Не станетъ бестія пить.

— О, на пари станетъ.

— Устроимте, нынче-же вечеромъ.

— Я готовъ.

— Предложимъ, какъ будто шутя, стороною и увидимъ, что выйдетъ. Мнѣ-бы хотѣлось наватить ее до безобразія.

— Это будетъ весело.

— Такъ *ragole d'honneur*?

— *Sans doute.*

Черенасовъ въ это время внесъ бумаги для подписи. Всѣ усѣлись за столъ и начали подписывать.

— Вотъ встати и засѣданіе кончено, говорилъ предсѣдатель своему сосѣду, — такъ мы такъ: я распорядился дома приготовить закусочку, отличный балыкъ и кой-что еще... Мы заѣдемъ ко мнѣ, заморимъ червяка, а оттуда къ Никифору Дмитричу на пироги; но пирога мы много не будемъ ѣсть, потому-что Степанъ Федорычъ распорядился нынче блины съ свѣжей икрой... Слѣдовательно, поѣвши у Степана Федорыча блиновъ, заѣдемъ въ промежуткѣ къ Елисеѣву: свѣжія устрицы! А оттуда уже прямо на обѣдъ къ Сергѣю Сидорычу: именинница жена и поваръ навѣрное превзойдетъ самого себя...

— Обѣдъ стало быть на славу?

— И ужинъ. Потому въ клубъ сегодня не зачѣмъ, а будемъ ужинать тамъ.

Такъ тихо и мирно прошло лѣтъ пять. Черенасовъ прибрѣлъ привычки довольно широкія, поуспокоился отъ разныхъ надеждъ и мечтаній, а главное пооблѣнился. Но ничто не прочно подъ луною. Черенасова за что-то отставили.

Но заслуги Черенасова, къ чести общества, не совсѣмъ

были забыты. Сначала его причислили къ чему-то съ уменьшеннымъ, конечно, окладомъ, а потомъ, при помощи Кубрикова, владѣвшаго большими помѣстьями въ окуевскомъ уѣздѣ, онъ командированъ былъ въ этотъ уѣздъ въ качествѣ особаго должностнаго лица, куда слѣдуетъ. Официальное положеніе героя нашего съ этихъ поръ не будетъ предметомъ нашего вниманія, такъ-какъ оно ограничивалось пятью-шестью бумагами въ годъ, которыя онъ обязанъ былъ отправлять куда слѣдуетъ, гдѣ ихъ подшивали къ дѣлу. Съ этихъ поръ начинается провинціальная жизнь нашего героя.

Н. Преображенскій.

СТАРЫЙ КОРЧМАРЬ.

(Изъ Петсѣв.)

Здѣсь, откуда долго не доѣдешь
До гористой мѣстности полями,—
Здѣсь нашель я миръ души и счастье,
Проводя спокойно дни за днями.
Служить мнѣ жильемъ корчма деревни,
Тишина въ ней царствуетъ святая,
Добръ корчмарь, покрытый сѣдинами...
Осѣни, Господь, благословляя,
Старика обѣими руками!

Я живу и пью и ѣмъ здѣсь даромъ
И ухода лучшаго не знаю;
Я не жду другихъ, садясь за ужинъ,—
Ждутъ меня, когда я запоздаю...
Жаль одно: старикъ съ женой все спорить,
Но за то онъ первый, утихая,
Къ ней идетъ и съ мирными рѣчами...
Осѣни, Господь, благо словляя,
Старика обѣими руками!..

О быломъ порою мы толкуемъ;
Зналъ и онъ иную жизнь когда-то;
Было все: рогатый скоть и кони,
Садъ и пашня и большая хата...
Но богатство взяли злые люди,
Домъ снесла съ земли волна рѣчная...
Злая бѣдность встала за плечами...
Осѣни, Господь, благословляя,
Старика обѣими руками.

Вечеръ жизни онъ переживаетъ,
И покой намъ нуженъ въ это время,
А ему теперь-то и досталось
Выносить нужды и горя бремя.
Рано встать и поздно лечь онъ долженъ,
Чтобъ работать, праздниковъ не зная...
На него гляжу я со слезами...
Осѣни, Господь, благословляя,
Старика обѣими руками!..

Ободряю я его надеждой,
Но, качая скорбно головою,
Говорить онъ: „Полегчаетъ скоро,
Я стою въ гробу одной ногою“.
Корчмаря въ слезахъ я обнимаю,
Такъ какъ эта личность дорогая
Мой отецъ, покрытый сѣдинами...
Осѣни, Господь, благословляя,
Старика обѣими руками.

А. Ш.

СТАТИСТИЧЕСКІЯ ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ТЕОРИИ ПРОГРЕССА.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Странная судьба постигаетъ человѣческія понятія! Было время, когда самая мысль о прогрессѣ считалась какою-то ересью, чѣмъ-то запретнымъ и почти невозможнымъ. Мечтать „о лучшемъ будущемъ“ на землѣ считалось нелѣпѣйшимъ фантазерствомъ. На „лучшее будущее“ человѣкъ могъ надѣяться развѣ за гробомъ, и то только въ томъ случаѣ, если онъ былъ вполне доволенъ земнымъ „настоящимъ“. Въ наше время вѣра въ возможность и неизбѣжную необходимость „лучшаго будущаго“ дѣлается почти общею вѣрою. Эта вѣра до такой степени общепринята и распространена, что даже официальные власти утвердили ее своимъ признаніемъ. Такимъ образомъ возникла теорія прогресса, которая преслѣдовалась какъ ересь нѣсколько вѣковъ назадъ, а теперь считается одною изъ неоспоримѣйшихъ догмъ современнаго міросозерцанія. Мы видимъ ея осуществленіе даже въ „мертвой“ природѣ; мы отождествляемъ ее съ идеєю *жизни*, и доходимъ до того, что начинаемъ благодарить небо, что настоящіе порядки такъ несовершенны и что такъ многое требуетъ въ будущемъ измѣненій и улучшеній. Боже, что было-бы съ нами, если-бы судьба обрекла насъ жить среди самыхъ совершенныхъ порядковъ, не требующихъ ни измѣненій, ни улучшеній! Вѣдь тогда-бы не было прогресса, а вѣдь безъ прогресса нѣтъ жизни! Прежде, когда люди были убѣждены, что они живутъ при наилучшемъ изъ наилучшихъ порядковъ—они благодарили

за это свою судьбу; теперь, когда они пришли къ сознанию, что порядокъ, при которомъ они живутъ, совсѣмъ не наилучшій, они боятся только одного, какъ-бы онъ вдругъ не сдѣлался *наилучшимъ* и не отнялъ-бы у нихъ надежды на безконечный прогрессъ!

Въ XIX вѣкѣ теорія прогресса, какъ извѣстно, получила особенно сильное развитіе; ее проповѣдуютъ люди самыхъ, по-видимому, противоположныхъ міросозерцаній, самыхъ враждебныхъ лагерей: и либералы и консерваторы, и радикалы, и умѣренные, и бѣлые и красные, и черные и желтые! Однимъ словомъ, идея прогресса вполне осуществляетъ собою палку „о двухъ концахъ“, ею, поочередно, колотятъ другъ друга всѣ партіи... „Впередъ! кричатъ одни, — мы должны побѣдить, потому-что наше дѣло — дѣло прогресса, а прогрессъ ничто не можетъ остановить: онъ вѣченъ и непрерывенъ“. „Назадъ! кричатъ другіе, — прогрессъ не терпитъ скачковъ — его движеніе вѣчно и непрерывно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно медленно и торжественно, судорожныя порыванія впередъ только компрометируютъ его“. „Стойте! кричатъ третьи, — отдохните, къ чему спѣшить, прогрессъ свое дѣло сдѣлаетъ рано или поздно, но мы такъ или иначе дойдемъ до цѣли; — о чемъ же такъ хлопотать, вѣдь мы знаемъ, что мы стоимъ на *пути прогресса!*“ и т. д. и т. д.

Какъ-же не развивать и не подтверждать фактами — историческими, экономическими, статистическими и вслкими другими такой драгоценной теоріи, такой эластической идеи, на которую ссылаются, къ которой апеллируютъ и люди говорящіе „впередъ!“ и люди призывающіе „назадъ!“ и люди приглашающіе „остановиться и отдохнуть?“ Да на что же бы тогда годились наши философы и ученые, если-бы они не могли намъ доказать того, что мы желаемъ видѣть доказаннымъ, если-бы они не могли убѣдить насъ въ томъ, въ чемъ мы хотимъ быть убѣжденными! Но, къ счастью, большинство нашихъ философовъ и ученыхъ можетъ это сдѣлать и дѣлаетъ. И философы-историки, и метафизики, и рационалисты поставили вѣдъ всякихъ сомнѣній теорію *историческаго прогресса*, отождествивъ прогрессъ общественный съ прогрессомъ человѣческаго ума, человѣческихъ знаній. Экономисты доказали подлинность и неизбѣжность *экономическаго прогресса*, философы-естествоиспытатели, убѣдили насъ, что прогрессъ существуетъ даже и въ природѣ.

Теорія, на алтарь которой спѣшать возложить свою „вдовью лепту“ философы и ученые почти всѣхъ родовъ оружія, конечно, не обошлась безъ пожертвованій и со стороны статистиковъ. И сказать по правдѣ, „лепта“ статистиковъ оказалась даже тяжелѣе всѣхъ другихъ приношеній. Историки и философы возлагали на алтарь больше „фразы“ и „умозрѣнія“, статистики бросили на него груды *цифръ*. А кто не знаетъ, какое рѣшительное, всеподавляющее значеніе имѣетъ въ нашъ яко-бы „положительный“ вѣкъ цифра? Конечно, „лепта“ статистиковъ была не совсѣмъ доброкачественнаго чевана, и къ ней была примѣшана порядочная доза лигатуры, но вѣдь когда-же бываетъ „ходячая монета“ безъ лигатуры?

Благодаря „вносамъ“ всѣхъ этихъ метафизирующихъ философовъ, философствующихъ историковъ и экономистовъ, и собирающихъ цифры статистиковъ на пользу теоріи прогресса, накопилась очень солидная масса всевозможныхъ драгоценностей. Мнѣ хочется пригласить читателя порыться вмѣстѣ со мною въ этихъ драгоценностяхъ и разобрать ихъ по достоинству, тщательно отдѣляя зерно отъ мякины, мѣдъ натертую ртутью отъ чистаго серебра. Результаты моего анализа я позволю себѣ представить читателямъ подъ безобиднымъ заглавіемъ „Примѣчаній къ теоріи прогресса“. Примѣчанія эти будутъ трехъ родовъ: историческія, экономическія и статистическія. Я начинаю съ послѣднихъ. Но, прежде чѣмъ я приступлю къ нимъ, сдѣлаю одну небольшую оговорку.

Статистики, группируя цифры въ пользу теоріи прогресса, обнаружили большія познанія въ томъ искусствѣ, которое на языкѣ лавочниковъ называется умѣньемъ „товаръ лицомъ показывать“. Они съ удивительною ловкостью и настойчиво обращаютъ ваше вниманіе на факты, свидѣтельствующіе о томъ, что жизнь человѣческая „удлиняется“, богатства „накаплиются“, образованіе „распространяется“, торговля „расширяется“, нравственность „улучшается“, преступленія „уменьшаются“ и т. д., и лишь вскользь указываютъ на другія данныя, касающіяся такъ-называемыхъ *темныхъ пятенъ* на европейской цивилизаціи, какъ, напр., пролетаріата и т. п. Данныя послѣдняго сорта или игнорируются или скрашиваются сомнительными итогами. Намъ хотѣлось бы возстановить нѣкоторые факты въ ихъ настоящемъ

свѣтъ, не принимавая къ нимъ той лигатуры, на которую такъ щедрѣе оффиціозные и официальные статистики. Для ясности мы раздѣлимъ эти факты на три категоріи, сообразуясь съ тремя признанными отдѣлами политической экономіи: факты касающіеся *производства*, факты относящіеся до *потребленія и распредѣленія*, и наконецъ—*обмѣна*. Производство обусловливается, какъ извѣстно, двумя факторами: человеческимъ трудомъ и извѣстными силами природы — живою работою силою *народонаселенія*, и силами заключенными въ землѣ, водѣ и воздухѣ. Начнемъ-же съ *статистики народонаселенія*, чтобы перейти отъ нея къ статистикѣ *поземельной собственности* и машиннаго производства.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Значеніе вопроса о коэффициентѣ «размноженія» для теоріи прогресса. — Факторы коэффициента размноженія. — Движеніе коэффициента «плодовитости» и коэффициента «мертворожденія». — Какъ объясняютъ это движеніе экономисты? — Движеніе коэффициента «смертности». — Средняя и вѣроятная жизнь.

I.

Около ста лѣтъ тому назадъ, нѣкоторые „глубокіе умы“ пришли къ мысли, что размѣры размноженія народонаселенія находятся въ прямой зависимости отъ размѣровъ *средствъ къ существованію*, т. е. отъ степени благосостоянія народонаселенія, иными словами: *коэффициентъ размноженія прямо пропорціоналенъ коэффициенту соціального прогресса, — коэффициенту благополучія*. Теперь мысль эта стала до такой степени общераспространенной, что ни одному человѣку не придетъ въ голову усумниться въ ней. Въ популярномъ переводѣ эта „научная доктрина“ сводится къ той тривиальной истинѣ, что человѣкъ, не получающій въ достаточномъ количествѣ здоровой пищи и дурно защищенный отъ вредныхъ вліяній окружающей среды, разрушительно дѣйствующихъ на его организмъ, не можетъ ни жить, ни размножаться.

Но не рѣдко тривиальная истина, попавъ въ „вышія сферы“ науки, даетъ весьма неожиданные результаты. Такъ случилось и съ истиной, доказывающей необходимость для человѣка ѣсть,

чтобы жить“. Если народонаселеніе находится въ зависимости отъ средствъ къ существованію, то — умозаключили нѣкоторые экономисты — справедливо будетъ и обратное положеніе: средства къ существованію должны находиться въ зависимости отъ размѣровъ народонаселенія. Рукъ, конечно, будетъ тѣмъ больше, чѣмъ больше хлѣба, но хлѣба будетъ тѣмъ меньше, чѣмъ больше ртовъ. Слѣдовательно, продолжали все тѣ-же экономисты, — недостатокъ хлѣба очевидно указываетъ на излишнее количество ртовъ. Пусть уменьшится число послѣднихъ, тогда непремѣнно увеличится относительное количество перваго. Это было совершенно ясно и едва-ли требовало той весьма сомнительно-научной аргументаціи, къ которой сочли своею обязанностью прибѣгнуть означенные экономисты. Дѣло только въ томъ, что, говоря о недостаточности средствъ къ существованію, о недостаточности „хлѣба“ въ извѣстныхъ классахъ общества, — экономисты не опредѣляли точно, о какомъ именно „хлѣбѣ“, о какихъ именно „средствахъ къ существованію“ они говорятъ: о томъ-ли „хлѣбѣ“, который добывается означенными классами, или только о томъ, который достается имъ на долю. Вслѣдствіе было извѣстно, что между первымъ и послѣднимъ не существуетъ никакого прямо-пропорціональнаго отношенія. А между тѣмъ экономисты не считали достойнымъ себя обращать на это вниманіе. Имѣя передъ глазами крайнюю недостаточность средствъ существованія „рабочихъ классовъ“ западной Европы и чрезмѣрную смертность, безусловно обусловливаемую (какъ они весьма основательно предполагали) этою недостаточностью, экономисты рекомендовали „restrain population“, какъ наиболѣе дѣйствительное и единственное лекарство противъ бѣдности и, слѣдовательно, противъ смертности.

Но дѣло тутъ не въ лекарствѣ, а въ тѣхъ логическихъ соображеніяхъ, которыя заставляли его прописывать. Соображенія эти и до сихъ поръ еще смущаютъ многіе „глубокіе“ умы, смущаютъ тѣмъ болѣе, что, по своему виѣшнему, такъ сказать, формальному построенію, онѣ вполнѣ правильны. „Чрезмѣрная смертность и недолговѣчность низшихъ рабочихъ классовъ, постоянное господство среди той или другой части европейскаго населенія опустошительныхъ эпидемическихъ и эндемическихъ болѣзней,

губительныя войны, раззоряющія самыя, повидимому, высокоцивилизованныя страны, — все это несомнѣнно доказываетъ, что между „средствами къ существованію“ и „народонаселеніемъ“ Европы продолжаетъ существовать все еще ненормальное отношеніе. „Народонаселеніе“ все еще превышаетъ „средства къ существованію“. Пока равновѣсіе не установится — та смертность, тѣ болѣзни и войны, по поводу которыхъ плачутъ пессимисты — явленія неизбѣжныя и неустранимыя. Только двумя путями возможно достигнуть установленія указаннаго равновѣсія: путемъ прогрессивнаго развитія промышленныхъ силъ Европы съ одной стороны, — путемъ разумнаго регулированія и ограниченія половыхъ инстинктовъ массы, съ другой. Карманы экономистовъ набиты всевозможными „отчетами“ и „прейсь-курантами“, несомнѣнно доказывающими, что „производительныя силы“ промышленности изъ года въ годъ увеличиваются, торговля расширяется, количество ежегодно „добываемыхъ“ и фабрикуемыхъ продуктовъ умножается и т. д., слѣдоват. „средства къ существованію“ прогрессивно возрастаютъ, а потому можно надѣяться, что искомое равновѣсіе, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, должно установиться само собою, особенно если сами рабочіе поторопятся поглубже проникнуться высокою мудростью принципа „нравственнаго самообузданія“. Согласитесь, читатель, что подобное соображеніе и сдѣланный изъ него выводъ, по своей кажущейся логичности, довольно обстоятеленъ, особенно для людей склонныхъ къ оптимизму. А кто же изъ смертныхъ, по крайней мѣрѣ хоть въ тайнѣ своей души, не питаетъ нѣкоторой слабости къ оптимизму? Вся бѣда только въ томъ, что это обольстительное соображеніе построено на весьма шаткомъ основаніи, или лучше сказать, на весьма основательномъ „недоразумѣніи“. „Недоразумѣніе“ это состоитъ въ замѣнѣ словъ „средства къ существованію извѣстныхъ классовъ общества“ (бѣднѣйшихъ, трудящихся) сокращенною фразою: „средства къ существованію“, а подъ этою послѣднею фразою подразумѣваются „средства къ существованію“, находящіяся въ обладаніи всего общества en masse. Послѣднія безспорно увеличиваются, но что изъ этого слѣдуетъ? Если-бы ихъ прогрессивное увеличеніе совпадало съ такимъ-же увеличеніемъ и первыхъ, то общій коэффициентъ размноженія европейскаго народонаселенія долженъ-бы былъ возрастать и это воз-

растаніе должно-бы было проявиться съ особою силою въ тѣхъ именно странахъ, которыя достигли въ настоящее время наивысшей точки экономическаго развитія, въ которыхъ производительныя средства промышленности достигли наибольшаго прогресса. Если же этого нѣтъ, то ссылка на упомянутые выше „отчеты“ и „прейсъ-курранты“ терлетъ всякое значеніе. Отсюда, какъ я смѣю надѣяться, читатель вполне ясно пойметъ, какую важную и многозначительную роль должны играть изслѣдованія „о коэффициентѣ размноженія европейскаго народонаселенія“ для теоріи прогресса вообще, и на нихъ-то я прежде всего и прошу читателя обратить свое вниманіе.

Вопросъ ставится такимъ образомъ: представляетъ-ли коэффициентъ размноженія *постоянное*, прогрессивное возрастаніе соотвѣтственно постоянному и прогрессивному возрастанію производительныхъ силъ европейской промышленности?

Если-бы этотъ вопросъ мы пожелали разрѣшить *вполнѣ удовлетворительно* относительно всѣхъ государствъ Европы, то мы бы взяли на себя невозможную задачу. Въ большей части европейскихкихъ государствъ *точные и подробныя* свѣденія относительно всѣхъ главнѣйшихъ факторовъ этого вопроса стали собираться только, сравнительно говоря, въ недавнее время, не далѣе первой четверти нынѣшняго столѣтія, а въ нѣкоторыхъ они и до сихъ поръ находятся въ такомъ печальномъ состояніи, что изъ нихъ невозможно извлечь никакихъ серьезныхъ выводовъ, которые-бы охватывали болѣе двухъ, трехъ ближайшихъ къ намъ десятилѣтій, да и тѣ будутъ имѣть только *приблизительную* достоверность. Очевидно, что при такомъ положеніи статистическаго матеріала широкія статистико-историческія сравненія и обобщенія не могутъ имѣть никакого существенно-важнаго значенія. Они скорѣе введутъ читателя въ заблужденіе, чѣмъ что-нибудь ему разъяснятъ. Но на наше счастье намъ и нѣтъ надобности ставить вопросъ въ такой неудоборазрѣшимой формѣ. Мы гораздо прямѣе пойдемъ къ цѣли, ограничивъ изслѣдованія о коэффициентѣ размноженія только странами, стоящими во главѣ промышленнаго европейскаго прогресса. Страны болѣе отсталыя, прошедшія только *часть* того пути, который уже прошли сполна Франція или Англія, очевидно не могутъ имѣть для насъ значенія, такъ-какъ мы хотимъ разсматривать вліяніе промышленнаго прогресса,

а не вліяніе отсутствія или недостатка этого прогресса на движеніе коэффициента размноженія. Впрочемъ, мы будемъ иногда пользоваться данными статистики и этихъ отсталыхъ странъ, но только въ видѣ дополненія къ статистическимъ даннымъ Франціи, Англіи и отчасти Германіи.

Начнемъ съ Франціи. Конечно, тутъ можетъ быть только рѣчь о Франціи до прусскаго погрома. Событія послѣдняго времени окажутъ, по всей вѣроятности, значительное вліяніе на данныя статистики французскаго народонаселенія. Судя по предшествовавшимъ примѣрамъ, мы можемъ, конечно, и теперь предвидѣть, въ какихъ статистическихъ фактахъ выразится это вліяніе, но такъ-какъ оно обнаружится во всякомъ случаѣ только въ текущемъ десятилѣтіи, то говорить о немъ теперь преждевременно.

Первые официально собранные документы относительно числа жителей Франціи относятся къ концу XVII вѣка. Разумѣется, свѣденія эти не могутъ отличаться полною достовѣрностью и онѣ не могутъ имѣть другого значенія, кромѣ приблизительно-вѣроятнаго. „Извѣстно, что положеніе Франціи въ концѣ XVII в. представляло весьма плачевное зрѣлище. „Славныя войны великаго короля“ и его не менѣе „славная“ система внутренняго управленія въ конецъ разорили несчастный народъ. Потому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что населеніе Франціи къ концу этого столѣтія значительно уменьшилось. Объ этомъ почти единогласно свидѣтельствуютъ официальные отчеты интендантовъ. Такъ интендантъ Шампани говоритъ, что населеніе Труа уменьшилось на двѣ трети; по словамъ орлеанскаго интенданта, народонаселеніе его провинціи уменьшилось на $\frac{1}{2}$; въ ліонской провинціи—на $\frac{1}{6}$; въ одномъ городѣ Ліонѣ число жителей уменьшилось на 20,000. Интендантъ анжуйской провинціи увѣряетъ, что „за послѣдніе 30 лѣтъ народонаселеніе убыло на $\frac{1}{4}$ “ и т. д. Филиппо въ своей „Mémoire sur la generalité de Paris“, написанной въ 1700 г., говоритъ: „прежде народонаселеніе было гораздо многочисленнѣе, чѣмъ теперь. Этотъ фактъ вполне доказанный. Онъ доказывается сравненіемъ прежнихъ городскихъ регистровъ и „приходскихъ списковъ“ съ нынѣшними“. Какъ на главнѣйшія причины, вызвавшія это уменьшеніе, въ сочиненіяхъ того времени указывается: на раззорительныя войны, на дороговизну жизненныхъ припасовъ и на чрезмѣрно-высокіе налоги.

Пусть читатель замѣтитъ этотъ крупный историческій фактъ: онъ еще разъ подтверждаетъ старую правду, гласящую, что *уменьшеніе народнаго благополучія всегда отражается на регрессъ коэффициента размноженія.*

Къ началу XVIII ст. народонаселеніе Франціи, по вычисленію Вобана (*Dixme royale*, изд. въ 1707 г.) доходило до 19,094,146 ч. Но маркизъ Мирабо въ своемъ „*Ami des hommes*“ опредѣляетъ его въ 18,107,000 чел. Трудно рѣшить, которая цифра ближе къ истинѣ; точныхъ способовъ опредѣленія цифры народонаселенія тогда не существовало; все дѣлалось больше *на глазомѣръ*. Но если принять во вниманіе приведенныя выше свидѣтельства о быстрой и повсемѣстной убыли французскаго населенія, если вспомнить, какіе обширныя размѣры приняла протестантская эмиграція, вызванная отъѣздомъ нантскаго эдикта, то цифра Мирабо, быть можетъ, и заслуживаетъ нѣкоторое право на наше довѣріе, хотя Мирабо и не указываетъ тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ онъ ее заимствовалъ. Взявъ ее за исходную точку нашихъ вычисленій, мы найдемъ, что въ теченіи XVIII в. средній годовой коэффициентъ размноженія приблизительно равнялся 0,66 ¹⁾. Если же за исходную точку мы возьмемъ среднюю цифру, между цифрою Вобана и Мирабо (руководствуясь аристотелевскимъ правиломъ: *in media veritas*, то средній годовой процентъ размноженія будетъ равняться приблизительно 0,61%.

¹⁾ Первая, болѣе или менѣе достовѣрная официальная перепись народонаселенія Франціи, произведенная въ первый годъ XIX ст., опредѣляетъ число жителей въ 27,445,297 чел. Но, говорить Легуа (въ статьѣ «*Du mouvement de la population en France*», вошедшей въ полное собраніе его статистическихъ изслѣдованій, первый томъ котораго, заключающій 32 изслѣдованія по различнымъ отраслямъ статистики, вышелъ въ 1865 г., а второй, заключающій въ себѣ 15 изслѣдованій,—въ 1870 г.), точность этой цифры подлежитъ въ настоящее время спору. Полагаютъ, что она далеко ниже дѣйствительной цифры тогдашняго французскаго народонаселенія. Утверждаютъ, что, не смотря на опустошенія, произведенныя въ населеніи революціею, войнами, эмиграціею и чрезвычайною смертностію, обусловленною вздорожаніемъ жизненныхъ припасовъ въ революціонный періодъ,—число жителей тогдашней Франціи достигало 30 милліоновъ; а съ присоединенными провинціями, по вычисленію Пѣшэ (которая цитируетъ Блокъ въ 3-й части своей *L'Europe politique et sociale*, стр. 237), оно достигало въ 1800 году 34½ милліоновъ. Слѣдовательно, народонаселеніе Франціи въ теченіи XVIII в., увеличилось приблизительно почти на 66%, что дастъ средній (и опять-таки только приблизительно) годовой коэффициентъ—0,66%.

Увеличился-ли онъ или уменьшился въ теченіи нынѣшняго столѣтія? Въ періодъ съ 1801—60 годъ французское народонаселеніе увеличилось по официальнымъ и, съ первой четверти текущаго столѣтія весьма точнымъ, переписямъ, на 9,368,251 ч., т. е. на 34,25%; слѣдовательно средній годовой % размноженія равнялся только 0,37; а въ 1866 — 0,36. Такимъ образомъ, коэффициентъ размноженія въ нынѣшнемъ столѣтіи вообще уменьшился по сравненію съ коэффициентомъ размноженія въ прошломъ столѣтіи; уменьшеніе это стало особенно ясно обнаруживаться съ сороковыхъ годовъ (до 46-го года, средній процентъ размноженія почти не опускался ниже 0,40, 0,50, 0,60%; съ 1846 года онъ уже ни разу не достигалъ 0,40%)—и наконецъ въ концѣ шестидесятихъ годовъ процентъ размноженія сталъ почти вдвое слабѣе процента размноженія конца прошлаго и начала текущаго столѣтія ¹⁾.

Такой-же регрессъ коэффициента размноженія представляетъ намъ и другая страна, стоящая, подобно Франціи, во главѣ фабрично-промышленной цивилизаціи. Но движеніе ея коэффициента размноженія представляетъ слѣдующую замѣчательную особенность. Въ теченіи почти всего XVIII в. оно было довольно медленно, съ 1700—1801 г. народонаселеніе Англіи (я говорю объ одной только Англіи съ княж. Валлійскимъ) увеличилось всего на 67,2%, но съ конца XVIII вѣка и въ первую ¹/₄ XIX, коэффициентъ прогрессируетъ съ удивительною быстротою и въ періодъ съ 1811—21 г. онъ достигаетъ 1,64 (средній годовой % размноженія за этотъ періодъ), но съ 1821 г. онъ измѣняетъ свое направленіе и начинаетъ послѣдовательно регрессировать; съ 1821 по 31 г. онъ уменьшается на 0,10; съ 1831—41—на 0,13;

¹⁾ Слѣдующая таблица, составленная по даннымъ, извлеченнымъ изъ нѣсколькихъ статистическихъ изслѣдованій Леруа о «движеніи французскаго народонаселенія» и объ условіяхъ его возрастанія, а также изъ книги Блока *l'Europe politique et sociale*. — представитъ нагляднѣе это *регрессивное* движеніе коэффициента размноженія.

Въ XVIII ст. сред. приблиз. проц. годов. размнож.	—0,66 (или 0,61)
> 1801—26	> > > > > 0,66
> 1831—36	> > > > > 0,60
> 1836—41	> > > > > 0,41
> 1841—61	> > > > > 0,36
> 1861—66	> > > > > 0,36

съ 1841 по 1851 на 0,15; и съ 1851—61 на 0,15. Вообще же въ этотъ 40-лѣтній періодъ онъ уменьшился болѣе чѣмъ на 45%. Для всего соединеннаго королевства (считал Ирландію и Шотландію) это регрессивное движеніе коэффициента размноженія еще поразительнѣе. Раздѣляя истекшіе 60 лѣтъ (съ 1801—1861 г.) на 6 равныхъ десятилѣтнихъ періодовъ, мы получаемъ, для 1-го періода коэффициентъ размноженія=1,29; для 2-го и 3-го=1,39; для 4-го=1,03; для 5-го=0,26; для 6-го=0,55. Цифра предпоследняго періода, конечно, должна быть объясняема чрезмѣрною ирландскою эмиграціею конца сороковыхъ годовъ. Съ 1861 по 1868 г. средній годовой коэффициентъ размноженія=0,50. Между тѣмъ по вычисленіямъ Блока (L'Europе polit. et sociale, p., 405) средній годовой % размноженія равняется съ 1800—1860 г. 1,34. Слѣдовательно по сравненію съ послѣднимъ семилѣтіемъ (съ 1860—68 г.) онъ уменьшился на 0,80 или болѣе чѣмъ на 59%!

Въ Бельгіи средній годовой коэффициентъ размноженія въ періодъ съ 1841—45 г.=0,90; съ 1851—55=0,65. По Блоку средній годовой % размноженія (по сравненію 1836 г. съ 1866 г.)=0,47. Въ Австріи, по вычисленію Леуга, коэффициентъ размноженія понизился съ 1,64 (съ 1851—54) до 0,32 (съ 1855—59)¹⁾; въ Голландіи—съ 0,84 (съ 1830—40) на 0,77 (съ 1850—60). Въ Пруссіи съ 1,64 (съ 1816—1825) до 1,30 (въ началѣ 60-хъ годовъ). Относительно Швейцаріи мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній для историческихъ сравненій. Вообще же коэффициентъ размноженія ея народонаселенія, начиная съ 1836 г. (когда произведено было первое точное народосчисленіе) и до начала 1860-хъ годовъ, стоитъ на весьма невысокомъ уровнѣ, именно онъ не превышаетъ 0,61. Итакъ, приведенныя данныя показываютъ, что во всѣхъ главнѣйшихъ промышленно-фабричныхъ государствахъ Европы, коэффициентъ размноженія, по сравненію съ предъидущими годами, *регрессируетъ*. Косвенное подтвержденіе этого факта мы находимъ, между прочимъ, также и въ томъ, что коэффициентъ размноженія промышленно-фабричныхъ странъ (Франціи, Бельгіи, Голландіи, Швей-

¹⁾ Цифры относительно Австріи не внушаютъ довѣрія, по признанію самого Леуга.

царіи, Виртемберга, Ганновера и др.) гораздо ниже коэффициента размноженія странъ по преимуществу земледѣльческихъ или вообще отсталыхъ въ промышленно-фабричномъ отношеніи (Греція, Швеція, Данія и Норвегія, не говоря уже о Россіи). Слѣдующая таблица наглядно покажетъ это читателю:

Страны:	Средн. год. % размн.
Франція	0,35
Бельгія	0,44
Голландія	0,79
Швейцарія	0,61
Виртембергъ	0,61
Ганноверъ	0,47
	<hr/>
	0,54
Греція	1,59
Норвегія	1,19
Швеція	1,10
Данія	1,11
	<hr/>
	1,24

Чѣмъ же объяснить указанный здѣсь регрессъ размноженія народонаселенія государствъ „фабричной цивилизаціи“? И прежде всего, гдѣ должны мы искать его ближайшія причины?

Коэффициентъ размноженія опредѣляется, какъ извѣстно, двумя факторами: коэффициентомъ „плодовитости“ (коэффициентомъ рожденій) и коэффициентомъ смертности. Онъ прямо пропорціоналенъ первому и обратно пропорціоналенъ второму. Слѣдовательно, его регрессивное движеніе должно зависѣть или отъ уменьшенія плодовитости, при неподвижности % смертности,—или отъ увеличенія смертности при неизмѣнномъ состояніи % плодовитости, или же наконецъ отъ одновременнаго паденія послѣдняго и возрастанія перваго. Если ни одно изъ этихъ явленій не имѣетъ мѣста, то наши вычисленія, доказывающія регрессъ коэффициента размноженія, неточны и ошибочны. Въ противномъ же случаѣ, т. е. при существованіи одного изъ указанныхъ явленій, онѣ получаютъ новое и весьма сильное подтвержденіе.

Начнемъ съ перваго фактора: регрессируетъ или прогрессируетъ коэффициентъ плодовитости,—иными словами: измѣняется-ли и если

измѣняется, то въ какомъ направленіи отношеніе между „брачущимися“ и „рождающимися“?

Въ концѣ прошлаго вѣка нѣкоторые „угрюмые“ французскіе пессимисты были поражены фактомъ возрастающаго ослабленія плодovitости своихъ современницъ. Въ ихъ памяти еще живы были преданія о „благополучныхъ бракахъ“, о „многочисленномъ потомствѣ“, о „семьяхъ, въ которыхъ дѣти считались *дюжинами*“ добрыхъ старыхъ временъ. „Гдѣ теперь, спрашивали они, эти „благословенные браки“, эти „многочисленные семьи“?—5, 6 человѣкъ дѣтей у насъ считается, рѣдкою, исключительною плодovitостью, а прежде? О, времена, о нравы!“ — „Но, быть можетъ, вы ошибаетесь, замѣтили имъ статистики и экономисты (еще не читавшіе Мальтуса),—можетъ быть, вы слишкомъ обобщили частные случаи? Нужно это дѣло изслѣдовать“. И начали изслѣдовать. Но результаты ихъ оказались совсѣмъ неутѣшительны. Дѣйствительно, коэффициентъ плодovitости убывалъ и убывалъ въ такой постепенности: съ 1770—1774 г. онъ опредѣлялся цифрою 4,79; съ 1775—1779—4,35 и наконецъ съ 1780—84—4,17. Экономисты запечалились (помните, что они еще не читали Мальтуса), и стали опасаться за „будущее“ расы. По ихъ мнѣнію, всему виной былъ *прогрессъ роскоши*: онъ препятствуетъ размноженію расы, развивая съ одной стороны въ молодыхъ людяхъ ту жадность къ „матеріальнымъ благамъ“, которая заставляеть супруговъ „добровольно воздерживаться отъ исполненія своихъ супружескихъ обязанностей“,—а съ другой, увеличивая классъ домашней прислуги, обреченной, обменовенно, на безбрачіе, въ силу самой своей профессіи. Такъ разсуждали въ то время экономисты, непостигшіе еще, какая великая благодать заключается въ женскомъ безплодіи. Но что-бы сказали эти добрые люди, если-бы они могли теперь встать изъ могилы и взглянуть на слѣдующій рядъ цифръ:

На одинъ бракъ приходится рожденій:

1800—1815	3,93	1841—1845	3,21
1820—1830	3,70	1846—1850	3,18
1831—1835	3,45	1851—1855	3,10
1836—1840	3,25	1856—1860	3,02

Коэффициентъ плодovitости съ 4,79, какимъ онъ былъ въ 1770—1774 годахъ, постепенно понизился до 3,02, т. е. на

1,77. Правда, въ четырехлѣтіе за 1860—1865 г., онъ представляетъ нѣкоторое повышеніе (3,32), но, даже и по сравненію съ этимъ счастливымъ четырехлѣтіемъ, онъ все-таки, въ послѣдніе 90 лѣтъ (съ 1770—74 по 1860—64 г.), понизился на 1,47, т. е. на 30,6%; слѣдовательно, ежегодный регрессъ коэффициента плодovitости можетъ быть выраженъ = 0,34%. Если этотъ регрессъ будетъ продолжаться въ такихъ же размѣрахъ еще 90 лѣтъ, то населеніе Франціи, даже при невозможномъ предположеніи, что всѣ родившіеся дѣти будутъ доживать до брачнаго возраста и вступать въ бракъ, не въ состояніи уже будутъ пополнять ежегодныхъ дефицитовъ, причиняемыхъ смертностью, и численность его начнетъ склоняться къ упадку. А разъ численность населенія какой-либо страны вступила на этотъ роковой путь регресса, страна съ неудержимою силою и невѣроятною быстротою приходитъ къ состоянію полного „обезлюденія“ (того, что французы называютъ *depopulation*). Исторія доказываетъ это безчисленными примѣрами, стоитъ только обратиться къ прошедшему тѣхъ государствъ, которыя одинъ русскій писатель называлъ недавно „государствами застоа“, и сравнить ихъ теперешнее „обезлюденіе“ съ ихъ „многолюдствомъ“ въ прежнее время. Конечно, по всей вѣроятности, это быстрое и поразительное „обезлюденіе“ было вызвано не столько паденіемъ коэффициента плодovitости, сколько возвышеніемъ коэффициента смертности. Однако, не трудно понять, что регрессирующая плодovitость не только при неподвижности, но даже при уменьшеніи смертности можетъ привести къ тому-же результату. Ради наглядности сдѣлаемъ такое приблизительное вычисленіе: возьмемъ какую-нибудь „единицу“ французскаго населенія, ну хоть 100,000 человекъ; изъ этого числа мы, на основаніи новѣйшихъ статистическихъ изслѣдованій, можемъ предположить 62,000 лицъ отъ 15—60 лѣтъ, именно около 31,100 женщинъ и 30,900 мужчинъ. Уединимъ всѣхъ этихъ способныхъ къ браку лицъ на какой-нибудь островокъ и повѣнчаемъ ихъ тамъ: 30,900 женщинъ вступятъ въ законный, моногамическій бракъ съ имѣющимися мужчинами, а 200 пусть будутъ пользоваться чужими мужьями, т. е. состоятъ въ незаконномъ бракѣ; итого у насъ будетъ всѣхъ законныхъ и незаконныхъ браковъ 31,100; для равнаго счета возьмемъ 31,000

(пусть ужъ 100 браковъ будутъ только *фиктивными!*). Положимъ, что степень плодовитости женщинъ достигла уже того уровня, до котораго она должна дойти во Франціи, черезъ 100 лѣтъ, если регрессъ коэффициента плодовитости будетъ двигаться съ тою-же быстротою, съ какою онъ двигался въ прошло столѣтіе, т. е. съ 1760 по 1860 годъ. Слѣдовательно, каждый бракъ дастъ около 1,8 рожденій. Предположимъ далѣе, что жители нашего уединеннаго острова находятся въ такихъ счастливыхъ гигиеническихъ условіяхъ, при которыхъ всѣ родившіеся, безъ единого исключенія, достигаютъ брачнаго совершеннолѣтія, вступаютъ въ бракъ и производятъ потомство въ предѣлахъ плодовитости своихъ родителей, т. е. 1,8 дѣтей на 1 бракъ. Посмотрите же, что случится съ этимъ обществомъ черезъ 30 послѣдовательныхъ смѣнъ поколѣній: черезъ первыя десять смѣнъ поколѣній число лицъ, способныхъ къ брачной жизни, уменьшится съ 62,000 до 21,000, т. е. болѣе чѣмъ на 66% (слѣдовательно средній % уменьшенія народонаселенія за каждый изъ десяти періодовъ будетъ = 6,6%); черезъ вторыя десять смѣнъ число это сократится до 7,200 человекъ (т. е. болѣе чѣмъ на 65%) и браковъ будетъ всего заключено только 3,600, и, наконецъ, еще черезъ десять поколѣній, число способныхъ къ браку не будетъ превышать 1,900, и число браковъ = 950, съ потомствомъ въ 1,710 человекъ. Такимъ образомъ, не смотря на совершенное отсутствіе смертности въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастѣ, не смотря на то, что каждый родившійся доживалъ до брачнаго возраста, вступалъ въ бракъ и имѣлъ дѣтей и что каждый изъ этихъ дѣтей, въ свою очередь, доживалъ до брака, имѣлъ дѣтей и т. д.—не смотря на это, нашъ многолюдный островъ, населенный 31,000 семействъ, черезъ нѣсколько послѣдовательныхъ смѣнъ поколѣній, до такой степени обезлюдѣлъ, что не насчитываетъ даже и 1,000 семей! И вы видите, что въ этомъ обезлюденіи коэффициентъ смертности не принималъ никакого участія; онъ не только не увеличивался, но, по нашему предположенію, напротивъ уменьшился до неправдоподобныхъ размѣровъ. И если-бы на нашемъ островѣ не существовало ни болѣзней, ни „непредвидѣнныхъ“ случайныхъ причинъ смерти, если-бы люди умирали на немъ только вслѣдствіе своей естественной „старости“,—то все это нисколько, очевидно, не могло-бы

имѣть никакого вліянія на полученный нами результатъ: все-таки черезъ 30 послѣдовательныхъ смѣнъ поколѣній число молодыхъ (т. е. способныхъ производить потомство) семей не превышало бы 950.

Съ какою-же быстротою и въ какихъ поразительныхъ размѣрахъ долженъ-бы былъ обезлюдѣть нашъ островокъ, если-бы мы не обрекали на „безсмертіе“ всѣхъ его дѣтей! Извѣстно, что въ настоящее время въ Европѣ изъ 1,000 дѣтей, привилегією „безсмертія“, т. е. привилегією пережить дѣтскій возрастъ и достигнуть половой зрѣлости, пользуются около 480 человекъ. Въ наиболѣе привилегированныхъ странахъ процентъ дѣтей, доживающихъ до совершеннолѣтія, превышаетъ 50%; во Франціи онъ доходитъ почти до 60% (58% по изслѣдованію Легуа); въ Англіи до 53—4%; въ Бельгіи и Голландіи до 55—56%. Предположите-же теперь, что на нашемъ островѣ онъ дошелъ до 66,6%, т. е., что изъ числа родившихся, $\frac{2}{3}$ достигаютъ до брачнаго возраста, вступаютъ въ бракъ и размножаются въ предѣлахъ своей плодовитости. Предположите, наконецъ, что коэффициентъ этой плодовитости не 1,8, а 2, и посмотрите теперь, съ какою быстротою островъ долженъ обезлюдѣть: потребуетъ уже не 30, а только 10 послѣдовательныхъ смѣнъ поколѣній. Въ первомъ поколѣніи, по нашему предположенію, будетъ заключено 31,000 браковъ, т. е. будетъ 31,000 семей; во второмъ до брачнаго возраста доживетъ только 41,300 ($\frac{62 \times 2}{3} = 41,3$): слѣдовательно число семей будетъ $= \frac{41,300}{2} = 20,650$; въ третьемъ число лицъ, дожившихъ до брачнаго возраста, будетъ $= \frac{41,3 \times 2}{3} = 27,5$; въ четвертомъ $= \frac{27,5 \times 2}{3} = 18,3$ и т. д., пока, наконецъ, въ десятомъ поколѣніи число лицъ, вступающихъ въ бракъ, будетъ $= \frac{2,4 \times 2}{3} = 1,6$, а слѣдовательно число семей $= 800$.

Итакъ, при обыкновенныхъ нормальныхъ условіяхъ смертности, народонаселеніе всякой данной страны неизбѣжно и быстро должно вырождаться, если коэффициентъ его плодовитости достигъ 2. А мы знаемъ, что въ большихъ промышленныхъ и торговыхъ городахъ современной Европы, онъ почти достигаетъ этого предѣла, напримѣръ, въ Парижѣ (съ 1850—60 г.) онъ ко-

лебался между 2,11 и 2,12; въ Вѣнѣ онъ равнялся (съ 1860—64 г.) 2,56; наконецъ, какъ мы видѣли во всей Франціи, онъ стремится къ этому предѣлу, и съ конца прошлаго вѣка приблизился къ нему болѣе чѣмъ на полпути, принимая за исходную точку коэффициентъ плодovitости 1770—74 годовъ. Впрочемъ, еще гораздо ранѣе достиженія этого предѣла регрессирующая плодovitость должна будетъ остановить размноженіе народонаселенія, каковъ-бы ни былъ коэффициентъ его смертности. Пусть коэффициентъ плодovitости съ 3,02 (цифра, до которой онъ дошелъ во Франціи къ шестидесятымъ годамъ) опустится еще только на 0,22, т. е. именно настолько, на сколько онъ уже понизился съ 40-го года по 1860 г., тогда онъ будетъ выражаться цифрою 2,8. При такомъ, весьма близкомъ къ нынѣшнему, проценту плодovitости, народонаселеніе Франціи, — какія-бы благопріятныя предположенія мы ни дѣлали относительно коэффициента смертности, — не будетъ уже въ состояніи не только размножаться, но даже сохранить свою теперешнюю численность: оно быстро начнетъ вырождаться. Для наглядности возьмемъ опять, ну хоть 100 лицъ, способныхъ къ брачной жизни и повѣнчаемъ ихъ: мы будемъ имѣть 50 семей. Плодovitость каждой семьи, по условію, равняется = 2,8; пусть только $\frac{1}{3}$ (а не 42,8%, какъ это бываетъ въ дѣйствительности) изъ всѣхъ родившихся не доживетъ до брачнаго возраста; остальные $\frac{2}{3}$ доживаютъ, вступаютъ въ бракъ, размножаются по условленной плодovitости, съ ихъ дѣтьми повторяется та-же исторія и т. д. 50 семей перваго поколѣнія произведутъ = $\frac{50 \times 2,8 \times 2}{3} = 93,3$ лицъ, могущихъ вступить въ бракъ; слѣдовательно, во второмъ поколѣніи будетъ уже не 50, а всего 46,65 семей; потомство этихъ семей, дожившее до брачнаго возраста, по прежней формулѣ, будетъ равно = $\frac{46,65 \times 2,8 \times 2}{3} = 87,0$; потомство третьяго поколѣнія = $\frac{43,5 \times 2,8 \times 2}{3} = 81,2$; потомство четвертаго поколѣнія = $\frac{40,6 \times 2,8 \times 2}{3} = 75,7$; потомство пятаго пок. = $\frac{37,8 \times 2,8 \times 2}{3} = 70,5$ и т. д., читатель ясно видитъ, что первоначальная дробь $\frac{50 \times 2,8 \times 2}{3}$ должна постоянно уменьшаться, такъ-какъ одинъ изъ членовъ числителя, при неизмѣняемости знаменателя и двухъ другихъ членовъ числителя — постоянно убываетъ. Черезъ 10

смѣнъ поколѣній, онъ дойдетъ до $26,6 \left(\frac{26,6 \times 2,8 \times 2}{3} \right)$ и тогда число лицъ, способныхъ вступать въ бракъ, вмѣсто 100 будетъ = 50 (49,6), и такимъ образомъ число семей обратится на половину.

Эти въ высшей степени простыя арифметическія упражненія лучше и нагляднѣе всего могутъ уяснить читателю вліяніе регрессивнаго движенія коэффициента плодовитости на движеніе коэффициента размноженія, и намъ нѣтъ надобности долѣе останавливаться на этомъ предметѣ ¹⁾.

Но тутъ возникаетъ вопросъ: не есть-ли указанный здѣсь регрессъ плодовитости — явленіе исключительно присущее одной Франціи, ни въ какой другой странѣ неовторяющееся и неизмѣющее никакого отношенія къ основнымъ свойствамъ той промышленно-фабричной цивилизаціи, во главѣ которой стоитъ французская нація?

Статистикъ, научный авторитетъ котораго стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній, который долго и самостоятельно работалъ надъ статистикою народонаселенія Франціи и Европы вообще, статистикъ, всю свою жизнь неутомимо возившійся съ разными отчетами, вѣдомостями, реестрами и пр., самымъ рѣшительнымъ образомъ даетъ на этотъ вопросъ отрицательный отвѣтъ. Я съ особеннымъ удовольствіемъ цитирую мнѣніе именно этого статистика, потому что его „розовый оптимизмъ“ и буржуазно-офиціозная благонамѣренность его воззрѣній столь-же мало подлежатъ спору, какъ и обширность его статистическихъ свѣденій. Его-то уже, конечно, никто не заподозритъ въ „злонамѣренномъ“ (*blagonamьренномъ* — это другое дѣло, и это за нимъ водится) „искаженіи истины“! „Если, говоритъ Легуа (см. II томъ его „La France et l'Étranger“, изд. 1870 г., стр. 34),—уменьшеніе смертности въ Европѣ есть фактъ безспорный (мы увидимъ ниже дѣйствительно-ли безспоренъ этотъ „безспорный фактъ“), и если нѣтъ никакого основанія предполагать, что въ отношеніи числа

¹⁾ Замѣчу только, что и теперь въ семи французскихъ департаментахъ число рожденій почти уже не можетъ уравниваться числа смертностей (хотя коэффициентъ смертности не превышаетъ общаго средняго коэффициента для всей Франціи). Народонаселеніе ихъ или не увеличивается, или (какъ это позвала перепись 1866 года относительно Эры и Кальвадоса) уже вступило въ періодъ вырожденія.

браговъ къ населенію произошли какія-нибудь существенныя измѣненія, то не подлежитъ сомнѣнію, что плодовитость ихъ значительно понижается. Фактъ этотъ особенно даетъ себя чувствовать во Франціи...“ и т. д. Итакъ Франція — не исключеніе; регрессъ плодовитости замѣчается въ послѣднее время во всѣхъ промышленно-фабричныхъ государствахъ Европы; только во Франціи онъ рѣзче обнаруживается. И дѣйствительно, въ другихъ статистическихъ изслѣдованіяхъ Легуа мы находимъ цифры, подтверждающія и доказывающія это общее замѣчаніе. Въ Бельгій, напримѣръ, движеніе коэффициента плодовитости представляетъ слѣдующій постепенный, но несомнѣнный регрессъ:

Съ 1841—45	на одинъ бракъ	приход.	рожд.	4,33
” 1846—50	”	”	”	4,02
” 1851—55	”	”	”	3,89
” 1856—65	”	”	”	3,78

Т. е. съ 1841—45 по 1855—65 г. коэффициентъ плодовитости уменьшился болѣе чѣмъ на 10%.

Въ Голландіи коэффициентъ плодовитости въ десятилѣтіе съ 1850 по 1860 г. понизился съ 4,04 на 3,75, т. е. болѣе чѣмъ на 7%.

Въ Австріи онъ понизился съ 4,03 (1856—57 г.) на 3,84 (1860—63); въ Баваріи съ 4,38 (1825 — 36) на 3,67 (въ 1861 г.); въ в. гер. Баденскомъ съ 4,35 (1858—60 г.) на 3,77 (1861—64 г.), въ Саксоніи съ 4,12 (1834—38 г.) на 3,97 (съ 1841—50 г.). Въ Пруссіи, онъ съ 1816 по 1861 годъ не представляетъ значительныхъ измѣненій и остается, болѣе или менѣе, въ одинаковомъ положеніи. Что касается до Англіи, то, имѣющіяся у насъ свѣденія о коэффициентѣ плодовитости не отличаются особенно достовѣрнымъ характеромъ. Цифра Ваппеуса, которую онъ приводитъ въ своемъ классическомъ сочиненіи, очевидно слишкомъ преувеличена, при томъ-же онъ не отдѣляетъ Англію отъ Ирландіи (ирландскія женщины, какъ извѣстно, отличаются чрезвычайной плодовитостью и въ этомъ отношеніи ихъ можно только сравнить съ греческими, средній коэффициентъ плодовитости которыхъ превышаетъ 4,7) и основываетъ свои вычисленія на данныхъ весьма незначительнаго времени. Блокъ только цитируетъ спорную цифру знаменитаго нѣмецкаго статистика, безъ всякихъ объясненій и дополненій. Ле-

гуа, хотя и даетъ свѣденія болѣе точныя, но и его цифры страдаютъ существеннымъ недостаткомъ. Опредѣляя средній коэффициентъ плодovitости, онъ беретъ не отношеніе браковъ къ числу законныхъ рожденій (какъ-бы слѣдовало), а отношеніе браковъ къ числу рожденій вообще (какъ законныхъ, такъ и незаконныхъ); само собою понятно, что отъ такого незаконнаго возвышенія дѣлимаго — частное (опредѣляющее средній коэффициентъ плодovitости) должно было также значительно возвыситься. Въ дѣйствительности, коэффициентъ плодovitости долженъ быть ниже выведенныхъ имъ цифръ. Принявъ это къ свѣденію, мы просимъ читателя обратить вниманіе на слѣдующія цифры: съ 1838—44 г. коэффициентъ плодovitости = 4,13 (Леуга: Du mouvement de la population en Angleterre d'après les recensements, писано въ началѣ 60-хъ годовъ), а въ промежутокъ съ 1851—63 г. онъ колеблется между 3,26 (съ 1845—49) и 3,99 и 3,86 (въ 60-хъ годахъ). Вообще, начиная съ 40-хъ годовъ коэффициентъ плодovitости не поднимается выше 3,99 (см. его-же „Des conditions d'accroissement de la population“, etc, La France et l'Etranger т. II, стр. 477). Указанный нами выше регрессъ коэффициента размноженія англійскаго народонаселенія можетъ также служить косвеннымъ доказательствомъ необходимости регресса плодovitости, и такъ-какъ первый не подлежитъ сомнѣнію, то едва-ли позволительно сомнѣваться и во второмъ. Правда, для объясненія регресса коэффициента размноженія въ Англии, ссылаются иногда на эмиграцію и приписываютъ этотъ регрессъ ея вліянію, но если эта ссылка еще можетъ имѣть значеніе для Соединеннаго Королевства вообще, то собственно для Англии, безъ Ирландіи и Шотландіи, она не должна имѣть мѣста, потому-что эмиграція изъ Англии почти сполна уравнивается эмиграціею въ Англию шотландцевъ и ирландцевъ, особенно послѣднихъ; къ тому-же она и не на столько значительна, чтобы оказать такое рѣшительное вліяніе на движеніе народонаселенія; средній годовой процентъ англійскихъ эмигрантовъ не превышалъ (въ періодъ съ 1850—61 г.) 0,2% всего числа жителей Англии (безъ Шотландіи и Ирландіи).

Въ связи съ указаннымъ фактомъ регресса плодovitости европейской женщины въ промышленно-фабричныхъ государствахъ мы замѣчаемъ другой фактъ, дополняющій первый и обуслови-

важный, безъ сомнѣній, совершенно одинаковыми причинами. Не только уменьшается способность женщины къ дѣтороженію вообще, но ослабляется также и ея способность къ роженію живыхъ младенцевъ въ частности. Отношеніе мертвороженій къ общему числу роженій почти повсемѣстно увеличивается. Во Франціи на 100 роженій, мертвороженій приходилось: съ 1851—55—3,91, а съ 1855—60—4,30; слѣдовательно, среднее годовое число мертвороженій въ десятилѣтній періодъ возрасло болѣе чѣмъ на 9%.

Въ Бельгіи процентъ мертворожденныхъ возвысился въ тотъ же промежутокъ почти на $3\frac{1}{2}\%$; въ Голландіи на 3,6%.

Въ Пруссіи, въ 1849 г. считалось на 100 роженій 3,71 мертворожденныхъ, во все послѣдующее десятилѣтіе процентъ этотъ прогрессивно возрасталъ и въ 1859 г. достигъ 4,27, т.-е. коэффициентъ мертворожденныхъ увеличился въ 10 лѣтъ болѣе чѣмъ на 14%. Въ этомъ фактѣ, быть можетъ, слѣдуетъ видѣть до нѣкоторой степени объясненіе того, почему коэффициентъ плодовитости прусской женщины не обнаруживалъ въ послѣднее пятидесятилѣтіе никакихъ замѣтныхъ регрессивныхъ тенденцій: прогрессирующій коэффициентъ мертвороженій служитъ достаточнымъ суррогатомъ регресса плодовитости. Въ Баваріи коэффициентъ мертвороженій въ періодъ съ 1835 — 36 по 1839—40 г. равняется 2,92, затѣмъ, постепенно возрастая, онъ дошелъ въ 1860—61 г. до 3,44.

Относительно Швейцаріи имѣются свѣденія о кантонахъ: Цюрихъ, Сен-Галенъ и Тургау; въ первомъ процентъ мертворожденныхъ съ 3,77 (1827—30 г.) дошелъ до 4,19 (1856—58 г.); во второмъ—съ 3,2 (1816—20 г.) до 4,6 (1851—54); въ третьемъ съ 4,1 (1811—20 г.) до 4,8 (1851—58 г.).

Даже въ Даніи, Швеціи и Норвегіи коэффициентъ мертвороженій выказываетъ тѣ-же прогрессивныя стремленія. Въ Швеціи онъ увеличился въ періодъ отъ 1816—20 до 1851—55 г. съ 2,49 до 3,25; въ Даніи почти въ то-же время (съ 1811—20 по 1850 — 54 г.) съ 3,62 до 4,50; въ Норвегіи съ 3,84 (1836—46) до 4,08 (съ 1846—56).

Итакъ данныя, добытыя *официальною* статистикою (всѣ вышеприведенныя данныя заимствованы изъ официальныхъ источни-

ковъ) относительно перваго фактора коэффициента размноженія приводятъ насъ къ слѣдующему выводу: *во всѣхъ главныхшихъ, промышленно-фабричныхъ государствахъ Европы коэффициентъ плодовитости регрессируетъ, а коэффициентъ мертворожденій прогрессируетъ*. Прежде, чѣмъ я перейду къ другому фактору — къ коэффициенту смертности, я позволю себѣ обратить вниманіе читателей на то, какъ объясняется разсмотрѣнный нами фактъ съ точки зрѣнія господствующей экономической школы.

Въ то время, когда статистика находилась въ младенествѣ и почти не прикасалась къ обыденнымъ явленіямъ общественной жизни, исключительно посвящая себя на несовсѣмъ-то безкорыстное служеніе государственнымъ и чисто-торговымъ интересамъ, въ то время, когда экономистъ, не говоря уже о статистикѣ, считалъ себя въ правѣ быть совершеннѣйшимъ невѣждою по части естественныхъ наукъ вообще и физиологій въ частности, въ то время когда „экономическіе законы“ и „соціальныя аксіомы“ создавались посредствомъ легкомысленнаго обобщенія двухъ, трехъ эмпирическихъ фактовъ, кое-какъ и кое-гдѣ собранныхъ наблюденій, въ это доброе старое время въ головахъ европейскихъ экономистовъ, подъ вліяніемъ, быть можетъ, именно такихъ кое-какъ и кое-гдѣ замѣченныхъ явленій, сложился нѣкоторый весьма оригинальный предразсудокъ. Вообразили они, что чѣмъ человекъ бѣднѣе и несчастнѣе, чѣмъ онъ хуже питается и больше работаетъ, тѣмъ сильнѣе должна быть у него способность къ размноженію. Когда такую курьезную мысль сталъ проповѣдывать Мальтусъ, это было нисколько не удивительно: протестантскому пастору было простиительно пропагандировать такую невѣжественную чепуху. Но удивительно то, что съ его легкой руки, эта невѣжественная чепуха получила „право гражданства“ въ такъ-называемой экономической наукѣ и стала выдаваться за одну изъ безспорныхъ „общественныхъ аксіомъ“. Мало того, докторъ Дубльдэй возвелъ ее даже въ *физиологическій законъ*! По мнѣнію этого проицательнаго физиолога, „бѣдность“ *необходимо* (физиологически) должна быть *плодовита*, а „благосостояніе“ — также необходимо должно парализировать плодовитость (см. его: *The true law of population*, изд. 1847). Всѣмъ хорошо извѣстно, почему эта чепуха пошла въ ходъ и приобрѣла себѣ такую повсемѣстную популярность. Съ помощью

буржуазно-физиологическаго закона не трудно было доказать „физиологическую“ необходимость бѣдности и нищеты. Если бѣдняки по самой природѣ своей стремятся къ чрезвычному размноженію, то, покуда не измѣнится эта ихъ несчастная природа, никакія общественныя мѣропріятія не устраняютъ бѣдности: необузданная плодовитость женщинъ-пролетаріевъ будетъ постоянно накоплять для нея все новые и новые матеріалы. Такимъ образомъ оказалось, что „restrain moral“ есть самое вѣрное и радикальное лекарство противъ всѣхъ соціальныхъ золъ. Si non e vergo ben trovato! Чтобы чѣмъ-нибудь мотивировать пущенную въ обращеніе „теорію о плодовитости бѣдности“, экономисты и статистики пустились въ философію и совершенно серьезно вообразили себя глубокими психологами. „Когда человекъ, разсуждаетъ одинъ изъ нихъ (беру перваго попавшагося подъ руки), — теряетъ способность разсуждать, когда онъ деморализованъ бѣдностью и живетъ изо дня въ день, семейныя обязанности такъ-же мало его беспокоятъ, какъ и заботы о собственномъ существованіи и, вотъ, увлекаемый удовольствіемъ минуты, онъ размножается, не помышляя о будущемъ, безопасно предоставляя Провидѣнію; пекущемуся о немъ самомъ, позаботиться и объ его дѣтяхъ“ (Кэгле, „Sur l'homme et le developpement de ses facultés“, изд. 1835 г., т. II). Почти то-же самое повторяютъ и современные корифеи англійской либеральной экономической школы, Милль и Торнтонъ, а о другихъ и говорить уже нечего. „Бѣдность—мать безопасности“. Это самая любимая поговорка экономистовъ. Хорошо, пусть будетъ такъ. Пусть, бѣдность заставляеть бѣдняка „увлекаться удовольствіемъ минуты“, не „помышляя о будущемъ“. Но слѣдуетъ-ли отсюда, что непремѣннымъ послѣдствіемъ этого увлеченія удовольствіемъ минуты будетъ размноженіе, дѣторожденіе? Обрадованные своею психологическою провицательностью, экономисты забыли самыя элементарныя физиологическія истины: они забыли о связи питанія и расхода силъ организма съ его плодовитостью, они забыли, что „увлеченіе удовольствіемъ минуты“ не есть еще „оплодотвореніе“, и что то злоупотребленіе половыми потребностями, которое они приписываютъ бѣднякамъ, должно не развивать, а напротивъ парализировать способность женщины къ дѣторожденію. Они забыли, что организмы, разслабленные недостаточнымъ и дурнымъ

питаніемъ, обезсиленные чрезмѣрною работою и постоянно находящіеся подъ вліяніемъ сильнаго нервнаго возбужденія, что такіе организмы дѣлаются неспособными къ воспроизведенію. Но не только одно это—они забыли. Они забыли, что показываютъ книги „англійскаго перства“. Развѣ средній коэффициентъ плодovitости женъ-пролетаріевъ достигалъ когда-нибудь почтенныхъ размѣровъ средняго коэффициента плодovitости женъ древнихъ перовъ? Правда, теперь перство вырождается; но развѣ въ доброе старое время—не ихъ семьи имѣли по дюжину и болѣе дѣтей? Развѣ болѣе новѣйшія статистическія изслѣдованія о сравнительной плодovitости лицъ различныхъ профессій не показываютъ, что максимумъ плодovitости приходится въ большей части подвергшихся наблюденію случаевъ на долю сословій, ведущихъ наиболѣе *спокойную и обезпеченную жизнь*? Или экономисты думаютъ, что и тутъ должна оправдаться извѣстная пословица: „крайности сходятся“ и что если „наиболѣе спокойная и обезпеченная жизнь“ плодovита, то точно также должна быть плодovита и жизнь „наименѣе спокойная и наименѣе обезпеченная“?

Однако, аргументъ на счетъ „необузданной плодovitости“ бѣдности сослужилъ таки экономистамъ свою службу: прежде (теперь либеральные экономисты въ родѣ Торнтонъ отстали отъ этой манеры) съ его помощью они несомнѣнно доказывали, что всякія мѣропріятія, съ цѣлью искорененія или уменьшенія народнои бѣдности, неосновывающіяся на *restrain moral*—нелѣпы и непрактичны; теперь, въ виду обнаруженнаго статистикою регресса плодovitости, они выдвигаютъ тотъ-же аргументъ въ интересахъ прославленія „фабричной цивилизаціи“. По ихъ соображеніямъ, уменьшеніе дѣторожденій ясно и несомнѣнно доказываетъ прогрессъ общественнаго благосостоянія, повсемѣстное распространеніе *aïance*, такъ-какъ *aïance* есть мать *grévoуance*. Пусть эта родословная вѣрна, но почему-же у *grévoуance* должна родиться дочка *improtence*? Почему ваша „предусмотрительность“ есть мать „бесплодія“? Можетъ быть, Торнтонъ—а вѣстѣ съ нимъ и другіе экономисты,—совершенно правъ, когда онъ говоритъ (въ своемъ „*Over population*“): „увеличивая средства существованія бѣдняка, вы извлекаете его изъ нищеты, и этимъ излечиваете отъ *непредусмотрительности*. Чѣмъ больше ему будетъ что терять, тѣмъ больше онъ будетъ бояться потерять. Теперь уже

извѣстно, что высокая степень благосостоянія есть самое дѣйствительное средство противъ *непредусмотрительныхъ браковъ*¹⁾. Превосходно, но, отчего-же и *предусмотрительные браки* становятся изъ году въ годъ бесплоднѣе? И почему, какъ это доказываетъ статистика, „регрессируетъ не коэффициентъ общаго числа браковъ¹⁾, а именно коэффициентъ ихъ плодovitости? Какой странный характеръ имѣетъ эта предусмотрительность! Но если *aïsançe* дѣйствительно развиваетъ такого сорта предусмотрительность, — въ такомъ случаѣ мы должны отнести на счетъ этого-же *aïsançe* и необычайный прогрессъ коэффициента такъ-называемыхъ незаконныхъ рожденій, вытравленій плода и дѣтоубійствъ. (Ниже будутъ приведены цифры, касающіяся этого предмета). Только, почему-же вы называете мать такой „предусмотрительности“ — „благосостояніемъ“? Хорошо то „благосостояніе“, которое заставляетъ человѣка, изъ болзни расходовъ на содержаніе и воспитаніе своихъ дѣтей, вступать въ незаконныя связи, прибѣгать къ вытравленію плода, дѣтоубійству и т. п. Но оставимъ психологическую почву, и перейдемъ опять на почву статистическую.

Для того, чтобы оправдать свое предположеніе о связи между развитіемъ довольства и регрессомъ коэффициента плодovitости, экономистамъ слѣдуетъ доказать, во-первыхъ, что въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ *масса народонаселенія* пользуется, сравнительно говоря, большимъ благосостояніемъ, процентъ плодovitости ниже, чѣмъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ оно стоитъ въ худшихъ социальныхъ условіяхъ; во-вторыхъ, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ всего болѣе скопляется нищеты, коэффициентъ плодovitости выше, чѣмъ въ тѣхъ, гдѣ благосостояніе распределено равномернѣе.

Но мы видѣли, что въ трехъ, напริมѣръ, сѣверныхъ государствахъ — Даниі, Швеціи и Норвегіи, гдѣ масса населенія далеко не въ такой степени поражена язвой пролетаріата, какъ во Франціи, Бельгіи, Англии и Голландіи, коэффициентъ плодови-

¹⁾ Годовое число браковъ во Франціи, за послѣдніе 50 лѣтъ, хотя и представляетъ постоянныя колебанія около своей средней величины, но въ этихъ колебаніяхъ не замѣтно никакихъ ясно опредѣленныхъ стремленій ни къ прогрессу, ни къ регрессу (См. Дегуа: Du mouvement de mariage en France).

тости гораздо выше, чѣмъ въ четырехъ послѣднихъ странахъ. Для Англіи Легуа опредѣляетъ, по даннымъ шестидесятихъ годовъ, коэффициентъ плодovitости равнымъ 3,99 (1861—63); для Бельгіи—3,89 (1860—64); для Голландіи 3,75 (1860); для Франціи—3,32 (1860—64). А коэффициентъ плодovitости въ Швеціи, Норвегіи и Даніи Ваппеусъ опредѣляетъ слѣдующими цифрами: для первой—4,52, для второй—4,7, для третьей—4,18 ¹⁾). Если же мы теперь сравнимъ коэффициентъ плодovitости различныхъ по своимъ социальнымъ условіямъ мѣстностей одной и той-же страны, то мы опять-таки увидимъ, что именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ благосостояніе распределено равномерно и гдѣ, слѣдовательно, болѣе развито доволство, коэффициентъ плодovitости выше, чѣмъ въ мѣстностяхъ, гдѣ скопляется наибольшее количество бѣдности и нищеты. Въ большихъ промышленныхъ и торговыхъ центрахъ коэффициентъ плодovitости гораздо ниже, чѣмъ въ деревняхъ, а въ деревняхъ онъ ниже, чѣмъ въ городахъ средней руки съ преобладающимъ населеніемъ мелкихъ торговцевъ и ремесленниковъ-буржуа. Легуа подробно изслѣдовалъ этотъ вопросъ и вотъ результаты, къ которымъ онъ пришелъ. Раздѣляя французское населеніе на три группы и относя къ первой департаментъ Сены съ городомъ Парижемъ, представляющимъ наибольшую степень аггломерации; ко второй—всѣ общины, каждая съ населеніемъ болѣе 2,000; къ третьей—всѣ общины съ меньшимъ числомъ жителей (т. е. именно то, что на официальномъ языкѣ называется *samraignes*), онъ получилъ слѣдующіе коэффициенты плодovitости для каждой группы:

1 груп.—депар. Сены: 2 груп.—Villes: 3 груп.—*Samraignes*: Для всей Франціи.

2,46   3,20   3,08   3,07

(За 1860 годъ).

¹⁾ Легуа въ своемъ изслѣдованіи «Des conditions d'accroissement de la population, etc.» (La France et L'Étranger, т. II, pp. 466—503) также приводитъ цифры для опредѣленія коэффициента плодovitости въ Швеціи и Норвегіи. Его цифры нѣсколько разнятся отъ цифръ Ваппеуса: такъ коэффициентъ плодovitости въ Швеціи онъ вычисляетъ за 1830—60 г. равнымъ 3,98; а въ Норвегіи (съ 1856—60 г.) равнымъ 4,05. Эти опредѣленія ниже цифръ Ваппеуса, но за то, съ другой стороны, Легуа указываетъ на слѣдующее *прогрессивное* движеніе плодovitости въ обоихъ скандинавскихъ государствахъ: въ Швеціи въ послѣднее тридцатилѣтіе (съ 1830 по 1860) средний годовой коэффициентъ плодovitости увеличился, по сравненію съ началомъ нынѣшняго вѣка, болѣе, чѣмъ на 8%, въ Норвегіи — съ 1841 по 1856—60 годъ — болѣе, чѣмъ на 10%.

Тотъ фактъ, что средній коэффициентъ плодovitости въ деревняхъ ниже, чѣмъ въ городахъ средней руки, даетъ экономистамъ какъ-будто нѣкоторое основаніе настаивать на соотношеніи довольства съ безплодіемъ. По крайней мѣрѣ, они пользуются этимъ фактомъ и съ его помощью доказываютъ справедливость своихъ психологическихъ умствованій (см. напр. Ипполита Пасси: „Des systèmes de culture“, „Основ. принц. полит. экон.“ Д. С. Милля, „Over population“, Торнтон и др.). Но именно этотъ-то фактъ и доказываетъ совершенно противное. Изъ данныхъ, которыя будутъ приведены въ главѣ о состояніи поземельной собственности въ Европѣ, читатель увидитъ, какимъ небольшимъ довольствомъ пользуется въ промышленныхъ государствахъ мелкій собственникъ и въ особенности какъ велико благополучіе французскаго крестьянина! Если-бы во французскихъ деревняхъ коэффициентъ плодovitости былъ выше, чѣмъ въ городахъ средней руки, тогда, дѣйствительно, экономисты, быть можетъ, имѣли-бы нѣкоторый поводъ (я говорю *поводъ*, потому-что это все-таки еще было-бы не *основаніе*) ссылаться на статистику въ подтвержденіе родословной „благосостоянія“ и „безплодія“. Но теперь они лишены и этого повода. Наконецъ повсюду замѣченный фактъ совпаденія минимума коэффициента плодovitости съ максимумомъ городской аггломерациі ¹⁾, — аггломерациі, обыкновенно сосредоточивающей въ себѣ самыя крайніе предѣлы нищеты и роскоши, голода и пресыщенія, т. е. непредусмотрительности, бѣдности и богатства—этотъ фактъ рѣшительнымъ образомъ опровергаетъ теорію, выводящую безплодіе изъ предусмотрительности.

Итакъ, вышеприведенныя статистическія данныя не позволяютъ намъ объяснять *регрессъ* коэффициента плодovitости развитіемъ и повсемѣстнымъ распространеніемъ благосостоянія, т. е. социальнымъ *прогрессомъ*. Мы должны искать причину этого регресса въ чемъ-нибудь другомъ. И тѣ-же статистическія данныя говорятъ, въ чемъ именно: онѣ показываютъ, что какъ тѣ мѣстности, въ которыхъ массы пользуются весьма ограниченными средствами су-

¹⁾ Коэффициентъ плодovitости:

въ Парижѣ	2,38	во Франціи	3,32
» Лондонѣ	3,25	» Англіи	3,99
» Вѣнѣ	2,50	» нѣмц. пров. Австріи	3,69
» Берлинѣ	2,89	» Пруссіи	4,6 (Цифра Ваппеуса).

ществованія (Французскія деревни), такъ и тѣ, въ которыхъ сталкиваются крайніе предѣлы бѣдности и богатства (большіе промышленные центры), отличаются меньшею плодovitостью сравнительно съ мѣстностями, пользующимися *среднимъ*, не слишкомъ значительнымъ, но болѣе или менѣе равномерно-распределеннымъ благосостояніемъ; онѣ показываютъ далѣе, что регрессъ плодovitости идетъ рука объ руку съ промышленнымъ и интеллектуальнымъ прогрессомъ. И эти ихъ указанія не только не противорѣчатъ, но, напротивъ, вполне подтверждаются всѣмъ, что мы только знаемъ изъ физиологій объ условіяхъ и законахъ размноженія органической жизни. На основаніи однихъ физиологическихъ соображеній мы могли-бы заранѣе, à priori, въ общихъ чертахъ опредѣлить движеніе коэффициента плодovitости, при тѣхъ или другихъ данныхъ социальныхъ условіяхъ. Мы могли-бы заранѣе сказать, что это движеніе будетъ регрессивно какъ въ томъ случаѣ, когда организмы родителей не находятся въ нормальныхъ условіяхъ „питанія“ — когда *приходъ* не уравниваетъ *расхода*, такъ и въ томъ, когда, находясь даже въ сравнительно благоприятныхъ условіяхъ питанія, они чрезмерно много расходуютъ на поддержаніе и развитіе дорого стоящаго аппарата нервной системы, когда всѣ ихъ силы преимущественно поглощаются интеллектуальною дѣятельностью. И дѣйствительно, статистика показываетъ, что вездѣ, гдѣ имѣетъ мѣсто тотъ или другой случай или соединяются условія обоихъ случаевъ, — коэффициентъ плодovitости падаетъ. Наименьшая степень плодovitости приходится, какъ извѣстно, на долю бѣднѣйшихъ и наименѣе обеспеченныхъ классовъ общества и на долю лицъ, подлежащихъ, по характеру своихъ профессій, слишкомъ постояннымъ или слишкомъ интенсивнымъ нервнымъ возбужденіямъ. Болѣе подробныя и спеціальныя данныя, касающіяся этого предмета, не могутъ имѣть здѣсь мѣста, такъ-какъ это заставило-бы меня выйти изъ предѣловъ программы настоящихъ „примѣчаній“. Я укажу на нихъ въ другой статьѣ, спеціально посвященной вопросу о размноженіи народонаселенія. Тутъ-же достаточно и этого общаго замѣчанія для того, чтобы уяснить читателю связь между регрессомъ коэффициента плодovitости и прогрессомъ коэффициента мертворожденій съ одной стороны и основными, существенными свойствами

западно-европейской фабрично-промышленной цивилизации — съ другой.

II.

Перейдемъ теперь къ другому фактору коэффициента размноженія — къ коэффициенту смертности. Прежде всего прошу читателя обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Съ какимъ-бы скептицизмомъ ни отнеслись мы къ умственному прогрессу Европы, — никто (за исключеніемъ развѣ какого-нибудь невѣжды) не станетъ отрицать, что этотъ прогрессъ въ сферѣ естественно-научныхъ, реальныхъ знаній сдѣлалъ въ послѣднее столѣтіе огромные успѣхи и въ значительной степени содѣйствовалъ устраненію многихъ частныхъ (т. е. ненаходящихся въ неразрывной связи съ коренными и существенными свойствами господствующей хозяйственной системы) источниковъ человѣческихъ бѣдствій и страданій. Никто не станетъ отрицать, что прогрессъ медицинской науки, обусловленный общимъ прогрессомъ естественныхъ наукъ, долженъ былъ вызвать, въ свою очередь, прогрессъ медицинскаго искусства, которое не могло не имѣть вліянія на уменьшеніе смертности вездѣ, гдѣ только оно примѣнялось. Но еще болѣе рѣшительное вліяніе на смертность народонаселенія должно было оказать распространеніе вѣрныхъ понятій о нормальныхъ условіяхъ здороваго человѣческаго существованія, раскрытіе общихъ причинъ, производящихъ болѣзни и указаніе на тѣ пути и средства, которыми онѣ могутъ быть устранены. Скопленіе большихъ массъ народонаселенія на сравнительно малыхъ пространствахъ (городскія агломерации) и сосредоточеніе значительныхъ богатствъ въ рукахъ частныхъ лицъ и общественныхъ властей, — эти и многія другія условія, которыхъ здѣсь нѣтъ надобности перечислять, должны были въ высокой степени благопріятствовать практическому осуществленію наиболѣе общепользныхъ теоретическихъ выводовъ и соображеній общественной гигиены. Благодаря въ особенности этому послѣднему обстоятельству, прогрессъ „науки о человѣческомъ организмѣ“ не есть только прогрессъ однихъ отвлеченныхъ умозрѣній и обобщеній, онъ есть въ то-же время прогрессъ въ условіяхъ

жизни, если не всего, то во всякомъ случаѣ значительной части европейскаго населенія. Безспорно, онъ устранилъ изъ этихъ условій много такихъ, которыя въ прежнее время губительно вліяли на человѣческой организмъ; въ обстановкѣ обезпеченныхъ и цивилизованныхъ классовъ общества въ особенности рѣзко отразилось все его важное практическое значеніе. Пища, одежда, жилища, образъ жизни этихъ классовъ—все подверглось, подъ его вліяніемъ, самымъ рѣшительнымъ измѣненіямъ, самымъ несомнѣннымъ улучшеніямъ. Перечислить здѣсь эти измѣненія и эти улучшенія, даже въ самыхъ общихъ чертахъ, было-бы конечно и бесполезно и неумѣстно. Читатель и самъ, вѣроятно, знаетъ ихъ болѣе или менѣе удовлетворительно. Мнѣ нужно только навести мысль читателя на этотъ общеизвѣстный фактъ для того, чтобы мои послѣдующія соображенія не показались ему голословными.

Означимъ для большей простоты прогрессъ медицины, гигиены и вообще всѣхъ тѣхъ естественно-научныхъ знаній, которыя содѣйствовали и содѣйствуютъ улучшенію гигиеническихъ условій нашей жизни къ болѣе раціональному уходу и леченію больныхъ, буквою P ; сумму всѣхъ тѣхъ вредныхъ вліяній, которыя порождаютъ смертность — буквою X , и наконецъ среднее ежегодное число умирающихъ буквою M . Очевидно, коэффициентъ M долженъ находиться въ зависимости отъ коэффициентовъ P и X ; онъ будетъ обратно пропорціоналенъ первому и прямо пропорціоналенъ второму. И если коэффициентъ X неподвиженъ, то при постоянномъ и несомнѣнномъ прогрессѣ коэффициента P , коэффициентъ M долженъ регрессировать; съ другой стороны, если коэффициентъ M неподвиженъ, не смотря на прогрессъ коэффициента P , то мы должны заключить, что коэффициентъ X также прогрессируетъ и что его прогрессъ парализируетъ движеніе коэффициента M . Заручившись этимъ соображеніемъ, мы посмотримъ, движется или нѣтъ въ дѣйствительности коэффициентъ смертности европейскаго населенія.

Относительный коэффициентъ смертности можетъ быть опредѣляемъ двоякимъ способомъ:—или отношеніемъ числа смертей къ числу рожденій, или отношеніемъ числа смертей къ общему числу населенія. Самые точныя, подробныя и обхватывающія наиболѣе длинный періодъ времени свѣденія, какъ относительно движенія коэффициента смертности сравнительно съ числомъ рожденій, такъ

и относительно его движенія сравнительно съ общимъ числомъ жителей, мы имѣемъ относительно Франціи, и потому начнемъ съ нея.

Періоды:	На 100 рожд. число смертей ¹⁾ :
1800 — 1805	87,39
1806 — 1810	79,69
1811 — 1815	81,42
1816 — 1820	75,87
1821 — 1825	75,35
<hr/>	<hr/>
1800 — 1825	79,94
1825 — 1830	80,13
1831 — 1835	84,44
1836 — 1840	83,36
1841 — 1845	80,53
1846 — 1850	89,34
<hr/>	<hr/>
1825 — 1850	83,56
1851 — 1855	92,28
1856 — 1860	89,54
<hr/>	<hr/>
1851 — 1860	90,91

И такъ, въ первую четверть нынѣшняго вѣка во Франціи на 100 рожд. приходилось среднимъ числомъ почти 80 смертей (79,9); во вторую четверть—оно уже превышаетъ 83, и наконецъ, въ первое десятилѣтіе третьей четверти достигаетъ почти до 91 (90,9). Такое поразительное увеличеніе относительнаго коэффициента смертности было-бы по истинѣ ужасно, если-бы мы не знали, что оно зависитъ не столько отъ умноженія числа смертей, сколько отъ уменьшенія числа рожденій. Однако столь быстрое возрастаніе процента смертности, по отношенію къ рождаемости, ясно показываетъ, во-первыхъ, что регрессъ плодовитости значительнѣе прогресса смертности, и во-вторыхъ, что Франція приближается къ тому періоду *застоя* въ движеніи народонаселенія, за которымъ неизбѣжно слѣдуетъ періодъ вырожденія.

¹⁾ Таблица составлена по даннымъ, помѣщеннымъ у Леруа въ его «De la mortalité en France de 1800—1860» (напечатано въ I т. его сборника «La France et L'Etranger», стр. 476—493).

Чтобы вывести изъ приведенныхъ цифръ болѣе или менѣе точное представленіе о дѣйствительномъ (не по отношенію только къ числу рожденій, но вообще) движеніи коэффициента смертности отъ начала нынѣшняго вѣка до начала послѣдняго десятилѣтія, для этого нужно опредѣлять сперва, на какой процентъ понизился въ тотъ-же періодъ коэффициентъ рожденій. Читатель не долженъ при этомъ смѣшивать коэффициентъ плодовитости съ коэффициентомъ рожденій. При опредѣленіи перваго берется обыкновенно только число *законныхъ* рожденій; при опредѣленіи же втораго — число рожденій *вообще*, какъ законныхъ, такъ и незаконныхъ; процентъ пониженія перваго значительно выше процента пониженія втораго: съ 1800—1860 коэффициентъ плодовитости понизился болѣе, чѣмъ на 23%; а коэффициентъ рожденій только на 19,5%¹⁾. Если-бы коэффициентъ смертности находился въ это шестидесятилѣтіе въ неподвижномъ состояніи, то процентное отношеніе умирающихъ къ рождающимся, замѣченное въ началѣ нынѣшняго вѣка ($\frac{79,94}{100}$) должно-бы было увеличиться на 19,5%, т. е. на 100 рожд. должно-бы было приходиться 95,52 смертей. Но мы видимъ, что на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ: на 100 родившихся умираетъ не 95,5, а только 90,9; слѣдовательно отношеніе смертности къ рождаемости возросло всего на 13,7%. Значитъ коэффициентъ смертности не былъ неподвиженъ, онъ немножко двигался, немножко регрессировалъ; разность $19,5 - 13,7 = 5,8$ опредѣляетъ величину этого, едва замѣтнаго движенія. Читатель видитъ, что въ то время, какъ коэффициентъ плодовитости понизился на 23%, коэффициентъ смертности уменьшился всего на 5,8%, т. е. *регрессъ перваго въ 4 раза значительнѣе регресса втораго*.

Вычисленія эти получаютъ новое и чрезвычайно сильное подтвержденіе при изслѣдованіи движенія коэффициента смертности не по отношенію къ числу рожденій, а по отношенію къ числу населенія вообще. Я опять позволю себѣ привести довольно длинную таблицу, въ виду важности и глубокаго соціального интереса основанныхъ на ней выводовъ. Цифры заимствованы изъ

¹⁾ Процентъ пониженія коэффициента *рожденій* вычисленъ по даннымъ, приведеннымъ у Блока (въ его *L'Europe pol. et sociale*, p. 223). Процентъ пониженія коэффициента плодовитости, по даннымъ, заимствованнымъ у Легуа.

статьи Легуа: „De la mortalité en France“. Но такъ-какъ въ настоящее время вполне доказано, что первое официальное народосчисленіе, произведенное въ 1801 г., дало крайне неточныя свѣденія о дѣйствительномъ числѣ жителей, то я не привожу отношенія рожденій къ населенію за пятилѣтіе (1801—1805 г.), предшествовавшее второй *переписи*, произведенной въ 1806 г. и заслуживающей несравненно большаго довѣрія, хотя и она, какъ есть основаніе думать, показала число жителей менѣе дѣйствительнаго (почти на $\frac{1}{2}$ милліона).

Періоды.	Число жит. на 1 умершаго.	
1806 — 1810	39,72	} 40,63
1811 — 1815	39,18	
1816 — 1820	41,60	
1821 — 1825	42,03	
1826 — 1830	40,68	
1831 — 1835	39,92	} 41,68
1836 — 1840	42,19	
1841 — 1845	43,99	
1846 — 1850	41,83	
1851 — 1855	41,48	
1856 — 1860	41,86	} 42,62
1860 — 1866	43,38	
<hr/> 1806 — 1866	<hr/> 41,48	

Сравнивая коэффициентъ смертности за періодъ 1806 — 1826 года ($\frac{1}{40,63}$), съ коэффициентомъ смертности за 1856 — 1866 годъ ($\frac{1}{42,62}$) ¹⁾, мы видимъ, что послѣдній понизился, сравнительно съ первымъ на 4,7% ²⁾; другими словами, коэффициентъ

¹⁾ Считаю не лишнимъ замѣтить, что коэффициентъ смертности за періодъ съ 1860—66 г. вычисленъ по даннымъ, напечатаннымъ у Блока въ *РЕур. pol. et voc.*, на стр. 288 и 287. За основаніе вычисленія взята та цифра населенія, которая была показана въ переписи 1861 г. — $\frac{37,386,313 \text{ ж.}}{861,742 \text{ бр.}} = 43,3$; а по вычисленію самого Блока, коэффициентъ плодovitости за эти года = 2,29 смертй. на 100 жит., разнится отъ моего на 0,3 (по Блоку 43,6).

²⁾ Какъ читатель видитъ, этотъ процентъ разнится отъ процента, выведеннаго изъ данныхъ о движеніи коэффициента смертности, по отношенію къ числу рожденій. Но эта разность объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что въ первомъ случаѣ мы сравнивали періодъ 1800—25 г. съ періодомъ 1850—60 г.; во второмъ же—для сравненія взяты 1806—26 съ 1856—66. Если же бы мы взяли

смертности регрессируетъ не болѣе какъ на 0,09% въ годъ; тогда-какъ въ тотъ-же періодъ времени средній годовой регрессъ коэффициента плодovitости равнялся 0,31%. Итакъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что движеніе коэффициента смертности крайне медленно, почти незамѣтно. Но это еще не все: въ этомъ медленномъ, едва замѣтномъ движеніи, не обнаруживается никакой рѣзко опредѣленной правильности ни къ прогрессу, ни къ регрессу. Судя по предшествующимъ годамъ, мы не можемъ быть увѣрены, что замѣченный регрессъ нами, по сравненію 1806—1826 съ 1856—66 г., повторится снова въ слѣдующее пятидесятилѣтіе,—весьма возможно, что сравненіе періодовъ 1856—1866 съ 1896—1916 г. покажетъ не *регрессъ*, а *прогрессъ* коэффициента смертности. Въ самомъ дѣлѣ, пусть читатель хорошенько взглянется въ вышеприведенную таблицу: онъ увидитъ изъ нея, что коэффициентъ смертности то убывалъ, то возвышался безъ малѣйшаго соотношенія къ прогрессивному движенію времени; максимумъ его убыли совпадаетъ не съ послѣднимъ десятилѣтіемъ (отъ 1856—66), а съ 1841—45 г., максимумъ его прибыли—съ 1811—16 г. Вообще если мы расположимъ періоды по степени убыванія коэффициента смертности, то получимъ слѣдующій порядокъ:

1811—15 (максимумъ смертности); 1806—1815; 1831—35; 1851—1855; 1816—20; 1825—30; 1846—1850; 1856—60; 1821—25; 1836—40; 1860—65; 1841—45 (минимумъ). Хотя послѣднее пятилѣтіе (съ 1860—65) и стоитъ на предпоследнемъ мѣстѣ, т. е. ближе всего къ минимуму смертности, но за то пятилѣтіе съ 1856—60 годъ занимаетъ пятое, а пя-

прежніе періоды и для второго случая,—то получились бы слѣдующіе результаты: коэффициентъ смертности въ періодъ съ 1800—25 г. могъ быть выраженъ дробью $\frac{1}{39,4}$, коэффициентъ смертности въ періодъ съ 1851—60 выражался бы $\frac{1}{41,6}$ слѣдовательно, онъ уменьшился на $5,3\%$. По первому способу вычисленія, т. е. когда коэффициентъ опредѣлялся отношеніемъ смертности къ рождаемости,—уменьшеніе равнялось 5,8. Разность равн. 0,5. Это различіе такъ ничтожно, что едва ли бы даже стоило заниматься его объясненіемъ, если бы это объясненіе не было уже нами сдѣлано. Выше было нами сказано, почему дробь $\frac{1}{39,4}$ нѣсколько *омше* дѣйствительнаго выраженія коэффициента смертности народосчисленія 1801 и 1806 годовъ показали число жителей *ниже* настоящаго.

тилѣтіе съ 1851—55 г.—девятое мѣсто съ конца, иными словами въ эти годы коэффициентъ смертности былъ выше не только чѣмъ въ сороковыхъ (1841—45), но и чѣмъ въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ. Въ три пятилѣтія, предшествовавшія 1851—55 и 1856—60 г., именно въ періоды съ 1821—25, съ 1835—40 и съ 1841—46,—одна смерть приходилась на 42,7 жит.; а съ 1851—60 одна смерть на 41,6 жит., т. е. коэффициентъ смертности возвысился болѣе чѣмъ на 2,6%. Очевидно, что въ виду такихъ фактовъ говорить о прогрессивномъ уменьшеніи смертности совершенно неосновательно. *Коэффициентъ смертности не прогрессируетъ и не регрессируетъ, а только колеблется около одной и той же средней нормы* ($\frac{1}{41,48}$), *не обнаруживая при этомъ въ своихъ колебаніяхъ никакой правильной равномерности.*

Въ Англіи повторяется тотъ-же фактъ, только тамъ за послѣднія три десятилѣтія движеніе коэффициента смертности представляетъ такую особенность: въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ онъ значительно возвысился (съ $\frac{1}{46,8}$ на $\frac{1}{42,9}$), а потомъ, въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ сталъ опять на тотъ-же уровень, на которомъ его застало начало 40-хъ годовъ, а именно: *одинъ смертный случай* приходился съ 1841—45 на 46,8 жит., съ 1856—60—на 46,9. Въ 1867 году онъ, для Англіи и Шотландіи (приведенныя выше цифры относятся къ одной Англіи; Ирландія совсѣмъ не входитъ въ наши разсчеты, во-первыхъ потому, что она находится въ совершенно исключительныхъ условіяхъ, во-вторыхъ потому, что наиболѣе обстоятельныя и точныя свѣденія о движеніи ея народонаселенія были впервые собраны только въ 1861 году), снова повысился и одинъ смертный случай въ этомъ году приходился на 45,5 жит. Для всего Соединеннаго Королевства (съ Ирландіею), по вычисленію Блока, средній коэффициентъ смертности за періодъ 1853—1865 г. равняется 2,24 смерт. на 100 жит., или одинъ смерт. случай на 44,6 жит. Точныя официальныя данныя относительно народонаселенія Шотландіи не идутъ, къ несчастію, далѣе 1855 г. Судя по нимъ, движеніе коэффициента смертности и тамъ отличается такою-же неправильностью, или лучше сказать, представляетъ тотъ-же характеръ постояннаго колебанія около своей средней нормы, какъ

и въ Англіи. Эта средняя норма за періодъ отъ 1855—62 г. опредѣлялась отношеніемъ 1 смерт. къ 48,9 жит. Въ 1855 г. одна смерть приходилась на 48,3 ж., а въ 1860 и 1861—одна смерть на 47 жит., слѣдовательно коэффициентъ смертности повысился. Вообще же, какъ для Англіи, такъ и для Шотландіи, средняя норма коэффициента смертности опредѣляется официальными данными нѣсколько ниже ея дѣйствительной высоты. Это происходитъ, по замѣчанію Легуа, оттого, что для жителей обязательно заявлять о смертныхъ случаяхъ гражданской власти, и можно предполагать, что нѣкоторое число ихъ ускользаетъ отъ ея свѣденія.

Обращаюсь теперь къ Германіи.

„Пруссія, говоритъ Легуа,—есть одно изъ европейскихъ государствъ съ наиболѣе неподвижнымъ коэффициентомъ смертности“. Въ 40-хъ годахъ XVIII столѣтія на 100 жителей въ Пруссіи умирало 3,3,—почти тотъ-же процентъ смертности находимъ мы тамъ и во второй половинѣ нашего вѣка (1831—58 г.)—именно 3,1; разность, какъ видитъ читатель, не превышаетъ 0,2. Блокъ представляетъ цифры нѣсколько отличныя отъ цифръ Легуа, но такъ-какъ разница между ними небольшая, то не стоитъ доискиваться, чьи цифры ближе къ истинѣ. По его вычисленію, процентное отношеніе смертности къ числу жителей представляется въ слѣдующемъ видѣ: съ 1816—30 г. на 100 жителей приходилось 2,8 смерт.; съ 1830—1840—3,0, съ 1840—60—2,9, т. е. 1816—60 на 100 ж. умирало 2,9.

Та-же неподвижность смертности замѣчается и въ Баваріи:

Съ 1835—36 по 1839—40 г.	1 см. пр. на 33,9 ж. (т. е. почти на 34).
» 1840—41 » 1844—45 » 1 » » »	» 34,1 »
» 1845—50 » 1850—55 » 1 » » »	» 34,7 »
» 1855—56 » 1859—60 » 1 » » »	» 34,9 »
» 1860—61 » — » 1 » » »	» 34,2 »

Слѣдов. средній коэффициентъ смертности = $34,3 \left(\frac{1}{34,3}\right)$; около этой нормы годовая смертность колеблется безъ всякой опредѣленной правильности, максимумъ уклоненія вверхъ (т. е. пониженіе коэффициента) не превышаетъ 0,6, — максимумъ уклоненія внизъ = 0,4.

То-же явленіе повторяется въ Саксоніи ¹⁾, а въ Баденѣ и въ Ганноверѣ коэффициентъ смертности обнаруживаетъ за послѣднее время стремленіе къ повышенію, т. е. смертность въ этихъ странахъ увеличивается. Такъ въ Ганноверѣ въ началѣ 50-хъ годовъ (1850—54) одна смерть приходилась на 45,08 жит., въ концѣ же 50-хъ годовъ—уже на 42,81. Конечно, быть можетъ, это возвышеніе только временное и чисто случайное. Неудовлетворительное состояніе официальной статистики этой страны не дозволяетъ дѣлать изъ ея данныхъ какіе-либо положительные выводы. Статистика вел. гер. баденскаго представляетъ матеріалы болѣе обширныя и болѣе интересныя. Вотъ главнѣйшіе выводы изъ нихъ:

1 смерть приходилась на число жителей.

Съ 1821—25	на	39,9
„ 1826—30	„	39,2
„ 1852—58	„	36,5

Это уже, какъ видите, *прогрессъ* довольно правильный и постоянный: въ 40 лѣтъ коэффициентъ смертности увеличился болѣе чѣмъ на 8%!

Официальныя и подробныя данныя о движеніи народонаселенія въ Австріи не восходятъ далѣе 50-хъ годовъ. Разумѣется, на нихъ нельзя основывать никакихъ достовѣрныхъ выводовъ. Но, судя по цифрамъ, относящимся къ началу 50-хъ и къ концу 60-хъ годовъ, нужно предполагать, что коэффициентъ смертности отличается и тамъ такою-же неподвижностью, какъ и въ другихъ упомянутыхъ здѣсь странахъ. Его средняя норма (въ 50—60-е годы) равнялась 31,8 ($\frac{1}{31,8}$),—наибольшее уклоненіе вверхъ (совпадавшее съ концомъ 50-хъ годовъ) не превышало 0,22, наибольшее уклоненіе внизъ (въ началѣ 50-хъ годовъ)=0,20.

Въ Бельгіи коэффициентъ смертности въ началѣ 50-хъ, или

¹⁾ Вотъ доказательства:

Года:	1 смерт. на чис. жит.
1827—31	33,1
1832—36	33,3
1837—41	33,1
1841—46	33,09
1847—58	33,9
<hr/>	
Сред. числомъ . . .	33,29

лучше сказать, въ концѣ 40-хъ годовъ, нѣсколько повысился (за періодъ 1841—45, съ $\frac{1}{41,4}$ до $\frac{1}{88,05}$), но съ начала 50-хъ годовъ и до 1867 г. онъ не обнаруживаетъ никакихъ опредѣленныхъ стремленій ни къ прогрессу, ни къ регрессу; это видно изъ сравненія слѣдующихъ цифръ:

Съ 1851—55 г. 1 смерт. приходилась на 44,8; съ 1856—60—на 45,2; съ 1860—66—на 43,6.

Въ Голландіи застой коэффиціента смертности еще поразительнѣе:

Съ 1830—40 г. 1 см. приходилась на 37,2

„ 1850—60 „ 1 „ „ „ 37,1

Статистическія данныя относительно народонаселенія Испаніи, Португаліи и Италіи такъ поверхностны, неполны и такъ отрывочны, что не даютъ права ни для какихъ выводовъ и ни для какихъ сравненій. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о статистикѣ швейцарскихъ кантоновъ. Офіціальныя свѣденія о движеніи народонаселенія (имѣющіяся относительно 25 кантоновъ) не восходятъ далѣе 50 года. „Но, замѣчаетъ Легуа, — если судить о всей Швейцаріи по даннымъ кантона Гларуса, то слѣдуетъ полагать, что коэффиціентъ смертности съ начала нынѣшняго вѣка находится въ неподвижномъ состояніи. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что въ этомъ кантонѣ на 100 жителей приходилось смертныхъ случаевъ: съ 1803 по 1825—2,66, съ 1826 по 1850—2,78 ¹⁾“.

Послѣ всѣхъ вышеприведенныхъ фактовъ, я позволю себѣ возвратиться къ прежнему соображенію и поставлю прежній вопросъ: какимъ измѣненіямъ долженъ былъ подвергнуться коэффиціентъ X (которымъ мы выше обозначали совокупность условий, благоприятствующихъ смертности), если, при несомнѣнномъ прогрессѣ коэффиціента Р (Р=развитіе естественно-научныхъ знаній, прогрессъ гигиены и медицинскаго искусства), коэффиціентъ М (смерт-

¹⁾ Данныя, представляемая офіціальною статистикою Даніи, Швеціи и Норвегіи, свидѣтельствуютъ, напримѣръ, что въ этихъ трехъ государствахъ коэффиціентъ смертности понижается хотя и не быстро, но все-таки довольно постоянно. Такъ въ Швеціи процентное отношеніе числа умирающихъ къ числу жителей понизилось съ 2,6% (1751—1755) до 2,1% (1831—55). Въ Норвегіи съ 1836—45 г. приходилось 1 смерт. на 52,9 жит., съ 1846—55—1 см. на 55,5 жит. Въ Даніи съ 1801—10 г. на 39,5 жит. умиралъ 1 чел., съ 1850—60—1 смерт. приходилась только на 44,4 жит.

ности) находится въ „застоѣ“ или безъ всякой опредѣленной правильности вращается около одной и той-же почти неподвижной средней величины? Отвѣтъ на этотъ вопросъ уже извѣстенъ; извѣстно также, какой характеръ имѣеть движеніе коэффициента европейской смертности, т. е. М, — пусть-же читатель самъ рѣшить, что дѣлается, какъ и въ какомъ направленіи измѣняется въ промышленно-фабричныхъ государствахъ западной Европы коэффициентъ X.

Но люди, желающіе во что-бы то ни стало думать, будто они и ихъ современники поставлены въ болѣе благопріятныя условія относительно „жизни и смерти“, чѣмъ ихъ предшественники, съ особенною любовью и настойчивостью указываютъ на фактъ удлиненія такъ-называемой „вѣроятной“ и „средней“ жизни. Если-бы этотъ фактъ могъ имѣть дѣйствительно какое-нибудь значеніе для тѣхъ результатовъ, къ которымъ приводитъ насъ разсмотрѣніе указанныхъ выше данныхъ о движеніи коэффициента смертности, то не трудно было-бы показать, что онъ далеко не безспоренъ и что весьма позволительно усомниться въ его подлинности. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только сопоставить „среднюю жизнь“, вычисленную Легуа (для Франціи, Англіи, Бельгіи, Швеціи и др. государствъ) и отчасти Блокомъ (для Франціи), по даннымъ конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, съ „среднею жизнью“, вычисленною для тѣхъ-же государствъ Ваппеусомъ, по даннымъ начала 50-хъ годовъ, или съ „среднею жизнью“, вычисленною (неизвѣстно, впрочемъ, какъ и по какимъ даннымъ) другимъ менѣе основательнымъ статистикомъ Гауснеромъ, чтобы убѣдиться, что фактъ удлиненія средней жизни есть фактъ болѣе предполагаемый, чѣмъ доказанный ¹⁾. Но не предстоить ни малѣйшей надобности прибѣгать къ подобнымъ сопоставленіямъ и вообще при-

¹⁾ Ограничусь только нѣсколькими примѣрами. Всего больше толкуютъ объ удлиненіи «средней жизни» во Франціи и Англіи. Вотъ что говорятъ цифры.

Во Франціи:

Средняя жизнь съ 1842 — 53 — 38,49 (Ваппеусъ).

» » » 1851 — 60 — 36 (Легуа).

» » » 1854 — 66 — 33,02 (Блокъ).

Въ Англіи Гауснеръ опредѣляетъ среднюю жизнь выше 38 лѣтъ, а Легуа на-
силь, что къ концу 60-хъ годовъ она равнялась 29 год. Средняя жизнь для
Пруссіи съ 1842 — 54 равн. 30,28 (Ваппеусъ), съ 1851 — 61 — 26 (Легуа), для
Швеціи съ 1821—54—38 (Ваппеусъ), съ 1851—61—30,1 (Легуа) и т. д., и т. д.

водить какія-бы то ни было данныя, подвергающія сомнѣнію *удлиненіе* средней и вѣроятной жизни, потому-что такое удлиненіе, если-бы оно даже и имѣло мѣсто, рѣшительно ничего не говорило-бы ни за, ни противъ „прогресса“ или „застоя“ коэффициента смертности. „Средняя жизнь“, по обыкновенному способу ея опредѣленія (способу, которымъ, между прочимъ, пользовался и Вацпеусъ), зависитъ главнымъ образомъ (при неподвижности населенія) отъ величины отношенія $\frac{N \text{ (рожд.)} + D \text{ (смерт.)}}{2}$

Чтобы опредѣлить продолжительность средней жизни, народонаселеніе данной страны раздѣляется на эту дробь (а прежде такъ просто ограничивались дѣленіемъ общаго числа жителей на число смертей — это было очень просто, но только тутъ не было никакой средней жизни). „Понятно (я цитирую теперь Блока), что при всякомъ уменьшеніи этой дроби, частное (т. е. средняя жизнь) должно увеличиваться. Предполагая число рожденій въ 900,000, смертей — 700,000, мы получимъ $\frac{N + D}{2} = 800,000$; если народонаселеніе равно 32,000,000, то средняя жизнь будетъ 40 лѣтъ. Если $\frac{N + D}{2}$ равно не 800,000, а только 700,000, то средняя жизнь будетъ 45,7 лѣтъ. Дѣлитель же $\frac{N + D}{2}$ можетъ уменьшаться: 1) вслѣдствіе уменьшенія числа рожденій, уменьшенія числа смертей 3) или вслѣдствіе и того и другого вмѣстѣ“ и т. д. Отсюда читатель совершенно ясно можетъ видѣть, что при уменьшеніи коэффициента плодovitости величина средней жизни будетъ удлиняться, хотя-бы коэффициентъ смертности не только не регрессировалъ, но даже-бы прогрессировалъ, лишь-бы его прогрессъ былъ немножеко меньше регресса рожденій. Потому фактъ удлиненія въ промышленно-фабричныхъ государствахъ средней жизни, при указанномъ выше регрессѣ плодovitости, весьма понятенъ и ни мало не говоритъ въ пользу уменьшенія коэффициента смертности. Конечно, тотъ способъ вычисленія средней жизни, о которомъ говоритъ Блокъ, и которымъ, по его словамъ, пользуются нѣкоторые нѣмецкіе и французскіе статистики, не есть ни единственный, ни лучшій (хотя есть и хуже) изъ употребляемыхъ на практикѣ (нечего и прибавлять, что рѣчь здѣсь идетъ только объ *эмпирическихъ* методахъ; теорія выработала болѣе рациональнее, строго-математическіе приемы для исчисленія

„средней и впроятной жизни“, но приемы эти практически непримѣнимы за отсутствіемъ вполне достовѣрныхъ и точныхъ статистическихъ данныхъ, охватывающихъ обширные періоды времени), однако и при иныхъ, болѣе точныхъ, способахъ вычисленія величина средней жизни не будетъ находиться ни въ какомъ *прямомъ отношеніи* къ величинѣ коэффициента смертности. Чтобы читатель могъ это вполне себѣ уяснить, я прошу его вспомнить самое простѣйшее математическое выраженіе средней жизни, т. е. X (средн. ж.) = $\frac{S}{D}$, гдѣ S означаетъ сумму лѣтъ, прожитыхъ умершими индивидами, а D число умершихъ.

Пусть намъ даны два случая: въ первомъ случаѣ изъ 10 умершихъ 5 прожили 20 лѣтъ, 5—30 лѣтъ; во второмъ, изъ 10 умершихъ 5 прожили 10 лѣтъ, 5 — 20 лѣтъ. Слѣдовательно, средняя жизнь для лицъ перваго десятка будетъ равна: $X = \frac{250}{10} = 25$; для лицъ втораго десятка, — $X = \frac{150}{10} = 15$. Такимъ образомъ, вы видите, что при совершенно одинаковомъ коэффициентѣ смертности (10), средняя жизнь для перваго случая на 10 лѣтъ длиннѣе средней жизни для втораго случая. Представьте теперь себѣ, что численность населенія, въ которомъ умерли первые десять лицъ, равняется 1,000, — а численность населенія, въ которомъ умерли вторые десять лицъ, равняется 2,000; предположите далѣе, что 10 умершихъ и въ томъ и въ другомъ обществѣ представляютъ средній годовою итогу смертности. Слѣдовательно, коэффициентъ смертности въ первомъ случаѣ (составляющій 1%) вдвое значительнѣе коэффициента смертности во второмъ случаѣ ($\frac{1}{2}\%$), и не смотря, однако, на это, средняя жизнь въ обществѣ съ высокимъ коэффициентомъ смертности гораздо длиннѣе, чѣмъ въ обществѣ съ низкимъ. Но этого мало, вникните далѣе въ смыслъ и значеніе того основнаго фактора, отъ котораго зависитъ величина средней жизни. Вы видите, что она зависитъ не отъ абсолютнаго и не отъ относительнаго коэффициента смертности, не отъ числа смертныхъ случаевъ, а отъ ихъ *распределенія по возрастамъ*; если наибольшая часть изъ данаго годового числа смертей будетъ приходиться на долю дѣтей и новорожденныхъ, то ея величина будетъ крайне незначительна; наоборотъ, если смерть по преимуществу будетъ поражать людей совершеннолѣтнихъ и взрослыхъ, то средняя жизнь

окажется весьма длинною. Предположите, что въ нашемъ первомъ обществѣ, состоящемъ изъ 1,000 человѣкъ, ежегодно рождается 1 на 100 чел.; тотъ-же коэффициентъ плодovitости пусть существуетъ и для второго общества, состоящаго изъ 2,000 чел. Въ первомъ обществѣ по прошествіи года, число жителей не измѣнится, только вмѣсто 10 рабочихъ силъ, у него окажется 10 годовалыхъ младенцевъ. Во второмъ обществѣ пусть число смертей расположится такимъ образомъ: изъ 20 родившихся пусть 4 умрутъ, достигнувъ 6 мѣсяцевъ, 4 къ концу года, тогда остающіеся два смертные случая должны будутъ пасть на двухъ 72-лѣтнихъ старцевъ. По прошествіи года, населеніе общества возрастетъ на 0,5, не лишится ни одной рабочей силы, и при томъ еще освободится отъ какихъ-нибудь двухъ почтенныхъ „*patres conscripti*“. Всякій согласится, что послѣднее общество находится въ несравненно лучшихъ условіяхъ относительно „жизни и смерти“, чѣмъ первое, а все-таки его средняя жизнь на 10 лѣтъ короче, чѣмъ въ первомъ, т. е. *короче* по вычисленію статистика, а въ дѣйствительности наоборотъ: въ дѣйствительности въ первомъ обществѣ ни одинъ изъ родившихся не переживетъ 30 лѣтъ, во второмъ же 12 доживутъ до 72 л. Выякнувъ въ сущность этихъ гипотезическихъ случаевъ, нельзя не согласиться съ французскимъ статистикомъ, который, не смотря на весь свой офиціозный оптимизмъ, долженъ былъ однако сознаться, что „удлиненіе средней жизни не есть фактъ реальный, это простой миражъ, производимый извѣстнымъ группированіемъ цифръ“ (Блокъ, L'Еигор. pol. et soc., p. 41).

Но неужели же, спросить иной читатель,—и удлиненіе средней *вѣроятной* жизни для каждаго возраста не даетъ намъ права заключать объ улучшеніи состоянія общества по отношенію къ смерти? Посмотримъ.

„Вѣроятною жизнью даннаго возраста“ называется, какъ извѣстно, *сумма лѣтъ, до которой доживаетъ половина индивидуумовъ этого возраста*, такъ, на примѣръ, если изъ 100 тридцати-лѣтнихъ 50 человѣкъ доживаетъ до 60-ти лѣтъ, то мы говоримъ, что вѣроятная жизнь 30-ти-лѣтнихъ равна 30-ти годамъ. Положимъ, что намъ дано 1,000 новорожденныхъ,—изъ нихъ 100 человѣкъ умираетъ между 1—10 годами,—100 человѣкъ между 10—20; 100 между 20—30; 100 между 30—40 и т. д.;

слѣдовательно, черезъ первый десятокъ лѣтъ, въ нашемъ обществѣ останется въ живыхъ 900 чел., черезъ второй—800 ч., черезъ третій—700 и т. д. Если мы хотимъ опредѣлить вѣроятную жизнь поворожденнаго, мы дѣлимъ 1,000 на 2 и смотримъ по таблицѣ, между какииъ и какииъ возрастомъ умираетъ половина ихъ—этотъ возрастъ и будетъ вѣроятною жизнью новорожденнаго; такииъ образомъ, въ нашемъ примѣрѣ, сумма лѣтъ вѣроятной жизни новорожденнаго будетъ=40—50 лѣтъ, вѣроятная жизнь 10-ти лѣтнаго=40—50; 20-ти-лѣтнаго=40 лѣтъ; 30-ти-лѣтнаго=30—40; 40-лѣтнаго—30 л., 50-лѣтн.=20—30; 60-ти-лѣтнаго=20 лѣтъ; 70-ти-лѣтнаго=10—20; 80-ти-лѣтнаго=10 л., 90-лѣтнаго и 100-лѣтнаго=1—10.—Изъ этого примѣра, читатель видитъ, что при исчисленіи вѣроятной жизни столько-же необходимо знать, какъ число лицъ умирающихъ въ данный годъ, въ данномъ возрастѣ, такъ и число родившихся вообще въ годъ рожденія умершихъ, т. е. если вы, напримѣръ, хотите опредѣлить, ну хоть въ 1860 г. вѣроятную жизнь 60-ти-лѣтнаго француза,—вамъ нужно знать число лицъ, достигшихъ въ этомъ году 90—100-лѣтнаго возраста; затѣмъ число лицъ, родившихся въ 1760—1770 годахъ, или ради упрощенія, предполагая крайній обыкновенный предѣлъ человѣческой жизни въ 80 лѣтъ,—вы можете взять за фазисъ вашихъ вычисленій число лицъ, достигшихъ въ 1860 г. 80-ти-лѣтнаго возраста, число родившихся въ 1780 г., затѣмъ сравнивъ послѣднее число съ числомъ лицъ, дожившихъ до 1840 г. (т. е. съ числомъ лицъ, имѣвшихъ въ 1840 г. 60 лѣтъ) и найдя, что половина этого числа умерла, положимъ, между 70-ю и 80-ю годами (а это вы узнаете, сравнивъ число 60-ти-лѣтнихъ 1840 года съ числомъ 70-ти-лѣтнихъ 1850 года и 80-ти-лѣтнихъ 1860 года),—вы говорите, что средняя жизнь 60-ти-лѣтнаго француза заключается между 10 и 20 годами (именно, она равна 13 годамъ). Я нарочно съ такою подробностью представилъ весь сложный механизмъ вычисленія вѣроятной жизни. Сообразите, читатель, какииъ статистическииъ матеріалами долженъ обладать статистикъ для того, чтобы его вычисленія имѣли разумный смыслъ: ему нужно имѣть передъ собою точныя свѣденія о движеніи народонаселенія за 1780—1860 г., т. е. имѣть то, чего онъ не можетъ имѣть ни во Франціи, ни въ Англіи, ни въ Бельгіи, ни

въ Германіи, я уже не говорю объ Италиі, Испаніи и Португаліи. Если же нашъ статистикъ производитъ свои вычисленія ранѣе 60-го года, то ему придется забираться еще далѣе въ XVIII в. При этомъ, вычисленная имъ *вѣроятная жизнь* не дастъ вамъ никакого опредѣленнаго понятія объ увеличеніи или уменьшеніи шансовъ смерти за ближайшіе періоды времени, потому-что эта „вѣроятная жизнь“ представляетъ собою какъ-бы *равнодѣйствующую* всей суммѣ благопріятныхъ и неблагопріятныхъ условій, вліявшихъ на жизнь за весь 80 — 100-лѣтній циклъ человѣческаго существованія. Она вамъ скажетъ только, какъ велика была *вѣроятность смерти* для лицъ, родившихся въ концѣ прошлаго столѣтія; если-бы вы вздумали сравнить эту вѣроятность съ вѣроятностью смерти для лицъ, родившихся въ началѣ нынѣшняго вѣка, вамъ пришлось-бы отложить ваше вычисленіе до 1880—90 г., а если-бы вы захотѣли сравнить ее съ вѣроятностью смерти для лицъ, родившихся въ 50—60-хъ годахъ, вамъ-бы нужно было подождать до половины XX в. и только тогда вы имѣли-бы право дѣлать ваше сопоставленіе и выводить какія-нибудь разумныя заключенія объ улучшеніи или ухудшеніи условій „жизни и смерти“ въ наше время, по сравненію съ концомъ XVIII или началомъ XIX ст.

„Но, скажетъ читатель, недостаточно знакомый съ эмпирическими приѣмами статистическихъ изслѣдованій, — вѣдь однако, въ статистикахъ сілошь и рядомъ встрѣчаются подобныя сопоставленія и сравненія, — отъ статистика очень часто приходится слышать: „вѣроятная возрастная жизнь, для такой-то страны, въ такой-то періодъ времени, положимъ, съ 1820—30 г. представляется въ такомъ-то видѣ, а въ періодъ съ 1840—50 г. — въ такомъ-то, слѣдовательно и т. д.; что же значать и какой смыслъ имѣютъ подобныя сопоставленія?“ — Рѣшительно никакого. Способъ, по которому вычисляется *такая* вѣроятная жизнь, весьма простъ: статистикъ беретъ народныя переписи за данный періодъ времени, ну, хоть за какое-нибудь 10-ти-лѣтіе (а иногда даже и за одинъ годъ), вычисляетъ по нимъ, сколько приходится среднимъ числомъ за этотъ періодъ на какую-либо произвольно взятую единицу народонаселенія, — ну, хоть на 100 чел. или на 1,000, годовалыхъ, двухъ-годовалыхъ, трехъ-годовалыхъ и т. д. Распредѣливъ, такимъ образомъ, данную единицу наро-

донаселенія по возрастамъ съ 1 года до 80—100 лѣтъ, онъ сравниваетъ число лицъ каждаго предшествующаго возраста, съ числомъ лицъ каждаго послѣдующаго и получаетъ то, что онъ называетъ таблицю *вѣроятной жизни* для каждаго возраста. Чтобы лучше уяснить читателю механизмъ этого счисленія, я возьму примѣръ. Въ Бельгii, по таблицамъ Кетле, изъ 1,000 родившихся за данный періодъ времени, приходилось среднимъ числомъ: 5-ти-лѣтнихъ—730; 10-ти-лѣтнихъ—691; 15-ти-лѣтнихъ—673; 20-ти-лѣтнихъ—645; 25—606; 30—571; 35—532; 40—491; 45—451; 50—409; 55—369; 60—328; 65—270; 70—200; 75—124; 80—68; 85—30; 90—9; 95—2; 100—0,2. Вотъ, желаетъ теперь статистикъ вычислить вѣроятную жизнь 5-ти-лѣтнихъ младенцевъ, онъ беретъ число 730, дѣлитъ его на 2, и смотритъ по таблицѣ—подъ какимъ возрастомъ стоитъ число 365; оказывается, что это число приходится между 55—60 годами; онъ и говоритъ: „средняя вѣроятная жизнь 5-ти-лѣтнаго въ Бельгii равна 55—60; нужно ему вычислить вѣроятную жизнь 40-ка-лѣтнихъ людей, онъ ищетъ, подъ какимъ возрастомъ стоитъ 245, —($\frac{491}{2}$), это число приходится между 65—70 г. значить, 40-ка-лѣтній имѣетъ шансы прожить отъ 25—30 лѣтъ (именно, по новѣйшимъ вычисленіямъ 27 лѣтъ) и т. д. Это наглядное изображеніе господствующаго (и единственно практически-возможнаго, за отсутствіемъ достаточныхъ матеріаловъ) способа вычисленія вѣроятной жизни лучше всего обнаруживаетъ ея фиктивность, призрачность. Вѣдь эти 365 человекъ, которые дожили до 55—60 лѣтъ, или эти 245 человекъ, которые дожили до 65—70 лѣтъ, вѣдь они не имѣютъ рѣшительно никакого отношенія къ тѣмъ 691 десятилѣтнихъ или тѣмъ 491 сорокалѣтнихъ, съ которыми мы ихъ сопоставляемъ, года ихъ рожденій относятся къ совершенно различнымъ періодамъ времени; и если, положимъ, за періодъ съ 20 по 30-е года (къ этимъ годамъ относятся таблицы Кетле) въ Бельгii приходилось 691—десятилѣтнихъ, и 365—55—60 лѣтнихъ,—то, это не значить, что половина десятилѣтнихъ 30 года, т. е. родившіеся въ 1825 г. доживаютъ до 55—60 л.; это значить только, что изъ числа родившихся въ въ 1825—691 чел. доживаютъ до 10-ти л., а изъ числа родившихся въ 1775—1770—365 дожи-

ли до 55—60 лѣтнаго возраста. Слѣдовательно, ошибочность этого вычисленія состоитъ въ томъ, что годъ рожденія для лицъ различныхъ возрастовъ предполагается за одинъ и тотъ же; и 90—80-ти-лѣтнихъ старцевъ и новорожденныхъ младенцевъ статистикъ, такъ сказать, крестить въ одной купели. Оттого-то, между прочимъ, сравнивая „вѣроятную жизнь“ для данной страны, вычисленную различными статистиками, — мы всегда поражаемся несходствомъ вычислений ¹⁾; это несходство именно тѣмъ и обусловливается, что берется въ расчетъ число умирающихъ изъ 1,000 въ такой-то и такой-то возрастъ, то за одно, то за другое пятилѣтіе или десятилѣтіе или даже трехлѣтіе. Понятно, что при различныхъ фазисахъ вычисленія должны получиться и результаты совершенно различныя. Между тѣмъ при рациональномъ (но, для большинства случаевъ, какъ уже было сказано практически-невозможномъ) способѣ нахождения *возрастной вѣроятной жизни*, — немислимо никакое различіе въ основныхъ данныхъ вычисленіяхъ, какъ это читатель могъ видѣть изъ приведенныхъ выше примѣровъ и разъясненій.

¹⁾ Для примѣра я опять привожу нѣсколько сравненій:

Вотъ вычисленія вѣроятной возрастной жизни для Франціи:

	По Легау. (1860—64 г.).	По старымъ вычисленіямъ.	По Блоку. (въ 60-хъ гг.).
Вѣроятная жизнь при рожденіи:	35	42	32
въ 5 лѣтъ.	44	56	51
" 10 "	—	52	48
" 20 "	38	44	41
" 40 "	26	28	26
" 50 "	13	—	19
" 60 "	—	13	12
" 70 "	—	5	—

Замѣчательно, что цифры Легау и Блока относятся приблизительно къ одинаковымъ періодамъ времени (къ концу 1850-хъ и началу 1860-хъ годовъ), а между тѣмъ, оба статистика дали совершенно различныя опредѣленія вѣроятной жизни для всѣхъ рѣшительно возрастовъ, за исключеніемъ 40 лѣтнаго. То же повторяется и относительно Англіи, Бельгіи, Швеціи и др. госуд. Напримѣръ

	По старымъ вычисленіямъ.			По Блоку.		
	Англія.	Бельгія.	Швеція.	Англія.	Бельгія.	Швеція.
Средняя вѣроят. жизнь:						
Новорожден.	42	38	30	45	42	51
5-ти-лѣтн.	56	51	50	55	53	56
10-ти-лѣтн.	53	47	47	51	50	53
20-ти-лѣтн.	44	42	39	43	43	43
40-ка-лѣтн.	29	25	24	27	27	27
60-ти-лѣтн.	16	12	12	13	13	13

Послѣ всего здѣсь сказаннаго о значеніи той *средней* и *вѣроятной* жизни, къ которой невѣжественные оптимисты любятъ иногда апеллировать, — я надѣюсь, читатель согласится со мною, что эта „средняя и вѣроятная жизнь“ есть не болѣе, какъ *статистическая фикція*, и что *каковъ бы ни былъ* ея коэффициентъ — онъ не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого отношенія къ движению, къ прогрессу или регрессу коэффициента смертности, а слѣдовательно, по немъ и нельзя судить ни объ улучшеніи, ни объ ухудшеніи, ни объ увеличеніи, ни объ уменьшеніи суммы тѣхъ вредныхъ вліяній, которыми обусловливается смертность.

Теперь мы обратимся къ разсмотрѣнію другихъ вопросовъ, относящихся къ статистикѣ народонаселенія, и разрѣшаемыхъ съ помощью ея данныхъ. Прежде всего мы займемся статистикою распределенія народонаселенія по селамъ и городамъ и рассмотримъ тѣ главнѣйшіе статистическіе факты, въ которыхъ отражается вліяніе городской жизни. Потомъ мы перейдемъ къ статистикѣ распределенія *труда* (занятій) между европейскимъ народонаселеніемъ, къ статистикѣ распределенія *болъзней*, и статистикѣ преступленій. Исчерпавъ существеннѣйшіе вопросы статистики народонаселенія, мы обратимся, какъ я уже сказалъ выше, къ статистикѣ поземельной собственности.

И. И. Ніоновъ.

НА ПРОЩАНЬЕ.

Не то, что межъ нами съ тобою
Воздвигнута нынѣ стѣна,
Что ты неразумной рукою
На вѣкъ оттолкнула меня,—

Не то мою душу тревожить:
Въ минуту тоскливой мечты
Поймешь ты невольно, быть можетъ,
Что, бѣдная, сдѣлала ты!

Гнететь мою душу иное,
Иное сжимаетъ мнѣ грудь:
Забывъ понемногу бывшее,
Куда ты направишь свой путь?

Я знаю, что доброе сѣмя
Давало плоды у тебя
Въ минувшее, лучшее время;
Я вѣрю, что ты не раба,

Что есть въ тебѣ гордость и сила
Отстанывать мысли свои,
Что честно всегда ты любила,—
И нынѣ, въ тяжелые дни

Едва выносившаго горя,
Отнюдь я не брошу, какъ всѣ,
Съ холодной улыбкой, укора
Твоей наболѣвшей душѣ.

Но кто же, какими словами
Тебя на свободномъ пути
Поддержать, ужь если ты съ нами
Нашла не по силамъ идти?

А страшно одной, безъ опоры,
Пускаться въ туманную даль.
Гдѣ трудностей высятся горы,
Ростеть на печали печаль;

Гдѣ опыта холодъ суровый
На каждомъ шагу леденить
Отважное сердце, и новой,
Невѣдомой пыткой грозить.

Быть можетъ, что въ дни роковые
Внезапно объятая имъ,
Съ прямого пути на другіе
Свернешь ты.. и думаешь былымъ

Пошлешь роковое проклятье..
О, чье же, скажи мнѣ, въ тѣ дни
Теби отогрѣть объятье?
Кто думы направить твои,

И твердою братской рукою
Съ улыбкой тебя поведетъ—
Какъ шель я, бывало, съ тобою—
Опять безгранично впередъ?!

Омулевскій.

ИСТОРИЯ ПЛЕВИЩИТА.

Разсказъ одного изъ 7,500,000 избирателей, сказавшихъ: „Да.“

Соч. Эрмана-Шатриана.

VI.

Въ этотъ день мы подверглись и другимъ тревогамъ.

Часа въ два, стоя у мельницы, я слышалъ въ долину словно барабанный бой. Все селеніе было въ отчаяннѣ; только и слышалось со всѣхъ сторонъ:

— Пруссаки идутъ!

Изъ cadaго дома выбѣгали сосѣди, смотрѣли, прислушивались; мальчишки спасались въ лѣсъ, матери оглашали воздухъ безпомощными криками. Нѣкоторые изъ мужчинъ потрусивъе также уходили въ лѣсъ, унося подъ мышкой ломти хлѣба; женщины звали назадъ бѣглецовъ и кричали, что хотятъ слѣдовать за ними. Пока я смотрѣлъ на это грустное зрѣлище, на дорогѣ неожиданно показались двѣ телѣги, которыя неслись во всю прыть изъ грауфталъской долины.

Шумъ этихъ телѣгъ я принялъ за отдаленный барабанный бой. Недѣлю спустя я не сдѣлалъ-бы этой ошибки, такъ-какъ нѣмцы являются всегда безмолвно, они не кричатъ, не трубятъ, и вы не успѣете опомниться, какъ васъ уже окружили какихъ-нибудь 20,000 человекъ.

Изъ обѣихъ телѣгъ доносились громкіе крики, слышнѣе всѣхъ раздавался женскій голосъ:

— Пруссаки за пильнымъ заводомъ! кричала она.

Въ ста шагахъ отъ мельницы телѣги поѣхали тише и я узналъ Димера, нашего муниципальнаго совѣтника, который правилъ лошадыю.

— Димеръ! воскликнулъ я: — постойте. Что у васъ дѣлается?

— Пруссаки идутъ, г. мэръ, отвѣчалъ онъ.

— Воже мой! Если ужъ они должны придти, то немного раньше или поздне, все равно. Войдите на минутку.

Димеръ соскочилъ съ телѣги и рассказалъ мнѣ, что угрожающъ отправился въ домъ доментальскаго дѣсничаго за женою и дочерьми, которыя гостили тамъ у родственниковъ и на обратномъ пути увидалъ въ маленькой фишбахельской долинѣ пруссаковъ, которые, поставивъ ружья въ козлы, готовили себѣ кушанье.

Вотъ все, что онъ видѣлъ. Онъ ударился вскачь, чтобъ избѣжать встрѣчи съ нашими врагами.

Вскорѣ подошли дровосѣки и увѣрили, что Димеръ ошибся и видѣнные имъ солдаты были французы, а не пруссаки; за ними явились новые бѣглецы, они стали снова увѣрять, что это дѣйствительно пруссаки, и такъ далѣе, до самаго вечера.

Часовъ въ пять черезъ наше селеніе прошелъ послѣдній французскій солдатъ; у этого бѣднаго старика нога была ранена и обвязана платкомъ. Присѣвъ на скамейку подлѣ моего дома, онъ попросилъ Христа-ради кусокъ хлѣба и стаканъ воды. Я приказалъ Гредель принести хлѣба и вина, что она охотно исполнила. Бѣдный солдатъ сильно страдалъ; у него въ ногѣ сидѣла пуля, и открытая рана, которую онъ не умѣлъ самъ перевязать какъ слѣдуетъ, издавала гнойный смрадъ. Въ такомъ положеніи несчастный притащился къ намъ изъ Верта.

Онъ не ѣлъ тридцать шесть часовъ и рассказалъ намъ, что его полковникъ, падалъ мертвымъ, воскликнулъ:

— Друзья мои, вамъ дурно командуютъ! Намъ нужны другіе, болѣе честные генералы!

Боясь, чтобъ больная нога не окоченѣла, онъ отдохнулъ только нѣсколько минутъ и побрелъ въ Фальсбургъ.

Это былъ послѣдній французскій солдатъ, котораго я видѣлъ послѣ рейхсгофенской битвы.

Около полуночи до насъ дошла вѣсть, что грауфталъскіе поселяне нашли въ долинѣ брошенную пушку, а часа черезъ два, во время ужина, вѣжала къ намъ сосѣдка Катель.

— Пруссаки у вашихъ дверей! сказала она.

Я вышелъ; десять или двѣнадцать уланъ стояли на дорогѣ и куря свои деревянные трубочки, поили лошадей у мельничной заводи.

Представьте себѣ мое удивленіе, особливо когда одинъ изъ уланъ привѣтствовалъ меня на дурномъ прусско-нѣмецкомъ языкѣ:

— Э! здравствуйте, г. мэръ! Я надѣюсь, вы хорошо поживаете съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ удовольствіе васъ видѣть.

Онъ былъ начальникомъ отряда. Моя жена и Гредель смотрѣли на него изъ полуотворенной двери.

— А-а! продолжалъ онъ, вида, что я ему не отвѣчалъ: — г-жа Гредель! вы все такая-же хорошенькая и веселая! Я помню, вы всегда пѣвали утромъ и вечеромъ, работая въ саду.

Тогда Гредель, у которой было чудесное зрѣніе, воскликнула:

— Э-ге! это тотъ мошенникъ, который приходилъ снимать виды нашихъ окрестностей съ маленькимъ ящичкомъ на четырехъ длинныхъ ножкахъ.

Послѣ словъ Гредель, не смотря на темноту, я узналъ въ уланѣ одного изъ тѣхъ нѣмецкихъ фотографовъ, которые нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ сновали по нашей странѣ и снимали портреты съ поселянъ. Его звали Отто Крель; онъ былъ высокаго роста, худощавый, блѣдный, съ длиннымъ носомъ и, отпуская комплименты, всегда моргалъ лѣвымъ глазомъ. Ахъ мошенникъ! это былъ онъ, — уланскій офицеръ.

— Такъ точно, г-жа Гредель, отвѣчалъ онъ, сидя неподвижно на своей громадной лошади: — это я! Вы были-бы отличнымъ жандармомъ; тотчасъ признавали-бы честнаго человѣка и мошенника.

И онъ захохоталъ.

— Говорите яснѣе, отвѣчала Гредель: — я не понимаю вашего ломанаго языка.

— Однако вы понимали Жана-Батиста Вернера, замѣтилъ уланъ: — а какъ здоровье милѣйшаго Жана-Батиста? Онъ все такой-же весельчакъ, какъ и тогда? А вы по прежнему носите на сердцѣ его портретъ? Знаете тотъ, который я три раза передѣлывалъ, такъ-какъ вы все находили его недостаточно красивымъ.

При этихъ словахъ Гредель убѣжала на мельницу, а жена моя вошла въ домъ.

Тогда шутникъ обратился ко мнѣ:

— Я очень радъ васъ видѣть, г. мэръ. Я прежде всего хотѣлъ вамъ засвидѣтельствовать свое почтеніе, потому у меня есть къ вамъ маленькое дѣльце.

Я былъ слишкомъ озлобленъ, чтобъ отвѣчать и онъ продолжалъ:

— У васъ еще прекрасныя швейцарскія коровы и двадцать пять барановъ, которые у васъ были въ прошломъ году?

Я тотчасъ понялъ, чего хотѣлъ разбойникъ и воскликнулъ:

— У насъ ничѣго нѣтъ въ деревнѣ; мы совершенно раззорены и не можемъ ничего вамъ доставить.

— Ну, ну, не сердитесь, г. Веберъ:—я снималъ вашъ портретъ въ красномъ жилетѣ и длинномъ сюртукѣ; я васъ знаю, вы отличный человекъ! Мнѣ приказано васъ предупредить, что завтра утромъ къ вамъ явится 15,000 человекъ; они любятъ хорошую говядину и баранину и не пренебрегаютъ бѣлымъ хлѣбомъ, эльзаскимъ виномъ, кофе, французскими сигарами и овощами. Вотъ списокъ всего, что имъ нужно. Приготовьтесь заблаговременно встрѣтить ихъ какъ слѣдуетъ. Иначе, г. мэръ, они сами возьмутъ вашихъ коровъ, которыхъ вы угнали въ бихельбергскій лѣсъ, ваши мѣшки съ хлѣбомъ, ваше вино, это отличное бѣлое риксвирское вино— они возьмутъ все и потомъ сожгутъ вашъ домъ. Послушайте меня, примите ихъ какъ братьевъ нѣмцевъ, которые пришли васъ освободить отъ французскаго рабства; вѣдь вы нѣмцы въ этой странѣ, г. Веберъ. Приготовьте же сами реквизиціи; самъ всегда устройшь дѣло экономнѣе, чѣмъ другіе. Я вамъ это говорю изъ дружбы, помня отличный обѣдъ, которымъ вы меня угощали въ прошломъ году, а теперь прощайте.

Онъ обернулся къ своимъ товарищамъ и они медленно направились къ берлингенскимъ высотамъ, налѣво отъ нашего селенія.

Не заходя даже въ домъ, я тотчасъ побѣжалъ къ Жоржу, чтобы рассказать ему о случившемся. Онъ только-что ложился спать.

— Ну въ чемъ дѣло? спросилъ онъ.

Я взволнованнымъ голосомъ передалъ ему требованье нѣмцевъ. Онъ вмѣстѣ съ Маріаной выслушалъ меня очень внимательно и, подумавъ минуту, сказалъ:

— Христіанъ, сила всегда сила! Если мимо насъ должны пройти 15,000 человекъ, то 15,000 пройдутъ черезъ Метингъ,

15,000 черезъ Катр-Ванъ, 15,000 черезъ Люцельбургъ и такъ далѣе. Непріятель ворвался въ нашу страну! Фальсбургъ будетъ осажденъ и если мы только пикнемъ, то насъ задушатъ прежде, чѣмъ мы успѣемъ крикнуть. Что-жъ дѣлать? Это война. Кто проиграетъ, тотъ и платитъ. *Честные люди*, грабившіе насъ впродолженіи восемнадцати лѣтъ, проиграли дѣло за насъ, а мы теперь будемъ платить за нихъ. Это ясно! Однако, если платишь съ явнымъ неудовольствіемъ, то съ тебя требуютъ болѣе, а если не очень хмуришься, то тебя грабятъ не столь безжалостно, а съ нѣкоторой учтивостью. Я видалъ въ моихъ походахъ подобныя примѣры. Потому вотъ что я тебѣ совѣтую въ твоихъ собственныхъ интересахъ и въ интересахъ всѣхъ насъ. Прежде всего, верни своихъ коровъ изъ бихельбергскаго лѣса, а потомъ прикажи Давиду Герпу отвести двухъ изъ нихъ на бойню: когда придутъ пруссаки, то пусть онъ покажетъ имъ коровъ, убьетъ ихъ и разрубить на куски. Этого количества мяса ровно достанетъ на супъ для 15,000 человѣкъ, а если не хватить, то пришли ко мнѣ за моею лучшей коровою. Всѣ въ селеніи будутъ довольны и скажутъ:— „Мэръ и его двоюродный братъ приносятъ жертвы для общины“. Это отлично! Потомъ, начавъ съ насъ и отнявъ предлогъ къ ропоту, ты прикажи отобрать быка у Пласіара, корову у Жана-Адама, другую у Димера и такъ далѣе, соразвѣрно требованіямъ нѣмцевъ, до тѣхъ поръ, пока не выйдутъ всѣ быки, коровы, свиньи, бараны и козы. То-же самое ты сдѣлаешь и относительно хлѣба, муки, овощей и вина, начиная всегда съ себя и меня. Это очень грустно и тяжело; но его величество Бонапартъ, его министры, родственники и друзья проиграли наше сѣно, нашу солому, наши деньги, наши поля, наши дома, нашихъ дѣтей и насъ самихъ. Они играли глупо, не интересуясь ставкой, такъ-какъ они убрали свои денежки въ Швейцарію, Италію и Англію и рисковали только тѣмъ громаднымъ стадомъ, которое они привели стричь и которое называется народомъ. Да, бѣдный Христіанъ, это стадо—мы, поселяне. Если-бъ я былъ помоложе и могъ нести военную службу, какъ въ тридцать лѣтъ, то я поступилъ-бы въ полкъ, но теперь мы съ тобою можемъ только преклонять головы съ ярой злобой въ сердца и ждать, пока нація образумится и выберетъ другихъ начальниковъ для битвы съ врагами.

Этотъ совѣтъ Жоржа мнѣ показался самымъ разумнымъ при

настоящихъ обстоятельствахъ и я тотчасъ послалъ пастуха за моими коровами въ Бихельбергъ. Я велѣлъ ему сказать всѣмъ, что если они не пригонятъ обратно свой скотъ въ селеніе, то пруссаки пойдутъ за нимъ въ лѣсъ, такъ-какъ они знаютъ всѣ дороги въ нашей странѣ лучше насъ самихъ и что тогда они отберутъ скотъ прежде всего у тѣхъ, которые не хотѣли добровольно повиноваться.

Моя жена и Гредель слышали эти слова и подняли крикъ, что я сошелъ съ ума, но я былъ благоразумнѣе ихъ и слѣдовалъ совѣту Жоржа, который никогда меня не обманывалъ.

Въ эту ночь съ 9-го на 10-е августа, маленькій фортъ Лихтенбергъ, защищенный лишь нѣсколькими ветеранами безъ оружія и снарядовъ, сдался пруссакамъ; Мак-Магонъ удалился изъ Сарбурга съ остатками своей арміи, не взорвавъ Аршвилерскаго туннеля, потому-что не было получено приказанія свыше; нѣмцы, сосредоточившись въ Савернѣ, отправили прежде всего уланъ въ Люцельбургскую долину для освидѣтельствованія желѣзной дороги, которую, какъ они полагали, французы непременно раззорятъ, потомъ пустили въ туннель одинъ паровозъ, наконецъ поѣздъ, нагруженный камнями, и очень изумились, что путь въ Лотарингію былъ имъ открытъ, что пока Мак-Магонъ уходилъ пѣшкомъ, они могли его преслѣдовать въ вагонахъ и посылать прямо къ Парижу свои пушки, лошадей, людей и продовольствіе, которое они могли получить въ Эльзасѣ путемъ реквизицій.

Все это мы узнали впоследствии.

Въ ту-же самую ночь нѣмцы возвели первая батареи у Катр-Вана противъ Фальсбурга, который они обошли съ другой стороны по прекрасной фальбергской дорогѣ, проведенной повидимому нарочно для нихъ. Они не теряли время, осматривали все, наблюдали за всѣмъ и оставались довольны.

Эта ночь прошла спокойно; у нихъ было слишкомъ много дѣла, чтобъ беспокоиться о нашихъ бѣдныхъ, маленькихъ селеніяхъ. Зная очень хорошо, что мы не могли ни уйти, ни защищаться, такъ-какъ вся наша молодежь была въ городѣ и мы не имѣли ни оружія, ни снарядовъ, они считали насъ только своими поставщиками въ случаѣ надобности.

Многіе говорили и многіе вѣрятъ до сихъ поръ, что насъ отдали нѣмцамъ въ замѣнъ Вельгін, такъ-какъ Эльзасъ, по нѣмнѣю

императора, былъ страной нѣмецкой и лютеранской, а Бельгія — страной французской и католической. Но Жоржъ всегда считалъ ложными эти предположенія и увѣрялъ, что всё наши бѣдствія происходили только отъ дурного правительства и главнымъ образомъ отъ тѣхъ, которые, подъ предлогомъ поддержать династію, наполняли карманы, назначали себѣ большіе пенсіоны, обогащались игрой на биржѣ и дешево дѣлались великими людьми, а также отъ глупости народа, который нарочно держали въ невѣжествѣ для безмолвной санкціи всѣхъ мошенничествъ и злоупотребленій. Я вполне раздѣлялъ мнѣніе Жоржа. Правительственные злоупотребленія, лишая страну сильной, многочисленной арміи, способной защитить ея предѣлы и лишая ту армію, которая существовала, оружія, снарядовъ и продовольствія — вотъ, кажется, достаточная причина всѣхъ нашихъ униженій и бѣдствій.

По моему приказанію, наше стадо возвратилось изъ Вихельберга и двѣ мои лучшія коровы дожидались на скотномъ дворѣ чести. быть первой реквизиціей пруссаковъ. Всѣ жители селенія громко одобряли мои распоряженія, не подозрѣвая, что ихъ очередь также придетъ.

Время шло и уже многіе стали думать, что дѣло обойдется мирно, какъ вдругъ эскадронъ уланъ и эскадронъ гусаръ показались въ концѣ долины. Впереди, въ видѣ авангарда, выступали нѣсколько уланъ; этотъ порядокъ и впоследствии всегда строго наблюдался; въ трехъ стахъ шагахъ отъ каждаго отряда ѣхали два улана, держа пистолеты въ рукахъ, и останавливаясь отъ времени до времени для рекогносцировки мѣстности.

Всѣ мы, мужчины, женщины и дѣти, смотрѣли изъ оконъ и дверей на этихъ солдатъ, которые шли съ цѣлью насъ поглотить, раззорить и уничтожить. Это словно наступалъ на насъ Плебисцитъ, вооруженный пистолетами, саблями, штыками и пушками.

Кавалерія растянулась по высотамъ отъ Берлингена до Грауфталя, Вехема, Миттельбронна и далѣе; потомъ появились и пѣхотные полки съ развѣвающимися черно-бѣлыми знаменами.

Мы смотрѣли на все это молча, неподвижно. Офицеры, въ остроконечныхъ каскахъ, скакали взадъ и впередъ, развозя приказанія. Патеръ Даніэль выглядывалъ изъ окна своего дома, а сосѣдка Катель кричала:

— Господи! Мы никогда не думали, что на свѣтѣ столько еретиковъ!

Вотъ въ какомъ невѣжествѣ держали народъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, внушая ему, что онъ одинъ на свѣтѣ, что насъ тысяча противъ одного чужестранца, и что наша религія всемірная. Какое безуміе, поддерживаемое ложью! Эта великая идея о себѣ сдѣлала-ли насъ сильнѣе, могущественнѣе! Но лицемѣры всегда умѣютъ выйти сухи изъ воды; они удаляются съ полными карманами, а дураковъ оставляютъ тонуть въ болотѣ.

Имѣя повсюду шпионовъ, достопочтенные отцы іезуиты должны были предупреждать насъ о силѣ еретиковъ и не оставлять насъ до конца въ убѣжденіи, что мы единственные повелители всей земли. Но они говорили себѣ:

— Эти дураки французы будутъ рѣзаться для нашей пользы; если они побѣдятъ, то сила еретиковъ будетъ уничтожена; если же они потерпятъ пораженіе, то пруссаки приведутъ съ собой Генриха V, какъ союзники Людовика XVIII; во всякомъ случаѣ, намъ будетъ раздолье; святой отецъ будетъ признанъ непогрѣшимымъ и мы станемъ управлять его именемъ.

Все это теперь такъ ясно, что даже совѣстно повторять подобныя, всѣмъ извѣстныя, истины.

Мало-по-малу, кавалерія расположилась на высотахъ за холмами, а пѣхота наводнила долины.

До насъ долетали команда офицеровъ, ржаніе лошадей и тяжелые шаги пѣхоты, выступавшей мѣрно, правильно, въ тактъ. Ахъ! если-бъ наши офицеры были-бы такъ-же образованы, а наши солдаты отличались-бы такой-же дисциплиной, какъ нѣмцы, то Лотарингія и Эльзасъ все еще оставались-бы французскими.

Быть можетъ, мнѣ скажутъ, что хорошій патріотъ не долженъ говорить ничего подобнаго; но къ чему скрывать истину? Она отъ этого не перестанетъ быть истинной. Я именно для того и говорю, чтобъ заставить людей ясно взглянуть на дѣло; если мы желаемъ возвратить себѣ то, что потеряли, то должны все измѣнить: наши офицеры должны сдѣлаться учеными, наши солдаты научиться дисциплинѣ, наши интенданты и чиновники должны доставлять исправно снаряды, амуницію и продовольствіе, или, въ противномъ случаѣ, ихъ слѣдуетъ разстрѣливать; жизнь честнаго и мужественнаго народа стоитъ жизни мошенниковъ, благо-

даря невѣжеству, гнѣни и корыстолюбію которыхъ мы лишились двухъ провинцій.

Намъ нужна громадная армія, армія народная, какъ въ Германіи, а для этого необходимо, чтобъ всѣ служили: способные къ военной службѣ—въ дѣйствующей арміи, хромые и горбатые въ—штабахъ; необходимо, чтобъ военнымъ дозволили носить очки, которые ни мало не мѣшаютъ сражаться и чтобъ богатые наравнѣ съ бѣдными шли въ огонь... Иначе насъ будутъ постоянно бить, раззорять и уничтожать.

А главное, какъ говорилъ Жоржъ, необходимо, чтобъ во главѣ націи стоялъ человѣкъ честный, опытный, для котораго честь народа выше своего личнаго интереса и которому всѣ повинуются, зная, что онъ никогда не терялъ довѣрія къ себѣ въ самыя трудныя, опасныя минуты.

Но мы еще далеки отъ этого; и смотря на гордыя лица тѣхъ, которые возвращаются изъ Англіи, Бельгіи, Швейцаріи и болѣе отдаленныхъ странъ, право подумаешь, что они одержали великія побѣды, и отечество должно встрѣчать ихъ, какъ своихъ спасителей.

Что касается до меня, я буду продолжать исторію моего селенія и хитеръ будетъ тотъ, кто, какъ-бы онъ ни прикидывался честнымъ человѣкомъ, съумѣетъ еще разъ обмануть меня!

Размѣстивъ пѣхоту, нѣмцы поставили два или три орудія на высотахъ Вехема позади холмовъ. Тутъ мысль о Жакобѣ и о другихъ молодцахъ, которыхъ нѣмцы намѣревались бомбардировать, пришла намъ въ голову и жена моя залилась слезами. Гредель, думая о своемъ Жанѣ-Батистѣ, словно рехнулась и если-бъ по несчастію въ домѣ было ружье, я увѣренъ, она была-бы въ состояніи стрѣлять въ пруссаковъ, которые за это истребили-бы всѣхъ насъ. Она ходила взадъ и впередъ по лѣстницѣ и комнатамъ, высовывалась въ окно и на восклицаніе одного изъ солдатъ: „Какая красавица!“, она рѣзко отвѣчала: „Будьте всегда десятеро противъ одного, а то вамъ придется плохо“!

Я съ испугомъ бросился къ ней и старался уговорить ее держать языкъ за зубами, если она не хотѣла погибели всего нашего селенія; но она дерзко отвѣчала:

— А мнѣ какое дѣло, пускай здѣсь все жгутъ, тѣмъ лучше! Я желала-бы быть теперь въ городѣ, а не здѣсь, среди этихъ злодѣевъ.

Я поскорѣе отошелъ отъ нея, боясь услышать еще большее.

Дождь продолжался; пруссаки шли по прежнему полками и эскадронами. Болѣе сорока тысячъ человѣкъ находилось въ долинѣ; одни смыкались въ ряды на поляхъ и лугахъ, уничтожая траву и картофель, другіе продолжали путь; колеса пушекъ, снарядныхъ ящиковъ и багажныхъ фургоновъ уходили въ песокъ, но добрыя лошади мгновенно ихъ вытаскивали и ввозили на высоты.

Когда физическая сила все и самъ чувствуешь свою слабость, то надо молчать!

Распространился слухъ, что послѣ полудня, нѣмцы будутъ атаковать Фальсбургъ. Наши бѣдные мобили и шестьдесятъ рекрутовъ, поступившихъ въ артиллерійскую прислугу, должны были, повидимому, выдержать сильную бомбардировку. Видя, какое громадное количество ядеръ везли въ Вехемъ, мы невольно восклицали:

— Бѣдный городъ!... Бѣдные граждане!... Бѣдныя женщины!... Бѣдныя дѣти!...

Дождь усиливался; ручей разливалъ свои воды по всей грауфталльской долинѣ. Тогда офицеры явились въ наше селеніе отыскивать себѣ пристанища; многіе, преимущественно гусары, вошли въ домъ Жоржа. Около этого-же времени на мельницу явился какой-то господинъ въ круглой шляпѣ, въ черныхъ панталонахъ и въ такомъ-же плащѣ.

— Вы господинъ мэръ? спросилъ онъ.

— Да.

— Хорошо. Я пасторъ при арміи и поселюсь у васъ.

Я былъ этому очень радъ, такъ какъ лучше имѣть гостемъ одного пастора, чѣмъ двѣнадцать и шестнадцать бунювъ; но не успѣлъ онъ произнести своихъ послѣднихъ словъ, какъ явился стрѣлковый офицеръ, громко крича:

— Командиръ здѣсь остановится.

Хорошо! мнѣ нечего было отвѣчать.

Ефрейторъ, слѣдовавшій за офицеромъ, сошелъ съ лошади и осмотрѣлъ конюшню и сарай.

— Выведите все это отсюда, сказалъ онъ.

— Какъ, вывести моихъ лошадей и скотъ?

— Да, и скорѣй. У командира двѣнадцать лошадей, для которыхъ необходимо хорошее помѣщеніе.

Я хотѣлъ отвѣчать, но офицеръ началъ кричать и браниться, угрожая тотчасъ свести всю мою скотину на бойню, если я не исполню немедленно его приказанія. Дѣлать была нечего; я очистишь конюшню, но сердце мое было полно грусти и отчаянія.

Гредель видѣла все это изъ окна и, сойдя внизъ, сказала офицеру съ страшной злобой:

— Вы, должно быть, подлець, что обращаетесь такъ грубо съ безпомощнымъ старикомъ.

Отъ страха волосы встали у меня дыбомъ, но офицеръ ничего не отвѣчалъ и тотчасъ удалился.

Тогда пасторъ сказалъ мнѣ на ухо:

— Вы будете имѣть честь принимать у себя въ домѣ командующаго генерала, котораго вы должны называть ваша свѣтлость.

Я невольно подумалъ:

— Чортъ-бы побралъ всѣхъ генераловъ. Провалились-бы вы всѣ, нѣицы, сквозь землю! Вы несчастная раса, созданная только на горе человѣчества!

Я конечно это только подумалъ, а не высказалъ. За два дня передъ тѣмъ пруссаки разстрѣляли нѣсколько человѣкъ въ горахъ и носились слухи, что они повѣсили Богъ знаетъ за что одиннадцать гунштетскихъ поселянъ, отцовъ семействъ. Подобныя вѣсти дѣлаютъ васъ осторожными.

Пока я размышлялъ о нашихъ бѣдствіяхъ, къ мельницѣ подъѣхалъ его свѣтлость съ адъютантами и прислугой. Они соскакиваютъ съ лошадей, входятъ въ домъ, вѣшаютъ на стѣну свою мокрую одежду и располагаются въ кухнѣ. Жена моя спасается наверхъ, а я прижимаюсь въ уголокъ за печкой. Мы теперь рѣшительно ничего не имѣли своего, собственнаго!

Командиръ былъ очень высокаго роста и едва могъ войти въ мою дверь. Онъ былъ красивый мужчина, также какъ его адъютанты, полковникъ Эклофштейнъ и баронъ Энгель. По росту и аппетиту трудно было-бы найти имъ равныхъ. Они нисколько не стѣснялись моимъ присутствіемъ, ходили по всѣмъ

комнатамъ, смѣялись и болтали, не обращая на меня никакого вниманія, точно я былъ въ ихъ домѣ, а не они въ моемъ.

Съ минуты ихъ прибытія до ухода огонь на кухни не потухалъ; мои дрова пылали; кострюли, чугуны и вертѣла были въ постоянномъ употребленіи; моихъ куръ, утокъ и гусей ловили, убивали, потрошили и жарили; изъ говядины дѣлали бифштексы. Потомъ открывали мои шкафы, брали скатерти, стаканы и отыскивали бутылки съ виномъ въ погребу.

Все, что изготовляли на кухни, подавали командиру и офицерамъ; между тѣмъ двери и окна моихъ комнатъ оставались открытыми и дождь свободно въ нихъ проникалъ; ординарцы постоянно прѣзжали верхомъ и, получивъ приказанія, удалялись. Около шести часовъ началась канонада, у Катр-Вана; два городскіе бастіона арсенальный и пекарный отвѣчали такимъ-же огнемъ.

Эта была бомбардировка 10 августа, впродолженіи которой сожгли домъ Тибо. Намъ суждено было видѣть и слышать много подобныхъ канонадъ, но услышавъ теперь впервые громовые раскаты артиллерійскихъ орудій въ нашей мирной долины, мы невольно дрожали отъ страха.

Каждый разъ, какъ раздавался громкій гулъ нашихъ крѣпостныхъ пушекъ, Гредель восклицала:

— Вонъ наши палаты!.. Мы еще не умерли!.. Слышите?

Я всѣми силами старался ее успокоить и на вопросы его свѣтлости: „Что такое?“, я поспѣшно отвѣчалъ:

— Ничего, это моя дочь; она съумасшедшая.

Въ семь часовъ, пальба прекратилась.

За нѣсколько минутъ передъ этимъ баронъ Энгель вышелъ отъ его свѣтлости и возвратясь объявилъ, что въ городъ отправленъ парламентаръ съ требованіемъ немедленной сдачи; а въ случаѣ отказа бомбардировка должна была снова начаться.

Такимъ образомъ наступила тишина. Его свѣтлость обѣдалъ.

Вдругъ прискакалъ гусарскій генералъ; на взглядъ онъ былъ просто чудовище, съ плоскимъ лбомъ, косыми глазами и рыжими волосами. Командиръ протягиваетъ ему руку. Они здороваются, смѣются и продолжаютъ обѣдъ. Гусарскій генералъ рассказываетъ, что онъ взялъ палатку Мак-Магона, съ великолѣпными зеркалами, фарфоровой посудой, женскими шляпками и

кринолинами. Онъ смѣялся, раскрывая ротъ до ушей, а командиръ съ улыбкой замѣчаетъ, что Мак-Магонъ, вѣроятно, хотѣлъ доставить зрѣлище побѣды какой-нибудь великосвѣтской парижской красавицѣ. Не можетъ быть, чтобъ это была правда, но гусаръ лгалъ не краснѣя.

Этотъ генераль, котораго имени я не припомню, хотя слышалъ его нѣсколько разъ, рассказывалъ далѣе, что проходя по эльзасгаузенскому лѣсу, онъ случайно попалъ на селеніе Гундерсгофенъ, гдѣ находилось нѣсколько ротъ французской пѣхоты и истребилъ ихъ до послѣдняго человѣка, причѣмъ нѣмцы не потеряли ни одного солдата. Рассказавъ этотъ подвигъ, онъ захохоталъ во все горло, говоря, что военное ремесло даетъ однако прекрасныя минуты и этотъ случай составляетъ одно изъ его лучшихъ воспоминаній.

— И это христіане! думалъ я, сидя за печкой: — да, они хуже волковъ; они, пожалуй, стали-бы пить кровь изъ череповъ убитыхъ!

Они продолжали разговаривать; наконецъ, явился молодой офицеръ съ извѣстіемъ, что фальсбургцы не хотятъ сдаваться, и потому городъ будутъ тотчасъ бомбардировать зажигательными снарядами съ цѣлю произвести въ немъ пожары.

И не могъ болѣе сидѣть и слушать подобныхъ ужасовъ; Гредель и моя жена заперлись на верху въ своей комнатѣ, а я вышелъ, чтобъ подышать свѣжимъ воздухомъ, а не тѣмъ которымъ дышали наши губители.

Дождь продолжался; но мнѣ хотѣлось освѣжиться и я даже съ удовольствіемъ бросился-бы въ рѣку.

Полки все тянулись по прежнему. Бѣлые кирасиры тѣснились въ долину вокругъ Метинга, а другіе полки массажи шли въ Сарбургу; штыки и каски блестѣли, не смотря на дождь. Легко было понять, что наша несчастная армія въ двѣсти тысячъ человѣкъ не могла противостоять такому наплыву человѣческихъ массъ.

Но гдѣ-же были остальные триста тысячъ человѣкъ, содержаніе которымъ мы отпускали въ продолженіе столькихъ лѣтъ? Они находились въ отчетѣ военнаго министра законодательному собранію, а деньги, отпущенныя на ихъ обмундировку и вооруженіе, были въ Лондонѣ, на частномъ счету Бонапарта. Онъ сдѣлалъ экономію, „честный человекъ!“

Всѣ эти безчисленные вѣщи, расположившіеся въ нашей долинь подѣ дождемъ, начинали рубить фруктовыя деревья на дрова; со всѣхъ сторонъ падали наши великолѣпныя яблони и грушевыя деревья, еще покрытыя плодами; ихъ обдирали, рубили на куски и зажигали такими громадными кострами, что дождь не могъ потушить огня. Вся долина освѣщалась этими ужасными маяками.

Какая неоцѣнимая потеря для страны! Съ 1814 года, потребовалось 56 лѣтъ, чтобъ ихъ взлелѣять; они теперь были въ полной силѣ и наши дѣти ранѣе пятидесяти лѣтъ не увидятъ подобныхъ красавцевъ! Наши селенія обнажены и всѣ деревья истреблены, уничтожены!

Это печальное зрѣлище наполнило мое сердце отчаяньемъ и, отвернувшись, я пошелъ къ Жоржу, надѣясь услышать отъ него хоть нѣсколько словъ утѣшенія.

Домъ Жоржа былъ полонъ народа; Маріана, женщина рѣшительная и смѣлая, стряпала для незваныхъ гостей, въ числѣ которыхъ были ихъ два старые парижскіе пріятеля: еврей, учившійся въ Парижѣ садоводству и нѣмецъ сѣдельщикъ; оба они теперь были иррачны, словно ихъ мучила совѣсть. Остальные посѣтители, наполнявшіе домъ и аллею передъ домомъ, курили трубки и дожидались похлебки изъ говядины и картофеля, которая варилась въ большомъ котлѣ. Хотя обыкновенно этотъ котель былъ предназначенъ для обѣда, но теперь не въ чемъ другомъ было готовить для такого громаднаго количества народа.

Каждый солдатъ имѣлъ подѣ мышкой кусокъ говядины, ломоть хлѣба, бутылку вина и даже порядочное количество молотого кофе; у нѣкоторыхъ виднѣлись въ барманахъ кочки капусты, лукъ, рѣпа. Солдаты эти были гусары.

Въ большой залѣ находились офицеры, только-что возвратившіеся съ рекогносцировки. Ихъ тяжелые сапоги и звонкія шпоры громко слышались на лѣстницѣ и въ верхнихъ комнатахъ.

Я вошелъ въ заднюю дверь, такъ-какъ аллея была слишкомъ загромождена. Жоржъ увидалъ меня черезъ массу касокъ и воскликнулъ:

— Христіанъ, останься на улицѣ, здѣсь душно, я выду къ тебѣ.

Ему дали дорогу, какъ хозяину, и мы пошли съ нимъ въ садъ.

— Ну, сказалъ онъ, закуривая трубку:— что у васъ дѣлается?
Я разсказалъ ему все.

— Я принималъ гусарскаго генерала еще вчера вечеромъ, произнесъ онъ, когда я кончилъ: — послѣ ухода уланъ, часовъ въ одиннадцать я услышалъ стукъ въ ставни. Я выглянулъ... два эскадрона гусаръ окружають домъ. Спаситись было некуда. — „Отворите!“ кричали извнѣ. Я повиновался. Первый вошелъ генераль, который только-что отправился къ тебѣ.

— Вы одинъ? спросилъ онъ, держа въ правой рукѣ пистолетъ и осматриваясь по сторонамъ.

— Да, одинъ съ женою.

— Хорошо.

Онъ обернулся и крикнулъ своего адъютанта. Три или четыре солдата вошли въ комнату и по его приказанію вынесли столъ и стулья въ кухню. Тогда генераль разложилъ на полу огромную карту и, снявъ сапоги, легъ на нее.

— Такой-то, такой-то, такой-то, кричитъ онъ во все горло.

— Здѣсь, генераль.

И шесть или семь офицеровъ входятъ въ комнату и вынимають изъ кармана маленькія карты.

— Такой-то, знаете вы дорогу въ Метингъ?

— Да, генераль.

— А изъ Метинга въ Сарбургъ?

— Да, генераль.

— Называйте мѣста.

И офицеръ началъ быстро называть селенія, фермы, ручьи, мосты, лѣса, дороги, и даже тропинки. Генераль все время слѣдилъ пальцемъ по картѣ.

— Хорошо! сказалъ онъ, — возьмите двадцать человѣкъ и сдѣлайте рекогносцировку до Сен-Жана. Если встрѣтите сопротивленіе, увѣдомьте меня. Ну, живѣй!

Офицеръ вышелъ, а генераль позвалъ другого.

— Здѣсь, генераль.

— Вы знаете дорогу въ Ликсгеймъ?

— Да, генераль.

И та-же исторія повторилась. Черезъ полчаса онъ разо-слалъ всѣхъ своихъ офицеровъ, по различнымъ направленіямъ: къ Сарбургу, къ Ликсгейму, къ Дамерингену, къ Люцельбургу, къ

Фенетранжу, и т. д. Когда всё они уѣхали, при немъ осталось не болѣе двадцати или тридцати солдатъ, онъ всталъ и сказалъ мнѣ:

— Дайте мнѣ хорошую постель, а завтра къ семи часамъ утра, приготовьте сытный завтракъ. Всѣ офицеры, которыхъ вы только-что видѣли, будутъ завтракать у меня; аппетитъ послѣ экспедиціи у нихъ будетъ отличный. У васъ хорошая провизія и вино, а жена ваша, я знаю, прекрасная кухарка. Я желаю, чтобъ все было отлично. Понимаете?

Я ничего не отвѣчалъ и пошелъ къ женѣ, но она уже все слышала изъ кухни и громко воскликнула:

— Хорошо, все будетъ исполнено. Дѣлать нечего, они сильнѣ насъ.

Конечно, генераль слышалъ ея слова, но ему было все равно, только-бы исполнялись его приказанія. Моя жена проводила его наверхъ и указала ему на свою постель. Онъ осмотрѣлъ всѣ шкафы, заглянулъ подъ кровать, отворилъ окно и, убѣдившись, что часовые стоятъ на своихъ мѣстахъ, легъ въ постель.

До утра все было спокойно. Когда офицеры возвратились, то генераль выслушалъ ихъ докладъ и послалъ тотчасъ-же оставшихся при немъ солдатъ въ Дазенгеймъ. Черезъ два часа эти гусары возвратились съ авангардомъ нѣмецкой арміи. Рекогносцировка, произведенная генераломъ, доказала, что всѣ горные проходы оставлены французами и нѣмцы могутъ свободно войти въ Лотарингію; что Мак-Магонъ и Фальи удалились съ остатками своихъ арій и въ этой мѣстности не предвидѣлось болѣе сраженій.

Вотъ все, что рассказалъ мнѣ Жоржъ, покуривая трубку.

Дверь изъ кухни была теперь отворена и мы видѣли тѣснившихся въ ней нѣмцевъ въ каскахъ, мокрой одеждѣ и съ кусками мяса подъ мышками. По мѣрѣ того, какъ готовилось кушанье, Маріана выдавала бульонъ, говядину и овощи подходившимъ солдатамъ съ различной посудой; они тотчасъ удалялись и ихъ мѣста занимали другіе. Я никогда не видывалъ столько говядины и такой свѣжей; одного подобнаго куска было-бы достаточно на четырехъ или пятерыхъ французовъ.

Какъ грустно было думать, что наши солдаты такъ страдали отъ голода въ своей собственной странѣ, тогда какъ враги наби-

вали себѣ желудки нашимъ добромъ! Мы съ Жоржемъ думали объ одномъ и томъ-же.

— Да, нѣмцы устроились лучше насъ! сказалъ онъ. — Это мясо не здѣшнее, ибо они еще не дѣлали реквизицій; оно идетъ по желѣзной дорогѣ; я видѣлъ, какъ сегодня выгружали провизію изъ вагоновъ. Въ-стѣ съ мясомъ привезли для офицеровъ громадныя колбасы и прочіе неизвѣстные мнѣ съѣдобные припасы; и все это отличное, только хлѣбъ у нихъ черный, но они ѣдятъ его съ удовольствіемъ. Ихъ интендантскіе чиновники не такіе блестящіе, какъ наши, они не умѣютъ выводить такихъ блестящихъ итеровъ, но солдаты ихъ имѣютъ мясо, хлѣбъ, вино, кофе, а наши умираютъ съ голода, какъ мы сами видѣли. Еслибъ они получали хоть половину нѣмецкихъ раціоновъ, то поселяне не жаловались-бы на нихъ, какъ въ Нидербронъ; а они напротивъ кормили-бы несчастныхъ остатками своей пищи.

Около одиннадцати часовъ вечера я возвратился домой, болѣе спокойный, чѣмъ утромъ. Часовые меня уже знали. Командиръ, оба его адъютанта и пасторъ спали. Они расположились на нашихъ постеляхъ, а прислуга ихъ разлеглась на соломѣ въ сараѣ. Что касается меня, то я рѣшительно не зналъ, гдѣ мнѣ лечь. Однако, не смотря на это, я немного успокоился и, обдумывая слова Жоржа, говорилъ себѣ: „Если нѣмцы получаютъ продовольствіе по желѣзной дорогѣ, то не все еще потеряно. Мы сохранимъ свой скотъ и къ тому же нѣмцы уйдутъ отъ насъ далѣе“.

Размышляя такимъ образомъ, я пошелъ на мельницу, легъ на мѣшки съ мукою и вскорѣ заснулъ.

Но на другой день оказалось, что Жоржъ ошибся и что продовольствіе не получалось нѣмцами по желѣзной дорогѣ. Каждую минуту ко мнѣ приходили поселяне съ жалобами на пруссаковъ, точно я былъ отвѣтственнымъ лицомъ за ихъ грабежъ.

— Г. мэръ, у меня взяли горшокъ съ саломъ, говорилъ одинъ.

— Г. мэръ, у меня утащили сапоги изъ-подъ кровати, говорилъ другой.

— Г. мэръ, мое все сѣно нѣмцы скормили своимъ лошадямъ, говорилъ третій: — чѣмъ я буду кормить свою корову?

И такъ далѣе, и такъ далѣе.

Оказывалось, по ихъ словамъ, что нѣмцы поступали самымъ

безцеремоннымъ образомъ и, по праву побѣдителя, брали все безъ зазрѣнія совѣсти.

Эти жалобы меня такъ взорвали, что я рѣшился сказать обо всемъ командиру. Онъ выслушалъ меня очень любезно и сказалъ, что сожалѣеть о случившемся, но французская пословица „А la guerre comme à la guerre“ относится столько-же къ поселянамъ, сколько и къ солдатамъ.

Однако все это было-бы ничего, если-бъ не начались реквизиции. Ко мнѣ пришли квартирмейстеры для переговоровъ. На всѣ мои увѣренія, что мы люди бѣдные, раззоренные, они отвѣчали:

— Хорошо, хорошо, устройте дѣло, какъ знаете; намъ необходимо столько-то тысячъ копенъ сѣна, столько-то мѣръ овса и ячменя, столько-то четвериковъ муки, столько-то пудъ мяса—все равно, какого: говядины или баранины, но перваго сорта. Если-же вы не поставите намъ этихъ припасовъ, г. мэръ, мы сождемъ ваше селеніе.

Главнокомандующій, вмѣстѣ съ своими офицерами, отправился въ нѣмецкій лагерь подъ Фальсбургомъ и я оставался одинъ, безпомощный, беззащитный. Я хотѣлъ ударить въ набатъ для созванія муниципальнаго совѣта, но колокольный звонъ былъ запрещенъ; тогда я послалъ на домъ къ каждому муниципальному совѣтнику, приглашая ихъ собраться, но никто не двинулся съ мѣста: они полагали, что, оставаясь дома, они отнимутъ у нѣмцевъ возможность дѣлать поборы съ селенія.

Находясь въ такой крайности, я приказалъ Мартину Копу, при барабанномъ боѣ, прочесть списокъ требуемыхъ реквизицій. При этомъ я просилъ, чтобы всѣ благоразумные люди поспѣшили исполнить эти требованія къ одиннадцати часамъ утра, если они не желаютъ, чтобы нѣмцы съ двухъ концовъ подождли наше селеніе.

Не успѣлъ Копъ прочесть это объявленіе, какъ уже каждый поселянинъ торопился нести въ мэрію все, что имѣлъ.

Квартирмейстеры забрали все — между прочимъ мою лучшую корову — и дали мнѣ росписку въ подученіи всѣхъ этихъ припасовъ.

Негодованіе жителей нашего селенія было безгранично.

Благодаря чрезмѣрнымъ реквизиціямъ, которыя брали нѣмцы въ первые дни ихъ нашествія, во всемъ нашемъ окологдѣ нельзя было-бы найти ни одного фунта солонины, а о свѣжей говядинѣ

нечего было и говорить. Однако, когда нѣмцы рѣшительно настаивали на своихъ требованіяхъ — все находилось въ изобиліи. На французовъ болѣе всего дѣйствовала угроза сжечь до тла селенія. Вездѣ ходили самые страшные рассказы о дѣйствіяхъ нѣмцевъ въ Эльзасѣ и неудивительно, что ихъ считали способными исполнить жестокую угрозу.

Собравъ реквизиціи, пруссаки сняли свой лагерь и объявили намъ, что ихъ мѣсто займутъ другіе. Я слышалъ, какъ баронъ Энгель послалъ эстафету въ Сарбургъ съ приказаніемъ приготовить шесть тысячъ раціоновъ хлѣба и кофе. Теперь я понимаю, что мы должны были кормить всю нѣмецкую армію до конца компаніи и нѣмецкое интендантство перестало мнѣ казаться великолѣпнымъ учрежденіемъ.

Не успѣлъ еще уѣхать командиръ съ своей свитой, какъ явился гусарскій капитанъ Коломбъ съ шестью солдатами и, спустя немного, адъютантъ, какой-то графъ, съ тремя солдатами. Они пріѣхали изъ Саверна, совершенно мокрые и голодные.

Я объяснилъ имъ, что у насъ все взято и намъ нечѣмъ было жить самимъ, но они не хотѣли этому вѣрить и моя жена должна была собрать всѣ крохи и кое-какъ приготовила обѣдъ.

За столомъ эти офицеры рассказали намъ, что послѣ битвы подъ Вертомъ нѣмцы повѣсили одиннадцать поселянъ въ Бонштетѣ. Наши постояльцы также сказали намъ, что на другой день придетъ поѣздъ желѣзной дороги, на которомъ везутъ провіантъ. Это дѣйствительно сбылось, но, по несчастью, поѣздъ не остановился и прошелъ далѣе, въ Сарбургъ.

Фальсбургскія крѣпостныя орудія сбили прусскія батареи, вздвигнутыя въ Катр-Вауфъ. Значительное количество больныхъ и раненныхъ было отправлено въ большой савернскій госпиталь, нѣкоторыхъ-же положили въ домъ, занимаемый школой, въ селеніи Пфальсвееръ. Пруссакіи сердились на свою неудачу; они, казалось, не хотѣли допустить мысли, что мы должны и можемъ защитить себя; всякое сопротивленіе съ нашей стороны казалось имъ чуть не преступленіемъ, нарушающимъ ихъ право повелѣвать нами, какъ народомъ рабовъ. Я постоянно слышалъ отъ нихъ подобныя жалобы, но считали-ли они насъ за скотовъ или сами были достойны уподобиться скотамъ — я, право, не знаю, но полагаю,

что одинаково, какъ они, такъ и наши, очень часто не заслуживали чести называться людьми.

Послѣ поѣзда съ продовольствіемъ, который былъ такъ великъ, что тянулся два часа, стали проходить мимо нашего селенія безконечное количество пушекъ и зарядныхъ ящиковъ; никогда мы не слышали такого страшнаго шума: онъ походилъ на хлопочущій по горахъ бурный потокъ.

Теперь шель мимо насъ 11-й нѣмецкій корпусъ. Всего такихъ корпусовъ у нѣмцевъ было двѣнадцать; въ каждомъ корпусѣ считалось въ строю восемьдесятъ или девяносто тысячъ человѣкъ.

Мы рѣшительно ничего не знали о положеніи нашихъ войскъ, нашихъ друзей и родственниковъ въ городѣ: мы находились словно на острову, среди бушующаго наводненія пруссаковъ, саксонцевъ, баварцевъ, виртембергцевъ и баденцевъ, которые все шли, шли безъ конца.

Повидимому, реквизицій, взятыхъ наканунѣ, и громаднаго поѣзда съ продовольствіемъ было слишкомъ недостаточно для нѣмцевъ; они не хотѣли уже болѣе обращаться къ мѣру, и послѣ отъѣзда останавливавшихся у насъ офицеровъ, въ семь часовъ утра, въ селеніи поднялся страшный крикъ: пруссаки разомъ хотѣли захватить все наше стадо. Но на этотъ разъ они дурно взялись за дѣло: они не окружили со всѣхъ сторонъ дома и поселяне успѣли угнать скотину въ заднія ворота, а оттуда, по горнымъ откосамъ, въ лѣсъ, такъ-что нѣмцамъ не досталось почти ничего.

Съ этой минуты, не смотря на всѣ угрозы непріятеля, нашъ скотъ оставался въ лѣсу на горныхъ вершинахъ; около этого-же времени стали распространяться слухи, что въ горахъ бродятъ французскіе партизаны; одни увѣряли, что это туркомы, спавшіеся изъ-подъ Верта; другіе же—что это вольные стрѣлки. Во всякомъ случаѣ пруссаки перестали ходить небольшими отрядами по уединеннымъ тропинкамъ и, вѣроятно, по этой причинѣ они не преслѣдовали нашъ скотъ въ Крапенфельцѣ.

На другой день, 13 августа, въ нѣмецкомъ лагерѣ близъ Вехема произошло движеніе. Старикъ прусскій принцъ, извѣстный своимъ продолговатымъ носомъ и выдающимся подбородкомъ, человѣкъ энергичный и почти никогда несходившій съ лошади,

былъ въ Метингѣ; носился слухъ, что вскорѣ начнется страшная бомбардировка Фальсбурга, такъ-какъ шестьдесятъ орудій уже выставили у вехемской мельницы и насыпали земляной валъ для прикрытія этой батареи.

Въ этотъ день, когда я всего менѣе ожидалъ незваныхъ гостей, явились снова квартирмейстеры за реквизиціями. Я объявилъ, что весь нашъ скотъ разбрелся по лѣсу, по ихъ собственной винѣ: они хотѣди забрать все разомъ и теперь ничего не получаютъ.

На мои справедливыя замѣчанія они отвѣчали угрозами. Тогда я воскликнулъ:

— Берите меня!.. Ыщите меня!.. Я старикъ — отъ меня не разтолстѣете!..

Однако, слыша ихъ обычныя угрозы съечь селеніе, я велѣлъ объявить всѣмъ жителямъ, что пруссаки требуютъ тысячу мѣръ овса и ячменя и три тысячи пудъ соломы и сѣна; если-же къ двѣнадцати часамъ все это не будетъ приготовлено — они безъ всякаго милосердія сожгутъ наши дома.

И теперь, какъ въ первый разъ, уstraшенные жители принесли на площадь все, что требовалось. Нѣмцы нашли вѣрное средство заставить людей отдать все, до послѣдняго зерна: *Огонь! огонь!*— вотъ могучее средство, которымъ держали насъ постоянно въ страхѣ. Намъ постоянно мерещился страшный призракъ Содома и Гоморы, истребленныхъ въ древности огнемъ за ихъ великія нечестія. Но тѣ города были наказаны самимъ Богомъ. Нѣмцы-же стращали насъ для насыщенія своей жадности.

Конечно, за свою глупость, мы тоже заслуживали строгой кары, однакожь, насъ не оставляла надежда, что народъ не всегда будетъ глупымъ и что Богъ взмилуется надъ нами. Я говорю не о Богѣ іезуитовъ, но о томъ Богѣ, котораго мы сознаемъ въ глубинѣ нашего сердца, который побуждаетъ насъ проливать слезы сожалѣнія о незаконно-убитыхъ нашихъ братьяхъ. Объ этомъ Богѣ я говорю и къ Нему я взываю: „Господи! взгляни на насъ, претерпѣвшихъ столько страданій! Заслужили-ли мы ихъ, виновны-ли мы въ нашемъ невѣжествѣ? И если виновны, то покарай насъ! Но если другіе въ этомъ виноваты, если они намъ не дали школъ, если они не учили насъ тому, что мы должны были знать, если они обманывали насъ, пользуясь на-

шимъ довѣрѣемъ, то Милосердный Боже! прости насъ и отдай намъ нашу родину, нашъ милый Эльзасъ, нашу дорогую Лотарингію! Не допусти, чтобъ насъ предали нашимъ врагамъ! Боже милосердный, мы виновны, очень виновны, что повѣрили Бонапарту, который измѣнилъ торжественной клятвѣ, данной Тебѣ, и его министрамъ, которые, обѣщавъ намъ миръ, начали войну съ „легкимъ сердцемъ“, и потомъ бѣжали, набивъ себѣ карманы. Но все-же мы, эльзасцы и лотарингцы, вѣрнѣйшіе сыны нашей Франціи и мы не заслуживаемъ, чтобы насъ отдали на волю побѣдителя, нѣмца. О Боже милосердный! спаси насъ отъ такого позора!...“

При воспоминаніи о всѣхъ страданіяхъ и униженіяхъ, перенесенныхъ нами, сердце мое обливалось кровью и на глазахъ выступали слезы.

Успокоенный этими слезами, я стану продолжать свой рассказъ, помня всегда, что рассказываю истинную исторію, которая отчасти извѣстна теперь всѣмъ, а многіе сами были свидѣтелями описываемыхъ мною событій.

Въ тотъ-же день вечеромъ, нѣсколько эльзасцевъ въ телѣгахъ возвращались домой изъ Люневила чрезъ наше селеніе. Они возили пруссаковъ; лошади ихъ были только кожа да кости; а сами поселяне блѣдные, желтые, едва держались на ногахъ отъ голода, а также отъ полученныхъ ударовъ. Во всю дорогу имъ не дали даже одного раціона хлѣба: нѣмцы все съѣдали сами. На глазахъ нѣмцевъ могли падать люди, несшіе ихъ-же багажъ,— падать отъ изнеможенія и голода и ни одинъ изъ нихъ не подалъ-бы несчастнымъ стакана воды, потому-что эти изнемогшіе были французы, и если-бы съ этими бѣдняками не дѣлились послѣдней крохой сами бѣдствующіе лотарингцы, они всѣ перемерли-бы отъ голода.

Все это истинная правда и мы сами впоследствии убѣдились въ этомъ горькимъ опытомъ.

Послѣ проѣзда этихъ несчастныхъ, для которыхъ я съ трудомъ нашелъ хлѣба, такъ-какъ нѣмцы три дня тому назадъ взяли у насъ прямо изъ печи двадцать-семь хлѣбовъ, прискакали съ шумомъ и трескомъ два нѣмецкіе адъютанта. Первый объявилъ, что за нимъ ѣдетъ полковникъ, второй, что за нимъ слѣдуетъ генераль.

На мою долю выпала честь принимать полкового командира какого-то силезского гренадерского полка, кромѣ того и самъ генераль удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ и поужиналъ у меня. Мои неожиданные гости объявили намъ, что на другой день начнется серьезная бомбардировка Фальсбурга. Эти почтенныя особы были, должно быть, слишкомъ наивны, если могли полагать, что это извѣстіе принесетъ большое удовольствіе мнѣ, моей женѣ и дочери.

Вѣстѣ съ полковникомъ прибыло знамя его полка и было поставлено въ его комнатѣ. Этотъ полкъ пришелъ прямо съ австрійской границы, гдѣ онъ дожидался объявленія нейтралитета тамошними добрыми католиками, чтобъ присоединиться къ нѣмецкой арміи, уже пожинавшей лавры всякаго рода. Я узналъ эти подробности изъ разговора моихъ гостей.

Эта ночь была для насъ очень безпокойная. Офицеры, одинъ за другимъ, требовали отъ насъ разныхъ услугъ. Моя жена должна была стряпать для каждаго изъ нихъ, подавать имъ кушанье и вообще прислуживать; Гредель, не смотря на свою ненависть къ нѣмцамъ, блѣдная, стиснувъ зубы, помогала своей матери. Генераль и полковникъ ужинали въ девять часовъ, адъютантъ въ десять и такъ далѣе впродолженіи всей ночи; они не обращали никакого вниманія на усталость бѣдныхъ женщинъ и были очень веселы. Особенно они смѣялись надъ патеромъ Вальсбурга, у котораго они провели прошлую ночь. Онъ увѣрялъ ихъ, что причина несчастья Наполеона заключалась въ отозваніи французскихъ войскъ изъ Рима.

Наконецъ я заснулъ сидя. Но едва разсвѣло, какъ во всемъ домѣ раздались звяканье шпоръ и крики адъютанта:

— Иди-же, скотина! Иди, дуракъ, осель, свинья! Придешь-ли ты болванъ!

Такъ обращался онъ съ своимъ слугой. Вообще мнѣ нерѣдко случалось видѣть подобное-же обращеніе нѣмецкихъ офицеровъ съ своими слугами, и они, кажется, надѣются, что и мы станемъ сносить подобное-же обращеніе и за свою покорность и смиреніе удостоимся быть причисленными къ добродѣтельной нѣмецкой націи.

Полковникъ позавтракалъ въ пять часовъ утра и полкъ выступилъ въ походъ. Часовъ въ семь утра началась страшная

бомбардировка. Шестьдесятъ орудій, поставленныхъ въ Вехемъ, разомъ открыли огонь. Фальсбургъ тотчасъ отвѣчалъ, но въ половинѣ восьмого надъ городомъ показался черный столбъ дыма. Большія крѣпостныя орудія продолжали канонаду съ новой силой; ядра свистѣли, бомбы лопались на горныхъ откосахъ, а громовые раскаты вильшбергскаго бастиона доносились, благодаря горному эху, до отдаленнѣйшихъ мѣстъ Эльзаса.

Моя жена и Гредель молча смотрѣли другъ на друга, а я ходилъ взадъ и впередъ, понизивъ головой и думая о Жакобѣ и тѣхъ бѣдныхъ труженикахъ, у которыхъ теперь погибло ихъ имущество, нажитое пятидесятилѣтними трудами и лишениями.

Въ десять часовъ я вышелъ изъ дома; столбъ дыма распространился все болѣе и болѣе по направленію къ церкви и госпиталю; этотъ дымъ казался громаднымъ, чернымъ знаменемъ, которое то опускалось на землю, то возвышалось къ небу.

Эскадронъ кирасиръ, а за нимъ эскадронъ гусаръ проскакали мимо селенія по дорогѣ въ Метингъ, гдѣ находилась главная квартира прусскаго принца.

Ядра изъ шестидесяти нѣмецкихъ орудій падали по прежнему въ городъ, увеличивая столбъ дыма, а французскія бомбы перелетали черезъ прусскія батареи и лопались въ открытомъ полѣ. Также доносился глухой гулъ люцельбургскихъ орудій, отъ которыхъ вѣроятно дрожалъ старый замокъ.

Часовъ въ одиннадцать пришелъ офицеръ съ маркитантомъ и просилъ уступить ему нѣсколько ведеръ вина, обѣщая мнѣ исправно заплатить. Это, конечно, была учтивая форма реквизиціи; можно-ли отказать въ кредитѣ людямъ, въ рукахъ которыхъ находится ваша жизнь! Дѣлать было нечего; я провелъ ихъ въ погребокъ и маркитантъ налилъ себѣ два боченка вина.

Спустя нѣсколько времени возвратился полковникъ вмѣстѣ съ своимъ полкомъ; не слѣзая съ лошади, онъ потребовалъ только кусокъ хлѣба и стаканъ вина, что моя жена тотчасъ ему и подала. Не успѣлъ онъ еще удалиться, какъ маркитантъ снова явился за виномъ, но на этотъ разъ съ фельдфебелемъ, который влялся, что въ тотъ-же вечеръ деньги будутъ уплачены. Они опорожнили мою бочку и ушли совершенно довольные собою.

Между тѣмъ, канонада продолжалась и столбъ дыма становился больше и гуще. Бомбы изъ Фальсбурга лопались надъ бер-

лингенской долиной. Въ четыре часа половина города была въ огнѣ, въ пять пожаръ распространился далѣе и каменная колокольня собора возвышалась обнаженной, черной массой; балки и крыша сгорѣли, колокола расплавились. Въ шесть часовъ, стоя у дверей нашихъ домовъ, мы съ ужасомъ увидали, какъ пламя огненными языками взвилось къ небу надъ столбомъ дыма.

Канонада замолкла. Нѣмцы послали парламентаря предложить коменданту сдать крѣпость, но наши молодцы и вообще всѣ жители Фальсбурга не принадлежали къ тѣмъ людямъ, которые сдаются; чѣмъ болѣе жгли домовъ, тѣмъ менѣе оставалось имущества, стоящаго спасенія; къ тому-же, по счастью, въ Фальсбургѣ оставалась вся мука, которую до рейхсгофенской битвы хотѣли послать въ Мэцъ. Такимъ образомъ продовольствія должно было хватить на долго. Могъ оказаться только недостатокъ въ мясѣ и соли. Последнее обстоятельство непонятно, такъ - какъ простой разсудокъ говоритъ, что каждый благоразумный комендантъ крѣпости обязанъ-бы имѣть во всякое время запасъ соли на десять лѣтъ. Соль не дорога, не портится, и черезъ сто лѣтъ не теряетъ своей силы. Но наши интендантскіе чиновники были слишкомъ почтенные, просвѣщенные люди, чтобы могли послушать совѣта какого-нибудь простого, бѣднаго мельника. Извѣстно, что въ послѣдніе два мѣсяца осады фальсбургцы болѣе всего страдали отъ недостатка соли.

Ночью возвратился парламентарь и мы узнали, что комендантъ отказался сдать крѣпость.

Канонада снова возобновилась и прусскія ядра убили нѣсколькихъ несчастныхъ женщинъ и дѣтей, вышедшихъ на улицы изъ казематовъ. Но вскорѣ огонь прекратился съ обѣихъ сторонъ. Было десять часовъ. Мертвая тишина, воцарившаяся послѣ такого страшнаго шума, невольно поражала насъ. Я стоялъ въ дверяхъ, какъ вдругъ увидалъ передъ собою Жоржа.

— У тебя никого нѣтъ? спросилъ онъ.

— Никого.

Мы вошли въ комнату, гдѣ сидѣли Гредель и моя жена.

— Ну, сказалъ онъ, смѣясь:—наши молодцы не сдаются; комендантъ храбрый человекъ.

— Да, замѣтила моя жена:—но что теперь дѣлаетъ бѣдный Жаккобъ?

— Онъ здоровехонекъ, отвѣчалъ Жоржъ: — въ Сен-Жан-Улоа миѣ привелось видѣть бомбардировку почище этой; у нѣмцевъ ядра шести и двѣнадцати-фунтовья, а у насъ были шестидесяти-фунтовья. Въ концѣ концовъ убиваютъ или ранятъ не болѣе одного изъ тридцати или сорока человѣкъ. Будьте спокойны, я вамъ отвѣчаю, что наши молодцы цѣлы и невредимы, тѣмъ болѣе, что лучшее мѣсто всегда крѣпостной валъ.

Онъ усѣлся и закурилъ трубку. Пожаръ въ городѣ былъ до того великъ, что зарево освѣщало наши окна, которыя отсвѣчивались на занавѣскахъ кровати.

— Хорошо горитъ, продолжалъ Жоржъ, — хотя имъ должно быть тамъ очень жарко. Но какое несчастье, что не взорванъ аршвилерскій тунель и что его величество не приказалъ поднести спички къ готовой уже миѣ! Какое несчастье для Франціи, что во главѣ ея стоитъ теперь такой неспособный человѣкъ. Городъ держится и еслибъ тунель былъ взорванъ, то нѣмцамъ пришлось-бы правильно осаждать Фальсбургъ. Бомбардировка тутъ не повела-бы ни къ чему, а надо было-бы вести траншеи и два или три раза ходить на приступъ. Такимъ образомъ они остановились-бы здѣсь недѣли на три, а въ это время страна успѣла-бы оправиться. Я знаю, что пруссаки имѣютъ другую дорогу, черезъ Форбахъ, но тамъ находится Туль. И къ тому-же какая разница идти пѣшкомъ и тащить за собою орудія, снаряды, продовольствіе, или имѣть въ рукахъ желѣзную дорогу, по которой можно везти все спокойно безъ конвоя и опасенія неожиданныхъ нападеній. Да, большое несчастье имѣть повелителемъ такого человѣка, какъ нашъ Бонапартъ.

— Пусть себѣ нѣмцы идутъ далѣе, замѣтила моя жена. — Это будетъ лучше для насъ.

— Вы говорите, какъ настоящая женщина, отвѣчалъ Жоржъ; — конечно, мы несемъ большія потери, но неужели вы думаете, что Франція намъ за это не заплатитъ? Неужели мы всегда будемъ имѣть депутатовъ глупцовъ или плутовъ? Если намъ ничего не заплатятъ, то кто-же послѣ этого станетъ защищать родину? Тогда всѣ принимали-бы непріятеля съ распростертыми объятіями и Франція дѣйствительно погибла-бы! Бросьте-же, Катерина, эти мысли и будьте увѣрены, что нашъ интересъ тѣсно связанъ съ ин-

тересомъ всей націи. Ахъ! если-бъ только былъ взорванъ тунель, то нѣмцы запѣли-бы другую пѣсню.

Жоржъ замолчалъ и устремилъ свой взглядъ на несчастный городъ, походившій на огненное море. Изъ двухсотъ городскихъ домовъ горѣло по крайней мѣрѣ пятьдесятъ и церковь. Благодаря разстоянію, никакіе звуки до насъ не долетали, а лишь доходилъ отблескъ зарева, который нѣсколько блѣднѣлъ подъ лучами серебристой луны, спокойно, величаво смотрящей на преступленія людей съ самого сотворенія міра. Жоржъ долго глядѣлъ, насупивъ брови, потомъ онъ ушелъ, не прибавивъ ни слова.

Мы не ложились впродолженіе всей ночи; вообще въ цѣломъ селеніи никому не спалось; у каждаго былъ въ Фальсбургѣ сынъ, братъ или другъ.

На слѣдующій день 15 августа, когда разсѣялся утренній туманъ, мы увидали, что облако дыма все еще поднималось къ небу, но не столь густое и обширное. Нѣмецкая армія продолжала свой путь по направленію къ Нанси. Поручикъ, обѣщавшій заплатить мнѣ за вино, ушелъ вмѣстѣ съ другими, не сказавъ мнѣ ни слова. Если всѣ нѣмецкіе офицеры походятъ на него, то я никому не совѣтую отпускать имъ что-нибудь на слово.

Послѣ ухода этой второй арміи, въ слѣдующіе дни, въ воскресенье и понедѣльникъ, продолжали идти мимо нашего селенія кавалерійскіе полки: драгуны, уланы, гусары, черные, зеленые, коричневые. Они всѣ шли по нашей долинѣ, направляясь въ сердце Франціи.

Однако, отряды пѣхоты и артиллеріи оставались вокругъ Фальсбурга, въ Вехемѣ, въ Вальшбергѣ, въ Бишельбергѣ, въ Катр-Ванѣ и такъ далѣе. Носился слухъ, что они вскорѣ получатъ большія орудія для правильной осады, но теперь они имѣли только достаточную силу для охраненія желѣзной дороги, аршиверскаго тунеля и съ нашей стороны графталъскаго прохода.

Пока кавалерія шла по нашей долинѣ, багажъ, продовольствіе и снаряды тянулись по люцельбургской.

Съ этого времени мы уже видали только незначительныя бомбардировки и гарнизонъ Фальсбурга могъ-бы дѣлать успѣшныя вылазки, такъ-какъ мы съ большимъ-бы удовольствіемъ отдали свою скотину французскимъ солдатамъ, чѣмъ нѣмецкимъ, извѣдшимъ насъ своими реквизиціями.

Да, эти реквизиціи тяготили насъ всего болѣе. Семь или восемь тысячъ нѣмцевъ, осаждавшихъ городъ, жили совершенно на нашъ счетъ. Впрочемъ, впоследствии, во время осады Мэца, намъ суждено было перенести еще большія бѣдствія.

VIII.

Спустя нѣсколько дней послѣ прохода послѣднихъ эскадроновъ гусарь, мы узнали однажды утромъ, что фальсбургцы сдѣлали вылазку для похищенія бишельбургскаго скота. Въ эту ночь они могли-бы захватить въ плѣнъ весь нѣмецкій гарнизонъ селенія, но офицеръ, командовавшій отрядомъ, не отличался военными способностями. Въмѣсто того, чтобъ подойти тихо, онъ приказалъ стрѣлять изъ пушекъ въ двухъ стахъ шагахъ отъ непріятельскихъ аванпостовъ, чтобъ запугать пруссаковъ. Нѣмцы, конечно, послѣшно вскочили съ постелей, и стремительно бѣжали, стрѣляя по нашимъ, а поселяне живо угнали свои стада въ лѣсъ.

Изъ этого видно, какъ наши офицеры вели войну.

— Офицеры 1814 года, говорилъ нашъ старшій лѣсничій Мартинъ Коппъ, — поступали иначе; они всегда возвращались въ городъ съ быками, коровами и плѣнными.

Когда говорили про это Жоржу, онъ только пожималъ плечами.

Всего обиднѣе было, что пруссаки смѣялись надъ нами, бѣдняками, называя насъ „*la grande nation*“. Однакожъ вина была не наша, если половина нашихъ офицеровъ, вышедшихъ изъ школы иезуитовъ, не знали своего дѣла. Еслибъ нашихъ дѣтей учили военнымъ приемамъ; еслибъ у насъ въ военной службѣ должны были служить всѣ, какъ въ Германіи; и еслибъ каждый занималъ мѣсто, соотвѣтствующее его знаніямъ и мужеству, я думаю, пруссакамъ не пришлось-бы такъ часто смѣяться надъ „*la grande nation*“.

Впрочемъ это была единственная вылазка въ продолженіе всей осады. Комендантъ Тальянъ, человѣкъ смѣтливый, вѣроятно, понималъ, что съ такими неспособными офицерами и солдатами, не знавшими военнаго дѣла, лучше оставаться за стѣнами крѣпости и не ѣсть мяса.

Около этого времени офицеръ, командовавшій отрядомъ ландвера въ Вехемѣ, впервые посѣтилъ меня въ сопровожденіи челоувѣкъ пятнадцати солдатъ съ ружьями.

Онъ пришелъ за реквизиціей: за тремястами караваями хлѣба, и соразмѣрнымъ количествомъ сѣна, соломы и овса.

Онъ прямо вошелъ на мельницу, крича:

— Гей! Здравствуйте, г. мэръ.

Увидавъ штыки у дверей, я смутился.

— Я принесъ, сказалъ поручикъ, —прокламацію его величества, прусскаго короля. Прочтите!

И я прочелъ слѣдующее:

„Мы, Вильгельмъ, король Пруссіи, объявляемъ жителямъ французской территоріи, что императоръ Наполеонъ III, напавъ на сушѣ и на морѣ на нѣмецкую націю, которая желала и желаетъ всегда жить въ мирѣ съ французскимъ народомъ, вынудилъ насъ принять начальство надъ нашей арміей и вслѣдствіе событій войны, переступить черезъ границы Франціи;—но я воюю съ солдатами, а не съ французскими гражданами, которые будутъ пользоваться совершенной безопасностью, личной и имущественной, пока сами не вынудятъ меня враждебными дѣйствіями противъ нѣмецкихъ войскъ лишить ихъ моего покровительства“.

— Вы эту прокламацію прибейте у вашихъ воротъ, сказалъ мнѣ поручикъ:— у мэрии и у церкви. Гм! Это васъ радуетъ?

— Конечно, отвѣчалъ я.

— Въ такомъ случаѣ, мы друзья, замѣтилъ онъ: — а друзья должны помогать другъ другу. Ну, ребята, входите! крикнулъ онъ своимъ солдатамъ, смѣясь:—здѣсь вы какъ дома; вамъ не будетъ отказа ни въ чемъ. Войдите!

И вотъ эти головорѣзы безцеремонно вошли на мельницу, изъ мельницы перешли въ кухню, изъ кухни въ домъ, а потомъ отправились на погребъ.

Моя жена и Гредель убѣжали.

Началось положительное истребленіе моихъ съѣстныхъ припасовъ. Все выбрали изъ моей печи; открыли мою послѣднюю бочку вина; отворили мой шкафъ, обшарили и обнюхали все. Я видѣлъ, какъ одинъ изъ солдатъ выдернулъ свѣчу изъ подсвѣчника и сунулъ ее за сапогъ.

Вдругъ заблѣтали свцы.

— Гей! закричалъ поручикъ:—бараны!.. Намъ нужны бараны!
И солдаты пошли въ конюшни за моими овцами.

Когда все было опустошено, этотъ офицеръ, этотъ храбрый аф-
мець вручилъ мнѣ ревизиціонный списокъ, говоря:

— Вотъ что намъ надо! Вы мнѣ доставите все это нынче-же
вечеромъ въ Вехемъ. Иначе, мы будемъ вынуждены опять прийти
сами, вы понимаете, г. мэръ? До свиданія г. мэръ, до свиданія!

Онъ мнѣ протянулъ руку въ толстой перчаткѣ! Я повернулся
къ нему спиной, онъ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ и вышелъ
съ своими молодцами, навьюченными какъ мулы.

Отъ меня они пошли къ нѣсколькимъ сосѣдямъ: къ Жоржу,
къ патеру Даніэлю и другимъ и столько нахватили всевозмож-
ныхъ вещей, что наконецъ потребовали телѣгу и двухъ лошадей,
потому-что имъ самимъ уже невозможно было нести всю поживу.

Война—истинная школа грабежа; послѣ двадцати лѣтъ войны,
родъ человѣческой могъ-бы превратиться въ одну общую шайку
мародеровъ.

Быть можетъ, насъ это и ожидаетъ; я помню, какъ старій
школьный учитель въ Бруквиллерѣ говорилъ намъ, что существо-
вали народы могущественнѣе насъ и которые могли-бы благоден-
ствовать еще долго, увеличивая свое благосостояніе торговлей и
промышленностью, но они истребили себя войною и ихъ страны
превратились въ пустыню.

Вотъ что намъ угрожаетъ и что я боюсь увидать до своей
смерти, если люди, подобные Бонапарту, всегда нуждающіеся въ
войнѣ для своихъ личныхъ эгонистическихъ цѣлей, будутъ руко-
водить судьбами народовъ.

По отѣздѣ принцевъ, герцоговъ, бароновъ, офицеры ландве-
ра, квартировавшіе въ Вальшбергѣ, въ Катр-Ванѣ, въ Митльброн-
нѣ и въ другихъ сосѣднихъ деревняхъ, считали себя повелите-
лями нашей страны. Ежедневно приходили вѣсти о новыхъ про-
дѣлкахъ, совершенныхъ ими надъ беззащитными жителями. У
насъ ходили слухи, что въ Митльброннѣ они даже разстрѣляли
бѣднаго идіота, который бѣгалъ босикомъ по лѣсамъ, впродолже-
ніе десяти лѣтъ, не дѣлалъ никому вреда; въ Вальшбергѣ они
раздѣли до гола бѣднаго мальчика, который по несчастію подо-
шелъ къ ихъ батареямъ и офицеръ собственноручно избилъ его
до крови; въ Катр-Ванѣ, они вытащили изъ погреба двухъ бѣд-

ныхъ стариковъ и выставили ихъ на холодъ и дождь въ продолженіе двухъ дней и двухъ ночей, угрожая смертью, если они тронутся съ мѣста. Эти ландверцы забирали воловъ, барановъ, сѣно, солому, ломали мебель, выбивали стекла изъ оконъ и это случалось ежедневно безъ причинъ, изъ одного удовольствія все уничтожать.

Иногда они тѣшились, угрожая патерамъ или мэрамъ, что заставятъ ихъ гнать похищенный скоть. А такъ-какъ у насъ нѣмцы слыли всегда за великихъ ученыхъ, то я считаю долгомъ заявить, что въ томъ ландверѣ, который квартировалъ у насъ, я никогда не видывалъ ни офицера, ни солдата съ книгою въ рукахъ. Жоржъ основательно говорилъ, что вся ихъ наука заключается въ солдатскомъ ремеслѣ: знаніе картъ для офицеровъ и дисциплина для солдатъ. Ни о чемъ другомъ они не хотѣли и помыслить.

Молодые люди изъ нѣмцевъ, занимающіеся торговлей, путешествуютъ, образуются у иностранцевъ; они отличные, дешевые работники и никогда не ссорятся съ своими хозяевами, но при первомъ призывѣ, они возвращаются во свояси, чтобы стрѣлать по своимъ прежнимъ товарищамъ и хозяевамъ за хлѣбъ, который они ѣли въ теченіи многихъ лѣтъ.

Чрезвычайно странныя понятія приходилось намъ выслушивать отъ нашихъ постояльцевъ; могло показаться, что они не понимаютъ, что у cadaго человѣка есть честь, будь онъ сынъ дворянина, купца или рабочаго все равно. Они выражали такое мнѣніе, что чѣмъ у человѣка меньше сознанія чести, тѣмъ онъ лучшій солдатъ; требуется только, чтобъ онъ безпрекословно повиновался. Разумѣется, сынъ банкира или богатаго купца, если онъ солдатъ—повинуется, какъ и всѣ. Въ ихъ арміи дѣйствительно царствуетъ удивительная дисциплина, этого отрицать нельзя. Жоржъ говорилъ, что ихъ главнокомандующимъ легче командовать ста тысячами человѣкъ, чѣмъ нашимъ десятью тысячами и что для этого отъ нихъ требуется гораздо меньше знанія. Еще бы! Надо только умѣть направить машину, а машина извѣстно дѣлаетъ все безпрекословно: умъ, разсудокъ, доброе сердце ей вовсе не нужны.

Эти мысли пришли мнѣ въ голову, при размышленіи о всемъ, что я видѣлъ съ начала этой кампаніи и вотъ почему я говорю,

что дисциплина необходима для того, чтобъ въ послѣдствіи снова начать игру; только, такъ-какъ французы понимаютъ честь, то имъ надо растолковать, что человекъ, не признающій дисциплины, погрѣшаетъ противъ чести и измѣняетъ своей родинѣ. Тогда у насъ будетъ настоящая дисциплина; намъ можно будетъ двинуть большія массы войскъ, и мы побьемъ нѣмцевъ, какъ ужь сто разъ ихъ били.

Этимъ принципамъ должны учить во всѣхъ школахъ, а школъ должно быть несчетное множество. Во главѣ катехизиса, правъ и обязанностей гражданина слѣдуетъ поставить: „Первая добродѣтель гражданина подъ ружьемъ,— повиноваться; тотъ, кто не повинется,— подлець; онъ измѣняетъ родинѣ.

Вотъ, что я думаю, а теперь я продолжаю свой рассказъ.

Послѣ прихода нѣмецкихъ войскъ, наша несчастная страна точно была замуравлена и обречена молчанію; войскамъ, осаждающимъ Фальсбургъ, и тѣмъ отрядамъ, которые съ снарядами, запасами и стадами еще проходили по нашей долинѣ, было приказано хранить молчаніе, невольно возбуждавшее въ насъ ужасъ; мы не получали болѣе ни газетъ, ни писемъ, ни малѣйшаго извѣстія изъ провинцій. Мы слышали выстрѣлы нѣмцевъ, бомбардировавшихъ Страсбургъ, когда вѣтеръ дулъ съ Рейна; тамъ все горѣло! Но такъ-какъ никто не смѣлъ переходить съ мѣста на мѣсто въ виду непріятельскихъ постовъ, разставленныхъ вездѣ, то мы болѣе ничего не знали, горе насъ убивало! Всѣ бросали работу. Зачѣмъ работать, когда самые трудолюбивые, самые отважные, самые расчетливые, видѣли плодъ своихъ трудовъ истребленный мародерами.

Многіе начинали жалѣть, что исполняли свой долгъ въ отношеніи своихъ дѣтей, что отказывали себѣ во всемъ, чтобъ въ концѣ концовъ все отдать чужестраннымъ прищлецамъ.

Конечно, каждый могъ сказать себѣ: „Да существуетъ-ли правосудіе на этомъ свѣтѣ? Не дураки-ли: честный человекъ, хорошая мать семейства, добрыя дѣти? Не лучше-ли отбросить всякое стѣсненіе и хватать все, что попадетъ подъ руку. Развѣ не лицемерны тѣ, которые намъ проповѣдовали религію и состраданіе къ ближнему? Надо быть сильнѣйшимъ... Ну такъ, будемъ сильнѣйшими; будемъ попирать ногами нашихъ ближнихъ, которые намъ никогда не вредили; будемъ шпионствовать, обманывать,

красть, грабить и если сила будетъ на нашей сторонѣ, то всегда мы будемъ правы“.

Вотъ списокъ реквизицій, которыя собирали даже съ самой нищенской хижины, для каждаго пруссака, помѣщеннаго въ ней; поэтому, пусть судятъ о нашемъ раззореніи.

„Каждому человѣку, квартирующему у васъ, вы должны ежедневно доставлять: семьсотъ пятьдесятъ граммъ хлѣба, пятьсотъ граммъ мяса, двѣсти пятьдесятъ граммъ кофе, шестьдесятъ граммъ табаку или пять сигаръ, поль-кружки вина или кружку пива, или рюмку водки — кромя этого, на каждую лошадь, двадцать фунтовъ овса, пять сѣна и два съ половиною соломы“.

Всякій скажетъ :

„Какъ могли несчастные поселяне доставить все это? Это невозможно!“

Такъ пѣтъ-же! Нѣмцы сдѣлали это возможнымъ. И вотъ какъ: они обходили всѣ фермы до послѣдней, тащили изъ нихъ солому, сѣно, все; въ одной уводили скоть; въ другой забирали зерно; въ третьей брали вино, водку, пиво; въ четвертой собирали контрибуцію деньгами. Каждый отдавалъ, что имѣлъ, такъ-что къ концу кампаніи, мы остались нищими.

Да, нечего сказать, хорошо мы жили до войны; мы были богаты, не сознавая этого. Никогда я не повѣрилъ-бы, что въ нашей странѣ было такое множество сѣна и скота!

Намъ выдали подъ конецъ облигаціи, когда три четверти всего нашего достоянія было уничтожено; и теперь, кажется, хотятъ насъ вознаградить за понесенные убытки; но черезъ тридцать лѣтъ, если миръ продолжится тридцать лѣтъ, наше селеніе не будетъ обладать тѣмъ, чѣмъ оно обладало въ прошломъ году.

Подавайте, подавайте голоса въ пользу плебисцитовъ для сохраненія мира, бѣдняки поселяне! Подавайте голоса въ пользу облигацій за солому, сѣно, мясо, въ пользу отдачи пруссакамъ миллиардовъ и провинцій! Вамъ обѣщаетъ миръ „честный человекъ“, который нарушилъ свою клятву; вѣрьте его слову. Каждый разъ, какъ я объ этомъ думаю, у меня волосы становятся дыбомъ.

А тѣ, которые были противъ плебисцита, тоже заплатились! Какъ они должны негодовать на нашу глупость, и желать насъ просвѣтить, образовать!

Представьте себѣ положеніе моей жены и дочери при видѣ нашего раззоренія, такъ-такъ женщины еще болѣе мужчинъ дорожатъ накопленнымъ доброю; къ тому-же моя жена думала только о Жакобѣ, а Гредель о Жантѣ-Батистѣ.

Жоржъ это зналъ и не разъ старался получить какія-нибудь извѣстія о немъ. Нѣсколько тюрксовъ, избѣгнувшихъ смерти при Форшвиллерѣ, оставались въ городѣ и ежедневно дѣлали вылазки, чтобъ пострѣлять въ нѣмцевъ. Съ другой стороны, такъ-какъ нападеніе на городъ случилось неожиданно, то не успѣли срубить деревъ и снести заборы, лачужки и памятники на кладбищѣ. Теперь эта работа началась и уничтожали все безъ милосердія на пушечный выстрѣлъ.

Жоржъ хотѣлъ добраться до этихъ работниковъ, но невозможно было пройти чрезъ непріятельскіе посты. Наконецъ онъ получилъ извѣстіе, но такимъ путемъ, что стыдно сознаться, — чрезъ Мари Гонсалопъ, женщину развратнаго поведенія, которую нѣмецкіе часовые пропускали за извѣстное вознагражденіе.

Эта почтенная особа передала намъ, что Жоржъ былъ здоровъ и вѣроятно она принесла добрую вѣсточку Гредель, потому-что на слѣдующій день Гредель заговорила снова о своемъ приданомъ и хотѣла непременно знать, куда мы его спрятали. Я ей сказалъ, что оно спрятано въ лѣсу, подъ деревьями. Тогда она боялась, не открыли-бы пруссаки, которые шарили вездѣ; у нихъ были точные списки всего, что находилось въ каждомъ домѣ, они, напри-мѣръ, обшарили погреба, отыскивая старья вина, у Матиса на пильномъ заводѣ и у Франца Сепеля въ Метингѣ. Ничто отъ нихъ не ускользало, такъ-какъ свѣденія объ этомъ имъ доставляли наши-же бывшіе слуги-нѣмцы, которые унесли съ собою списки о количествѣ скота, сѣна, зерна, вина и всего, что находилось въ каждомъ домѣ.

Итакъ Гредель боялась за нашъ кладъ. Я ей сказалъ, что ходилъ на мѣсто, гдѣ онъ спрятанъ, и что вокругъ земля невзрыта.

Но, успокоивъ ее, я самъ скоро подвергся еще сильнѣйшему страху.

Однажды, въ воскресенье вечеромъ, человекъ тридцать пруссаковъ, подъ предводительствомъ ихъ знаменитаго поручика, явились на мельницу и, стуча прикладами ружей, требовали вина и воды.

Я имъ подалъ ключи отъ погреба.

— Нѣтъ не проведешь! сказалъ поручикъ:—вы прошлый мѣсяць получили тысячу шестьсотъ франковъ въ Савернѣ, гдѣ они?

Я тотчасъ догадался, что меня предали; это было дѣло Пласіара или другого мошенника, такъ-какъ доносы уже начались. Всѣ тѣ, которые впоследствии объявили себя за нѣмцевъ, занимались уже этимъ ремесломъ!

Отпираться было невозможно и я сказалъ:

— Да это правда! Но я самъ былъ долженъ въ Фальсбургѣ, и уплатилъ долгъ; а остальные деньги, отдалъ на сохраненіе нотаріусу Финлодо.

— А гдѣ этотъ нотаріусъ?

— Въ городѣ! Вамъ извѣстны шестьдесятъ большихъ пушекъ, которыя его охраняютъ.

Раздосадованный поручикъ сталъ шагать назадъ и впередъ по комнатѣ.

— Старая лиса, я вамъ не вѣрю! воскликнулъ онъ:—Вы гдѣ-нибудь спрятали ваши деньги. Вы должны доставить намъ денежную контрибуцію.

— Я представляю, какъ всѣ, мою контрибуцію на шесть чело-вѣкъ. Вотъ мое сѣно, моя рожь, моя солома, моя мука; покуда есть—берите; когда болѣе не будетъ, вы возьмете у другихъ. Вы можете убивать людей, жечь города и селенія, но вы не можете брать деньги у тѣхъ, которые ихъ не имѣютъ.

Онъ на меня злобно посмотрѣлъ; одинъ изъ солдатъ схватилъ меня за воротъ, крича во все горло.

— Ты намъ покажешь свой кладъ, старый плутъ!

Его товарищи повлекли меня вонъ изъ комнаты; моя жена при-бѣжала, крича и рыдая, а Гредель, размахивая киркой, воскликнула:

— Безсовѣстные!.. у васъ нѣтъ сердца!.. Черти!..

Она хотѣла на нихъ броситься, но я ей закричалъ:

— Ступай прочь!

Въ ту-же минуту, я растегнулъ жилетъ и сказалъ солдату, который напиралъ штыкомъ мнѣ въ грудь:

— Ну, коли, мерзавецъ, скорѣй конецъ!

Вѣроятно выраженіе моего лица ихъ очень поразило, такъ-какъ

поручишь, который съ своей шайкой раззорялъ нашу страну, воскликнулъ:

— Ну, не троньте г. мэра: когда мы овладѣемъ городомъ, то найдемъ его деньги у нотариуса. Въ путь ребята, въ путь!.. Пойдемъ далѣе искать поживы!.. Деньги намъ необходимы, и мы ихъ добудемъ. До свиданія, г. мэръ, не сердитесь.

Онъ смѣялся. Я-же былъ блѣденъ, какъ жертвецъ, и возвратился домой, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Отъ этого испуга я даже заболѣлъ.

У многихъ нѣмцевъ сдѣлались кровавые поносы отъ сильнаго обжорства. Они пожирали: медъ, масло, сыръ, незрѣлые фрукты, говядину, баранину—все безъ различія. Въ Перальсверѣ они пили укусъ за вино. Я не знаю, чѣмъ они питаются въ своей странѣ, но жадность этихъ людей заставляетъ думать, что они даже живутъ на водѣ и картофелѣ.

На верху Метинга была дорога, которая заражала всю страну. Сколько ни возили туда соломы—зловоніе повсюду распространялось. Наконецъ, надо было нарядить поголовно всѣхъ поселянъ для очищенія воздуха отъ смрада, а также для уборки лошадиныхъ труповъ и внутренностей убитой скотины; для нѣмцевъ было все равно: пусть себѣ гніетъ! Намъ, впрочемъ, помогли птицы. Въ этотъ годъ вороны прилетѣли рано и тучами опустились на долину. Безъ этой помощи Господней намъ не миновать-бы чумы.

Я не говорю о другихъ притѣсненіяхъ, которыя мы выносили отъ нѣмцевъ: они, на примѣръ, заставляли насъ рубить деревья въ лѣсу, распиливать на дрова и свозить въ ихъ лагерь; они угрожали поселянамъ заставить ихъ вести траншеи,—и этимъ средствомъ вынуждали цѣлыя селенія спасаться бѣгствомъ, тогда какъ ландверъ, пользуясь отсутствіемъ поселянъ, грабилъ ихъ незащищенныя жилища,—они дозволяли себѣ тысячи другихъ постыдныхъ дѣйствій, между прочимъ оскорбляя самыя церкви, что приводило въ отчаяніе всѣхъ честныхъ людей, протестантовъ, католиковъ, евреевъ, и доказывало, что эти люди ничего не уважали, что они считали удовольствіемъ унижать душу человѣка въ самыхъ ея высочайшихъ, священнѣйшихъ стремленіяхъ. Даже для людей и нерелигіозныхъ церковь, храмъ, синагога—мѣста уважаемыя; сюда

насъ приносила мать, испрашивая божіе благословленіе; тутъ мы призывали Творца въ свидѣтели нашей любви къ подругѣ нашей жизни; и сюда мы приносили отца и мать по окончаніи ихъ земныхъ страданій...

Между-тѣмъ разные слухи носились по странѣ. Однажды Жоржъ привезъ извѣстіе отъ сарбургскаго трактирщика, что произошло большое сраженіе подъ Мэцомъ и что мы одержали побѣду; но что Наполеонъ, не зная куда дѣться, только всёмъ мѣшалъ, и метался то направо, то налево, требуя себѣ конвоя въ три и четыре тысячи человекъ; наконецъ его вовсе удалили изъ арміи и отправили въ Вердонъ, такъ-какъ онъ не смѣлъ вернуться въ Парижъ, гдѣ народное негодованіе противъ его династіи росло съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе.

— Теперь, сказалъ Жоржъ, — Базенъ стоитъ во главѣ нашей лучшей арміи. Грустно, что судьба родины ввѣрена человеку, который достойно прославился въ Мехикѣ, и что у насъ военнымъ министромъ старикъ Монтобанъ, отличившійся въ Китаѣ и въ дѣлѣ Дуано въ Африкѣ. Да, вотъ три молодца, способные понимать другъ друга: Бонапартъ, Базенъ и Паликао. Все-же станемъ надеяться, вѣдь надежда ничего не стоитъ.

Такимъ образомъ мы дожили до конца августа, самаго тяжелаго мѣсяца во всей нашей жизни.

Но 1-го сентября, часовъ въ десять вечера, когда всѣ уже спали въ селеніи, послышалась пальба изъ Фальсбурга: это гремѣли большія пушки съ вильшбергскаго бастиона и съ бастиона пѣхотной казармы; наши хижины дрожали. Всѣ вскочили и зажгли огонь. При каждомъ выстрѣлѣ наши окна дребезжали. Я вышелъ на улицу. Множество другихъ поселянъ, мужчинъ и женщинъ, слушали и смотрѣли. Ночь была темная, и красное зарево съ двухъ бастионовъ поминутно освѣщало всю окрестную страну. Тогда мною овладѣло непреоборимое любопытство. Я хотѣлъ знать, что случилось, и, не смотря на всѣ увѣщанія моей жены, отправился съ тремя или четырьмя сосѣдями въ Берлингенъ. По мѣрѣ того, какъ мы, между кустарниками, поднимались въ гору, канонада становилась все оглушительнѣе; на вершинѣ до насъ сталъ доноситься говоръ и шумъ: жители Берлингена бѣжали въ лѣсъ; двѣ гранаты попали въ селеніе; съ этой-то возвышенности я увидалъ дѣйствіе бомбъ и гранатъ, которыя летѣли на насъ, шипя и

пыхтя, какъ паровозы, и съ такимъ страшнымъ шумомъ, что мы безсознательно пятились назадъ.

Въ то-же время слышался стукъ скачущихъ телѣгъ изъ Катр-Вана по дорогѣ въ Вильшбергъ. Это, вѣроятно, былъ обозъ съ продовольствіемъ и военными снарядами, который фальсбургцы замѣтили издалека; луна однакожь не свѣтила, но у молодыхъ людей зрѣніе хорошее.

Послѣ этого мы отправились домой и вдругъ я увидалъ Жоржа.

— Здравствуй, Христіанъ, сказалъ онъ: — Ну, что скажешь?

— Я скажу, что люди выдумали ужасные снаряды для уничтоженія другъ друга.

— Да, но это еще ничего, Христіанъ: это еще только начало; черезъ годъ или два миръ будетъ заключенъ между прусскими королемъ и Франціей; но вѣчная ненависть останется между двумя народами, — ненависть справедливая, ужасная, неприимая. Что мы требовали отъ нѣмцевъ? — Ничего. Развѣ мы желали присвоенія одной изъ ихъ провинцій? — Нѣтъ. Большая часть французовъ объ этомъ не думала. Развѣ мы завидовали ихъ славы? — Нѣтъ! славы военной у насъ было въ волю... Слѣдовательно нѣмцамъ не было никакой выгоды смотрѣть на насъ какъ на враговъ. И что-же! пока мы испытывали на себѣ принципъ всеобщей подачи голосовъ, принципъ прекрасный, справедливый, но очень опасный для народа невѣжественнаго, такъ-какъ онъ поставилъ во главѣ правленія такого человѣка, какъ Бонапартъ, — эти добрые христіане воспользовались нашею слабостію, чтобъ нанести намъ ударъ, который они готовили въ продолженіи пятидесяти четырехъ лѣтъ. Имъ удалось. Но горе намъ! Горе имъ! Горе всему человѣчеству! Эта война прольетъ больше крови и слезъ, чѣмъ Цинзель катитъ воду.

Такъ говорилъ Жоржъ, и, по несчастію, я впоследствии убѣдился, что его слова справедливы; бывшіе далеко отъ непріятели — теперь близки къ нему, а тѣ, которые далеки, будутъ вынуждены виѣшаться въ борьбу. Пустьжители Юга знаютъ, что они также французы, какъ мы, и если они не хотятъ согнуть вью подъ ярмомъ нѣмцевъ, пусть они возстанутъ во-время. Послѣ Лотарингіи очередь Шампани, послѣ Эльзаса — Франшъ-Конте и Бургундіи; это тоже страны небѣдныя, поправляющіяся винодѣліемъ, а нѣмцы любятъ хорошія вина! Люди дальнзоркіе давно насъ предупреж-

дали, что нѣмцы острятъ зубы на Эльзась и Лотарингію; мы не хотѣли этому вѣрить; теперь эти самые люди намъ говорятъ: „Нѣмцы желаютъ захватить всю Францію! Будьте наготовѣ!.. Времена Бурбоновъ, поддерживаемыхъ іезуитами, и времена Бонапартовъ, поддерживаемыхъ полицейскими шпіонами, прошли на вѣки! Соединимся во имя республики, или нѣмцы насъ съѣдятъ!“ Я думаю, что слѣдуетъ слушать надежныя предостереженія.

На слѣдующій день послѣ этой сильной стрѣльбы въ Фальсбургъ мы узнали, что нѣсколько телѣгъ было ограблено въ окрестностяхъ Берлингена. Тогда прусскій майоръ объявилъ, что община отвѣтственна за понесенные нѣмцами убытки и что ей придется уплатить пятьсотъ франковъ. Увы! гдѣ было ихъ взять послѣ расхищенія?

По счастью, берлингенскій мэръ успѣлъ открыть, что часовые, приставленные для надзора при обозѣ, сами все похитили, чтобъ раздарить развратнымъ женщинамъ, наводнявшимъ лагерь, и общія контрибуціи продолжались, какъ прежде.

Въ первые дни сентября погода стояла прекрасная; и я никогда не забуду, что овесь, сыпавшійся съ прусскихъ обозовъ, пускалъ ростки, такъ-что на всемъ пути нѣмецкихъ обозовъ зеленый слѣдъ тянулся отъ Баваріи до сердца Франціи. И за разсыпавшійся овесь платили мы, такъ-какъ мы всегда должны были пополнять пропавшіе или украденные предметы; пруссаки, конечно, слишкомъ честны, чтобы утаить или украсть что-нибудь!

Въ это спокойное время по ночамъ мы слышали также бомбардированіе Страсбурга. Послѣ полуночи, когда все селеніе спало и всюду царствовало спокойствіе, пушечные выстрѣлы слѣдовали одинъ за другимъ; на одну цитадель ежеминутно падало пять гранатъ и одна бомба. Иногда огонь усиливался; грохотъ былъ ужасный и земля дрожала; раздавались глухіе удары, точно они выходили изъ могилы.

И это продолжалось сорокъ два дня и сорокъ двѣ ночи безостановочно. Новый храмъ, бібліотека, театръ и сотни домовъ были преданы пламени; соборъ былъ весь пронизанъ выстрѣлами и даже желѣзный крестъ снесенъ ядромъ. Несчастные жители Страсбурга жадно устремляли свои взоры на Западъ, но никто не шель къ нимъ на помощь. Люди, рассказывавшіе намъ это впоследствии, не могли удерживаться отъ слезъ.

О Мэцѣ мы ничего не знали; доходили до насъ слухи о сраженіяхъ и стычкахъ въ Лотарингія, но эти слухи были недостоверны. Нѣмцы по прежнему хранили безмолвіе.

Однажды вечеромъ они начали громко кричать ура, по всей линіи отъ Вехема до Бихельберга, отъ Бихельберга до Катр-Вана. Жоржъ и его жена прибѣжали къ намъ блѣдые, встревоженные:

— Ну, слышали вы депешу?

— Нѣтъ, что такое?

— „Честный человекъ“ сдался въ Седанѣ съ восьмидесятью тысячами французовъ. Съ сотворенія міра ничего не случилось подобнаго. Онъ вручилъ прусскому королю свою шпагу—знаменитую шпагу 2-го декабря! Онъ болѣе думалъ о своихъ фургонахъ, чѣмъ о чести своего имени, чѣмъ о чести Франціи. Ахъ, измѣнникъ! онъ обманулъ меня даже въ этомъ отношеніи: я считалъ его, по крайней мѣрѣ, храбрымъ!

Жоржъ выходилъ изъ себя.

— Вотъ, говорилъ онъ,—какъ все это должно было кончиться! Его настоящая собственная армія состояла изъ десяти или пятнадцати тысячъ людей второго декабря, поставленныхъ полицейской префектурой съ свинцовыми кистенями для умерщвленія защитниковъ закона. Онъ считалъ себя способнымъ вести французскую армію, какъ водилъ своихъ головорѣзовъ, онъ и завелъ ее въ труппу; и тутъ, несмотря на храбрость нашихъ солдатъ, сдалъ ихъ прусскому королю. Взамѣнъ чего?—мы это узнаемъ позже. Наши бѣдные солдаты не хотѣли сдаться, предпочитая умереть съ оружіемъ въ рукахъ, но Бонапартъ три раза приказывалъ поднять бѣлый флагъ.

Такъ говорилъ Жоржъ; а мы, ни живы ни мертвы, слушали радостные крики, раздававшіеся на улицѣ.

Пруссаки отправили парламентаря въ городъ. Новый ландверъ, который съ нѣкоторыхъ поръ замѣнялъ у насъ линейные полки и состоялъ изъ людей пожилыхъ, серьезныхъ отцовъ семействъ, болѣе преданныхъ миру, чѣмъ слава, полагалъ, что все было кончено, что прусскій король сдержитъ свое слово и не будетъ продолжать противъ націи войну, начатую противъ Бонапарта, потому Фальсбургъ сдается.

Но комендантъ Тальянъ отвѣчалъ парламентарю, что ворота

Фальсбурга отворятся только по полученіи письменнаго приказа французскаго императора, что хотя Наполеонъ и отдалъ свою шпагу, но Тальянъ не оставитъ своего поста и будетъ всегда наготовѣ.

Парламентеръ возвратился и радость ландвера немного утихла.

Въ это время я былъ свидѣтелемъ одной сцены, воспоминаніе о которой до сихъ поръ меня радуетъ.

Однажды я пошелъ въ Савернъ по фальсбургской дорогѣ, позади нѣмецкихъ постовъ, въ надеждѣ узнать новости. Къ тому-же мнѣ тамъ приходилось получать кое-какія деньги, надобность въ которыхъ ежедневно усиливалась.

Около шести часовъ вечера я возвращался домой; погода была хорошая, я устроилъ мои дѣла успѣшно, и вошелъ въ кабачокъ въ Тсизѣ выпить стаканъ вина. Въ небольшой комнатѣ чловѣкъ десять баварцевъ пили и спорили съ такимъ-же количествомъ пруссаковъ, сидѣвшихъ вокругъ сосновыхъ столовъ; они, вѣроятно, только-что возвратились съ мародерства и, положивъ каски на окна, угощались вдали отъ офицеровъ.

Одинъ баварецъ кричалъ:

— Насъ, только насъ однихъ всегда суютъ впередъ! Намъ принадлежитъ слава побѣды при Вертѣ; безъ насъ васъ побилы бы!.. Мы-же взяли императора и его армию. А вы только стоите позади и присвоиваете себѣ славу и прибыль.

— Гм! отвѣчалъ пруссакъ: — что-же бы вы-то стали дѣлать безъ насъ? Кто у васъ генералы? Назовите хоть одного! Вы въ авангардѣ, это правда, и подставляете свои лбы; но кто вами командуетъ? Наслѣдный принцъ прусскій, нашъ старый генералъ Мольтке и его величество король Вильгельмъ!.. Что-жъ вы болтаете про свои подвиги? Побѣды принадлежатъ начальникамъ; хотя-бы васъ изрубили всѣхъ до послѣдняго, кому какое до этого дѣло? Развѣ архитекторъ обязанъ своей славой матеріаламъ, которые онъ употребляетъ при постройкѣ? Развѣ заступы, кирпичи и лопаты орудія побѣды?

— Какъ заступы! заревѣлъ баварецъ:—развѣ вы насъ принимаете за заступы?

— Да, воскликнули пруссаки, ударяя дерзко по столу.

Тутъ полетѣли бутылки, кружки, стаканы; и я едва успѣлъ выбѣжать.

„Однако, думалъ я, смѣясь, — эти бѣдные баварцы правы: ихъ бьютъ, а другіе получаютъ славу. Хитеръ Бисмаркъ, что съумѣлъ навязать имъ такую роль,—умно! И говорятъ еще, что іезуиты руководятъ королемъ баварскимъ!..“

Это происходило около 8-го или 10-го сентября. Тогда носились слухи, что въ Парижѣ провозгласили республику, что императрица, принцесса Матильда, Паликао и всѣ прочіе бѣжали, что учреждено правительство національной обороны и что всѣ французы отъ двадцати до сорока лѣтъ призваны подъ ружье. Но изъ всего этого достоверно было только бомбардированіе Страсбурга и битвы вокругъ Мэца. Чтобы быть справедливымъ, надо сказать, что многіе тогда находили поведеніе Базена великодушнымъ и на него смотрѣли какъ на спасителя Франціи. Полагали, что онъ удерживаетъ всѣ арміи нѣмцевъ и неожиданно, пробившись сквозь ихъ ряды, освободить Туль, Фальсбургъ, Витчъ, Страсбургъ и уничтожить враговъ.

Въ это время Жоржъ говорилъ мнѣ не разъ:

— Наша очередь скоро придетъ! Всѣмъ надо будетъ идти въ солдаты. Я ужь обо всемъ подумалъ: все готово—ружье и патроны. Ты прикажешь ударить въ набатъ, какъ только мы услышимъ пушечную пальбу по направленію къ Саргемину и Фенетранжу; мы поставимъ нѣмцевъ между двухъ огней.

Онъ мнѣ это говорилъ, когда мы были одни и я съ радостью его слушалъ, но вообще слѣдовало быть очень осторожнымъ, такъ-какъ число солдатъ ландвера прибавлялось ежедневно. Они приходили къ намъ, садились подлѣ печки и курили свои длинныя фаянсовыя трубки, поникнувъ головою, озабоченные. Такъ-какъ нѣкоторые понимали французскій языкъ, не сознавая въ этомъ, то мы остерегались говорить при нихъ, и каждый хранилъ свои мысли про себя. Всѣми этими ландверами Бадена, Вюртемберга, Баваріи командовали прусскіе офицеры, такъ-что пруссаки доставляли офицеровъ, а другіе нѣмцы солдатъ; такимъ образомъ нѣмцевъ учили повиновенію своимъ истиннымъ повелителямъ. Господь Богъ создалъ пруссаковъ чтобъ повелѣвать, а другихъ нѣмцевъ, чтобъ повиноваться.

Этимъ способомъ они одержали побѣду; и теперь этотъ порядокъ долженъ оставаться на вѣки, потому-что эльзасцы и лотарингцы могутъ взбунтоваться, и Франція можетъ оправиться.

Да, всё эти добрые солдаты ландвера останутся солдатами изъ поколѣнія въ покодѣніе; а чѣмъ болѣе они одержать побѣдъ, тѣмъ болѣе пруссаки будутъ ихъ угнетать.

Одно ихъ очень беспокоило: въ Вогезахъ начинались волненія и поговаривали о вольныхъ стрѣлкахъ, о возстаніяхъ деревень близъ Эпиталя. Эти слухи, конечно, возбуждали наши надежды. Солдаты ландвера принимали вольныхъ стрѣлковъ за разбойниковъ, убивавшихъ изъ-за угла честныхъ отцовъ семействъ и грабившихъ обозы. Нѣмцы собирались ихъ вѣшать, а мы думали:

„Если-бъ пришло къ намъ только нѣсколько вольныхъ стрѣлковъ съ порохомъ и ружьями, то мы присоединились-бы къ нимъ въ надеждѣ избавиться отъ своего ига“.

Чѣмъ болѣе говорили объ этихъ вольныхъ стрѣлкахъ, тѣмъ сильнѣе воскресала въ насъ надежда и тѣмъ болѣе насъ тяготили реквизиціи.

Грабежъ убавился, но все еще продолжался. Когда наши ландверцы, то-есть тѣ, которыхъ мы были принуждены содержать и кормить, ходили въ траншеи вокругъ Фальсбурга, то другіе приходили шайками изъ сосѣднихъ селеній, крича, ругаясь, требуя быковъ, барановъ, ветчины! И когда они успѣвали достаточно напугать женщинъ, они уже довольствовались яицами, сыромъ, лукомъ и проч.

Наши ландверцы, безъ сомнѣнія, поступали такъ-же въ другихъ мѣстахъ, потому-что въ ихъ супъ овощей всегда было въ изобиліи. И всё эти добрые отцы семействъ дѣлили все по братски съ гнусными созданіями, слѣдовавшими за ними!.. Иначе и быть не могло. Требуется время, чтобъ изъ животнаго сдѣлать человѣка, а достаточно нѣсколькихъ мѣсяцевъ войны, чтобъ привести человѣка въ первобытное состояніе.

IX.

29 сентября прусскій вагенмейстеръ ¹⁾ принесъ мнѣ для обнародованія нѣсколько прокламацій. Въ нихъ объявлялось, что мы причислены къ департаменту Мозели и подчинены прусскому пре-

¹⁾ Офицеръ—начальникъ обоза; также военно-походный почтальонъ.

фекту графу Генкелю Доннемарку, который, съ своей стороны, подчиненъ генераль-губернатору Эльзаса и Лотарингии графу Бисмарку-Болену, имѣвшему временную резиденцію въ Гагенау:

Не могу выразить, какъ сильно меня раздражило такое приказаніе. Солдаты ландвера доставили намъ наканунѣ извѣстіе о капитуляціи Страсбурга; я былъ измученъ до крайности возложеннымъ на меня сборомъ реквизицій, а потому смѣло объявилъ, что отказываюсь обнародовать прокламаціи, противныя моей совѣсти, такъ-какъ я продолжаю считать себя за француза, и нельзя требовать, чтобъ честный патріотъ бралъ на себя такое порученіе.

Вагенмейстеръ, повидимому, удивился моимъ словамъ. Это былъ плотный мужчина съ густыми черными усами и съ глазами на выкатъ.

— Не угодно-ли вамъ написать то, что вы сказали, г. мэръ, произнесъ онъ.

— Отчего-же нѣтъ? Я измученъ всѣми вашими притѣвленіями. Назначьте на мое мѣсто вашего пріятеля, г. Пласіара: я вамъ буду очень благодаренъ. Пусть онъ собираетъ всѣ реквизиціи, которыя я считаю просто грабежемъ.

— Хорошо, запишите и это, сказалъ онъ. — Я исполняю данныя мнѣ приказанія: до остального мнѣ дѣла нѣтъ.

Тогда, не размышляя ни минуты, я открылъ бюро и написалъ, что Христіану Веберу, мэру Ротальпа, совѣсть не дозволяетъ признать Бисмарка-Болена губернаторомъ французской провинціи, и что онъ положительно отказывается объявлять во всеобщее свѣденіе нѣмецкія прокламаціи. Я подписалъ мое имя и выставилъ число—29 сентября 1870 г.; это была величайшая глупость, которую я сдѣлалъ въ моей жизни; она стоила мнѣ дорого.

Вагенмейстеръ взялъ отъ меня бумагу, положилъ въ карманъ и вышелъ. Черезъ два или три часа я немного одумался, началъ раскаяваться въ томъ, что сдѣлалъ, и съ удовольствіемъ взялъ-бы эту бумагу назадъ.

Въ тотъ-же вечеръ, послѣ ужина, я пошелъ къ Жоржу, чтобъ рассказать ему все, что случилось; онъ былъ совершенно доволенъ моимъ поступкомъ.

— Отлично, Христіанъ, сказалъ онъ. — Теперь твое положеніе ясно. Меня часто огорчало, что ты, для охраненія общихъ

интересовъ и для избѣжанія грабежа, былъ вынужденъ выдавать пруссакамъ записки на полученіе провіанта. Народъ такъ безразсуденъ, что, видя подпись мэра, дѣлаетъ его отвѣтственнымъ за все. Теперь ты сложилъ съ себя это бремя; ты не могъ взять на себя сборъ реквизицій отъ имени Генкеля-Доннемарка, самозванца префекта Мозеля; пусть кто-нибудь другой возьмется за это: пруссаки всегда найдутъ измѣнника для такой роли.

Одобреніе моего двоюроднаго брата утѣшило меня и я хотѣлъ идти домой; но въ эту минуту тотъ самый вагенмейстеръ, которому я вручилъ утромъ мой отказъ, вошелъ въ сопровожденіи трехъ или четырехъ солдатъ ландвера.

— Это къ вамъ, сказалъ онъ, подавая мнѣ записку, которую я прочелъ вслухъ:

„Христіанъ Веберъ, мельникъ, и Жоржъ Веберъ, винный торговецъ, живущіе въ деревнѣ Ротальпъ, обязываются доставить завтра въ Друлингенъ четыре тысячи килограмовъ сѣна и десять тысячъ килограмовъ соломы. По приказанію высшаго начальства — *Фасель*“.

— Хорошо, отвѣчалъ я спокойно, не желая выказать передъ врагами моего негодованія на такую тяжелую реквизицію. — Очень хорошо, я привезу сѣно и солому въ Друлингенъ.

— Вы привезете ихъ сами, грубо сказалъ вагенмейстеръ. — Всѣ лошади и всѣ телѣги въ деревнѣ уже были вытребованы для реквизиціи: но вы слишкомъ часто забывали про тѣ, которыя принадлежатъ вамъ.

— Я могу доказать, что мои лошади и мои телѣги были чаще въ работѣ, чѣмъ чьи-либо, возразилъ я съ возрастающимъ гнѣвомъ. — Вотъ ваши росписки; я надѣюсь, что вы отъ нихъ не откажетесь.

— Хорошо, это все равно, сказалъ онъ. — Лошади, телѣги, сѣно и солома должны быть доставлены; это ясно.

— Совершенно ясно, замѣтилъ Жоржъ. — Кто сильнѣе, тотъ и приказываетъ.

— Совершенно вѣрно, сказалъ вагенмейстеръ.

Когда онъ вышелъ съ своими солдатами, Жоржъ спокойно сказалъ:

— Вотъ что значитъ война! Нечего горячиться. Можетъ быть, теперь наступитъ и нашъ чередъ, такъ-какъ *честный человекъ*

не командуетъ болѣе нашими арміями. Между-тѣмъ, если мы не желаемъ лишиться нашихъ лошадей и телѣгъ, то всего лучше приготовить все требуемое сегодня вечеромъ, а завтра рано утромъ отправиться въ путь. Мы воротимся къ семи часамъ, къ ужину. Отъ насъ больше сѣна и соломы не получаютъ, такъ-какъ мы отдадимъ послѣднее.

Я едва сдерживалъ свой гнѣвъ; но такъ-какъ Жоржъ, подавая мнѣ примѣръ, сталъ снимать сюртукъ и надѣвать блузу, то и я пошелъ разбудить старика Оффана, чтобъ вмѣстѣ нагружать телѣги.

Жена моя и Гредель ждали меня у дверей, потому-что вагенмейстеръ съ солдатами, идя къ Жоржу, заходилъ на мельницу; онѣ дрожали отъ страха. Я сказалъ имъ, чтобъ онѣ не беспокоились, такъ-какъ мнѣ надо было только свезти сѣно и солому въ Друлингевъ, гдѣ мнѣ выдадутъ квитанцію, по которой я получу впослѣдствіи деньги.

Повѣрили-ли онѣ этому или нѣтъ — я не знаю, но онѣ преспокойно вошли въ домъ.

Я зажегъ фонарь. Оффанъ влѣзъ на сѣноваль и сталъ бросать сѣно, которое я принималъ на вилу.

Къ двумъ часамъ утра двѣ телѣги были нагружены; я далъ корму лошадямъ и отдохнулъ нѣсколько минутъ.

Въ пять часовъ я услышалъ голосъ Жоржа: „Христіанъ, я здѣсь!“

Я всталъ, надѣлъ шляпу и блузу, отперъ конюшню, заложилъ лошадей и мы отправились, въ надеждѣ, что вечеромъ вернемся домой.

Во всѣхъ селеніяхъ, черезъ которыя мы проѣзжали, передъ хижинами сидѣли солдаты ландвера, оборванные, съ заплатами на колѣняхъ, съ разстрепанными бородами, и курили трубки; между-тѣмъ кавалерія и пѣхота ходили по всѣмъ направленіямъ.

Солдатамъ, которые оставались въ деревняхъ держать гарнизонъ, приказано было отдавать другимъ новые сапоги, а самимъ носить старыя.

Офицеры, верхомъ, въ низенькихъ, плоскихъ фуражкахъ, на-двинутыхъ на носъ, мчались какъ вѣтеръ по тропинкамъ, пролежавшимъ подлѣ большой дороги. На заднихъ дворахъ старыхъ гостиницъ, встрѣчавшихся на пути, видѣлись навозныя груды

съ внутренностями и шкурами животныхъ, которыя также висѣли на рѣшоткахъ галлерей, гдѣ обыкновенно вѣшали бѣлье для просушки. Горе, невыразимое горе и безпокойный страхъ читались на лицахъ всѣхъ жителей.

Одни нѣмцы досидѣли отъ жиру въ своихъ изорванныхъ сапогахъ; у нихъ былъ хорошій бѣлый хлѣбъ, хорошее красное вино, хорошее мясо и хорошій табакъ или сигары: они катались какъ сыръ въ маслѣ.

Въ былое время эти люди горько жаловались на наши вторженія въ ихъ страну; но они забывали, что они первые показали намъ приимѣръ. Однако они были правы. Въ послѣднее время первой имперіи французы сражались только ради одного человѣка; но, въ 1814 и 1815 годахъ, нѣмцы два раза отомстили намъ и потомъ втеченіе пятидесяти лѣтъ они всегда обходились съ нами дружески и мы, съ нашей стороны, принимали ихъ какъ братьевъ: ни мы не питали къ нимъ вражды, ни они къ намъ; миръ смягчилъ наши нравы. Мы желали имъ счастья такъ-же, какъ самимъ себѣ; потому-что народы тогда только дѣйствительно счастливы, когда ихъ сосѣди благоденствуютъ; тогда торговля и промышленность процвѣтають. Таково было наше положеніе! Мы не говорили болѣе о нашихъ побѣдахъ, но о нашихъ пораженіяхъ, отдавая полную справедливость ихъ храбрости и патріотизму; мы признавали свои ошибки; они тоже, казалось, сознавали свои заблужденія и разсуждали о братствѣ. Мы вѣрили ихъ искренности, ихъ честности и откровенности: мы въ самомъ дѣлѣ полюбили ихъ.

Теперь между нами возникла ненависть. Кто въ этомъ виновать?

Прежде всего наша глупость, наше невѣжество. Мы всѣ думали, что плебисцитъ былъ въ пользу мира; министры, префекты, под-префекты, мировые судьи, полицейскіе комиссары—всѣ агенты правительства увѣряли насъ въ этомъ. Бонапартъ воспользовался нашимъ довѣріемъ и объявилъ войну. Но нѣмцы были рады войнѣ: они въ тайнѣ намъ завидовали и насъ ненавидѣли; они долго наблюдали за нами и изучали насъ; они вѣчно обучались военному дѣлу и переносили всевозможныя усталости, чтобъ сдѣлаться сильнѣе насъ, и искали случая начать войну по нашему вызову для того, чтобы въ глазахъ Европы вина легла на насъ.

Испанскій вопросъ былъ ничто иное, какъ силки, разставленныя

Бисмаркомъ Бонапарту. Нѣмцы говорили другъ другу: „у насъ миллионъ двѣсти тысячъ человекъ подъ ружьемъ; насъ четверо противъ одного француза. Воспользуемся случаемъ! Если французское правительство вздумаетъ организовать обучить мобилей— все можетъ быть потеряно... Скорѣй! Скорѣй!“

Таковы были искренность, честность и братство нѣмцевъ!

Наши олухи попали въ западню. Нѣмцы одолѣли насъ числомъ. Теперь мы въ ихъ рукахъ; они хозяева нашей страны; мы выплачиваемъ имъ миллиарды! И теперь они, какъ прежде, входятъ толпами въ наши города и селенія, улыбаются намъ и говорятъ, протягивая руку: „какъ вы теперь поживаете! Что подѣлывали все это время? Какъ! Вы не узнаете меня? Зачѣмъ вы смотрите такъ сердито! А въ самомъ дѣлѣ мы этого не заслужили! Вѣдь мы друзья, такіе добрые, старые друзья! Ну теперь дайте мнѣ маленькій заказъ и не будемъ больше думать объ этой несчастной войнѣ“.

Однакожь, пора отвернуться отъ этого зрѣлища: оно слишкомъ гадко.

Въ ихъ оправданіе (а оправданія должно искать всегда и для всѣхъ) я говорю, что человекъ не можетъ быть такъ испорченъ отъ природы и должны быть причины такого недостатка природнаго самоуваженія; дѣло въ томъ, что нѣмцы слишкомъ приучены къ дисциплинѣ и должны исполнять роль птицъ, которыя, пойманныя птицеловомъ въ сѣтку, поютъ и чирикаютъ, чтобъ привлечь другихъ:

„А какъ здѣсь хорошо! какъ сладко здѣсь, въ Старой Германіи! Какая честь сражаться и умирать за нѣмецкое отечество! Нѣмецъ самый передовой человекъ въ мірѣ“.

Да, да! Добрые ребята! Мы знаемъ, въ чемъ дѣло. Этой пѣснѣ васъ научили еще въ вашихъ школахъ. Ваши учителя убаюкивали васъ ничего не значущими фразами о нѣмецкомъ человекѣ, о нѣмецкомъ отечествѣ, о нѣмецкомъ небѣ, о нѣмецкомъ Рейнѣ, а если вы иногда начинали пѣть фальшиво, то всегда находились дѣйствительныя средства заставить васъ вытягивать ноту въ тонъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Говорите сколько угодно: жители Эльзаса и Лотарингіи никогда не будутъ пѣть по вашему— они научились другимъ мотивамъ.

Но все это не помѣшало мнѣ съ Жоржемъ попасться въ руки

нѣмцевъ и сознавать, что при малѣйшемъ сопротивленіи намъ свернуть шею, какъ цыплятъ. Поэтому мы рѣшились сохранять наружное спокойствіе, хотя на каждомъ шагѣ видѣли слѣды опустошенія, еще усилившагося въ послѣднее время отъ скотскаго падежа. Въ Лорѣ, въ Отвиллерѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ эта страшная зараза, самая пагубная для крестьянъ, начинала уже свои опустошенія; и пруссаки, которые ѣдятъ мясо вчетверо болѣе насъ — когда оно достается даромъ — начинали опасаться, что скоро почувствуютъ въ немъ недостатокъ.

Ихъ ветеринары прибѣгали только къ одному средству: когда животное занемогало и отказывалось отъ пищи, они убивали его и варывали вмѣстѣ съ шкурой и съ рогами на шесть футовъ въ землю. Это не было хитрѣе бомбардированія города для побужденія его къ сдачѣ или истребленія пожаромъ деревень для побужденія жителей платить реквизиціи! Но въ то время это средство достигало цѣли.

Нѣмцы въ эту войну познакомили насъ съ своими лучшими изобрѣтеніями! Они размышляли надъ ними много лѣтъ, въ то время, какъ наши наставники и наши газеты рассказывали намъ, что они проводятъ время въ размышленіяхъ о философіи и о другихъ столь-же глубокихъ предметахъ, даже непонятныхъ французу.

Часовъ въ одиннадцать мы были въ Друлингенѣ, гдѣ нашли одинъ силезскій батальонъ, готовый выступить къ Мэцу. Повидному, вслѣдъ за нами должна была прибыть кавалерія. Реквизиціи такъ истощили всѣ запасы окрестной страны, что наше сѣно и солома были немедленно сложены въ сарай, находившійся на концѣ деревни, въ чемъ маіоръ и далъ намъ квитанцію. Это былъ пруссакъ съ сѣдой бородой; онъ разсматривалъ насъ, нахмуривъ брови, — точно старнй жандармъ, изучающій ваши примѣты.

Послѣ этого Жоржъ и я думали немедленно возвратиться домой, но, посмотрѣвъ въ окно, увидѣли, что на наши телѣги укладывали багажъ батальона. Тогда я вышелъ и закричалъ: „Стой! эти телѣги наши! Мы привезли на нихъ сѣно и солому“.

Стоявшій у дверей начальникъ силезскаго батальона, человекъ дюжій, суровый и съ виду нелюбезный, тотчасъ повернулъ голову и спокойно сказалъ солдатамъ, оставившимъ работу: „продолжайте“.

— Но, капитанъ, воскликнулъ я, — вотъ моя квитанція, полученная отъ майора!

— Это до меня не касается, отвѣчалъ онъ, входя въ столовую, гдѣ накрытъ былъ столъ для офицеровъ.

Мы остались на улицѣ, полные негодованія, которому вы легко повѣрите. Солдаты смѣялись. Я едва не бросился на нихъ съ моимъ хлыстомъ; но нѣсколько часовыхъ, расхаживавшихъ взадъ и впередъ съ ружьями, конечно, закололи-бы меня штыками. Я поблѣднѣлъ, отвернулся и пошелъ въ трактиръ Финка, куда Жоржъ отправился уже прежде меня. Маленькая зала была полна солдатъ, которые ѣли и пили, какъ могутъ ѣсть и пить только одни пруссаки.

Эта картина заставила насъ выйти вонъ; тогда Жоржъ, стоя у двери, сказалъ мнѣ: „наши жены будутъ безпокоиться; не поспать-ли къ нимъ кого-нибудь съ вѣсточкой объ насъ?“

Но все наши поиски были напрасны: мы никого не нашли.

Офицерскіе кони, разнузданные, спокойно жевали кормъ, между-тѣмъ какъ наши измученныя лошади оставались безъ корму.

— Эй! закричалъ я фельдфебелю, который распоряжался на-грузкой телѣгъ; — надѣюсь, что вы не уѣдете, не покормивъ нашихъ лошадей?

— Если у васъ есть деньги, сказалъ онъ смѣясь, — то вы можете дать имъ сѣна и даже овса сколько хотите. Вотъ цедеръ ваши вывѣска: *здесь продаютъ сѣно и овесъ.*

Въ эту минуту во мнѣ закипѣла такая ненависть къ нѣмцамъ, которую я не въ состояніи буду заглушить всю мою жизнь.

— Пойдемъ, закричалъ Жоржъ, и, замѣтивъ, что я сильно взволнованъ, взялъ меня за руку.

Мы вошли въ гостиницу „Гиндой Конь“, которая кишѣла также народомъ, но была шире и выше. Мы дали корму нашимъ лошадямъ; потомъ, усѣвшись поодаль, съѣли по куску хлѣба и выпили по стакану вина, наблюдая въ окно за движеніемъ войскъ. Потомъ я отправился напоить нашихъ лошадей, такъ-какъ былъ увѣренъ, что нѣмцы никогда объ этомъ не позаботятся.

Жоржъ подозвалъ къ себѣ маленькаго разносчика Фриделя, проходившаго мимо съ своей корзинкой, и просилъ его увѣдомить нашихъ женъ, что мы не воротимся домой до завтрашняго утра,

потому-что должны продолжать путь до Саррегемина. Фридель обѣщаль исполнить наше порученіе и пошелъ далѣе.

Въ эту минуту раздалась команда офицера; батальонъ готовъ былъ выступить. Мы едва успѣли расплатиться и схватить поды узды нашихъ лошадей.

Погода стояла прекрасная, осенняя; было не слишкомъ жарко, не слишкомъ холодно. Сравнивая вполсѣдствіи нѣмцевъ съ нашими солдатами въ отношеніи ходьбы, я часто думалъ, что они никогда не дошли-бы до Парижа, если-бы не наши желѣзныя дороги. Ихъ пѣхота такъ-же тяжела на подъемъ, какъ кавалерія легка. Они всѣ косолапые и не могутъ много ходить. Когда они бѣгутъ, ихъ тяжелые сапоги производятъ ужасный шумъ; можетъ быть, поэтому они ихъ и носятъ, надѣясь пугать неприятеля. У нихъ одинъ взводъ дѣлаетъ больше шума, чѣмъ у насъ цѣлый полкъ. Но они скоро потѣютъ, и величайшее для нихъ наслажденіе взобраться на телѣгу.

Къ вечеру, часамъ къ пяти, лишь только мы прошли около трехъ миль отъ Друлингена, какъ вдругъ командиръ приказалъ батальону свернуть налѣво, на проселочную дорогу, для того-ли, чтобъ избѣгать раззоренныхъ селеній, или по какой другой причинѣ — не могу сказать.

Видя это, я въ величайшемъ безпокойствѣ подбѣжалъ къ командиру.

— Ради Бога, капитанъ, сказалъ я, — развѣ вы не хотите идти въ Саррегемины? Мы отцы семействъ; у насъ есть жены и дѣти! Вы обѣщали, что въ Саррегемины намъ дозволятъ выгрузить наши телѣги и воротиться домой.

Жоржъ также шелъ жаловаться; но прежде чѣмъ онъ успѣлъ дойти до насъ, командиръ закричалъ грозно:

— Воротитесь къ вашимъ телѣгамъ или я расправлюсь съ вами на основаніи военныхъ законовъ. Ну, поворачивайтесь!

Мы съ пониженими головами воротились назадъ и взяли за поводья нашихъ лошадей. Три часа спустя, при наступленіи ночи мы пришли въ бѣдную деревушку, гдѣ увидали множество маленькихъ крестовъ вдоль дороги, и гдѣ жители не могли ничего намъ дать, такъ какъ сами страдали отъ голода.

Не успѣли мы остановиться, какъ подошелъ, сопровождаемый гусарами, обозъ съ хлѣбомъ, говядиной и виномъ. Безъ сомнѣнія,

онъ шелъ изъ Альберстрофа. Каждый солдатъ получилъ свою порцію, но намъ не досталось даже ни луковицы, ни кусочка хлѣба, ничего, ни намъ, ни нашимъ лошадямъ.

Эту ночь Жоржъ и я провели одни подъ кровомъ необитаемой мельницы въ то время, какъ нѣмцы заняли всѣ дома и овины, а часовые съ ружьями ходили вокругъ нашихъ телѣгъ; мы начали размышлять о томъ, что намъ дѣлать.

Жоржъ, предчувствуя тѣ страданія, которыя насъ ожидали въ будущемъ, хотѣлъ отправиться тотчасъ домой, оставя лошадей и телѣги; но я не могъ согласиться на это. Покинуть пару моихъ сѣрыхъ коней, которыхъ я выкормилъ и выростилъ въ моемъ собственномъ огородѣ позади мельницы.—Это невозможно!

— Послушай, сказалъ Жоржъ:—вспомни объ эльзасцахъ, которые проходили мимо нашего селенія въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль: они точно вышли изъ могилъ; они никогда не получали ни малѣйшаго раціона. Ихъ довели-бы до Парижа, если бъ они не убѣжали. Ты видишь, что нѣмцы не хотятъ ничего знать. Ими овладѣла ненависть къ французамъ, и они стали безчувственны, какъ желѣзо; ихъ старались возстановить противъ насъ еще въ школахъ и они желали-бы истребить насъ всѣхъ до послѣдняго. Всего благоразумнѣе отъ нихъ ничего не ждать. У меня въ карманѣ только шесть франковъ; а у тебя сколько?

— Восемь ливровъ и десять су.

— Съ этимъ, Христіанъ, мы далеко не уйдемъ. Чѣмъ ближе къ Мэцу, тѣмъ страна будетъ болѣе раззорена. Если-бъ мы могли написать домой съ просьбой, чтобъ намъ прислали денегъ! но ты видишь, что ихъ часовые стоятъ на каждой дорогѣ, на каждомъ перекресткѣ: они не дозволяютъ проходить пѣшеходамъ, не дозволяютъ переносить письма и извѣстія. Повѣрь мнѣ, лучше всего бѣжать.

Всѣ эти прекрасные доводы были бесполезны. Я думалъ, что, можетъ быть, въ слѣдующей деревнѣ найдутся для реквизиціи другія лошади и другія телѣги и намъ дозволятъ спокойно воротиться домой. Это было-бы естественно и справедливо.

Жоржъ, видя, что не можетъ поколебать моей рѣшимости, легъ на скамью и заснулъ; но я не могъ сомкнуть глазъ.

На слѣдующій день въ шесть часовъ мы должны были снова

пуститься въ путь; силезцы, съ запасомъ свѣжихъ силъ, а мы съ пустыми желудками.

Мы шли по направленію къ Грос-Тенкину. Чѣмъ далѣе мы подвигались, тѣмъ менѣе была мнѣ знакома окружающая жѣстность. Это была страна, окружающая Мэцъ, и извѣстная подъ названіемъ Мессина, — древній французскій округъ; между-тѣмъ страданія наши увеличивались съ каждымъ переходомъ. Нѣмцы продолжали получать все, что имъ требовалось, а въ отношеніи насъ они заботились только объ одномъ, чтобъ мы не ушли.

Положеніе наше было ужасно, деньги приходили къ концу, не смотря на всю нашу бережливость, кромѣ того офицеръ, угадывая по нашей наружности, что мы замышляемъ бѣгство, совершенно безцеремонно сказалъ при насъ часовымъ: „если эти люди свернуть съ дороги, стрѣляйте въ нихъ“.

Среди эскадроновъ и полковъ, которые безпрестанно попадались намъ по дорогѣ, мы видѣли много людей, которые находились точно въ такомъ-же положеніи, какъ мы. Мы не могли смотрѣть другъ на друга безъ слезъ.

Жоржъ не падалъ духомъ, и даже по временамъ казался веселымъ, обращаясь къ солдатамъ съ просьбой дать ему огня, чтобъ закурить трубку или распѣвая матроскія пѣсни, смѣшившія прусскихъ офицеровъ. Они говорили: „вотъ это настоящій французъ: онъ все видитъ въ розовомъ цвѣтѣ“.

Я не могъ понять такого настроенія духа и спрашивалъ себя, не рехнулся-ли Жоржъ? Но меня огорчало еще болѣе несчастное положеніе моихъ прекрасныхъ лошадей, гладкошерстныхъ, умныхъ, неутомимыхъ, лучшихъ въ деревнѣ, и что съ ними теперь стало? Просто жалость!.. Проходя вдоль изгородей по краямъ дороги, я иногда собиралъ для нихъ травы, сначала онѣ смотрѣли на нее съ удивленіемъ, а потомъ встряхнувъ головой, жадно жевали. Бѣдныя животныя видимо чахли и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе худѣли. Я думалъ также о женѣ моей и о Гредель, объ ихъ безпокойствѣ, о томъ, что онѣ дѣлаютъ, что будетъ съ мельницей и съ нашей деревней, что станутъ говорить, когда узнаютъ, что мэръ пропалъ, что подумаетъ объ этомъ Жакобъ, — всѣ эти мысли терзали меня и я совершенно упалъ духомъ.

Но самое страшное униженіе, котораго я никогда не забуду, случилось подлѣ Мэца. Втеченіе двухъ или трехъ недѣль не про-

исходило болѣе сраженій; городъ и армія Базена были окружены огромными земляными окопами, на которыхъ пруссаки поставили пушки. Мы могли видѣть ихъ издали; мы также проходили мимо многихъ мѣстъ, гдѣ земля была недавно вскопана, и Жоржъ говорилъ, что это ямы, въ которыхъ сложены сотнями убитые. Нѣсколько обгорѣлыхъ и пострадавшихъ отъ бомбандированія деревень, фермъ и замковъ виднѣлись неподалеку. Сражаться перестали, но распространялись слухи о приближеніи вольныхъ стрѣлковъ, и это повидимому, беспокоило силезцевъ.

Наконецъ, на десятый день, послѣ выступленія изъ Ротальпа, мы прибыли въ три часа въ большую деревню на Мозель; здѣсь батальонъ остановился для отдыха. Нѣсколько отрядовъ нашего батальона уже пополнили убыли въ другихъ батальонахъ, такъ что у насъ осталась только третья часть людей, выступившихъ изъ Друлингена.

Видя, что провіантъ былъ уже розданъ, что офицерскія лошади накормлены и что ихъ начинали уже взнуздывать, я подбралъ нѣсколько пригоршней сѣна и соломы, лежавшихъ на землѣ, — съ цѣлю дать ихъ моимъ лошадямъ. Замѣтивъ это, дежурный унтеръ-офицеръ, подошелъ ко мнѣ, схватилъ меня за шиворотъ и ударилъ меня.

— Ахъ ты старый негодяй! Такъ-то ты кормишь твоихъ лошадей! вскричалъ онъ.

Я былъ внѣ себя отъ гнѣва и уже поднялъ мой хлыстъ, чтобъ ударить обидчика, какъ вдругъ Жоржъ бросился ко мнѣ и закричалъ:

— Христіанъ! Что ты дѣлаешь?

Онъ вырвалъ у меня хлыстъ и началъ извиняться за меня передъ пруссакомъ, говоря, что я поступилъ сгоряча, что я считалъ дозволеннымъ собирать валявшееся сѣно, что нужно принять въ соображеніе голодъ лошадей, слѣдовавшихъ все время за батальономъ и проч.

Пруссакъ слушалъ, вытянувшись во весь ростъ.

— Хорошо, сказалъ онъ: — на этотъ разъ я ему спущу; но если онъ повторитъ свои штуки, то ему будетъ плохо.

Тогда я пошелъ въ конюшню и пролежалъ нешевелясь тамъ нѣсколько часовъ.

Батальонъ долженъ былъ снова выступить въ походъ. Жоржъ

повсюду искалъ меня и наконецъ нашелъ. Я всталъ и вышелъ, но когда увидѣлъ солдатъ, выстроившихся въ линію, когда увидѣлъ ихъ ружья и каски, то морозъ пробѣжалъ по кожѣ; мнѣ захотѣлось умереть.

Жоржъ не говорилъ ни слова и мы двинулись впередъ; но съ этой минуты я рѣшился бѣжать во что-бы-то ни стало, бросивъ лошадей и телѣги.

Въ тотъ-же вечеръ случилось необыкновенное происшествіе: намъ дали немного соломы! Мы лежали на открытомъ воздухѣ, подъ нашими телѣгами, потому-что деревня, въ которую мы только-что прибыли, была набита солдатами. У меня оставалось только двѣнадцать су, а у Жоржа двадцать или тридцать. Онъ купилъ немного хлѣба и водки, въ которой мы помочили хлѣбъ; такимъ образомъ мы кое-какъ поддерживали въ себѣ жизненные силы.

Каждый разъ, какъ унтеръ-офицеръ, прибившій меня, проходилъ мимо, я судорожно схватывался за ножъ, бывшій у меня въ карманѣ и говорилъ самъ себѣ: неужели эльзасецъ, старый эльзасецъ не отомститъ оскорбленіе? Можно-ли допустить, чтобъ эльзасцевъ били тѣ самые нѣмцы, которыхъ мы колотили сотню разъ въ былое время и которые обыкновенно бѣгали отъ насъ, какъ зайцы.

Жоржъ, догадываясь по выраженію моего лица о томъ, что я думалъ, сказалъ мнѣ:

— Послушай Христіанъ! Не огорчайся. Полученные тобой удары, точно такъ какъ требованія хлѣба, муки, сѣна, мяса и прочаго, только слѣдствіе плебисцита. Вы подавали голоса въ пользу всего этого: нѣмцы нисколько невиноваты! Они грубы и пользуются великимъ удобнымъ случаемъ бить другихъ,—это совершенная правда, но что-же дѣлать. По грубости ихъ нравовъ побои не производятъ на нихъ того-же дѣйствія, какъ на насъ; они дѣйствуютъ на нихъ только наружно, но не болѣе! И такъ не унывай; этотъ дикій унтеръ-офицеръ можетъ быть и не думалъ, что онъ наноситъ тебѣ тяжкое оскорбленіе, и по своей чувствительности судилъ о твоей.

Но вмѣсто того, чтобъ успокоить меня, Жоржъ только болѣе возбудилъ мое негодованіе, въ особенности, передавъ слышанное отъ нѣмцевъ извѣстіе, что къ Наполеону присланъ изъ Берлина

поварь съ королевской кухни, чтобъ готовить ему вкусныя кушанья, и оркестръ, чтобъ забавлять его музыкой.

Это извѣстiе взволновало меня до крайности. Я легъ подъ свою телѣгу и всю ночь видѣлъ дурные сны.

Мы все надѣялись, что когда-нибудь дойдемъ до желѣзной дороги, что остатки батальона сядутъ въ вагоны, а насъ отошлютъ домой; но къ несчастiю наши солдаты были назначены для того, чтобъ пополнить убыль въ другихъ батальонахъ: и хотя отряды посылались направо и налево, но всегда оставалось довольно солдатъ, чтобъ сторожить насъ и помѣшать нашему бѣгству.

Мы ни разу не мѣняли бѣлья въ теченiе двухъ недѣль; ни разу не снимали обуви, потому-что знали, что трудно будетъ ее снова надѣть; десятки разъ мы были промочены дождемъ и высушены солнцемъ; мы выносили голодъ и всевозможныя страданiя; но ни Жоржъ, ни я не страдали кровавымъ поносомъ, какъ нѣмцы; самая скудная пища еще поддерживала наши силы; но ветчина, свѣжая говядина, фрукты, сырыя овощи, пожирались нѣмцами безъ всякаго разбора и производили на нихъ страшное дѣйствiе; никакой опытъ не могъ научить ихъ быть благоразумнѣе; ихъ природная жадность не позволяла имъ быть осторожными.

Въ довершенiе нашихъ бѣдствiй, офицеры нашего батальона стали поговаривать о походѣ на Парижъ.

Пруссаки знали мѣсяць тому назадъ, что Базенъ не выйдетъ болѣе изъ своего лагеря и сдастся, какъ только исчезнутъ всѣ запасы въ Мэцѣ; они говорили это открыто и считали маршала Базена лучшимъ изъ нашихъ генераловъ: они выхваляли его за блестящiе подвиги. Однимъ только они были недовольны, — зачѣмъ онъ не заперся ранѣе, потому-что въ такомъ случаѣ конецъ пришелъ-бы скорѣе. Они жалѣли также Бонапарта и утверждали, что мы не можемъ сдѣлать ничего лучшаго, какъ посадить его снова на престолъ.

Жоржъ и я слышали такiе разговоры сотни разъ въ гостинницахъ и трактирахъ. Французскiе трактирщики сажали насъ за печкой и иногда давали намъ изъ сожалѣнiя остатки супа, иначе мы погибли-бы отъ голода. Они шопотомъ спрашивали у насъ, что говорятъ нѣмцы, а когда мы передавали имъ слышанныя разговоры, то бѣдняки восклицали: „Въ самомъ дѣлѣ, какъ прус-

саки насъ любятъ! Конечно, они должны быть внимательны къ тѣмъ, которые сами сдались въ плѣнъ! Каждый подвигъ долженъ быть вознагражденъ“.

Это говорилъ намъ одинъ изъ лотарингскихъ трактирщиковъ; онъ первѣй разсказалъ намъ, что Гамбетта поднялся изъ Парижа на воздушномъ шарѣ, что онъ находится теперь въ Турѣ вмѣстѣ съ Гле-Визуэномъ и многими другими для того, чтобъ собрать могущественную армію за Луарой. Въ этихъ мѣстахъ получались бельгійскія газеты и каждый разъ, когда до насъ доходила хорошая вѣсть, то мы приободрялись. Мимо насъ провозили множество провіанту и запасовъ; проходили огромныя стада барановъ и быковъ; везли ящики съ колбасами, боченки съ хлѣбомъ, виномъ и мукою; иногда проходили и полки. Поѣзды, направлявшіеся къ востоку, везли массы раненыхъ, которые лежали въ вагонахъ на матрасахъ, расположенныхъ горизонтально одни надъ другими; у cadaго окна видны были ихъ блѣдныя лица, исбавшія свѣжаго воздуха и прохлады. Ихъ сопровождали нѣмецкіе доктора съ красными крестами на рукавѣ; а въ каждой деревнѣ были устроены больницы.

Начались сильныя дожди и первые морозы. Носились тысячи слуховъ о большихъ битвахъ подъ стѣнами Парижа. Пруссаки были особенно сердиты на Гамбетту. „Этотъ разбойникъ Гамбетта!“ какъ они его называли, мѣшалъ имъ заключить миръ и снова посадить Бонапарта на французскій престолъ. Никогда не случалось имъ видѣть людей, которые-бы такъ бѣснлись противъ непріятеля за то, что онъ не хочетъ сдаться въ плѣнъ. Офицеры и солдаты только и говорили:

— Этотъ Гамбетта причина всѣхъ бѣдствій. Его вольныя стрѣлки достойны висѣлицы. Безъ него, миръ былъ-бы заключенъ. Мы уже получили-бы Эльзасъ и Лотарингію, а Наполеонъ, во главѣ маѣской арміи, былъ-бы теперь на пути къ Парижу для возстановленія порядка.

Каждый разъ, какъ проходилъ поѣздъ съ ранеными, ихъ негодованіе увеличивалось. Они находили, что совершенно естественно истреблять наши жилища, раззорять страну, разстрѣливать насъ; но съ нашей стороны было низко защищаться! Трудно представить себѣ большее лицемеріе. Вѣдь они не могли вѣрить тому, что говорили; имъ нужно было убѣдить насъ, что мы защищали дур-

ное дѣло; но какое-же дѣло могло быть святѣе и славнѣе защиты отечества?

Безъ сомнѣнія, каждый французъ отъ стараго до малаго, — и въ особенности женщины, — молились за успѣхъ Гамбетты и не одна слеза пролилась отъ восторга при мысли, что онъ, быть можетъ, спасетъ насъ. Толпы молодыхъ людей покидали семейства, чтобъ присоединиться къ нему; тогда нѣмцы накладывали на ихъ родственниковъ контрибуцію въ пятьдесятъ франковъ за каждый день. Они раззоряли ихъ; однако-же это не помѣшало другимъ поступать такъ-же.

Нѣмцы грозили казнью всякому, кто помогалъ этому, какъ они называли, бѣгству волонтеровъ, давая имъ деньги, служа имъ проводителями, или какимъ другимъ способомъ. Всякое средство казалось нѣмцамъ хорошо, лишь-бы заставить насъ покориться; и они прибѣгали къ оружію всего неохотнѣе, потому-что въ сраженіяхъ приходилось терять людей.

Мы провели три дня въ деревнѣ Жадецъ на дорогѣ къ Мон-меди. Это было въ послѣдней половинѣ октября: дождь постоянно лилъ; Жоржа и меня приняла къ себѣ одна старая женщина, высокая, худая; звали ее Маріаной; ея сынъ служилъ въ Мэцѣ. У ней былъ маленькій домикъ съ чердакомъ, на который взбирались по лѣстницѣ; а позади дома небольшой садъ, совершенно раззоренный. Нѣсколько пучковъ луку, немного гороху и бобовъ, — вотъ все, что у ней было! Она ничего не скрывала, но когда нѣмцы приходили къ ней за чѣмъ-нибудь, она притворялась глухой и ничего не отвѣчала. Ея нищета, разбитыя окна, полуразвалившіяся стѣны и маленькій настѣжъ открытый шкафъ скоро убѣдили солдатъ, что здѣсь они ничего не найдутъ.

Эта бѣдная женщина замѣтила, въ какомъ мы грустномъ положеніи; она пригласила насъ войти, спросила откуда мы, и мы рассказали ей про наши несчастія. Она сказала намъ, что у ней осталось на чердакѣ нѣсколько пучковъ сѣна и что мы можемъ взять ихъ, потому-что они ей ненужны, такъ-какъ нѣмцы съѣли ея корову.

Мы влѣзли на чердакъ, чтобъ провести тамъ ночь и втащили за собою лѣстницу, прислушиваясь къ дождю, который барабанилъ по черепицамъ.

У Жоржа оставалось только десять су, а у меня ничего; тре-

тѣй день уже лежали мы на чердакѣ, какъ вдругъ около двухъ часовъ раздался звукъ трубы. Что-нибудь случилось: вѣрно пришло новое распоряженіе.

Мы прислушивались со вниманіемъ. Слышна была бѣготня; ружейные приклады звенѣли о мостовую; солдаты собирались и во всѣхъ направленіяхъ раздавались крики:

— Возницы! Возницы! Гдѣ они?

— Отыскать ихъ! кричалъ командиръ, — разстрѣлять этихъ бродягъ!

Мы не пошевелились.

Вдругъ дверь внизу отворилась. Нѣмцы спросили по-нѣмецки и по-французски: „Гдѣ возницы, наши эльзаскіе возницы?“

Старуха не отвѣчала ни слова; она только покачала головой и казалась глухою, какъ столбъ. Наконецъ они выбѣжали вонъ. Они, кажется, замѣтили отверстіе, служащее входомъ на чердакъ, но вѣрно не имѣли времени отыскивать лѣстницы; какъ-бы то ни было, черезъ минуту мы услышали шаги людей, идущихъ по грязи, шелганье бичей и стукъ колесъ.

Вскорѣ все замолкло. Батальонъ ушелъ.

Только спустя полчаса, добрая старушка стала звать насъ снизу.

— Вы можете сойти, говорила она, — они ушли.

И мы сошли.

Бѣдная женщина сказала намъ, смѣясь отъ всего сердца:

— Теперь вы въ безопасности! Только не теряйте времени: можете придти приказаніе отыскать васъ. Но прежде покушайте.

Она вынула изъ шкапа полную миску супа изъ бобовъ, которой она обыкновенно варила на три или на четыре дня и потомъ разогрѣвала.

— Ъшьте все; не заботьтесь обо мнѣ! У меня еще остались бобы.

Упрашивать насъ было излишне; черезъ нѣсколько минутъ миска была пуста.

Добрая женщина, казалось, была этимъ очень довольна, а Жоржъ сказалъ ей:

— Мы такъ не ѣли уже цѣлую недѣлю.

— Тѣмъ лучше! Я очень рада, что могла услужить вамъ! А теперь ступайте. Я дала-бы вамъ съ радостью денегъ, но у меня ихъ нѣтъ.

— Вы спасли намъ жизнь, сказалъ я. — Молю Бога, чтобъ вы могли вскорѣ увидѣть вашего сына! Но у меня есть до васъ просьба.

— Какая?

— Позвольте поцѣловать васъ.

— Ахъ, съ большимъ удовольствіемъ, мой бѣдный эльзасецъ, отъ всего сердца! Теперь я некрасива, не то, что прежде, въ былое время, но это все равно.

И мы поцѣловали ее, какъ поцѣловали-бы родную мать.

Когда мы вышли за ворота, начинало свѣтать.

— Передъ вами лежитъ дорога въ Дюнъ-на-Маасъ, сказала она, — но не ходите туда; это дорога, по которой пошли нѣмцы; нѣтъ сомнѣнія, что ихъ командиръ далъ въ ближней деревнѣ приказаніе задержать васъ. Но вотъ дорога въ Мэцъ чрезъ Дамвилле и Этанъ, — идите по ней. Если васъ остановятъ, скажите, что ваши лошади пали отъ изнеможенія и что васъ отпустили.

У этой бѣдной старушки было много здраваго смысла. Мы пожалали еще разъ ея руку со слезами на глазахъ и отправились въ путь по той дорогѣ, которую она намъ указала.

Мнѣ было-бы очень трудно назвать всѣ деревни, чрезъ которыя мы проходили между Жамецомъ и Ротальпомъ. Вся страна между Мэцомъ, Монмеди и Верденомъ кишѣла нѣмцами, кавалеріей и пѣхотой. Линейныя войска и въ особенности артиллерія стояли ближе къ крѣпостямъ; остальные войска и массы ландвера занимали всѣ селенія и собирали повсюду реквизиціи.

Находясь въ маленькой деревнѣ между Жамецомъ и Дамвилле, мы услышали направо отъ насъ сильную ружейную пальбу вдоль дороги; тогда Жоржъ сказалъ мнѣ:

— Это нашъ батальонъ сражается. Я желаю только, чтобъ пуля пронзила храбраго командира, который хотѣлъ разстрѣлять насъ, а также и твоего унтеръ-офицера.

Деревенскіе жители, стоя у воротъ, говорили: „Это вольные стрѣлки“. Радость засвѣтилась на всѣхъ лицахъ, особенно когда какой-то старикъ прибѣжалъ по тропинкѣ, ведущей черезъ кладбище, крича: „ѣдутъ двѣ телѣги съ ранеными, — двѣ большія эльзаскія телѣги; ихъ сопровождаютъ гусары.“

Мы только-что остановились у мелочной лавочки на площади и распрашивали хозяйку, нѣтъ-ли вблизи часовщика, потому-что

Жоржъ хотѣлъ продать свои часы, которые онъ скрывалъ подъ рубашкой съ тѣхъ поръ, какъ мы оставили Друлингентъ,—а хозяйка, сходя съ лѣстницы, указывала намъ куда идти, — какъ вдругъ старикъ сталъ кричать: „вотъ ѣдутъ эльзаскія телѣги“.

Немедленно мы бросились бѣжать къ другому концу деревни; но подлѣ маленькой рѣчки, которой названіе не могу припомнить, мы увидѣли изъ-за группы обстриженныхъ ивъ блескъ касокъ; это заставило насъ повернуть вдоль рѣчки, которая разлилась отъ большихъ дождей. Такимъ образомъ мы прошли значительное разстояніе, идя иногда въ водѣ по колѣна.

Прошло полчаса и, выбравшись изъ камышей, мы завидѣлиhalbway отъ насъ на холмѣ колокольню другого селенія, какъ вдругъ мы были остановлены крикомъ: „*Wer da!*“¹⁾, раздавшимся изъ покинутой хижины, находившейся въ двухъ или трехъ шагахъ отъ деревни. Въ ту-же минуту солдатъ ландвера вышелъ изъ пустой хижины съ ружьемъ, наведеннымъ на насъ.

Жоржъ, не находя другого средства для спасенія, отвѣчалъ:

— *Gute Freund!*²⁾.

— Стой, вскричалъ нѣмецъ,—не шевелитесь, или я выстрѣлю.

Мы вонечно остановились и только черезъ десять минутъ пришелъ пикетъ изъ деревни для смѣны часового и повелъ насъ, какъ бродягъ, къ дому мэра. Тамъ капитанъ ландвера подробно спрашивалъ насъ о томъ, кто мы, откуда пришли, куда идемъ и почему не имѣемъ паспортовъ.

Мы повторяли, что лошади наши пали отъ чрезвычайной работы и что намъ вѣрно воротиться домой, но онъ не хотѣлъ этому вѣрить. Но когда Жоржъ сталъ просить у него денегъ для того, чтобъ мы могли продолжать наше путешествіе, онъ воскликнулъ:

— Убирайтесь къ чорту, каналы! Развѣ я обязанъ снабжать васъ провіантомъ и раціонами! Ступайте и не заходите сюда другой разъ, а то будетъ худо!

Мы вышли очень довольные.

Сойдя съ лѣстницы, Жоржъ сталъ размышлять, не пойти-ли опять наверхъ и попросить, чтобъ намъ дали паспорта; но я такъ боялся, чтобъ капитанъ не измѣнилъ своего намѣренія, что при-

¹⁾ Кто идетъ!

²⁾ Другъ!

нудилъ Жоржа уйти поскорѣе изъ этого селенія. Мы отправились въ путь и безъ всякихъ несчастныхъ приключеній достигли Этена. Здѣсь Жоржъ продалъ свои золотые часы и цѣпочку за шестьдесятъ пять франковъ, взявъ впрочемъ съ часовщика обѣщаніе, что если онъ возвратитъ ему эти деньги къ концу мѣсяца, то часы и цѣпочка будутъ ему возвращены. Тогда, взявъ меня за руку, онъ воскликнулъ:

— Ну, Христіанъ, пойдѣмъ; мы долго постились, надо и попировать.

Пройдя сотню шаговъ, мы вошли въ одну изъ тѣхъ маленькихъ гостинницъ, въ которыхъ можно имѣть ночлегъ за нѣскольکو су.

Люди, сидѣвшіе въ небольшой темной комнатѣ гостинницы, не походили на господъ; они были въ шляпахъ, надѣтыхъ на бекрень и съ растегнутыми рубашками, и пили вино; но видя нашу изорванную одежду, грязное бѣлье, которое мы не перемѣняли три недѣли, наши растрепанные бороды, засаленныя, скомканныя шляпы, полинявшія отъ дождя и солнца, они приняли насъ за жоаковъ медвѣдей.

Хозяйка, толстая женщина, спросила насъ, чего мы желаемъ.

— Дайте намъ самаго лучшаго супу, хорошій кусокъ говядины, бутылку хорошаго вина и хлѣба въ волю, сказалъ Жоржъ.

Толстая женщина смотрѣла на насъ, прищуривъ глаза и не двигаясь съ мѣста, какъ будто желая сказать: „Все есть самое лучшее! но кто-же будетъ платить?“

Жоржъ показалъ ей пятифранковую монету и она тотчасъ отвѣтила, улыбаясь:

— Господа, сейчасъ все будетъ подано.

Вокругъ насъ стали говорить: — „Они эльзасцы! они нѣмцы! они то, они это!“

Но мы ни на кого не обращали вниманія; мы усѣлись, положивъ локти на столъ, а когда явился супъ въ огромной мискѣ, то нельзя было не замѣтить, что у насъ былъ очень хорошій аппетитъ; что-же касается до куса говядины, то это былъ настоящій прусскій кусокъ, но онъ исчезъ въ одно мгновеніе, несмотря на то, что вѣсилъ два фунта и былъ окруженъ картофелемъ и другими овощами. Потомъ, когда опорожнилась первая

бутылка вина, Жоржъ спросилъ другую; наши глаза начинали лучше видѣть; намъ все представлялось въ другомъ свѣтѣ; когда же одинъ изъ присутствующихъ попробовалъ повторить, что мы нѣмцы, то Жоржъ рѣзко закричалъ:

— Кто говорить, что мы нѣмцы? Выходи, если не боишься... Мы—нѣмцы?

Онъ поднялъ бутылку и разбилъ ее объ столъ въ мелкіе куски. Я видѣлъ, что онъ вышелъ изъ себя и закричалъ:

— Жоржъ, ради Бога перестань: иначе насъ арестуютъ!

Но всѣ присутствующіе были одного съ нимъ мнѣнія.

— Это мерзко! воскликнулъ Жоржъ.—Пусть тотъ, кто сказалъ, что мы нѣмцы, выйдетъ впередъ, мы съ нимъ посчитаемся: пусть онъ выбираетъ саблю, шпагу или что захочетъ; мнѣ все равно.

Тогда одинъ изъ разговаривавшихъ, молодой человѣкъ, всталъ и произнесъ:

— Простите меня, я прошу извиненія; я думалъ...

— Вы не имѣли права думать, перебилъ Жоржъ: — такихъ вещей не должно говорить. Мы эльзасцы, настоящіе французы, но люди пожилые, сынъ моего товарища въ Фальсбургѣ, въ мобиляхъ; а я самъ служилъ во флотѣ. Нѣмцы схватили насъ и увели силой; мы лишились нашихъ лошадей и нашихъ телѣгъ и теперь, придя сюда, получаемъ оскорбленія отъ нашихъ-же соотечественниковъ за то, что мы сказали нѣсколько словъ по-эльзасски; развѣ бретонцы не говорятъ между собой по-бретонски, а жители Прованса по провансальски?

— Я прошу у васъ извиненія, повторилъ молодой человѣкъ. — Я былъ неправъ,—я сознаю это. Вы хорошіе французы.

— Я извиняю васъ, сказалъ Жоржъ, смотря на него пристально:—но сколько вамъ лѣтъ?

— Восемнадцать.

— Хорошо, идите-же туда, гдѣ ваше мѣсто и докажите, что вы такой-же хорошій французъ, какъ и мы. Въ Эльзасѣ вы не найдете ни одного молодого человѣка. Вы понимаете, что я хочу сказать?

Всѣ слушали со вниманіемъ. Молодой человѣкъ молча вышелъ, но когда Жоржъ спросилъ еще бутылку, то хозяйка шепнула ему:

— Вы хорошіе французы; но вы говорили при постороннихъ людяхъ, которыхъ я совсѣмъ не знаю. Лучше уходите.

Жоржъ тотчасъ пришелъ въ себя; онъ положилъ на столъ пятифранковую монету, хозяйка дала ему два франка и пятьдесятъ сантимовъ сдачи, и мы вышли.

— Пойдемъ скорѣе, сказалъ Жоржъ: — гнѣвъ можетъ отнять у человѣка рассудокъ.

И мы пошли по маленькой улицѣ, потомъ по другой, пока не очутились въ открытомъ полѣ. Ночь приближалась: если-бъ мы снова попались въ руки нѣмцамъ, то намъ было-бы хуже прежняго и потому въ эту ночь и на слѣдующій день мы не рѣшались даже входить въ селенія изъ страха быть схваченными и отосланными въ нашъ батальонъ.

Наконецъ вечеромъ второго дня усталость заставила насъ зайти въ огородъ. По времени года было очень холодно; но мы такъ привыкли къ лишениямъ, что уснули у забора на рогожѣ, какъ въ покойной постели. Вставши утромъ съ зарей, мы замѣтили, что покрыты инеемъ, а Жоржъ, взглядываясь въ даль, спросилъ:

— Христіанъ, узнаешь-ли ты эту мѣстность?

Я осмотрѣлся вокругъ себя.

— Да это Шато-Салинь, отвѣчалъ я.

Теперь намъ нечего было болѣе опасаться. Въ Шато-Салинь жилъ нашъ старый родственникъ Дежарденъ, первый красильщикъ во всей провинціи. Мой дѣдъ и дѣдъ Дежардена женились передъ первой революціей на двухъ родныхъ сестрахъ. Хотя Дежарденъ былъ лютеранинъ и даже кальвинистъ, а мы католики, но не смотря на это, мы любили другъ друга, какъ близкіе родные.

(Продолженіе будетъ.)

ВЪ ИЗГНАНІИ.

(Изъ Гейне.)

Мнѣ не то, чтобы дурно въ изгнаньи жилось,
А межъ тѣмъ былъ пробѣлъ въ моей жизни,
Чувство странное сердце томилъ мое:
Заболѣлъ я тоской по отчизнѣ.

Воздухъ Франціи прежде меня освѣжалъ,
Но потомъ, въ немъ боясь задохнуться,
Я далъ волю желаніямъ жгучимъ моимъ,
Къ милымъ нѣмцамъ рѣшился вернуться.

Тосковалъ я по нашимъ полямъ торфянымъ,
По родному, табачному дыму .
И въ изгнаньи о родинѣ тайную грусть
Я носилъ, какъ тяжелую схиму.

Я не спалъ по ночамъ и не разъ вспоминалъ
О старухѣ, вздыхая глубоко,
Что жила у плотины у самыхъ воротъ;
Тутъ же Лотхенъ жила недалеко.

Я вздыхалъ и о старомъ сосѣдѣ моемъ;
Онъ журилъ меня сильно, бывало,
Но подь часъ и въ обиду давать не любилъ,
И меня его ласка смиряла.

Я хотѣлъ бы опять отъ него услышать:
,Эй, побойся, шалунъ, наказанья!^а
Словно музыка, въ сердцѣ моемъ съ давнихъ поръ
Отзывается то восселицанье.

Тосковалъ я о жирныхъ своихъ землякахъ,
И о нѣмкахъ унылыхъ и тощихъ,

И о ниже-саксонскихъ родныхъ соловьяхъ,
О таинственныхъ, буковыхъ рощахъ.

Я скучалъ о мѣстахъ, вѣчно-памятныхъ мнѣ,
Этихъ станціяхъ прошлыхъ страданій,
Гдѣ влачили на себѣ я терновый вѣнокъ
И Крестъ юности несъ безъ роптаній.

Мнѣ поплакать хотѣлось по старому тамъ,
Гдѣ я лилъ прежде горкія слезы...
Вѣроятно, любовью къ отчизнѣ зовутъ
Тѣ безумно-тоскливыя грезы.

Въ этомъ я неохотно всегда сознаюсь,
Ту любовь за болѣзнь признавая;
Я стыдливо касаюсь до собственныхъ ранъ,
Ихъ отъ глазъ постороннихъ скрывая.

Миѣ противна та сволочь, которая всѣмъ,
Изъ за разныхъ позорныхъ подачекъ,
На показъ выставляетъ къ Германцамъ любовь
Виѣстѣ съ язвами гнойныхъ болячекъ.

Эти грязныя нищіе рады вездѣ
Подаанья просить, Христа ради—
Популярности жалкой на шару грошей,
Пресмыкаясь у Менцеля въ стадѣ.

Д. Шмидтъ.

ГАЗЕТНАЯ ПРЕССА ВЪ АНГЛИИ.

(The Newspaper Press, its Origin, Progress and Present Position. By James Grant. 2 volumes. London. 1871.)

I.

Періодическая печать — одно изъ величайшихъ созданий новейшей цивилизаціи, одинъ изъ главныхъ двигателей всемірнаго прогресса. Она просвѣщаетъ массы, возбуждаетъ и поддерживаетъ ихъ мыслительную дѣятельность, объединяетъ партіи и народы, дѣлаетъ читателя участникомъ и свидѣтелемъ всемірной человѣческой жизни и дѣятельности. Всѣ отправленія народной жизни тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ журналистикой и газета служатъ такому-же потребностямъ образованнаго человѣка, какъ пища и воздухъ. Недавно въ прусскомъ парламентѣ, по поводу конфискаціи нумеровъ нѣсколькихъ берлинскихъ газетъ, одинъ депутатъ совершенно основательно замѣтилъ, что по отношенію къ читателямъ конфискація точно такое-же тяжелое лишеніе, какъ отнятіе обѣда или завтрака. Торговля, промышленность, наука, искусство, политика—все это въ настоящее время живетъ и дышетъ журналами, которые служатъ такими-же необходимыми органами общественнаго тѣла, какъ глаза, уши и языкъ въ отдѣльномъ организмѣ. Трудно представить себѣ, какой беспорядокъ, какой хаосъ, какое смятеніе водворилось-бы на землѣ, если-бы какимъ-нибудь чудеснымъ образомъ прекратились вдругъ всѣ газеты и журналы!

Само собою понятно, что наши слова относятся къ періодической печати цѣлаго міра и въ особенности къ журналамъ пе-

редовыхъ, и развитыхъ странъ. Народы варварскіе- и невѣжественные живутъ безъ журналистики. Однообразная, столчая, какъ болото, ихъ жизнь, не нуждается въ періодической печати, какъ мертвый не нуждается въ живыхъ впечатлѣніяхъ. Интересы такой жизни такъ ничтожны и мелочны, монотонный и рутинный ходъ ея такъ медленно и апатично совершается, что общество мало или вовсе не интересуется настоящимъ, всего менѣе всматривается въ будущее и, обыкновенно, живетъ однимъ прошедшимъ... Въ Китаѣ, гдѣ уже около двухъ тысячъ лѣтъ издается придворная пекинская газета, прекращеніе ея не принесло-бы особеннаго вреда населенію и не было-бы большимъ бѣдствіемъ для поднебесной имперіи. Но чѣмъ болѣе развивается народъ, тѣмъ болѣе онъ чувствуетъ настоятельную потребность въ возбужденіи своей мысли, въ наблюденіи событій, совершающихся вокругъ него и въ цѣломъ мірѣ; тѣмъ болѣе періодическая печать становится однимъ изъ существенныхъ отпращеній его жизни, а потому тѣмъ болѣе онъ заботится объ ея благосостояніи и процвѣтаніи.

Характеръ, степень развитія и вліятельности печати вполне соотвѣтствуютъ характеру и степени развитія народа. Въ неподвижномъ Китаѣ существуютъ только однѣ официальные газеты, только одни органы правительства. Въ Римѣ также составлялись „Ежедневные Акты“ (Acta Diurna) о военныхъ дѣлахъ и разсылались въ провинціальныя войска; впоследствии въ нихъ стали помѣщать извѣстія о разныхъ происшествіяхъ въ Римѣ, торжествахъ, правительственныхъ распоряженіяхъ, замѣчательныхъ явленіяхъ природы. Послѣ паденія Рима, періодическія изданія являются впервые въ половинѣ XVI в. въ Венеціи, гдѣ они и получаютъ названіе *газеты*, по имени той мелкой монеты, за которую онѣ продавались. Газеты быстро начали пріобрѣтать такую популярность въ Венеціи, что правительство испугалось ихъ распространенія и долгое время не дозволяло печатать ихъ, а допускало только письменное изданіе. То-же самое было и въ Германіи, гдѣ первыя газеты появились въ эпоху реформаціи и религіозныхъ войнъ. Въ Англіи первыя газеты появляются въ началѣ XVII столѣтія, и большинство ихъ носятъ странныя названія, какъ, напримѣръ: *Шотландскій Голубь*, *Парламентскій Коршунъ*, *Секретная Сова*, *Человѣкъ на Лунѣ* и т. д.

Сначала всѣ эти изданія выходили въ рукописяхъ, и первая печатная газета, *Еженедѣльная Новості*, была основана въ 1622 г. Число этихъ первоначальныхъ газетъ далеко превышало запросъ на нихъ, такъ-что многія изданія жили только втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, даже недѣль; были и такія, которыя прекращались на первомъ-же номерѣ. Вслѣдствіе малочисленности подписчиковъ, журналисты старались ловить ихъ на перебой, и всякая газета вела ожесточенную войну со всѣми другими, осыпая ихъ всевозможною бранью, обвиняя во лжи и превознося до небесъ достовѣрность и интересъ извѣстій, сообщаемыхъ ею. Но недостатокъ подписчиковъ не долго затруднялъ издателей. Запросъ на газеты постепенно возрасталъ и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалось число ихъ. Въ 1660 году въ Лондонѣ издавалось уже до 12 газетъ, а въ 1688 году больше 70.

Первыя газеты удовлетворяли, главнымъ образомъ, обыденному, житейскому любопытству общества, тому любопытству, которое въ нашихъ полудикихъ селахъ и городишкахъ порождаетъ столько сплетень. Въ этихъ изданіяхъ не было ни направленія, ни руководящихъ статей; это были только періодическіе сборники извѣстій, интересныхъ для тогдашняго общества. О характерѣ этихъ извѣстій читатель можетъ судить по слѣдующимъ извлеченіямъ. Въ 1642 году „Морской Меркурій“ сообщалъ „истинный рассказъ о чудесномъ появленіи на рѣкѣ Темзѣ человѣка-рыбы, съ мушкетомъ въ одной рукѣ и съ просьбой въ другой,—рассказъ достовѣрно переданный шестью моряками, которые сами видѣли это чудовище и говорили съ нимъ“. Въ 1653 г. газеты извѣщали о „морской дѣвѣ“, проплывшей мимо Гринвича, и подробно описывали ея наружность. Самыми интересными извѣстіями изъ дѣйствительной жизни были придворныя новости. Еще до появленія газетъ разные лорды и значительные джентльмены имѣли въ Лондонѣ своихъ агентовъ, которые за известное вознагражденіе доставляли имъ ежедневно извѣстія о придворной жизни и правительственной дѣятельности. Газеты были тѣмъ-же для массы публики, чѣмъ были письма упомянутыхъ корреспондентовъ для важныхъ господъ. Но матеріаловъ для наполненія газетныхъ листовъ было такъ мало, что они выходили очень рѣдко и притомъ въ неопредѣленные сроки,

большою частію раза два въ мѣсяць. Если извѣстій не доставало на цѣлый листъ, то для наполненія его печатали главу изъ библіи *). Частныя объявленія появляются еще въ то время, когда газеты выходили въ рукописи. Издатели оставляли въ каждомъ номерѣ пустое мѣсто, на которомъ купившій газету читатель могъ помѣщать свои новости или объявленія, и потому передавать или продавать этотъ номеръ другимъ. Объявленія о газетахъ дѣлались въ такомъ тонѣ: „Если какой-нибудь джентльменъ желаетъ обязать своего корреспондента или друга, живущихъ не въ столицѣ, сообщеніемъ извѣстій объ общественныхъ дѣлахъ, то онъ можетъ получить эти извѣстія за столько-то, тамъ-то и отъ того-то, на листѣ прекрасной бумаги, половина котораго оставлена бѣлою, чтобы на ней можно было писать о своихъ домашнихъ дѣлахъ или сообщать новости дня“.

При тѣхъ сильныхъ умственныхъ и общественныхъ движеніяхъ, которыя въ XVII вѣкѣ совершались въ англійскомъ обществѣ, газеты не могли долго оставаться только однимъ средствомъ для удовлетворенія любопытства. Общество увидало ихъ пользу и постаралось превратить ихъ въ орудія для достиженія своихъ цѣлей. Купцы и промышленники помѣщали въ нихъ объявленія и посредствомъ ихъ привлекали покупателей. Духовенство начало издавать свой органъ, „Церковный Меркурій, или Сіонскія Новости“. Медики основали „Медицинскій Меркурій, Высшее Исцѣленіе для Нашихъ Вольныхъ Временъ“. Появились газеты, специально посвященныя литературѣ и мореплаванію. Люди, стоявшіе во главѣ общественныхъ движеній, вскорѣ-же послѣ перваго появленія газетъ, начали писать въ нихъ о политическихъ сюжетахъ и готовить націю къ тому перевороту, который положилъ основу свободы и величія современной Англій. Таковы были, на примѣръ, Даніель Дефо и Мильтонъ. Гласность, какъ ни была она невинна въ первое время журналь-

---

*) *Times* иногда дѣлаетъ это до сихъ поръ. Во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ, какъ извѣстно, не принято оставлять пустого мѣста на листахъ, и на *затычку*, какъ выражаются типографчики, непременно что-нибудь помѣщается; въ журналахъ большею частію помѣщаются стихи. Въ одной русской газетѣ, редакторъ которой былъ примѣрнымъ дѣланиемъ и никогда не заботился о приготовленіи *затычекъ*, типографія обыкновенно помѣщала на затычку постоянно хранившійся въ ней наборъ замѣтокъ подъ заглавіемъ: «еще ситя, студенное свитью».

ной прессы, и безцеремонныя замѣчанія газетчиковъ о лицахъ и событіяхъ создали юной прессѣ множество враговъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ даже нѣкоторыхъ передовыхъ людей того времени, напимѣръ, Бенъ-Джонсона. Еще болѣе вражды и ненависти къ себѣ возбуждали газеты въ тѣхъ людяхъ и корпораціяхъ, которые считали себя властителями страны, а свои кабинеты — недоступными для обыкновенныхъ смертныхъ святилищами, въ которыхъ они совершали политическія таинства. Правда, что тогдашнія газеты не помѣщали даже извѣстій о засѣданіяхъ парламента и продажность всѣхъ почти безъ исключенія газетчиковъ доходила до послѣднихъ предѣловъ безсовѣстности, но при всемъ томъ, писатели, въ родѣ Мильтона и Дефо, своею неподкупною честностью и своимъ пламеннымъ желаніемъ служить дѣлу англійской свободы постоянно возбуждали противъ себя и противъ журналовъ ожесточенныя правительственныя гоненія. При Кромвелѣ журналистика вздохнула свободно. Но лишь только возсѣлъ на престолъ Карлъ II, какъ не думая долго, однимъ почеркомъ пера уничтожилъ всю періодическую печать и дозволилъ издавать только одну официальную „Лондонскую Газету“, которая сообщала подданнымъ его величества о нѣкоторыхъ иностранныхъ событіяхъ, о пожарахъ, пѣтушьихъ бояхъ, печатала королевскіе манифесты, адреса вѣрноподданныхъ торіевъ и т. п. Изданіе частныхъ газетъ впоследствии было допущено, но не иначе, какъ съ особаго королевскаго разрѣшенія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Періодическая пресса становилась общественною силою и помѣщицье правительство Карла принимало строжайшія мѣры для подавленія этой силы. Газеты были отданы подъ надзоръ журналиста Роджера Летранджа, который долгое время торговалъ либерализмомъ въ своихъ изданіяхъ, былъ горячимъ поборникомъ свободы слова, просидѣлъ шесть лѣтъ въ тюрьмѣ и четыре года въ Ньюгетѣ приговореннымъ къ смертной казни. Перебѣжавъ на сторону реставрированнаго короля и получивъ мѣсто главнаго инспектора надъ періодическими изданіями, онъ объявилъ имъ въ своей газетѣ, что имъ пощады не будетъ. За непозволительную, по его мнѣнію, статью онъ преслѣдовалъ и наказывалъ и автора, и редактора, и поставщика бумаги, и словолитчика, доставившаго шрифтъ, наборщиковъ, кузнецовъ, плотниковъ — всѣхъ, кто по-

средственно или непосредственно участвовалъ въ изданіи и распространеніи газеты. За проступки и преступленія по дѣламъ печати тогда существовали безчеловѣчныя, ужасныя наказанія, какія только могъ выдумать самый безцеремонный деспотизмъ, — смертная казнь, изувѣченіе, тюремное заключеніе, изгнаніе, выставка къ позорному столбу, выставка подъ висѣлицей, наказаніе палками, бичеваніе, каторжная работа въ рудникахъ, штрафы до 10,000 фунтовъ стерлинговъ и т. д. Но Летранджу было мало этихъ наказаній, и онъ измышлялъ новыя!... Несмотря на усиленныя преслѣдованія и жестокія наказанія, во все время реставраціи находилось не мало друзей свободы, которые во имя ея безстрашно подвергались мученіямъ, шли подъ кнутъ, въ тюрьму и подъ висѣлицу, но все-таки не измѣняли своимъ убѣжденіямъ и утверждали въ обществѣ тѣ свободныя традиціи, которыя сдѣлались силой и гордостью англійской печати. Но общее положеніе газетной прессы все-таки сильно ухудшилось. Число лондонскихъ газетъ уменьшилось съ шестидесяти до двадцати. Многія изъ нихъ начали колебаться и прислуживаться, несмотря на то, что такое поведеніе возбуждало въ публикѣ негодованіе. Тонъ газетъ значительно понизился и содержаніе ихъ сдѣлалось далеко не такъ интереснымъ и серьезнымъ, какъ было при Кромвелѣ. Нѣкоторыя извѣстія тогдашнихъ газетъ чрезвычайно характеристичны для общества реставраціи, для этого грубаго, невѣжественнаго, развратнаго общества, старавшагося искоренить послѣдніе остатки англійской свободы. Кулачныя и пѣтушиные бои, постоянные скандалы, драки, грабежи, объявленія Карла II объ отысканіи его украденной собачонки, побои извѣстныхъ писателей, наносимые имъ на улицѣ людьми враждебныхъ имъ партій—вотъ что составляло содержаніе тогдашней прессы. Дѣятельность парламента оставалась тайною для читающей публики. За то личность короля доводилась до апотеоза и газеты не упускали случая извѣщать о чудесныхъ проявленіяхъ той почіющей на немъ божественной силы, которую Карлъ II приписывалъ себѣ, какъ непремѣнную прерогативу. Въмѣстѣ со множествомъ объявленій разныхъ медицинскихъ шарлатановъ, въ газетахъ помѣщались объявленія Карла II, въ которыхъ онъ извѣщалъ своихъ вѣрноподданныхъ, что можетъ исцѣлять ихъ отъ свирѣпствовавшей тогда оспы од-

нимъ только прикосновеніемъ своей королевской руки. Впрочемъ, это дѣлалъ не одинъ Карлъ II, а также и нѣкоторые изъ послѣдующихъ королей. Въ молитвенникѣ, напечатанномъ при королевѣ Аннѣ, англійское духовенство санкціонировало это вѣрованіе въ чудодѣйственную королевскую силу. Даже лучшіе медики того времени посылали толпы своихъ пациентовъ во дворецъ для принятія исцѣленія отъ руки короля.

II.

Втеченіе XVIII и начала XIX вѣка газетная пресса быстро развивается и приобретаетъ то важное значеніе, какое она имѣетъ въ настоящее время. Въ 1702 году появилась первая ежедневная газета. Въ 1753 г. въ Англии, имѣвшей тогда 6,186,336 жителей, выходило въ годъ 7,411,757 номеровъ періодическихъ изданій, а черезъ тридцать лѣтъ это число возрасло до 13,000,000. Распространенность газетъ имѣла сильное воспитательное вліяніе на общество, пропагандируя въ немъ знанія и прогрессивныя идеи, возбуждая мысль и давая ей солидные матеріалы для дѣятельности. Даже завлчатый врагъ журналовъ, д-ръ Джонсонъ, все-таки признавалъ громадное значеніе газетъ и говорилъ, что „эти исторички минуты, презираемые составителями объемистыхъ сочиненій, необходимы для націи. Для насъ, получающихъ новости каждое утро и каждый вечеръ и снабжаемыхъ изо-дня въ день матеріалами для бесѣды, трудно понять, какъ можетъ существовать человекъ безъ газеты или что можетъ интересовать общество въ тѣхъ обширныхъ областяхъ земли, которыя не имѣютъ ни хроникъ, ни магазиновъ, ни газетъ, ни журналовъ, ни вечернихъ почтъ. Всѣ иностранцы замѣчаютъ, что знанія массы народа гораздо выше въ Англии, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ. И этимъ превосходствомъ мы, безъ сомнѣнія, обязаны тѣмъ ручейкамъ знаній, которые непрерывно струятся между нами и изъ которыхъ каждый можетъ пользоваться“. Въ газетахъ участвовали лучшіе писатели своего времени, Стиль, Аддисонъ, Болингброкъ, Свифтъ, Бёркъ, Кольриджъ и др. Исторія газетной прессы этого времени въ высшей степени поучительна. Журналисты съ упорною настойчи-

востью добиваются расширенія сферы дѣятельности для печати и дѣлаютъ ее однимъ изъ главныхъ факторовъ общественнаго прогресса. Они цѣною многихъ усилій получаютъ доступъ въ парламентъ и регулярно начинаютъ извѣщать страну о дѣятельности палатъ, которыя до тѣхъ поръ скрывались отъ общества и съ этою цѣлью даже ввели въ обычай засѣдать по ночамъ. Въ двадцатыхъ годахъ XVIII столѣтія въ газетахъ появляются первыя, очень краткія и сухія извѣстія о засѣданіяхъ парламента. Репортеры передавали эти извѣстія съ такою осторожностью, что не только имена парламентскихъ членовъ обозначали лишь одними начальными буквами, но даже палату лордовъ называли не иначе, какъ *n. l—sz*, а палату общинъ—*n. o—nz!*.. Не смотря на это, парламентъ испугался такой гласности, объявилъ ее въ 1729 г. нарушеніемъ своихъ привилегій и постановилъ подвергать „жесточайшимъ наказаніямъ“ всѣхъ виновныхъ въ обнародованіи извѣстій объ его засѣданіяхъ. Но настойчивое желаніе общества знать о дѣятельности своихъ представителей и правителей было такъ сильно, что для удовлетворенія ему, не смотря ни на какія запрещенія, журналисты постоянно проникали въ залу засѣданій, подслушивали у ея дверей, собирали окольными путями свѣденія о парламентскихъ засѣданіяхъ и удовлетворяли любопытству публики. Парламентъ то и дѣло обращалъ на это вниманіе и угрожалъ тяжкими карами нарушителямъ своей привилегіи засѣдать по ночамъ и измѣнять дѣлу того народа, представителемъ котораго онъ былъ. Редакторъ одного журнала, Кевъ, употребившій всевозможныя уловки, чтобы присутствовать на парламентскихъ засѣданіяхъ или, по крайней мѣрѣ, подслушивать, что говорилось на нихъ, во избѣжаніе отвѣтственности, объяснялъ читателямъ, что передаваемые имъ извѣстія касаются воображаемаго парламента въ странѣ лиллипутовъ. Но въ 1747 г. его и издателя „Лондонскаго Магазина“, Астлей, арестовали и предали суду за обнародованіе дѣла одного лорда, судившагося своими перами по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Кевъ и Астлей, впрочемъ, не особенно пострадали; имъ сдѣлали строгій выговоръ, присудили къ уплатѣ судебныхъ издержекъ, заставили раскаться въ своемъ поведеніи, испросить прощеніе лордовъ и дать обязательство не нарушать впредь парламентской привилегіи. Вскорѣ за тѣмъ оба эти

издателя возобновили свою репортерскую дѣятельность, при чемъ Астлей, говоря о парламентѣ, называлъ его римскимъ сенатомъ и всѣмъ членамъ его давалъ латинскія прозвища. Въ виду подобныхъ дѣйствій журналистики, парламентъ то и дѣло угрожалъ ей „жесточайшими наказаніями“, но на однажды не осмѣлился прибѣгнуть къ жестокости, опасаясь общества, которое ревностно стояло за журнальную гласность. Онъ привлекалъ журналистовъ къ суду, но ограничивался тѣмъ, что дѣлалъ имъ выговоръ, налагалъ денежные штрафы и заставлялъ ихъ испрашивать прощеніе, стоя на колѣняхъ. Палата лордовъ сломъ и рядомъ предавала журналистовъ суду и налагала на нихъ большіе штрафы за то, что они въ своихъ газетахъ дерзали „упоминать имена ея членовъ!“ Но журналисты были безстрашны и честно служили своему дѣлу. Однажды, въ половинѣ прошлаго вѣка, парламентъ вздумалъ-было показать примѣръ строгости на редакторѣ „Лондонской Вечерней Почты“, предалъ его суду и приказалъ арестовать. Но лордъ-мэръ призналъ этотъ арестъ незаконнымъ и освободилъ редактора. Палата общинъ взбѣсилась по поводу такого непризнанія ея власти, и не было тѣхъ ужасныхъ наказаній, которыми бы не угрожали лорду-мэру члены ея во время продолжительныхъ и бурныхъ преній, возбужденныхъ этимъ казусомъ. Но въ концѣ концовъ палата все-таки вынуждена была покориться общественному мнѣнію, и газетная публикація парламентскихъ преній была допущена безусловно и навсегда, хотя и не санкціонирована положительнымъ закономъ.

Тѣмъ-же путемъ многолѣтней упорной борьбы англійская журналистика завоевала себѣ и всѣ другія льготы. Мы уже говорили, что съ самаго начала реставраціи прессу старались запугать, обезсилить и, что еще хуже, обезсмыслить посредствомъ жестокихъ наказаній. Эта суровая опека, эти преслѣдованія позорятъ собою почти всю исторію XVIII вѣка. Сколько выстрадалъ за свои сатиры и политическія статьи одинъ только Дефо; его бросали въ тюрьму, его съ веревкою на шеѣ выставляли къ позорному столбу, но, сидя въ тюрьмѣ, онъ составлялъ новые памфлеты, а стоя у позорнаго столба, задумывалъ новыя сатиры. Еще болѣе, чѣмъ Дефо, вынесъ наказаній редакторъ „Наблюдателя“, Джонъ Тетчинъ. Извѣстный своими жестокостями и злодѣяніями судья Джефрейсъ

приговорилъ его за статью о Монмутѣ къ бичеванію въ нѣсколькихъ городахъ западной Англїи. Наказаніе было столь ужасно, что Тѣтчинъ предпочиталъ ему смертную казнь; но напрасно умолялъ онъ Джефрейза разомъ покончить съ нимъ, отославъ на висѣлицу; его нещадно сѣкли въ нѣсколькихъ городахъ западной Англїи. Извѣстный Стиль за двѣ „возмутительныя“ газетныя статьи, въ которыхъ онъ „изображалъ въ превратномъ видѣ характеръ ея величества и нападалъ на поведеніе администраціи“, былъ присужденъ къ позорному изгнанію изъ палаты общинъ. Впослѣдствїи тому-же наказанію былъ подвергнутъ депутатъ Уильксъ, который въ „Сѣверномъ Британцѣ“ за 1763 годъ смѣло напалъ на все тогдашнее правительство. Издатель, типографщикъ и редакторъ газеты были арестованы, но судъ освободилъ Уилькса, признавъ, что членъ парламента не можетъ подлежать аресту за свои памфлеты. Король и продажный олигархическій парламентъ не захотѣли уступить общественному мнѣнію, съ негодованіемъ относившемуся къ преслѣдованію Уилькса; его статьи были сожжены рукою палача, а самъ онъ изгнанъ изъ палаты общинъ и объявленъ лишеннымъ покровительства законовъ. Но графство Мидльсексъ и Лондонъ нѣсколько разъ выбирали его своимъ парламентскимъ депутатомъ, и общественное движеніе, возбужденное его дѣломъ, много содѣйствовало утвержденію независимости англійской печати. Писателей перестали уже сѣчь, уродовать и подвергать другимъ безчеловѣчнымъ наказаніямъ, какъ это было въ XVII и въ началѣ XVIII вѣка. Общество стояло за журналистику и постепенно обезпечивало за нею возможность свободнаго развитія. Нерѣдко случалось, что суды оправдывали писателей отъ самыхъ серьезныхъ обвиненій, возбужденныхъ правительствомъ. Послѣднее постепенно прїучалось къ терпимости, хотя по временамъ развертывало все свои силы для преслѣдованія періодическихъ изданій. Во все царствованіе Георга III политическіе журналы подвергались самымъ ожесточеннымъ, непрерывнымъ гоненіямъ, и не было тогда ни одного смѣлаго и честнаго издателя газеты, который не посидѣлъ-бы въ тюрьмѣ, не заплатилъ-бы штрафа, не испыталъ-бы удовольствія быть привязаннымъ къ позорному столбу. Но преслѣдованія все-таки постепенно слабѣли и окончательно потеряли характеръ насилія послѣ того, какъ въ 1792 г. былъ

утвержденъ предложенный Фоксомъ законъ, предоставлявшій присяжнымъ право рѣшать всѣ вопросы относительно характера и публикаціи преслѣдуемыхъ сочиненій. Общество въ лицѣ своихъ присяжныхъ присвоило себѣ свое законное право судить тѣхъ, которыхъ прежде преслѣдовала власть подѣ предлогомъ общественной безопасности, но для своихъ корыстныхъ корпоративныхъ или личныхъ цѣлей. У официальныхъ враговъ независимой прессы остались въ рукахъ только одни косвенныя средства для ея обузданія, которыми нерѣдко и пользовались съ большимъ успѣхомъ. Такъ, напр., въ началѣ настоящаго столѣтія, газета „Times“, отличавшаяся смѣлостью и независимостью, впродолженіе многихъ лѣтъ подвергалась всевозможнымъ косвеннымъ притѣсненіямъ, какія только могла выдумать тогдашняя администрація.

Къ числу этихъ косвенныхъ средствъ относились налоги, отъ которыхъ англійская журналистика освободилась только въ послѣднее время. Въ 1701 г. каждый номеръ газетъ былъ обложенъ таксою въ 1 пенни, между тѣмъ, какъ большая часть газетъ продавалась по пол-пенни за номеръ; налогъ вдвое превшалъ стоимость облагаемаго предмета! Кромѣ того, за каждое объявленіе, помѣщенное въ газетѣ, ея издатель былъ обязанъ вносить въ казну 1 шиллингъ. Но эта фискальная мѣра возбудила такое неудовольствіе въ обществѣ, что ее принуждены были оставить. Въ 1712 г. газеты, смотря по объему ихъ номеровъ, были подвергнуты налогу отъ пол-пенни до 1 пенни. Налогъ былъ такъ тяжелъ, что многія изданія прекратились тотчасъ-же, а другія вскорѣ. Въ день изданія этого закона Аддисонъ писалъ въ „Зритель“: „сегодня, вѣроятно, многіе превосходные писатели въ послѣдній разъ печатаютъ свои сочиненія. Я боюсь, что только немногіе изъ нашихъ еженедѣльныхъ историковъ могутъ существовать подѣ тяжестью этого налога“, установленнаго для подавленія „бунтовскихъ газетъ“, какъ выразилась королева Анна. Издатели должны были или прекратить всѣ свои журналы, или издавать ихъ безъ штемпеля. Число безштемпельныхъ изданій увеличилось до того, что въ 1743 г. правительство распорядилось хватать и заключать въ тюрьму всѣхъ уличныхъ продавцевъ ихъ, давая 20 шиллинговъ вознагражденія каждому доносчику, который укажетъ полиціи на такого продавца. Боль-

шинство газетъ прекратилось. Эти налоги то понижались, то возвышались, смотря по расположенію правительства къ печати. Въ 1815 г. они были установлены въ размѣрѣ 4 пенсовъ. Но постепенно усиливавшаяся популярность газетъ и быстрое возрастаніе числа подписчиковъ значительно парализовали убійственность налоговъ и цѣль ихъ не была достигнута.

Очень рано въ исторіи газетной прессы умные ретрограды и консерваторы поняли, что съ либеральною печатью успѣшнѣе всего можно бороться посредствомъ печати-же. Это повело къ основанію офиціозныхъ газетъ. Писатели искренно убѣжденные и писатели продажные составили изъ себя консервативно-литературную клянку, исторія которой полна примѣровъ продажности и возмутительныхъ подвиговъ журнальныхъ спекуляторовъ, мѣнявшихъ свои убѣжденія съ каждою переменою въ высшихъ правительственныхъ сферахъ (Grant, I, 154, 156, 161, 212, 315, 350 и др.).

Но ни жестокія наказанія, ни штрафы, ни налоги, ни офиціозная печать не могли остановить развитія прогрессивной, оппозиціонной прессы. Въ самыя тяжкія времена гоненій на журналистику, существовали изданія и печатались статьи вполне либеральныя. Таковъ былъ, напр., въ началѣ XVIII в. „Craftsman“, журналъ, издававшійся Амгерстомъ и имѣвшій до 2,000 подписчиковъ. Въ половинѣ того-же вѣка огромною репутаціей пользовался „Мидльсекскій журналъ“, смѣло и искусно проводившій идеи о всеобщей подачѣ голосовъ, ежегодныхъ парламентахъ и т. д. Недостатка въ подобныхъ газетахъ никогда не было, и, служа постоянно народному дѣлу, онѣ нерѣдко ознаменовывали себя такими дѣйствіями, которыя навсегда останутся въ памяти англичанъ, какъ безсмертные подвиги. Въ 1770 г. Георгъ III выразилъ съ трона порицаніе адресу, который былъ поданъ ему гражданскими властями Лондона. Обиженные этимъ и воодушевленные патріотизмомъ, они составили другой адресъ, въ которомъ просили объ отставкѣ министровъ и распущеніи парламента. Во главѣ городской депутаціи лордъ-мэръ Бекфордъ прочелъ наизусть этотъ адресъ королю. Какъ и слѣдовало ожидать, депутація получила не совсѣмъ-то вѣжливый отказъ. Предчувствуя этотъ отказъ и предугадавъ его содержаніе, редакторъ „Public Advertiser'a, Туэкъ, наставилъ Бекфорда, какъ и что отвѣчать

на него. Но лордъ-мэръ сконфузился, позабылъ приготовленную имъ по мысли Тука рѣчь и не сказалъ ни слова. Встрѣтивъ его возвращающимся съ этой аудіенціи и узнавъ о неудачѣ, Тукъ воскликнулъ: „все-таки ваша рѣчь должна появиться въ газетахъ, и я напишу ее за васъ!“ На завтра-же въ газетахъ была напечатана сильная оппозиціонная рѣчь, которую будто-бы лордъ-мэръ Бекфордъ произнесъ въ отвѣтъ на королевскій отказъ просьбамъ депутаціи. Эта рѣчь имѣла такое важное значеніе, что благодарный Лондонъ воздвигъ въ память Бекфорда прекрасную статую. — Другой примѣръ важнаго общественнаго значенія прессы представляетъ собою слѣдующій случай изъ начала настоящаго столѣтія. Въ Лондонѣ хотѣли выбрать лордъ-мэромъ Альдермана Гармера, собственника одного очень непопулярнаго журнала. Выборъ этотъ навѣрно состоялся-бы, если-бы въ дѣло не вмѣшалась газета „Times“, которая въ цѣломъ рядѣ своихъ передовыхъ статей разъяснила и Лондону, и всей Англіи всю непригодность Гармера и то пагубное вліяніе на общественныя дѣла, какое оказалъ-бы онъ въ качествѣ лорда-мэра. Выборы не состоялись, и „Times“ заслужила всеобщую благодарность за свою энергію и спасительное вліяніе. Случаями, подобными сейчасъ приведеннымъ нами, полна исторія англійской журналистики, которая въ самыя тяжелыя времена не переставала служить обществу, а общество, въ свою очередь, цѣня ея существенныя услуги и понимая ея громадное благотворное значеніе, никогда не отказывало ей въ существенной поддержкѣ. Благодаря такой тѣсной связи періодической прессы съ обществомъ, первая достигла вполне самостоятельнаго, независимаго положенія.

Всѣ эти блага дались не даромъ. Кромѣ официальныхъ преслѣдованій, прежніе журналисты вынесли на своихъ плечахъ столько гнета и несчастій, что невольно изумляешься ихъ стойкости. Общество не сразу привыкло къ гласному газетному слову и каждый газетчикъ возбуждалъ во многихъ страхъ и ненависть, особенно въ томъ случаѣ, если онъ былъ честнымъ человѣкомъ. Писатели и партіи, затронутыя журналистомъ, никогда не прощали ему. Дѣло доходило до личныхъ оскорбленій и уличныхъ побоевъ. Журналисты соперники вызывали его на дуэль и ежедневно осыпали въ своихъ изданіяхъ площадною бранью. Матеріальное положеніе было вообще не блестящее. Старинный изда-

тель нерѣдко совмѣщаль въ своемъ лицѣ обязанности редактора, репортера и типографщика. Сплошь и рядомъ онъ совершенно раззорялся на тѣ процессы, которые начинало противъ него прavitельство.

Нравы журналистовъ прежняго времени вовсе не имѣли той чинной сдержанности, какою они отличаются въ современной Англіи. Полемика ихъ состояла большею частію въ площадной брани. „Дуракъ“, „возель“, „пучеглазая собака“, „пьяница“ — вотъ какими прозвищами они постоянно честили другъ друга. Не щадили и женщинъ. Собственницу „Странствующаго Шпіона“ соперники ея осыпали самою неприличною бранью, говоря, напр., что „ея чистота состоитъ только въ ея бѣлѣ“, что она потаскуха и т. д. Ссоры между писателями возникали иногда изъ-за самыхъ ничтожныхъ причинъ и они доѣзжали другъ друга самыми забавными способами. Кольриджъ, напр., то и дѣло намекалъ на выпавшіе зубы Мэкинтоша и тѣмъ доводилъ послѣдняго до бѣшенства. Подобная полемика довольно часто оканчивалась дуэлями, и ей посвящалось въ газетахъ уже слишкомъ много мѣста, въ ущербъ ихъ серьезному содержанію. Многія изданія, впрочемъ, мало заботились о послѣднемъ, наполняя свои столбцы стихотвореніями или пошлѣйшими извѣстіями о жизни столичной аристократіи. Вотъ нѣсколько подобныхъ выдержекъ изъ газетъ за первые годы настоящаго столѣтія. „Маленькія миссъ Гипсъ, что на Пикадилли, начали учиться на фортепяно. — Новая коляска мистера Даша служить гордостью Лонгъ Акра и завистью Гайдъ-Парка. — Высшему свѣту конечно причинить большую печаль извѣстіе, что мистриссъ Трапсъ порѣзала свой низинецъ. — Второй сынъ лэди Денсъ началъ читать басни Эзопа“ — и т. п. Впрочемъ нужно замѣтить, что лучшія газеты, и въ томъ числѣ „Times“, не только не занимались подобными сплетнями, но даже постоянно подсмѣивались надъ пошлостями британскаго барства и занимались всегда предметами болѣе серьезными, чѣмъ жизнь большихъ господъ.

III.

Въ началѣ настоящаго столѣтія запросъ на газеты такъ увеличился, что нерѣдко не успѣвали печатать достаточнаго коли-

чества экземпляровъ. Усовершенствованіе типографскихъ средствъ сдѣлалось настоятельною необходимостью, и Вальтеры, наследственные издатели „Times“, истратили на это дѣло около 100,000 фунтовъ стерлинговъ. Въ 1814 г. „Times“ уже начала печататься на первомъ станкѣ, вошедшемъ вскорѣ во всеобщее употребленіе. Свобода политической прессы уже водворилась въ жизни, и газетамъ оставалось сбросить съ себя только послѣднее ярмо налоговъ. Началась знаменитая борьба за ихъ отмену,—борьба, начатая не издателями, а публикой, читателями, требованія которыхъ были такъ серьезны и настоятельны, что парламентъ въ 1836 г. вынужденъ былъ понизить штемпельную пошлину съ 4 пенсовъ до 1 пени. Число безштемпельныхъ изданій возросло до того, что съ 1832 по 1834 г. правительство посадило въ тюрьмы не меньше 500 человекъ, виновныхъ въ ихъ продажѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ газетъ, отличавшіяся крайнимъ либерализмомъ, расходились въ количествѣ 100,000 экземпляровъ и возбуждали серьезное безпокойство во всѣхъ консерваторахъ. Особенно замѣчательнымъ изъ этихъ журналовъ былъ „Попечитель Бѣднаго Человѣка“, издававшійся талантливымъ, смѣлымъ и неутомимымъ Гетерингтономъ. Преслѣдованія правительства только увеличивали популяриность и число читателей этого изданія. Вся полиція была поставлена на ноги и рыскала день и ночь по всему Лондону, стараясь захватить Гетерингтона и открыть типографію „Попечителя“. Гетерингтонъ, скрываясь отъ полиціи, печатая и распространяя свою газету, просто издѣвался надъ блюстителями порядка, рассказывалъ по Лондону въ чужихъ костюмахъ и бесѣдовалъ съ полицменами, которымъ было поручено арестовать его. Между тѣмъ „Попечитель“ былъ преданъ суду, и присяжные оправдали его. Подобнымъ-же образомъ распространялись и преслѣдовались больше 700 другихъ безштемпельныхъ радикальныхъ изданій. Лишь только кончилась „эта битва за отмену налоговъ“ (the Battle of the Unstamped), какъ возникли двѣ многочисленныя ассоціаціи, рѣшившіяся преслѣдовать ту-же самую цѣль. Съ 1850 г. это движеніе усиливалось со дня на день, и 4 августа 1853 г. палата общинъ принуждена была отменить пошлину съ газетныхъ объявленій, а въ іюнь 1855 г. былъ уничтоженъ и штемпель-

ный газетный налогъ. Оставался еще налогъ на бумагу, отиѣненный только въ парламентскую сессію 1861 года.

Введеніе парового книгопечатанія и отиѣна налоговъ быстро увеличили число подписчиковъ на журналы. Въ настоящее время „Daily Telegraph“ расходуется ежедневно въ количествѣ 170,000 экземпляровъ, „Standard“ 140,000 экз., „Daily News“ 90,000, „Times“ 70,000, „Echo“ 80,000 и т. д. Въ экстренныхъ случаяхъ расходъ значительно увеличивается; „Times“, напр., раскупается иногда отъ 90 до 110 тысячъ экземпляровъ въ день. Всѣхъ-же ежедневныхъ лондонскихъ журналовъ продается въ годъ больше 150,000,000 экземпляровъ. Особенно интересные нумера выходятъ двумя, даже тремя изданіями въ день.

Изданіе хорошей газеты стоитъ громадныхъ суммъ. На одни только предварительныя рекламы и объявленія о новомъ изданіи затрачивается до 5,000 фунтовъ стерлинговъ. „Times“ на усовершенствованіе своей типографіи издержала до 100,000 фунтовъ. Одна изъ самыхъ распространенныхъ теперь газетъ, „Daily News“, въ первые десять лѣтъ своего изданія понесла убытку не менѣе 200,000 ф. ст., т. е. 1,260,000 руб. сер. Изданіе большихъ газетъ, поэтому, доступно только однимъ капиталистамъ или акціонернымъ компаніямъ. Впрочемъ, недостаточному издателю помогаютъ нерѣдко своими субсидіями лица и корпораціи, считающія его журналъ полезнымъ для своего дѣла. Цѣна газетъ большею частью отъ 2 пенсовъ до 1 пенса, т. е. приблизительно отъ 5 до 2½ коп. за номеръ. Дешевыя газеты стоятъ полпенни. Но низкость цѣны вознаграждается количествомъ подписчиковъ. „Times“, занимающая по своей распространенности въ числѣ ежедневныхъ газетъ четвертое мѣсто, имѣетъ въ годъ валоваго дохода не менѣе 460,000 ф. ст. т. е. около 3,000,000 рублей сер!.. Впрочемъ главный доходъ „Times'a“ исчисляется съ объявленій, которыхъ въ одномъ номерѣ этой газеты помѣщается нерѣдко до 4,000 и болѣе. Свѣденія о количествѣ чистаго дохода, приносимаго „Times'омъ“, всегда составляли секретъ. Другія-же распространенныя газеты даютъ издателямъ чистаго барыша 15, 20, 30 тысячъ фунтовъ стерлинговъ, т. е. почти до 200,000 р. сер. въ годъ.

Первая забота издателя—сдѣлать свою газету популярною и наловить какъ можно больше покупателей. Англійскіе редакто-

ры и издатели мастера на это, но далеко не въ такой степени, какъ ихъ братья по ту сторону Атлантики. Англійскій редакторъ, напр., довольствуется тѣмъ, что объявить въ числѣ статей, содержащихся въ извѣстномъ номерѣ, извѣстіе о какомъ нибудь ужасномъ событіи, напр., объ убійствѣ или несчастіи на желѣзной дорогѣ. Американскій же издатель подберетъ такое множество ужасныхъ происшествій, что можно подумать, что уже близится кончина міра, передъ которою, какъ извѣстно, братья возстанутъ на брата, сынъ на отца и т. д. Англичанинъ ведетъ себя сдержанно и соблюдаетъ приличія даже въ ловлѣ подписчиковъ; американскій же издатель не останавливается ни передъ чѣмъ, чтобы только пустить въ ходъ свою газету. Самая распространенная въ Америкѣ газета, „New York Herald“, была основана Гордономъ Беннетомъ съ капиталомъ во 100 фунтовъ; редакція помѣщалась въ бѣдномъ подвалѣ, въ одномъ изъ самыхъ бѣдныхъ кварталовъ города. Чтобы привлечь на себя вниманіе, Беннетъ началъ въ своей газетѣ осипать постоянною грубѣйшею бранью всѣхъ другихъ издателей; но его газетка была такъ мизерна, а брань такъ пошла, что ни одно изданіе не отвѣчало ему. Беннетъ усилилъ свою руготню и въ то-же время объявилъ, что онъ ни при какихъ обстоятельствахъ не выйдетъ на дуэль. Генераль Веббъ, издатель „Ньюйорскаго Курьера“, встрѣтивъ Беннета на улицѣ, отдулъ его бичомъ. Свидѣтелями этой сцены были только немногіе; но на слѣдующее-же утро публика увидѣла въ объявленіи о содержаніи беннетовской газеты напечатанныя громадными литерами слова: „Мистеръ Джемсъ Гордонъ Беннетъ, публично отдутъ бичомъ“. Въ своемъ отчетѣ объ этомъ событіи, Беннетъ восхвалялъ свое великодушіе, благодаря которому онъ, мужчина сильный и здоровый, не уничтожилъ маленькаго генерала Вебба. Номеръ „Herald'a“ разошелся въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Беннетъ усилилъ свою брань и нападки на редакторовъ, и его газета начала расходиться больше и больше. Черезъ нѣсколько дней было выставлено новое объявленіе: „м-ръ Джемсъ Гордонъ Беннетъ, побитый во второй разъ“. Подписка увеличивалась, а побои, задаваемые редактору, время отъ времени повторялись, о чемъ „Herald“ тотчасъ-же доводилъ до свѣденія публики подъ заглавіемъ: „Еще побои, нанесенные м-ру Гордону Беннету“. Поддѣлываясь подъ всѣ вкусы, угождая

всѣмъ направленіямъ, Беннетъ довелъ число подписчиковъ „Herald'a“ до 100,000 и сдѣлался капиталистомъ.

Въ своихъ отношеніяхъ другъ къ другу издатели и сотрудники англійскихъ газетъ также очень сдержанны. Ихъ полемика никогда не доходитъ до площадныхъ оскорбленій, никогда не ведетъ за собой ни дракъ, ни убійствъ, ни дуэлей, какъ мы это видимъ въ Испаніи, Франціи и особенно въ Америкѣ. Въ Соединенныхъ Штатахъ редакторы разныхъ изданій ведутъ острейшую борьбу между собою не только на бумагѣ, но и при каждой встрѣчѣ. Не проходитъ мѣсяца безъ какого-нибудь серьезнаго казуса, въ родѣ убійства, дуэли, драки. Одинъ статистикъ вычислилъ, что американскіе редакторы чаще умираютъ насильственною смертію, чѣмъ офицеры въ послѣднюю войну Сѣвера съ Югомъ. Вотъ, напр., какъ оканчивали свою жизнь всѣ редакторы виксбургской газеты „Sentinel“. Д-ръ Гогенъ принялъ редакцію „Sentinel'а“ въ 1837 г. имѣлъ дуэль съ издателемъ „Вига“, участвовалъ во многихъ уличныхъ дракахъ, и въ одной изъ нихъ былъ убитъ Адамсомъ. Его помощникъ, Партриджъ, умеръ отъ желтой лихорадки въ 1849 г. Д-ръ Галль, слѣдующій редакторъ, имѣлъ множество дуэлей и на одной изъ нихъ былъ смертельно раненъ. Преемникъ его, Реганъ, былъ убитъ Гаметомъ, редакторомъ „Вига“. Уальтеръ Гибки, участвовавшій въ нѣсколькихъ кулачныхъ бояхъ на улицахъ и получившій нѣсколько ранъ, убилъ д-ра Геклина, и вскорѣ послѣ этого былъ самъ убитъ. Слѣдующій редакторъ, Джонъ Леверингъ, былъ засаженъ въ тюрьму. Его преемникъ, Дженкинсъ, желая стяжать безсмертіе въ уличной дракѣ съ и-ромъ Краббе, былъ убитъ послѣднимъ, который кончилъ свою жизнь точно такимъ-же образомъ. Джонсъ, принявшій послѣ него редакцію, утопился. Преемникъ его, Рай, необузданно предававшійся кулачнымъ боямъ на улицахъ, въ одномъ изъ нихъ былъ убитъ своимъ бухгалтеромъ“.

Въ этомъ отношеніи жизнь англійскихъ издателей и редакторовъ гораздо безопаснѣе и спокойнѣе. Но отношенія редакторовъ къ собственникамъ, или издателямъ журналовъ далеко не завидны. Редакторъ—наемникъ издателя или компаніи издателей, которые сплошь и рядомъ не смыслятъ въ газетномъ дѣлѣ ни уха,

ни рыла. Честному редактору чрезвычайно трудно вести газету какъ слѣдуетъ по его убѣжденіямъ и въ то-же время ладить съ издателемъ. Въ добавокъ къ своимъ непрерывнымъ и хлопотливымъ трудамъ, редакторъ долженъ еще выдерживать постоянныя столкновенія съ хозяиномъ, и, по компетентному свидѣтельству мистера Гранта, положеніе редактора, вслѣдствіе этого до того невыносимо, „что способно сокрушить какую угодно энергію“.

„Я знаю многихъ редакторовъ ежедневныхъ газетъ, которые, находя свое положеніе совершенно нестерпимымъ, искали утѣшенія своихъ печалей въ такомъ неумѣренномъ употребленіи крѣпкихъ напитковъ, что сдѣлались настоящими пьяницами. Я зналъ другихъ, которые, подъ вліяніемъ тѣхъ-же самыхъ причинъ, тронулись въ расудеѣ. Въ одномъ случаѣ дѣло кончилось самоубійствомъ“ (II, 435). Нѣсколько лѣтъ назадъ въ Лондонѣ издавалась обществомъ акціонеровъ газета, посвященная главнымъ образомъ интересамъ того класса, къ которому принадлежали ея хозяева. Чтобы сдѣлать ее болѣе популярною, управлявшій ею комитетъ двѣнадцати „приказалъ“ редактору расширить программу и сдѣлать газету общеприятною. Относительно-же направленія не было дано никакихъ инструкцій, да комитетъ не могъ и дать ихъ, потому-что состоялъ не только изъ джентльменовъ самыхъ разнообразныхъ направленій, но и изъ невѣждъ безъ всякаго направленія. Редакторъ вслѣдствіе этого никакъ не могъ угодить комитету и вынужденъ былъ выдерживать постоянныя непріятныя столкновенія то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ его членовъ. Комитетъ, наконецъ, принялся составлять программу, но вышла одна разногласица, кончившаяся тѣмъ, что редактору было приказано вести газету *во всѣхъ направленіяхъ*, чтобы угодить всѣмъ партіямъ! Сегодня онъ долженъ былъ защищать торіевъ, завтра виговъ, на третій день ораторствовать за дѣло радикальной партіи и т. д. Газета просуществовала послѣ этого не болѣе трехъ мѣсяцевъ.

Изданіе газеты лежитъ главнымъ образомъ на первомъ редакторѣ, который просматриваетъ и сортируетъ статьи, переписывается съ сотрудниками, принимаетъ лицъ имѣющихъ дѣло до редакціи, даетъ тонъ и направленіе всему изданію. Онъ отвѣчаетъ и передъ публикой и передъ издателемъ за все содержаніе газеты, даже за самыя ничтожныя опечатки. Большинство редак-

торовъ ежедневныхъ газетъ такъ завалено работой, что остается въ редакціяхъ почти цѣлый день и ложится спать въ три часа ночи. Среднимъ числомъ редакторъ получаетъ около 1,000 фунтовъ въ годъ.

Каждый редакторъ имѣетъ одного или нѣсколькихъ помощниковъ, которые выбираютъ изъ газетъ болѣе интересныя извѣстія, сокращаютъ, распространяютъ ихъ, пригоняютъ ихъ къ своей точкѣ зрѣнія. Въ этому-же разряду принадлежитъ и иностранный редакторъ, выбирающій и редактирующій иностранныя извѣстія изъ заграничныхъ газетъ, и собиратель театральнаго и музыкальнаго новостей.

Затѣмъ слѣдуютъ корректоры, изъ которыхъ каждый получаетъ отъ 16 до 20 гиней, т.-е. 105 — 132 рублей сер. въ мѣсяцъ. Корректоры—это настоящіе мученики своего дѣла. Круглый годъ они читаютъ корректурные листы съ 7 — 8 часовъ вечера до 3 — 4 утра, читаютъ, ни на минуту не отрываясь отъ дѣла, при газовомъ освѣщеніи, въ душной, жаркой маленькой комнатѣ; большинство изъ черезъ нѣсколько лѣтъ подобной жизни теряетъ здоровье и преждевременно сходить въ могилу. Среднимъ числомъ англійскій корректоръ живетъ только 45 лѣтъ. За малѣйшую просмотрѣнную имъ опечатку или ошибку, онъ можетъ лишиться своего мѣста.

Хотя санитарное положеніе типографскихъ рабочихъ гораздо лучше, чѣмъ положеніе корректоровъ, но жарка и душныя отъ газа комнаты, въ которыхъ работаютъ они, все-таки чрезвычайно вредно отзываются на ихъ здоровьѣ. Главный наборщикъ получаетъ въ мѣсяцъ отъ 20 до 28 гиней, т.-е. 132 — 190 р., остальные—около 80 рублей каждый. Ежедневная газета имѣетъ обыкновенно двѣ паровыя машины, одну изъ нихъ на запасъ, на случай порчи другой.

Наконецъ въ подвалѣ, въ постоянно сырой и душной атмосферѣ живетъ „чортъ“, смачивающій бумагу для типографіи.

Первое мѣсто въ ряду сотрудниковъ принадлежитъ составителямъ передовыхъ статей, плата за которыя достигаетъ иногда до большихъ размѣровъ, особенно въ „Times“. Но самая большая плата получается „спеціальными корреспондентами“, которые посылаются для точнаго и подробнаго собиранія извѣстій о ходѣ войнъ, революцій, важныхъ несчастій на желѣзныхъ дорогахъ и

т. и. Спеціальный корреспондентъ не живетъ на одномъ мѣстѣ, а рыскаетъ всюду; онъ слѣдуетъ за арміей, переѣзжаетъ съ одного поля сраженія на другое, посѣщаетъ лазареты, слѣдитъ за настроеніемъ умовъ въ городахъ и деревняхъ, наблюдаетъ все, что только можетъ увидѣть, проникаетъ во всѣ тайны, какія только можетъ открыть. Жизнь его исполнена опасностей и приключеній. Въ послѣднюю войну спеціальныя корреспонденты то и дѣло подвергались подозрѣніямъ въ шпионствѣ, арестахъ, тюремному заключенію, опасности быть разстрѣлянными. Многіе изъ нихъ были убиты, многіе ранены. Всѣ расходы, какіе только ни сдѣлаетъ спеціальный корреспондентъ на свое содержаніе, путешествіе, собраніе свѣденій, редація принимаетъ на себя, и кромѣ того платитъ ему жалованья отъ 50 до 160 фунтовъ стерлинговъ въ мѣсяць. Во время крымской войны спеціальныя корреспонденціи стоили „Times'у“ до 6,000 фунтовъ стерлинговъ.

За спеціальными корреспондентами слѣдуютъ „собственные корреспонденты“, живущіе въ разныхъ городахъ Европы и Америки и сообщающіе газетамъ свои извѣстія по почтѣ, а въ экстренныхъ случаяхъ по телеграфу. Эти корреспонденты нерѣдко успѣваютъ проникать въ тайны самыхъ важныхъ дѣлъ и оказываютъ обществу чрезвычайныя услуги своими сообщеніями. Такъ, напр., въ 1840 г. парижскій корреспондентъ „Times'а“, О'Рейли открылъ самый важный коммерческій заговоръ, какой только извѣстенъ въ лѣтописяхъ меркантильнаго міра, заговоръ, имѣвшій цѣлью, посредствомъ мошеннической махинаціи, обмануть главныя банкирскія фирмы не менѣе, какъ на 1,000,000 фунтовъ стерлинговъ. Корреспондентъ указалъ всѣ нити заговора и даже имена нѣкоторыхъ соучастниковъ и сдѣлалъ невозможнымъ успѣхъ этого предпріятія. Въ настоящее время богатствомъ важныхъ внутреннихъ извѣстій о разныхъ дѣлахъ церкви и государства, хранимыхъ обыкновенно въ глубочайшемъ секретѣ, особенно отличается газета „Record“. Нерѣдко она немедленно передаетъ даже содержаніе тайныхъ разговоровъ въ кабинетѣ королевы.

Телеграфическія депеши составляютъ первую необходимую принадлежность газеты. Въ важныхъ случаяхъ цѣлыя столбцы газетъ состоятъ изъ одного какого-нибудь извѣстія, переданнаго по телеграфу. Во время послѣдней революціи въ Парижѣ „Daily

News“ получала подробнѣйшія телеграфическія извѣстія о томъ, что дѣлалось во французской столицѣ. Шесть шотландскихъ газетъ имѣютъ свои собственныя телеграфическія проволоки, соединяющія съ Лондономъ ихъ редакціи. Въ одну изъ послѣднихъ сессій парламента эднбургскій „Scotsman“ въ одну ночь получилъ по телеграфу полный отчетъ о парламентскомъ засѣданіи и къ утру онъ уже былъ напечатанъ, занявъ 18 столбцовъ убористаго прифта!

Газетные репортеры и стенографы бывають на всѣхъ замѣчательныхъ засѣданіяхъ суда, на торжествахъ и митингахъ, какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціяхъ. Въ прежнее время, когда не было ни телеграфовъ, ни желѣзныхъ дорогъ, для поѣздокъ репортеровъ въ провинцію и обратно большія газеты выставляли по всей дорогѣ свѣжихъ перемѣнныхъ лошадей, для скорѣйшаго полученія репортерскихъ отчетовъ. Иногда съ этими репортерами случаются забавные казусы, напоминающіе собою времена Бенъ-Джонсона, который, репортерствуя въ парламентѣ и передавая на память замѣчательныя рѣчи ораторовъ, обыкновенно самъ сочинялъ ихъ къ выщей славѣ этихъ ораторовъ. Вотъ одна довольно курьезная исторія. Покойный лордъ Пальмерстонъ втеченіе многихъ лѣтъ при своихъ выборахъ депутатомъ отъ Тайвертона встрѣчалъ обыкновенно сильную оппозицію со стороны одного мясника, человека простого, но съ бойкимъ и злымъ языкомъ. Его рѣчи забавляли всю Англію и интересовали ее даже больше, чѣмъ разглагольствованія самого Пальмерстона. Передъ биллемъ о реформѣ три репортера отправились на эти выборы на свой счетъ, надеясь съ барышомъ окунуть издержки посредствомъ своего отчета о рѣчахъ мясника и Пальмерстона. Но мясникъ по болѣзни не явился на выборы, которые, не встрѣтивъ никакой оппозиціи, окончились безъ рѣчей. Пальмерстонъ только поблагодарилъ избирателей за оказанную ему честь и съ двумя своими друзьями удалился въ отель. Митингъ разошелся. Несчастные репортеры были въ отчаяніи: имъ приходилось возвращаться въ Лондонъ безъ отчета. Посоветовавшись между собою, они отправились къ Пальмерстону, тотчасъ-же получили аудіенцію и объяснили ему свое горестное положеніе, прося его помочь имъ въ такомъ несчастіи. Лордъ, съ своей обычной любезностью, спросилъ, чѣмъ-же онъ можетъ служить имъ. — „Не будете-ли вы столь добры, не скажете-ли

теперь какую-нибудь рѣчь“, отвѣчали репортеры. — „Но какъ-же это?.. Вѣдь здѣсь только двое моихъ друзей!“ — „И трое насъ, ваше лордство“, отвѣчали репортеры. — „Хорошо; но о чемъ-же я буду говорить, — я рѣшительно не знаю!“ — Репортеры предложили ему говорить о готовившемся биллѣ реформы. И Пальмерстонъ, еще плохо знакомый съ этимъ вопросомъ, началъ говорить. Говорилъ, говорилъ, — и наговорилъ такую вучу общихъ фразъ, что репортеры остались очень довольны размѣрами своего отчета, который на завтра-же былъ напечатанъ въ газетахъ, которыя тотчасъ-же начали глубокомысленно разсуждать въ своихъ передовыхъ статьяхъ о тайвертонскомъ митингѣ и „замѣчательной“ рѣчи лорда Пальмерстона.

Парламентъ — главное поле дѣятельности репортеровъ, которыхъ каждая газета имѣетъ нѣсколько. У „Times“ 19 парламентскихъ репортеровъ. Репортеръ получаетъ жалованья около 20 фунтовъ въ мѣсяцъ, а работая для двухъ или трехъ газетъ — получаетъ столько-же съ каждой.

Отмѣтки, называемыя Penny-a-Liners, потому-что они прежде получали по пенни за строчку, — собираютъ по городу извѣстія о судебныхъ казусахъ, самоубійствахъ, пожарахъ, митингахъ и всякихъ мало-мальски выдающихся событіяхъ. Отмѣткии цѣлый день рыскаютъ по городу, какъ собака и получаетъ за свои извѣстія 1½ пенса за строчку, а такъ-какъ эти извѣстія передаетъ не въ одну, а въ нѣсколько газетъ, то зарабатываетъ въ мѣсяцъ до 12 фунтовъ. Впрочемъ, плата видоизмѣняется сообразно съ важностью сообщаемыхъ извѣстій. За „Ужасную Катастрофу“, напр., платятъ полгиней, т.-е. 3 р. 30 к. Поэтому отмѣткии и стараются главнымъ образомъ описать какое-нибудь ужасное событіе. Одинъ изъ нихъ, желая раньше всѣхъ своихъ собратьевъ сообщать свѣденія о пожарахъ, поселился въ пожарномъ депо и являлся на каждый пожаръ вмѣстѣ съ пожарной командою. Чтобы не тратить много времени на составленіе отчетовъ, онъ приготовилъ запасъ вариантовъ описаній пожарныхъ случаевъ, оставивъ въ нихъ пробѣлы для обозначенія мѣста пожара, размѣровъ причиненнаго имъ вреда и т. д. Всѣ другіе отмѣткии принуждены были уступить ему монопольную эксплуатацію лондонскихъ пожаровъ.

Таковы организаціи, которыя ежедневно составляютъ и распы-

даютъ по бѣлу-свѣту сотни тысячъ своихъ изданій, о размѣрѣ которыхъ вовсе нельзя судить по величинѣ нашихъ газетъ. Если всѣ строки одного нумера „Times'a“ расположить по одной линіи, то она составила-бы болѣе 494 миль 1,500 ярдовъ; эта линія заняла-бы собою все разстояніе отъ Лондона до Парижа и потомъ обратно отъ Парижа до Кентербери. Что-же касается нравственной силы и вліянія, то наши газетчики должны окончательно ступеваться передъ англійскими. Послѣднихъ мы вовсе не считаемъ ни самоотверженными патріотами, ни безкорыстными служителями идеи; это промышленники, но въ своемъ большинствѣ промышленники честные, которые не мараютъ себя ни литературнымъ шулерствомъ, ни инсинуаціями, ни циническими выходками уличной проститутки. Газета „Times“, напр., никогда не помѣщаетъ у себя объявленій, которыя она считаетъ мошенническими или шарлатанскими. Во время желѣзнодорожной маніи она получала громадныя доходы отъ объявленій по желѣзнодорожнымъ операціямъ; но ничто не могло пошеупить ее, и въ своихъ передовыхъ статьяхъ она постоянно вооружалась противъ этого пагубнаго увлеченія. Во время какого угодно судебного процесса, напр., ни одна англійская газета не позволитъ себѣ никакихъ разсужденій объ этомъ процессѣ, которыя могли-бы въ томъ или другомъ смыслѣ повліять на приговоръ присяжныхъ. Конечно, во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ свободная журналистика Англій представляетъ примѣры безсовѣстной торговли направленіемъ и корыстнаго служенія дѣлу вредныхъ партій, но въ общемъ хорѣ своемъ, по справедливому замѣчанію Гранта, она представляетъ громадную прогрессивную силу, которой „предстоитъ еще много бороться съ невѣжествомъ, суевѣріемъ и варварствомъ, но окончательная побѣда которой несомнѣнна“. Посредствомъ соединенныхъ усилій журналистики и общества, первая умѣла высвободиться изъ тѣхъ тисковъ, въ которыхъ она находилась въ XVII и первой половинѣ XVIII вѣка, она сдѣлалась свободною сама и вмѣстѣ съ тѣмъ встала на стражѣ свободы націи. Свободная англійская пресса — любимое чадо свободнаго народа, который родилъ и воспиталъ его. Независимо отъ всѣхъ другихъ благъ, доставляемыхъ націи періодическою печатью, мы должны указать на непрерывность мирнаго англійскаго прогресса съ тѣхъ поръ, какъ журналистика успѣла утвердиться въ своемъ настоящемъ

положеніи. Благодаря ей главнымъ образомъ, развитіе Англіи идетъ безъ тѣхъ революціонныхъ потрясеній и насильственныхъ кризисовъ, которые такъ часты въ странахъ, не обезпечившихъ за своею прессой и за своею политическою мыслью той полной независимости, которою справедливо гордится Англія...

С. Шашковъ.

РАХМЕДЪ-ИНАКЪ, ВЕКЪ ВААДИНСКІЙ.

ОЧЕРКЪ ПРАВОВЪ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.

I.

Моя палатка стояла въ углу большого двора, обнесеннаго высокою глинобитною стѣною. Густое, раскидистое тутовое дерево свѣсило свои, отягченныя бѣлыми ягодами, вѣтви какъ разъ надъ самою полотняною крышею моего жилища.

Отъ каждаго малѣйшаго сотрясенія: опустится-ли на вѣтви большая птица, пробѣжитъ-ли мохнатая бухарская кошка съ сосѣдняго двора, колыхнетъ-ли ихъ едва замѣтный вѣтеръ, — на туго натянутое полотно сынется цѣлый дождь свѣлаго тутовника, глухо барабана по туго-натянутой, раскрашенной въ азіатскомъ вкусѣ, холстинѣ.

Душно и жарко. Въ воздухѣ стоитъ знойная мгла.

Словно въ дыму, колеблются въ этой тропической мглѣ и плоскія, раскаленныя глиняныя крыши домовъ, и стройныя колонны неподвижныхъ тополей, и тяжелый куполь мечети съ косматымъ гнѣздомъ аиста на самой вершинѣ.

Все живое или спитъ, или бездѣйствуетъ, пріютившись по своимъ, болѣе или менѣе, прохладнымъ уголкамъ; а кому необходимо нужно высунуться на улицу, тотъ вило, словно боясь сдѣлать лишнее движеніе, пробирается по сторонкѣ, придерживаясь скудныхъ полосокъ тѣни. Вонъ движутся какія-то массы; онѣ загородили всю улицу. Монотонно раскачиваются косматыя,

глухія головы съ прорванными ноздрями, уныло гудятъ бубенчики на длинныхъ шеяхъ, колышатся по бокамъ двадцати-пудовые тѣки, сверкая бѣлымъ цвѣтомъ покрывающей ихъ кошмы... Это караванъ изъ Бухары.

Верблюдамъ ничего, ихъ и жара не доводится, но посмотрите на жокаковъ... Вотъ одинъ изъ нихъ: онъ сидитъ на маленькомъ, длинноухомъ осликѣ (по здѣшнему — ишакъ); его босня, растрескавшіяся ноги бороздятъ толстый слой дорожной пыли; растрепалась и сбилась на сторону грязная чалма, липкій потъ струится по смуглой бронзовой кожѣ его библейскаго лица; словно разбитыя параличемъ — висятъ мускулистыя руки, и тяжелая, окованная желѣзомъ плеть (калоча) вотъ вотъ — выскользнетъ изъ онѣмѣлыхъ пальцевъ.

Неслышно, словно тѣни, шмыгнули двѣ, закутанныя съ головою, женскія фигуры. Пронеслась поджарая собака съ жалобнымъ воемъ, поджавъ хвостъ, приподнявъ только-что перебитую ногу. Проѣхалъ и угрюмый акъ-сакаль¹⁾ „Годдай-аллалыкъ“, вызванный по служебному дѣлу начальникомъ катта-курганскаго уѣзда.

Почти безъ всякаго костюма, лежалъ я на своей походной кровати; тутъ-же, около стоялъ большой квадратный табуретъ-столъ на точеныхъ ножкахъ; на немъ блестѣлъ чайный приборъ, а у самой кровати, чтобы недалеко было тянуться, стояла плетеная корзина съ разнообразными сортами винограда — подарокъ моего большого пріятеля катта-курганскаго курбаши (нѣчто въ родѣ полиціймейстера). Чай и фрукты, особенно виноградъ, это одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ противъ расслабляющаго дѣйствія сорока-градуснаго жара; а привычные желудки наши позволяли намъ пользоваться этими средствами до злоупотребленія.

Чу! это что за новость!... Далеко-далеко, — въ массахъ зелени пригородныхъ садовъ, — дребезжитъ казачья труба... Замоляла... Опять... Да, точно... теперь ясно слышно: играютъ „сѣдлатъ“. Что-бы это значило?..

За стѣною топчутъ лошади... Одна, другая, третья... Всад-

¹⁾ Акъ-сакаль — въ буквальный переводъ — бѣлая борода (старшина).

ники остановились у низенькой калитки... Я слышу, какъ они слѣзаютъ съ лошадей... Вотъ кто-то запутался ногою въ стремени и выругался при этомъ. Голосъ знакомый, и поговорка какъ у Генриха четвертаго, только въ классическо-славянскомъ стилѣ.

— Да будетъ вамъ валяться!.. тутъ историческія событія происходятъ, а онъ кейфу предается...

— Здравствуйте, капитанъ, что это васъ взбудоражило?... какія событія?

— Не маловажны, не маловажны... Капитанъ протянулъ руку за чистымъ полотенцемъ, висѣвшимъ на колѣѣ, и съ наслажденіемъ принялся вытирать свою потную лысину.

— Да въ чемъ дѣло? спросилъ я, надѣвая высокіе, походные сапоги...

— Одѣвайтесь и ѣдемъ.

— Кочетковъ! сѣдлатъ! крикнулъ я севозъ холстину палатки своему деньщику.

Въ отвѣтъ на мое воззваніе, Кочетковъ зѣвнулъ на весь дворъ и шархнулся съ кучи свѣжаго клевера, на которой валялся по призмѣру своего господина.

— Вы знаете, кто ѣдетъ? говорилъ капитанъ, выплевывая виноградныя косточки. — Сейчасъ получено извѣстіе. Самъ знаменитый Рахмедъ-инакъ. Онъ верстахъ въ десяти отсюда, въ кишлакѣ (деревнѣ) остановился передѣваться и сюда прислалъ сказать... Я былъ убѣжденъ, что вамъ пріятно будетъ сѣдлатъ эту экскурсію... Мы сейчасъ ѣдемъ къ нему на встрѣчу... По дорогѣ я велѣлъ казачьей сотнѣ готовиться. Мы, знаете, устроимъ ему нѣчто въ родѣ почетнаго караула. Прибѣгая къ здѣшнимъ нравамъ, не мѣшаетъ обставлятъ все это нѣкоторой торжественностью, такъ, что называется, съ помпозю.— Это весьма и весьма помогаетъ, ораторствовалъ капитанъ, пока я одѣвался. Онъ занималъ довольно важный постъ — помощника начальника отдѣла и всѣ политическія явленія и событія, возникающія у нашихъ ближайшихъ сосѣдей, тотчасъ-же становились ему извѣстны, благодаря цѣлой живой сѣти вѣстовщиковъ, рассыпанныхъ во всѣхъ слояхъ общества. Устройство этой замысловатой махинаціи было, большею частью, дѣломъ самаго хитраго и талантливаго политика-капитана.

Я уже былъ совсѣмъ готовъ и нацѣпилъ на себя оружіе, безъ котораго мы не выходили и не выѣзжали никуда, когда звонкое, веселое ржаніе моего „Орлика“ дало знать, что „Кочетковъ“ исполнилъ уже возложенное на него порученіе.

Мы всѣ трое, т. е. я, капитанъ и его переводчикъ, черно-мазый офицеръ, не то башкиръ, не то киргизъ родомъ, вышли изъ палатки и направились къ калиткѣ двора.

Четыре конвойные казака-оренбургца перебранивались съ коренастымъ линейцемъ, который ожесточенно полоскалъ въ стол-чѣй лужѣ свои истасканные, покрытые заплатами панталоны. При нашемъ появленіи, казаки замолчали и засуетились у лошадей, а линейецъ, стоя безъ штановъ и засучивъ рубаху у пояса, преважно поднялъ руку къ тому мѣсту головы, гдѣ долженъ-бы былъ находиться козырекъ его кепи, еслибы оно было на головѣ, а не въ зубахъ косматой собаченки, служившій на заднихъ лапкахъ тутъ-же не близости.

— А еще, говорятъ, что наши линейные батальоны совсѣмъ утратили дисциплину, шепнулъ мнѣ на ухо капитанъ: — откозырялъ намъ, оказалъ почетъ, — значитъ, свое дѣло знаетъ.

Сѣли на лошадей и поѣхали.

Сперва дорога шла длинною, узкою улицю. Низенькія, сѣрыя стѣны сакель разнообразились только запертыми воротами и калитками; оконъ не было ни одного, потому-что и вообще у азіятскихъ жилищъ не имѣется оконъ, а если и есть что-нибудь замѣняющее ихъ, такъ оно расположено на внутреннихъ фасадахъ, а на улицу выходятъ сплошныя, однообразныя стѣны надворныхъ построекъ — конюшенъ и тому подобнаго.

На нѣкоторыхъ разстояніяхъ тянулись поперекъ улицы ряды крупныхъ сѣрыхъ камней, разложенныхъ на шагъ одинъ отъ другого; въ дождливое время, когда въ густой грязи немощенныхъ улицъ проваливаются по брюхо лошади, вязнуть длинноногіе верблюды и тонуть несчастные ишаки, — по этимъ камнямъ только и можно перейти съ одной стороны улицы на другую.

Въ одномъ мѣстѣ — двуколесная арба загородила намъ всю дорогу. Кое-какъ, подобравъ на сѣдло ноги, протискались мы между стѣной и высокимъ колесомъ повозки.

— Вотъ это, дѣйствительно, можно назвать узкою улицю,

замѣтилъ капитанъ.—А то, говорятъ, что наша Москва этимъ отличается, а тамъ, сколько я помню, два извозчика довольно свободно разѣзжаются. Терпѣть не могу клеветы...

Стой! дальше ѣхать было невозможно: нѣсколько арбъ съ клеверомъ загородили весь проѣздъ окончательно. Лошади были выпряжены и стояли тутъ-же, привязанныя у колесъ; хозяева ушли отдыхать.

Какая-то, едва замѣтная щель виднѣлась направо. Одинъ изъ казаковъ сказалъ, что тутъ можно, прямо черезъ дворъ мечети, проѣхать къ базару. Мы свернули и направились, гуськомъ другъ за другомъ, къ этой спасительной щели. Сперва казакъ нырнулъ въ нее, за нимъ я, за мною капитанъ и т. д. Тѣсно, но ѣхать можно... а что если назадъ придется вернуться?—было-бы совсѣмъ скверно, потому что повернуть лошадь не предстояло ни малѣйшей возможности.

Минуты черезъ полторы, мы выбрались на просторъ. Это былъ дворъ мечети. Посрединѣ, между четырьмя столѣтними, раскидистыми карагачами зеленѣлъ покрытый плесенью четырехугольный прудъ; въ тѣни копошилось и нырало нѣсколько хохлатыхъ утокъ. Двѣ собаки встрѣтили насъ оглушительнымъ лаемъ, прыгая по крышамъ, на одномъ уровнѣ съ нашими головами.

Вокругъ мечети тянулся навѣсъ, поддерживаемый рѣзными колоннами; потолокъ этого навѣса и самыя колонки были ярко и необыкновенно раскрашены въ видѣ кашемирской шали, кое-гдѣ виднѣлась полинная позолота. Нѣсколько узкихъ дверей вело во внутренность мечети; надъ каждою дверью было рѣшетчатое окно, затянутое красной тканью, что производило странный фантастическій свѣтъ внутри зданія.

Въ тѣни этого навѣса, на тонкихъ плетенкахъ валялись въ разнообразныхъ позахъ отдыхающіе правовѣрные. Нѣкоторые поднимались при нашемъ приближеніи и произнесли обычное „Аманъ“, другіе же сохраняли полную безмятежность. Одинъ сѣдобородный мулла спросилъ у переводчика, „куда идетъ начальникъ въ такую жаркую пору“—тотъ отвѣтилъ и старикъ совершенно удовольствовался.

Изъ воротъ мечети мы выѣхали на относительно широкую улицу, ведущую къ Пеншамбинскимъ воротамъ, почти у самаго большого катта-курганскаго базара.

Справа и слѣва тянулись лавки евреевъ-красильщиковъ; подъ навѣсами сидѣли сами хозяева, раскладывая показистѣй цѣлыя вороха цвѣтнаго шелка. Руки у всѣхъ были яркаго синяго цвѣта почти по локти. Причиною этого необыкновеннаго цвѣта кожи — то обстоятельство, что красильщики преимущественно возятся съ индиго, самую употребительнѣйшую краскою и руки ихъ до того пропитались этимъ веществомъ, что какъ-бы ни мыли ихъ, онѣ не принимали уже первобытнаго вида. Я самъ видѣлъ, какъ еврей, въ доказательство чистоты своихъ рукъ, полоскалъ ихъ нѣсколько минутъ въ чашеѣ съ чистою водою и вода не окрасилась ни капли. Только времененъ могутъ постепенно отмыться эти вѣчно-работчія руки, но почти каждый день приходится подновлять и подновлять ихъ окраску и съ этимъ обстоятельствомъ всѣ давно уже примирились. При нашемъ проѣздѣ евреи всѣ вставали, низко кланялись и провожали насъ всевозможными ласкательными привѣтствіями, улыбаясь при этомъ своею красивой, добродушной улыбкой. Какая громадная разница между ними и ихъ европейскими собратьями: это именно тѣ древніе іудеи, не искаженные дальнѣйшимъ ходомъ бытовыхъ и историческихъ событій.

Проѣхали и мимо индѣйскаго караванъ-сарая. Нѣсколько индусовъ, расположившись въ воротахъ зданія, вели между собою оживленный разговоръ, сильно жестикулируя руками и вслѣдъ тѣломъ. Смуглые, черноглазые, съ курчавыми, черными какъ смоль волосами, въ маленькихъ темно-синихъ шапочкахъ, въ красныхъ панталонахъ въ обтяжку, съ яркимъ изображеніемъ пламени посрединѣ лба, съ ослѣпительно-сверкающими бѣлыми зубами — эти вертлявые, вѣчно двигающіяся фигуры производили поразительный контрастъ съ величавою, спокойною наружностью мусульманъ.

Когда мы поровнялись съ воротами караванъ-сарая, то замѣтили на дворѣ нѣсколько осѣдланныхъ лошадей: это было уже нововведеніе. До прихода русскихъ не-мусульмане не смѣли показываться на улицахъ верхомъ на лошадяхъ. Лошади считались слишкомъ благородными животными, чтобы позволить садиться на нихъ, въ присутствіи правовѣрныхъ, такимъ нечестивцамъ, какъ евреи и индѣйцы. Съ нашимъ появленіемъ, права нѣсколько уравнились, и прижатые и угнетенные вздохнули сво-

боднѣ. Это, конечно, не всѣмъ нравилось; находились недовольные, но что-же дѣлать! съ силою обстоятельствомъ, волею неволею, надо было примириться, тѣмъ болѣе, что евреи и индѣйцы съ необыкновеннымъ тактомъ начали пользоваться предложенными имъ благами, стараясь не оскорблять религіознаго чувства большинства населенія рѣзкимъ нарушеніемъ привычныхъ для него порядковъ. Случалось даже (какъ было въ Самаркандѣ), что евреи вовсе не пользовались наружными признаками равноправности, боясь за своихъ единовѣрцевъ въ Бухарѣ, которые могли-бы жестоко поплатиться за политическую безтактность своихъ счастливыхъ собратій.

Разнообразный, приятный запахъ спѣлыхъ фруктовъ, преимущественно дынь, далъ знать о томъ, что мы приближались къ Пеншамбинскимъ воротамъ, у которыхъ расположены палатки и навѣсы фруктоваго базара. Цѣлыя горы ранжевыхъ абрикосовъ (урюку) прѣли на солнцѣ, распространяя вокругъ себя ароматы, которые сейчасъ-же смѣшивались съ свѣжимъ запахомъ конскаго навоза, ибо десятки лошадей и ословъ, привезшихъ этотъ сладкій товаръ изъ окрестныхъ садовъ, стояли поблизости, въ общей кучѣ, отмахиваясь хвостами отъ мириадъ докучливыхъ, больно кусающихся мухъ.

Подъ навѣсами, въ защитѣ отъ солнца, стояли корзинки съ болѣе цѣнными, отборными плодами; на веревкахъ, подъ крышами были развѣшаны нѣжные сорта винограда, которые, безъ этой предохранительной мѣры, могли-бы погибнуть отъ своей собственной тяжести. Продавцы фруктовъ были всѣ безъ исключенія мусульмане *).

Запахъ фруктовъ смѣнился ѣдкимъ чадохъ подгорѣлаго сала. Въ особо устроенныхъ печахъ были плотно вмазаны котлы чудовищныхъ размѣровъ; въ нихъ парился, прикрытый сверху толстой холстиной, національный азіятскій пловъ, слишкомъ из-

*) Чтобы дать понятіе о поразительной дешевизнѣ, царствовавшей на этомъ соблазнительномъ базарѣ, я приведу слѣдующій короткій перечень цѣнъ.

Дыни — отъ 1 до 6 копеекъ штука (максимумъ).

Персики — отъ гривенника до тридцати коп. за сотню.

Абрикосы — гривенникъ довольно большаго корзина (считать не стоить).

Виноградъ — до сорока копеекъ за пудъ.

Вотъ-бы этотъ прейскурантъ да въ Милютини лавки!

вѣстный всѣмъ, чтобы его описывать. Полуголый, скуластый, весь мокрый отъ пота, китай-кинчакъ наблюдалъ за другими котлами, гдѣ, шиня и скворча на всевозможные лады, жарилось мелко нарубленное баранье мясо. Подъ сосѣднимъ навѣсомъ, другой такой-же поваръ жарилъ въ кунжутномъ маслѣ распластанные ломти сомовины и другой рыбы. Нѣсколько поодаль, въ болѣе опрятныхъ помѣщеніяхъ, приготовлялись пельмени на паровыхъ рѣшеткахъ; а подъ двумя тополями, въ сторонкѣ, видѣлись ульеобразныя глиняныя печи, въ которыхъ пеклись плоскія лепешки и маленькіе, твердые какъ камень, хлѣбцы на бараньемъ салѣ. Поблизости отъ этого запаса всякой снѣди расположены были чайныя лавочки, гдѣ кипѣли наши родные, россійскіе самовары тульского издѣлія. Красивыя мальчики возились около нихъ, приготовляя кальяны для отдыхающихъ на коврахъ и войлокахъ посѣтителей. Красныя халатники этихъ бойкихъ прислужниковъ тамъ и сямъ мелькали, отражаясь въ яркой мѣди самоваровъ. Почти у самой дороги, прикрывъ бритую голову полою халата и не заботясь объ остальномъ тѣлѣ, хранилъ таджикъ. Гдѣ-то за изгородью, произительно ревѣлъ обжженный чѣмъ-то иннакъ.

Проѣхали мимо десятка законченныхъ кузницъ, гдѣ, за немѣннемъ работы, дремали кузнецы у своихъ потухшихъ горнилъ. Въ одномъ только мѣстѣ возились съ какой-то упрямой клячей, нехотѣвшей давать на истязаніе одну изъ разбитыхъ ногъ. Вотъ пришлось переѣзжать черезъ „Нур-пай“ рѣчку, дающую жизнь всему „Катта-кургану“. Влѣво отъ насъ издавало мѣзмы залитое кровью мѣсто, отведенное для бойни скота, тутъ-же торчали покачнувшіеся остатки прежней висѣлицы, впрочемъ, весьма недавно сослужившей свою послѣднюю службу. Цѣлыя ряды большихъ и малыхъ глиняныхъ сосудовъ, еще непросохшихъ, только-что слѣвленныхъ, стояли и сушились на солнцѣ, въ ожиданіи обжиги: здѣсь была фабрика глиняныхъ издѣлій, работающая чуть-ли не на весь околодокъ.

Мы спустились подъ горку, мимо водяной мельницы, перебрались, черезъ дребезжащій подъ конскими ногами, живой мостикъ, и выбрались совершенно за городъ. Сады стали попадаться все чаще и чаще, воздухъ становился свѣжѣе и отно-

сительно прохладѣе. Придерживаясь одной стороны дороги, мы почти все время ѣхали въ сплошной, пріятной тѣни густыхъ деревьевъ. За высокими стѣнами слышались женскіе и дѣтскіе голоса; съвозъ щели сверкали любопытные глаза. Повременамъ, на вершинѣ стѣны показывались заутанные фигуры и мгновенно исчезали, едва только кто-нибудь изъ насъ обертывался, подстрекаемый любопытствомъ.

Дорога была пуста, и намъ почти никого не попадалось на встрѣчу.

Влѣво отъ дороги, подъ тѣнью сплошной группы карагачей, раскинулась чрезвычайно заманчивая, зеленая лужайка. Противъ нея, на самомъ припекѣ, возвышался насыпной курганъ, вершина котораго была увѣнчана грудой камней, сложенныхъ съ нѣкоторой претензіей на сооруженіе. Между камнями были зажаты длинные шесты, украшенные конскими хвостами, металлическими, пустыми внутри, шарами и разноцвѣтными тряпками. Это была могила какого-то, довольно чтимаго, святого.

Этотъ пунктъ избранъ былъ нами для встрѣчи знаменитаго гостя; а впередъ по дорогѣ были посланы два казака, чтобы во-время предупредить насъ о приближеніи Рахмедъ-инака.

Отъ Катта-куртана, по той-же дорогѣ, по которой пріѣхали и мы, неслоя цѣлое облако пыли; въ немъ сверкали стволы казачьихъ винтовокъ, мелькали бѣлыя рубашки и, выше всего, развѣвалось красное полотно сотеннаго значка. Это насъ догоняла казачья сотня, выступившая для почета на встрѣчу. Поравнявшись съ нами, казаки выстроились въ сторонѣ отъ дороги и сошли съ лошадей.

Лѣтъ десять тому назадъ, когда бухарское ханство было во всемъ блескѣ своего существованія и съ именемъ эмира соединялось понятіе о чемъ-то весьма сильномъ и могущественномъ, Рахмедъ, не смотря на свою молодость, пользовался почти неограниченнымъ довѣріемъ деспотическаго владыки. Онъ и тогда былъ бекомъ въ Заа-динѣ (городъ, лежащемъ верстахъ въ пятидесяти отъ Катта-куртана). Крохъ своего бекства, что очень близко походитъ на наше намѣстничество, только съ болѣе неограниченною, почти верховною властью, Рахмедъ имѣлъ

весьма сильное вліяніе на ходъ общихъ государственныхъ дѣлъ, особенно на все, что касалось внѣшней политики ханства. Рѣдкій изъ его совѣтовъ, высказанныхъ съ необыкновеннымъ тактомъ, не былъ принятъ гордымъ владыкою. Онъ умѣлъ такъ совѣтовать, что казалось, что онъ только ловить на лету и развиваешь мысль, отнюдь не его собственную, а принадлежащую всецѣло высокочтимому, богомъ любимому, ярко-блистательному „Музафаръ-эддину“.

Между прочимъ онъ настаивалъ на необходимости дружескихъ отношеній къ такой сильной сосѣдкѣ, какъ Россія. Онъ умѣлъ доказать, не оскорбляя религіознаго и національнаго чувства, что только съ этими дружественными отношеніями соединены сила и вліяніе Бухары. Онъ всегда съ участіемъ относился ко всемъ русскимъ, попадавшимъ въ Бухару, особенно къ торговымъ людямъ, стараясь покровительствовать пришельцамъ во всемъ, что отъ него зависѣло. И во всемъ ханствѣ только его одного не обманулъ смѣлый Вамбери своимъ передѣваньемъ. Этотъ путешественникъ говоритъ, что когда онъ представлялся Рахмеду, правившему тогда всей Бухарой за отсутствіемъ эмира, онъ не могъ безъ трепета смотрѣть въ глаза пронизательнаго намѣстника, зная, что его тайна разгадана послѣднимъ или, по крайней мѣрѣ, близка къ разгадкѣ.

Когда мы спрашивали Рахмеда-инака (второй титулъ, отвѣчающій титулу главнокомандующаго, былъ данъ ему уже впоследствии), не помнитъ-ли онъ одного хаджи богомольца, очень смуглаго и хромого, приходившаго лѣтъ пять тому назадъ въ Бухару и Самаркандъ?—онъ намъ отвѣчалъ, улыбаясь:

— Хотя много каждый годъ приходитъ всякихъ богомольцевъ къ этимъ святымъ мѣстамъ, но я догадываюсь, о комъ вы меня спрашиваете. Этотъ богомольецъ былъ очень ученый хаджи, гораздо ученѣй прочихъ бухарскихъ мудрецовъ.

Тогда мы ему сказали, что это былъ европеецъ, и показали ему книгу Вамбери, переведа то мѣсто, гдѣ путешественникъ говоритъ о самомъ Рахмедѣ.

— Я это зналъ, говорилъ Рахмедъ, — но я также зналъ, что онъ не вредный человекъ, и не хотѣлъ губить такого ученаго мужа. А муллы были сами виноваты, что не догадывались,

кто находился между ними; вольно-же имъ было залѣплять свои мозги и глаза грязью.

Противъ послѣдней войны Рахмедъ возставалъ всѣми силами, но фанатизмъ тысячъ собравшихся въ Бухару муллъ взялъ перевѣсъ и гибельные результаты этого факта не замедлили обнаружиться во всей своей ужасающей наготѣ. И тутъ Рахмедъ поправилъ, хотя сколько-нибудь, дѣло: почти ему одному обязана Бухара самаркандскимъ миромъ, хотя и весьма невыгоднымъ, но все-таки лучшимъ, чѣмъ полная гибель.

Настоящая поѣздка была предпринята для того, чтобы рѣшить на мѣстѣ запутанный и сложный вопросъ о водѣ, вопросъ, съ которымъ связано существованіе Бухары и всѣхъ городовъ и селъ, лежащихъ ниже по заравнанской долиинѣ.

Ключъ отъ всей этой водной системы находился у самого Самарканда, значить въ нашихъ рукахъ.

Вотъ въ краткихъ словахъ сжатая характеристика этого замѣчательнаго бека, пріѣзда котораго мы ожидали, лежа подъ густой тѣнью и прохлаждался сочной ранжевой днней, которую намъ принесли съ сосѣдняго огорода.

Прискакалъ одинъ казакъ, весь запыленный, лошадь тяжело переводить взмыленные бока. Еще издали онъ кричалъ намъ: „Ѣдетъ! Ѣдетъ!“

Прискакалъ и другой: также кричить: Ѣдетъ! И уже проваживая своего мерина, добавилъ: „недалече будетъ, вонъ за тѣмъ барханомъ...“

Мы сѣли на лошадей и тронулись навстрѣчу, а казачья сотня чинно выстроилась по дорогѣ.

Вдали, на одномъ изъ поворотовъ мы увидали густое облако пыли, выдвигавшееся изъ-за зелени садовъ. Сперва, маленькою рысцою трусили отдѣльные всадники. Всѣ они были при сабляхъ и въ рукахъ держали длинныя, бѣлыя палочки (полицейскій знакъ): это были все джигиты Рахмедъ-инака. Показались и вьючныя лошади, тяжело тянувшіяся на поводахъ, подгоняемыя сзади жгучими ударами плетей. Багажъ долженъ былъ раньше прибыть на мѣсто, и потому всадники видимо спѣшили.

По-парно, сидя на красивыхъ, хотя до нельзя тощихъ, ло-

шадахъ, въ ярко-красныхъ халатахъ и такихъ-же красныхъ чалмахъ, ѳхали красивые, черномазые мальчики — пажи Рахмеда; у всѣхъ въ рукахъ были фитильныя ружья-мултуки съ прикладами, раскрашенными въ голубую, зеленую и желтую краски. Наконецъ показался и самъ Рахмедъ-инакъ, а за нимъ толпа самыхъ разнообразныхъ всадниковъ.

На красивомъ, высокомъ, какъ верблюдъ, гнѣдомъ аргамакъ сидѣлъ знаменитый бекъ, покачиваясь на коротенькихъ стременахъ. Онъ былъ въ свѣтло-лиловомъ шелковомъ халатѣ, затканномъ мелкими серебряными цвѣточками; на головѣ чалма изъ кашемирской шали, съ лѣваго бока — короткая, кривая сабля въ красныхъ бархатныхъ ножнахъ. Вся лошадь была покрыта серебристой, парчевой попоной, отороченной красною, шелковою бахромою; узда и сѣдло сверкали на солнцѣ своими золочеными бляхами и подвѣсками. Свита была одѣта значительно скромнѣе.

Одно изъ правилъ сложнаго азійскаго этикета заключается въ томъ, что при встрѣчѣ младшій долженъ слѣзть съ лошади и тогда уже начать свое привѣтствіе. Зная хорошо это правило, капитанъ еще заранѣе рѣшилъ остаться на лошади, рассчитывая, что и Рахмедъ не будетъ слѣзать, и, такимъ образомъ, званія инака бухарскихъ войскъ и капитана — русскихъ наглядно уравниются, но вышло не такъ, какъ предполагалось.

Едва только мы съѳхались, какъ Рахмедъ взялся за луку сѣдла и нагнулся. Видя, что онъ хочетъ слѣзть и тѣмъ оказать самую утонченную вѣжливость, капитанъ поспѣшилъ спрыгнуть съ лошади и чрезвычайно озадачился, увидавъ, какъ Рахмедъ привѣтствовалъ его съ высоты своего аргамака, придавъ своему первоначальному движенію совсѣмъ иное значеніе: ему просто хотѣлось поправиться на сѣдлѣ.

Но на шутку разсердился капитанъ и говоря черезъ переводчика заученную заранѣе рѣчь, вставилъ фразу: „перехитрилъ, каналья“, замѣтивъ толмачу, что этого переводить не слѣдуетъ. Онъ долго не могъ послѣ забыть этой невинной проѳвлки Рахмедъ-инака.

Когда наша кавалькада поровнялась съ казаками, они гаркнули (Богъ вѣсть по какимъ соображеніямъ): „здравія желаемъ“

ваше превосходительство!...“ Трубачи проиграли какую-то дребедень, и вся сотня тронулась за нами. Вся эта процедура очень понравилась беку.

На базарѣ картина значительно переи́нилась. Вѣсть о приѣздѣ Рахмеда успѣла разлетѣться по городу и множество народу спѣшило со всѣхъ сторонъ встрѣтить приѣзжаго. Собрались и городскіе „акъ-сакалы“. Рахмедъ-инакъ многихъ узнавалъ и особенно съ ними раскланивался. Одного изъ нихъ, сѣдобородаго старца Курбакъ-Амина, онъ спросилъ: какъ правится ему подѣ властью новаго государя? и хитрый старикъ, такъ офиціально и неожиданно спрошенный, растерялся и пытливо смотрѣлъ то на насъ съ капитаномъ, то на бека. Это было очень комично. Наконецъ, онъ оправился и уклончиво отвѣчалъ, что пока еще онъ не видитъ разницы.

Помѣщеніе для гостя было отведено въ домѣ старшаго катта-гурганскаго акъ-сакала. Здѣсь онъ могъ, не стѣняясь, отдохнуть и распоряжаться какъ ему заблагоразсудится въ кругу своихъ старыхъ знакомыхъ; офиціальнѣй же визитъ къ начальнику отдѣла былъ отложенъ до завтра. Это распоряженіе очень понравилось беку; онъ не ожидалъ этого и думалъ, что ему придется попасть сразу въ среду русскихъ, слишкомъ мало ему знакомую.

Весь огромный четверугольный дворъ акъ-сакала былъ защищенъ отъ солнца почти сплошною крышею изъ ковровъ и пестрыхъ палаточныхъ верховъ, натянутыхъ на веревкахъ между деревьями. Лошади и прислуга расположились на первомъ дворѣ, гдѣ всегда и устраиваются стойла для лошадей, а самому беку отведена была небольшая угольная сакля, чисто выбѣленная блестящимъ алебастромъ. У входа этой сакли на возвышеніи разостланы были цвѣтныя скатерти, а на нихъ, на плоскихъ жѣдныхъ блюдахъ и всевозможныхъ подносахъ, разставлены были разнообразныя азійскія лакомства и фрукты.

Всѣ заборы и плоскія крыши, примыкающія къ двору, были заняты толпами зрителей, преимущественно дѣтей; на самыхъ заднихъ планахъ виднѣлись робкія женскія фигуры, пытавшіяся изъ подѣ своихъ безобразныхъ покрывалъ, хотя украдкою, взглянуть на то, что такъ доступно ихъ мужьямъ и братьямъ. Откуда-то изъ-за угла валилъ густой дымъ и пахло саломъ: тамъ

варили неизбѣжный пловъ для прїѣзжихъ, для чего, съ вечера еще были зарѣзаны цѣлыхъ пять барановъ.

Сойдя съ лошадей на первомъ дворѣ, мы вошли подъ навѣсы, гдѣ хозяинъ дома въ своемъ самомъ нарядномъ халатѣ, ожидалъ гостя съ хлѣбомъ и подарками: на подносахъ лежали: голова сахару, нѣсколько кусковъ полосатой полупелкувой матеріи (адрессу), два фунта русскихъ стеариновыхъ свѣчей и бѣлый мерлуцатный халатъ, крытый лиловымъ плисомъ. Обычай подносить подарки при всякомъ, сколько-нибудь подходящемъ случаѣ, сильно вкоренился у всѣхъ азіатскихъ народовъ, тѣмъ болѣе, что это выраженіе уваженія нисколько не убыточно, такъ-какъ съ разнѣномъ любезностей происходитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и разнѣнъ приношеній.

Прежде чѣмъ сѣсть на приготовленное для него мѣсто, Рахмедъ отправился въ саклю и черезъ минуты три вышелъ къ намъ, вытирая полотенцемъ только-что вымытыя руки; онъ даже успѣлъ переобуться и на его ногахъ, вмѣсто походныхъ сапогъ съ высокими острыми каблуками, очутились мягкія, чулкообразныя *ичеи* изъ чернаго сафьяна съ вышивкою. Всѣ мы усѣлись за столъ или, правильнѣе сказать, вокругъ скатертей и принялись прохладяться, не дожидаясь подчиванія хозяина (заставлять хозяина напоминать часто о предложенныхъ блюдахъ весьма неучтиво). Между прохладительными яствами одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимали блюда съ чистымъ снѣгомъ, перемѣшаннымъ съ виноградною патокой и медомъ. Это очень вкусно, немного напоминаетъ неудавшееся мороженое. Снѣгъ былъ привезенъ изъ далека, верстъ за тридцать, изъ горъ „Акѣ-Тау“.

Рахмедъ велъ все время самый обыкновенный разговоръ, тщательно избѣгая всего, что-бы могло приблизить къ дѣлу—цѣли его поѣздки; рѣчь шла о погодѣ, о сортахъ винограда, о нашихъ русскихъ костюмахъ, о винодѣліи, которое зарождалось въ этомъ краѣ съ нашимъ прибытіемъ и ни слова о водѣ: о послѣдней предполагалось говорить не здѣсь, а въ Самаркандѣ, и говорить съ осторожностью, обдумывая и взвѣшивая каждое слово, однимъ словомъ—дипломатически.

Когда капитанъ спросилъ бека: не стѣсняемъ-ли мы его и, что, вѣроятно, онъ желалъ-бы отдохнуть послѣ такого труднаго путешествія, то бекъ отвѣчалъ, что такой лестный прїемъ спо-

себѣ заставить забыть всякую усталость, однако нѣсколько разъ посмотрѣлъ на дверь своей сакли, изъ которой манило полумракомъ и прохладю.

Мы поднялись, пожали бѣку руку и направились къ выходу; всѣ остальные гости, по знаку хозяина дома, тоже начали мало-по-малу очищать дворъ.

Когда мы сѣли на лошадей, то къ намъ выбѣжалъ Курбакъ-Аминъ, оставшійся при Рахмедѣ и сообщилъ, что бекъ надѣется видѣть насъ сегодня у него на вечерѣ (томашѣ), который для него дѣлаютъ сборомъ всѣ катта-курганскіе акъ-саклы.

II.

Къ ночи стало прохладнѣе. Темнота быстро наступила послѣ заката солнца и какая темнота—настоящая тропическая, хоть глазъ выколи, а на темномъ, почти черномъ небѣ, ослѣпительно сверкали мириады бриллиантовыхъ звѣздъ. Въ той части города, гдѣ находилось жилище, пріютившее Рахмедъ-инака, пылало красное зарево отъ разложенныхъ костровъ и смоленныхъ факеловъ и глухо гудѣли барабаны; иногда изъ этихъ дробныхъ перекатовъ выносились—то свистящая трель тростниковой флейты, то хриплый ревъ мѣдныхъ трубъ, слышались людскіе, заунывные голоса, вторящіе инструментамъ, и рѣзкое хлопанье въ ладоши: вечеръ (томаша, что значить вообще зрѣлище) начался.

Я пробирался пѣшкомъ по узенькому переулку, спотыкаясь поминутно о камни; впереди меня шелъ Юсунка-джигитъ, освѣщая дорогу большимъ бумажнымъ фонаремъ, въ которомъ пылалъ и чадилъ огарокъ сальной свѣчи домашнего приготовления. Въ цитадели давно уже проиграли вечернюю зорю и на зубчатыхъ стѣнахъ, высоко, высоко, бродили черные силуэты часовыхъ.

Когда я добрелъ до воротъ, то увидѣлъ нѣсколько верховыхъ лошадей, осѣдланныхъ русскими солдатами; значить не одни мы съ капитаномъ получили приглашеніе, прочіе офицеры катта-курганскаго гарнизона удостоились той-же чести.

Толпа была такъ густа, что только при помощи услужливаго Юсунки удалось мнѣ пробраться впередъ.

Вся катта-курганская аристократія, какъ туземцы такъ и пришельцы, была на лицо: былъ и самъ начальникъ отдѣла, были и русскія дамы въ лицахъ жены коменданта, вертлявой маленькой фигурки гальскаго происхожденія и дебелой жены доктора, блиставшей своими декольтированными формами. Я замѣтилъ капитана, кивавшаго мнѣ изъ-за розоваго халата гагдай-аллалыка и пробрался къ нему, раскланявшись съ Рахмедъ-инакомъ.

Самъ виновникъ торжества сидѣлъ на томъ-же мѣстѣ, гдѣ и утромъ, только на немъ не было оружія и вмѣсто тяжелаго костюма на немъ былъ надѣтъ легкій кашемировый халатъ и бѣлая кисейная чалма.

Въ сторонѣ, почти у самой стѣнки, возсѣдали музыканты. Литавры замѣнялись двумя чугунными горшками, затянутыми сверху пузыряремъ; самую видную роль въ оркестрѣ играли бубны, увѣшанные разными побрягушками. Все, что не могли выполнить инструменты, исполнялось горломъ самихъ музыкантовъ; мотивъ все время повторялся одинъ и тотъ-же, то усиливаясь, то затихая; тактъ довольно вѣрно поддерживался ударами въ литавры. Шуму и грому было достаточно, ибо музыкантовъ было человекъ пятнадцать.

Посрединѣ былъ разостланъ громадный тюркменскій коверъ, по угламъ котораго стояли мѣдные подсвѣчники со свѣчами; на этомъ-то коврѣ и происходило представленіе.

Въ углу двора, на высокихъ подмосткахъ, въ громадномъ глиняномъ сосудѣ пылалъ цѣлый костеръ сухихъ, смолистыхъ вѣтокъ, освѣщая всю толпу кровавымъ, волнующимся, пожарнымъ свѣтомъ. Кромѣ того, всюду, гдѣ только можно было прицѣпить, висѣли бумажные фонари разныхъ величинъ и формъ. Иллюминація была великолѣпная! Она не напоминала собою наши рассчитанныя заранѣе иллюминаціи; здѣсь все было случайно, никто ничего не обдумывалъ: позажигали все, что можно было зажечь—и ладно. И какъ эти беспорядочныя волны яркаго свѣта гармонировали съ такими-же беспорядочными звуками! Добавьте ко всему этому разноцвѣтные, просторные халаты, необъятныя чалмы, эффектныя, оживленныя азіятскія лица и вы увидите передъ собою оригинальную картину, въ яркихъ пятнахъ которой полсжигательно терялись наши скромные бѣлые кителя и рубашки нашихъ солдатъ, пробравшихся поглядѣть на занятное представленіе.

Когда я занялъ болѣе или менѣе удобное мѣстечко, на коврѣ находилось два плясуна. Это были мальчики-батчи, лѣтъ по четырнадцати отъ роду; оба они были одѣты въ длинныя красныя рубахи, оба были съ обнаженными ногами. Они плавно двигались по коври, почти не переставляя ногъ, раскачиваясь всѣмъ корпусомъ, выгибаясь змѣею направо и налѣво и бросая на всѣхъ выразительные, лукавыя взгляды своихъ большихъ, черныхъ глазъ. При каждой улыбкѣ сверкали бѣлые, ровные зубы, на тонкихъ шеехъ гремѣли и шелестили нитки разноцвѣтныхъ бусъ.

Сзади за собою я услышалъ интересный разговоръ. Два сарта говорили о нашихъ дамахъ, которыя сидѣли на самыхъ видныхъ мѣстахъ, какъ разъ напротивъ насъ.

— Це-це! эхъ! хороши, говорилъ одинъ.

— Хороши, отвѣчалъ другой и сплюнулъ на сторону: это значитъ, что у него потекли слюнки при видѣ такой прелести.

— А что, у эмира, я думаю, нѣтъ ни одной такой?

— Должно быть нѣтъ...

— Вонъ та, большая, лучше (рѣчь шла о докторшѣ).

— А у той халатъ ужъ очень хорошъ (у нихъ все халатъ).

— Подожди, я посмотрю поближе, произнесъ первый и всталъ.

— Смотри, нагайками вздуютъ.

— За что вздуютъ? я трогать не буду, я только посмотрю.

Я видѣлъ, какъ сартъ, продираясь въ густой толпѣ, обходилъ дворъ съ явнымъ намѣреніемъ подобраться на сколько можно ближе къ завѣтному пункту. Вотъ уже его красная чалма мелькаетъ на противоположной сторонѣ. Я подтолкнулъ капитана, сообщилъ ему вкратцѣ весь разговоръ, и мы принялись слѣдить вмѣстѣ.

Сартъ сперва остановился около жены коменданта, внимательно осматрѣлъ ея безконечный шлейфъ, словно измѣряя его глазами и возвелъ глаза къ небу. Потомъ онъ, оглядываясь по сторонамъ, слегка нагнулся къ шиньону французенки и потянулъ носомъ воздухъ. Я отвернулся и вынулъ платокъ, чтобы замаскировать смѣхъ, который подступалъ къ горлу; капитанъ не удержался и фыркнулъ; конечно, это было отнесено къ фарсамъ плясуновъ, которые, что называется, расходились и отхватывали на пропалую. Затѣмъ любопытный туземецъ принялся разсматривать докторшу, а та, словно нарочно, такъ и изгибалась, такъ и играла своимъ великолѣпнымъ бюстомъ; легкое кисейное платье

волновалось при каждомъ движеніи, обрисовывая роскошныя формы. Внимательно, весь обратившись въ зрѣніе, разсматривалъ сартъ невиданное зрѣлище, глаза его искрились, нижняя губа отвисла, казалось, что вотъ-вотъ онъ не утерпитъ и дотронется до этихъ бѣлыхъ плечъ своими крючковатыми пальцами. Наконецъ, онъ отмахнулся рукою, словно отгоняя искушеніе и началъ проталкиваться обратно. Мы ждали, какъ онъ будетъ сообщать товарищу свои наблюденія.

— Ухъ! едва перевелъ духъ возвратившійся.

— Ну что?

— Нѣтъ, у эмира такихъ нѣтъ, гдѣ ему.

— Я думалъ, тебѣ не сдобровать.

— Нѣтъ! ничего... У этой, у маленькой волосъ сколько на головѣ, Аллахъ! Аллахъ! и всѣ чѣмъ-то посыпаны...

— Какъ думаешь—чѣмъ?

— Сахаромъ должно быть.

— Сахаромъ! удивился тотъ.

— Ну, а у той — такое бѣлое тѣло, что я и не видалъ. Настоящее сало курдючное, такъ и съѣлъ-бы, и какъ хорошо лукомъ нахнетъ...

Тутъ уже ни я, ни капитанъ не выдержали и разразились громкимъ хохотомъ, но и тутъ судьба насъ выручила. Батча сдѣлалъ одно невѣроятное движеніе, заканчивающее всю пляску: онъ вдругъ запрокинулся назадъ и до такой степени выгнулъ спину, что головою почти досталъ до пятокъ; весь его тонкій станъ изображалъ собою сплошной красный обручъ. Немного заревѣла толпа, выражая свое одобреніе, и нашъ хохотъ положительно ступевался въ общемъ гулѣ восторженныхъ голосовъ.

На сцену появился длиннородый старикъ индѣецъ съ длиннымъ краснымъ шестомъ и съ обезьяной за плечами. Держа шестъ совершенно отвѣсно, онъ заставилъ животное лѣзть на его верхушку. Потомъ онъ началъ бросать въ нее грецкими орѣхами, обезьяна хватала ихъ на лету и въ свою очередь швыряла ими въ публику. Затѣмъ она однимъ прыжкомъ очутилась снова на плечахъ у своего хозяина и продѣлала еще нѣсколько довольно извѣстныхъ фокусовъ, послѣ чего, ухвативъ въ лапы высокую шапку индѣйца, заковыляла и стала обходить публику за посильнымъ приношеніемъ.

Толпа разступилась и дала дорогу двумъ атлетамъ въ однихъ только короткихъ панталонахъ; ихъ темное, закомпеченое мускулистое тѣло лоснилось отъ поту; на двухъ жердяхъ, гнувшихся подъ тяжестью громаднаго котла, они принесли только-что сваренный пловъ. Это были знаменитые повара-спеціалисты варки плова, выписанные акъ-сакаломъ изъ Пеншамби.

Большими деревянными черпаками („кашикъ“) пловъ разложили на блюда и въ большія, плоскія чашки и начали ставить ихъ передъ гостями. Всѣ принялись засучивать рукава и расправлять свои пальцы. Намъ, русскимъ, предложены были ложки, взятая для этого случая изъ сервиза начальника отдѣла, и мы принялись ужинать. Пловъ былъ удивительно вкусенъ; жирный рисъ такъ и разсыпался, аппетитно хрустя на голодныхъ зубахъ, разнокалиберные кусочки бараньего, конскаго и верблюжьяго мясъ пріятно подрумянились и были впору приправлены краснымъ, стручковымъ перцемъ.

Послѣ плова разносили зеленый чай въ мѣдныхъ, чеканенныхъ кунганахъ очень красивой формы; чай пили изъ маленькихъ зеленыхъ чашечекъ. Дошла очередь и до лакомствъ.

На арену выступили клоуны: одинъ былъ пожилой мужчина, съ сморщеннымъ лицомъ, съ всклокоченной, жидкой бородою; другой былъ еще молодъ, лѣтъ двадцати, съ узкою, чахоточною грудью и съ потухшими, впалыми глазами. Оба они были въ грязныхъ, умыленно изодранныхъ лохмотьяхъ, и лица ихъ были вымазаны толченымъ кирпичемъ, мѣломъ и сажею. Они наперебивъ кривлялись, рассказывали что-то, перебивая другъ друга, должно быть что-нибудь очень смѣшное, потому-что всѣ хохотали, и, наконецъ, объявили, что сейчасъ всѣ увидятъ двухъ собакъ, которыя какъ-то забѣжали сюда, въ такое блистательное общество. Общаніе это было встрѣчено общимъ изъявленіемъ удовольствія, которое выразилось хлопаньемъ въ ладоши и усиленнымъ завываніемъ.

Музыканты ударили по своимъ инструментамъ, клоуны стали на четвереньки и зарычали по-собачьи: они-то и изображали этихъ двухъ собакъ. Они, особенно молодой, довольно искусно подражали всѣмъ дѣйствіямъ собакъ, гонялись другъ за другомъ, обнюхивались, лаяли, грызлись и, наконецъ, въ довершенію спектакля, приняли характеристичную собачью позу—головами врозь.

Нѣсколько полицейскихъ съ бѣлыми палочками выскочили изъ толпы и прогнали собакъ своимъ оружіемъ, — это тоже входило въ программу спектакля.

Вдругъ на сосѣднемъ дворѣ послышались тревожные крики, а вслѣдъ за этимъ — дикій визгъ и ржаніе лошадей; всѣ кинулись къ мѣсту происшествія. Оказалось, что нѣсколько жеребцовъ сорвались съ своихъ привязей и сбѣжились въ отчаянную драку; это встревожило другихъ лошадей и онѣ принялись бѣсноваться и рваться на своихъ приколахъ. Фонари съ трескомъ валились на землю, съ немощенаго двора поднялась густая пыль; все перепуталось.

Сначала ничего нельзя было разобрать въ этомъ хаосѣ лошадиныхъ и человѣческихъ фигуръ; пустили въ ходъ обливаніе водою изъ арковъ; это помогло и скоро все приняло болѣе покойный видъ; можно было, по крайней мѣрѣ, каждому отыскать свою собственность и, такимъ образомъ, разобрать драчуновъ.

Мы пожелали хозяину и Рахмедъ-инаку покойной ночи и разошлись по домамъ.

Тишина южной ночи смѣнила разнообразный шумъ томаши. Все успокоилось. Только въ цитадели, на утопанной дорожкѣ передъ воротами, слышались мѣрные шаги часового; вдали, на базарѣ, изрѣдка повторялись глухіе удары сторожевого бубна и визгливо лаяли уже настоящія собаки.

Изъ-за садовъ, красный, словно раскаленный металлъ, подымался серпъ послѣдней четверти луны. По небу бороздили падающія звѣзды.

III.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Миръ, заключенный нами съ Бухарою, встрѣтилъ цѣлыя массы недовольныхъ. Недовольно было поголовно все фанатическое духовенство, потому-что Самаркандъ — этотъ центръ всего святаго для азійскихъ мусульманъ — попалъ въ руки невѣрныхъ. Это духовенство, руководимое только своими личными выгодами и неспособное понять всю необходимость и даже полезность этого мира, пустило въ ходъ свое обыкновенное, испытанное оружіе: интриги въ

высшихъ сферахъ и запугиваніе адскими муками невѣжественной, полудикой массы. Какъ то, такъ и другое, удалось. Въ самой Бухарѣ созрѣло ядро недовольныхъ. Старшій сынъ эмира „Катта-тюра“ *), обольщенный блестящими обѣщаніями, бѣжалъ изъ Бухары и сталъ во главѣ инсурекціи.

Междоусобица началась. Всюду развѣзжали эмисары возстанія, объявляя эмира Музафара лишеннымъ престола, а Катта-тюра вступившимъ на его мѣсто. Все способное призывалось къ оружію; объявлялась священная война противъ всего русскаго.

Волненіе не перешло еще черту нашихъ предѣловъ и у насъ не случилось ничего, кромѣ заблаговременно принятыхъ мѣръ военной осторожности. Но внѣ этой черты дѣла пошли совсѣмъ не такъ, какъ предполагали. Войска эмира были почти вездѣ разбиты и, наконецъ, взятъ одинъ изъ чрезвычайно важныхъ пунктовъ — городъ Карши. Тутъ побѣдитель и расположилъ свою главную квартиру.

Далѣе выжидать намъ было невозможно: мы были заинтересованы въ этомъ дѣлѣ. Намъ тяжело было начать новую войну, а это было бы неизбѣжно, если-бъ дѣло Катта-тюра удалось окончательно. Начальникъ всего самаркандскаго округа понялъ, что медлить болѣе нельзя. Составивъ всю свою карьеру службою въ центральной Азіи, онъ слишкомъ хорошо зналъ, когда можно было медлить, а когда нельзя было тратить время въ пустой перепискѣ, и подъ Каршами, какъ снѣгъ на голову, показали бѣлыя рубахи русскихъ солдатъ. Карши пали; инсурекція былъ нанесенъ рѣшительный ударъ; приверженцы эмира ободрились, увидавъ, какого неожиданнаго союзника посылаетъ имъ Аллахъ.

Катта-тюра пріютился въ Шахир-Сябзѣ, горномъ пунктѣ, сохранившемъ еще свою самостоятельность; лучшіе его союзники — Садыкъ и Назаръ-Куль удалились въ свои степи и, казалось, что все приняло самый спокойный характеръ. Но, совершенно неожиданно, почти у самой нашей границы разыгрались новыя кровавыя событія.

*) Буквальный переводъ — старшій начальникъ; а второй сынъ эмира назывался «Кашкенъ-тюра», что значитъ — младшій начальникъ.

День былъ пасмурный, холодный; моросилъ мелкій дождь; вѣтеръ вылъ на разные лады, пробираясь по садамъ, межъ оголенныхъ деревьевъ. Весь Катта-курганъ потонулъ въ густой, илистой грязи. По улицамъ ни пройти, ни проѣхать. Чадъ и смрадъ стоитъ надъ городомъ, потому-что все занято однимъ дѣломъ: грѣются; кто надъ горшкомъ съ угольями, кто надъ костромъ сухихъ щепокъ. Подъ каждымъ навѣсомъ, въ каждой лавкѣ, вездѣ, куда только ни заворачиваетъ несносный вѣтеръ, трещатъ и дымятся красноватые огоньки, надъ которыми правовѣрные отогрѣваютъ свои окоченѣлые пальцы. Печей не имѣется ни въ одномъ домѣ, кромѣ только хлѣбопекарныхъ, выстроенныхъ обыкновенно посрединѣ двора и формою напоминающихъ большіе глиняные улья.

На базарахъ половина лавокъ заперта: торговля плоха, кого понесетъ изъ дому въ такую ненастную пору!

На усталой лошади, масти которой невозможно было разобрать подъ залѣпившей ее грязью, вооруженный съ ногъ до головы, пробирался у самой стѣны, гдѣ все-таки немного посуше, одинокій всадникъ. Онъ слѣзъ съ своего коня подъ навѣсомъ двора, ведущаго въ квартиру начальника отдѣла. Находившіеся здѣсь конвойные казаки и туземные джигиты окружили съ любопытствомъ прїѣзжаго. Это былъ гонецъ отъ нашего сосѣда и друга Рахмеда-инака.

Гонецъ привезъ весьма важное извѣстіе: бекъ писалъ, послѣ цѣлыхъ потоковъ цвѣтистыхъ привѣтствій и всевозможныхъ изліяній, что Катта-тюра съ тремястами всадниковъ появился въ Хатырчахъ, пограничномъ пунктѣ и думаетъ прерваться здѣсь, между нашими владѣніями и владѣніями своего отца, въ степи, чтобы соединиться тамъ съ Садыкомъ и Назаромъ и открытъ новыя военныя дѣйствія. Онъ писалъ, что лошади у инсургентовъ сильно измучены и что, по всему видно, они будутъ почевать въ Хатырчахъ и только завтра двинутся далѣе; такимъ образомъ представлялся прекрасный случай захватить въ руки непокорнаго сына и доставить его передъ грозными, но справедливыми очи великаго, досточимаго эмира Музафара. Бекъ предполагалъ въ письмѣ это сдѣлать такимъ образомъ: онъ атакуетъ Хатырчи съ одной стороны, а намъ предлагалъ занять небольшими отрядамъ позицію съ противоположной сторо-

ны и тѣмъ поставить врага въ совершенно безвыходное положеніе. Онъ увѣрялъ при этомъ, что успѣхъ несомнѣненъ, „особенно принимая во вниманіе храбрость русскихъ солдатъ и геніальность начальниковъ“. (И тутъ не упущенъ былъ случай польстить, — такова уже азіятская натура).

Не принять предложенія Рахмеда-инака — было, по многимъ причинамъ, неудобно: главное, что отказъ послужилъ-бы темою постоянныхъ упрековъ впослѣдствіи, да, наконецъ, мы ничего не теряли, сдѣлавъ эту экскурсію, а выиграть могли еще болѣе прочное политическое спокойствіе въ сосѣдней территоріи. Разъ рѣшившись принять предложеніе, мѣшкать было нечего, и тотчасъ-же приступлено было къ формированію летучаго отряда. Туркестанскіе солдаты не тратятъ много времени на сборы, и менѣе чѣмъ черезъ полчаса, около сотни пѣхотинцевъ и чело-вѣкъ пятьдесятъ казаковъ брели уже по бухарской дорогѣ, съ трудомъ вытаскивая изъ грязи свои высокіе, походные ботфорты; русская тѣлѣжка парю, нагруженная ротнымъ котломъ и суточной провизіей, а главное боченкомъ спирта, тащилась за отрядомъ.

Я съ капитаномъ ѣхали во главѣ отряда, съ нами-же ѣхалъ и посланецъ Рахмеда, которому перемѣнили его измученную лошадь; нѣсколько джигитовъ въ красныхъ халатахъ, составляли обыкновенную свиту капитана. На наше счастье дождь пересталъ, по крайней мѣрѣ, сверху не мочило. Въ Чагавакѣ мы перешли Нурунай; мостъ черезъ рѣку навануѣ былъ сломанъ провалившейся бухарскою арбою съ хлопкомъ и починить его еще не успѣли. Пришлось искать броду: это было очень легко, потому-что солдаты, купавшіеся здѣсь все лѣто, знали наизусть все прихотливое дно этой рѣки. Вода отъ дождей была довольно велика и намъ очень не хотѣлось мочить нашихъ пѣхотинцевъ — началась оригинальная переправа. Каждый всадникъ посадилъ за собою пѣшаго; привычныя къ этому маневру лошади смѣло входили въ воду съ двойною ношею; два или три коня пытались-было сбросить съ себя лишнюю прибавку, но пѣхотинцы держались цѣпко и благополучно достигли другого берега. Обрываясь и скользя, всадники взбирались на глинистую крутизну и слѣзали опралять сѣдловку — лошади съ шумомъ отряхивались, кое-кто разувался, чтобы вылить изъ сапогъ залив-

шуются туда воду. Такъ-какъ пѣшихъ было болѣе чѣмъ конныхъ, то пришлось еще разъ съѣздить за остальными и переправа немного затянулась. Наконецъ перетащили послѣднюю ротную повозку и мы тронулись дальше.

Въ степи дорога пошла болѣе твердымъ грунтомъ, нога почти не вязла и идти было легко. Прошли съ полверсты бѣгомъ, чтобы погрѣть немного людей; небольшая кучка пѣсенниковъ принялась за исполненіе своего походнаго репертуара; оренбургскіе казаки закослили тоже. На встрѣчу намъ ползли какія-то мохнатяя кучи: казалось, что копы сухой прошлогодней колючки сами собою двигались по дорогѣ; только въ нѣсколькихъ шагахъ можно было различить четыре маленькія ножки и пару классическихъ ушей, это везли въ Катта-курганъ на продажу запасъ топлива, заготовленный въ степи. Попались и верблюды, навьюченные тѣмъ-же товаромъ, это уже положительно были цѣлныя подвижныя горы. Стало темнѣть; вдали зачернѣлись зарабулакскіе холмы.

А между тѣмъ въ Хатырчахъ происходили слѣдующія событія:

По улицамъ рыскали дикіе наѣзники; покрытыя попонами долговязыя тюрменскія лошади стояли кучами, привязанныя къ чему ни попаало; яркіе костры, зажженные видимо не хозяйскою рукою, пылали на базарѣ; тутъ-же на улицахъ, не разбирая мѣста, рѣзали дешево приобрѣтенныхъ барановъ. Въ переулкахъ толпились группы перепуганныхъ хатырчинцевъ; ребяташки ревѣли на всевозможные лады, забравшись на крыши. Многие изъ жителей бѣжали изъ города, оставивъ свои дома на великодушіе пришельцевъ.

Тюрмены держались особнякомъ, своимъ обществомъ: они были заняты или жареньемъ на угольяхъ мяса для своего ужина, или же кормили лошадей. На многихъ изъ нихъ были кольчуги; длинныя, гибкія пики, съ конскимъ хвостомъ у острія, стояли рядами, прислоненныя къ стѣнкамъ. Киргизы и сбродъ сустились по всѣмъ направленіямъ. На всѣхъ кузницахъ пылали горны, многимъ нужно было перековывать своихъ лошадей и времени не теряли.

Шагомъ, на рыжей лошади съ лысною черезъ всю голову, ѣхалъ всадникъ съ киргизскимъ окладомъ лица, въ верблюжь-

емъ желтомъ халатѣ, въ лисьей шапкѣ съ высокимъ краснымъ верхомъ; сверху была накинута кольчужная рубашка; круглый щитъ, усаженный бляхами изъ золотыхъ монетъ, висѣлъ на сѣдлѣ; за этимъ всадникомъ везли на длинномъ древкѣ изодраный треугольный значекъ изъ зеленого шелка, узорно исписанный подходящими къ случаю изреченіями изъ Корана. Это былъ знаменитый Садыкъ, сынъ извѣстнаго агитатора Аблая-Кенисары, такъ много пакостившій намъ во время войны съ Бухарой. Лѣвая рука у него была перетянута бѣлой чалмою и окручена ремнями: она еще не выздоровѣла послѣ одной изъ неудачныхъ, лѣтнихъ схватокъ. Человѣкъ тридцать всадниковъ, преимущественно киргизовъ, гуськомъ ѣхали за Садыкомъ. Они направлялись къ хатырчинской цитадели, занятой уже подъ главную квартиру Катта-тюра.

Въ воротахъ цитадели толпились конные и пѣшіе. Провели какихъ-то двухъ стариковъ, съ связанными руками, подгоняя ихъ пинками и ударами нагаекъ: несчастные молча выдерживали удары и торопливо перебирали ногами, озираясь по сторонамъ робкимъ, заячьимъ взглядомъ. Почти у самаго порога лежалъ трупъ почти голый, въ однихъ только холщевыхъ запачканныхъ кровью и грязью панталонахъ. Трупъ лежалъ ничкомъ, а лицо съ выпученными оловянными глазами, съ клочковатою сѣдою бородою смотрѣло къ небу: у него было совершенно перерѣзано горло и голова держалась только на свороченныхъ съ мѣста позвонкахъ и на обрывкахъ затылочной кожи. Многіе спотыкались на этотъ трупъ и съ ругательствомъ выражали свою досаду толчкомъ ноги, не догадываясь просто убрать тѣло съ дороги. Шагахъ въ двухъ, тюркменъ съ аппетитомъ обглядывалъ большую баранью кость своими волчьими зубами. Подъ навѣсомъ воротъ варили пловъ и грѣли два большіе самовара. Неподалеку отъ цитадели подымался густой черный дымъ и въ этомъ дыму извивались красныя языки: загорѣлась какая-то сакля отъ брошеннаго безъ надзора костра; тушить пожаръ никто и не думалъ. Громкій плачь и крики доносились откуда-то изъ-за садовъ; кое-гдѣ слышались отдѣльные выстрѣлы.

Въ низкой саклѣ, на коврахъ сидѣлъ самъ Катта-тюра и

дремалъ прислонившись къ стѣнѣ: по виду ему нельзя было дать болѣе шестнадцати лѣтъ; онъ былъ, какъ и его спутники, въ простомъ халатѣ изъ верблюжьяго сукна, только дорогая бѣлая чалма изъ кашмирской шали отличала его отъ прочихъ. Около него на коврѣ лежала кривая афганская сабля съ желѣзной рукоятью и пара револьверовъ, сильно попорченныхъ отъ неумѣлаго обращенія. Два пожилые узбека въ кольчугахъ и киргизскихъ малахаяхъ, спущенныхъ на затылокъ, горячо разговаривали другъ съ другомъ, передавая изъ рукъ въ руки кальянъ съ камышевымъ чубукомъ. Нѣсколько человекъ спали въ углахъ, не допивъ своихъ чашекъ съ зеленымъ чаемъ. По всему видно было, что почти сто-верстный переходъ черезъ каршинскую стѣнь утомилъ даже такихъ неутомимыхъ степныхъ бродягъ, какъ эти сподвижники Катта-тюра, совсѣмъ наконецъ заснуваго съ опущенными вдоль изогнувагося тѣла своими почти дѣтскими, худощавыми руками.

Шумъ на базарѣ все усиливался и усиливался, принимая все болѣе и болѣе подозрительный характеръ; вотъ, даже на дворѣ цитадели послышались тревожные голоса, по мощеному камнемъ двору проскакала лошадь — одна, другая, нѣсколько разовъ.

Очнулся Катта-тюра и посмотрѣлъ на дверь, въ глазахъ его выразились недоумѣніе и испугъ. Спавшіе также начали просыпаться и вскакивали на ноги, хватаясь за оружіе.

Вбѣжалъ одинъ джигитъ.

— Рахмедъ идетъ! кричалъ онъ, отыскивая глазами кого-то.

— Нашихъ изъ садовъ погнали! кричалъ другой, врываясь въ саклю.

— Съ ними сарбазы (солдаты) Музафара! кричалъ разомъ нѣсколько голосовъ. — Онъ пушки везетъ съ собою. Слышите...

Въ эту минуту откуда-то донесся глухой ударъ, похожій на пушечный выстрѣлъ; послышались гиканье и трескотня ружейной пальбы.

Катта-тюра выскочилъ изъ сакли и ухватился за первую попавшуюся лошадь.

— Куда спѣшишь?! остановилъ его въ воротахъ всадникъ съ окладистой черною бородою, съ почти европейскимъ типомъ красиваго лица. — Или отца испугался... и всадникъ презрительно

сплюнулъ на сторону. — „Куда разносились собаки“! крикнулъ онъ другимъ всадникамъ. — Ну плохо-бы намъ было безъ тюремень, съ этою сволочью далеко не уѣдешь... и бородачь сердито осадилъ на дыбы своего горячаго вороного аргамака.

Этотъ всадникъ, такъ фамиллярно обращавшійся съ претендентомъ на бухарскій престолъ, былъ Назаръ-кулъ-барантачь, авантюристъ, сильно безпокоившій наши границы, — за которымъ такъ долго и безуспѣшно гонялись русскіе отряды, и голова котораго была оцѣнена въ тысячу „тилей“ (золотая монета около четырехъ рублей).

Выѣхали за ворота. Аллахъ! аллахъ! что творилось на улицахъ! Перепуганные, растерявшіеся всадники, сломя голову носились по узкимъ улицамъ, не зная, что предпринять, куда скакать, отъ кого спастись. Пѣшіе не могли отыскать своихъ лошадей и попадали подъ ноги коннымъ. Тамъ и самъ подымался дымъ новыхъ пожаровъ, и посреди всей этой суматохи спокойно стояла у воротъ цитадели конная группа тюремень, человекъ до ста числомъ, колебля въ воздухъ своими длинными пиками, гремя кольчугами и успокоивая голосомъ бѣшенство пылкихъ жеребцовъ.

— Ну что-жь? надо помѣряться съ Рахмедомъ, — авось и его возьмемъ, проговорилъ Назаръ-кулъ и поскакалъ къ заадинской заставѣ. Тюремены тронулись за нимъ.

Въ садахъ, по самому крутому берегу Акъ-дарин, Садыкъ съ горстью своихъ киргизовъ перестрѣливался съ чуть видѣвшимися изъ-за стѣнозъ красными курточками сарбазовъ Рахмеда-инака. Изъ-за угла полуразрушенной мечети по временамъ развивался бѣлый клубъ дыма: тамъ бесплодно поражаало воздухъ единственное орудіе заадинскаго бека.

Самъ Рахмедъ-инакъ стоялъ на высокой могильной насыпи, ободряя своихъ сарбазовъ. Пестрая толпа полувооруженныхъ милиціонеровъ волновалась внизу, не рѣшаясь пуститься въ атаку.

— Я говорилъ, что мы поторопились, прожизнесъ Рахмедъ, обращаясь къ сосѣдному всаднику. — Намъ не удержаться, а русскіе могутъ только къ вечеру прійти изъ Катта-кургона. Ненужно было начинать, ненужно... — И въ голосъ бека дрогнули тоскливыя ноты.

— Здравствуй, Рахмедъ! Да хранить тебя Аллахъ! произнесъ Назаръ-гуль, остановивъ своего копя передъ глазами инака...

Тотъ задрожалъ и выхватилъ саблю.

— Не горячись, продолжалъ Назаръ. — Посмотри на своихъ сарбазовъ.

Рахмедъ-инакъ машинально оглянулся...

По садамъ бѣжали въ беспорядкѣ красныя куртки, бросая по дорогѣ оружіе; милиціонеровъ какъ не бывало. Вокругъ всего холма торчали туркменскія пики.

— Вотъ тебѣ русская собака! завизжалъ Катта-тюра и по лицу Рахмеда прорѣзался багровый рубецъ отъ ременной плети. Дѣтская рука дрожала отъ злости и готова была повторить ударъ, если-бъ Назаръ не вырвалъ нагайку и не отбросилъ ее въ сторону.

Машинально, словно погруженный въ сонъ, Рахмедъ-инакъ далъ себя стащить съ сѣдла и безъ сопротивленія протянулъ свои руки къ веревкамъ. Съ него сняли чалму, привязали одинъ конецъ ея къ поясу бека, другой къ сѣдлу одного изъ всадниковъ и такимъ образомъ повели его въ Хатырчи.

Темнота наступала быстро, и багровыя пятна отъ пожара ярче заколыхались на черныхъ дождевыхъ тучахъ.

— Никто какъ Богъ! шепталъ Рахмедъ-инакъ и торопливо шелъ между двухъ лошадей. Острые каблуки сапогъ, совершенно неприспособленныхъ къ ходьбѣ пѣшкомъ, сильно стѣсняли его; онъ хотѣлъ остановиться и сбросить неудобную обувь, но сильный ударъ между лопатокъ тупымъ концемъ пики заставилъ его отложить свое намѣреніе.

Опустивъ глаза въ землю, онъ шелъ по улицамъ Хатырчей; спотыкаясь поднялся по ступенямъ цитадели, задрожалъ, увидавъ тѣло, все еще валавшееся у порога и узнавъ зарѣзаннаго: это былъ одинъ изъ его сборщиковъ податей, съ которымъ еще вчера сводилъ онъ послѣдніе счета.

Рахмеда заперли въ одной изъ сакель и приставили четырехъ туркменовъ сторожить входы. Въ темнотѣ бекъ ошупалъ еще двухъ, связанныхъ такъ-же какъ и онъ, и этихъ узналъ по голосу.

А русскіе все еще не приходили. Ни одного выстрѣла не было слышно со стороны Катта-бургана: тамъ все было тихо и

спокойно въ сравненіи съ тѣмъ, что творилось на мѣстѣ только-что повонченной схватки.

— Никто какъ Богъ! грожеко произнесъ бекъ и тяжело вздохнулъ. Товарищи по заточенію принялись вслухъ читать стихи Корана. „Единъ богъ—Аллахъ и Магометъ пророкъ его...“

Не успѣли они дочестъ и до половины, какъ въ ихъ саклю пришли отъ Катта-тюра звать ихъ къ допросу.

„Ну, подумалъ Рахмедъ, видно русскіе близко, а то не стали-бы такъ торопиться“. — Другіе двое заплакали; всѣ они хорошо понимали, какого рода могутъ быть допросы и чѣмъ они окончатся.

Въ большой саклѣ, куда привели плѣнниковъ, сидѣли: на главномъ мѣстѣ, какъ разъ противъ средней двери, самъ Катта-тюра, около него полулежалъ Садыкъ; афганецъ съ цыганскимъ лицомъ и черными, лоснящимися кудрями перевязывалъ ему руку, которая все еще не могла зажить окончательно и сильно болѣла. Назара не было, только голосъ его слышался на дворѣ, гдѣ онъ ругался съ кѣмъ-то и кричалъ, чтобы не смѣли разѣжаться и держались-бы по близости. Остального народа было мало въ саклѣ, за то во всѣхъ дверяхъ толпилось столько, сколько могло помѣститься.

Всѣмъ тремъ плѣнникамъ велѣно было сѣсть противъ Катта-тюра въ рядъ, такъ-что ихъ отдѣляла только груда раскаленныхъ угольевъ, которая, изъ каменнаго углубленія посреди пола, распространяла жаръ по всему помѣщенію.

Первый началъ говорить самъ Катта-тюра.

— Ты писалъ вчера къ русскимъ въ Катта-курганъ, началъ онъ, но это не былъ вопросъ: въ тонѣ говорившаго слышалась такая увѣренность въ фактъ, что отрицательнаго отвѣта дать не рѣшился Рахмедъ.

— Писалъ, отвѣчалъ онъ.

— Ну, вотъ видишь, не все такъ случается, какъ человѣку хочется... и Катта-тюра усмѣхнулся.

— Это я читалъ въ Коранѣ двадцатью годами раньше, чѣмъ ты родился. Это-же самое я читалъ тебѣ позже, когда училъ тебя понимать, что тамъ написано...

— Я знаю, что ты такое писалъ, перебилъ его Катта-тюра:—

ловить меня хотѣли, западню подстроили... А куда ты-бы отправилъ меня, если-бъ поймалъ, къ отцу или къ русскимъ?..

— Отправилъ-бы тебя туда, гдѣ съ тобою долго-бы не разговаривали.

— Значить къ отцу. Спасибо... ты, видно, добра мнѣ желалъ, прямо подъ ножъ доставить хотѣлъ... погоди-же, подлая собака... Вы тамъ съ отцемъ принялись... лизать у русскихъ, когда хвосты вамъ прижали... Еслибъ не эти поганья „акъ кульмахъ (бѣлая рубаха, такъ называютъ по костюму нашихъ солдатъ), давно-бы всѣ такіе какъ вы—со стѣнъ въ поле-бы смотрѣли (намекъ на обычай выставлать головы напоказъ). Такъ знай-же ты...—и Катта-тюра приподнялся и качнулся впередъ, опершись на руки,—что прежде я васъ по одиночѣй своими руками перерѣжу, чѣмъ удастся вамъ тронуть меня хоть пальцемъ.

Злые глаза старшаго сына эмира заискрились, даже слезы выступили отъ злости, и онъ вдругъ, схвативъ голою рукою горсть горячихъ угольевъ, швырнулъ ими въ лицо Рахмедъ-Инака. Зашипѣли волосы въ густой бородѣ бека и смрадъ пошелъ по саклѣ. Платье тоже мѣстами затлѣло.

— Что-же ты глупости-то дѣлаешь, заворчалъ Назаръ (онъ только-что вошелъ въ саклю).

— Я, наконецъ, отниму его у тебя и выпущу; а ты чего-же смотришь?—обратился онъ къ Садыку.

— А мнѣ что? Онъ мнѣ не родня... да отстаньте вы всѣ— некогда мнѣ съ вами... видишь вонъ Али все съ рукою возится...

Послѣднія слова Садыкъ почти простоналъ: видно было, что роспушая какъ бревно и почернѣвшая какъ уголь раненая рука его сильно болѣла и беспокоила степного наѣздника. А, какъ нарочно, рану эту онъ получилъ именно въ той схваткѣ, гдѣ отрядомъ эмирскихъ войскъ командовалъ злополучный Рахмедъ. Мстительный киргизъ былъ сильно вооруженъ противъ бека, и послѣднему нечего было рассчитывать на поддержку съ этой стороны.

Опять послышался шумъ тревоги, только выстрѣловъ не было. Ворота цитадели визжали на намазанныхъ петляхъ, пропуская новыхъ посѣтителей.

— Что такое тамъ еще случилось, произнесъ Назаръ и вышелъ, выразительно подмигнувъ глазами Садыку въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Катта-тюра.

IV.

Нашъ отрядъ подошелъ къ Зара-булаку, маленькой деревушкѣ, расположенной на самой дорогѣ. Казаки вздумали поить лошадей, да и пѣхотинцамъ не мѣшало немного поправиться. Отрядъ остановился въ большомъ караванъ-сараѣ и ружья поставили въ козлы.

Впереди дорога шла съ холма на холмъ, и наше вниманіе давно уже привлекали какія-то двѣ черныя точки, которыя то вырисовывались рѣзкимъ силуэтомъ на красной полосѣ догасающей зари, то срывались, чтобъ показаться вновь на вершинѣ слѣдующаго холма. Ближе и ближе, яснѣе и яснѣе становились контуры этихъ точекъ, и уже можно было разобрать, что это были два всадника, которые вскачь приближались къ намъ, погоняя лошадей непрерывнымъ помахиваніемъ нагаекъ.

Вотъ всадники остановились и поговорили что-то съ казаками, стоящими ведетомъ на выѣздѣ изъ деревни, потомъ снова поскакали и осадили лошадей какъ разъ около навѣса, гдѣ ожидали мы ихъ съ капитаномъ. Обѣ лошади были измучены до нельзя и едва переводили бока; всадники тоже нѣсколько секундъ не могли начать говорить и прерывисто дышали, какъ дышать усталыя собаки.

Скоро мы узнали, въ чемъ дѣло: рассказъ о хатырчинскихъ событіяхъ поразилъ насъ своею неожиданностью.

Одинъ изъ всадниковъ былъ конюхъ Рахмеда-инака и ему удалось прорваться какъ разъ въ ту минуту, когда онъ увидѣлъ, что его хозяину не сдобровать; другой всадникъ пристроился къ нему на дорогѣ: оба они скакали въ Катта-курганъ, чтобы извѣстить насъ о случившемся и попытаться спасти несчастнаго бека, ошибка котораго заключалась въ томъ, что онъ понадѣялся на свои силы и началъ атаку, не выждавъ прибытія русскихъ.

Дѣло совсѣмъ измѣнило характеръ и весь планъ похода при-

шлось переименовать. Рѣшено было выждать часть ночи и тронуться съ такимъ расчетомъ, чтобы за часъ до разсвѣта прибыть въ Хатырчи. Конюхъ Рахмеда брался провести насъ такъ, что мы совершенно неожиданно очутились-бы около цитадели хатырчинской, и, если Аллахъ еще не совсѣмъ разсердился на нашего друга, то мы-бы могли вырвать его еще живого изъ непріятельскихъ рукъ, незнающихъ помилованія.

Предстоялъ переходъ трудный, тѣмъ болѣе, что надо было идти въ непроницаемой темнотѣ, а при подобныхъ условіяхъ каждый шагъ стоитъ десяти пройденныхъ днѣмъ. Къ тому-же приходилось проходить по мѣстности, пересѣченной всевозможными препятствіями, такъ-какъ надо оставить гладкую степную дорогу и спуститься въ заравшанскую долину.

Съ ротной телѣги сняли гигантскій котель, устроили его надъ вырытой нарочно ямой и принялись за варку; боченокъ со спиртомъ тоже выгрузили на болѣе видное мѣсто и солдаты повеселились. Устроились и мы за походнымъ чайнымъ приборомъ, но оживленіе и веселость наша исчезли, какъ будто-бы ихъ и не бывало, и тяжелое чувство заставляло насъ задумываться надъ положеніемъ нашего несчастнаго сосѣда. Шансовъ на успѣхъ было слишкомъ мало, даже сами вѣстники этой катастрофы почти отчаявались въ успѣхѣ, и только слабая надежда просвѣчивала въ ихъ усталыхъ глазахъ, когда они наперерывъ строили свои предположенія — какъ удобнѣе подойти къ хатырчинской цитадели.

Опять къ худшему измѣнилась погода, опять заморосилъ несносный дождь, а пришло время уже трогаться. Телѣгу и вещи отправили назадъ въ Катта-курганъ, подъ конвоемъ двадцати казаковъ, обрадовавшихся, что имъ не прійдется маяться на сѣдлахъ большую часть ночи, и отрядъ выступилъ.

Идти было очень тяжело, ноги скользили по жидкой грязи, покрывавшей каменистую дорогу; темнота была такая, что можно было смѣло закрывать глаза:— зрѣніе было бесполезно. Наши проводники поминутно обликали другъ друга, чтобы не потеряться. Черезъ часъ пути мы замѣтили, что спускаемся въ долину. Твердая дорога замѣнилась вязкой, илистой, такъ-что нога вязла почти по-колѣно; раза два мы наткнулись на какія-то стѣнки, приходилось искать чуть не ошупью обхода; къ до-

вершенію несчастія потерялся одинъ изъ проводниковъ. Это обстоятельство показалось подозрительнымъ, и приняты были кое-какія мѣры походной осторожности.

Долго шли мы такимъ образомъ: мы чувствовали, что весьма мало подвигаемся впередъ, — да впередъ-ли еще. Люди начали выбиваться изъ силъ; два раза пришлось переходить въ бродъ, — обувь намочла и это страшно затрудняло шагъ. — Сырой холодъ пронизывалъ насъ сквозь и почти у всѣхъ зубы принялись выбивать судорожную дробь. Начало свѣтать и въ бѣловатой мглѣ выдвинулись какія-то опредѣленныя массы. Это были строенія: — не Хатырчи-ли!..

Конюхъ Рахмедъ-инака заплакалъ... Мы сбились съ дороги.

V.

— Русскіе идутъ! пронесся крикъ по хатырчинскимъ улицамъ, а крикъ этотъ — синонимъ крику: „Спасайся кто можетъ“.

— Русскіе идутъ! повторилось на разные голоса въ цитадели.

— А вотъ и они, проворчалъ Катта-тюра и торопливо началъ одѣваться.

Къ Рахмеду и его товарищамъ подошли человекъ пять китай-кипчаковъ: ихъ можно было узнать по шапочкамъ особаго покроя. Участъ плѣнниковъ была рѣшена заранее; тревожный крикъ ускорилъ только развязку.

Съ связанными за спиной руками посадили ихъ рядомъ другъ съ другомъ на плитахъ средняго двора. Три человекъ вынули кривые ножи съ острымъ концомъ и пробовали ихъ на кожѣ своихъ сапогъ.

Несчастные не думали ни о защитѣ, ни о помилованіи: первое было-бы бесполезною нелѣпностью, послѣднее было-бы сверхъестественнымъ чудомъ; они покорились вполне своей участи и замерли въ какомъ-то нравственномъ околѣніи. Они, казалось, не чувствовали боли, когда остріе ножа прошло у нихъ между позвоночнымъ столбомъ и горломъ. Длинные струи горячей крови съ шипѣніемъ вылетали изъ перехваченныхъ артерій, и по-

среди двора, черезъ секунду, барахтались три безобразныя массы, ерзая по камнямъ съ удушливымъ, замирающимъ хрипѣніемъ.

Рахмедъ-инакъ, бекъ-заадияскій окончилъ свое существованіе.

Еще не разсвѣло, а уже въ Хатырчахъ не было ни одного непріятельскаго всадника. Въ безмолвіи ходили жители по улицамъ, не рѣшаясь заглянуть въ цитадель, предчувствуя, что тамъ они увидятъ.

Н. Карзинъ.

„З О В Е Т Ъ“...

(Записки Семена Долгаго.)

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ.

I.

А, повидимому, вчерашній вечеръ былъ чрезвычайно хорошій вечеръ и могъ-бы оставить по себѣ одно только свѣтлое воспоминаніе.

Вчера Елизаръ заговорилъ наконецъ о затѣваемой имъ въ осени бесплатной школѣ для взрослыхъ, о которой онъ до сихъ поръ только изрѣдка проговаривался мнѣ, да и то больше вскользь и намеками.

— Все это прекрасно, сказалъ вѣчно сомнѣвающейся Дѣдовъ, выслушавъ его предположенія, — но я желалъ-бы знать; насколько чувствуется въ ней потребность?

Что касается меня, то я, право, не находилъ и не нахожу въ этомъ вопросѣ ничего особенно страннаго или непозволительнаго, но на Покоева онъ произвелъ такое-же впечатлѣніе, какъ если-бы Дѣдову вздумалось усумниться, — чувствуется-ли среди рабочаго люда какая-нибудь потребность въ насущномъ хлѣбѣ и вообще въ пищѣ. Онъ съ негодованіемъ воскликнулъ: „за кого-же ты ихъ принимаешь?“ повторилъ нѣсколько разъ: „грома-адная! грома-аднѣйшая! жгу-учая потребность!“ привелъ зачѣмъ-то маленькій рассказецъ о какомъ-то крошечномъ крестья-

янскомъ мальчикѣ, исписывающемъ гдѣ-то углемъ всѣ столбы и стѣны и въ заключеніе пригласилъ насъ поглубже вдуматься въ обыкновенное народное выраженіе: „мы люди темные“...

— Я желалъ-бы знать, насколько чувствуется потребность въ такой школѣ? невозмутимо повторилъ Дѣдовъ, по обыкновению, давъ ему, такъ-сказать, поставить точку и обращаясь къ Елизару.

Старый, неугомонный другъ, Елизаръ! Я полагаю, немного найдется людей скромнѣе его. Я знаю, что онъ давно уже, такъ сказать, подготавливалъ матеріалы для этой школы, я знаю, что мысль о ней была одною изъ любимѣйшихъ его мыслей, но глядя на него, право можно было подумать, будто онъ чуть-ли не равнодушенъ къ этому дѣлу, будто во всякомъ случаѣ Покоевъ принимаетъ дѣло несравненно ближе къ своему сердцу, чѣмъ онъ, Елизаръ. Не переставая заниматься котенкомъ, лежавшимъ у него на колѣняхъ, онъ заявилъ, что вовсе не „выдумалъ“, какъ говорится, эту школу, что если онъ думаетъ устроить ее, то потому только, что нѣкоторые изъ его неграмотныхъ знакомыхъ не разъ выражали ему желаніе „обучаться“, если-бы представилась къ тому какая-нибудь возможность. Съ своей хорошей улыбкой на губахъ и въ глазахъ назвалъ онъ въ числѣ нашихъ будущихъ учениковъ „мастера Трофима Гусева, нѣсколько испивающаго“ и живущаго тамъ-то, „мастера Иванова, вотъ съ такой бородой“ и живущаго тамъ-то, извѣстнаго Сысоя Петрова, изобрѣвшаго одну машину, впрочемъ давно изобрѣтенную... Привелъ онъ намъ нѣкоторыя черты изъ ихъ жизни... Затѣмъ, одушевляясь все больше и больше, познакомилъ насъ съ житейской обстановкой этихъ горячо любимыхъ имъ Сысоевъ Петровыхъ и Ефимовъ Ивановыхъ, познакомилъ съ ихъ семейными обстоятельствами, стремленіями и мечтами, радостями и печалами, — и странное нѣчто, замѣтилъ я, совершилось съ нашимъ кружкомъ подъ влияніемъ этого теплаго, задушевнаго разсказа. Случались изрѣдка подобныя превращенія и прежде, но никогда они не бросались въ глаза такъ сильно, какъ въ этотъ вечеръ. Мы какъ-то дружелюбнѣе начали смотрѣть другъ на друга; бесѣда наша сдѣлалась искреннѣе и серьезнѣе... Многорѣчиваго до неслышимости Покоева посторонній наблюдатель могъ-бы принять въ эти часы за очень скромнаго и симпатичнаго молодого человѣка;

о вломъ Дѣдовъ онъ, по всей вѣроятности, составилъ-бы себѣ понятіе, какъ о легко увлекающемся и мечтательномъ юношѣ, а обо мнѣ... я не знаю, что онъ сказалъ-бы обо мнѣ, но даже и я, спокойный, флегматичный, довольный самимъ собою и своею судьбою, Семень Кулевъ, чувствовалъ себя въ особенномъ, яко-бы праздничномъ и нѣсколько сентиментальномъ настроеніи.

Да, дѣйствительно этотъ вечеръ былъ далеко не будничныи вечеръ; дѣйствительно мы сбросили съ себя на эти часы будничную ветошь нашихъ чувствъ и помышлений и облеклись въ свои лучшія праздничныя одежды. Дѣйствительно, этотъ вечеръ надолго-бы оставилъ-бы по себѣ очень хорошее, свѣтлое воспоминаніе, — если-бы не вздохъ, не одинъ легкій вздохъ, послышавшійся не вдалекѣ отъ меня и разрушившій все очарованіе.

Я взглянулъ на Катю. Она сидѣла немного въ сторонѣ нашего, тѣсно сдвинувшагося кружка, сидѣла, какъ мнѣ подумалось, „въ уголкѣ“, въ слабо-освѣщенномъ уголкѣ. Лицо ея было очень, очень грустно, глаза неподвижно остановились на темной синевѣ звѣзднаго неба, смотрѣвшаго въ растворенную дверь балкона, — и въ этихъ глазахъ свѣтилась такая скорбь, такая за душу берущая скорбь!..

II.

Мы занимаемъ, такъ-сказать, самое высокое положеніе въ городѣ. Приятно въ свѣтлую лѣтнюю ночь, когда мѣсяцъ тихо плыветъ по безоблачному небу и сіяютъ звѣзды, полюбоваться съ нашего балкона на пустынную улицы, лежащія тамъ, внизу, подъ нашими ногами, на мосты и овраги, на сады и бѣлья — бѣлья церкви съ блестящими главами. Хорошій видъ представляетъ многоводная рѣка, разстилающаяся дальше; имѣютъ какую-то особенную прелесть рыбацкіе костры, пылающіе тамъ и сямъ подъ черными обрывами берега; но, я полагаю, не о красотахъ природы думала Катя, когда она, по уходѣ нашихъ гостей, стояла на балконѣ и, прилегши грудью на перила, долго смотрѣла вдаль.

— Ты, кажется, заскучала, Катя? спросилъ я.

— Да, скучно, отвѣчала она, какъ-будто нехотя.

— Отчего?..

Катя не скоро отвѣтила мнѣ. Я началъ наконецъ думать, что, можетъ быть, она не слышала моего, въ самомъ дѣлѣ, очень тихаго вопроса и хотѣлъ уже повторить его, въ исправленномъ и дополненномъ видѣ, какъ она поднялась съ перилъ и съ легкимъ вздохомъ сказала:

— Все то-же, что и прежде; все старая исторія...

— Право, не хочется повторять; все, все старое, протяжнымъ, умоляющимъ тономъ прервала она меня, когда я попробовалъ вызвать ее на объясненіе этой старой исторіи.

Я смолкъ, закурилъ потухшую сигару, надолго предался въ свою очередь созерцанію красотъ природы, и, должно полагать, это именно она, природа, навѣяла на меня такое грустное, скверное, тягостное настроеніе, какого я, кажется, давно не испытывалъ. Во истину „старая“ исторія! думалось мнѣ. Опять *она*, обыкновенно веселая, живая, превращается въ какую-то мраморную, холодную статую. Опять, при первой-же. моей попыткѣ заглянуть въ ея сердце, слышались слезы въ ея голосѣ, сложились руки ея съ какой-то мольбой, чрезвычайно похожей на мольбу оставить ее въ покоѣ... И опять пойдутъ тягостные дни, когда она будетъ молчалива, тиха, чрезвычайно вѣжлива со всѣми вообще и со мной въ особенности; и опять въ ея отношеніяхъ ко мнѣ будетъ проглядывать нѣчто очень странное, очень горькое для меня, очень похожее на то, что какъ-будто-бы я былъ много виноватъ передъ нею, сдѣлалъ ей не мало зла, загубилъ ея лучшіе годы, былъ для нея чѣмъ-то въ родѣ цѣпи, сковывавшей ея молодя силы...

Обидно, больно...

III.

Во-истину, во-истину это „старая“ исторія! *Ей* не хочется ни о чемъ говорить, ей не хочется даже смотрѣть на тѣ книги, которыя еще вчера ее интересовали, и опять ей, я вижу, сдѣлались „противны“ тѣ люди, къ которымъ она не дальше, какъ день тому назадъ относилась если не непріязненно, то во всякомъ случаѣ равнодушно...

Бѣдная Софья Михайловна! Злополучная старая дѣва! Мнѣ показалось, что глаза ея были подозрительно влажны и слезы слышались въ голосѣ, когда она, отправляясь домой, говорила свое неизбѣжное: „прощайте Катерина Александровна!“ „Прощайте Семенъ Кирилъчъ!“ Не спору, можетъ быть, это мнѣ только показалось, не больше, но во всякомъ случаѣ Катя приняла ее не особенно радушно, обошлась съ ней даже нѣсколько жестоко...

Я полагаю, не особенно пріятно засидѣться въ дѣвцахъ до тридцати восьмилѣтняго возраста, тяжело чуть не двадцать лѣтъ вести жизнь какой-то заключенницы въ родительскомъ домѣ, не имѣть порядочнаго платья, не имѣть рѣшительно никакого занятія или развлеченія, каждодневно выдерживать при этомъ нападѣнія злобной мачихи и отца, можетъ быть, и не совсѣмъ лишеннаго человѣческаго образа, но находящагося вполнѣ подъ башмакомъ своей второй подруги жизни. Я понимаю всю нерадостность подобной жизни, но почему-то никогда не чувствовалъ особенной симпатіи къ этой Софѣ Михайловнѣ. Мнѣ больше бросались въ глаза ея смѣшныя стороны. Мнѣ всегда стоило нечеловѣческихъ усилій удержаться отъ смѣха, когда она, на вопросъ Кати, какъ ей нравится та или другая книга,—обыкновенно очень нѣжно отвѣчаетъ:

— Мнѣ, мамочка, все нравится, что принадлежитъ вамъ...

Меня не трогаютъ ея сѣтованія по поводу того, что если ей случится выйти куда-нибудь, то всѣ принимаютъ ее Богъ знаетъ за кого, только отнюдь не за дочь благородныхъ родителей. Меня не мало забавляло, когда я однажды узналъ, что она воспылала несчастной любовью къ Дѣдову, никогда ее не видавшему, и по цѣлымъ часамъ просиживала у своего окна, когда онъ приходилъ къ намъ. Все это такъ,—даже на ея семейныя невзгоды и схватки отозвался я только цѣлымъ рядомъ карикатуръ подъ общимъ названіемъ „у семейнаго очага“,—все это такъ, но все-таки сегодня мнѣ жаль стало это дѣйствительно несчастное, Богомъ обиженное, беззащитное созданіе съ длинной сухой шеей, гладко причесанными скудными волосами и въ вѣчномъ старенькомъ уродливомъ платьищѣ...

Нынче Софья Михайловна пришла, по обыкновенію, подѣлиться съ Катей новыми ужасами, какъ она выражается, проис-

ходящими подъ ея родной кровлей. Съ широко-раскрытыми глазами, съ высоко-поднятыми бровями, неуклюжи размахивая и жестивулируя тощими руками, повѣдала она намъ, что давно уже подозрѣвала нѣкоторыя двусмысленныя отношенія между своимъ отцомъ (сѣденькимъ, краснымъ старичкомъ) и кухаркой, но не хотѣла вѣрить сама себѣ и наконецъ теперь, при помощи подслушиванія и подсматриванья, открыла ужасную истину... Она долго рассказывала эту маленькую, грязенькую, семейную исторію, вдавалась въ повторенія, въ отступленія... Катя выслушивала ее, повидимому, съ такимъ терпѣніемъ, какимъ никогда доселѣ не отличалась, но я подмѣтилъ, что по ея блѣдному лицу, наклоненному надъ вышиваньемъ, ежеминутно пробѣгаютъ легкія судороги, зловѣщіе отблески какого-то съ трудомъ подавляемаго зловѣщаго чувства.

— Что вамъ до всего этого, Софья Михайловна? спросила она наконецъ, оставивъ работу, спросила тихо, мягко, вѣжливо, но съ какимъ-то ледянымъ спокойствіемъ и, скрестивъ на груди руки, устремила неестественно спокойные глаза на бѣдную старую дѣву.

У той, какъ говорится, опустились руки.

— Да вѣдь мнѣ, мамочка, жить съ ними приходится! жалобно воскликнула она.

— Если жить приходится, такъ нужно всему покориться, Софья Михайловна, тѣмъ-же мягкимъ тономъ отвѣчала Катя, нервно пожавъ плечами.—А если не хотите покоряться или не можете, такъ, мнѣ кажется, вамъ лучше-бы уйти отъ нихъ, одной жить, Софья Михайловна...

Коротко и ясно, просто и удобно! Но я желалъ-бы знать, очень желалъ-бы знать, что дѣлать, если нѣтъ силъ уйти, но нѣтъ силъ и покориться?—вотъ въ чемъ вопросъ...

— Слишкомъ жестоко, Катя, сказалъ я, когда удалилась наша, какъ-то совсѣмъ растерявшаяся гостья.

— А ты не находишь, что все это наконецъ невыносимо гадко? спросила Катя.

Не помню, что я отвѣчалъ, но для меня, по правдѣ сказать, это самая обыкновенная, будничная исторія и рѣшительно ничего особенно выдающагося или поражающаго я въ ней не вижу.

„Наконецъ невыносимо гадко!“ Это „наконецъ“ въ самомъ

дѣлѣ слѣдуетъ подчеркнуть. Дѣйствительно, было время и было оно чуть не три дня назадъ, когда Катя принимала въ этой злосчастной старой дѣвѣ самое горячее участіе, надѣялась, кажется, вызвать ее къ новой, лучшей жизни, видѣлась съ нею чуть не каждый день, въ изобиліи снабжала ее книгами, познакомилась съ ея мачихой, закунала подарками сердце этой престарѣлой, полусумасшедшей особы и вотъ „наком ецз“...

IV.

Ну и сегодняшій вечеръ былъ тоже не особенно пріятный вечеръ.

Конечно, Катя не совсѣмъ-же была молчалива и, я надѣюсь, слышала кое-что изъ моихъ разсказовъ и разсужденій. Раза два она спросила „неужели?“ чему я несказанно обрадовался; затѣмъ по поводу чего-то подлюбопытствовала „какъ-же это?“ однажды произнесла „жаль“ и потомъ нечаянно обронила еще одно слово „странно“, но я не ставлю его въ счетъ, ибо сказано оно было очевидно по недоразумѣнію, и рѣшительно ничего страннаго не было въ томъ, о чемъ я говорилъ въ эту минуту. Ко всему этому я могу, пожалуй, присоединить неоднократно повторенный ею вопросъ: „не хочешь-ли ты еще чаю?“ но дѣло, на мой взглядъ, нисколько не становится отъ этого лучше и все-таки я не считаю себя вправѣ сказать, чтобы разговоръ нашъ отличался оживленностью или чтобы меня поощряли продолжать мою интересную бесѣду.

Немудрено, что я очень обрадовался, когда, часовъ въ восемь, неожиданно явился Дѣдовъ и объявилъ, что, можетъ быть, онъ и надѣлѣ намъ своими частыми посѣщеніями, но, право-же, никакъ не могъ придумать, куда-бы ему дѣваться на нынѣшній вечеръ. Сказано это было въ его обычномъ, валомъ и равнодушномъ тонѣ, но мнѣ послышались сквозь эту флегму какія-то скорбныя, сердечныя нотки и подумалось, что, должно быть, не легко на сердцѣ этого человѣка, незнающаго, куда-бы ему пристроить свою особу.

Правда, не весьма привлекательно было сегодня его лицо,—желтое, сильно помятое; не хорошее впечатлѣніе производили его

глаза, — усталые, тусклые; неприятенъ былъ его голосъ, — нѣсколько охрипшій... Правда и то, что не особенно возвышенны были предметы и событія, о которыхъ онъ повелъ свою рѣчь. Началъ онъ съ того, что жизнь его идетъ безобразно и безалаберно и желательно-бы было внести въ нее какой-нибудь порядокъ. Повѣдалъ онъ, какъ вчера они съ Покоевыми, живописцемъ Ипатовыми и какимъ-то поручикомъ Пласуновыми устроили пиршество, окончившееся тѣмъ, что часу во второмъ ночи, при открытыхъ окнахъ, прощѣто было громогласными и дикими хоромъ „со святыми упокой“... Сокрушался онъ затѣмъ, что деньги выходятъ у него съ какой-то совершенно непостижимой и ужасающей быстротой, что не далѣе, какъ недѣлю назадъ было у него больше ста рублей, а теперь врядъ-ли найдется и десять, хотя онъ, какъ кажется, не приобрѣлъ себѣ рѣшительно ничего, кромѣ фунта чаю, сотни недорогихъ сигаръ и какой-то книги. Жаловался онъ далѣе, что приходится перемѣнить квартиру, — потому-что хозяйка съ чего-то приревновала его къ своей жемѣ, началъ каждыйдневно заводить пренеприятныя, задирающіе разговоры, и дѣло, пожалуй, можетъ окончиться „большимъ скандаломъ...“

Я согласенъ, — не особенно свѣтлое впечатлѣніе производили эти повѣствованія. Свѣрное, тягостное впечатлѣніе! Но я все-таки не понимаю того холоднаго презрѣнія, того, почти нескрываемаго отвращенія, которое, кажется, не сходило съ лица Бати, пока Дѣдовъ сидѣлъ у насъ. Я не понимаю той убійственной холодности, съ которою она отвѣчала на нѣкоторые его вопросы, обращенные прямо къ ней. Не считаетъ-же она его въ самомъ дѣлѣ за окончательно погибшаго, безпутнаго человѣка! Слышала-же, я полагаю, и она ту глубокую скорбь, которая вдругъ зазвучала въ словахъ нашего гостя о томъ, что и время, — дни и часы, недѣли и годы, — уходитъ съ такою-же непостижимой и ужасающей быстротой, какъ его деньги, уходитъ безплодно, пусто, точно глупый сонъ!.. Слышала-же и она, я думаю, тѣ рыданія, которыя порою слышались мнѣ въ его хрипломъ, несчастномъ и очевидно дѣланномъ смѣхѣ!..

Когда онъ ушелъ отъ насъ, я долго, въ волненіи, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Я знаю Дѣдова давно, чуть-ли не съ самаго дѣтства и, признаться, чувствую къ нему нѣкоторое

пристрастіе. Что говорить,—пуста, темна, порою дѣйствительно безобразна его жизнь, я знаю это и всѣ знаютъ это,—но вѣдь водятся-же за нимъ и такіа качества, которыя рѣшительно не позволяютъ махнуть на него рукой, какъ на субъекта окончательно погибшаго для живой жизни. Онъ часто надѣваетъ на себя личину человѣка безчувственнаго, холоднаго, ко всему равнодушнаго, — но какъ-же не видѣть всѣмъ и всякому, что это маска, не больше, что въ немъ живо еще его юношеское, доброе, честное сердце, что его волнуетъ и мучитъ еще чужое страданіе, что не на одни-же пиршества, на самомъ дѣлѣ очень нечастыя, тратитъ онъ свои немалыя средства. Онъ не легко увлекается какимъ бы то ни было, хотя-бы и самымъ благимъ дѣломъ, онъ вѣчно сомнѣвается въ средствахъ, въ людяхъ, во всемъ, сомнѣвается больше всего въ своихъ собственныхъ силахъ, способностяхъ, знаніяхъ, но если ужъ возьмется наконецъ за что-либо, то нието, никогда не говорилъ и не скажетъ, что Евгений Николаевичъ Дѣдовъ относился къ своему дѣлу недобросовѣстно, спустя рукава... Находить на него порою, что онъ запирается въ своей квартирѣ, зарывается въ книги, просиживаетъ надъ ними дни и ночи, забываетъ обѣдать,—мучится въ какихъ-то невысказываемыхъ имъ поискахъ чего-то и наконецъ опять появляется на свѣтъ Божій, еще болѣе вялымъ, еще болѣе сомнѣвающимся и опять учиняетъ какое-нибудь дикое „пиршество“... Нѣтъ, я вѣрую, я глубоко вѣрую, не погубить онъ бесплодно свою многообѣщавшую молодую жизнь, не замреть и не зачерствѣетъ въ конецъ его хорошее сердце и придетъ время, а можетъ быть оно близко уже, — когда, какъ солнце, выходящее изъ тучъ и тумана, выйдетъ онъ, другъ моего дѣтства, на свѣтлую, плодотворную дорогу!

Недавно вѣровала въ это и Катя.

— Кажется и Дѣдовъ внезапно сдѣлался для тебя не менѣе гадокъ, чѣмъ злосчастная Софья Михайловна? съ горечью спросилъ я ее.

Мнѣ думается, не было-ли кромѣ горечи и еще чего-нибудь въ тонѣ моего вопроса? Не слышалась-ли въ немъ раздражительность, можетъ быть, даже иронія? Катя видимо очень удивилась и большими глазами взглянула на меня изъ-за своего вшиванья.

— Я думаю и на тебя онъ не могъ произвести особенно хорошее впечатлѣніе? спросила она.

Я довольно рѣзко согласился, что, конечно, онъ не герой, а простой смертный, что онъ человѣкъ не безъ слабостей, какъ и всѣ люди, но...

— Неужели ты не признаешь для него никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ? Неужели ты думаешь, что для него уже нѣтъ лучшаго будущаго? прибавилъ я.

— Смягчающія обстоятельства... лучшее будущее! повторила она горько. — Все обстоятельства... Все будущее, все въ будущемъ... Нѣтъ, право, иногда думается: хоть убѣжать-бы куда-нибудь отъ этого настоящаго, дальше... не видѣть этихъ.. не слышать...

Я самъ, кажется, дорого-бы далъ въ эту минуту, чтобы не видѣть этихъ дрожащихъ губъ, не слышать этого волнующагося, задыхающагося голоса, не слышать этого „убѣжать, дальше убѣжать...“

V.

„Убѣжать!..“ Я очень основательно доказываю себѣ, что если вдуматься хорошенько въ это слово, взвѣсить обстоятельства, при которыхъ оно было произнесено, принять наконецъ во вниманіе вчерашнее настроеніе Кати, то въ немъ, въ этомъ „убѣжать“ не оказывается рѣшительно ничего особенно зловѣщаго. И однако-же оно почему-то не выходитъ у меня изъ головы...

Ахъ, Катя, Катя! Вотъ ты, какъ живая, смотришь на меня съ фотографіи, и кажется мнѣ, что твои большіе и выразительные глаза опять-таки говорятъ мнѣ, что тебѣ невыносимо въ этомъ заключеніи между стекломъ, бумагой и орѣховымъ деревомъ... И отчего это ты какъ будто съ какинъ-то укоромъ смотришь на меня,—и отчего это какъ будто-бы какое-то разочарованіе видится въ твоемъ лицѣ?.. *Разочарованіе*, — это слишкомъ тяжеловѣсное слово!..

А, право, она не мало измѣнилась съ тѣхъ поръ, когда я впервые рѣшился заговорить съ нею о томъ, что, кажется, нѣтъ и не было во всемъ Божьемъ мірѣ другого человѣка, который былъ-бы такъ дорогъ моему сердцу, какъ она... Памятны были эти минуты!.. И когда она оторвала отъ работы свои миные

глаза и подняла ихъ на меня, я поспѣшилъ къ чему-то повторить, что хотя у меня было и есть не мало задушевныхъ друзей, но все-таки никто и никогда не бывалъ такъ дорогъ мнѣ, какъ именно она и ни за кого не положишь-бы я съ такою готовностью свою душу, какъ именно за нее, если-бы только представилась къ тому надобность... Трепетныя были эти минуты! Я старался по возможности солидно и спокойно сидѣть въ своемъ креслѣ, какъ будто-бы рѣчь шла не болѣе какъ о прекрасной погодѣ; я напрягалъ немалыя усилія, чтобы объясненіе мое вышло не совсѣмъ безсвязно и безграмотно; я дѣлалъ видъ, что не забываю даже сигару, находившуюся въ моихъ рукахъ; но увы, лицо мое было очень блѣдно, языкъ отказывался мнѣ повиноваться, а сигара все-таки упала на полъ и потухла... Прекрасное, свѣтлое, прошлое,—гдѣ ты?

Правда, что розы и лиліи и тогда не цвѣли на ея лицѣ, но все-таки теперь она еще сильнѣе похудѣла и поблѣднѣла. Правда, что эти умные глаза были всегда задумчивые, нѣсколько мечтательные глаза, но теперь въ нихъ свѣтится нѣчто новое еще, нѣчто очень похожее на тихую, тайную грусть. Правда, что я и тогда уже отъ времени до времени замѣчалъ эту маленькую, ядовитую змѣйку, эту тонкую какъ волосокъ морщинку, улегшуюся между бровями Кати, но тогда она была рѣдкою, непосѣдною гостьей, а теперь, точно хозяйка, расположилась на своемъ мѣстѣ и все глубже, все крѣпче залегаетъ въ немъ.

И гдѣ твои прежнія маленькія слабости, Катя? Гдѣ онѣ, эти слабости, за которыя тебѣ препорядочно доставалось отъ многихъ суровыхъ и строгихъ особъ, хорошо извѣстныхъ какъ тебѣ, такъ и мнѣ, всегда считавшему своимъ долгомъ за тебя заступаться. Водилась за тобой между прочимъ страстишка поговорить, поспорить, завести со мной, съ Елизаромъ, съ тѣмъ-же Дѣдовымъ, такъ сказать, словесный поединокъ на какую-нибудь интересную тему, въ родѣ того, что „бываютъ-ли когда-нибудь такіе случаи, когда-бы цѣль оправдывала средства или-же подобныхъ случаевъ и быть не можетъ?“ „Слѣдуетъ-ли порядочнымъ людямъ отвернуться отъ своего ближняго, если онъ совершилъ какой-нибудь неблаговидный поступокъ или не слѣдуетъ?“ Ты любила поговорить, ты умѣла поговорить. Я не то хочу ска-

зять этими словами, чтобы ты поражала своимъ краснорѣчіемъ; нѣтъ, мнѣ можетъ быть лучше, чѣмъ кому-нибудь другому вѣдомо, что рѣчи твои никогда не отличались особенною отдѣлкою; мнѣ, безъ всякаго сомнѣнія чаще чѣмъ кому-нибудь иному приходилось замѣчать, что ты нерѣдко путаешься, впадаешь въ противорѣчія, сегодня защищаешь хотя-бы и косвеннымъ образомъ то, противъ чего ратовала вчера... Но за то, когда ты говорила, видно было, что ты не для одного только препровожденія времени говоришь, видно было, что ты истины ищешь, что ты отыскиваешь путь, которымъ тебѣ идти нужно въ своей жизни, и чувствовалось, что каждое слово твое изъ сердца выходитъ... Ты волновалась, ты горячилась, нерѣдко даже слезы навертывались на твоихъ глазахъ и никогда ты не бывала такъ прекрасна и симпатична, какъ именно въ эти минуты...

О, милая Катя! Гдѣ она, эта маленькая слабость? Ты освободилась отъ нея. Ты стала безупречна, потому-что ты молчалива, какъ могила. Конечно, все это хорошо, все это въ высшей степени прекрасно. Когда человѣкъ исцѣляется отъ какого-нибудь изъ своихъ нравственныхъ недуговъ, когда онъ освобождается отъ какой-нибудь изъ своихъ человѣческихъ слабостей, остается только радоваться и веселиться, глядя на него; но увы, я что-то не чувствую особеннаго расположенія ликовать по поводу изцѣленія Кати. Когда я думаю о немъ,—на лбу у меня собираются безчисленныя морщины, глаза смотрятъ мрачно, очень мрачно и я усиленно напрягаю свои умственные очи, стараюсь заглянуть въ ея сердце, подсмотреть, что дѣлается тамъ, въ его тайникахъ.

Я не люблю молчанія. Я знаю изъ многолѣтняго опыта, что не слѣдуетъ опасаться тѣхъ людей, которые имѣютъ сверную, конечно, и непріятную привычку ворчать, браниться и пилить своего ближняго при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. На меня не производитъ особенно тяжелаго впечатлѣнія чужое горе, если оно сопровождается слезами, жалобами, жалкими словами. Я не боюсь шума, врика, яростныхъ рѣчей, словообильныхъ угрозъ,—я чувствую себя довольно хорошо, когда вокругъ меня раздаются громкіе голоса, но молчаніе... меня смущаетъ молчаніе. Я вообще не довѣряю молчаливымъ людямъ, которые, еслибъ захотѣли, могли-бы говорить не хуже другихъ. Когда-же

молчаніе находить вдругъ на человѣка, никогда доселѣ небывавшаго скуднымъ на слова, я окончательно теряю почву подъ своими ногами. Я начинаю обращаться съ нимъ въ высшей степени осторожно, смотрю на него во всё глаза, заглядываю на него и съ той стороны, и съ этой и все-таки въ концѣ концовъ чувствую себя очень тяжело и скверно. Если онъ имѣетъ причины страдать, — мнѣ кажется, что его страданіямъ нѣтъ мѣры и никакимъ человѣческимъ словомъ не выразить ихъ тяжесть. Если онъ имѣетъ основанія быть недовольнымъ своею жизнью, — я съ величайшей тревогой смотрю на него и жду: на какое мрачное дѣло онъ собирается?..

Дѣло... я не знаю, собирается-ли она на какое-нибудь мрачное дѣло, — не думаю, но все-таки мнѣ не безынтересно-бы было узнать ея намѣренія. Страданія... нѣтъ никакого сомнѣнія, что она страдаетъ, но я дорого даль-бы, чтобы узнать, какъ велики эти страданія и какую роль играетъ въ нихъ моя собственная особа...

VI.

Ее „зоветь“, какъ выражается иногда Елизаръ. Было время, когда и я нерѣдко знавалъ это меланхолическое настроеніе. Слышится какой-то таинственный, но зовущій голосъ, звонитъ гдѣ-то вдалекѣ призывный колоколь, мечтается какая-то иная жизнь, носятъ передъ глазами туманные образы какихъ-то другихъ людей, особенныхъ, — героевъ...

Боже мой, герои! Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что я добросовѣстный и преданный своему дѣлу учитель; не подлежитъ никакому спору, что у меня нѣжное сердце, что я хороший мужъ и семьянинъ: я неустанно пекусь о томъ, чтобы мое домашнее гнѣздо было уютное, теплое, веселое гнѣздо; я готовъ душу свою положить за подругу моей жизни, и когда Катъ нездоровится, я, какъ вѣрная собака, тоскливо заглядываю ей въ глаза; когда Катъ взгрустнется, я натягиваю на себя путовскую личину, начинаю сплетничать, завожу нескончаемые юмористическіе рассказы, хотя на сердцѣ у меня скребутъ очень злыя кошки. Все это такъ, все это правда, все это неотъемлемыя

мои добродѣтели, но что касается до геройства, то право, я сильно сомнѣваюсь, чтобы Семенъ Кулевъ, прозванный въ юности Долгимъ, годился въ герои.

Нѣтъ, Семенъ, ты не герой, ты такъ сказать, человѣкъ спокойнаго отношенія къ жизни. Въ тебѣ около десяти вершковъ роста, кости твои широки и крѣпки, члены массивны и мощны, ты имѣешь расположеніе къ тучности и принимая все это во вниманіе, я не думаю, чтобы къ тебѣ даже шло какое-нибудь другое выраженіе, кромѣ олимпійскаго спокойствія, приправленнаго добродушнымъ юморомъ. Ты любишь хорошо поѣсть и не прочь умѣренно выпить съ добрымъ пріателемъ за дружеской бесѣдой. Ты привыкъ два въ недѣлю побывать въ клубѣ, чтобы пройтись въ кадрили и провести пріятно вечеръ въ благодушныхъ разговорахъ. Тебѣ лестно, когда ты танцуешь, слышать за собой изумленное перешептыванье по поводу того, что „все-таки никто не танцуетъ такъ легко и ловко, какъ именно этотъ гигантъ Кулевъ“. Ты наслаждаешься, ведя благодушныя бесѣды, преимущественно съ юными особами, — наслаждаешься тѣмъ, что ты царь этихъ бесѣдъ, что твои слушатели и слушательницы вполне въ твоей власти, что если ты захочешь, чтобы имъ было весело, — они будутъ чуть не до упаду смѣяться, если ты захочешь взволновать и разстрогать ихъ сердца, — не у одной изъ твоихъ слушательницъ исторгнешь ты глубокой вздохъ... Нѣтъ, Семенъ, ты не герой, ты добрый, честный и простой малый!..

Ты — нѣкій утесъ, водруженный судьбою на берегу житейской рѣчки. Бѣгутъ мимо тебя и большія, и малыя суда; созерцаешь ты и торжественный выходъ ихъ при началѣ пути изъ пристани, и печальное крушеніе многихъ изъ нихъ вдалекѣ отъ избранной ими цѣли; доносятся до тебя и веселые клики, и стоны пловцевъ, а ты стоишь себѣ на мѣстѣ и не двигаешься... не двигаешься, ибо не нужно тебѣ ни богатства, ни славы, ни высокаго положенія, ни приключеній, не нужно тебѣ ничего, — ты доволенъ тѣмъ, что уже есть у тебя. Нѣтъ, Семенъ, ты не герой, ты философъ — наблюдатель.

VII.

Катя скрытна, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Случается днями, даже цѣлыми недѣлями, что ей видимо не по себѣ, что она очевидно, какъ говорится, не въ своей тарелкѣ: не тѣ у нея слова и движенія, не то лицо, не тѣ глаза, и однакоже она упорно отвѣчаетъ на мои исполненные безпокойства разпросы, что чувствуетъ себя какъ всегда, ни хуже, ни лучше, и только потомъ уже, когда все придетъ въ свой обычный порядокъ, признается наконецъ, что ей или сильно нездоровилось, или на нее находила маленькая хандра. Нѣтъ, я не таковъ, никогда не былъ скрытенъ, да вѣроятно, никогда и не буду. Слабость-ли это характера или нѣчто другое, порокъ-ли это или добродѣтель, не знаю, но только я не привыкъ, не умѣю таить и перерабатывать въ самомъ себѣ свои печали, огорченія и сомнѣнія. Они тяготятъ меня, я не умѣю съ ними справиться; мнѣ необходимо нужно обратиться къ кому-нибудь изъ моихъ друзей, — къ Катѣ-ли, къ Елизару-ли, открыть передъ нимъ свое обремененное сердце и тогда, странное и смѣшное дѣло, точно камень свалится съ меня, точно просвѣтлѣютъ мои умственные очи.

Ну, я радъ, что Елизаръ, къ которому я напрасно навѣдывался чуть-ли не каждый день этой безконечной недѣли, возвратился наконецъ къ своимъ пенатамъ.

— Гдѣ ты пропадалъ? воскликнулъ я, совершенно неожиданно встрѣтивъ его сегодня утромъ на улицѣ, задумчиваго, нахмуреннаго, покусывавшаго давно потухшій окурокъ папирсы и сильно торопившагося куда-то.

— Я?... Пропадалъ?... повторилъ онъ, посмотрѣвъ на меня такими глазами, что, право, я сомнѣваюсь, узналъ-ли онъ меня.

Чудакъ! Онъ ходилъ на охоту! Сто разъ слышалъ я отъ него это „ходилъ на охоту“, „былъ на охотѣ“, „думаю отправиться на охоту“, но все-таки не могу привыкнуть къ этимъ, повидимому, простымъ словамъ, не могу не улыбнуться, когда Елизаръ произноситъ ихъ съ совершенно серьезнымъ видомъ, какъ какую-нибудь святую истину. Чудакъ! Прошло то время, когда на много версть кругомъ дѣйствительно не было лучшихъ и болѣе

страстныхъ охотниковъ, чѣмъ Семень Булевъ и Елизаръ Селиверстовъ! Прошло то время, когда мы хвастались, что тамъ, за рѣкой, между озерами и болотами, въ лугахъ и въ лѣсахъ, не найдется такой тропинки, по которой мы не прошли-бы съ завязанными глазами. Правда, находятъ на меня и теперь минуты, что вспомнится иной разъ эта старина, вспомнятся бывшія походы, возникнетъ передъ глазами знакомое озеро, привидѣтся огонь костра, послышится пѣсня Елизара, далеко-далеко разносящаяся въ ночной тишинѣ—и опять какъ-будто-бы потянетъ меня, и опять какъ-будто-бы пошелъ-бы, пропалъ-бы на нѣсколько дней въ томъ зеленомъ морѣ... Нѣтъ, облѣнился, сотворилъ себѣ иной кумиръ...

Елизаръ не облѣнился, этого никто про него не скажетъ. Онъ, повидимому, такой-же страстный охотникъ, какъ и въ бывшія времена, но если-бы мнѣ дѣйствительно вздумалось вспомнить старину и побродить по лѣсамъ и болотамъ, я ни въ какомъ случаѣ не смотрѣлъ-бы на него, какъ на товарища себѣ. Пусть добрые люди говорятъ сколько имъ угодно о его страстихъ къ охотѣ, я не перестану усмѣхаться всякій разъ, какъ только онъ попробуетъ замкнуться, что „былъ на охотѣ“ или думаетъ отправиться на охоту. Встрѣчу-ли я его, выходящаго изъ дому съ ружьемъ и въ полномъ вооруженіи,—я думаю про себя, что все это хорошо, но только не забылъ-ли онъ пороха? Увижу-ли я его, возвращающагося изъ похода съ ягдташемъ болѣе или менѣе полнымъ дичью,—я рѣдко упушу случай освѣдомиться, дорого-ли онъ далъ за утокъ и почему покупалъ рябчиковъ? Можетъ быть, у него дѣйствительно выходитъ не мало пороха, но это доказываетъ только то, что Елизаръ не скупъ на подарки немущимъ. Можетъ быть, дѣйствительно ему лучше, чѣмъ кому-нибудь другому, извѣстны окрестности нашего города, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы онъ интересовался жизнью пернатого или четвероногого царства. И когда, порою, доносится до моей квартиры эхо отдаленнаго выстрѣла, я никогда не подумаю, что, можетъ быть, это ружье Елизара подаетъ свой голосъ: я знаю, что если онъ и отправился на свою охоту, то непременно обрѣтается въ какой-нибудь Ивановкѣ, Филиповѣ или Вѣшинской, сидитъ за самоваромъ и мирно бесѣдуетъ съ пріятелями, ни-же нѣсть числа. Если онъ ловець, то ловець

людей. Птицы могут относиться къ нему съ такимъ-же довѣріемъ и съ такою-же любовью, съ какими смотрятъ на него люди, мало-мальски его знающіе.

VIII.

Такъ-то; кажется и у меня наконецъ „завелись нервы“, какъ у одной моей знакомой старушки, постоянно увѣрявшей, что нервы только у господъ водятся и вдругъ, на шестьдесятъ четвертомъ году своей жизни, замѣтившей, что „Господи помилуй“, вѣдь и у нея нервы появились! Правда, правда, Анисья Матвѣевна, какихъ только болѣзней не наживешь въ жизни! Ахъ, нервы, нервы! Что, подумаешь, особеннаго было въ дикомъ пѣніи, которымъ Покоевъ еще съ улицы возвѣстилъ о своемъ приближеніи намъ,—мнѣ, Елизару, Катѣ,—только-что начинавшимъ завязывать тихую, дружескую бесѣду? Что, если припомнить, необычайнаго было въ томъ, что онъ черезчуръ громко хлопнулъ калиткой, придавилъ въ сѣняхъ кошку и на ея жалобные вопли крайне озлобленно отвѣчалъ: „чортъ тебя побери! чего ты разлеглась тутъ“? то-есть, именно тамъ, гдѣ идетъ онъ, Покоевъ? Что, я говорю, особеннаго, новаго, непредвидѣннаго было въ этомъ маленькомъ введеніи и однакоже смѣхъ крошечныхъ, обыкновеннѣйшихъ, такъ сказать, презрѣннѣйшихъ мелочей было совершенно достаточно, чтобы навести на меня тоску, волненіе, томительное безпокойство...

— Уфъ!... Усталъ!... объявилъ онъ, опустившись въ кресло и закрылъ глаза, свѣсилъ голову, даже какъ-то нахохлился, точно птица, собирающаяся вздремнуть.

— Съ какихъ трудовъ? полюбопытствовалъ я сквозь зубы.

— Тамъ... дѣло одно было...

При этомъ онъ тяжело вздохнулъ, началъ что-то шептать про себя, какъ-бы вступая въ разговоръ съ нѣкоторымъ невидимымъ намъ собесѣдникомъ, легонько ударилъ себя по лбу и затѣмъ повелъ изъ подлбья и изъ за синихъ очковъ своими подозрительными глазами, высматривая, какое впечатлѣніе произвели на насъ его таинственные слова, его загадочные жесты, вообще вся его особа.

Длинный, тощій, черномазый, долговолосый актеръ, сдѣлавшійся по волѣ насмѣшливыхъ судебъ посредственнымъ учителемъ!... Я полагаю, что если взять всѣ, даже сомнительныя, его добродѣтели и наложить на нихъ ужасающую массу его пороковъ, слабостей, темныхъ сторонъ, то не обратятся-ли въ прахъ, не исчезнутъ-ли подъ этою великою тяжестью его похвальныя качества?

Да притомъ, и водятся-ли еще они за нимъ?... Не увлекался-ли я, когда однажды, заступаясь за него передъ Катей и стараясь доказать ей, что и онъ тоже „человѣкъ“, не хуже другихъ смертныхъ,—выискивалъ въ немъ не мало добродѣтелей? Не увлекался-ли я тогда, не прибѣгалъ-ли къ самымъ неопозволительнымъ натяжкамъ? Ибо, какъ-же иначе объяснить, что я хорошо помню сущность этого разговора, но добродѣтели Покоева... рѣшительно забылъ, не понимаю, какія обрѣталъ я, какія могъ обрѣсти я въ немъ добродѣтели?... Не выставлялъ-ли я тогда на видъ его дѣятельность? Но что хорошаго можно сказать о дѣятельности такого человѣка, который дѣйствительно съ жаромъ хватается за всякое дѣло, много суетится, еще больше говорить, по возможности портить все, за что ни возьмется и сейчасъ же остываетъ?... Не восхвалялъ-ли я его, сколько мнѣ помнится, за то, что онъ какъ будто-бы „живой“ человѣкъ, хотя-бы сравнительно съ Дѣдовымъ, — вѣчно движется, постоянно чѣмъ-нибудь занятъ, непременно что-нибудь преслѣдуетъ, всегда имѣетъ какой-нибудь предметъ для разговора и никогда не бываетъ скучнымъ, молчаливымъ гостемъ?...

Это правда, это святая правда, онъ никогда не нагонитъ своимъ посвщеніемъ скуку, но, Господи Боже мой! есть состоянія хуже самой злой скуки и не даромъ-же говоритъ одинъ мой знакомый: „вчера у меня былъ Покоевъ, просидѣлъ весь вечеръ и, вы понимаете, конечно я боленъ сегодня...“

Ужасный человѣкъ! Что-бы онъ ни говорилъ вамъ, какія-бы недѣлныя, дикія мысли ни развивалъ передъ вами,—ни подъ какимъ видомъ не возражайте ему: это совершенно бесполезно, ибо ему нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до вашихъ мыслей, онъ знаетъ только свое мнѣніе, слышитъ только свой собственный голосъ и всякое противорѣчіе поведетъ единственно къ тому, что онъ будетъ говорить все громче, громче и громче. Какія-бы ни были

у васъ, интересныя или неинтересныя, пустыя или важныя, новости,—не пробуйте сообщать ему, хотя-бы и по секрету,—ибо снѣ завтра-же забѣжитъ къ вамъ „на минутку“, просидитъ нѣскольکو часовъ, по секрету-же передастъ вамъ то, что отъ васъ-же слышалъ, но передастъ въ такомъ видѣ, что у васъ волосы встанутъ дыбомъ. Не ссылайтесь въ разговорѣ съ нимъ на какое-либо письмо, полученное отъ вашего общаго знакомаго, ибо очень легко можетъ статься, что Покоевъ пожелаеъ видѣть это письмо. Не употребляйте въ его присутствіи неопредѣленныхъ выраженій въ родѣ: „одинъ мой знакомый“, „одна дама“, „я слышалъ“, такъ-какъ онъ почти непремѣнно спроситъ: „кто такой“? кто она“? „отъ кого слышали“? Не говорите ему о какой-нибудь ошибкѣ или слабости, о какомъ-либо проступкѣ или промахѣ уважаемаго вами человека, потому-что, очень можетъ быть, Покоевъ быстро порѣшитъ: „вотъ подлець-то!...“

Вообще говоря, я ничего противъ него не имѣю, мнѣ отъ него ни тепло, ни холодно, но за что испортилъ онъ мнѣ сегодняшній вечеръ, за что наказалъ онъ меня невыносимою головною болью, унявшеюся только съ его уходомъ? Нѣтъ, право, до сихъ поръ, пока у меня „не завоились нервы“, я охотно бралъ на себя комиссію занимать, такъ сказать, отвлекать его отъ другихъ, нежелающихъ молчать и наслаждаться покоевскимъ краснорѣчіемъ, но теперь,—слуга покорный, пусть вѣдаются съ нимъ, какъ знаютъ...

Конечно это не особенно трудная комиссія занимать такого человека. Заведите рѣчь хотя о чаѣ, стоящемъ на столѣ, — Покоеву это рѣшительно все равно, какую-бы матерію для разговора вы ему ни предлагали,—онъ поддержитъ васъ, заговоритъ о магазинѣ, изъ котораго вы берете этотъ чай, благополучно перейдетъ къ чайной торговлѣ, отсюда къ торговлѣ вообще и далѣе, и далѣе, и далѣе... Начните съ сигары, которую вы ему предлагаете, заговорите о лампѣ, стоящей передъ вами, о свѣчакъ, о спичкахъ, о дровахъ, все равно, рѣшительно все равно, всѣ дороги ведутъ въ Римъ, заговорите только, не стѣсняйтесь въ выборѣ сюжета, а Покоевъ ужъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ молчать.

Сегодня, напримѣръ, я началъ съ дѣдовскаго пиршества, въ которомъ принималъ участіе и онъ, Покоевъ.

— Ну, Дядовъ, разумѣется, навралъ на меня, поддержалъ онъ и распространился на ту тему, что у него, Валерьяна Петровича Покоева, какая-то совершенно особая, феноменальная организація, что онъ „конечно“ почти совсѣмъ не пьетъ и все-таки при случаѣ можетъ выпивать неимоверное количество алкоголя, что были, наприимѣръ, такіе-то случаи, такія-то обстоятельства, тамъ-то, тогда-то и такъ дальше, дальше, дальше...

Да, для здороваго, спокойнаго, флегматичнаго, притомъ ничѣмъ незанятаго человѣка дѣйствительно не особенно трудно вынести часа три, четыре маленькой пытки, но когда это время можно-бы было провести лучше, когда тутъ-же рядомъ слышатся отрывки изъ другого разговора, захватывающаго за сердце, когда на душѣ тяжело, тогда,—Боже мой!—у кого только не „появятся нервы?!“ Кто только не возненавидитъ Покоева и не взглянетъ на него со скрежетомъ зубовнымъ?!

— Что вы мнѣ говорите о дѣлѣ! долетить до меня изъ горячей задушевной бесѣды, щедшей на балконы.—Мало-ли дѣла! За то-бы взялись, другое-бы кажется можно было сдѣлать, за третье хотѣлось-бы приняться, попробовать... А какъ подумаешь—и руки опускаются... Вѣдь ничего, рѣшительно ничего не могу, не знаю, совсѣмъ лишняя...

А дальше Покоевъ точно замѣтитъ, что его слушаютъ не съ должнымъ вниманіемъ и возвыситъ голосъ.

— Двадцать четыре года! послышится смѣхъ и голосъ Елизара.—Вамъ дѣйствительно двадцать четыре,—не ослышался я? Ну, я желалъ-бы, чтобы мнѣ было двадцать четыре года! Всю жизнь, пожалуй, можно-бы было начать снова,—и ошибиться, и еще разъ снова... Да, это дѣйствительно старость, дѣйствительно не поздно-ли!...

А дальше я усматриваю, что Покоевъ тоже начинаетъ интересоваться разговоромъ, происходящимъ на балконахъ и напрягаю не малыя усилія, чтобы „занять“ его.

IX.

Все это нервы, небольшое какъ нервы!... Это до такой степени нелѣпныя мысли, что я, пожалуй, недурно-бы сдѣлалъ, если-

бы занесъ ихъ въ эту тетрадь, ибо пройдетъ день, другой, — и я конечно забуду о нихъ...

Сумасбродно, нелѣпо! Конечно, странно было сегодня поведеніе Елизара, въ которому я зашелъ отвести душу, — но что, по-видимому, могло-бы быть проще и натуральнѣе, если-бы я объяснилъ себѣ эту странность дѣмъ, что, можетъ быть, у него самого разыгралась какая-нибудь своя собственная семейная исторія? Не даромъ-же вѣдь были заплаканы глаза у Варвары Алексѣевны; не даромъ-же, когда она заговорила о Елизарѣ, губы ея такъ часто вздрагивали, какъ будто-бы она вотъ-вотъ сейчасъ разрыдается...

Маленькое, худенькое, хорошенькое созданіе съ кроткими голубыми глазами и причудливыми кольцами темныхъ кудрей, нависшими надъ бѣлымъ лбомъ! Мнѣ думается иногда, что ей частенько приходится плакать и когда я загляну посерьезнѣе въ ея положеніе, право, мнѣ становится очень и очень жаль ее... Добрая душа! Какими озабоченными, большими, какъ-будто-бы даже испуганными глазами смотрѣла она на меня, когда я усѣлся противъ нея и попросилъ ее налить и мнѣ стаканъ чаю.

— Да что это, въ самомъ дѣлѣ, Семенъ Кириллыч! говорила она съ укоризной. — Что это, право, вы съ собой дѣлаете?... Вы посмотрите въ зеркало, какъ вы похудѣли; ну, посмотрите: не правда-ли, какъ вы измѣнились?...

Я сказалъ, что, въ сожалѣнію, ни одинъ докторъ мнѣ не поможетъ, что, говоря по секрету, нѣсколько лѣтъ назадъ я совершилъ одно великое преступленіе и вотъ теперь меня начала мучить совѣсть.

— Ахъ, что вы это! воскликнула она съ маленькимъ испугомъ и сама сейчасъ-же засмѣялась. — Ну, куда вамъ какое-нибудь преступленіе сдѣлать!... Похожи-ли вы на такого человека?...

Ее, какъ видно, очень разсѣшила эта нелѣпая идея, что я, Семенъ Кулевъ, могу совершить какое-либо злодѣйство; но стояло мнѣ только заикнуться о Елизарѣ, и моя бѣдная, маленькая вузина сразу притихла и запечалилась.

— Елизаръ Никитичъ въ саду, сказала она коротко.

— Занимается какимъ-нибудь „маленькимъ приспособленіемъ?“ — полюбопытствовалъ я. — Придумываетъ какое-нибудь новое мель-

ничное колесо для пріятеля? Или можетъ быть плугъ какой-либо изобрѣтаеть?...

— Право я не знаю, Семень Кирилчъ, отвѣчала она грустно. — Елизаръ странный какой-то: на цѣлую недѣлю пропадетъ куда-нибудь и хоть-бы слово сказалъ, куда онъ уходитъ и скоро-ли воротится... Только-что придетъ домой,—сейчасъ-же книгами займется и даже за обѣдомъ книгу передъ собой положить... Вѣдь это обидно даже,—не правда-ли?

А голось у нея такъ и обрывался, по губамъ такъ и пробѣгала легкая дрожь, которую я никогда не могъ видѣть равнодушно. Бѣдная, маленькая сестричка! Неужели Елизаръ разлюбилъ ее?

Я попробоваль-было завести разговоръ о цвѣтахъ, къ которымъ она чувствуетъ нѣкоторую слабость, но сегодня и цвѣты не интересовали ее.

— Да, Елизаръ въ послѣднее время совсѣмъ, совсѣмъ не похожъ на прежняго Елизара,—вы не замѣчали этого? заговорица она сейчасъ-же, какъ только мы отошли отъ оконъ и отъ цвѣтовъ.—А Катерина Александровна все скучаетъ?

— Хандрить, отвѣчалъ я.

— Да? спросила она.—Посмотрите, какая хорошенькая бабочка, не правда-ли?

Я согласился, что бабочка дѣйствительно очень миленькая, затѣмъ заговорилъ о Катѣ, стараясь придерживать юмористическаго тона, упомянулъ о томъ, что у меня появились нервы и вдругъ мнѣ начало казаться, что во взглядѣ моей сестрички свѣтится нѣчто особенное, странное, неприязненное, — что она и спрашивала-то о Катѣ какъ-будто-бы вовсе не такъ, какъ прежде спрашивала.

Бѣдная, глупенькая! Она, кажется, приревновала своего Елизара къ Катѣ,—размышлялъ я, выходя въ садъ. Мнѣ слѣдовало-бы, конечно, усмѣхнуться по поводу этого неожиданнаго открытія, но вмѣсто того вспомнилось мнѣ къ чему-то, что никогда Катя не бываетъ такъ оживлена, какъ именно въ то время, когда она бесѣдуетъ съ Елизаромъ, что ни о комъ Катя не говоритъ съ такимъ удовольствіемъ, какъ опять о немъ-же, о Елизарѣ, объ этомъ „рыцарѣ безъ страха и упрека...“

Широкая, прохладная аллея, усыпанная крупнымъ желтымъ

пескомъ; длинный сосновый столъ, окруженный скамейками и бѣлыми стульями; стоѣтняя, развѣсистая „березышка съ кудрявою косой“, подъ которой пріютился этотъ лѣтній кабинетъ Елизара; древній портфель на столѣ, обтянутый истертымъ тюлоннымъ мѣхомъ, — всѣ эти давно знакомые старыя пріятели взглянули на меня какими-то совсѣмъ иными, вовсе не дружескими глазами. Я полагаю, ничего особеннаго не было во взглядѣ, которымъ меня встрѣтилъ Елизаръ, — но мнѣ показалось, что есть нѣчто. По всей вѣроятности, онъ пожалъ мою руку ни холоднѣе, ни вѣпче, чѣмъ всегда, но мнѣ подумалось, что и въ этомъ было что-то не по старому.

— Конечно, я помѣшалъ тебѣ? спросилъ я.

— Да вѣдь не къ спѣху, было мнѣ короткимъ отвѣтомъ.

О „маленькомъ и дешевомъ приспособленіи“ для корчеванія пней, — которое онъ обѣщаль устроить своимъ пріятелямъ въ деревни Вѣкшинской, — о крестьянскихъ дѣлахъ, по которымъ онъ взялся хлопотать, гдѣ слѣдуетъ, и обо всемъ подобномъ онъ бесѣдовалъ еще довольно охотно, но когда я заговорилъ о себѣ, о Катѣ, право онъ повелъ себя очень, очень странно... Сначала онъ поглядывалъ на вершины деревьевъ, на облачка, потомъ внимательно слѣдилъ за малиновкой, суетившейся въ кустѣ, а наконецъ взялъ карандашъ и совсѣмъ погрузился въ черченіе какихъ-то іероглифовъ.

— Мнѣ думается иногда, что я сдѣлалъ преогромную ошибку въ выборѣ себѣ подруги жизни, говорилъ я полушутя, полусерьезно, покачиваясь на стулѣ и курилъ сигару.— Серьезно. Мнѣ, я полагаю, слѣдовало-бы отдать свое сердце какой-нибудь изъ такъ-называемыхъ „простыхъ“ женщинъ,—право. Была-бы она недурна собой, почитывала-бы изрѣдка чувствительные романы, обладала-бы добрымъ сердцемъ, а выше всего на свѣтѣ ставила-бы тихую, мирную семейную жизнь.

— И ты былъ-бы счастливъ? спросилъ онъ.

— Счастье—это слишкомъ широкое слово, отвѣчалъ я.— Конечно, что говорить, и тогда на мое мирное небо набѣгали-бы до временамъ тучки, — въ родѣ хандры, капризовъ, скуки,— нельзя безъ этого. Но вѣдь, я полагаю, купить моею предлагаемой подругѣ новое платье къ празднику, доставить ей ка-

кое-нибудь маленькое удовольствіе, въ видѣ, напримѣръ, прогулки, — и этого было-бы совершенно достаточно, чтобы тучки разсѣялись и солнце опять засіяло во всемъ своемъ блескѣ... Не такъ-ли?... Но если мнѣ говорить, что жизнь невыносимо пуста, что люди отвратительно гадки, что могу я сдѣлать въ такомъ случаѣ? Что я сдѣлаю, Елизаръ? Что я въ состояніи подѣлать съ этою жизнью, которая пуста, съ этими людьми, которые гадки?

Онъ положилъ карандашъ, легъ спиной на скамейку и заложилъ подъ голову руки.

— Ты похудѣлъ, произнесъ онъ послѣ небольшой паузы.

— Скучно, Елизаръ, отвѣчалъ я, — скучно... Тѣмъ болѣе, какъ согласишься вокругъ себя, жить, право, можно-бы было не дурно, очень не дурно... На небѣ, посмотри, ни тучки, птицы распѣваютъ очень хорошія пѣсни, все блеститъ, ликуетъ, цвѣтеть...

— Да, цвѣты и небо хороши, не безъ ироніи согласился онъ.

— А жизнь пуста, люди гадки, хочешь ты сказать? спросилъ я. — Не знаю я, не знаю... Люди, кажется, какъ люди: не безъ сердца и не безъ добродѣтелей... Жизнь — и жить, кажется мнѣ, можно, пожалуй даже и очень не дурно...

Елизаръ поднялся со своей скамьи, сѣлъ, пристально посмотрѣлъ на меня и наконецъ спросилъ очень серьезно:

— Что это, я какъ-будто-бы не узнаю тебя?...

— Въ самомъ дѣлѣ?...

— Какъ-будто-бы ты прежде не такой былъ?...

— Жаль, сказалъ я довольно холодно.

Неужели онъ, всегда деликатный, чуткій, не вѣдалъ на этотъ разъ, что хотя я шучу, смѣюсь, говорю вообще въ легкомъ тонѣ, но на сердцѣ у меня скребутся черныя кошки? Неужели онъ, привыкшій читать на моемъ лицѣ, какъ по книгѣ, — не замѣтилъ, что меня глубоко уязвили его послѣдніе вопросы? Нѣтъ, онъ заговорилъ объ убійствѣ, совершившемся недавно въ Архангельской улицѣ, потомъ о какомъ-то становомъ, далѣе еще о чемъ-то, до чего мнѣ не было ни малѣйшаго дѣла... Право, какъ-будто-бы онъ изъ вѣжливости „занималъ“ меня!...

X.

Прескверное положеніе! Что за выразительный взгляд былъ у Кати, когда я наконецъ поднялъ глаза и голову послѣ этой сцены.

— Что, получилъ урокъ? говорилъ этотъ взглядъ.—Я знаю, что тебѣ не хорошо, очень не хорошо, но что дѣлать, — ты самъ виноватъ во всемъ.

Тягостное, подавляющее положеніе! Чувствовать, что тебя побили, унизили и вмѣстѣ съ тѣмъ сознаваться въ глубинѣ души, что самъ далъ къ этому нѣкоторый поводъ, — можетъ-ли что-нибудь быть тяжелѣе и обиднѣе? Горить отъ стыда лицо, опускаются руки и вмѣстѣ съ тѣмъ шевелится въ сердцѣ адовитое, нехорошее, какъ-будто-бы даже мстительное чувство. Нѣтъ, Елизаръ, — утечетъ, я думаю, не мало воды, прежде чѣмъ я въ состояніи буду забыть сегодняшній вечеръ и пожать твою руку такъ-же тепло и сердечно, какъ было до сихъ поръ. Не правъ я, но и ты не можешь сказать, чтобы поступилъ такъ, какъ слѣдовало тебѣ поступить... Можетъ быть, не долженъ-бы я былъ терпѣть у себя въ квартирѣ гостей, подобныхъ Алянову, но не подлежить также сомнѣнію и то, что ты могъ-бы высказать твое мнѣніе нѣсколько въ иной формѣ.

Я самъ не хуже другихъ знаю цѣну этому Алянову. Мнѣ извѣстно, что онъ господинъ чрезвычайно изящный и чистый, что касается до внѣшности. Онъ не переноситъ, чтобы въ его присутствіи произносились грубыя слова или рѣзкія выраженія; онъ не способенъ уважать челоуѣка, на сюртукѣ котораго замѣтитъ пятно; въ до глубины души возмутите его, если бросите окурокъ папирсы на полъ; въ жестоко обидите его, если передвинете какую-нибудь бездѣлушку на его письменномъ столѣ, — но я сильно сомнѣваюсь, чтобы его нравственныя требованія были такъ-же изящны, имѣю много основаній думать, что его совѣсть далеко не отличается чистотой. Я не знаю, будетъ-ли два года, какъ онъ пріѣхалъ въ нашъ городъ. Я не помню, въ какихъ именно выраженіяхъ возмущался онъ сначала, что становые бьютъ крестьянъ, исправники тоже, но за то живъ въ моей памяти тотъ неожиданный пассажъ, что онъ при первомъ-же „дѣ-

лѣ“ самъ началъ драться и затѣмъ повсюду удивлялся: „я не понимаю, я не понимаю, какъ вы можете возиться съ этими животными!“

Что бѣдно, то возбуждаетъ въ немъ отвращеніе, потому-что грязно; откровенное слово ненавистно ему, потому-что кажется слишкомъ рѣзкимъ; что люди могутъ быть друзьями—этого онъ не допускаетъ, такъ-какъ за дружбой, по его понятію, непременно слѣдуетъ грубая фамиллярность. Таковъ онъ. Я не даль-бы за него ломаного гроша и однакоже, какъ оказывается, онъ мнѣ дорого, очень дорого стоитъ.

Сегодняшнія разсужденія его о лѣности и пьянствѣ мужиковъ были, конечно, пошлы, но Елизаръ, я полагаю, лучше-бы сдѣлалъ, если-бы просто пережѣнилъ разговоръ, ему неправившійся. Сама эта знаменитая фраза: „и что вамъ за охота заступаться за это грязное мясо, пропитанное сивухой“! конечно груба, возмутительна, дерзка, пожалуй, я согласенъ, но встать, не кинуть Алянову даже головой, едва дотронуться до моей руки и уйти, — какъ сдѣлалъ Елизаръ, — это уже слишкомъ! Не значило-ли это дать между прочимъ и мнѣ пощечину?

Ну, да, я глупо мягкосердеченъ, что дѣлать; я не могу выгнать изъ своей квартиры человѣка, который смотритъ на міръ Вожей иными глазами, чѣмъ смотрю я; можетъ быть, это дурно, но получать такіа пощечины я, право, не привыкъ.

XI.

Глупо, очень глупо; я самъ сознаю, что учиняю глупость за глупостью, но что-же мнѣ дѣлать, если я и прежде-то никогда не могъ переносить, чтобы меня „жалѣли“, а теперь я боленъ, раздраженъ, теперь мнѣ больше, чѣмъ когда-нибудь хотѣлось-бы, чтобы меня оставили въ покоѣ. Можетъ-ли быть что-нибудь тяжелѣе и непріятнѣе, когда на человѣка смотреть въ упоръ „большими“, сокрушенными глазами, печально покачиваютъ головой и говорятъ: „бѣдный, бѣдный!..“

Этому бѣдному, пожалуй, дѣйствительно невыносимо тяжело, но при этомъ ему, можетъ быть, менѣе всего желательно, чтобы кто-нибудь заглядывалъ въ его глаза, въ его душу. На душѣ у него,

можетъ быть, очень темно, мрачно, грязно. Онъ думаетъ, можетъ быть, именно о томъ, что вчера получилъ отъ своего друга нѣчто въ родѣ пощечины, что онъ униженъ передъ дорогими ему людьми, — и рядомъ съ этими горькими думами поднимается въ немъ досада, зависть, мелкая злоба, многія подозрѣнія...

Конечно, что мудренаго въ томъ, что я дѣйствительно былъ жалокъ? Даже и вчера вѣдь, послѣ этой выходки Елизара съ Аляновымъ не было мнѣ такъ скверно, какъ сегодня утромъ. Солнце-ли озаряющее *все* яркимъ свѣтомъ, причиной этому, — нервы-ли разыгрываются все сильнѣе и сильнѣе, — не знаю я. Не знаю, не произошло-ли сегодня за нашимъ утреннимъ чаемъ даже чего-нибудь особеннаго? Напримѣръ, не обратилась-ли Катя ко мнѣ съ какимъ-нибудь вопросомъ, а я, въ своей задумчивости, не слышалъ его и все продолжалъ барабанить пальцами по скатерти, все продолжалъ смотрѣть поверхъ газеты, лежавшей у меня на колѣнахъ, въ пустой уголь, какъ будто-бы тамъ совершалось видимое только мнѣ одному, очень интересное, хотя и грустное представленіе? Что мудренаго! Когда я очнулся наконецъ и мелькомъ взглянулъ на Катю, — она, какъ видно, давно уже пристально смотрѣла на меня, и смотрѣла именно „большими“ глазами, именно какъ на „обѣднаго“, какъ на человѣка, котораго „обидѣли“, котораго слѣдуетъ „пожалѣть“... Господи, что можетъ быть неспрiятнѣе этого!..

— Ты, кажется, захандрилъ, Семенъ? спросила она.

— Я? вовсе нѣтъ!..

Но Катя ласково и осторожно, какъ съ больнымъ, наставляла, что ей кажется, будто я утаиваю истину, не хочу сказать правды.

Я раздражительно отвѣчалъ, что, можетъ быть, ей и еще что-нибудь кажется, напримѣръ, что я боленъ, что у меня есть какое-нибудь великое горе, что у меня на душѣ лежитъ кака-нибудь страшная тайна...

— Я совершенно здоровъ, я вполне счастливъ, мнѣ очень весело, — не безпокойся пожалуйста обо мнѣ, закончилъ я, чуть не задыхаясь.

Хороши, конечно, уже и эти слова сами по себѣ, но нужно было слышать голосъ, которымъ они говорились, видѣть взглядъ ихъ сопровождавшій, чтобы вполне понять, что Катя дѣйствительно ничего не оставалось дѣлать, какъ спросить меня:

— Ты больше не хочешь чаю?..

И поспѣшно уйдти въ свою комнату.

Глуно! Боже мой, какъ все это глуно! И черезъ всю-то мою жизнь проходить та неизмѣнно присущая мнѣ черта, что стоитъ только мнѣ всплыть, обидѣть кого-нибудь и, все равно не правъ я или совершенно правъ, но непременно сейчасъ-же начинаю раскаиваться и готовъ рвать на себѣ волосы. Только-что дверь затворилась за Катей, я облокотился обѣими руками на столъ, спряталъ лицо въ ладони и долго сидѣлъ въ этомъ положеніи, страдая, злясь на самого себя, раскаяваясь. Мнѣ хотѣлось воротить ее, позвать, самому пойдти къ ней, склонить въ ея колѣна свою больную голову, просить прощенія, пожалуй плакать, цѣлуя ея милныя руки...

XII.

— Скажи пожалуйста, что тебѣ за охота пускать къ себѣ такихъ гусей, какъ Аляновъ? было чуть-ли не первымъ словомъ Елизара, когда я, возвратившись сегодня домой, засталъ его у насъ.

— Да, я самъ вижу, что мнѣ не слѣдовало этого дѣлать, согласился я.

Ему видимо бросилась въ глаза сухость моего тона, но онъ не возвращался болѣе къ этому сюжету и, послѣ коротенькой паузы, какъ ни въ чемъ не бывало, повелъ рѣчь о городскихъ происшествіяхъ. Новости дня! Я желалъ-бы знать, что мнѣ до нихъ или что ему онѣ? Не о новостяхъ-же, должно думать, говорила ему съ такимъ волненіемъ Катя, когда я проходилъ по улицѣ и по двору мимо нашихъ раскрытыхъ оконъ.

XIII.

Слѣпота, слѣпота! И что мудренаго въ томъ, что Катя не только теперь полюбила Елизара, а пожалуй уже давно любить его, хотя, можетъ быть, и по сіе время не даетъ себѣ правильного отчета въ своемъ чувствѣ? Не говорила-ли она сотню разъ что онъ, этотъ ея „рыцарь безъ страха и упрека“—одинъ, и

нѣтъ ему равнаго? Не готова-ли она была всегда хоть цѣлыя ночи напролетъ слушать мои безконечные рассказы о подвигахъ и добродѣтеляхъ Елизара? Не совпадало-ли наконецъ постоянно, насколько я могу теперь припомнить, — появленіе ея хандры именно съ тѣми днями, когда онъ являлся передъ нами во всемъ своемъ величіи, грома темное *настоящее*, развивая свои мечтанія о прекрасномъ *будущемъ*, мечтанія дѣйствительно великія, дѣйствительно съ неотразимою силою увлекавшія всѣ юныя и чуткія сердца.

Ты *ирой*, Елизаръ, и она знаетъ, что ты *ирой*, хотя конечно произносить это слово иначе. Не рассказывалъ-ли я ей, повторяю, десятки разъ о твоей жизни, пополняя мои повѣствованія все новыми и новыми подробностями, воскресавшими въ моей памяти? Не водилъ-ли я ее чуть-ли не на поклоненіе тѣмъ мѣстамъ, въ которыхъ протекла твоя юность, тѣмъ камнямъ, на которые когда-либо ступала твоя нога? Вотъ замѣчательный островокъ, не безъ торжественности рассказывалъ я ей въ одну лѣтнюю ночь, когда мы плыли на лодкѣ по нашей многоводной рѣкѣ. Я не знаю, было-ли Елизару двѣнадцать лѣтъ, когда онъ чрезвычайно заманчиво приглашалъ всѣхъ своихъ юныхъ друзей покинуть родные очаги, сестеръ и матерей и удалиться сюда, дабы построить свой городъ и завести новую жизнь, въ которой не будетъ ни розогъ, ни свирѣпыхъ учителей, ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, а братская, вольная жизнь на подобіе Запорожской Сѣчи въ „Тарасѣ Бульбѣ“. Онъ увлекъ всѣхъ, кого хотѣлъ увлечь, мы хранили наше предпріятіе въ глубокой тайнѣ, мы съ величайшимъ жаромъ готовились къ переселенію, копили деньги, собирали оружіе и, не могу себѣ представить, чѣмъ-бы окончилась вся эта маленькая исторія, если-бы Елизаръ не заболѣлъ корью и не увлекся по выздоровленіи изобрѣтеніемъ воздухоплавательнаго снаряда. А вотъ въ этомъ ветхомъ домикѣ, показывалъ я Катѣ, проходя съ нею по Рыбацкой слободкѣ, пріютился Елизаръ, когда онъ черезъ три года послѣ этой исторіи убѣжалъ изъ деревни отъ дяди, желавшаго, кажется, опредѣлить его въ приказчики. До сихъ поръ живъ еще владѣлецъ этой лачужки, древній отставной сторожъ нашей гимназіи и по сію минуту не можетъ онъ видѣть Елизара, часто его навѣщающаго, чтобы не умилиться до слезъ при воспоминаніяхъ

о томъ, какимъ трудомъ зарабатывалъ тогда его юный жилецъ свой насущный кусокъ хлѣба, учился самъ, училъ дѣтей своего хозяина, писалъ письма для неграмотныхъ сосѣдей и за каждое письмо получалъ по тогдашней гривнѣ вознагражденія.

Вотъ грязное уѣздное училище, въ которомъ Елизаръ продержался всего одинъ только годъ. Но когда онъ окончилъ свой послѣдній урокъ, сталъ прощаться съ учениками и сказалъ, что уѣзжаетъ на нѣсколько лѣтъ въ Петербургъ, и надѣется по возвращеніи встрѣтиться съ ними, какъ съ добрыми друзьями, какъ съ хорошими, славными людьми, — Боже мой, видѣло-ли когда-нибудь это мрачное зданіе, съ той поры какъ оно построено, что-либо подобное этому прощанію? Рассказываютъ, что все училище окружило его тѣсной толпой, медленно подвигалось за нимъ на лѣстницу, на дворъ, на улицу; маленькіе плакали навзрыдъ и кричали, что они не хотятъ, чтобы Елизаръ уѣзжалъ, — великовозрастные смотрѣли мрачно, очень мрачно и потихоньку утирали глаза кулаками. Прибавляютъ, что при Елизарѣ не случилось въ шеолѣ ни одной кражи, ни одной грязной исторіи, не было между учениками доносчиковъ, не было взяточниковъ...

А тамъ, на берегу рѣки, есть фабрика, гдѣ спуска нѣсколько лѣтъ, онъ былъ управляющимъ. Не долго и тамъ онъ ужился, но войдите въ красныя кирпичныя ворота этого зданія, спросите попавшагося о „старомъ управляющемъ“ и вы увидите, что кто и не работалъ при немъ, тотъ навѣрное отъ другихъ слышалъ о Елизарѣ Никитичѣ — его всѣ знаютъ, всѣ помнятъ, всѣ и теперь идутъ къ нему въ случаѣ нужды, недоразумѣнія, спора и всѣ скажутъ: „не было другого такого человѣка и не будетъ!“ Да, ты одинъ, Елизаръ, ты, дѣйствительно одинъ. И откуда у тебя эта власть надъ моимъ сердцемъ? Привычка-ли это? Сила-ли бывшей дружбы? Возникнетъ передо мной твой образъ и я чувствую, что немного такихъ жертвъ, которыхъ я не принесъ-бы ради тебя, нѣтъ такихъ лишеній, на которыя я и теперь еще не пошелъ-бы для тебя...

Какая, какая же женщина, которая знала-бы его такъ-же хорошо, какъ я знаю, не пошла-бы за нимъ на край свѣта, не умерла-бы за него по одному его знаку?

Есть что-то привлекающее къ нему вниманіе даже въ его

наружности: въ его высокой, сильной, гордой фигурѣ, загорѣлымъ лицѣ, легкой походкѣ, огненныхъ глазахъ, которые не опустятся, я знаю, ни передъ кѣмъ и ни передъ чѣмъ на свѣтѣ, ибо ему не за что краснѣть и онъ не знаетъ страха. Есть что-то симпатичное въ его голосѣ, нѣчто неотразимо обаятельное въ его краснорѣчьи, и нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что какой-нибудь Прокофьевъ или Воскресенскій ни за что не стануть говорить съ Елизаромъ, дабы не впасть въ искушеніе, не усумниться въ своихъ идеалахъ.

— Вѣруй, и ты будешь двигать горами, усмѣхаясь говаривалъ онъ мнѣ.

Послушайте этого человѣка въ многолюдномъ обществѣ, — вы скажете, что онъ созданъ ораторомъ; зайдите къ нему въ рабочую комнату, посмотрите его „маленькія приспособленія“, вамъ будетъ казаться, что онъ даровитый механикъ, отъ котораго можно-бы было ожидать чрезвычайно многого, если-бы онъ не разбрасывался въ своей дѣятельности, и заперся-бы въ кабинетѣ. Поговорите съ нимъ о политикѣ, о литературѣ, вы окончательно станете въ тупикѣ: что за человѣкъ передъ вами? Откуда онъ беретъ время читать, учить въ гимназій, работать надъ „маленькими приспособленіями“, хлопотать въ судахъ по дѣламъ пріятелей-крестьянъ, ходить на охоту и все-таки не забывать друзей и знакомыхъ, имѣющихся у него во всѣхъ слояхъ общества. Впередъ, все впередъ; дѣлать большое дѣло, если есть возможность, дѣлать малое, если нѣтъ большого, — вотъ девизъ этого рыцаря безъ страха и упрека... Выплыть на своемъ легонькомъ ботикѣ на широкой просторъ рѣки, когда по ней ходятъ грозныя волны, когда свиститъ вѣтеръ, и пѣна брызжетъ черезъ края его лодки; вмѣшиваться въ толпу дѣтей, придумывать для нихъ новыя игры, клеить имъ змѣи или, наконецъ, просто болтать съ ними, — вотъ удовольствія, вотъ отдыхъ Елизара.

И если онъ при всемъ этомъ со вздохомъ говоритъ иногда, что желалъ-бы начать жизнь снова, что много за нимъ ошибокъ, увлеченій, промаховъ, — то что-же могу сказать я о себѣ?.. Оглянешься назадъ, посмотришь въ будущее и тоскливо поникнешь головой, опустятся въ отчаяніи руки. О, моя молодость, о моя, невозвратная молодость!..

Было время, когда и я шелъ рука объ руку съ тобой, мой другъ, мой вождь и учитель; было время, когда и въ моемъ сердцѣ обитала частичка той вѣры, которая двигаетъ горами; свѣтилъ и мнѣ нѣкогда въ непроглядной ночи огненный путеводный столбъ... Слышится и мнѣ таинственный, могучій голосъ, призывавшій „все впередъ, впередъ“, долетали и до моего слуха возбуждающіе, тревожные звуки невѣдомаго колокола, возвѣщавшаго о несчастіяхъ и страданіяхъ, зовущаго на помощь и на работу...

Погасло все, затихло все... И давно уже я „не тотъ, какимъ ты меня знавалъ“, Елизаръ; и чувствую, что мнѣ уже не подняться,—поздно, улетѣли лучшіе годы!.. Опускаешься все ниже, ниже, ниже...

Н. Важинъ.

(Продолженіе будетъ.)

ВЪ ТИХОМЪ ОМУТЪ-БУРЯ.

КНИГА ВТОРАЯ.

Старые и молодые.

ХІІІ.

Послѣ сообщенія, сдѣланнаго Фредомъ, м-ръ Винци рѣшился переговорить съ м-ромъ Бюльстродамъ въ его кабинетѣ, въ банкѣ, въ половинѣ второго — въ то время, когда обыкновенно кончался приѣмъ просителей. Но ровно въ часъ явился посѣтитель, съ которымъ м-ру Бюльстроду нужно было переговорить о такомъ множествѣ предметовъ, что не предвидѣлось возможности, чтобы ихъ свиданіе ограничилось получасомъ. Банкиръ говорилъ чрезвычайно пространно и цвѣтисто и терялъ при этомъ много времени на небольшія паузы между каждой фразой. Не надо себѣ представлять болѣзненнаго м-ра Бюльстрода человекомъ съ желтымъ цвѣтомъ лица и черными волосами; напротивъ, это былъ блондинъ, съ тонкой, бѣлой кожей, съ жидкими темнорусыми волосами, въ которыхъ пробивалась сѣдина, съ свѣтлосѣрыми глазами и съ большимъ лбомъ. Люди, обладавшіе громкимъ голосомъ, называли сдержанный тонъ м-ра Бюльстрода шепотомъ и говорили, будто въ его голосѣ нѣтъ искренности, хотя, повидимому, нѣтъ основанія предполагать, чтобы и люди голосистые не умѣли подчасъ скрыть кое-что, исключая свой собствен-

ный голосъ, если только Святой Промыслъ не сдѣлалъ человѣческія легкія средоточіемъ чистосердечія.

Слушая своего собесѣдника, м-ръ Бюльстродъ принималъ всегда наклоненную, почтительную позу, при чемъ глаза его выражали напряженное вниманіе, вслѣдствіе чего люди, считавшіе, что ихъ стоитъ послушать, выводили заключеніе, что онъ получается изъ ихъ рѣчей. Напротивъ, людямъ скромнаго характера не нравился этотъ, такъ сказать, нравственный фонарь, наведенный на нихъ. Вообразите себѣ, напримѣръ, что вы не имѣете причины гордиться своимъ погребомъ,—вамъ не доставитъ особеннаго удовольствія, если какой-нибудь гость подвинетъ рюмку съ вашимъ виномъ къ свѣту и начнетъ разсматривать ее съ видомъ знатока. Такого рода услажденія достаются только на долю людей, сознающихъ свое достоинство. Вотъ почему пристальный, внимательный взглядъ м-ра Бюльстрода былъ такъ непріятенъ публицистамъ и грѣшникамъ. Мидльмарча; нѣкоторые называли его за это фарисеемъ, другіе — послѣдователемъ евангелическаго исповѣданія. Менѣе поверхностные умствователи между ними допытывались даже, кто были его отецъ и дѣдъ, дѣлая при этомъ замѣчаніе, что 25 лѣтъ тому назадъ никто и не слыхивалъ о Бюльстродахъ въ Мидльмарчѣ. Для теперешняго посѣтителя банкира, для Лейдгата, пронизывающій насковъ взглядъ былъ ни по чемъ; докторъ просто составилъ себѣ невыгодное понятіе о комплекціи Бюльстрода и вывелъ такого рода заключеніе, что у его собесѣдника очень много внутреннего огня и мало сочувствія къ окружающему его міру.

— Вы меня чрезвычайно обяжете, м-ръ Лейдгате, если будете по временамъ заходить ко мнѣ сюда, замѣтилъ банкиръ, послѣ небольшой паузы.—Если, какъ я смѣю надѣяться, я буду имѣть удовольствіе найти въ васъ достойнаго помощника въ интересующемъ меня дѣлѣ управленія больницей, то у насъ найдется множество вопросовъ, о которыхъ намъ нужно будетъ потолковать наединѣ. Что-же касается новой больницы, почти уже оконченной, я непременно прошу принять во вниманіе все то, что вы сообщили мнѣ о выгодахъ особаго отдѣленія для горячихъ больныхъ. Рѣшеніе этого вопроса будетъ зависѣть отъ меня одного, потому-что хотя лордъ Мидлькотъ и отдастъ подѣ

больницу свою землю и далъ лѣсу на постройку, но онъ не расположенъ лично заниматься этимъ дѣломъ.

— Въ такомъ несчастномъ провинціальномъ городѣ, какъ нашъ, замѣтилъ Лейдгатъ, — ваша больница будетъ истиннымъ благодѣяніемъ. Хорошо устроенное горячечное отдѣленіе, вмѣстѣ съ старой больницей, могутъ сдѣлаться ядромъ мѣстной медицинской школы, какъ только у насъ будутъ введены медицинскія реформы. А что можетъ двинуть сильнѣе образованіе хорошихъ медиковъ, какъ не повсемѣстное распространеніе подобныхъ школъ? Боренной-провинціаль, имѣющій въ головѣ хоть одно зерно политическаго смысла и нѣсколько свѣжихъ идей, долженъ употребить всевозможныя усилія для того, чтобы удержать маломальски порядочныхъ людей отъ стремленія къ Лондону. Для каждой болѣе или менѣе значительной профессіи найдется въ провинціи если не столь богатое, за то обширное поле для практики.

У Лейдгата, между прочими достоинствами, былъ также глубокій, звучный голосъ, способный — именно тогда, когда слѣдуетъ, — дѣлаться тихимъ и ласковымъ. Въ его тонѣ, въ его манерахъ проглядывало что-то насмѣшливое; каждое его слово дышало увѣренностью въ успѣхъ; онъ крѣпко рассчитывалъ на свои собственныя силы и нравственную чистоту, выказывая явное презрѣніе къ мелкимъ препятствіямъ и къ соблазнамъ, которыхъ онъ даже еще и не испыталъ; но эта гордо выказываемая откровенность имѣла много прелести, вслѣдствіе какаго-то естественнаго добродушія. М-ръ Бюльстродъ полюбилъ, быть можетъ, доктора именно за то, что между ними существовалъ такой сильный контрастъ по наружности; но, какъ и Розамунда, онъ полюбилъ Лейдгата еще болѣе за то, что тотъ былъ пришлецъ въ Мидльмарчѣ. Съ новымъ человѣкомъ можно предпринять такъ много хорошаго! Можно даже самому сдѣлаться лучше.

— Я буду чрезвычайно радъ удовлетворить ваше рвеніе большой дѣятельностью, отвѣчалъ м-ръ Бюльстродъ. — Я рассчитываю даже поручить вамъ главный надзоръ надъ моею новой больницей, въ случаѣ, если-бы, послѣ зрѣлыхъ размышленій, мнѣ пришлось прибѣгнуть къ этой мѣрѣ, потому-что я рѣшился не заключать это великое предпріятіе въ узкія рамки и не стѣсняться распоряженіями двухъ нашихъ городскихъ врачей. Увѣ-

ряю васъ, что я гляжу на ваше появленіе въ этомъ городѣ, какъ на счастливое указаніе, что мои труды, до сихъ поръ встрѣчавшіе большой отпоръ въ обществѣ, наконецъ увѣнчаются успѣхомъ. Въ отношеніи старой больницы мы одержали главную побѣду—добились вашего избранія. Надѣюсь, что вы не отступите отъ мысли произвести здѣсь реформу изъ страха возбудить противъ себя зависть и неудовольствіе вашихъ собратовъ по профессіи?

— Не хочу хвастать своей храбростью, сказалъ, улыбаясь, Лейдгаты, — но, признаюсь, я очень люблю борьбу. Я былъ-бы невысокаго мнѣнія о призваніи медика, если-бы не былъ убѣжденъ въ возможности открытія лучшихъ способовъ леченія и въ возможности введенія ихъ здѣсь также, какъ и въ другихъ мѣстахъ.

— Знамя докторской профессіи стоитъ весьма низко въ Мидльмарчѣ, дорогой мой сэръ, произнесъ банкиръ.—Я разумѣю тутъ знаніе и искусство врачей; въ общественномъ же отношеніи ваши собраты стѣмѣли хорошо себя поставить: почти всѣ они приняты въ лучшихъ городскихъ домахъ. Мое собственное неудовлетворительное здоровье вынудило меня прибѣгать нерѣдко къ палативнымъ средствамъ, находящимся, по милости Божіей, у насъ подъ руками. Я совѣтовался съ лучшими врачами столицы и съ грустью пришелъ къ тому убѣжденію, что у насъ въ провинціи медицина очень отстала.

— Да, при настоящемъ состояніи медицинскихъ обычаевъ и медицинскаго образованія можно считать себя очень счастливымъ, если время отъ времени натолкнешься на хорошаго практика-врача. Что-же касается внешнихъ вопросовъ, рѣшающихъ, напри-мѣръ, исходный пунктъ діагноза, или распознаваніе настоящихъ причинъ болѣзней, пониманіе которыхъ, даже неглубокое, доступно только человѣку, получившему истинно научное образованіе—то объ этихъ предметахъ сельскіе практики-врачи имѣютъ столько-же понятія, сколько мы всѣ о лунѣ.

М-ръ Бюльстродъ, все время стоявшій въ наклонномъ положеніи и пристально смотрѣвшій на Лейдгата, нашель, что форма, въ которую докторъ облекъ свой отвѣтъ, не совсѣмъ доступна его пониманію. Въ подобныхъ случаяхъ здравомыслящіе люди обыкновенно тотчасъ-же переменяютъ предметъ разговора и

вступаютъ на такую почву, на которой имъ удобнѣе приложить къ дѣлу свои умственные способности.

— Я замѣтилъ, сказалъ онъ, — что главное искусство врачей обращено болѣе всего на изысканіе матеріальныхъ средствъ помощи для больного. Не смотря на то, м-ръ Лейдгать, я надѣюсь, что мы съ вами не разоидемся въ мнѣніяхъ относительно другого способа леченія, который въ дѣйствительности до васъ не совсѣмъ касается, однако въ которомъ ваше сочувствіе можетъ мнѣ очень помочь. Надѣюсь, что вы признаете существованіе духовныхъ потребностей у вашихъ больныхъ?

— Конечно, признаю. Но ваши слова каждый можетъ растолковать по своему, замѣтилъ докторъ.

— Именно такъ. Ошибочное толкованіе подобнаго рода предметовъ опаснѣе невѣжества. Вопросъ, который лежитъ у меня на сердцѣ: это утвержденіе новаго устава для духовныхъ лицъ, служащихъ при старой больницѣ. Зданіе находится въ приходѣ м-ра Фэрбротера. Вы знакомы съ нимъ?

— Да, мы съ нимъ видѣлись. Онъ подалъ голосъ за меня. Мнѣ нужно еще съѣздить поблагодарить его. Повидимому, это превеселый и премилый человѣкъ. Я слышалъ, что онъ натуралистъ.

— М-ръ Фэрбротеръ, дорогой сэръ, человѣкъ достойный глубокаго сожалѣнія. По моему мнѣнію, у насъ во всемъ городѣ нѣтъ священника, который обладалъ-бы такими талантами, какъ онъ.

М-ръ Бьюлстродъ умолкъ и задумался.

— До сихъ поръ, я, къ несчастью, во всемъ Мидльмарчѣ не нашелъ ни одного такого достойнаго сожалѣнія талантливаго человѣка, брякнулъ Лейдгать.

— Моё желаніе состоитъ въ томъ, продолжалъ м-ръ Бьюлстродъ, сдѣлавшись вдругъ еще серьезнѣе: — чтобы мѣсто м-ра Фэрбротера при больницѣ было замѣнено назначеніемъ капелана, — м-ра Тэйка, напримѣръ, — и чтобы никакое другое духовное лицо не имѣло туда доступа.

— Какъ представитель медицины, я не могу подать своего мнѣнія въ этомъ дѣлѣ, пока не узнаю, что за человѣкъ м-ръ Тэйкъ; но я желалъ-бы, сверхъ того, чтобы мнѣ указали случаи, когда его содѣйствіе могло-бы оказаться полезнымъ, заключилъ Лейдгать и улыбнулся, стараясь однако сдѣлать это какъ можно осторожнѣе.

— Я понимаю, что вы въ настоящую минуту не можете вполне вникнуть въ важность этой мѣры; но—тутъ м-ръ Бюльстродъ заговорилъ съ особеннымъ удареніемъ, отчеканивая каждое слово—этотъ вопросъ долженъ быть внесенъ въ больничный совѣтъ. Въ настоящую-же минуту я позволю себѣ рассчитывать на то, что въ виду общности нашихъ будущихъ цѣлей вы не подчинитесь въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло коснется васъ, вліянію моихъ опонентовъ.

— Надѣюсь, что мнѣ не придется вступать въ духовныя пренія, возразилъ Лейдгаты. — Путь, избранный мною, требуетъ только строгаго исполненія докторскихъ обязанностей.

— М-ръ Лейдгаты, на мнѣ собственно лежитъ болѣе обширная отвѣтственность, сказалъ м-ръ Бюльстродъ.—Этотъ вопросъ въ моихъ глазахъ имѣетъ священное значеніе, тогда какъ въ глазахъ моихъ опонентовъ онъ есть ничто иное, какъ средство къ соглашенію. Но я не уступлю имъ ни одной іоты моихъ убѣжденій, иначе я долженъ совсѣмъ отказаться отъ истины, которая такъ ненавистна людямъ подозрительныхъ убѣжденій. Я посвятилъ себя всецѣло улучшенію больницы; но я открыто говорю вамъ, м-ръ Лейдгаты, что всѣ эти больницы потеряли-бы для меня интересъ, если-бы я убѣдился, что въ нихъ хлопочутъ только о матеріальномъ исцѣленіи опасныхъ недуговъ. Я имѣю другую цѣль и не отрекусь отъ нея даже подъ пыткой...

При послѣднихъ словахъ голосъ м-ра Бюльстрода перешелъ въ трагическій шепотъ.

— Въ этомъ мнѣ съ вами разоидеся, началъ было Лейдгаты, и очень остался доволенъ, когда дверь отворилась и доложили о пріѣздѣ м-ра Винци. Этотъ цвѣтушій здоровьемъ общительный господинъ сдѣлался вдвое интереснѣе въ глазахъ доктора съ тѣхъ поръ, какъ онъ увидѣлъ Розамунду. Онъ не мечталъ, конечно, подобно ей, о возможности соединить съ нею свою судьбу; но кто-же изъ мужчинъ не вспоминаетъ съ удовольствіемъ объ очаровательной дѣвушкѣ и не поѣдетъ охотно обѣдать въ тотъ домъ, гдѣ ему предстоитъ случай встрѣтиться съ нею? Прежде чѣмъ докторъ удалился изъ кабинета, м-ръ Винци (хотя дома онъ и говорилъ, что съ этимъ нечего слѣзшій) успѣлъ-таки пригласить Лейдгата къ себѣ на обѣдъ, а вышло это вслѣд-

ствіе того, что Розамунда за завтракомъ упомянула, что новый докторъ, повидимому, въ большой милости у дяди Фетерстона.

М-ръ Бюльстродъ, оставшись глазъ на глазъ съ своимъ зятемъ, налилъ себѣ стаканъ воды и открылъ ящикъ съ сандвичами.

— А тебя, Винци, мнѣ, видно, никакъ нельзя будетъ завербовать въ свой полкъ, произнесъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, и не хлопочи, я въ этомъ дѣлѣ ничего не смыслю. Я не люблю никакихъ тревоженій въ жизни, сказалъ м-ръ Винци, неимѣвший силъ отрѣшиться отъ своей теоріи безмятежности.— Впрочемъ, прибавилъ онъ, ударяя на этомъ словѣ, такъ какъ чувствовалъ, что оно совсѣмъ тутъ не кстати,—я пришелъ потолковать съ тобой объ одномъ дѣлѣ, которое касается моего негодая—мальчишки Фреда.

— Это такого рода вопросъ, на которомъ мы съ тобой можемъ также легко разойтись во взглядахъ, отвѣчалъ Бюльстродъ.

— Надѣюсь, только не на этотъ разъ, возразилъ м-ръ Винци, принявшій твердое рѣшеніе не измѣнять своему пріятному расположенію духа.— Тутъ дѣло идетъ о новой причудѣ старика Фетерстона. Кто-то такой изъ злости выдумалъ сплетню и передалъ ее старику, съ цѣлю возстановить его противъ Фреда. Старикъ очень любитъ Фреда и вѣроятно готовитъ для него что-нибудь въ будущемъ; какъ-то разъ, кажется, даже самъ сказалъ Фреду, будто онъ намѣренъ завѣщать ему свое имѣніе, а это-то именно и возбуждаетъ зависть въ нѣкоторыхъ людяхъ противъ моего сына.

— Винци, я ужъ не разъ говорилъ тебѣ, что отъ меня нечего ждать содѣйствія въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло касается карьеры твоего старшаго сына. Я былъ всегда противъ чувства суетнаго тщеславія, побудившаго тебя избрать для него духовную карьеру; имѣя на плечахъ трехъ сыновей и четырехъ дочерей, ты не имѣлъ никакого права бросать деньги на воспитаніе, которое стоило очень дорого и не привело твоего сына ни къ чему другому, какъ къ лѣни и роскоши. Ты жнешь то, что самъ посѣялъ.

М-ръ Бюльстродъ рѣдко отказывалъ себѣ въ удовольствіи

указывать ближнимъ на ихъ ошибки; но м-ръ Винци, въ свою очередь, рѣдко переносилъ хладнокровно подобнаго рода наставленія. Когда человѣкъ стоитъ наканунѣ своего избранія въ городскіе мэры, когда онъ, имѣя въ виду комерческіе интересы, твердо держится извѣстныхъ политическихъ убѣжденій, то естественнымъ образомъ ему нельзя не сознавать важности своего значенія въ общей связи общественнаго зданія, съ высоты котораго всѣ мелкіе вопросы частной жизни кажутся едва замѣтными точками. Неожиданный упрек зятя возмутилъ его теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь. М-ръ Винци нашелъ совершенно лишнимъ замѣчаніе: ты жнешь то, что самъ посѣялъ. Но чувствуя на своей шеѣ тяжесть ярма, наложеннаго на него Бюльстродомъ, онъ остерегся на этотъ разъ отъ любимой своей привычки ловко отгрызаться въ случаѣ нападенія.

— Тутъ, Бюльстродъ, нечего старое поминать, возразилъ онъ. — Я не принадлежу къ числу твоихъ образцовыхъ людей, да и не претендую на это званіе. Нельзя-же мнѣ было заранѣе предвидѣть комерческій переворотъ; наша торговая фирма была въ Мидльмарчѣ первая, а малый-то былъ съ головой. Притомъ, покойный братъ мой тоже избралъ духовную карьеру и шелъ отлично, онъ имѣлъ уже назначеніе и пошелъ-бы далеко, если-бы по несчастью гастрическая лихорадка не унесла его въ могилу. Я увѣренъ, что теперь онъ былъ-бы уже деканъ. Мнѣ кажется, что всѣ эти причины достаточно оправдываютъ мое стараніе повести Фреда по той-же дорогѣ. Если у человѣка есть религія, онъ, я думаю, всегда можетъ возлагать немного надежды на помощь Провидѣнія и не долженъ скражничать, трястись надъ каждымъ кусочкомъ мяса, вмѣсто того, чтобы быть щедрымъ для своихъ дѣтей. Добрый честный британецъ постоянно хлопочетъ о томъ, какъ-бы возвысить положеніе своей семьи; по моему мнѣнію, обязанность каждаго отца семейства состоитъ въ томъ, чтобы открыть своимъ сыновьямъ хорошую дорогу.

— Винци, какъ истинный другъ твой, я долженъ сознаться, что все, что ты мнѣ сейчасъ нагородилъ, не болѣе какъ смѣсь тщеславной болтовни и непроходимой глупости, замѣтилъ банкиръ.

— Отлично! воскликнулъ м-ръ Винци, чувствуя уже приливъ желанія показать зубы противнику. — Я не говорю, чтобы я не

былъ тщеславенъ; мало того, я даже не знаю человѣка, который не былъ-бы тщеславенъ. Ты самъ, я полагаю, ведешь свое дѣло, руководствуясь, болѣе или менѣе, этимъ чувствомъ. Разница состоитъ тутъ только въ томъ, что одно тщеславіе крошечку честнѣе другого. Вотъ и все!

— Наше настоящее преніе совершенно безплодно, Винци, возразилъ м-ръ Бьюлстродъ, оканчивая свой сандвичъ. Откинувшись на спинку кресла, банкиръ прикрылъ глаза рукою съ видомъ явнаго утомленія. — У тебя, кажется, было до меня какое-то особенное дѣло?

— Да, да, торопливо заговорилъ м-ръ Винци. — Все дѣло въ томъ, что старику Фетерстону передали, опираясь на тебя, какъ на свидѣтеля, будто Фредъ занималъ деньги или искалъ ихъ занять, подъ залогъ дядиной земли. Я увѣренъ, что ты подобной глупости никогда не говорилъ. Но старикъ настаиваетъ на томъ, чтобы Фредъ привезъ отъ тебя собственноручное письменное опроверженіе слуха, т.-е. родъ записки, въ которой-бы ты сказалъ, что не вѣришь ни одному слову сплетни, пущенной въ ходъ на счетъ того, что Фредъ занялъ или искалъ занять денегъ подъ такой странный залогъ. Надѣюсь, что у тебя нѣтъ препятствій исполнить требованіе старика.

— Извини меня! возразилъ Бьюлстродъ. — Препятствіе у меня есть. Я никакъ не могу поручиться, чтобы твой сынъ, по беззаботности или невѣжеству — я не употребляю болѣе рѣзкихъ выраженій — не старался-бы достать себѣ денегъ подъ залогъ будущихъ своихъ надеждъ, или чтобы не нашелся такой дуракъ, который не рѣшился-бы снабдить его деньгами, опираясь на эту неясную теорію вѣроятностей; у насъ въ свѣтѣ столько-же дураковъ кредиторовъ, сколько вообще глухихъ людей.

— Но Фредъ честью своей клянется, что онъ отъ роду не занималъ денегъ подъ залогъ дядиной земли. Сынъ мой не лжетъ. Я его во всемъ прочемъ не оправдываю. Ему отъ меня жутко достается; никто не скажетъ, чтобы я одобрялъ его проступки. Но я знаю, что онъ не лжетъ. А мнѣ кажется, можетъ быть, я не ошибаюсь, что каждый истинный христіанинъ обязанъ вѣрить въ лучшую сторону человѣка, когда онъ объ немъ ничего особенно дурного не знаетъ. По моему, это грѣхъ подставлять ногу юношѣ; отказываясь отъ свидѣтельства въ его невинности,

потому только, что не усматриваешь достаточно причинъ, чтобы вѣрить ему на слово.

— Богъ знаетъ, удружу-ли я еще твоему сыну, расчистивъ ему дорогу къ будущему наслѣдству фетерстоновскимъ имѣніемъ, замѣтилъ Бюльстродъ. — Я не считаю богатство благомъ для тѣхъ людей, которые смотрятъ на него, какъ на земную жатву. Тебѣ не нравится это, Винци, но я чувствую въ настоящую минуту, что я, такъ-сказать, призванъ для того, чтобы предупредить тебя, что я не имѣю охоты помогать передачѣ имѣнія старика Фетерстона твоему сыну. Я смѣло говорю тебѣ, что это наслѣдство не послужитъ къ вѣчному блаженству твоего сына и къ славѣ божіей. Зачѣмъ-же ты хочешь заставить меня написать клятвенное показаніе, которое послужитъ только къ поддержанію въ дядѣ неразумнаго пристрастія и къ утверженію бессмысленнаго завѣщанія?

— Если ты находишь, что никто, кромѣ членовъ церкви, не долженъ имѣть капиталы, что-жъ ты не откажешься въ ихъ пользу отъ участія въ извѣстномъ выгодномъ предпріятіи? А! рѣзнулъ м-ръ Винци.— Не для прославленія-ли имени божія — только конечно, не для славы мидльмарчской торговли—плайм-дальскій магазинъ продаетъ голубья и зеленныя линючія матеріи, полученныя имъ съ фабрики Брассинга? Тамъ, какъ слышно, гноятъ шолкъ. Быть можетъ, если-бы всемъ было извѣстно, что барыши, получаемые отъ такой продажи, идутъ во славу божію, то товары охотнѣе-бы разбирались. Я-то, конечно, гляжу на это дѣло иначе, и если-бы мнѣ только вздумалось, то я поднялъ-бы гвалтъ за подобный обманъ.

М-ръ Бюльстродъ не вдругъ собрался съ духомъ, чтобы отвѣтить.

— Ты меня чрезвычайно огорчаешь, выражаясь такимъ образомъ, Винци, заговорилъ онъ наконецъ.— Конечно, тебѣ никогда не понять побудительной причины, заставляющей меня такъ дѣйствовать. Пробивать себѣ дорогу въ запутанномъ лабиринтѣ міра сего чрезвычайно трудно для человѣка съ твердыми правилами — по оно еще труднѣе для человѣка безпечнаго и насмѣшливаго. Прошу тебя не забывать, что если я оказываю тебѣ снисхожденіе, то только потому, что ты братъ моей жены; тебѣ неприлично жаловаться, что я скупъ на подаваніе матеріальной помощи,

когда она необходима для поддержки твоего положенія въ свѣтѣ. Я долженъ тебѣ напомнить, что если ты и удержалъ свое мѣсто въ комерціи, то ты обязанъ этимъ вовсе не себѣ самому и не личной предусмотрительности или вѣрному взгляду на вещи...

— Безъ сомнѣнія, нѣтъ, но вѣдь и ты ничего черезъ это не проигралъ, перебилъ м-ръ Винци, давшій волю своему раздраженію (обыкновенный результатъ мирныхъ его намѣреній).—Ты не могъ не предвидѣть, женившись на Гаріетъ, что судьбы обоихъ нашихъ семействъ будутъ тѣсно связаны между собой. Если ты вдругъ измѣнилъ свой взглядъ и намѣренъ унижить мою семью въ общественномъ положеніи—скажи откровенно. Я остался тѣмъ-же, чѣмъ былъ и прежде, то-есть, приверженцемъ старой церкви, до введенія въ нее новыхъ правилъ. Я гляжу на жизнь, какъ она есть—въ торговлѣ и всюду. Мое единственное желаніе—быть не хуже моихъ ближнихъ. Повторяю, если ты намѣренъ унижить насъ въ общественномъ положеніи, то такъ и скажи. Тогда я приму свои мѣры.

— Ты все пустяки говоришь, прервалъ его зять.—Неужели ваше общественное положеніе пострадаетъ, если я не дамъ письма твоему сыну?

— Пострадаетъ оно или нѣтъ, но, во всякомъ случаѣ, я нахожу, что съ твоей стороны очень дурно отказывать мнѣ въ моей просьбѣ. Очень можетъ быть, что тебя побуждаетъ къ этому какое-нибудь религиозное чувство; однако со стороны, такого рода поступокъ имѣетъ весьма неблагоприятный характеръ. Ты можешь теперь клеветать на Фреда сколько душѣ угодно: не все-ли это равно, если ты отказываешься опровергнуть распущенную на его счетъ клевету? Вотъ вы всѣ такіе деспоты по натурѣ, разыгрывающіе вездѣ и всегда роль святошъ. Противнѣе для меня нѣтъ вашей породы!

— Винци, ты, повидимому, непременно хочешь поссориться со мной! Это насъ съ Гаріетъ глубоко огорчить, произнесъ м-ръ Бул: стродъ съ легкимъ оживленіемъ въ голосѣ, причѣмъ лицо его замѣтно поблѣднѣло.

— Я вовсе не хочу съ тобой ссориться, возразилъ м-ръ Винци.—Мои личные интересы—да можетъ быть, и твои также, — требуютъ, чтобы мы оставались друзьями. Я не имѣю причины тебя ненавидѣть; ты въ моихъ глазахъ не хуже другихъ лю-

дей. Человѣкъ, который моритъ себя голодомъ, и простаиваетъ цѣлыя часы на молитвѣ, какъ ты это дѣлаешь, считаетъ себя конечно, религиознымъ; но по моему, если-бы даже ты только клялся и божился, какъ многіе другіе это дѣлаютъ, то и тогда твой капиталъ точно также быстро-бы обращался въ твоихъ рукахъ. Ты любишь власть—объ этомъ нечего и спорить; вообще ты, кажется, мѣтишь попасть въ образцовые люди. Но ты мужъ моей сестры и мы должны крѣпко держаться другъ за друга. На сколько я знаю Гаріетъ, она тебя обвинить въ нашей ссорѣ, потому-что ты, какъ говоритъ, отцѣживаешь комара, отказываясь выручить Фреда изъ бѣды. Я не могу хладнокровно переносить подобнаго лицемерія. Я откровенно называю это гадостью съ твоей стороны.

Съ этими словами м-ръ Винци всталъ и, застегивая свой длинный сюртукъ, пристально началъ смотрѣть на своего зятя, какъ-бы ожидая отъ него рѣшительнаго отвѣта.

М-ру Бюльстроуду не въ первый разъ приходилось усовершенствовать м-ра Винци, и не въ первый разъ такого рода сцены кончались тѣмъ, что банкиру приходилось видѣть весьма неелестное изображеніе своей личности въ томъ грубомъ простомъ зеркалѣ, которое фабрикантъ имѣлъ обыкновеніе подносить къ глазамъ своихъ фарисействующихъ ближнихъ. Опытъ долженъ-бы былъ научить м-ра Бюльстрода, чѣмъ обыкновенно кончаются подобныя сцены. Но вѣдь переполненный фонтанъ, даже въ дождливое время, обильно изливаетъ изъ себя воду, хотя она ровно ни на что не годна: какъ-же послѣ этого удержаться проповѣднику, у котораго въ головѣ накопился цѣлый запасъ увѣщаній и совѣтовъ?

Не въ характерѣ м-ра Бюльстрода было тотчасъ-же подчиниться другому лицу, вслѣдствіе непріятныхъ для него внушеній. Прежде чѣмъ измѣнить образъ своихъ дѣйствій, онъ находилъ нужнымъ выяснитъ себѣ всѣ поводы къ тому и подвести ихъ потомъ подъ обычную свою формулу. Помолчавъ немного, онъ сказалъ:

— Я подумаю, Винци. Мы переговоримъ объ этомъ вопросѣ съ Гаріетъ. Вѣроятно, ты получишь отъ меня письмо.

— И прекрасно, отвѣчалъ фабрикантъ.—Только прошу тебя поскорѣе. Надѣюсь, что все дѣло кончится прежде, чѣмъ мы съ тобой завтра увидимся.

XIV.

Переговоры м-ра Бюльстрода съ Гаріетъ, повидимому, кончились именно такъ, какъ желалъ этого м-ръ Винци, потому-что, на слѣдующій день, рано утромъ, было прислано то письмо, которое Фредъ долженъ былъ представить м-ру Фетерстону въ видѣ требуемаго доказательства. Старый джентльменъ, по случаю хорошей погоды, не вставалъ съ постели; Мэри Гартъ не оказалось въ диванной, а потому Фредъ, по пріѣздѣ въ домъ, немедленно отправился въ спальню наверхъ и подалъ дядѣ письмо. Старикъ, спокойно усѣвшись на постели среди подушекъ, могъ съ полнымъ удовольствіемъ наслаждаться сознаніемъ своей житейской мудрости и умѣньемъ водить за носъ глупое человечество. Онъ надѣлъ себѣ на носъ очки, отдулъ немного губы и, скорчивъ презрительную гримасу, началъ читать письмо: „Движимый силою обстоятельствъ, писалъ м-ръ Бюльстродъ, — я не хочу отклоняться отъ выраженія моего убѣжденія“ — тсъ! смотрите, какія ловкія фразы подбираеть! Онъ хитеръ, какъ продавецъ на аукціонѣ — „что вашъ сынъ Фредерикъ не занималъ ни у кого денегъ подъ залогъ наслѣдства, обѣщаннаго ему м-ромъ Фетерстономъ“ — Обѣщаннаго? Кто это сказалъ, что я обѣщаль оставить тебѣ наслѣдство? Я никогда ничего не обѣщаю, я могу измѣнять сколько хочу свои завѣщанія въ теченіе моей жизни — и что принимая во вниманіе свойство подобнаго поступка, совершенно безразсудно предполагать, чтобы молодой человѣкъ со смысломъ и характеромъ рѣшился-бы на него.“ — А! Однако этотъ господинъ не говоритъ тутъ, чтобы ты былъ молодой человѣкъ со смысломъ и характеромъ, замѣтьте это, сэръ! — „Что-жь касается моего участія во всей этой исторіи, то я положительно утверждаю, что я никогда не говорилъ, что вашъ сынъ занималъ деньги подъ залогъ какой-бы то ни было собственности, которая-могла-бы достаться ему послѣ кончины мистера Фетерстона.“ — Помилуй Богъ мою душу! какъ красно пишетъ человѣкъ! Юристъ Стэндишъ, въ сравненіи съ нимъ ничего не значить. Такъ ловко могъ-бы выразаться только человѣкъ, самъ ищущій занять деньги. Ну-съ, продолжалъ м-ръ Фетерстонъ, смотря изъ-за очковъ на Фреда и подавалъ ему назадъ письмо съ презрительнымъ жес-

томъ,—надѣюсь, что ты не воображаешь, что я повѣрю этой исторіи потому только, что Бюльстродъ такъ красно росписываетъ, а? Фредъ покраснѣлъ.

— Сэръ, вы сами желали имѣть письмо, сказалъ онъ.—Я полагаю, что опроверженіе м-ра Бюльстрода равносильно авторитету той личности, которая прежде всѣхъ сказала вамъ то, что онъ теперь опровергаетъ.

— Совершенно справедливо. Я никогда не говорилъ, что вѣрю тому или другому. Чего-жь тебѣ еще отъ меня нужно? спросилъ рѣзко м-ръ Фетерстонъ, не снимая очковъ съ носа и пряча руки подъ одѣяло.

— Ничего, сэръ, отвѣчалъ Фредъ, дѣлая надъ собой усиліе, чтобы удержаться отъ раздраженія.—Я пріѣхалъ для того, чтобы передать вамъ это письмо. Если вы позволите, я удалюсь, пожелавъ вамъ добраго утра.

— погоди! погоди! Дерни за колокольчикъ, мнѣ нужно позвать сюда мисси, сказалъ старикъ.

На звонъ колокольчика явился лакей.

— Скажите мисси, чтобы она пришла сюда, нетерпѣливо произнесъ м-ръ Фетерстонъ.—Что это она вѣчно уходитъ?

— Зачѣмъ вы уходите отсюда раньше, чѣмъ я вамъ позволю, продолжалъ онъ тѣмъ-же ворчливымъ тономъ, когда Мэри вошла въ спальню.—Мнѣ нуженъ мой жилетъ. Я вамъ сто разъ приказывалъ класть его на постель.

Глаза у Мэри были красны, точно она недавно плакала. Можно было ясно понять, что м-ръ Фетерстонъ находится въ очень капризномъ расположеніи духа въ это утро. Фредъ, почти увѣренный, что дядя выдастъ ему обѣщанную сумму денегъ въ подарокъ, охотнѣе-бы согласился отказаться отъ нея, лишь-бы имѣть право объявить въ лицо старому тирану, что Мэри Гартъ слишкомъ хороша для того, чтобы вѣчно быть у него на послугахъ. При входѣ молодой дѣвушки въ комнату, Фредъ всталъ со стула, но Мэри едва-ли замѣтила его; она вся дрожала, какъ-бы ожидая, что старикъ пуститъ въ нее чѣмъ-нибудь, хотя до этого никогда еще не доходило. Старый причудникъ позволялъ себѣ только браниться. Въ то время, когда Мэри подходила къ вѣшалкѣ, чтобы снять съ нея жилетъ, Фредъ бросился къ ней, сказавъ:

— Позвольте мнѣ вамъ помочь.

— Оставьте ее въ покоѣ, крикнулъ м-ръ Фетерстонъ. — Принесите мнѣ сами жилетъ, мисси, продолжалъ онъ, — и положите его ко мнѣ на постель. Теперь ступайте вонъ и не возвращайтесь, пока я васъ опять не позову, прибавилъ старикъ, когда Мэри положила передъ нимъ жилетъ. У него былъ такой ужъ обычай—оказывать ласку одному лицу и придираться къ другому. Мэри была всегда подъ рукой, на ней-то и обрывалось все неприятное. Впрочемъ, во время посѣщенія близкихъ своихъ родственниковъ, м-ръ Фетерстонъ обращался очень хорошо съ молодой дѣвушкой. Медленно вынулъ связку ключей изъ жилетнаго кармана, старикъ еще медленнѣе вытащилъ изъ-подъ одеяла своей постели жестяной сундучокъ.

— Ты, можетъ быть, рассчитываешь, что я награжу тебя цѣлымъ состояніемъ, а? спросилъ онъ, высматривая на внука изъ-подъ очковъ и медля отпереть замокъ.

— Совсѣмъ нѣтъ, сэръ, отвѣчалъ Фредъ. — Вы были такъ добры намереніи, что сами вызвались сдѣлать мнѣ небольшой подарокъ, иначе я никогда не осмѣлился-бы даже подумать объ этомъ.

У Фреда невольно забилося сердце отъ сладкой надежды, что дядя отсчитаетъ ему порядочную сумму денегъ, съ помощью которой онъ избавится отъ нѣкоторыхъ неприятныхъ долговъ. Входя въ долгъ, Фредъ постоянно утѣшался мыслию, что случится то или другое—ясно онъ не опредѣлялъ, что именно случится—и что ему такъ или иначе удастся уплатить свой долгъ во время. Неожиданное благополучіе сваливалось ему теперь точно съ неба; поэтому естественно было ожидать, что подарокъ дяди покроетъ его долги съ избыткомъ. Старикъ долго перебиралъ своими жилистыми руками банковые билеты и, расправляя ихъ, снова клалъ обратно въ ящикъ, между тѣмъ какъ Фредъ, откинувшись на спинку кресла, злился на себя, чувствуя, что у него въ глазахъ выражается нетерпѣніе. Онъ считалъ себя истиннымъ джентльменомъ и не хотѣлъ выказывать, что укаживаетъ за старикомъ изъ-за денегъ. Наконецъ, м-ръ Фетерстонъ снова оглядѣлъ его черезъ очки и поднесъ ему небольшую пачку билетовъ. Фредъ явственно успѣлъ разсмотрѣть, что ихъ числомъ только пять; но вѣроятно каждый изъ нихъ заключалъ въ себѣ не ме-

нѣе 50 фунт. Онъ принялъ деньги отъ дяди и сказалъ: — Я вамъ чрезвычайно обязанъ, сэръ, — собрался уже свернуть ихъ въ трубочку не считая, точно ему и дѣла не было до ихъ цѣнности. Но м-ру Фетерстону, неспускавшему съ Фреда глазъ, повидимому, это не понравилось.

— Что-жь ты ихъ не считаешь, спросилъ старикъ, — или по твоему не стоитъ? Ты принимаешь деньги точно лордъ; вѣроятно ты и тратишь ихъ точно такъ-же.

— Я полагаю, сэръ, что даровому коню въ зубы не смотрятъ, отвѣчалъ Фредъ. — Впрочемъ, если прикажете, я съ большими удовольствіемъ ихъ сосчитаю.

Большого удовольствія, однако, Фредъ не ощутилъ, сосчитавъ деньги. Оказалось, что, въ дѣйствительности, подаренная дядей сумма была гораздо ниже той, на которую онъ такъ сильно рассчитывалъ. Всякая неудача въ расчетѣ поневолѣ влечетъ за собой недовольство. Разочарованіе Фреда было очень сильно, когда онъ убѣдился, что у него въ рукахъ всего пять 20-ти фунт. бумажекъ; ему въ этомъ случаѣ не помогло даже и высшее образованіе, онъ не сумѣлъ скрыть волненія и, сильно поблѣднѣвъ, проговорилъ съ трудомъ:

— Это очень щедрый подарокъ, сэръ!

— Надѣюсь! отвѣчалъ м-ръ Фетерстонъ, запирая свой сундукъ и ставя его на прежнее мѣсто. Затѣмъ, онъ самодовольно снялъ очки съ своего носа и, помолчавъ немного, повторилъ, какъ-бы вслѣдствіе внутреннего убѣжденія, что внукъ сказалъ правду:

— Надѣюсь, что щедрый.

— Увѣряю васъ, сэръ, что я вполне вамъ благодаренъ, сказалъ Фредъ, успѣвшій къ этому времени оправиться.

— Ты и долженъ быть благодаренъ. Тебѣ нужно составить себѣ положеніе въ свѣтѣ, а какъ видно, ты только и можешь рассчитывать на Петера Фетерстона.

Тутъ хитрые маленькіе глаза старика засверкали отъ удовольствія при сознаніи, что сидящій передъ нимъ изящный молодой человѣкъ возлагаетъ на него всѣ свои надежды, что этотъ юный щеголь такъ глушь, что вѣритъ ему.

— Да, дѣйствительно, я не рожденъ для большихъ удачъ, сказалъ самъ себѣ Фредъ, удивляясь неволью своей добродѣли при

такое жестокое ударъ судьбы.—Я мало знаю людей, которые были-бы поставлены въ такое стѣсненное положеніе, какъ я, продолжалъ онъ вслухъ.—Развѣ мнѣ легко кататься верхомъ на охотничьей лошади съ разбитыми ногами и видѣть людей, далеко не такихъ знатоковъ, какъ я, которые могутъ бросать кучи денегъ на лошадей.

— Вотъ теперь ты можешь себѣ приобрести отличную верховую лошадь, замѣтилъ старикъ.—Восьмидесяти фунтовъ за глаза довольно на эту покупку, а 20 у тебя останется для уплаты долговъ, прибавилъ онъ слегка посмѣиваясь.

— Сэръ, вы очень добры! отвѣчалъ Фредъ, съ едва замѣтными тономъ усмѣшки въ голосѣ.

— Да, я полагаю, что дядя-то Фетерстонъ лучше будетъ, чѣмъ хваленый дядюшка Бюльстродъ. Тебѣ, я увѣренъ, не много достанется отъ его спекуляцій. Говорятъ, что онъ порядочно-таки затянулъ петлю вокругъ шеи твоего отца. А?

— Сэръ, отецъ никогда не говоритъ со мною о своихъ дѣлахъ, отвѣчалъ Фредъ.

— И умно дѣлаетъ. Но есть люди, которые все проиухали, даромъ что онъ ничего не рассказываетъ. Тебѣ отъ него не много достанется, онъ вѣроятно умретъ, не сдѣлавъ завѣщанія—отъ него этого можно легко ожидать—будь онъ тамъ выбранъ мидльмарчскимъ мэромъ или нѣтъ, все равно. Но я повторяю снова, ты не много получишь въ наслѣдство послѣ отца, если онъ не сдѣлаетъ завѣщанія; даромъ, что ты старшій сынъ.

Никогда въ жизни м-ръ Фетерстонъ не казался такъ противень Фреду, какъ теперь. Правда и то, что старикъ дядя никогда еще не давалъ ему заразъ такъ много денегъ, какъ теперь.

— Прикажете уничтожить письмо м-ра Бюльстрода, сэръ? спросилъ Фредъ, вставая съ мѣста съ явнымъ намѣреніемъ кинуть письмо въ каминъ.

— Да, да, конечно, мнѣ оно не нужно, отвѣчалъ старикъ:— мнѣ за него денегъ не дадутъ.

Фредъ отправилъ письмо въ каминъ и злобно прокололъ его насквозь кочергой. Ему сильно захотѣлось выйти изъ комнаты, но какъ-то совѣстно стало и передъ собой, и передъ дядей—убѣжать тотчасъ по полученіи денегъ. Къ счастью его, въ эту

самую минуту, къ старику явился управляющій съ отчетомъ, и Фредъ былъ отпущенъ домой, съ приказаніемъ вскорѣ опять явиться. Ему не столько хотѣлось избавиться отъ диди, сколько хотѣлось повидаться съ Мэри Гартъ. Молодая дѣвушка сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ у огня съ шитьемъ въ рукахъ и съ развернутой на столикѣ передъ собою книгой. Вѣки ея не были уже такъ красны, какъ прежде, и лицо приняло обычное спокойное выраженіе.

— Меня навѣрхъ требуютъ? спросила она, привставая со стула, какъ только Фредъ взошелъ въ комнату.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ,—но меня отпустили, потому-что Симонсъ пришелъ къ дядѣ съ докладомъ.

Мэри опять опустилась на свое мѣсто и опять принялась за шитье. Она никогда еще не обращалась такъ равнодушно съ Фредомъ, какъ теперь; а между-тѣмъ онъ такъ искренно-нѣжно сожалѣлъ объ ней и негодовалъ изъ-за нея на старика, присутствуя при сценѣ въ спальнѣ.

— Можно мнѣ посидѣть здѣсь немного, Мэри? спросилъ Фредъ, или я вамъ помѣшаю?

— Садитесь, прошу васъ, сказала Мэри,—вы мнѣ, конечно, не такъ сильно надоедите, какъ Джонъ Уоль, который былъ здѣсь вчера и усѣлся подлѣ меня, не попросивъ даже на то позволенія.

— Бѣдняжка! Мнѣ кажется, что онъ въ васъ влюбленъ.

— Никогда этого не замѣчала! По моему, нѣтъ ничего противнѣе положенія дѣвушки; только-что найдется человѣкъ болѣе или менѣе къ ней внимательный, къ которому она чувствуетъ благодарность, люди тотчасъ начинаютъ предполагать, что это влюбленный. Я до сихъ поръ думала, что хоть меня-то, по крайней мѣрѣ, въ этомъ отношеніи оставятъ въ покоѣ. Я не имѣю никакой претензіи воображать, будто каждый мужчина, который только подойдетъ ко мнѣ, тотчасъ-же въ меня влюбится.

Мэри совсѣмъ и не думала разыгрывать чувствительную сцену, но голосъ ея по-неволѣ задрожалъ отъ досады.

— Будь онъ проклятъ этотъ Джонъ Уоль! воскликнулъ Фредъ.—Я совсѣмъ не хотѣлъ васъ сердить. Я даже не воображалъ, чтобы вы имѣли причину считать себя обязанной ему.

У меня изъ головы вонъ вышло, что вы принимаете огромное одолженіе для себя, если кто-нибудь потрудится снять со свѣчки, вмѣсто васъ.

Фредъ былъ въ свою очередь чрезвычайно гордъ и ему ни за что не хотѣлось показать, что онъ догадывается, въ чемъ состоитъ главная причина гнѣвнаго взрыва Мэри.

— О! я вовсе не сержусь, отвѣчала молодая дѣвушка, — меня злятъ только вообще всѣ люди. Я люблю, чтобы со мной говорили не такъ, какъ съ душой. Право, мнѣ кажется, что я понимаю многія вещи гораздо лучше, чѣмъ нѣкоторые молодые джентльмены, учившіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Мэри невольно развеселилась и въ ея голосъ послышалось что-то похожее на сдержанный, серебристый смѣхъ.

— Я вамъ позволяю поднимать меня теперь на смѣхъ сколько угодно, сказалъ Фредъ. — Мнѣ показалось, что вы были очень грустны, когда входили къ дядѣ наверхъ. Это просто срамъ, что васъ заставляютъ переносить здѣсь такую ужасную жизнь!..

— Моя жизнь, сравнительно, еще покойная, возразила Мэри. — Я пробовала быть гувернанткой — не могу, я слишкомъ для этого разсѣяна. А получать деньги и не умѣть выполнять взятой на себя обязанности, страшно тяжело! За то здѣсь, я хорошо справляюсь съ своей должностью и даже лучше, чѣмъ другіе-бы это дѣлали на моемъ мѣстѣ — Розы, наприимѣръ, хотя она по своей наружности настоящая сказочная красавица, брошенная на сѣдненіе людоѣдамъ.

— Кто? Розы? воскликнулъ Фредъ, тономъ скептика-брата.

— Полноте, Фредъ, возразила Мэри, — *сы*-то ужъ не имѣете права критиковать другихъ.

— То-есть, кого сестру? — вы хотите сказать?

— Нѣтъ, всѣхъ вообще.

— А-а, понимаю, продолжалъ Фредъ, — вы намекаете на то, что я самъ лѣнивъ и лѣнливъ. Что-жъ дѣлать? Я не рожденъ быть бѣднымъ. Будь я богатъ, изъ меня-бы вышелъ прекрасный человѣкъ.

— Да, вы-бы отлично выполняли свои обязанности въ томъ положеніи, къ которому Богу не угодно было васъ предназначить, не такъ-ли? спросила Мэри съясъ.

— Что-жъ изъ этого? возразилъ Фредъ.— Я не могъ принудить себя быть священникомъ, точно также какъ вы не могли насильно сдѣлаться гувернанткой. Вамъ-бы слѣдовало имѣть побольше товарищескаго сочувствія ко мнѣ, Мэри.

— Я никогда не говорила, что вы непременно должны быть священникомъ. Но вамъ нужно-же что-нибудь дѣлать. Очень жалкое положеніе того человѣка, который не можетъ рѣшиться выбрать себѣ дорогу и дѣйствовать сообразно съ цѣлью.

— Я-бы это все сдѣлалъ, если-бы...

— Фредъ умолялъ и вставъ со стула, облокотился на каминь.

— Если-бы вы были увѣрены, что впереди васъ не ждетъ состояніе, докончила Мэри.

— Совсѣмъ нѣтъ, прервалъ ее Фредъ.— Я вижу, что вамъ хочется поссориться со мной. Съ вашей стороны очень непохвально руководствоваться чужими толками на мой счетъ.

— Изъ-за чего-же мнѣ желать ссоры съ вами? спросила молодая дѣвушка.— Вѣдь тогда я лишусь новыхъ книгъ, заключила она, приподнявъ книгу, которая лежала на столѣ.— Какъ-бы вы дурно ни держали себя въ отношеніи къ другимъ, ко мнѣ вы всегда были добры.

— Потому-что я люблю васъ болѣе другихъ людей, сказалъ Фредъ.— А вы меня терпѣть не можете, это я знаю.

— Да, правда, есть отчасти, отвѣчала Мэри, кивая съ улыбкой головой.

— Чтобы вамъ понравиться, нужно быть малымъ громаднаго роста и умѣть толковать обо всемъ.

— Да, именно такъ, отвѣчала Мэри, быстро двигая иглой и отлично выдерживая свою роль равнодушія. Какъ только разговоръ принимаетъ для насъ дурной оборотъ, вамъ начинаетъ казаться, что мы мало-по-малу вязнемъ въ болотѣ затрудненій. Такъ это случилось и съ Фредомъ Винци.

— Мнѣ кажется, что женщины никогда не влюбляются, какъ мужчины, въ тѣхъ, кого они знаютъ съ ранняго дѣтства и съ кѣмъ выдаются ежедневно: имъ непременно нужно какое-нибудь новое, незнакомое лицо, сказалъ онъ.

— Позвольте, прервала его Мэри, сжимая какъ-то усиленно губы,— мнѣ нужно перебрать въ своей памяти всѣхъ извѣстныхъ

женщинъ. Возьмемъ Жюльетту — да, она именно такъ поступила, какъ вы говорите. Затѣмъ Офелія — эта, вѣроятно, давно ужъ знала Гамлета. Бренда Тройль и Мордаунтъ Мэртонъ — были знакомы съ дѣтства, но за то онъ, какъ кажется, былъ очень достойный молодой человѣкъ; Минна была страстно влюблена въ Клевеланда—иностранца по рожденію. Уоверлей не зналъ Флоры Мэк-Иворъ, зато она въ него и не влюбилась. Наконецъ, Оливія и Софія Примрозъ, Коринна — эти всѣ перевлюбились въ новыхъ своихъ знакомыхъ.

Мэри кинула при этомъ плутовскій взглядъ на Фреда, отъ истората тотъ пришелъ въ восторгъ, хотя въ ясномъ, наблюдательномъ взглядѣ молодой дѣвушки играла только улыбка.

Фредъ дѣйствительно имѣлъ сердце любящее. Превратившись изъ мальчика въ мужчину, онъ незамѣтно влюбился въ подругу своего дѣтства, не смотря на то, что воспитаніе въ высшемъ заведеніи развило въ немъ пристрастіе къ людямъ большого свѣта и къ богатству.

— Когда человѣкъ знаетъ, что онъ нелюбимъ, началъ снова Фредъ,—для него нѣтъ никакой пользы говорить, что онъ могъ-бы сдѣлаться хорошимъ человѣкомъ, что онъ сталъ-бы работать, если-бы взаимнъ этого ему платили любовью.

— Къ чему такая трата словъ? возразила Мэри.—*Могъ-бы, сталъ-бы*—это все ничтожныя, вспомогательныя глаголы!

— Я не знаю, изъ чего человѣкъ будетъ стараться сдѣлаться лучше, если нѣтъ женщины, которая-бы его горячо любила, продолжалъ Фредъ.

— А по моему, нужно прежде сдѣлаться лучше, и потомъ уже ждать, чтобы насъ полюбили, сказала Мэри.

— Вы, Мэри, сами это знаете, что когда женщина любитъ человѣка, то она любитъ его не ради однихъ его добродѣтелей.

— Очень можетъ быть. Но тотъ, кого она полюбитъ, въ ея глазахъ никогда не будетъ дурень.

— Я не нахожу, чтобы было очень любезно называть въ глаза дурнымъ человѣкомъ, произнесъ вздохнувъ Фредъ.

— Я и не думала говорить на вашъ счетъ.

— Я никогда не буду ни на что годенъ, Мэри, пока вы не скажете, что любите меня, пока вы не дадите слова выйти за

меня замужъ,—конечно тогда только, когда я буду въ состояніи на васъ жениться.

— Если-бы я даже полюбила васъ, я-бы никогда за васъ не пошла, отвѣчала Мэри. — Я никогда не дамъ вамъ слова выйти за васъ!..

— Мэри! это, по моему, непростительно! воскликнулъ Фредъ.— Если вы меня любите, вы должны дать мнѣ слово.

— Напротивъ, возразила молодая дѣвушка,—было-бы непростительно выйти за васъ замужъ, даже тогда, если-бы я васъ любила.

— Вы хотите сказать, что я вамъ не пара, потому-что не имѣю достаточно средствъ для того, чтобы содержать жену? Это правда; но вѣдь мнѣ только 23 года.

— Въ отношеніи лѣтъ, вы конечно измѣнитесь. Но въ характерѣ—едва-ли. Отецъ мой говоритъ, что лѣнивому человѣку и жить-то не слѣдуетъ, не только думать о женитьбѣ.

— Слѣдовательно мнѣ остается одно—застрѣлиться?

— Совсѣмъ нѣтъ, вамъ слѣдуетъ сдать экзаменъ. Я слышала отъ м-ра Фербротера, что это это дѣло—чистые пустяки.

— Хорошо ему толковать. Для него все пустяки. Конечно, тутъ не объ умѣ толкъ. Я въ десять разъ умнѣе многихъ изъ тѣхъ, кто выдерживаетъ экзаменъ.

— Боже мой! съ усмѣшкой воскликнула Мэри. — Этотъ камень пущенъ вѣрно въ огородъ священниковъ въ родѣ м-ра Кроуза. Раздѣлите сумму вашего ума на десять, каждое частное число будетъ представлять — легко сказать! — человѣка, получившаго степень студента! Изъ всего этого слѣдуетъ, что вы въ 10 разъ лѣнивѣе ихъ всѣхъ.

— Хорошо, сказалъ Фредъ, — ну, а если я выдержу экзаменъ, неужели вы пожелаете, чтобы я вступилъ въ духовное званіе?

— Вопросъ, чего-бы я желала и чего нѣтъ, тутъ совершенно неумѣстенъ, отвѣчала Мэри.— У васъ, я думаю, для этого есть свой царь въ головѣ. А-а! вотъ и м-ръ Лейдгатъ. Мнѣ нужно идти къ дядѣ доложить о немъ.

— Мэри! воскликнулъ Фредъ, схвативъ за руку молодую дѣвушку въ ту минуту, когда она встала съ мѣста.— Если вы мнѣ не дадите никакой надежды, я сдѣлаюсь еще хуже чѣмъ теперь.

— Я вамъ не дамъ никакой надежды, отвѣтила Мэри, вся вспыхнувъ.—Ваши родные, также какъ и мои, возстанутъ противъ такого брака. Отецъ мой сочтетъ за безчестіе отдать мою руку человѣку, который надѣлалъ долговъ и не хочетъ работать.

Слова Мэри кольнули Фреда прямо въ сердце, онъ выпустилъ ея руку. Молодая дѣвушка направилась къ дверямъ, но, вдругъ обернувшись, сказала:

— Фредъ, вы всегда были ко мнѣ такъ добры, такъ великодушны, я не могу быть неблагодарной. Только прощу васъ объ одномъ—никогда не говорите со мной объ этомъ.

— Слушаюсь, отвѣчалъ мрачно Фредъ и взялся за шляпу и за хлысть. На блѣдномъ лицѣ его выступили яркія пятна. Какъ многіе молодые лѣнивцы, неимѣющіе пенни за душой, онъ влюбился по уши въ простую дѣвочку, безприданницу. Но вида въ перспективѣ у себя наслѣдство послѣ дяди Фетерстона и твердо убѣжденный, что Мэри,—что-бы она тамъ ни говорила,—все-таки расположена къ нему, Фредъ не приходилъ въ отчаяніе. Вернувшись домой, онъ отдалъ четыре билета матери, прося ея сберечь ихъ для него.

— Я не хочу тратить этихъ денегъ, матушка, сказалъ онъ, — я намѣренъ заплатить ими одинъ долгъ. Спрячьте подалше отъ соблазна.

— Господь да благословить тебя, дорогой ты мой! произнесла мысленно нѣжная мать, принимая отъ своего сына деньги. М-съ Винци безъ памяти любила своего сына первенца и младшую дочку (дѣвочку 6-ти лѣтъ); прочіе дѣти называли ихъ баловниками. Материнскіе глаза не всегда ослѣплены пристрастіемъ; мать всегда лучше другихъ знаетъ, который изъ дѣтей ласковѣе и нѣжнѣе. Фредъ также чрезвычайно любилъ свою мать; но въ настоящемъ случаѣ онъ, конечно, думалъ не объ ней, принимая предохранительныя мѣры противъ соблазна промотать свои сто фунтовъ. Кредиторъ, которому онъ долженъ былъ 160 ф., имѣлъ на него вексель, обеспеченный подписью отца Мэри Гартъ.

XV.

Одинъ великій историкъ, какъ онъ самъ себя величалъ, имѣвшій счастье умереть 120 лѣтъ тому назадъ и вслѣдствіе того попавшій въ число древнихъ мифовъ, передъ громадными образами которыхъ, мы, живущее поколѣніе, кажемся пигмеями, — гордился своими безчисленными отиѣтками и выносками, считая ихъ образцовой частью своихъ твореній, — въ особенности цѣнили тѣ изъ нихъ, которыми наполнены начальныя главы его знаменитой исторіи, гдѣ онъ, какъ-бы сидя на аван-сценѣ въ покойныхъ креслахъ, разговариваетъ съ нами своимъ яснымъ, изящнымъ англійскимъ языкомъ. Но Фильдингъ жилъ въ то время, когда дни были длинные (время, какъ деньги, мѣрятся нашими нуждами), когда лѣтнее послѣ-обѣда тянулось безконечно и когда часовая стрѣлка въ зимніе вечера двигалась съ медленностью черепахи. Мы, позднѣйшіе историки, не можемъ подражать примѣру Фильдинга; вздумай мы только это сдѣлать, наша рѣчь оказалась-бы жалкой, пустой болтовней попугая. Мнѣ, напри-мѣръ, приходится распутывать такое множество человѣческихъ судебъ, что я должна внимательно разсмотрѣть, какъ сотканы ихъ утокъ и основа; весь свѣтъ моего рабочаго кабинета долженъ быть сосредоточенъ исключительно на этой ткани и я не могу раскидываться по обширному полю интереснаго ряда подробностей, называемыхъ общимъ взглядомъ или образомъ.

Въ настоящее время мнѣ приходится знакомить съ читателемъ новаго мидльмарчскаго поселенца Лейдгата, и знакомить даже ближе, чѣмъ сколько его знаютъ многіе изъ городскихъ обывателей. Нельзя не признать того факта, что человѣкъ можетъ быть превознесенъ до небесъ, расхваленъ до нельзя, что ему будутъ иные завидовать, другіе смѣяться надъ нимъ, про него будутъ распускать сплетни, будто онъ влюбился и наконецъ женился, а все-таки личность его останется неизвѣстной обществу; это будетъ какая-то тѣнь, о которой каждый сосѣдъ можетъ составить себѣ самое ложное понятіе.

Въ мидльмарчскомъ обществѣ составилось мнѣніе, что Лейдгата не простой сельскій докторъ, и мнѣніе это въ городѣ означало то, что отъ него ждуть чего-то необыкновеннаго. Каждое

семейство считало *своего* домашняго врача замѣчательно умнымъ и безгранично-искуснымъ по части леченія опасныхъ повѣтрій и другихъ серьезныхъ недуговъ. Неоспоримость ума этихъ господъ доказывалась глубокимъ довѣріемъ къ нимъ знатныхъ пациентовъ, изъ которыхъ каждая твердо держалась за *своего* доктора и за его систему леченія. Портизанки теоріи *укрѣпляющихъ* лекарствъ смотрѣли на *разслабляющія* средства, какъ на упадокъ медицины. Періодъ героической системы обильныхъ кровопусканій и шпанскихъ мушекъ не совсѣмъ еще кончился въ то время; эпидеміи же, какъ нравственныя, такъ и физическія, наводили такой ужасъ, что лечить отъ нихъ не находили другого способа, какъ выпустивъ изъ больного почти всю кровь. Итакъ, послѣдователи укрѣпляющей и разслабляющей системы леченія считались, каждый въ свою очередь, *умными* людьми въ средѣ своихъ пациентовъ. До такой степени доживаютъ немногіе изъ современныхъ намъ талантовъ. Никому изъ жителей Мидльмарча и въ голову не приходила мысль предположить, чтобы м-ръ Лейдгаты могъ столько-же знать по части медицины, сколько знали докторъ Спрэдъ и докторъ Минчинъ, которыхъ призывали на помощь къ больнымъ тогда уже, когда оставалась только слабая надежда на спасеніе и когда за эту слабую надежду требовалось заплатить не менѣе гиней. И не смотря на то, повторяю, въ мидльмарчскомъ обществѣ составилось мнѣніе, что Лейдгаты есть нѣчто выходящее изъ ряда обыкновенныхъ врачей въ Мидльмарчѣ. И это была правда. Молодому врачу было всего 27 лѣтъ; въ этомъ возрастѣ многіе юноши являются недюжинными натурами; они тогда стремятся къ совершенству, вѣрятъ въ успѣхъ, смѣло идутъ на борьбу съ препятствіями, не впрягаютъ себя въ колесницу золотого тельца, а напротивъ, при первомъ удобномъ случаѣ, стараются впречь его въ тѣлу своей жизни.

Лейдгаты остался сиротой, тотчасъ по выходѣ изъ публичной школы. Отецъ его, служившій въ военной службѣ, оставилъ весьма незначительное состояніе для троихъ дѣтей, и когда маленькій Тертій пожелалъ получить медицинское образованіе, то его опекуны, не находя возможности вполнѣ удовлетворить его желанію и въ то-же время опасаясь оскорбить его фамильную гордость отказомъ, нашли болѣе удобнымъ подготовить его къ званію сельскаго врача. Лейдгаты принадлежалъ къ числу тѣхъ

рѣдкихъ молодыхъ людей, которые съ раннихъ поръ выказываютъ какое-нибудь рѣшительное направленіе къ извѣстной цѣли и готовятъ себя къ мысли, что имъ въ жизни предстоитъ сдѣлать что-нибудь новое, свое, а не повторять только то, что дѣлали ихъ отцы и дѣды. Кто изъ насъ, страстно преданный какому-нибудь предмету, не помнитъ въ своемъ прошедшемъ утра или вечера, когда взгромоздившись на высокій стулъ, мы карабкались на верхнюю полку шкапа, силясь достать нечитанную еще книгу, или какъ, раскрывъ ротъ, мы внимали рѣчамъ какого-нибудь ученаго рассказчика, или какъ, наконецъ, за недостаткомъ книгъ, предавались размышленію, прислушиваясь къ внутреннему голосу, впервые назвавшему по имени предметъ нашихъ стремленій. Съ Лейдгатомъ случилось то-же самое. Это былъ мальчикъ необыкновенно живого характера; нерѣдко бывало, что въ самый разгаръ игры съ товарищами, онъ вдругъ бросался куда-нибудь въ уголь и черезъ пять минутъ сидѣлъ уже погруженный по уши въ чтеніе первой попавшейся ему подъ руку книги: будь это Раселасъ или Гулливеръ, лексиконъ Вейли или Библія, все равно. Ему во что бы то ни стало нужно было читать, если только онъ не катался верхомъ, не бѣгалъ, не охотился или не слушалъ, что говорятъ взрослые. Таковъ былъ Лейдгатъ 10 лѣтъ отъ роду; онъ тогда прочелъ отъ доски до доски книгу „Chrysal or the Adventures of a Guinea“, непохожую ни на дѣтскую сказку, ни на серьезное чтеніе и ему вдругъ пришло въ голову, что всѣ книги вздоръ и что жизнь—глупость. Школьныя науки немного измѣнили этотъ взглядъ и хотя мальчикъ прошелъ всѣхъ классиковъ и всю математику, изъ него не вышло замѣчательнаго ученика. Учителя говорили про Лейдгата, что онъ можетъ сдѣлать все, что захочетъ; но видно, ему не хотѣлось отличиться чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ. Это былъ юноша сильнаго тѣлосложенія, съ большимъ запасомъ пониманія; но никакая искра не разожгла еще въ немъ страсти къ интеллектуальному развитію. Науки онъ считалъ дѣломъ неважнымъ, съ которымъ легко справиться; изъ окружающей его среды онъ, повидимому, вынесъ такія понятія и взгляды, которые были совершенно еще лишними для мальчика. Вѣроятно, на немъ не на первомъ отразилось вліяніе свободнаго воспитанія той эпохи фряковъ съ короткими тальями и другихъ модъ, теперъ уже исчез-

нущихъ. Но разъ, во время вакаціи, въ дождливый день, мальчикъ забрался дома въ небольшую бібліотеку и началъ рыться между книгами, ища себѣ чего-нибудь новаго. Увы! все было ему извѣстно, за исключеніемъ одной полки какихъ-то книгъ въ сѣрой бумажной обложкѣ съ грязными ярлыками. То была старинная энциклопедія, до которой онъ никогда не дотрогивался. Все-таки новинка, подумалъ онъ. Книги лежали на самой верхней полкѣ шкапа и потому мальчикъ всталъ на стулъ, чтобы достать ихъ оттуда. Взявъ первую часть, онъ раскрылъ ее тутъ же, наудачу (съ кѣмъ изъ насъ не случилось, что мы зачитывались иногда въ самомъ неловкомъ положеніи); страница была озаглавлена словомъ: *Анатомія*, и глаза Лейдгата остановились на томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о *клапанахъ* сердца. О клапанахъ вообще онъ мало имѣлъ понятія, хотя зналъ, что клапаны похожи на дверь или заслонку, которую можно отпирать и запираеть по желанію. Съвозъ эту маленькую щель науки, въ мозгъ мальчика внезапно проникъ лучъ сознанія о правильномъ устройствѣ механизма чело-вѣческаго тѣла. Благодаря либеральному воспитанію, Лейдгата совершенно свободно перечиталъ въ школѣ всѣ неприличныя мѣста древнихъ классиковъ, но кромѣ темнаго чувства сознанія, что есть что-то тайное и непристойное въ прибрѣтенныхъ имъ свѣденіяхъ о нѣкоторыхъ внутреннихъ органахъ чело-вѣческаго тѣла, онъ ничему полезному не научился; однако воображеніе его осталось чистымъ. Онъ зналъ еще, что мозгъ въ его головѣ помещается въ небольшихъ отдѣленіяхъ черепа близъ висковъ, но ему никогда не приходило на мысль справиться, какъ, напримѣръ, кровь обращается въ его жилахъ или какъ бумажныя деньги могутъ замѣнить золото. Наконецъ насталъ часъ откровенія для юноши и прежде чѣмъ онъ сошелъ со стула въ бібліотекѣ, его глазамъ представился рядъ безконечныхъ физическихъ процессовъ, ясное и точное описаніе которыхъ доказало ему наконецъ, что все то, что онъ почиталъ въ себѣ за истинное знаніе, въ настоящую минуту оказалось только невѣжественнымъ пустословіемъ, почерпнутымъ изъ различныхъ книгъ. Съ этой минуты Лейдгата почувствовалъ жажду умственнаго развитія.

Намъ никогда не надобно описывать въ романахъ, какъ чело-вѣкъ влюбился въ женщину, какъ онъ женился на ней или какъ его внезапно разлучили съ предметомъ его страсти. Слѣ-

дуетъ-ли это приписать богатству нашего воображенія или избытку глупости—но только мы никогда не устаемъ воспѣвать красоту лица и роскошь сложенія женщины; мы никогда не устаемъ слушать брицаніе арфъ древнихъ трубадуровъ, и, сравнительно, чрезвычайно равнодушно относимся къ изображенію борьбы человѣческаго ума съ препятствіями и къ описанію случаевъ геройскаго самоотверженія человѣка, трудящагося изъ-за страсти къ наукѣ. Страсть эта, какъ и всякая другая страсть, подчиняется общимъ законамъ; иногда она оканчивается блестящимъ бракомъ ученаго съ обожаемой имъ наукой, иногда встрѣчаются измѣны и даже окончательный разрывъ, а нерѣдко наука бываетъ убита другою страстью — страстью, воспѣтой трубадурами. Въ этой многочисленной толпѣ мужчинъ средняго возраста, исполняющихъ ежедневныя служебныя обязанности такъ-же равнодушно, какъ они завязываютъ галстукъ, найдется не мало такихъ, которые когда-то мечтали создать что-нибудь новое или измѣнить законы міра. Такой процессъ превращенія людей энергическихъ въ людей дюжинныхъ едва-ли совершается примѣтнымъ образомъ для нихъ самихъ; очень можетъ быть, что ихъ великодушныя порывы къ безвозмездному труду охладѣли такъ-же быстро и незамѣтно, какъ охладѣваетъ пылъ первой юношеской любви, и что въ устарѣвшемъ тѣлѣ сдѣлалось тѣсно духу прежняго человѣка. Да, на свѣтѣ нѣтъ ничего неуловимѣе процесса постепеннаго измѣненія человѣка! Сначала онъ совершенно бессознательно вдыхаетъ, такъ сказать, чуждое вліяніе; очень можетъ быть, что вы или я однимъ ошибочнымъ взглядомъ, однимъ фальшивымъ выводомъ уже подѣйствовали на него тлетворно; но чаще всего эти измѣненія въ человѣкѣ зарождаются отъ перваго выразительнаго взгляда женщины.

Лейдгать не считалъ себя способнымъ къ такому внезапному перерожденію; онъ съ юношескимъ пыломъ вѣрилъ въ силу и значеніе своихъ медицинскихъ трудовъ и никакъ не хотѣлъ задохнуться въ тѣсной рамкѣ сельскаго врача. Слушая лекціи въ Лондонѣ, Эдинбургѣ, Парижѣ, онъ всюду носилъ въ себѣ убѣжденіе, что профессія врача есть лучшая въ мірѣ; что она служитъ представительницей науки и искусства, взятыхъ вмѣстѣ, что она есть, такъ сказать, звено соединенія высшихъ интеллектуальныхъ стремленій съ стремленіями приносить матеріальную поль-

зу. Натура Лейдгата требовала такого слиянія; это былъ чловѣкъ впечатлительный, живой, искренно преданный чловѣчеству, принявшій въ свою плоть и кровь эти принципы, стоявшій выше отвлеченностей сухой, специальной науки. Его не столько интересовали болѣзни, сколько самыя больныя—какой-нибудь Джонъ или Лизбета—въ особенности Лизбета.

Профессія доктора имѣла для Лейдгата и другую притягательную силу, а именно: съ помощью ея онъ надѣялся произвести въ медицинѣ реформу и, придравшись къ какому-нибудь предлогу, отказаться отъ службы, посвятивъ себя самостоятельной, хотя-бы и скромной дѣятельности. Онъ отправился слушать лекціи въ Парижѣ, съ твердымъ намѣреніемъ, по возвращеніи домой, устроиться гдѣ-нибудь въ провинціи частнымъ практикомъ и, ради успѣха своихъ научныхъ изслѣдованій, равно какъ, ради общаго блага, противиться неблагоприятному разъединенію хирургіи отъ медицины и быть практикомъ той и другой специальности. Лейдгатъ далъ себѣ слово держаться въ сторонѣ отъ столичныхъ интригъ, зависти и общественнаго раболѣпства и хотя медленно, подобно Дженнеру, но, рано или поздно, прославиться какимъ-нибудь самостоятельнымъ трудомъ.

Не надо забывать, что это было время невѣжества; не смотря на нѣсколько почтенныхъ учебныхъ заведеній, употреблявшихъ громадныя усилія для того, чтобы сохранить знаніе во всей его чистотѣ, и съ этою цѣлью выпускавшихъ докторовъ въ самое небольшое числѣ, назначая имъ жалованье и награды съ строгой разборчивостью,—не смотря на все это, очень часто случалось такъ, что недоучившіеся молодые джентльмены получали вдругъ въ столицѣ важныя посты или законное право практиковать въ званіи сельскихъ врачей, въ огромномъ районѣ сельскихъ участковъ. Итакъ, высокое значеніе, которымъ пользовалось въ то время медицинское училище, санкціонировавшее, такъ сказать, дипломы стипендіатовъ, окончившихъ обширный курсъ высшаго медицинскаго образованія въ оксфордскомъ и кэмбриджскомъ университетахъ, не помѣшало шарлатанству искусно прокрасться туда, куда не слѣдуетъ. Въ то время въ медицинѣ вообще господствовала система давать больному очень много лекарствъ; изъ этого вывели заключеніе, что чѣмъ больше чловѣкъ приметъ лекарствъ, тѣмъ лучше будетъ для его здоровья,

лишь-бы лекарства стоили недорого; вотъ публика и принялась глотать лошадиныя дозы, прописываемыя ей нестѣсняющимися ничѣмъ невѣждами, никогда неполучавшими диплома. Такъ-какъ по статистическимъ свѣденіямъ медицинскихъ отчетовъ нельзя было составить себѣ точнаго итога всѣхъ невѣждъ и шарлатановъ докторовъ, неизбѣжно являвшихся при каждой реформѣ въ медицинѣ, то Лейдгаты вообразилъ, что стоитъ только измѣниться единичнымъ личностямъ, чтобы къ единицамъ присоединились тотчасъ десятки и сотни. Онъ стремился олицетворить въ себѣ ту единицу, около которой мало-по-малу могли-бы сгруппироваться люди, стремящіеся къ одной съ нимъ цѣли, и общими силами произвести какую-нибудь важную переимѣну. Въ то-же самое время ему хотѣлось доставить себѣ удовольствіе успокоить немного желудка бѣдныхъ своихъ больныхъ, обремененные безчисленными лекарствами. Но Лейдгаты не ограничивался однимъ желаніемъ измѣнить форму практическаго леченія: его честолюбіе шло дальше—онъ жаждалъ собственными трудами дойти до какой-нибудь неизвѣстной еще истины въ анатоміи и прибавить, такъ сказать, свое звено къ длинной цѣпи отергитій.

Если читателю покажется страннымъ, чтобы какой-нибудь мидльмарчскій докторъ смѣлъ мечтать о себѣ какъ объ изобрѣтателѣ, то пусть онъ вспомнить, что имена многихъ великихъ людей положительно не были извѣстны міру, пока они не сдѣлались звѣздами первой величины и не начали управлять судьбами человѣчества. Тотъ-же Гершель, напримѣръ, который „разбилъ преграды, отдѣляющія насъ отъ неба“ — развѣ онъ не игралъ на органѣ въ провинціальной церкви и не давалъ первоначальныхъ уроковъ музыки начинающимъ? Кто изъ великихъ людей не страствовалъ по землѣ, подобно всѣмъ намъ, смертнымъ людямъ, и сталкиваясь съ ближнимъ, не обращалъ его вниманія гораздо болѣе на свою наружность или покрой платья, чѣмъ на ту причину, которая впослѣдствіи обезсмертила его имя славой.

Каждый великій человѣкъ имѣлъ свою личную, частную исторію, исполненную мелкихъ искушеній и денежныхъ заботъ, которыя вѣроятно не мало затрудняли ему путь къ безсмертію. Лейдгаты ясно сознавалъ опасность этихъ пороговъ, но онъ въ то-же время глубоко вѣрилъ въ свои силы, и рѣшившись во чтобы-то ни стало избѣгать соблазновъ, въ 27 лѣтъ отъ роду чувствовалъ

себя человѣкомъ опытнымъ. Вотъ почему онъ не захотѣлъ раздражать своего самолюбія зрѣлищемъ роскошной обстановки столичныхъ жителей и поселился вдали отъ свѣта, въ скромной средѣ небольшого городка, гдѣ у него не могло быть соперника въ преслѣдованіи великой идеи, которую онъ ни на минуту не отдѣлялъ отъ своихъ обыденныхъ врачебныхъ занятій. Молодой врачъ льстилъ себя надеждой, что труды для достиженія обѣихъ цѣлей будутъ взаимно вліять другъ на друга: тщательныя наблюденія и выводы изъ ежедневной практики, употребленіе микроскопа въ спеціальныхъ случаяхъ, все это должно было расширить его взглядъ и приготовить умъ къ дальнѣйшимъ открытіямъ. Не въ этомъ-ли именно и заключалось важное значеніе докторскаго призванія? Онъ могъ сдѣлаться хорошимъ, дѣльнымъ врачомъ въ Мидльмарчѣ и такимъ образомъ ступить твердой ногой на путь, ведущій къ дальнѣйшему совершенству. Съ одной стороны, Лейдгата нельзя было не похвалить за то, что онъ избралъ такое поприще для своей карьеры. Онъ далеко не былъ похожъ на тѣхъ образцовыхъ филантроповъ, которые изъ экономіи питаются дома ядовитыми пикулями, а между-тѣмъ гласно порицаютъ не-свѣжесть продуктовъ, или на тѣхъ, которые берутъ акціи игорныхъ домовъ, публично проповѣдая объ общественной безнравственности. Онъ рѣшился начать съ мелкихъ реформъ, болѣе ему доступныхъ и гораздо менѣе проблематическихъ, чѣмъ будущія его анатомическія открытія. Главное, съ чего ему хотѣлось начать свои нововведенія,—это съ рецептовъ; онъ намѣревался прописывать своимъ больнымъ дешевыя лекарства и не хотѣлъ вовсе брать извѣстнаго процента съ аптекарей. Это былъ геройскій шагъ для официальнаго сельскаго врача,—шагъ, который долженъ былъ задѣть самолюбіе его собратьевъ по профессіи. Но Лейдгата, кромѣ того, предположилъ даже совершенно измѣнить методу своего леченія, а для этого находилъ необходимымъ отрѣшиться отъ всѣхъ старыхъ предрасудковъ.

Въ ту эпоху, наблюдателямъ и теоретикамъ, представлялось гораздо болѣе обширное поле дѣятельности, чѣмъ въ настоящее время. Намъ кажется, что замѣчательнѣйшей эрой человѣческой исторіи слѣдуетъ считать начало открытія Новаго Свѣта, потому-что тогда каждый болѣе или менѣе смѣлый матросъ, испытавъ кораблекрушеніе, могъ попасть въ какую-нибудь неизвѣстную дотолѣ

страну. Въ 1829 году темная страна патологии представлялась такимъ-же Новымъ Свѣтомъ для юныхъ энергическихъ ученыхъ. Лейдгату страшно хотѣлось содѣйствовать расширенію научнаго основнаго базиса своей профессіи. Чѣмъ болѣе онъ углублялся въ специальное изученіе вопроса о лихорадкахъ и горячкахъ вообще, тѣмъ сильнѣе чувствовалъ потребность въ основательномъ изученіи строенія человѣческаго тѣла—науки впервые озаренной краткой, но блестящей медицинской карьерой доктора Бишэ, который умеръ 31 года отъ роду, оставивъ, подобно Александру Македонскому, громадное царство многочисленнымъ своимъ наследникамъ. Этотъ великій французъ первый открылъ, что тѣло человѣка, основательно разсмотрѣнное, не есть соединеніе органовъ, значеніе которыхъ можетъ быть опредѣлено отдѣльнымъ изученіемъ cadaго изъ нихъ, и потомъ въ связи съ другими; но что на него нужно смотрѣть какъ на составъ первичныхъ нитей или тканей, изъ которыхъ образовались: мозгъ, сердце, легкіе и т. д., точно такъ, какъ различныя части зданія составлены изъ дерева, жельза, камня, кирпича и цинка, при чемъ каждый изъ этихъ матеріаловъ имѣетъ свой собственный составъ и извѣстный размѣръ. Изъ этого слѣдуетъ, что никто не можетъ ни понять, ни представить себѣ общей конструкціи человѣческаго тѣла съ его педутами, ни назначить соответственнаго лекарства больному, не выяснивъ себѣ прежде свойствъ тканей тѣла. Открытіе, сдѣланное Бишэ и его подробное изученіе различныхъ тканей естественнымъ образомъ внесло новый свѣтъ въ медицину, освѣтивъ нѣкоторыя ея стороны точно такъ, какъ яркій газовой фонарь освѣщаетъ темную улицу; оно обогатило науку новыми свѣденіями, выяснило совершенно скрытые до тѣхъ поръ факты, которые слѣдовало непремѣнно принимать во вниманіе при разсмотрѣніи симптомовъ болѣзней и дѣйствій на нихъ лекарствъ. Но результаты, которые зависятъ отъ человѣческаго пониманія и интеллектуальнаго развитія, достигаются очень медленно; поэтому немудрено, что въ концѣ 1829 г. многіе доктора-практики все еще шли спотыкаясь по старой дорогѣ, и для человѣка, любящаго науку, предстояло впереди много работы на томъ пути, который былъ указанъ открытіемъ Бишэ. Этотъ великій ученый не пошелъ далѣе опредѣленія тканей, которыя онъ принималъ за основаніе человѣческаго организма, ставя этимъ границу для

своего анатомическаго анализа. Другимъ умамъ, послѣ него, предстояло рѣшить вопросъ—не имѣютъ-ли самья эти ткани общаго базиса, отъ котораго они исходятъ, точно такъ, какъ изъ грубыхъ ковоновъ выдѣлываются: газъ, тюль, атласъ и бархатъ. Рѣшеніе этого вопроса могло пролить новыи свѣтъ, въ родѣ друмондова, съ помощью котораго можно разглядѣть каждую точку предмета и тогда выяснились-бы прежніе выводы ученыхъ. Лейдгать былъ влюбленъ въ мысль раздвинуть предѣлы открытія Биша, открытія, взволновавшаго весь ученый міръ въ Европѣ. Молодому врачу сильно хотѣлось самому отыскать тѣсное соотношеніе между каждой частью человѣческаго тѣла и выяснитъ какъ можно точнѣе всѣ предположенія, сдѣланныя на этотъ счетъ другими учеными. Трудъ такого рода еще не былъ предпринятъ, но подготовленія къ нему были уже сдѣланы и наука ждала только человѣка, который сумѣлъ-бы воспользоваться готовыми матеріалами. Что такое первичная ткань? Вотъ въ какой формѣ Лейдгать поставилъ передъ собой вопросъ, а между тѣмъ отвѣтъ на этотъ вопросъ требовалъ совсѣмъ другой формы. Впрочемъ, многіе ученые изслѣдователи часто впадаютъ въ ту-же ошибку. Лейдгать рассчитывалъ, что ему въ провинціи будетъ достаточно свободнаго времени, чтобы заняться своими изслѣдованіями при помощи скальпеля и микроскопа, за которые онъ снова взялся съ юношескимъ увлеченіемъ. Словомъ, Лейдгать составилъ себѣ слѣдующій планъ дѣйствій: усердно исполнять свои маленькія обязанности въ Мидльмарчѣ и въ то-же время готовить свое великое всемірное дѣло.

Въ то-же время онъ могъ назваться вполне счастливымъ человѣкомъ; ему было 27 лѣтъ, особенными пороками онъ не отличался, готовности дѣлать добро въ немъ было много, въ головѣ его роились идеи, придававшія его жизни интересъ, вовсе не схожіи съ интересами другихъ людей, цѣль которыхъ заключалась въ скачкахъ и прочихъ культахъ наслажденія. Да онъ и не имѣлъ средствъ тратить на эти прихоти, потому-что послѣ покупки для себя мѣста провинціального врача-практика, у него оставался на лицо капиталъ въ какіе-нибудь 800 фун. стерл. Лейдгать стоялъ теперь на той точкѣ, съ которой онъ долженъ былъ ринуться впередъ; но врядъ-ли нашлись-бы охотники держать пари — выиграетъ онъ или нѣтъ первый призъ въ этой скачкѣ.

съ препятствіями. Поручиться заранѣе за его успѣхъ не могли бы даже люди, близко знавшіе его характеръ, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ множествомъ неотъемлемыхъ достоинствъ, онъ имѣлъ и недостатки, но я надѣюсь, что эти недостатки не охладятъ участія къ нему читателя; кто изъ людей можетъ назваться человѣкомъ совершеннымъ? Возьмемъ для примѣра нашихъ лучшихъ друзей: развѣ между ними не найдется человѣка черезчуръ самонадѣяннаго или гордаго въ отношеніи къ другимъ; развѣ нѣтъ въ числѣ ихъ умныхъ людей съ отвѣткомъ пошлости; людей чопорныхъ или зараженныхъ мѣстными предрасудками; людей энергическихъ, съ сильною волей, но которые, подъ вліяніемъ временныхъ побужденій, готовы перескочить въ противный лагерь? Лейдгаты страдали, какъ мы и прежде сказали, многими человѣческими слабостями, но вваливать на него за это большую отвѣтственность мы не вправѣ. Онъ былъ самолюбивъ, но не высокомеренъ, онъ не умѣлъ улыбаться подобострастно, не былъ никогда дерзокъ, не заявлялъ очень рѣшительно своихъ требованій, и при случаѣ умѣлъ быть даже презрительно благосклоненъ. Онъ готовъ былъ многое сдѣлать для дураковъ, искренно сожалѣя ихъ, и твердо зная, что имъ никогда не удастся подчинить его своей власти; однажды, когда онъ былъ въ Парижѣ, ему пришло въ голову вступить въ секту Сен-Симонистовъ, съ цѣлью заставить ихъ отказаться отъ нѣкоторыхъ ихъ доктринъ. Всѣ недостатки Лейдгата смягчались его вѣжностью; голосъ у него былъ свѣжій, чистый баритонъ, платье сидѣло на немъ ловко; каждый его жестъ отличался врожденнымъ изяществомъ.

Гдѣ-жъ вы замѣтили въ немъ пошлыя черты? спрашиваетъ меня молодая леди, уже успѣвшая очароваться его естественной граціей. Можетъ-ли быть пошлъ человѣкъ хорошей фамиліи, жаждущій отличиться въ свѣтѣ, ко всѣмъ великодушный, человѣкъ съ какимъ-то особеннымъ взглядомъ на всѣ общественныя обязанности? Можетъ, отвѣтимъ мы и точно также легко, какъ легко показаться пошлымъ человѣку гениальному, если вы вдругъ открыли, что онъ не знаетъ самой обыкновенной вещи или какъ легко человѣку, стремящемуся двинуть общество на цѣлое тысячелѣтіе впередъ, вдругъ увлечься Оффенбаховскою музыкою и блестящимъ остроуміемъ какого-нибудь вульгарнаго фарса. Пошлыя

стороны характера Лейдгата заключались въ его малодушіи — недостаткѣ свойственномъ всѣмъ свѣтскимъ людямъ. Его блестящій умъ не предохранилъ его отъ увлеченій вѣтшию обстановкой и женщинами и отъ желаній, чтобы объ немъ говорили, что онъ происходитъ отъ лучшей фамиліи, чѣмъ прочіе сельскіе врачи. Въ настоящее время ему, конечно, было не до того; но если-бы ему пришлось устраивать себѣ помѣщеніе, то едва-ли біологія и медицинскія реформы спасли-бы его отъ мелочныхъ заботъ, чтобы у него было все лучше, чѣмъ у другихъ.

Что касается женщинъ, то Лейдгаты, по милости одной изъ нихъ, ринулся однажды прямо съ головой въ омутъ и едва не погибъ, если только можно назвать гибелью вступленіе въ бракъ. Читателю, желающему поближе ознакомиться съ молодымъ докторомъ, необходимо знать причину такого безумства съ его стороны, такъ-какъ изъ случившагося съ нимъ обстоятельства можно составить себѣ вѣрное понятіе о томъ, къ какимъ страшнымъ порывамъ онъ былъ способенъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ о его рыцарскихъ чувствахъ, подъ влияніемъ которыхъ онъ сохранялъ всегда нравственную чистоту въ любви. Вся эта исторія можетъ быть рассказана въ нѣсколькихъ словахъ. Она случилась въ то время, когда докторъ учился въ Парижѣ, и занятый по горло, трудился сверхъ того надъ нѣкоторыми гальваническими опытами. Однажды вечеромъ, онъ до того измучился усиленной мозговой работой, что не былъ въ состояніи сдѣлать какой-либо выводъ изъ всего пройденнаго имъ въ этотъ день, и потому рѣшился дать отдохнуть своимъ лягушкамъ и воронамъ, судорожно передергивавшимся невѣдомой силой гальванизма, и отправился закончить вечеръ въ театрѣ Porte St-Martin, гдѣ въ тотъ день давалась мелодрама, видѣнная Лейдгатомъ уже нѣсколько разъ. Его притягивало собственно не остроумное твореніе нѣсколькихъ авторовъ-сотрудниковъ, а актриса, которая умерщвляетъ на сценѣ своего любовника, принявъ его ошибкою за коварнаго герцога, героя пьесы. Лейдгаты былъ такъ влюбленъ въ эту актрису, какъ влюбляются мужчины въ женщину, съ которой они никогда не надѣются даже слова сказать. Актриса была родомъ изъ Прованса; она отличалась темными глазами, греческимъ профилемъ, бюстомъ и поступью королевы, словомъ, это была такая красавица, которая въ лѣтахъ ранней молодости уже являетъ изъ себя величествен-

ную матрону. Голосъ ея напоминалъ воркованье голубя. Она только-что прїѣхала тогда въ Парижъ и пользовалась отличной репутаціей; мужъ ея бралъ на себя всегда роль любовника въ извѣстной мелодрамѣ. Сама актриса играла довольно посредственно, но публика приходила отъ нея въ восторгъ. Въ этотъ вечеръ Лейдгать, чтобы освѣжить свою голову, не нашелъ другого болѣе дѣйствительнаго средства, какъ идти въ театръ, хотъ издали посмотрѣть на любимую имъ женщину и мысленно перенестись на южный берегъ Франціи съ его душистыми фіалками. На этотъ разъ въ драмѣ произошла настоящая катастрофа. Въ ту минуту, когда героиня пьесы должна была заколоть кинжаломъ своего любовника, а тотъ долженъ былъ граціозно упасть къ ея ногамъ, жена не на шутку заколола своего мужа и онъ упалъ мертвый. Дикій вопль раздался въ театрѣ, а провансалка лишилась чувствъ: крикъ и обморокъ слѣдовали по ходу драмы, но на этотъ разъ обморокъ былъ непритворный. Лейдгать, самъ не зная какъ, однимъ прыжкомъ очутился на сценѣ и дѣятельно принялся подавать помощь молодой женщинѣ, у которой голова оказалась разшибленной. Знакомство ихъ началось съ того, что молодой докторъ нѣжно поднималъ ее на руки. Происшествіе это облетѣло весь Парижъ; раздался вопросъ: умышленное было это убійство или нѣтъ? Нѣкоторымъ изъ пламенныхъ обожателей актрисы хотѣлось во что бы то ни стало вѣрить въ ея виновность, на томъ основаніи, что преступленіе придавало ей въ ихъ глазахъ особенную пикантность (таковъ былъ вкусъ того времени); но Лейдгать сильно возсталъ противъ обвиненія ея въ умышленномъ убійствѣ. Онъ горячо отстаивалъ молодую вдову и его глубокая, страстная любовь къ ней, какъ къ красивой женщинѣ, превратилась въ какое-то благоговѣйное, нѣжное чувство состраданія къ несчастной жертвѣ судьбы. „Обвинять ее въ злодѣяніи невозможно, восклицалъ Лейдгать; нельзя даже найти причины подобному убійству; молодые супруги, какъ говорятъ, жили душа въ душу; нѣтъ никакого сомнѣнія, что она печально поскользнулась и отъ этого послѣдовало убійство“. Слѣдствіе, произведенное надъ молодой подсудимой, окончилось тѣмъ, что м-ше Лауру оправдали. Въ теченіе этого времени, Лейдгать нѣсколько разъ видѣлся съ нею и находилъ ее все болѣе и болѣе очаровательной. Лаура была молчалива, но это

придавало ей еще болѣе прелести. Она постоянно была грустна и ласкова и ея присутствіе производило впечатлѣніе тихаго, яснаго вечера. Лейдгаты ревновали ее до безумія, трепеща при одной мысли, чтобы кто-нибудь другой не овладѣлъ ея сердцемъ и не женился на ней. Вмѣсто того, чтобы возобновить свой контрактъ съ театромъ Porte St-Martin, гдѣ она приобрѣла извѣстнаго рода популярность, вслѣдствіе послѣдняго кроваваго эпизода своей жизни, Лаура уѣхала изъ Парижа, не предупредивъ никого и скрывъ свой отъѣздъ даже отъ небольшого кружка вѣрныхъ обожателей; впрочемъ, никто изъ нихъ, кромѣ Лейдгата, и не подумалъ наводить справокъ, куда дѣвалась Лаура; но для Лейдгата самая наука отдалилась на задній планъ, когда ему представилась ужасная картина, какъ бѣдная молодая женщина бродитъ по свѣту одна, безъ покровителя, не находя нигдѣ ни утѣшенія въ своей скорби, ни опоры. Актрисы, скрывающихся отъ людей, гораздо легче найти, чѣмъ кого-нибудь другого, и потому не прошло нѣсколькихъ недѣль, какъ Лейдгаты напали на слѣдъ бѣглянки: оказалось, что Лаура отправилась по дорогѣ въ Лионъ. Нашъ докторъ пустился за ней въ погоню и засталъ ее играющую съ большимъ успѣхомъ на сценѣ авиньонскаго театра. Имени своего она не перемѣнила. На новой сценѣ, въ роли покинутой жены съ ребенкомъ на рукахъ, она показала ему еще величественнѣй. По окончаніи спектакля, Лейдгаты отправились за кулисы и были встрѣчены Лаурой съ тѣмъ обычнымъ спокойствіемъ, которое онъ бывало сравнивалъ съ кристалльной поверхностью чистой рѣки. Онъ получилъ приглашеніе навѣстить ее дома на слѣдующій день. Тутъ-то онъ рѣшился сдѣлать Лаурѣ признаніе въ любви и предложить ей свою руку и сердце. Сознавая вполнѣ, что это очень смахивало на безуміе, превосходившее все до сихъ поръ сдѣланныя имъ глупости, пылкій юноша махнулъ на все рукою и рѣшился не отступать отъ предвзятаго имъ намѣренія. Въ немъ, повидимому, боролись двѣ противоположныя силы, старавшіяся ладить между собою и преодолевать встрѣчающіяся препятствія. Странное дѣло, почему многіе изъ насъ, подобно Лейдгату, одарены какой-то двойственной внутренней жизнью; пока воображеніе и чувства наши витаютъ въ мірѣ фантазіи, спокойное, невозмутимое „я“ — стоитъ внизу на землѣ и какъ-бы ждетъ своихъ товарищей. Лейдгаты

не могъ говорить съ Лаурой иначе, какъ съ благоговѣніемъ и съ нѣжностью.

— И вы это изъ Парижа нарочно пріѣхали, чтобы только отыскать меня? сказала она ему на другой день, сидя передъ нимъ на диванѣ съ сложенными на груди руками и не спуская съ него вопросительныхъ черныхъ глазъ, въ эту минуту напоминавшихъ глаза дикой арабской лошади. — Неужели всѣ англичане похожи на васъ?

— Я пріѣхалъ сюда потому, что жить безъ васъ не могу, отвѣчалъ Лейдгать. — Вы такъ одиноки, я такъ сильно люблю васъ; я-бы желалъ попросить вашей руки; я готовъ ждать, ждать сколько угодно, общайтесь мнѣ только, что вы ни за кого не выйдете замужъ, кромѣ меня!..

Лаура молча посмотрѣла на него и грустные глаза ея блеснули изъ-подъ густыхъ рѣсницъ. Отвѣтъ былъ ясенъ и восторженный юноша страстно припалъ къ самымъ колѣнамъ актрисы.

— Я вамъ скажу одну вещь, проговорила она своимъ густымъ воркующимъ голосомъ, не разнимая рукъ. — Моя нога не поскользнулась.

— Знаю! знаю! воскликнулъ горячо Лейдгать. — Это былъ роковой случай, несчастный этотъ ударъ именно и привязалъ меня къ вамъ.

Лаура помолчала съ минуту и потомъ медленно произнесла:

— Я сдѣлала это съ намѣреніемъ!

Лейдгать, не смотря на свое атлетическое сложеніе, помертвѣлъ и вздрогнулъ: ему показалось, что прошелъ цѣлый часъ, пока онъ вставалъ съ колѣнъ и отодвигался отъ Лауры.

— Значитъ, тутъ скрывалась тайна? спросилъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ. — Онъ дурно съ вами обращался; вы его ненавидѣли?

— Нѣтъ! онъ мнѣ надоѣлъ; слишкомъ былъ ко мнѣ нѣженъ, ему хотѣлось жить въ Парижѣ, а не въ Провансѣ, а это мнѣ было непріятно.

— Великій Господи! воскликнулъ Лейдгать, застонавъ отъ ужаса. — Неужели вы заранѣе обдумали это убійство? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, я его не обдумывала. Мысль пришла мнѣ въ голову во время игры. Я съ намѣреніемъ поскользнулась, отвѣчала Лаура.

Лейдгать онѣмѣль и невольно нахлобучилъ себѣ шляпу на голову, не спуская глазъ съ актрисы. Въ эту минуту эта женщина, которой онъ посвятилъ первыя свои юношескія чувства, показалась ему окруженной толпой низкихъ преступниковъ.

— Вы человекъ хорошій и добрый, сказала Лаура. — Но я не охотница до мужей. Я никогда болѣе не выйду замужъ.

Три дня спустя Лейдгать очутился снова въ Парижѣ, на своей квартирѣ, и снова принялся за гальванизмъ, вполне убѣжденный, что его иллюзіямъ—конецъ. Любящее мягкое сердце спасло его однако отъ полнаго ожесточенія къ людямъ, и онъ продолжалъ все-таки вѣрить, что счастье на землѣ возможно. Но горькій опытъ далъ ему право теперь болѣе, чѣмъ когда-либо довѣрять своему собственному разсудку; онъ рѣшился съ этой минуты смотрѣть на женщинъ только съ научной точки зрѣнія и не ждать отъ нихъ ничего, кромѣ простаго вниманія.

Въ Мидльмарчѣ никто, конечно, и не догадывался о происходившей драмѣ въ жизни Лейдгата и почтенные городскіе обыватели, какъ и всѣ вообще смертныя, судили о немъ только по тѣмъ признакамъ, которые подходили подъ уровень ихъ собственного разумія. Не только молодыя дѣвственницы города, но даже сѣдобородные мужи, глядя на Лейдгата, дѣлали поспѣшныя заключенія о томъ, какъ-бы извлечь всевозможную для себя пользу отъ новаго знакомаго; они не давали даже себѣ труда собрать нужныя свѣденія для того, чтобы убѣдиться, подготовилили его достаточно жизнь для того, чтобы сдѣлать изъ него орудіе ихъ прихоти. Мидльмарчскіе жители преспокойно рассчитывали поглотить Лейдгата или превратить его въ себѣ подобнаго человека.

(Продолженіе будетъ.)

СОВРЕМЕННЫЙ КАРФАГЕНЬ.

(The History of England from the year 1830. By W. N. Moleswort. London 1871. H. Taine: «Notes sur l'Angleterre». Paris, 1872.—Merk, Das Pendschab, 1869.)

„Въ исторіи Англіи путь политическихъ реформъ, говоритъ Молевортъ, почти оконченъ; длиннымъ рядомъ усилій она стояла всѣ главныя политическія права и логически должна рано или поздно завершить ихъ; но это только половина пути, ею пройденнаго. Теперь наступило для нея время общественныхъ реформъ, которыя ей предстоитъ осуществить, если только она не захочетъ отказаться отъ своей исторической роли“. Въ этомъ смыслѣ „Англія представляетъ огромную пирамиду, поставленную базисомъ вверхъ и конусомъ внизъ; для будущей прочности ея необходимо переставить основание сверху внизъ. Это должны будутъ совершить не политики, не дипломаты, а общественные дѣятели“.

То-же думаетъ и Тэнъ; онъ сравниваетъ мимоходомъ Лондонъ съ Римомъ. Но Англія—не Римъ и не Афины. Если уже прибѣгать въ сравненію съ античнымъ міромъ, то это будетъ Карфагенъ. У грековъ въ Афинахъ интеллектуальныя и художественныя потребности населенія сдѣлались источникомъ цивилизаціи, онѣ создали для страны ея богатства, промышленность, торговлю и господство на моряхъ. Въ Римѣ, напротивъ, богатство было источникомъ интеллектуальныхъ потребностей; оно давало направленіе всей ихъ жизни, вывело ихъ на дорогу всемірнаго хищничества и сдѣлало представителями господства грубой силы. Оно вознесло Римъ

на высоту могущества; оно-же и погубило его. Между тѣмъ въ мирномъ, торговомъ Карфагенѣ, какъ теперь въ Англіи, наука и изящная жизнь явились только послѣдствіями разившейся промышленности. Онѣ не развивались какъ прирожденное, коренное свойство, а были чѣмъ-то прививнымъ и напусынымъ. Что грубый воинъ—разрушитель цивилизацій, что онъ способенъ только дѣлать міръ несчастнымъ и останавливать его развитіе—это нечего доказывать; это извѣстно каждому. Гораздо интереснѣе изслѣдовать значеніе для мировой жизни спекулятора, промышленнаго производителя Карфагена и Англіи. Въ рѣзкихъ, художественныхъ краскахъ очерчиваетъ передъ нами Тэнъ богатство и бѣдность въ Англіи. „Отправляйтесь въ Сейденгамъ, говоритъ онъ; на пространствѣ пяти миль вы будете ѣхать мимо домовъ, которые указываютъ на издержку въ полторы тысячи фунтовъ (10 т. р.) въ годъ и болѣе“.—Въ Англіи человекъ, который проживаетъ 50,000 р. (8000 ф. с.) въ годъ не считается богатымъ, онъ только пользуется благосостояніемъ; богатый человекъ проживаетъ 200,000 ф. ст. — миллионъ съ четвертью рублей и болѣе. И люди, которые живутъ торговлей, и люди, которые живутъ интеллектуальнымъ трудомъ, зарабатываютъ огромныя деньги. „Посмотрите на нашихъ фермеровъ, говорятъ англичане,—ихъ дочери учатся по-французски, играютъ на фортепіано, одѣваются великолѣпно“.—Фермеръ, который обрабатываетъ около ста десятинъ, съ семействомъ своимъ уже ничего не дѣлаетъ и живетъ такъ, какъ французскій помѣщикъ, имѣющій болѣе шести тысячъ рублей (25,000 фр.) годоваго дохода. Музыкантъ, который въ Лейпцигѣ получаетъ рубль и два рубля, въ Лондонѣ зарабатываетъ семь. Медикъ, который получаетъ въ Парижѣ полтора рубля или два съ половиною, получаетъ въ Лондонѣ также семь рублей. Въ Оксфордѣ профессоръ получаетъ отъ шести до двадцати тысячъ р. Тэнисонъ, который пишетъ мало, получаетъ 32,000 въ годъ. Директоръ Итона (аристократической школы) 37,000 р. въ годъ; директоръ другой школы Гарроу еще болѣе, епископъ лондонскій болѣе шестидесяти, а іоркскій почти сто тысячъ р. въ годъ. За печатный листъ распространеннаго журнала платится 125 р., „Times“ платитъ до 625 р. за листъ. Текерю случалось заработать 1000 р. въ сутки.

Все это прекрасно, но вотъ обратная сторона медали. „Я

видѣлъ нищенскіе кварталы въ Марсели, въ Анверѣ, въ Парижѣ, но ничего подобнаго не видалъ, говоритъ Тэнъ, что пришлось мнѣ видѣть въ Лондонѣ. Низкіе каменные дома; въ подвалахъ кабаки, гдѣ деретъ уши музыка; главное населеніе составляютъ публичныя женщины; на улицахъ драка, въ особенности между пьяными бабами. Подбитые глаза, завязанные носы, синяки на лицѣ встрѣчаются постоянно, но самое ужасное впечатлѣніе производитъ силпый и въ то-же время рѣзкій голосъ, точно у больного ночного хищника. Лишь только посѣтитель выходитъ изъ тунеля, онъ встрѣчаетъ босоногихъ, оборванныхъ и грязныхъ мальчишекъ, которые вертятся колесомъ, чтобы получить милостыню. Лѣстницы на Темзѣ кишатъ ими; въ Парижѣ невозможно найти такихъ чахлахъ, завлвшихъ и отвратительныхъ уродовъ. Около стѣнъ лѣпятся взрослые или сидятъ неподвижно на ступеняхъ. Ихъ платье описать невозможно, его нужно видѣть, только тогда можно составить себѣ понятіе о томъ, какую массу пятенъ и грязи могутъ помѣщать на себѣ эти пальто или штаны. Ротъ раскрытъ, лицо блѣдное или землянаго цвѣта, или росписано красными жилками. Здѣсь найдены были цѣлыя семейства, у которыхъ не было другой постели, кромѣ кучи сора. — На дворахъ нестерпимая вонь отъ гнилого тряпья, вездѣ развѣшано старое бѣлье и рубище. Дѣтей бездна. Маленькія таскаютъ на рукахъ своихъ годовалыхъ братьевъ. Даже дѣтскія лица дряблы и покрыты застарѣлыми грязными пятнами. Матери, неподвижныя, какъ муміи, смотрятъ безжизненнымъ взглядомъ. Вся квартира ихъ состоитъ изъ комнаты, и это не комната, а дыра, гдѣ можно только спать и умереть. Жильцы могутъ не голодать только при томъ единственномъ условіи, чтобы ихъ отецъ семейства не пилъ, никогда не оставался безъ работы и никогда не былъ боленъ. Вездѣ навалены кучи сору; въ нихъ копаются старухи съ трубками въ зубахъ; ихъ лица изношены, землеобразны; взглядъ безпокоенъ; табакъ и джинъ составляютъ единственную мысль этихъ идіотовъ. Вотъ изуродованная кошка не смѣло подошла, чтобы раздѣлить добычу, на нее дико посмотрѣли, будто она добиралась до двухъ фунтовъ мяса. Въ проходахъ, которые ведутъ къ Оксфордъ-стритъ, воздуть спертый, пахнеть человѣческими испареніями. Толпы блѣдныхъ дѣтей сидятъ на грязныхъ ступеняхъ. На лавкахъ Лондонбриджъ цѣлыя

семейства сидятъ кучами по почамъ и дрожать отъ холоду. Вечеромъ въ Гаймаркетъ, въ Страндъ, на пространствѣ ста павильоновъ, можно встрѣтить до двадцати публичныхъ женщинъ; нѣкоторыя просятъ у васъ стаканъ джину; другія говорятъ: „я вынуждена, я должна заплатить за квартиру“. На показъ является уже не развратъ, а крайняя, гнетущая бѣдность. Въ Лондонѣ насчитывается 180,000 бродягъ; 150,000 нищихъ вполне содержатся на счетъ подаяннѣ. Изъ такихъ-то людей составляется знаменитый миллионъ (въ 1871 г. 1,081,926) англійской голи“. Вотъ другая картина: лондонскій праздникъ. „Безчисленная толпа народа, трескъ, шумъ, музыка, представленнѣ, экипажи и моды. Между ними тѣснятся бѣдняки, они стараются навязать вамъ грошовую куклу, почистить вамъ сапоги. Они пришли сюда ночью пѣшкомъ и такъ измучились, что многіе валяются между ногами гуляющихъ лицомъ вверхъ, съ открытымъ ртомъ. Лица отличаются тупымъ и страдальческимъ выраженіемъ. По большей части, эти бѣдняки ходятъ босые, въ невѣроятно грязной одеждѣ, которая производитъ тѣмъ болѣе мрачное впечатлѣніе, что она изящнаго покроя: это платье джентльменовъ и леди, кончающее свое существованіе на плечахъ нищихъ, это лохмотья костюма, сдѣланнаго для шестнадцатилѣтней, блондинки красавицы,—на изможденной, одичавшей старухѣ: ужасная вывѣска, которую носить на себѣ отверженные міра. Въ этомъ костюмѣ они собираютъ разбитыя бутылки и пьютъ изъ нихъ капли, ловятъ и жуютъ брошенныя дынные корки. На загорѣлыхъ лицахъ шрамы отъ ранъ“. Тѣмъ находитъ, что они, при своемъ подобоострастіи, производятъ впечатлѣніе осла Стерна, который умильно говоритъ вамъ: „умоляю васъ, не бейте меня, но если вамъ угодно, вы можете меня бить“. Въ другомъ мѣстѣ Тѣмъ разсуждаетъ объ англійской бѣдности вообще; онъ полагаетъ, что бѣднякъ южной Европы далеко не такъ несчастливъ; здѣсь на него страшно глядѣть. Ничто не можетъ быть ужаснѣе платья, жилища, бѣлья и лица англійскаго нищаго. Когда въ Гайдъ-Паркъ бѣдное семейство садится на траву, оно оставляетъ послѣ себя грязное пятно. Каковы-же чувства этихъ нищихъ, которые унижены до такой степени. Тѣмъ говоритъ одному купеческому сыну: „у васъ бѣдность обезпечена, нищій находитъ себѣ кровь

въ пріютахъ благотворительности“. — „Они-не идутъ туда, отвѣчаетъ буржуа,—они предпочитаютъ нужду и голодную смерть“. При такомъ настроеніи населенія мы видимъ слѣдующее. Тѣмъ посѣщаетъ сельскихъ работниковъ въ мѣстностяхъ, гдѣ заработная плата наиболѣе высока. Изба, какъ въ Персіи и центральной Азій, слѣплена изъ битой грязи, крыта дранью или соломой. Она миньятюрна, какъ игрушка. Матери семействъ часто отличаются здѣсь неестественной худобой, лицо покрыто красными пятнами, видъ чахоточный. И въ этой-то избѣ поденщикъ живетъ съ женой и шестью дѣтьми: Онъ зарабатываетъ двѣсти рублей и двадцать пять долженъ отдавать за наемъ квартиры. Онъ имѣетъ видъ печальный и униженный. Безукоризненная чистота, въ которой онъ содержитъ свою жалкую конуру, и тщательность, съ которою онъ скрываетъ ея недостатки, ясно показываютъ, что онъ страдаетъ отъ своей бѣдности. Худо или хорошо, но все зачинево и заштопано, не виситъ ставень, нѣтъ разшатавшихся дверей, разбитыхъ оконъ, дворъ выметенъ, нѣтъ стоячихъ лужъ и навозу. Въ харчевнѣ безукоризненная чистота, тамъ можно переночевать, не страдая отъ грязи. Рѣзкій контрастъ съ этою бѣдностью составляетъ благосостояніе даже такого фермера, который арендуетъ не болѣе тридцати десятинъ. Тѣмъ сравниваетъ этихъ фермеровъ съ лучшими фермерами окрестностей Парижа. Исслѣдованіе, сдѣланное въ 1868 и 1869 годахъ, показало, что положеніе земледѣльцевъ не улучшается, а ухудшается. Прежде каждая хижина имѣла около себя клочекъ земли, у каждаго работника была домашняя птица, паслась свинья на общественныхъ земляхъ, но теперь и этого нѣтъ. Невѣжество сельской массы такъ велико, что одинъ ученый англичанинъ говорилъ Тѣну, что съ точки зрѣнія интеллектуальнаго развитія между сельскимъ работникомъ и работникомъ на механическомъ заводѣ разница такъ-же велика, какъ между работникомъ и ученымъ. Происшествія послѣдняго времени очень ясно показали міру, на какой степени развитія стоитъ французскій крестьянинъ; оказывается однакожь, что онъ гораздо развитѣе англійскаго сельскаго работника. Сельскій работникъ, который имѣетъ дѣтей,—а у него ихъ нерѣдко до шести человекъ,—не можетъ жить безъ помощи общественной благотворительности. Мы видѣли, съ какимъ отвращеніемъ англійскій бѣднякъ прибѣгаетъ къ общественной

благотворительности. Чтобы избавить себя от этой необходимости, сельское семейство цѣликомъ съ женщинами и дѣтьми занимается на работу. Но выходитъ еще хуже; женщина дѣлается совершенно неспособною къ хозяйству, она не умѣетъ починить платье, приготовить кушанье; все приходится покупать въ лавкѣ. Въ одномъ семействѣ изъ четырнадцати человѣкъ не оказалось ни одного лица, способнаго изжарить мясо. Но отъ этого ихъ содержаніе стоило имъ такъ дорого, что они при всѣхъ лишеніяхъ никакъ не могутъ покрывать расхода. „Punch“ очень рельефно изобразилъ ужасное положеніе англійскаго сельскаго работника. Онъ сопоставилъ конюшню англійскаго фермера и жилище поденщика; оказалось, что квартира англійскаго быка — дворець въ сравненіи съ квартирою поденщика. „Fortnightly Review“ въ январѣ 1871 г. утверждалъ, что нѣтъ семейнаго поденщика, который не содержалъ-бы себя отчасти милостынею. Англійскіе богачи платятъ своей прислугѣ болѣе, чѣмъ всѣмъ сельскимъ работникамъ вмѣстѣ. Въ Шотландіи селянину случается жить въ конурѣ безъ трубы, гдѣ дымъ выходитъ въ сдѣланное для этого отверстіе. Отъ дыму люди слѣпнутъ, какъ въ нашихъ курныхъ избахъ. Овцы у нихъ величиною съ ягнята; въ суровую зиму онѣ умираютъ массаи; быкъ растетъ съ маленькаго осла.

Если противопоставить другъ другу двѣ крайности, съ одной стороны необыкновенную роскошь, а съ другой отвратительную нищету, то картина выходитъ мрачная, получаетъ колоритъ драматическій, но она все-таки не даетъ возможности постигнуть истинное значеніе, всѣмирно-историческую роль такихъ народовъ и государствъ, какъ Англія и Карфагенъ. Если вы разсмотрите въ подробности жизнь тѣхъ 25 милліоновъ людей, которые теперь живутъ въ Англіи, Валлисѣ и Шотландіи, то они вамъ покажутся вовсе не столь несчастными, какими ихъ изображаетъ только одно сравненіе высшаго и низшаго слоя въ обществѣ. Вы увидите, что въ среднемъ уровнѣ населеніе пользуется здѣсь несомнѣнно большимъ матеріальнымъ благосостояніемъ, чѣмъ населеніе всѣхъ другихъ значительныхъ государствъ Европы и что такой результатъ вы получаете не только при сравненіи высшихъ, но и рабочихъ классовъ. Со стороны интеллектуальнаго развитія вы не видите такого рѣшительнаго превосходства, но

вы не видите и отсталости, — менѣе всего какой-нибудь поразительной отсталости. Вы не будете знать, что сказать объ этомъ явленіи и скорѣе склонитесь въ пользу его, чѣмъ противъ него. Чтобы понять истинный смыслъ жизни Англіи, нужно ее разсмотрѣть со всею ея міровою обстановкой, какъ торговое государство съ его завоеваніями, колоніями и заграничными рынками. Богатство Англіи не есть продуктъ одного труда обитателей Англіи, Валлиса и Шотландіи, оно результатъ всѣхъ завоеваній Великобританіи и ея международнаго положенія. Его порождаютъ не двадцать пять милліоновъ англичанъ и шотландцевъ, а двѣсти тридцать два милліона съ половиною англійскихъ подданныхъ во всѣхъ частяхъ свѣта, его порождаютъ пять сотъ милліоновъ китайцевъ, надъ которыми господствуетъ современная императорская династія, опираясь на англійскіе штыки. Семь сотъ пятьдесятъ милліоновъ, третья часть всего населенія земного шара, составляетъ непосредственное подножіе тѣхъ англійскихъ богачей, которыхъ роскошная обстановка такъ восхищаетъ европейскихъ либераловъ въ родѣ Тэна. Это еще не все. Если Англія имѣетъ такой искусный рабочій классъ, если ея производство отличается такимъ большимъ совершенствомъ, то она обязана этимъ именно своимъ многочисленнымъ и многолюднымъ колоніямъ, которыя сдѣлали изъ нея центръ всемірной торговли. Вглядитесь въ условія, при которыхъ у насъ развивается промышленное производство. Искусныя издѣлія являются не тамъ, гдѣ ихъ производство стоило бы всего дешевле, гдѣ обилень сырой матеріаль, а въ центрахъ торговли и обмѣна. Нижегородская губернія дѣлаетъ ложки, посуду, глиняныя издѣлія, вещи изъ дерева, шерсти и желѣза, которое привозится къ ней изъ сѣверной и восточной Россіи, и распродаетъ эти издѣлія опять-таки по тѣмъ мѣстамъ, откуда привезенъ сырой матеріаль. Въ промышленныхъ губерніяхъ живетъ та-же раса, какая и въ восточныхъ, и въ сѣверныхъ, она одарена такими-же способностями, она порожденіе той-же цивилизаціи; ясно, что все тутъ зависѣло отъ положенія мѣстности, а не отъ какихъ-нибудь другихъ условій, — зависѣло отъ того, что Нижній сдѣлался центральнымъ пунктомъ торговли, потому-что по Волгѣ, Окѣ и Камѣ туда могли стекаться торговцы съ сѣвера и юга, съ востока и запада. Арабы въ современной Аравіи, въ Африкѣ и на Мадагаскарѣ, — это также арійское племя, одарен-

ное тѣми-же способностями, однакоже эти люди—грубо дивари въ сравненіи съ знаменитыми учеными времяъ процвѣтанія магометанской цивилизаціи. До тѣхъ поръ, пока не будетъ повсемѣстнаго правильнаго обученія всякимъ отраслямъ производства, до тѣхъ поръ центры торговли, въ родѣ Англій, будутъ сосредоточивать у себя самыхъ искусныхъ работниковъ и самое совершенное и дешевое производство. Это было-бы такъ и тогда, когда-бы индѣйцы, китайцы и малайцы были точно такими-же единоплеменниками англичанъ, какъ жители Сибири единоплеменники нижегородцевъ. Такимъ образомъ центръ торговли, въ которомъ развилось болѣе искусное производство, живетъ не только на счетъ тѣхъ, кого онъ держитъ въ своей зависимости оружіемъ, но и на счетъ тѣхъ рынковъ, гдѣ онъ сбываетъ свои фабрикаты. Сотни милліоновъ индѣйцевъ и китайцевъ служатъ непосредственнымъ подножіемъ англійскихъ богачей, а сотни милліоновъ европейцевъ такъ или иначе способствуютъ увеличенію ихъ богатства. Чѣмъ сложнѣе дѣлается производство, тѣмъ значительнѣе становится эта зависимость и тѣмъ труднѣе отстающему народу стать на собственные ноги. Чтобы деревню вятской губерніи, которая посылаетъ матеріалъ для ложекъ въ нижегородскую, научить дѣлать эти ложки, достаточно, если тамъ поселится хорошій мастеръ; но чтобы производить въ Сибири вино по усовершенствованному бельгійскому способу, недостаточно строителя, знающаго, какъ устраиваются заводы въ Бельгіи; тутъ уже нужна цѣлая организація искусныхъ работниковъ. Сибирскій капиталистъ, устроившій заводъ по болѣе совершенной бельгійской системѣ, можетъ раззориться вмѣсто того, чтобы разбогатѣть. Всякій понимаетъ, что невыгодно посылать въ Англію хлѣбъ, скоть, шерсть и желѣзо, чтобы давать матеріалъ и содержать рабочихъ, которые возвращаютъ вамъ сукно и желѣзные издѣлія, но всякій знаетъ также, какъ трудно избавиться отъ этого отношенія, когда оно однажды установилось. Это положеніе мѣшаетъ развитію промышленности во всѣхъ тѣхъ странахъ, которыя находятся въ экономической зависимости отъ подобнаго торговаго центра.

Конечно, для того, чтобы народъ получилъ великое міровое значеніе и подчинилъ себѣ десятки и сотни милліоновъ людей, необходимо, чтобы онъ когда-нибудь обладалъ значительными пре-

имуществами, сравнительно съ своими сосѣдями. Англія сдѣлалась царицею морей, не исключительно вслѣдствіе своего географическаго положенія, а потому, что англичане въ тѣ времена, когда у нихъ господствовала община съ демократическимъ характеромъ и общинное владѣніе землею, были болѣе другихъ защитниками свободы и терпимости и сдѣлались центромъ, откуда вытекали болѣе совершенныя и гуманныя политическія идеи и формы. Но чтобы понять историческое значеніе теократическаго, военнаго или буржуазнаго господства, нужно анализировать жизнь не тѣхъ англичанъ, которые сдѣлались источникомъ величія своей родины, а тѣхъ, которые господствовали, когда власть была уже установлена. Англичане от XII до конца XVII вѣка были замѣчательнымъ народомъ, но по отношенію къ современнымъ англичанамъ, они могутъ быть не болѣе, какъ гусями, которые спасли Римъ. Для насъ въ этой статьѣ важно не то, чтобы знать, при какихъ условіяхъ, при какихъ правахъ и способностяхъ народъ можетъ сдѣлаться завоевателемъ-монахомъ, завоевателемъ-воиномъ или завоевателемъ-купцомъ, — для насъ важно оцѣнить значеніе результатовъ такихъ завоеваній съ точки зрѣнія міровыхъ интересовъ человѣчества.

Энергическая оппозиція, которую встрѣтили высшія сословія Англіи при своихъ стремленіяхъ поработить народъ, заставила ихъ искать завоеваній, поработать сосѣдей, болѣе бѣдныхъ, угнетенныхъ и подавленныхъ. Первымъ предметомъ такихъ завоеваній были ирландцы. Ирландія должна была сдѣлаться первой добычею, откуда англійскіе землевладѣльцы и англійское духовенство могли-бы почерпнуть тѣ богатства, въ которыхъ имъ отказывала ихъ собственная страна. Какое значительное увеличеніе своего богатства и патроната англичане приобрѣли въ Ирландіи, видно изъ того, что еще въ 1841 году населеніе Ирландіи равнялось половинѣ населенія Англіи и Валлиса. Всякому извѣстно, что сдѣлали англичане изъ Ирландіи. Своею властью они пользовались такъ варварски, что къ 1867 г., т. е. черезъ 25 лѣтъ, населеніе Ирландіи составляло уже только четверть населенія Англіи и Валлиса. Тотъ взглядъ на жизнь и тѣ чувства, которые побуждали англійскія высшія сословія къ завоеванію Ирландіи, получили новую пищу и еще глубже укоренились при помощи этого завоеванія. Когда испанцы и порту-

гальцы сдѣлали свои знаменитыя морскія открытія, Англія была еще слишкомъ слаба, чтобы захватить себѣ львиную долю — царство ацтековъ или инковъ. Но если не всякій могъ захватить богатыя и беззащитныя государства, то свободной и благодатной земли было слишкомъ достаточно для всѣхъ. Не завоевывая царствъ въ Америкѣ, англійскіе высшіе классы обогащались съ помощью ремесла рабовладѣльцевъ и торговцевъ невольниками. Америка двумя путями способствовала развитію въ англійскомъ высшемъ сословіи старыхъ грубыхъ чувствъ. Съ одной стороны, она дѣлала эти сословія рабовладѣльцами, доставляла имъ новый случай богатѣть на счетъ униженія и невѣжества рабочаго народа изъ поддонковъ челоуѣчества, изъ грубыхъ дикарей; а съ другой — она доставляла удобный выходъ для всего энергическаго и способнаго къ протесту среди низшихъ классовъ. Претензіи высшихъ получали развитіе и ростъ, а оппозиція массы ослаблялась. Конституціонная исторія Англіи получаетъ другой характеръ. До XVII вѣка каждый разъ, когда высшія сословія ослабляли правительство, они должны были дѣлать точно такія-же уступки съ своей стороны массѣ народа, но въ XVII вѣкѣ всѣ конституціонныя перемены касались уже почти исключительно пользы однихъ высшихъ классовъ и упрочивали ихъ безраздѣльное господство.

Завоеватели-воины стремятся быть первыми въ мірѣ, они нападаютъ на самыхъ сильныхъ и стараются ихъ одолѣть. Римляне борются всегда съ самыми сильными и славными противниками, сначала съ этрусками, потомъ съ карфагенянами и греками. Завоеватели-купцы ищутъ не славнаго, но легкаго и выгоднаго завоеванія, избираютъ для этого слабый, но богатый народъ. Съ этой точки зрѣнія Индія была золотое дно для англичанъ. Индія—это не то, что Ирландія, тутъ попадаютъ подъ власть не шесть и не восемь, а двѣсти милліоновъ (196 м.) населенія замѣчательно трудолюбиваго, привыкшаго къ порядку, покорнаго и живущаго среди роскошнѣйшей природы. Это такое обширное поле для патроната, подобнаго которому и представить себѣ невозможно. Подвиги англичанъ въ Индіи не имѣютъ ни малѣйшаго сравненія съ ихъ подвигами въ Ирландіи и, не смотря на это, ихъ дѣйствія въ Индіи постоянно превозносились европейцами, даже тѣми, которые клеймили позоромъ ирландскую

тиранію. Образованный человекъ смотритъ гораздо строже на дѣйствія съ образованнымъ человекомъ, чѣмъ съ работникомъ, съ работникомъ изъ европейцевъ, чѣмъ съ негромъ, индѣйцемъ или явайцемъ. Относительно послѣднихъ постоянно предполагаютъ, что съ ними прежде поступали такъ дурно, что самое возмутительное обращеніе все-таки будетъ для нихъ благодѣяніемъ. Мы приходимъ въ ужасъ отъ дѣйствій пруссаковъ во Франціи, но если-бы пруссаки избили всѣхъ французовъ до послѣдняго человека, уничтожили въ странѣ все имущество до послѣдняго фруктоваго дерева, то относительная масса несчастій была-бы, конечно, больше, но положительная меньше, чѣмъ созданная англичанами въ Индіи. Обращеніе ихъ съ индѣйцами было таково, что въ Далгузи, наприм., трудолюбивые индѣйцы не соглашались работать у англичанъ даже за двойную плату и, когда ихъ спрашивали почему, они отвѣчали: „потому-что англичане сдѣлали изъ насъ не только рабовъ, но и вьючный скоть.“ На томъ основаніи, что индѣйцы варвары и что всякое обращеніе, какъ-бы оно ни было безцеремонно, все-таки будетъ для нихъ будто-бы благодѣяніемъ въ сравненіи съ дѣйствіями прежнихъ правительствъ, англичане поступали въ Индіи такъ, какъ никогда не посмѣли-бы и подумать дѣйствовать въ Ирландіи. Даже возстаніе 1857 года, которое могло-бы нѣсколько образумить англичанъ, мало помогло несчастному народу. За то и голодъ въ Индіи дѣлалъ такія опустошенія, какими онъ никогда не сопровождался въ Ирландіи. Въ Бенгаліи считается 42 1/2 м. жителей; въ этой благодатной части Индіи населеніе до того раззорено, что въ концѣ шестидесятихъ годовъ, во время неурожая, въ одной изъ плодоснѣйшихъ ея частей, умерло отъ голода, по достовѣрнымъ свѣденіямъ, полтора милліона людей ¹⁾. Въ Пенджабѣ послѣ 1857 года населеніе было обезоружено и тамъ, гдѣ оно не возставало, что отдало его совершенно на произволъ дикихъ звѣрей и разбойниковъ. Гіены расплодились въ такомъ огромномъ числѣ, что онѣ не могли болѣе насыщать

¹⁾ Merk, das Pendschab, Lehrn, 1869, стр. 7. Я ссылаюсь на этого писателя потому, что его показаніе въ этомъ случаѣ не можетъ подлежать сомнѣнію, потому-что онъ въ восторгѣ отъ англичанъ и отъ ихъ дѣятельности въ Индіи.

своего голода домашними животными; онѣ таскали дѣтей и, наконецъ, сдѣлались такъ дерзки, что по ночамъ забирались въ дома и, во время сна, вырывали младенцевъ изъ рукъ матерей. Въ то время, когда путешественники увѣряли насъ, что англичане истребили въ Пенджабѣ разбои, въ одномъ предгорьѣ Гималая въ 1867 г. насчитывалось 43,114 извѣстныхъ разбойниковъ, живущихъ на свободѣ. Англичане сами, конечно, также хвалятся, что они водворили порядокъ. Пешаверь имѣетъ самый сильный гарнизонъ изъ всѣхъ городовъ, а между тѣмъ тамъ каждую ночь совершаются кражи; англійскіе офицеры у каждой своей конюшни ставятъ караулъ; не смотря на это, у нихъ уводятъ лучшихъ лошадей и это ясное всего показываетъ намъ, какъ велика хваленая безопасность обезоруженныхъ жителей, къ имуществу которыхъ не приставляется никакихъ карауловъ. Англичане обобрали у индѣйцевъ землю, и даже не въ пользу казны, а въ пользу частныхъ лицъ, они ввели винную монополію. Взяточничество поощряется ими до невѣроятныхъ размѣровъ. Честные чиновники составляютъ едва-ли двадцатую часть тамошней бюрократіи. Меркъ ¹⁾ рассказываетъ про одного незначительнаго чиновника, который считался весьма честнымъ, а составилъ себѣ взятками состояніе въ 65,000 руб. сер. Другой простой писецъ въ нѣсколько лѣтъ накрадъ 125,000 руб. сер. Англичане увѣряютъ, что они честны, но если писцы у судей наживаютъ сотни тысячъ, то честность самихъ судей весьма подозрительна. Содержанія, которыя получаютъ англичане, громады почти невѣроятны. Второстепенные приказчики получаютъ по три и по пяти тысячъ жалованья, когда-же рѣчь идетъ о чиновникахъ и духовныхъ, то только и слышишь о десятиахъ и сотняхъ тысячъ. За то англичанинъ въ глазахъ индѣйца — э т ужасное, кровожадное животное; одно его присутствіе наводитъ безпредѣльный страхъ. Случалось, что тамъ, гдѣ появлялся англійскій чиновникъ, индѣйцы не рѣшались спать одни въ своихъ домахъ; на ночлегъ собиралось нѣсколько семействъ вмѣстѣ. Однажды англійскій чиновникъ, не зная дороги, попросилъ мальчика проводить себя, — жители тотчасъ-же стали считать маль-

¹⁾ Merķ, das Pendschab, 1869, стр. 32 и 33.

чика навсегда погибшимъ существомъ, вся деревня взбунтовалась, чиновника едва не убили. Постоянно случается, что индѣецъ торжественно приноситъ себя въ жертву своей родинѣ: онъ убиваетъ значительнаго англійскаго чиновника публично и во время отправленія должности. Неуспѣхъ миссіонерской дѣятельности въ Индіи, не смотря на большія усилія, лучше всего показываетъ ту глубокую ненависть къ англичанамъ, которая одушевляетъ тамъ всѣхъ безъ исключенія. Въ Пенджабѣ въ 1856 г. окрестилось всего 75 человекъ. Лордъ Элленборо сказалъ въ палатѣ: „Если-бы англичанъ изгнали, то въ Индіи не нашлось-бы и двѣнадцати человекъ искренно обращенныхъ“¹⁾. Дѣйствія англичанъ въ Индіи лучше всего убѣждаютъ въ ложности взгляда, что большія жалованья улучшаютъ чиновничество; значительныя жалованья въ Индіи давали ей только энергическихъ притѣснителей. Въ Китаѣ англійское вліяніе возстановляетъ духъ времени монгольскаго владычества, оно развиваетъ аристократическое господство и аристократическія идеи. Изгнанная французская аристократія ѣздила въ Канаду, чтобы любоваться на господствовавшія тамъ учрежденія добраго стараго времени.

Какъ-же велико число тѣхъ людей, которые живутъ такимъ образомъ на счетъ трети населенія земного шара съ поразительной роскошью. Тѣмъ насчитываетъ сто двадцать тысячъ семействъ. Эти сто двадцать тысячъ семействъ, вращая огромными капиталами въ центрѣ оборотовъ, въ Англіи, дѣйствительно, такъ возвысили заработную плату, что нигдѣ въ Европѣ она не стоитъ такъ высоко. Заработная плата тутъ возвысилась по той-же причинѣ, по которой она выше въ Парижѣ, чѣмъ во французскихъ деревняхъ, выше въ Петербургѣ, чѣмъ въ селеніяхъ кадниковскаго уѣзда. Постараемся, однакожь, составить себѣ понятіе о размѣрахъ того благополучія, которое доставляютъ англійскіе промышленники фабричному работнику на счетъ счастья половины населенія земного шара. Тѣмъ, изучая англійскіе фабричныя центры, приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ. Работникъ въ Англіи истощается работой до того, что раса вырождается. Въ старыхъ центрахъ промышленности это вырожденіе значительнѣе, чѣмъ въ новыхъ, въ Манчестерѣ значи-

¹⁾ Ed. Fischel, «Die Verfassung Englands», Berlin, 1862, стр. 491.

тельнѣе, чѣмъ въ Олдгэмѣ. Въ центрахъ промышленности, по замѣчанію Тэна, бѣдность еще поразительнѣе, чѣмъ въ Лондонѣ. Вотъ какъ онъ описываетъ бѣдность. „Лидсъ-Стритъ въ Ливерпулѣ. Пятнадцать или двадцать улицъ, поперегъ которыхъ протянуты веревки и на нихъ развѣшено мокрое бѣлье. На каждой лѣстницѣ толпы дѣтей, большіе нячатся съ маленькими. Они блѣдны, одѣты въ дырявое платье; волосы, какъ сѣно, грязны до невѣроятности: ни чулокъ, ни башмаковъ. На лицахъ пятна отъ сала и грязи. Въ одномъ переулкѣ есть до двухъ сотъ подобныхъ дѣтей. Изъ домовъ такой-же запахъ, какъ изъ складовъ гнилого тряпья. Чѣмъ старше дѣти, тѣмъ ужаснѣе ихъ видъ, лицо дѣлается золотушнымъ, тѣло покрыто сыпями и шрамами. Чѣмъ дальше подвигаешься впередъ, тѣмъ толпа дѣлается гуще: взрослые мальчишки играютъ въ карты, изъ харчевень выходятъ работники съ безжизненнымъ взглядомъ и бессмысленной улыбкой; рубище едва держится на ихъ членахъ и сквозъ прорѣхи видно грязное тѣло. Улицы прямы, построены по новому плану и должны были облагодѣтельствовать своихъ обитателей, но онѣ показываютъ только, какъ мало здѣсь способны люди сдѣлать что-нибудь для бѣднаго человѣка. Кварталы ирландцевъ еще несравненно ужаснѣе“. Въ томъ-же родѣ описывается Манчестеръ. Далѣе описывается рабочій домъ, тутъ все рассчитано на эффектъ, на то, чтобы плѣнить взоры постороннихъ посѣтителей. Пища: 2 фунта овсянки, затѣмъ картофель, хлѣба только полтора фунта, четыре раза въ недѣлю пироги или $\frac{1}{4}$ ф. мяса. Затѣмъ, кромѣ воды, ничего. Тѣмъ замѣчаетъ, что эта пища сравнительно хороша, потому-что поденщикъ въ Манчестерѣ и Ливерпулѣ, при десяти-часовой работѣ въ день, можетъ ѣсть мясо только разъ въ недѣлю. Прибавьте къ этому непостоянство работы въ странѣ, гдѣ производительность держится только искусственно, вслѣдствіе дурной организаціи международнаго труда. По вычисленію за 1862 г. въ Ланкашейрѣ изъ 400,000 работниковъ въ среднемъ итогѣ 210,000 не имѣли никакой работы. Итакъ, если англійскій работникъ дѣйствительно получаетъ значительно большую заработную плату, чѣмъ въ другихъ цивилизованныхъ и нецивилизованныхъ государствахъ, за исключеніемъ очень немногихъ мѣстностей, то изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ, что онъ можетъ жить лучше,

именно на столько, на сколько эта плата больше. Живеть лучше только меньшинство работников, но за то большинство ихъ терить крайнюю нужду. Улучшенное благосостояніе меньшинства опять-таки не такъ значительно, какъ можно подуматъ съ перваго раза, по количеству получаемыхъ ими денегъ. Работникъ, которому для содержанія своего семейства нужно сорокъ рублей въ мѣсяцъ, живеть слѣдующимъ образомъ: въ Олдгемѣ онъ ѣстъ четыре раза въ сутки, при этомъ онъ пьетъ чай или кофе, полторы бутылки элю, ѣстъ масло, сыръ, три раза мясо. Это, конечно, совершенно достаточно, но для этого ему нужно стоять не только выше средняго уровня всѣхъ англійскихъ работниковъ вообще, но и работниковъ на фабрикахъ и въ мануфактурахъ. Въ Ланкашейрѣ средній уровень заработной платы привилегированныхъ рабочихъ составляетъ только 25 руб. въ мѣсяцъ. Въ 1859 г. 400,000 рабочихъ получали 205,833 ф. въ недѣлю, 10,633,000 ф. въ годъ, а каждый получалъ въ мѣсяцъ около 14 руб.; семейство изъ четырехъ человѣкъ, гдѣ двое работаютъ, получало слѣдовательно 28 руб. въ мѣсяцъ. На заводахъ желѣзныхъ издѣлій большинство работниковъ получаетъ отъ 18 до 25 р., только лучшіе получаютъ отъ 40 до 50 р.; на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ плата отъ 20 до 35 руб. Положимъ, что приведенное выше содержаніе совершенно достаточно; но въ то-же время нужно замѣтить, что оно и совершенно необходимо для работника, такъ-какъ онъ долженъ работать съ такими усиліями, какихъ не встрѣтишь нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. На заводахъ желѣзныхъ издѣлій, гдѣ громадныя машины сверлятъ желѣзо такъ-же легко, какъ ножикъ рѣжетъ масло, гдѣ приходится ворочать въ огнѣ желѣзными брусками, толщиной въ человѣка, работникъ долженъ быть атлетомъ громаднаго роста и громадной силы. Если невозможно сравнивать потребности чудовичной англійской лошади, поднимающей тяжести до ста пятидесяти пудовъ, съ потребностями чухонской клячи, величиною съ теленка, то невозможно сравнивать и потребности англійскаго колоссальнаго кузнеца съ какимъ-нибудь малорослымъ и малосильнымъ зырянникомъ. На хлопчатобумажной мануфактурѣ, гдѣ потребности меньше, и жалованье дѣлается тотчасъ-же болѣе незначительнымъ. Но и тамъ усилія сравнительно съ работниками материка Европы должны быть громад-

ны и, описавъ намъ работника-атлета на заводахъ желѣзныхъ издѣлій, Тэнъ описываетъ намъ работника-флегматика на хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ. „Флегматика, говоритъ онъ, — вы находите вездѣ, въ особенности на хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ; сказать правду, почти всѣ работники подходятъ къ этому типу. Лицо блѣдное, глаза тусклые, взглядъ холодный и неподвижный; движенія вѣрныя, правильныя, сдержанныя; каждый разъ употребляется только минимумъ усилія. Поэтому изъ нихъ выходятъ превосходные работники, это — машина, управляющая машинами“. Французскій работникъ работаетъ превосходно втеченіе перваго часа, во второй хуже, съ часу на часъ результатъ работы уменьшается, подъ конецъ работникъ почти ничего не дѣлаетъ. Вниманіе его слабѣетъ еще болѣе, чѣмъ мускульная сила. Англійскій работникъ въ послѣдній часъ работаетъ такъ-же хорошо, какъ и въ первый. Такъ-какъ вниманіе его не истощается, то онъ можетъ сдѣлать гораздо болѣе. У Шо работникъ и два ребенка управляютъ двумя тысячами четырьмя-стами веретенъ; во Франціи для такого-же дѣла нужно двухъ работниковъ и съ ними трехъ-четырехъ и болѣе дѣтей. Кромѣ того, что англійскому работнику много нужно для поддержанія своихъ силъ, онъ часто остается безъ работы, такъ-что и меньшинство, достаточно обеспеченное, обеспечено такимъ образомъ только на нѣкоторое время. Въ Шотландіи, въ Глазго, напр., Тэнъ не находитъ у работника и этой степени обеспеченія; босоногія дѣти копошатся въ грязи, женщины одѣты въ рубище; сквозь разорванное платье видно обнаженное тѣло; взрослые дѣвушки лежатъ на травѣ безъ чулокъ и башмаковъ. Въ результатъ выходитъ, что и меньшинству работниковъ только съ грѣхомъ пополамъ достаетъ его заработковъ для поддержанія существованія; обезпечить себя рѣшительно невозможно. Только двадцатая часть работниковъ имѣетъ чѣмъ существовать, когда она сдѣлается неспособною къ работѣ, остальные умираютъ въ госпиталяхъ, рабочихъ домахъ или въ старости содержатся другими. Для весьма значительнаго большинства рабочихъ, работа слишкомъ тяжела сравнительно съ обезпеченіемъ и они имѣютъ истощенный видъ.

Чтобы дать английскому рабочему этотъ размѣръ благосостоянія, и вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворить назойливымъ требованіямъ аристократическаго пролетаріата, порожденнаго системою маіоратовъ и патроната старшихъ сыновей лордовъ надъ младшими, Англія создала себѣ громадную колониальную споліацію. Дѣлая свои завоеванія, расширяя непомѣрно свою торговлю, английскія высшія сословія пріобрѣтали такія громадныя богатства и такую несоразмѣрную силу, что для массы английскаго рабочаго населенія борьба съ ихъ притязаніями была несравненно труднѣе, чѣмъ въ странѣ безъ колоній и завоеваній. Съ одной стороны, тутъ не было конкуренціи обѣднѣвшихъ семействъ, обладающихъ высшимъ образованіемъ, которая ни въ какомъ случаѣ не дозволяетъ имущимъ и достаточнымъ классамъ сохранять безраздѣльно власть въ своихъ рукахъ, и при несчастномъ исходѣ приводитъ къ деспотизму, а въ счастливомъ къ демократіи; съ другой-же стороны, всякая выдающаяся по энергіи и способностямъ личность находила себѣ исходъ и выгодную работу на богатыхъ земляхъ английскихъ колоній, гдѣ заработная плата стояла выше, чѣмъ гдѣ-либо въ цѣломъ свѣтѣ, и гдѣ такъ легко было сдѣлаться богатымъ самостоятельнымъ хозяиномъ. Въ Индіи, въ Китаѣ и наконецъ въ самой Англіи для недюжинныхъ людей было болѣе выгодной работы, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. У Тэна есть прекрасная сцена, въ которой описываются два предпримчивые юноши, собиравшіеся въ Новую Зеландію; одному семнадцать, другому девятнадцать лѣтъ. Они надѣялись черезъ двѣнадцать лѣтъ сдѣлаться богатыми людьми; занятіемъ своимъ они избрали овцеводство. Первый годъ они посвятили изученію этого дѣла. „Мы будемъ строить, рубить дрова, пахать землю, собирать жатву, пасти скотъ, стричь овецъ — все этими руками“, говорили они. Они уже нѣсколько приготовились, работая на фермѣ. Они работаютъ и обогащаются не для того, чтобы затѣмъ сложить руки, нѣтъ, работа—это средство, которое приведетъ ихъ къ одной цѣли—дастъ имъ новую работу. Если-бы эти два типа: обѣднѣвшій интеллектъ и энергическій, богато одаренный отъ природы работникъ, въ достаточномъ числѣ поставлены были въ необходимость дѣйствовать въ интересахъ народной массы, то Англія давно имѣла-бы такую-же политическую организацію, какъ Сое-

диненные Штаты. Идея этой организаціи создана была въ Англіи; люди, которые ее осуществили, были именно люди инициативы, которые переселились изъ Англіи и сдѣлали-бы въ ней то же, что они сдѣлали внѣ ея предѣловъ. Стоитъ прочесть статью Морриса: Home rule (Домашніе порядки), въ январской книжкѣ настоящаго года въ „Fortnightly Review“ ¹⁾, чтобы понять, какимъ гордіевымъ узломъ запутали себя англичане своими завоеваніями по отношенію къ политическому прогрессу на пути федеративнаго устройства. Искусственная слабость народныхъ массъ и искусственная сила высшихъ сословій привела къ тому, что вездѣ, въ землевладѣніи, въ торговлѣ, въ промышленности, въ администраціи, блестящія положенія сосредоточились въ рукахъ нѣсколькихъ счастливыхъ и притомъ почти наслѣдственно. Известно, какъ въ Англіи пріобрѣталась земля, какъ она сосредоточилась въ немногихъ рукахъ, известенъ принципъ англійской администраціи создавать какъ можно меньше должностей, но съ огромнымъ содержаніемъ. Въ промышленности мы видимъ тоже. „Вездѣ одно и то-же впечатлѣніе, говоритъ Тэнъ, описывая англійскіе центры торговли и промышленности, это—впечатлѣніе громадности размѣровъ“. Торговецъ и фабрикантъ—это маленькіе государи, ихъ капиталы и ихъ обороты громадны: полтора милліона, три милліона рублей — вотъ суммы, о которыхъ постоянно слышишь при покупкѣ и продажѣ, при наймѣ кораблей и выгрузкѣ товаровъ. Вотъ вамъ бумагопрядильная фабрика, въ которой триста тысячъ веретенъ. На фабрикѣ Плата работаетъ 4,800 рабочихъ; оборотный капиталъ ея тридцать милліоновъ, доходъ пять милліоновъ. „Здѣсь нужно имѣть двадцать тысячъ дохода или перерѣзать себѣ горло,—вотъ идея, которая преслѣдуетъ васъ здѣсь повсюду“, говоритъ Тэнъ. Жизнь создана здѣсь только для богатыхъ людей, которымъ маіоратъ передалъ въ руки не только матеріальное, но и общественное преобладаніе. Но англійское высшее сословіе постоянно искало этого преобладанія не у себя дома, а внѣ его, среди завоеванныхъ народовъ. Рѣшительнымъ, энергическимъ притѣснителемъ

¹⁾ «The Fortnightly Review», January, 1872, p. 16 и сл.

оно являлось только внѣ Англїи: въ Ирландїи, въ Индіи, въ Китаѣ; въ Англїи-же оно давило не желѣзною рукою, а мягкой, замшевой перчаткой; оно тотчасъ-же переставало давить, какъ скоро придавленный начиналъ кричать. Однако, что-же вышло изъ этого?

Денежная плутократія составляетъ преобладающій типъ англійской общественной организаціи. Вы тутъ видите характеристическія, съ графическою вѣрностью выраженныя черты торговцевъ-завоевателей. Вы понимаете, что эти люди были-бы совершенно иными, если-бы они были завоеватели, воины, если-бы у нихъ въ основѣ лежалъ теократическій элементъ или если-бы они составляли высшее сословіе, стоящее во главѣ свободнаго народа. Англичанинъ высшаго сословія привыкъ цѣнить человека по количеству прїобрѣтенныхъ имъ денегъ,—привыкъ цѣнить его такимъ образомъ безсознательно, безъ критики. Поэтому и собственное свое счастье онъ оцѣниваетъ количествомъ прїобрѣтенныхъ денегъ. Почему, однако-же, количество денегъ даетъ наибольшее счастье? Этого вопроса онъ себѣ никогда не задавалъ, онъ даже не подозрѣвалъ его существованія для себя, а это именно и составляетъ въ немъ самую типическую черту. Скажите ему: „вездѣ объ васъ повторяютъ, что вы цѣните одно богатство,—правдали это?“ Онъ вамъ отвѣтитъ: „нѣтъ“. Онъ вамъ скажетъ, что его понятіе о джентльменѣ заключаетъ въ себѣ именно протестъ противъ этого несправедливаго, будто-бы, упрека. Воинъ въ этомъ случаѣ гораздо рѣшительнѣе купца, онъ прямо и открыто цѣнитъ однѣ военныя доблести и только; онъ гордится своей узкостью. Купецъ не любитъ никакой узкости; въ немъ постоянно шевелится что-то похожее на другія, болѣе широкія и возвышенныя чувства, но эти чувства остаются только прививнымъ его качествомъ. Весьма интересно слѣдить, какъ они выразились въ англійскомъ характерѣ. Торговля, барыши создаются производствомъ, поэтому купецъ отличается отъ богатаго землевладѣльца, богатаго война тѣмъ, что онъ цѣнитъ не только изящное, но и полезное. Какъ онъ цѣнитъ, это характеризуется интереснымъ наблюденіемъ Тэна. Парки въ Англїи занимаютъ громаднѣйшія пространства. Риджентъ-паркъ громаднѣе, чѣмъ Jardin des Plantes и Luxembourg, взятые вмѣстѣ; Гайдъ-паркъ еще больше. За то въ этихъ

паркахъ, рядомъ съ огромными деревьями, вы видите настоящіе луга и на нихъ пасутся коровы, овцы, олени, въ искусственныхъ озерахъ плещутся утки и плавающія птицы. Въ самомъ густо населенномъ мѣстѣ, англійскій богачъ отмежевываетъ себѣ огромное пространство, дѣлаетъ его безплоднымъ и употребляетъ миллионы на его украшенія; затѣмъ впускаетъ туда двѣ овцы будто-бы для того, чтобы соединить пріятное съ полезнымъ. Въ такихъ ложныхъ чувствахъ онъ воспитываетъ свою жену, чтобы она воспитывала въ нихъ своихъ дѣтей.

Точно такъ-же, какъ онъ поступаетъ съ своей землею, онъ поступаетъ и самъ съ собою, и съ своими дѣтьми. Это весьма рельефно характеризуется у Тэна въ главѣ объ англійскомъ воспитаніи. Богатый человѣкъ по общественному своему положенію долженъ принадлежать къ интеллигенціи края. Чтобы его богатство не сдѣлалось источникомъ зла для страны, онъ долженъ воспитать въ себѣ чувства, для развитія которыхъ необходимо значительное интеллектуальное развитіе. Какъ-же воспитывается богатый, молодой англичанинъ? „Онъ воспитывается такъ, какъ будто-бы онъ предназначенъ стоять не во главѣ сотенъ миллионъ людей, а быть фокусникомъ въ балаганѣ. То занятіе, которое всего болѣе сосредоточиваетъ на себѣ его вниманіе въ знаменитыхъ англійскихъ классическихъ школахъ, это — искусство грести, плавать, ѣздить верхомъ, играть въ мячъ. Быть первымъ по игрѣ въ мячъ, вотъ что составляетъ цѣль всѣхъ его стремленій. Это поглощаетъ большую часть его времени. Кромѣ того онъ учится вещамъ, которыя для него совершенно бесполезны и съ которыми онъ, сверхъ того, не въ состояніи совладать. Большая часть его времени уходитъ на изученіе древнихъ языковъ, но совершенно справедливо замѣчаютъ, что если-бы лучший ученикъ англійской классической школы заговорилъ по-латыни съ Цицерономъ, то Цицеронъ подумалъ-бы, что онъ съ нимъ говоритъ по-маньчжурски. Въ то время, когда онъ умственно остается неразвитымъ дикаремъ, его нравственно уродуютъ до мозга костей. Нравственное его воспитаніе заключается въ томъ, что его съ самыхъ малыхъ лѣтъ приучаютъ самодурствовать, презирать людей и муштроватъ ихъ. У прыща, который выросъ только на полтора вершка, находится подъ командой бѣдный уче-

никъ школы, котораго ояъ заставляетъ себѣ служить, бѣтъ, иногда истязаетъ. Такимъ образомъ выпрабатывается человѣкъ узкій, тупой, умственно-неразвитый и нравственно вполне изуродованный". Эти наблюденія Тена, сдѣланныя безъ всякой задней мысли, внушаютъ большое довѣріе уже своею объективностью, а кромѣ того, они подтверждаются безчисленными показаніями самихъ англичанъ въ ихъ сочиненіяхъ объ этомъ предметѣ. Жизнь и образованіе женщины этого класса носить на себѣ тотъ-же самый характеръ. Въ извѣстномъ купеческомъ кругу она ничего не дѣлаетъ, отъ бездѣлья рядится безвкуснѣйшимъ образомъ, скучаетъ, читаетъ библію и самодурствуетъ. Въ аристократическомъ кругу она иногда занимается и учится, но эта наука составляетъ полнѣйшую аналогію съ овцами и коровами, которыми населяются парки. Наука не должна служить источникомъ полезной дѣятельности; ея единственная цѣль — доставлять женщинѣ занятіе, чтобы женщина не предавалась отъ скуки грубому разврату, какъ это дѣлаетъ купчиха, не пьянствовала и не дѣлала изъ перваго встрѣчнаго своего любовника. Все, что могло-бы составить для нея серьезную цѣль въ жизни, обращается ею въ забаву и самая любимая изъ забавъ ея — это благотворительность. Всякій понимаетъ, что работникъ долженъ быть обезпеченъ своею заработной платой, между тѣмъ, благодаря английскому понятію о томъ, что благотворительность составляетъ весьма приличную для богатыхъ людей забаву, у нихъ выходитъ совершенно иначе. Англійскіе богатые люди своихъ сельскихъ работниковъ вовсе не обезпечиваютъ, а даютъ имъ въ видѣ милостыни то, что они имъ не добавляютъ въ видѣ заработной платы. Случается, и нерѣдко, что они прямо уменьшаютъ заработную плату, указывая работникамъ на то, что этотъ недочетъ пополнится изъ благотворительной кассы. Такимъ образомъ они издержки свои на содержаніе работника доводятъ до минимума. Очень важно и нравственное вліяніе этой системы. Если работникъ обезпеченъ заработной платой, онъ въ одно и то-же время и получаетъ болѣе, и не униженъ; имущіе классы не считаютъ себя его благодѣтелями, они ему дали только то, что ему слѣдовало. Богатые-же англичане при своей системѣ не только обираютъ своихъ сельскихъ рабочихъ и наживаются на ихъ счетъ,

но еще считаютъ себя ихъ благодѣтелями и ихъ глупыя жены дѣйствительно совершенно наивно увѣрены въ этомъ. Что-бы ни дѣлалъ богатый англичанинъ, онъ всегда рисуется и выставляетъ себя народнымъ благотворителемъ. Онъ засѣдаетъ въ парламентѣ, онъ участвуетъ въ мѣстномъ самоуправленіи исключительно для того, чтобы облегчить себѣ возможность достигать своихъ узкихъ цѣлей, добывать свои тысячи и миллионы, изъ которыхъ онъ потомъ дѣлаетъ самое жалкое и смѣшное употребленіе. Тамъ, гдѣ онъ не имѣетъ этого въ виду, онъ о дѣлѣ вовсе не заботится. „Вопросы, касающіеся Индіи, говоритъ Фоусетъ въ своемъ небольшомъ сочиненіи о палатѣ лордовъ, которое надѣлало столько шуму ¹⁾, — возбуждаютъ въ палатѣ общинъ такъ-же мало интереса, какъ какая-нибудь драка на дорогѣ черезъ С.-Джемсъ-Паркъ и это въ то время, когда финансы Индіи крайне запутаны, когда долгъ и издержки въ ней быстро возрастаютъ, когда поборы дѣлаются тамъ все болѣе тяжкими и въ народѣ распространяется сильное неудовольствіе“. Павшее послѣднее министерство упрекали въ томъ, что оно втеченіи своего управленія даже и четверти часа не посвятило дѣламъ Индіи. Засѣданія палаты лордовъ весьма часто продолжаются не болѣе двадцати минутъ. По трѣхлѣтней сложности палата общинъ съ 1868—1870 г. засѣдала 119 дней въ году и на каждое засѣданіе употребила въ среднемъ выводѣ около $7\frac{3}{4}$ часа ²⁾. Если-бы работникъ работалъ сто девятнадцать дней въ году и каждый изъ этихъ дней менѣе восьми часовъ, то всѣ англійскіе журналы закричали-бы, что онъ неизлечимый лѣнтяй, что по причинѣ своей лѣни и порочности онъ не заслуживаетъ никакого состраданія. О членахъ-же парламента стали кричать, что такіа продолжительныя засѣданія окончательно разрушаютъ ихъ здоровье, что надо ограничить свободу рѣчи, чтобы облегчить ихъ трудъ и т. д. Слушая постоянно такіа рѣчи, жена богатаго англійскаго аристократа или капиталиста совершенно убѣждается, что ея мужъ, засѣдая во

¹⁾ The House of Lords by Henry Fawcett (Fortn. R., Oct., 1871).

²⁾ «The Edinburgh. Review,» January 1871, p. 62. Business of the house of Commons.

всѣхъ этихъ присутствійхъ и комитстахъ, произнося либеральныя сличы о необходимости благотворить въ средѣ народа, въ высшей степени благодѣтельствуемъ этимъ человечество; она точно также наивно считаетъ его благотворителемъ, какъ себя благодѣтельницею, потому-что она пожертвовала по подпискѣ на шеолу, сочиненную съ цѣлью ускользнуть отъ подати въ пользу народнаго образованія, которая конечно была-бы въ десять разъ значительнѣе сдѣланной жертвы. Есть случай, который весьма рельефно показываетъ, до какой степени у образованныхъ англичанъ искренни эти воззрѣнія и чувства. Кому неизвѣстно какими несчастіями сопровождалось ихъ дурное и своекорыстное управленіе Индіей, и все-таки Кей, въ своей исторіи возстанія сипаевъ (изд. 1870 г.) весьма характеристическими чертами описываетъ намъ это самообольщеніе. Англіійскіе офицеры считали сипаевъ вполне преданными себѣ людьми. Когда начальники дѣлали распоряженіе о томъ, чтобы обезоруживать сипаевъ, офицеры энергически высказывались противъ этой мѣры. О какомъ-нибудь притворствѣ или двуличности тутъ не можетъ быть и рѣчи; дѣло тутъ шло объ ихъ жизни и нѣкоторые дѣйствительно были убиты сипаями. Вы тутъ совершенно ясно видите, что англичане вовсе не тираны по характеру и темпераменту, напротивъ, это мягкіе и хорошие люди, отъ природы они, наприимѣръ, гораздо лучше одарены, чѣмъ французы; зло, которое они дѣлаютъ, ихъ душевное настроеніе, — все это плоды ихъ положенія и ихъ воспитанія. Мы тутъ видимъ, какъ видоизмѣняются всѣ инстинкты человеческіе, когда корень высшаго сословія составляютъ купцы-завоеватели, съ малыхъ лѣтъ воспитанные въ узкомъ взглядѣ на богатство, какъ на единственный источникъ величія и счастья человеческого. Богатство это имъ нужно только для того, чтобы оно у нихъ существовало, чтобы они могли его носить передъ собою, какъ вѣнцъку ихъ величія. Въ декабрѣ 1871 г. Спенсеръ написалъ одну статейку, въ которой онъ сравниваетъ организацію общества съ организаціей животныхъ. Онъ говоритъ объ отношеніи у животныхъ органовъ внѣшней жизни къ органамъ внутренней. Онъ говоритъ о болѣе единообразномъ устройствѣ органовъ внутренней жизни и о разнообразіи органовъ внѣшнихъ впечатлѣній и порожденныхъ ими стремленій и дѣй-

ствій. Если мы примѣнимъ это отношеніе къ жизни человѣка, то мы найдемъ, что человѣкъ низшей ступени — это человѣкъ внутренней жизни, человѣкъ, живущій только для себя — человѣкъ-брюхо. Если этотъ человѣкъ получаетъ больше, чѣмъ требуетъ его утроба, то онъ рѣшительно не знаетъ, что дѣлать съ остальными, и даетъ ему самое нелѣпое употребленіе. Затѣмъ слѣдуетъ человѣкъ впечатлѣній, человѣкъ-артистъ; онъ только плѣняется вѣншимъ міромъ для того, чтобы его полюбить, чтобы пожелать сдѣлаться дѣятелемъ этого міра, получить тѣ стремленія, которыя должны зародить въ немъ органы дѣйствія. Истинный типъ человѣка, это человѣкъ міровой дѣятель, человѣкъ разившій въ себѣ вполне органы вѣнней жизни. Спенсеръ показываетъ намъ, какъ у животнаго при переходѣ его отъ чисто-животнаго состоянія къ существу мыслящему органы внутренней жизни уменьшаются постепенно въ относительномъ объемѣ, а органы вѣнней дѣятельности и впечатлѣній выступаютъ на первый планъ и начинаютъ играть первостепенную роль. Точно такая же метаморфоза совершается и съ нравственными органами человѣка при его развитіи. Чѣмъ болѣе животное удаляется отъ растенія, живущаго исключительно внутренней жизнью, тѣмъ болѣе оно чувствуетъ, что оно призвано для вѣнней дѣятельности. Чѣмъ болѣе человѣкъ удаляется отъ человѣка-брюха, тѣмъ болѣе онъ чувствуетъ, что онъ созданъ не только для своей утробы, но и для міровой жизни. До тѣхъ поръ, пока это чувство не будетъ достаточно развито въ высшемъ сословіи, среди интеллигенціи, до тѣхъ поръ эта интеллигенція не будетъ въ состояніи выполнять истиннаго своего назначенія. Если мы съ этой точки зрѣнія рассмотримъ англійское высшее общество въ томъ видѣ, какъ его изображаетъ Тэнъ, и изображаетъ безъ всякой задней мысли, съ полной непосредственностью, то мы, къ крайнему нашему удивленію, найдемъ, что въ этомъ сословіи преобладаетъ человѣкъ-брюхо. Какъ употребляетъ англичанинъ сосредоточившія въ его рукахъ богатства? Прежде всего его жена начинаетъ рдиться. Тэнъ изображаетъ намъ страсть англичанокъ къ яркимъ цвѣтамъ, къ богатымъ и бросающимся въ глаза нарядамъ, но въ то-же время онъ показываетъ жалкое безвкусіе этихъ нарядовъ. „Ваши наряды слишкомъ паразитель-

ны сравнительно съ французскими“, говорить онъ одной дамѣ. — „Наши платья изъ Парижа“, оправдывается она. — „Да, но вы ихъ выбираете“, подумаль онъ. Вы тутъ видите человѣка, у котораго еще только пробудилось стремленіе къ артистическимъ чувствамъ, но который самъ сознаетъ, что у него еще нѣтъ чувства изящнаго. Таковъ богатый англичанинъ во всей своей обстановкѣ; вездѣ неимоверная роскошь и вездѣ угловатость и безвкусіе. Тэнъ прослѣдилъ это свойство даже до англійской художественной школы. Онъ показалъ, какъ англичане въ своихъ картинахъ стремятся фотографировать природу, какъ они стараются вложить въ нихъ мысль. Ихъ критики, разбирая произведенія прежнихъ знаменитыхъ художниковъ, порицаютъ ихъ за недостатокъ этой фотографической истины. Тэнъ показываетъ, что въ англійскихъ художникахъ дѣйствительно есть стремленіе къ истинѣ, къ выраженію идеи, но истина эта не изящная, идея не художественная. Изящное искусство— это не точная наука, это не конторскій счетъ. Цѣль картины состоитъ не въ томъ, чтобы только дать человѣку точное понятіе о предметѣ, который она изображаетъ, или выразить ему какую-нибудь мысль. Мысль въ этомъ случаѣ лучше было-бы выразить словами, изображеніе фотографіею. Цѣль изящнаго произведенія— увлечь, плѣнить человека природою, оно должно создать человѣка впечатлѣній для того, чтобы онъ потомъ перешелъ въ человѣка дѣйствія; это не орудіе обученія, а орудіе нравственнаго развитія. Образованный англичанинъ не только не сдѣлался человѣкомъ-артистомъ, онъ не дошелъ даже до того, чтобы понять смыслъ искусства. Между тѣмъ человѣкъ-артистъ можетъ быть еще очень дурнымъ и вреднымъ дѣятелемъ, это только почва, на которой можетъ развиться человѣкъ-дѣятель. Богатый англичанинъ пріобрѣтаетъ изъ платонической любви къ пріобрѣтенію; его богатство въ его рукахъ не составляетъ орудія для достиженія міровой цѣли пользы человечества, оно составляетъ совершенно излишній для него баластъ, который онъ не знаетъ куда дѣть и что съ нимъ дѣлать; это третья рука безъ пальцевъ, выросшая у него среди спины. Тэнъ приводитъ поразительные примѣры. Богатые англичане навопляютъ массы совершенно излишнихъ для нихъ сокровищъ. Многіе обладатели богатыхъ наслѣдствъ получаютъ

даже свои имѣнія съ тѣмъ условіемъ, чтобы ежегодно покупать на нѣсколько тысячъ фунтовъ стерлинговъ серебряныхъ издѣлій; накопиются такія массы ненужныхъ драгоценностей, что изъ нихъ можно выковывать цѣлыя серебряныя лѣстницы. Пелгравъ ¹⁾, описывая оазисы пустыни внутренней Аравіи, характеризуетъ дикость тамошнихъ родоначальниковъ большимъ числомъ выставленныхъ у нихъ на показъ ненужныхъ кофейниковъ; оказывается, что его соотечественники, англійскіе богачи, стоятъ въ этомъ отношеніи гораздо ниже арабійскихъ родоначальниковъ, потому-что дѣлаютъ подобныя глупости въ гораздо болѣе обширныхъ размѣрахъ. Лордъ Гертфордъ послалъ на выставку цѣлый музей подобныхъ драгоценностей. Однажды онъ сказалъ французу-путешественнику: „У меня въ Валлисѣ есть замокъ, я его никогда не видалъ, но говорятъ, что онъ прекрасенъ. Каждый день тамъ подается обѣдъ на двѣнадцать персонъ, заложенная карета стоитъ у крыльца, на случай, если-бы я вздумалъ пріѣхать“. Читатель, можетъ быть, подумаетъ, что лордъ былъ умалишенный, — нѣтъ, онъ обладалъ здравымъ разсудкомъ и, вѣроятно, принадлежалъ къ тѣмъ лордамъ, которые воспрещаютъ сельскимъ работникамъ жить на своихъ земляхъ, чтобы имъ не пришлось платить въ ихъ пользу подать для бѣдныхъ; все, что можно сказать, это то, что его богатство было для него третьей рукой, которая у него выросла на спинѣ и съ которой онъ не зналъ, что дѣлать. Тѣ глупости, которыя англійскіе богачи дѣлаютъ въ огромныхъ размѣрахъ, повторяются всѣмъ образованнымъ и состоятельнымъ населеніемъ Англій, каждымъ по мѣрѣ средствъ и возможности. Въ этомъ выражается все ихъ понятіе о томъ, что человѣкъ можетъ сдѣлать изъ находящихся въ его распоряженіи вещей. Если богачъ покупаетъ массу совершенно ненужныхъ ему драгоценностей, то обыкновенный джептльменъ покупаетъ массу ненужнаго ему бѣлья, платья, мебели, посуды. Не зная, что дѣлать со всѣмъ этимъ безвкуснымъ хламомъ и не имѣя достаточно средствъ, чтобы оставлять все это подобно коляскамъ и лошадямъ лорда Гертфорда, безъ

¹⁾ «Palgrave's Reise in Arabien», изд. 1867 г.; путешествіе предпринято имъ въ 1862 г.

употребленія, на погибель отъ времени, обыкновенный джентльменъ, поносивъ и подержавъ этотъ хламъ, продаетъ его спекуляторамъ. Вещи и предметы подобнаго рода накаплиются въ такихъ огромныхъ размѣрахъ въ Англіи, что, по замѣчанію Мерка, вся масса англійскаго населенія одѣвается и пользуется до извѣстной степени обновками. Тенъ совершенно правильно указываетъ на деморализующее вліяніе подобнаго обыкновенія. Между высшими и низшими классами оно создаетъ такое же настроеніе чувствъ, какъ между господами и ихъ крѣпостными людьми. Если джентльменъ не истощилъ своего кошелька массой ненужныхъ вещей, то онъ къ этому прибавляетъ массу ненужныхъ людей. Тенъ обращаетъ вниманіе на мало извѣстный фактъ огромнаго числа англійской прислуги. Въ 1861 году въ Англіи считалось всего 1,208,648 человекъ прислуги, приблизительно 12% всего взрослога населенія. Англія благополучно приходитъ къ тому положенію, изъ котораго такъ усиленно стремится видти Японія. Сельскихъ работниковъ, наемныхъ пастуховъ и скотоводовъ насчитывалось всего 983,824 человека, т. е. слишкомъ чѣмъ на 22% менѣе прислуги. Чтобы прокормить Англію, для этого нужно менѣе людей, чѣмъ для того, чтобы служить ея богачамъ. Не надо забывать, что сословіе слугъ всасываетъ въ себя самую красивую и ловкую часть англійскаго населенія и деморализуетъ ее; оно для положенія массы рабочаго населенія вреднѣе переселенія; переселеніе только уменьшаетъ въ массѣ число людей инициативы, а это порождаетъ въ ея средѣ деморализующихъ ее враговъ. Еще болѣе вреда приносятъ обычныя отношенія богатаго англичанина къ своей прислугѣ. Онъ такъ поставленъ, что даже въ наиболѣе узко-своекорыстныхъ и узотщеславныхъ своихъ дѣйствіяхъ является въ собственныхъ своихъ глазахъ благодѣтелемъ человечества. Когда въ палатѣ общинъ разсматривался въ послѣднее время вопросъ объ отгнѣнѣ покупки должностей въ арміи, ораторы говорили: „Мы очень хорошо понимаемъ, что покупка должностей отсталый и скверный путь для замѣщенія вакансій, но если онъ не будутъ замѣщаться покупкой, то при настоящей системѣ онъ будутъ замѣщаться патронажемъ; мы прямо объявляемъ, что патронажъ несравненно хуже покупки. Укажите намъ другой

способъ для замѣщенія должностей и мы не будемъ возражать“. Нужно быть англичаниномъ, чтобы понимать, до какой степени въ Англіи вреденъ этотъ патронатъ. Джентльменъ доставляетъ мѣсто совершенно неспособному къ должности человѣку — въ глазахъ своей семьи, въ глазахъ своихъ знакомыхъ онъ благодѣтель. Имущественные классы даютъ недостаточную заработную плату и дѣлаются благодѣтелями милліона нищихъ, они благодѣтельствуютъ другой милліонъ, окружая себя дворней, столь же многочисленной, какъ въ Азіи. Тѣмъ описываетъ намъ тонъ, который господствуетъ въ англійскомъ домѣ; слуга ведетъ себя не такъ, какъ человѣкъ, исполняющій извѣстныя дѣйствія по найму, а съ почительностью облагодѣтельствованнаго по отношенію къ своему благодѣтелю. Англійскій джентльменъ и въ особенности англійскія леди вездѣ и всегда хотятъ являться благодѣтелями. Леди благодѣтельствуетъ даже сыръ и апельсины, которые она ѣстъ, вино, которое пьетъ въ такомъ большомъ количествѣ, платье, которое носитъ; когда она входитъ въ лавку и спрашиваетъ сластей или духовъ, купецъ спрашиваетъ ее: „какимъ духамъ вы изволите покровительствовать“ (patronize)? На людей высшаго сословія съ посредственными способностями, на ихъ женъ и дѣтей это производитъ самое деморализующее впечатлѣніе. Самое плачевное послѣдствіе этой деморализаціи — это то, что она заставляетъ людей низко цѣнить умственное развитіе и даже дѣлаетъ ихъ прямыми врагами народнаго образованія. Тѣмъ поражаетъ высокоуміе, съ которымъ высшее сословіе въ Англіи относится къ интеллектуальнымъ дѣятелямъ. „Умъ и талантъ, говоритъ Стендаль, — утрачиваютъ двадцать пять процентовъ своей цѣны, когда они переѣзжаютъ въ Англію“. Кромѣ пяти или шести знаменитостей, артисты и писатели играютъ второстепенную роль; если ихъ приглашаютъ въ салоны богатыхъ людей, то для того, чтобы ихъ показать, какъ рѣдкую обезьяну. Въ общественномъ мнѣніи они стоятъ гораздо ниже, чѣмъ во Франціи. Лучшіе журналисты, которыхъ передовыя статьи можно считать образцовыми, не подписываютъ своего имени и остаются неизвѣстными; это просто чернорабочія литературныя влячи (literary hacks)... Знаменитый корреспондентъ „Times'a“ во время крымской войны и индійскаго возстанія влячить теперь жалкое

существованіе и не пользуется никакимъ особымъ уваженіемъ. Ни одинъ журналистъ не дѣлается здѣсь депутатомъ или министромъ — какъ во Франціи послѣ 1830 года. „Музыканты здѣсь, говоритъ Тэнъ, — это наемныя обезьяны, которыя приходятъ поднимать свою трескотню въ салоны; живописцы — это оборванные, грубые ремесленники, которымъ дурно платятъ и которые едва вышлются надъ фотографами“. Теккерей описываетъ удивленіе одного изъ своихъ героев, Ньюкома, когда онъ увидѣлъ, что въ Парижѣ артисты пользуются равенствомъ съ свѣтскими людьми и обѣдаютъ у короля. Въ Соединенныхъ Штатахъ Америки во главѣ общества стоитъ интеллигенція; въ Англіи — узко-эгоистическая клика денежныхъ тузовъ, способная только деморализировать страну. Человѣкъ, который жилъ въ кругу людей воспитанныхъ такъ, какъ воспитывается англійское высшее общество — напр., въ кругу предприимчивыхъ спекуляторовъ, передъ которыми открылись благодатные источники обогащенія, — будетъ имѣть въ рукахъ ариаднину нить, ключъ для разгадки всего загадочнаго въ англійскомъ обществѣ. Страсть къ обогащенію до того овладѣваетъ спекуляторомъ, сосредоточеннымъ на своихъ расчетахъ, что онъ ничего другого не цѣнитъ; но въ то же время онъ не ничтожная личность: онъ человѣкъ умный, энергическій и вліятельный, а потому тамъ, гдѣ спекуляторы хозяйничаютъ, они свою узкость дѣлаютъ господствующею узкостью общества. Какъ бы общество ни было деморализировано, но если оно богато, то науки и искусства непременно получаютъ въ немъ извѣстную долю развитія. Общество не можетъ сдѣлаться и въ особенности не можетъ остаться богатымъ и могущественнымъ безъ нѣкоторыхъ размѣровъ умственной дѣятельности, а эта умственная дѣятельность породитъ умственныя потребности. Это явленіе повторится непременно, какъ бы подобное общество ни было организовано, и тутъ вопросъ въ томъ вліяніи, какое имѣетъ на это явленіе та или другая организація. Что выходитъ, если общество, подобно англійскому, имѣетъ во главѣ своей группу, разбогатѣвшую торговыми завоеваніями? Богатый спекуляторъ даетъ деньги тѣмъ, кто его окружаетъ: приказчикъ, изобрѣтатель, адвокатъ, медикъ, ученый, артистъ могутъ получать отъ него иногда порядочное содержаніе, но они все-таки держатся въ черномъ тѣлѣ.

Онъ любить не геройство, не эффектное, но солидное. Ни на комъ это не отразилось такъ рѣзко, какъ на англійскомъ ученомъ. Тэнъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что англійскій ученый это мѣшокъ, туго набитый фактами. Дѣйствительно, нѣтъ ни одного ученаго, который-бы обладалъ такими огромными массами фактическихъ свѣденій и который-бы такъ тщательно выставлялъ ихъ на показъ; отъ американскаго ученаго онъ въ этомъ отношеніи отличается такъ-же рѣзко, какъ отъ германскаго и французскаго. Рядомъ съ этимъ Тэнъ замѣчаетъ бѣдность его идей, но это замѣчаніе уже совершенно невѣрное. Всякому извѣстно, что въ естественныхъ наукахъ англичане стоятъ на той-же высотѣ, какъ нѣмцы и французы. Если между ними есть какая-нибудь разница, то разница эта зависитъ скорѣе отъ случайностей, чѣмъ отъ степени способностей. Англичане показали на столько-же способности дѣлать великія научныя открытія, какъ самыя способныя изъ цивилизованныхъ народовъ. По отношенію къ человѣку англичане славятся сердцевѣдами; достаточно назвать одного Шекспира. Если-бы англичане не были такъ богато одарены отъ природы, они-бы никогда не могли сдѣлаться такимъ великимъ народомъ. Сравните Вамбери и Пелграва и вы увидите, что турки и арабы въ своихъ дикихъ пустыняхъ обнаруживаютъ тѣ-же способности, которыя сдѣлали однихъ проповѣдниками варварства, а другихъ героями магометанской цивилизаціи. Но чѣмъ несомнѣннѣе мы убѣждаемся въ большихъ способностяхъ англичанина, тѣмъ яснѣе дѣлается для насъ вредное вліяніе односторонняго воспитанія купцовъ-завоевателей. Ученый во Франціи, въ Германіи не всегда можетъ высказывать истину, по временамъ онъ вовсе не можетъ говорить такъ, какъ онъ думаетъ. ему угрожаетъ за это судъ и чиновничій произволъ. Въ Англійи этого нѣтъ, онъ можетъ высказывать всю свою мысль, не опасаясь наказанія, но тутъ-то мы и видимъ всего яснѣе значеніе извѣстнаго воспитанія въ высшемъ обществѣ. Мысль не высказывается не потому, что писатель боится наказанія, она не высказывается оттого, что онъ видитъ, что истину бесполезно высказывать, что она погибнетъ безъ слѣда, замретъ какъ глухой звукъ въ степи. Вотъ великое, знаменательное явленіе! Для англійскаго ученаго

его знанія точно такая-же третья, бесполезная рука, какъ для англійскаго богача его богатство, и вотъ недостаточно глубокіе наблюдатели постоянно повторяютъ намъ, что онъ мѣшокъ набитый знаніями безъ идеи, не знающій, что дѣлать изъ этихъ знаній, неспособный выработать изъ нихъ великія обобщенія. Это не правда; но совершенно справедливо, что равнодушніе публики и давленіе господствующаго мнѣнія на мысль самыхъ сильныхъ умовъ Англіи неблагоприятно дѣйствуетъ на самыя интеллигентныя личности. Вотъ какъ Тэнъ описываетъ образъ жизни одного изъ англійскихъ изобрѣтателей Джона С.—Онъ упорно и много учился, ознакомился съ механикой, упражнялся въ ней и наконецъ устроилъ свое заведеніе. Въ прошломъ году оно принесло чистаго дохода сто двадцать тысячъ рублей. Ему двадцать восемь лѣтъ, онъ богатъ. Утромъ онъ идетъ въ свое заведеніе, осматриваетъ его, учитъ неловкихъ работниковъ, возвращается грязный, умывается и завтракаетъ. Опять идетъ въ свое заведеніе, потомъ обѣдаетъ. Вечеромъ онъ отправляется въ гостиницу, выпиваетъ на двадцать копеекъ пива, выкуриваетъ свою трубку и ложится спать въ десять часовъ. Уже четыре года онъ имѣетъ невѣсту и не женится на ней, хотя ей уже 24 года. Со временемъ онъ женится на ней. Въ субботу вечеромъ онъ отправляется къ ней, посѣщаетъ съ нею друзей, гдѣ и ночуетъ, затѣмъ въ понедѣльникъ онъ возвращается. Далѣе у него нѣтъ никакого стремленія никакого любопытства; внѣ своей специальности онъ ничего не читаетъ, ничѣмъ не интересуется. Старая жакетка для работы, чистая жакетка для воскресенья, вотъ все, что ему нужно. Говорятъ, что людямъ нужны эти десятки и сотни тысячъ дохода для того, чтобы стимулировать ихъ къ производительной работѣ. Эти десятки и сотни тысячъ дохода только мѣшаютъ въ дѣлѣ производительности, потому что ставятъ жалкихъ болвановъ выше свѣтлыхъ людей. Чѣмъ способнѣе человекъ, чѣмъ производительнѣе его натура, тѣмъ меньше ему надо. Его удовлетвореніе — его собственный трудъ. Онъ не нуждается въ поощреніи, люди должны заботиться не о томъ, чтобы его поощрять, а о томъ, чтобы тупые и богатые глупцы не кидали ему бревенъ подъ ноги. Вотъ передъ вами гениальный Джонъ С.—прекрасное, ослзательное доказательство:

геніемъ своимъ онъ произвелъ миллионныя цѣнности—въ чемъ же онъ нуждался? въ двадцатикопеечной кружкѣ пива вечеромъ для развлеченія и возбужденія нервовъ. Свои огромные доходы онъ могъ-бы употреблять такъ, чтобы сдѣлаться благодѣтелемъ народа, но вотъ онъ попалъ въ кругъ богатыхъ англичанъ и тѣ успѣшили сдѣлать изъ него бесполезнаго члена; богатство, которое онъ приобрѣлъ, обратилось тотчасъ-же въ третью, мѣшающую ему и бесплодную руку, онъ сталъ его употреблять точно такъ-же, какъ лордъ Гертфордъ. Его компаньонъ уговорилъ его выстроить великолѣпный дворецъ, гдѣ ему, какъ свидѣтельству-етъ Тэнъ, жить и неприятно, и неловко.

Самое плачевное послѣдствіе такого нравственнаго настроенія высшаго общества заключается не только въ его высококомѣрномъ отношеніи къ интеллигенціи, но и въ его закоренѣлой враждѣ къ умственному развитію народа. Втеченіи настоящаго столѣтія оно сдѣлало все, что отъ него зависѣло, чтобы помѣшать этому развитію. Оно постоянно выражало недовѣріе правительству, старалось захватить это дѣло въ свои руки во имя идеи свободы, восхваляло свою готовность къ жертвамъ и самими окольными путями дѣйствительно достигло того, что Англія, съ точки зрѣнія народнаго образованія, стала не только неизмѣримо ниже Соединенныхъ Штатовъ Америки, но даже ниже нѣкоторыхъ континентальныхъ государствъ и это не смотря на то, что метрополія высасываетъ громадные богатства изъ своихъ многочисленныхъ колоній. Когда наконецъ это возбудило всеобщее негодованіе, тогда послѣднее министерство приняло на себя власть, чтобы передѣлать это дѣло, но оно встрѣтило такія препятствія, что испугалось взятой на себя задачи; оно не рѣшилось внести законъ, который-бы вводилъ всеобщее, безвозмездное, обязательное народное образованіе на общественный счетъ; оно отдало это дѣло въ руки мѣстнаго самоуправленія. За это оно лишилось довѣрія страны и пало. Когда новый законъ сталъ приводиться въ исполненіе, то оказалось, что самую рѣзкую оппозицію противъ улучшенія системы школъ въ мѣстномъ самоуправленіи вели высшее сословіе, аристократія и духовенство. Они обращались къ сельскому населенію съ воззваніями, въ которыхъ угрожали возвышеніемъ арендной платы, возвышеніемъ общественныхъ сборовъ, полицейскими преслѣдованіями. „Если вы хотите, чтобы поли-

пейскій каждый день стоялъ у вашей двери, говорили они, подавайте голосъ за новое учрежденіе“. Работникамъ они угрожали уменьшеніемъ заработной платы и тюремнымъ заключеніемъ. На безграмотныхъ эти угрозы имѣли неотразимое дѣйствіе. Въ бельдонской общинѣ противъ новаго учрежденія поданъ былъ 431 голосъ и въ томъ числѣ 220 безграмотныхъ. Въ Меріонтпейрѣ одинъ землевладѣлецъ приказывалъ своему арендатору всѣчески противоудѣйствовать новому учрежденію и писалъ ему: „земля моя и отъ меня вы имѣете вашъ голосъ“ *). Дѣятели этого движенія въ сторону народнаго омраченія сами утверждали, что мѣстами они такъ успѣли дисциплинировать жителей, что они не могутъ оказать имъ ни малѣйшаго сопротивленія. Патриоты англичане съ ужасомъ повторяютъ, что высшія сословія, удерживая крестьянъ въ томъ-же невѣжествѣ, въ какомъ находятся теперь французскіе, готовятъ для Англіи печальную участь Франціи. Такимъ образомъ высшія сословія Англіи, чрезъ свое мелкое и узкое воспитаніе, которое внушаетъ имъ презрѣніе и даже ненависть къ наукѣ и къ ея дѣтелямъ, лишаютъ массу англійскаго народа лучшаго и самаго обильнаго источника счастья—образованія. Пока масса рабочаго населенія не будетъ имѣть образованія, до тѣхъ поръ нормальная и здоровая жизнь для него невозможна. Трудъ народа будетъ мало производительенъ и, если, какъ въ Англіи, чрезъ стеченіе особнхъ обстоятельствъ народныя богатства будутъ громадны, то всѣ эти богатства сосредоточатся въ рукахъ того или другаго сословія; между рабочими долю въ добычѣ получать только самыя интеллигентныя, остальные будутъ въ жалкомъ и униженномъ положеніи. Въ то время, когда интеллигентный рабочій можетъ получать до семисотъ рублей и болѣе въ годъ, англійская нищая масса представляетъ несчастнѣйшихъ изъ бѣдняковъ. Если-бы Англія не дѣлала своихъ торговыхъ завоеваній, къ добровольному обмѣну не присоединяла-бы насилія, то англійскій народъ, безъ всякаго сомнѣнія, былъ-бы гораздо счастливѣе и даже богаче, чѣмъ теперь. Высшая часть общества, конечно, получала-бы меньшіе доходы, но она не отличалась-бы той узкостью, которою теперь отличается. Она была-бы счастливѣе, точно также, какъ теперь

*) The Government and the Education-Act, Westminster Review, January, 1872.

вполнѣ развитой человѣкъ при меньшихъ средствахъ счастливѣе милліонера-паши или купца. Она не только не питала-бы презрѣнія и ненависти къ народному образованію, но цѣнила-бы и поощряла его. Что это было-бы именно такъ, ясно доказываютъ Соединенные Штаты, гдѣ народное образованіе поощряется республиканской партіей, т.-е. той, къ которой принадлежитъ большинство имущаго класса. Нельзя безъ глубокой грусти видѣть въ Англіи ученыхъ и государственныхъ людей, которые обладаютъ большими способностями и большими знаніями и которыми тупость высшаго общества связываетъ руки. Иногда ихъ положеніе производитъ жалкое впечатлѣніе. Больно было видѣть, напр., Гладстона, который въ послѣднее время бился, какъ рыба объ ледъ.

А. Навалихинъ.

ПРЕКРАСНА НОЧЬ!..

(Изъ Петѣфи.)

Прекрасна ночь!..

Съ небесной вышины мерцають надъ землей
И сотни блѣдныхъ звѣздъ, и мѣсяць золотой.

Прекрасна ночь!..

Занскрилась роса на бархатѣ полей,
Въ густыхъ кустахъ поеть волшебникъ соловей.

Прекрасна ночь!..

Къ возлюбленной спѣшить любовникъ молодой,
Разбойникъ въ этотъ часъ выходитъ на разбой!..

Прекрасна ночь!..

А. Ш.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЭТЮДЫ.

(«Николай Негоревъ или благополучный россиянинъ», романъ И. Куцескаго.
2 т. Изд. Базунова. Спб. 1872.)

В.

НЕДОКОНЧЕННЫЕ ЛЮДИ.

VI.

Тѣ изъ моихъ читателей, которыхъ „достопамятная эпоха“ (какъ говорятъ публицисты „Голоса“²) „всероссійскаго возрожденія“ захватила на ученической скамьѣ, конечно, еще не забыли, сколько шума, переполоха и оживленія внесло оно въ жизнь нашихъ военныхъ и гражданскихъ, духовныхъ и свѣтскихъ училищъ. Разумѣется, если эти читатели уже успѣли превратиться въ „благополучныхъ Молчалиныхъ“, полагающихъ (или, по крайней мѣрѣ, говорящихъ), что все идетъ „наилучшимъ образомъ въ этомъ наилучшемъ изъ міровъ“, то, разумѣется, имъ тогда не можетъ быть особенно пріятно возвращаться мыслію къ этому „давно-прошедшему“ времени „*дѣтскихъ увлеченій*“. Они отнесутся къ нему не иначе, какъ съ ироніею и насмѣшкою à la Николай Негоревъ. Но они будутъ не правы. Эта свѣтлая и, быть можетъ, единственно-свѣтлая полоска въ жизни нашихъ бѣдныхъ „дѣтей“, — оставила свои слѣды и въ ихъ существованіи, и имъ незачѣмъ ни скрывать этихъ

слѣдовъ, ни стыдиться ихъ. Освѣжающее вліяніе этого свѣтлаго промежутка „всеобщихъ увлеченій и благихъ порываній“ принесло имъ много пользы, оказало много важныхъ услугъ; они сьумѣли сдѣлать изъ него „благоразумное употребленіе“, они сьумѣли эксплуатировать его въ интересахъ собственнаго благополучія, и благо имъ! Не будь этой „достопамятной эпохи“ и этого „всероссійскаго возрожденія“ они-бы не могли сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ они сдѣлались теперь. Они были-бы самими заурядными „становыми“, „исправниками“, „чиновниками“, Держимордами всѣхъ чиновъ и цвѣтовъ. Ихъ дѣятельность считалась-бы ни чуть не выше и не почтеннѣе дѣятельности любого становаго и исправника добраго, стараго времени и цѣнилась-бы по окладу, въ столько-то рублей и столько-то копеекъ. Конечно, такой неделикатный взглядъ ближнихъ на ихъ особу и ихъ дѣятельность не могъ-бы слишкомъ много содѣйствовать ихъ внутреннему благополучію. Имъ было-бы все какъ-то не по себѣ, они чувствовали-бы, что если ихъ и уважають, то только за ихъ оклады, но что въ сущности никто не придаетъ имъ ни малѣйшаго значенія. Чувство собственнаго ничтожества прорывалось-бы не рѣдко черезъ плотину ихъ „благоразумія“, и подъ его волнами скрывались-бы мгновенно всѣ маленькія радости и утѣхи ихъ маленькаго мірка, всѣ ихъ тщеславныя расчеты, все ихъ крохотное честолюбіе и тупое самодовольство; въ эти минуты потопа, они восклицали-бы, подобно своимъ отцамъ: „ну что мы такое?—плюнь на насъ, разотри—ничего и не осталось!“ А теперь эти „благополучные россияне“ гарантированы отъ этихъ потоповъ, въ ихъ жизни едва-ли могутъ существовать такія минуты горькаго самосознанія; и если-бы когда нибудь въ ихъ умъ прокралась мысль о ихъ ничтожествѣ, они первыми осмѣяли-бы себя за это. Вотъ насколько они умнѣе и благоразумнѣе своихъ отцевъ, — но когда же научились они этому уму-разуму? Это случилось въ „достопамятную эпоху“. Они сидѣли еще на ученическихъ скамейкахъ. Въ головахъ ихъ еще не было никакихъ отвлеченныхъ мыслей, никакихъ теорій, умъ дѣятельно работалъ, но вся его работа уходила на соображенія о томъ, какъ-бы заолучить хорошій баллъ, миновать порки, и не поссориться съ „сильными“ класса. Вся ихъ внутренняя жизнь сводилась къ придумыванію и изысканію средствъ „самосохраненія“. И

вдругъ—по магическому прикосновенію „волшебной палочки“—декораціи внезапно измѣнились: розги и кулаки были поспѣшно убраны со сцены, суровыя лица начальниковъ разцвѣли сладенькими улыбочками, вчерашніе „сѣкуторы“ приходятъ сегодня въ ужасъ при мысли, что было такое время, когда не считалось возмутительнымъ дѣломъ сѣчь дѣтей, многіе изъ нихъ даже рѣшительно отказывались этому вѣрить. Вчерашніе Цифиркины съ презрѣніемъ говорятъ сегодня о „старыхъ методахъ преподаванія“ и доказываютъ необходимость „самыхъ широкихъ реформъ въ дѣлѣ воспитанія“. Рука, которая еще вчера только умѣла бить васъ, сегодня протягивается къ вамъ съ дружескимъ привѣтствіемъ, и уста, изъ которыхъ вы привыкли слышать одну только грубую брань и вѣчное „запорю“, сегодня осипаютъ васъ самыми нѣжными именами и самою деликатною лестью. Но эта внѣшняя пережѣна обстановки и обращенія еще ничего не значила, по сравненію съ тою внутреннею революціею, съ тѣмъ умственнымъ кризисомъ, который пришлось пережить въ то время „дѣтямъ“. До сихъ поръ ихъ умъ систематически держали на діатѣ старыхъ учебниковъ. Въ этихъ учебниковъ ему строго-на-строго воспрещалось промышлять себѣ пищу; да онъ и не хлопоталъ объ этомъ; домашняя обстановка, правда, заронила въ него кое-какія сѣмена скептическаго отношенія къ окружающимъ порядкамъ, но школьная жизнь и бурса, передъ „достопамятною эпохой“, нисколько не благопріятствовала развитію этихъ свѣжихъ ростковъ. Онъ-бы, вѣроятно, заглохли или выродились въ хитрое лукавство, въ трусливое лицемѣріе или ко всему равнодушный индеферентизмъ—еслибы, по мановенію „волшебной палочки“, не раскрылись внезапно двери умственной темницы нашихъ бѣдныхъ „дѣтей“ и свѣтъ новыхъ мыслей и идей широкими потоками не влился въ ихъ темныя головы.

Случайно мнѣ попался недавно подъ руки одинъ русскій романъ 60-хъ годовъ, авторъ котораго, желая объяснить читателю, почему герой его сдѣлался либеральнымъ и гуманнымъ человекомъ, рассказываетъ, что въ училищѣ, гдѣ обучался этотъ герой, преподавалъ исторію русской словесности нѣкій либеральный учитель (конечно, изъ семинаристовъ; они были въ то время въ такой модѣ!), и что сей либеральный учитель впервые пробудилъ спящіе умы своихъ питомцевъ, заронилъ въ ихъ дѣв-

ственные души „жизни чистой, человѣческой, благотворное зерно“;—зерно это, разумѣется, частью пало на почву каменистую, частью на почву песчаную, а частью и на почву плодородную. Душа героя (нечего прибавлять) играла роль послѣдней, и слѣдовательно брошенное на нее сѣмя должно было вырастить древо либерализма и гуманности — что и требовалось доказать. Романъ этотъ напомнилъ мнѣ много и другихъ романовъ и повѣстей, въ которыхъ точно также выводились либеральные учителя и „развиватели“, въ родѣ тѣхъ добрыхъ геніевъ, которне, какъ Deus ex machina, дѣйствовали въ романахъ прошлаго вѣка. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этой литературной легендѣ о „либеральныхъ учителяхъ и развивателяхъ“ была своя доля правды; иначе романисты не возвращались-бы къ пей такъ часто и такъ настойчиво. Но если одинъ либеральный „святель“ могъ производить такія бури и революціи въ умственномъ царствѣ бѣдныхъ школьниковъ,—то представьте себѣ, что должно было воспослѣдовать въ этомъ мірѣ, когда въ качествѣ „святеля“ сталъ фигурировать весь педагогическій и служебный персоналъ „бурсы“, когда не только учитель „россійской словесности“, изъ семинаристовъ, но даже учитель рисованія и танцевъ начали обнаруживать разныя либеральныя поползновенія и давали понять своимъ питомцамъ, что и они понимаютъ и стоятъ въ уровень съ требованіями „духа времени“. Что это былъ за „духъ“—въ этомъ не могло быть ни малѣйшихъ сомнѣній; этотъ „духъ“ носился въ атмосферѣ учебныхъ комнатъ и рекреационныхъ залъ, имъ вѣяло отъ каждой книжки, отъ cadaго журнала, которне попадали въ руки „дѣтей“. А какіе же изъ русскихъ книжекъ и журналовъ, бывшихъ въ то время въ обыденномъ обиходѣ, не попадали имъ въ руки? Съ чтенія-книгъ, „постороннихъ класснымъ занятіямъ“ снято было прежнее вето; чтеніе было теперь не только дозволено, но даже поощрялось; и юноши-дѣти съ жадностью набросились на него. Ахъ, если-бы авторы знали, сколько умственныхъ тревогъ, сколько новыхъ мыслей возбуждали ихъ статьи въ головахъ этихъ юныхъ читателей, съ какимъ замирашемъ сердца ожидался выходъ каждой новой книжки журнала и какихъ нерѣдко восторженныхъ поклонниковъ вербовали они себѣ на учебныхъ скамьяхъ, — право, они-бы не нашли тогда ничего оскорбительнаго въ той кличкѣ, которою окрестили впослед-

ствіи литературу первыхъ 60-хъ годовъ. Никогда у нихъ не было и никогда не будетъ болѣе прилежныхъ и внимательныхъ читателей, какъ тогда, когда они (по ироническому выраженію одного журнала) писали для „гимназистовъ и семинаристовъ“. И никогда „гимназисты“ и „семинаристы“ не жили еще такою полною, сосредоточенною и рвущею впередъ умственною жизнію, какъ въ эту „достопамятную эпоху“. „Какъ-то незамѣтно дни проходили за днями“, рассказываетъ объ этомъ времени одинъ изъ тогдашнихъ гимназистовъ, а нынѣ „благополучный россиянинъ“ Николай Негоревъ, — „и мы дѣлались все либеральнѣе и либеральнѣе часъ отъ часу; Малининъ (его товарищъ по классу) списалъ въ превосходную тетрадку какія-то запретныя стихотворенія и даже заучилъ эти стихотворенія наизусть“. „Словомъ мы начали мыслить, разсуждать, понимать, смотрѣть и совершать всѣ другія интеллектуальныя отправленія нѣсколько иначе, чѣмъ прежде. Преподаваніе пошло какъ-то осмысленнѣе, и, ко всеобщему удивленію, много самыхъ закоренѣлыхъ лѣнтяевъ начали мало-помалу проявлять свои способности къ наукамъ“. „Потому восторгу, съ которымъ мы жили тогда, насъ легко было принять за помѣшанныхъ. Пансіонъ походилъ на городъ, въ которомъ случилось землетрясеніе, или великій переворотъ, когда восторженные граждане, забывъ все, кромѣ общаго дѣла, сообщаютъ первымъ встрѣчнымъ подробности великаго событія, свои мнѣнія о немъ, свои предположенія и надежды. Мы съ утра до ночи общими силами разсуждали и читали, читали и разсуждали. Здѣсь хвалили новую критическую статью, тамъ рассказывался сюжетъ обличительнаго романа, въ третьемъ мѣстѣ съ пафосомъ декламировали стихотворенія“ (Т. I, стр. 223, 224) и т. д.

И въ этомъ нѣтъ никакого преувеличенія. Всякій, кого это время еще застало на ученической скамейкѣ нашихъ гимназій или семинарій, подтвердитъ слова Негорева. Вообще страницы романа, посвященныя описанію внутренней жизни гимназій, и въ особенности той неожиданной реформѣ, которую произвела въ ней „достопамятная эпоха“, принадлежать, какъ мнѣ кажется, къ числу самыхъ лучшихъ, самыхъ художественныхъ страницъ произведенія г. Кущевскаго. Я-бы охотно сдѣлалъ изъ нихъ много, много выписокъ, если-бы не боялся, что и безъ того уже статья моя вышла черезъ-чуръ длинна. Но если

эти страницы принадлежать къ числу лучшихъ страницъ романа по живому воспроизведенію маленькаго мірка развивающихся „дѣтей“, то, съ другой стороны на нихъ рѣзче всего обнаруживается тотъ капитальный недостатокъ автобіографіи Негорева, на который я уже указалъ выше. Авторъ, перенося васъ въ кругъ тѣхъ интересовъ и тѣхъ людей, среди которыхъ жилъ его герой, очень поверхностно знакомитъ съ внутреннимъ міромъ самого героя. Вы не видите, какъ отражалось вліаніе этихъ людей и интересовъ на его умственной жизни, какіе психическіе моменты переживалъ онъ въ эту „достопамятную эпоху“, вы не понимаете, почему новыя идеи нисколько, какъ кажется, не видоизмѣнили его характера, и изъ гимназіи онъ вышелъ почти совершенно такимъ-же, какимъ и поступилъ въ нее, — немножко развѣ поуинѣе. Конечно, если-бы романъ не былъ написанъ въ формѣ автобіографіи, то мы, быть можетъ, не имѣли-бы права требовать отъ автора подробнаго анализа внутренняго, психическаго міра Негорева. Но въ автобіографіи и въ особенности въ автобіографіи, имѣющей цѣлью познакомить читателя съ *внутреннимъ развитіемъ* „благополучнаго россіянина“, это отсутствіе психическаго анализа слишкомъ замѣтный недостатокъ. Онъ до того замѣтенъ, что благодаря ему, цѣль автора познакомить съ исторіею внутренняго развитія героя совсѣмъ не достигается. Вы даже не видите никакого развитія; Негоревъ какъ будто при самомъ своемъ рожденіи предназначенъ былъ сдѣлаться „благополучнымъ россіяниномъ“, — это былъ его *демонъ*, и онъ, какъ кажется, покорился ему совершенно пассивно, безъ борьбы и колебаній, какъ вѣрующій мусульманинъ покоряется предначертаніямъ судьбы. Но неужели и въ самомъ дѣлѣ это былъ роковой фатумъ, противъ котораго ничего не могло подѣлать никакое вліаніе внѣшнихъ факторовъ? Неужели въ самомъ дѣлѣ, судьба, при самомъ рожденіи, наложила на него печать благополучнаго гражданина? Романъ г. Кушевскаго отвѣчаетъ на эти вопросы какъ будто утвердительно: Негоревъ уже 10-лѣтнимъ мальчикомъ является величайшимъ негодяемъ и такимъ онъ остается во всю свою жизнь. Почему-же это? Почему „достопамятная эпоха“, вмѣсто того, чтобы благотворно повліять на его характеръ, только еще хуже испортила

его? Была-ли въ этомъ виновата одна „прирожденная“ негодность Негорова, или и еще что-нибудь?

Посмотримъ и разберемъ. Рѣшеніе этихъ вопросовъ должно быть въ высокой степени интересно, потому-что оно проливаетъ свѣтъ на развитіе и образованіе характера дѣлаго современнаго намъ поколѣнія.

Чтобы понять процессъ образованія даннаго характера, для этого лучше всего остановиться на какомъ-нибудь одномъ, наиболѣе рѣшительномъ моментѣ въ исторіи его развитія и рассмотреть, какъ въ этотъ моментъ столкнулись и вліяли другъ на друга два фактора, отъ взаимодѣйствія которыхъ зависитъ образованіе вообще всякаго человѣческаго характера. Первый факторъ—умственные наклонности и привычки, то, что называется *психическою индивидуальностью* человѣка; второй факторъ—окружающая обстановка идеи и интересы, господствующіе въ ней. Каковы были умственные наклонности и привычки, т. е. существенный характеръ перваго, внутренняго фактора, у дѣтей „вторичной формаци“,—это уже было объяснено выше. Выше же былъ объясненъ и характеръ того внѣшняго фактора—господствовавшихъ въ обществѣ идей и интересовъ,—который, въ данный моментъ развитія „дѣтей“, долженъ было столкнуться съ ихъ психическимъ факторомъ и, или видоизмѣнить его, или еще болѣе усилить и укрѣпить его основныя свойства. Я указала также, отчасти въ предшествующей, отчасти въ настоящей статьѣ, тѣ коренныя спеціально-экономическія причины, которыя дали внѣшнему фактору именно *такой*, а не другой характеръ, и подъ вліяніемъ которыхъ, до извѣстной степени, сложился и самый внутренній факторъ, — „психическая индивидуальность“ „дѣтей“. Собственно говоря, эта *психическая индивидуальность* для насъ только въ той мѣрѣ интересна, насколько она выражаетъ собою вліяніе этихъ общихъ экономическихъ причинъ. Подъ вліяніемъ послѣднихъ, какъ мы видѣли, прокралась въ домашнюю обстановку дѣтей „вторичной формаци“ та маленькая свобода и развилось то преобладаніе умственной стороны надъ всѣми другими сторонами человѣческой природы, вліяніе которыхъ сообщило психической физиономіи „дѣтей“ ея существеннѣйшія, характеристическія черты. Затѣмъ, частныя, біографическія подробности „дѣтской“ жизни придали этимъ чертамъ то

или другое направлѣніе, и сообразно этому направленію мы раздѣлили „дѣтей“ на двѣ категоріи: на „дѣтей“ съ направлѣніемъ умозрительно-отвлеченнымъ и эгоистически-своекорыстнымъ, на „дѣтей“ Овѣринскаго и Негоревскаго типа. Не трудно понять, какъ долженъ былъ отразиться на дѣтяхъ первой категоріи внезапный приливъ той новой умственной жизни, которую несли къ нимъ новыя книги и журналы, новыя разговоры и новыя порядки, ознаменовавшіе „достопамятную эпоху“. Съ одной стороны обиліе и разнообразіе новыхъ впечатлѣній должно было сильно возбудить ихъ интеллектуальную дѣятельность и упрочить ея преобладаніе и ея господствующее значеніе въ ихъ жизни вообще; съ другой, оно должно было отвлечь ихъ умъ отъ привычной сосредоточенности, такъ сказать, *разсѣять* его; ихъ вниманіе, поглощенное разомъ множествомъ интересныхъ предметовъ, ихъ мысль, занятая одновременно множествомъ самыхъ сложныхъ вопросовъ, не знала, на чемъ остановиться, къ чему пріурочиться. Это былъ для нихъ періодъ *шатанія мысли; умственного броженія*; большая или меньшая продолжительность его должна была зависѣть отъ степени силы ихъ привычки къ односторонней сосредоточенности. Чѣмъ сильнѣе была развита эта привычка, тѣмъ скорѣе она взяла верхъ надъ *разсѣянными вниманіемъ*; и наоборотъ, чѣмъ она была слабѣе, тѣмъ труднѣе ей было восторжествовать на этомъ „праздникѣ идей“, гдѣ ни одна мысль, ни одинъ умственный интересъ не хотѣлъ отодвинуться на задній планъ и уступить свое мѣсто счастливому сопернику. Но, во всякомъ случаѣ, этотъ періодъ въ развитіи „дѣтей“ Овѣринскаго типа, долженъ былъ въ значительной степени ослабить и парализировать привычку ихъ ума исключительно сосредоточиваться на одной какой-нибудь мысли, всецѣло поглощаться однимъ какимъ-нибудь интересомъ. Поэтому ихъ умственная жизнь стала полнѣе и разнообразнѣе, но уже въ ней не было прежняго единства, прежней гармоніи; и это послужило обильнымъ источникомъ скорбей и страданій для многихъ изъ нихъ. Овѣринъ не былъ изъ числа этихъ многихъ, онъ скоро, какъ уже было сказано выше, сумѣлъ сосредоточить свою мысль на одномъ опредѣленномъ рядѣ умственныхъ впечатлѣній и отдался этимъ впечатлѣніямъ съ прежнею исключительностью, съ прежнимъ самозабвеніемъ. Почему онъ остано-

вился именно на этой категоріи умственныхъ впечатлѣній, а не на какой-нибудь другой, почему онъ всецѣло погрузился въ математическія и физико-математическія соображенія,—это, конечно, зависѣло отъ случайныхъ, частныхъ причинъ; и намъ нѣтъ ни малѣйшей надобности останавливаться на этихъ причинахъ. Большинство же „дѣтей“ его закала остановились и необходимо должны были остановиться на другой категоріи впечатлѣній, на другомъ порядкѣ мыслей, именно на тѣхъ мысляхъ, которыя всего чаще и настойчивѣе проводились въ тогдашней литературѣ, которыя вызывались и обуславливались самымъ характеромъ переживаемой эпохи. Впослѣдствіи, впрочемъ, и Овѣринъ сосредоточилъ свою мысль въ кругу этихъ, господствовавшихъ въ то время, мыслей, его вообще воспримчивый умъ, до нѣкоторой степени уже утратившій привычку къ исключительной односторонности, не могъ замуравить себя отъ тѣхъ впечатлѣній, которыя вривались въ него со всѣхъ сторонъ; отъ тѣхъ идей, которыя, такъ сказать, носились въ воздухѣ. Но разъ отдавшись этимъ идеямъ, онъ какъ и прежде, отдался имъ вполне; онъ совершенно забылъ о себѣ, о своихъ эгоистическихъ интересахъ, о своемъ личномъ благополучіи;—послѣдствія не трудно было предвидѣть. Онѣ постигли въ большей или меньшей степени не одного Овѣрина, онѣ постигли почти всю эту категорію дѣтей „вторичной формаци“... Другая категорія была счастливѣе. „Дѣти“ Негоревскаго типа не умѣли и не привыкли такъ беззавѣтно и безкорыстно увлекаться отвлеченною идеею, какъ „дѣти“ Овѣринскаго типа. У нихъ интересы „самосохраненія“, интересы *личнаго благополучія*, постоянно пользуясь услугами рано возбужденнаго интеллекта, съ одной стороны, сами развились и укрѣпились гораздо сильнѣе, чѣмъ у „овѣринцевъ“, съ другой—сообщили умственной дѣятельности, такъ сказать, практически-служебное направленіе. Внезапный наплывъ новыхъ мыслей и идей долженъ былъ произвести, однако, нѣкоторую переѣвку въ ихъ характерѣ. Новыхъ впечатлѣній было такъ много и они дѣйствовали на молодой, рано привыкшій къ работѣ мозгъ съ такою неотразимою силою, что „дѣтскій“ умъ невольно и незамѣтно отрывался отъ созерцанія интересовъ „личнаго благополучія“ и совершенно безкорыстно увлекался отвлеченными идеями. Это увлеченіе противорѣчило прежде усвоенной привычкѣ; между этой

привычкой и новымъ направлениемъ ихъ умственной дѣятельности должна была начаться борьба. Исходъ этой борьбы вполне и безусловно зависѣлъ отъ относительной силы двухъ указанныхъ выше факторовъ. При большей силѣ, при большей настойчивости вліянія новыхъ идей и интересовъ, при болѣе благопріятныхъ общественныхъ условіяхъ, ихъ умъ могъ-бы такъ-же всецѣло и исключительно отдаться этимъ идеямъ, этимъ интересамъ, какъ имъ отдались „дѣти“ Овѣрянскаго типа. Это было-бы въ особенности легко, именно въ томъ случаѣ, если-бы между требованіями этихъ отвлеченныхъ интересовъ и интересовъ „личнаго благополучія“ не лежало слишкомъ глубокой пропасти, если-бы исключительное служеніе первымъ не налагало на умъ печальной необходимости быть въ постоянной борьбѣ съ вторыми, постоянно заглушать и подавлять ихъ громкій, привыкшій къ командованію голосъ.

Умъ, при сильномъ увлеченіи новыми идеями, еще могъ отвыкнуть отъ привычки связывать всѣ свои интеллектуальные интересы съ интересами „личнаго благополучія“, онъ могъ отвыкнуть отъ того особаго, специфическаго сочетанія (ассоціаціи) идей, чувствъ и представленій, которое я называю „свокорыстно-эгоистическимъ“ направлениемъ его дѣятельности и къ которому приучили его обстоятельства добраго стараго времени. Но ему трудно, почти невозможно было изъ роли *покорнаго раба* перейти въ роль *деспотическаго владыки*, — тѣмъ болѣе что эту деспотическую власть пришлось-бы употреблять съ чрезвычайною суровостью и безпощаднымъ ригоризмомъ. Такимъ образомъ два обстоятельства благопріятствовали торжеству старой привычки ума надъ его новымъ направлениемъ, два обстоятельства способствовали вырожденію „дѣтей“ второй категоріи въ „благополучныхъ россіянъ“: съ одной стороны недостаточная сила и послѣдовательность вліянія новыхъ идей, порожденныхъ общественнымъ развитіемъ, съ другой—то рѣзкое противорѣчіе, въ которомъ стояли конечныя, логическія требованія этихъ идей съ интересами „собственнаго личнаго благополучія“. Не будь этихъ двухъ, чисто внѣшнихъ условій, изъ „дѣтей“ вторичной формаціи не вышли-бы на свѣтъ Николай Негоревъ и К^о.

Но въ первые моменты наплыва „новыхъ умственныхъ впечатлѣній“, когда еще не обнаружилось съ достаточною ясностью ни

это противорѣчіе, ни слабое развитіе самыхъ идей, когда ихъ обаяніе дѣйствовало еще съ неотразимою силою, „дѣти“ второй категоріи, какъ и „дѣти“ первой, вполне безкорыстно и безза-вѣтно увлекались „новыми идеями“; въ лагерѣ „дѣтей“ не было еще раскола и Овѣринцевъ можно было смѣшать (и ихъ дѣйствительно смѣшивали и даже нынѣ смѣшиваютъ) съ Негоревцами. Вотъ этотъ-то психическій моментъ „беззавѣтнаго увлеченія“ интеллектуальными интересами совершенно упущенъ изъ виду г. Куцевскимъ. Авторъ видимо самъ не знаетъ, былъ или нѣтъ такой моментъ въ жизни его героя. Самъ Негоревъ ни единымъ намекомъ не проговаривается объ этомъ предметѣ. Онъ только вскользь упоминаетъ о нѣсколькихъ фактахъ, которые даютъ право предполагать, что и Николай Негоревъ былъ не всегда Николаемъ Негоревымъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что „весь этотъ годъ (въ четвертомъ классѣ) я почти исключительно занятъ былъ чтеніемъ постороннихъ книгъ, такъ что передъ экзаменами пришлось позаботиться, чтобъ не остаться на другой годъ въ томъ-же классѣ“ (стр. 229). Для гимназиста, все время учившагося только для „балловъ“ и превыше всего ставившаго „интересы собственнаго благополучія“, которые, конечно, не мало-бы пострадали отъ неперехода въ слѣдующій классъ, и такое „исключительное занятіе чтеніемъ постороннихъ книгъ“ было уже въ нѣкоторомъ родѣ безкорыстнымъ увлеченіемъ ума отвлеченными интересами мысли. Точно также изъ разсказа Негорева о послѣдней вакаціи, проведенной имъ въ деревнѣ, и его „либерально-развивательскихъ“ разговорахъ съ сестрой (см. т. I, стр. 273, 277 и др.), можно думать, что у него были тогда идеи, которыми онъ увлекался, безъ малѣйшихъ эгоистическихъ соображеній, нисколько не заботясь о томъ, соотвѣтствуютъ или нѣтъ эти идеи „интересамъ личнаго благополучія“. „Я былъ въ томъ возрастѣ, разсказываетъ онъ о себѣ,—когда составляются самые великолѣпные планы будущаго, и когда человѣкъ особенно склоненъ обращать другихъ въ свою вѣру, поэтому я съ особеннымъ удовольствіемъ занялся образованіемъ сестры, и немедленно сказалъ ей рѣчь, страницъ въ восемь убористой печати, гдѣ выложилъ всѣ свои либеральныя сокровища, положительно доказавъ, что у насъ много и многое, а въ особенности приличія,

такъ устарѣло, что нигуда не годится“ и т. д. (стр. 277). Эти слова смахиваютъ на оправданіе, но кто оправдывается, безъ всякаго повода, тотъ, значить, чувствуетъ себя виновнымъ. И хотя „молодость лѣтъ“—обстоятельство иногда смягчающее вину, но несомнѣнно, что самое указаніе на „смягчающія обстоятельства“ заключаетъ уже въ себѣ косвенное признаніе вины. Да, „въ томъ возрастѣ, когда, и проч.“, у Негоревы тоже были „великолѣпные планы будущаго“, была своя „вѣра“, которую онъ беззавѣтно увлекался, были свои „сокровища“ безкорыстной мысли. Эта великая „вѣра“, эти „святыя сокровища“—онѣ были у всѣхъ дѣтей этой формаціи, но, Боже, какъ не многіе умѣли ихъ сохранить. А почему?

Потоки новыхъ впечатлѣній, со всѣхъ сторонъ вливавшіеся въ головы „дѣтей“, не были, какъ я уже сказалъ, ни настолько стремительны, ни настолько глубоки, чтобы своимъ бурнымъ или непрерывнымъ теченіемъ измѣнить привычное направленіе ихъ умственной дѣятельности; ихъ умъ скоро опять сталъ искать привычныхъ ассоціацій между своими чисто-теоретическими, отвлеченными идеями и представленіями о „личномъ благополучіи“. Изъ тѣхъ отвлеченныхъ идей, которыя были въ то время наиболѣе распространены и которыя неизбѣжно овладѣвали умами тогдашнихъ „дѣтей“, логически вытекаая изъ всѣхъ, дѣйствовавшихъ на ихъ мозгъ, новыхъ и разнообразныхъ впечатлѣній, самыми неотразимыми и многозначительными, по своимъ послѣдствіямъ для выработки общаго міросозерцанія—были, конечно, идеи о такъ называемомъ „общемъ благѣ“, о необходимости „приносить пользу ближнимъ“, объ „обязанности каждаго поправить свою дѣятельность въ интересахъ устраненія этой „неудовлетворительности“ и т. п. „Овѣринцы“ увлекались этими идеями, не чувствуя ни малѣйшей необходимости подогрѣвать это увлеченіе, вводя въ ихъ кругъ какія-нибудь личныя, эгоистическія соображенія, ассоціируя ихъ съ представленіями „собственного благополучія“. Негоревцы же, напротивъ, начали стараться доказывать и убѣждать себя и другихъ, что „общая польза“ солидарна исполнѣ съ ихъ „личной пользою“ и что все, что они дѣлаютъ въ интересахъ своихъ ближнихъ, они дѣлаютъ въ то-же время въ своихъ собственныхъ интересахъ. Изъ того, что уже было сказано выше о характеристическомъ свойствѣ ихъ ума, легко

понять, что имъ весьма не трудно было напасть на эту ассоціацію представленій, и что, разъ напавъ, они ухватились за нее обѣими руками. Они сгруппировали около нея множество другихъ, подкрѣпляющихъ ее аргументовъ, они построили на ней цѣлую теорію такъ называемаго „разсудительнаго эгоизма“, „*égoïsme raisonné*“, какъ говорили французы.

Теорія не новая, она такъ-же стара, какъ стара человѣческая мысль. Всегда были, есть и, быть можетъ, долго (а быть можетъ и всегда) будутъ люди съ умственными привычками негоревцевъ. И при существованіи такихъ людей, эта теорія, во многихъ случаяхъ, очень выгодна; она нерѣдко подталкиваетъ ихъ на общепользную дѣятельность и, подъ фантастическимъ предлогомъ „личнаго интереса“, заставляетъ совершать великіе подвиги и приносить великія жертвы ради интереса ближнихъ. Но чаще она ведетъ ихъ отъ одного компромисса къ другому, и мало-по-малу, подъ вліяніемъ благопріятныхъ общественныхъ условій, сама вырождается изъ теоріи „разсудительнаго“ въ теорію „разсчитливаго“, а затѣмъ и просто пошлаго эгоизма. Каковы должны быть эти условія и какимъ образомъ совершается этотъ процессъ перерожденія, объ этомъ я буду говорить подробно въ одной изъ слѣдующихъ статей. Здѣсь же, мнѣ достаточно только вскользь упомянуть объ этой теоріи, объ этой умственной ассоціаціи представленія „общей пользы“ съ представленіемъ „пользы личной“, какъ на одинъ изъ факторовъ, содѣйствовавшихъ превращенію „дѣтей“ негоревскаго закала въ „благополучныхъ россіянь“. Самъ Негоревъ не былъ, однако, изъ числа тѣхъ, которые дошли до „благополучія“ подъ вліяніемъ именно этой теоріи. Потому здѣсь и не мѣсто долѣе останавливаться на ней. Негоревъ принадлежалъ къ особой группѣ „дѣтей“ этого типа. У этихъ „дѣтей“ голова не была загромождена никакими „теоріями“; умственный кризисъ окончился для нихъ не образованіемъ твердой умственной ассоціаціи представленій объ интересахъ „собственнаго благополучія“ съ представленіями объ интересахъ отвлеченной идеи, а полнымъ торжествомъ стараго, привычнаго направленія ума, не теорію „разсудительнаго“, а теорію (если только это можно назвать теорію) „циническаго эгоизма“. Обстоятельства, благопріятствующія такому исходу кризиса, заключались, быть можетъ, отчасти

въ томъ, что ихъ умъ былъ, съ одной стороны, болѣе пронца-
теленъ и потому весьма скоро понялъ невозможность и бесплод-
ность всякаго дѣйствительнаго, а не воображаемаго, фиктивнаго
примиренія между требованіями „пользы личной“ и „пользы об-
щей“, съ другой—онъ былъ менѣе впечатлителенъ и менѣе при-
выкъ вращаться въ сферѣ чисто-абстрактныхъ соображеній, и
потому интересы отвлеченной мысли не могли слишкомъ сильно
увлечь его, слишкомъ долго занимать его дѣятельность. Но въ
особенности, этому исходу благопріятствовала та форма, въ ко-
торой „новыя идеи“ предлагались и прививались въ умъ „дѣ-
тей“. Мы уже видѣли, изъ какого источника и въ какой пері-
одъ своего развитія почерпали они эти „идеи“. Источникомъ слу-
жили главнымъ образомъ популярныя книжки и журнальныя
статьи. Въ нихъ данныя идеи излагались обыкновенно уже
въ видѣ готоваго вывода, болѣе или менѣе догматическаго по-
ложенія. Усвоить этотъ выводъ было легко, а разъ усвоенный,
онъ нерѣдко наводилъ умъ дѣтей на весьма глубокія и само-
стоятельныя соображенія, импульсировалъ его дѣятельность, от-
крывалъ передъ нимъ новыя, широкіе кругозоры. Если-бы тог-
дашнимъ „дѣтямъ“ самимъ, путемъ продолжительнаго, самостоя-
тельнаго мышленія, нужно было доходить до этихъ „выводовъ“,
то, по всей вѣроятности, они-бы никогда до нихъ не дошли,
при той жалкой умственной обстановкѣ, которою окружало ихъ
домашнее и бурсацкое воспитаніе. Потому-то, мнѣ кажется, эти
„готовые выводы“ имѣли огромное и въ высокой степени благо-
творное вліяніе на все ихъ умственное развитіе; безъ ихъ по-
мощи они никогда не выбились-бы изъ того тѣснаго круга пош-
лыхъ, мелкихъ, будничныхъ интересовъ, въ которомъ съ самого
дѣтства держали ихъ бѣдную мысль. Но, съ другой стороны,
выводъ, благодаря своему догматическому характеру, не могъ
пустить слишкомъ прочныхъ и глубокихъ корней въ молодой
умъ; чтобы вполне и всецѣло ассимилировать его, для этого
нужно было самостоятельно продумать надъ нимъ, дойти до него
снова, путемъ собственныхъ наблюденій, оригинальныхъ сообра-
женій, личнаго анализа и подробнаго знакомства съ тѣми фак-
тами, на которыхъ онъ построенъ. Нечего и говорить, что при
обстановкѣ, въ которой находилось большинство дѣтей, такая
длинная подготовительная умственная работа была совершенно

невозможна; общія мысли усвоивались на скорую руку, ихъ некогда и не начесть было подробно провѣрить. Провѣрка требовала много времени, слишкомъ много свѣденій, слишкомъ много умственного навыка къ отвлеченному, логическому мышленію, — ни того, ни другого не дало дѣтямъ ни домашнее воспитаніе, ни школа; времени тоже не было: юноши уже готовились вступить въ жизнь; ихъ мысль, такъ внезапно и такъ сильно возбужденная, стремилась поскорѣе воплотиться въ какой-нибудь вѣншей, практической дѣятельности; всякая нерѣшительность была для нихъ несносна, всякая отсрочка невыносима. Въ нѣкоторомъ смыслѣ, ихъ можно сравнить съ тѣми подневольными путешественниками, которымъ объявляется о необходимости путешествія только за 24 часа до отъезда. Въ такой короткій срокъ, конечно, нельзя ни запастись всѣми нужными вещами, ни какъ слѣдуетъ уложиться, хватаютъ первое, что попало подъ руку, кое-какъ связываютъ и отправляются въ путь. Разумѣется, на первой же станціи окажется, что многое забыто, многое дурно уложено, а много взято и лишняго. То же должно было оказаться, и дѣйствительно оказалось, и при разборѣ „умственныхъ запасовъ“ большинства нашихъ „дѣтей-юношей“. Вотъ тутъ и возликовали эгоистически-свокорыстные инстинкты господъ Негоревыхъ. Каждое сомнѣніе, каждое недоумѣніе, каждая неясность мысли и противорѣчивость вывода приводила ихъ въ восторгъ.

„Вотъ каковы ваши *святые истины*, ваши *глубокія убѣжденія!* да они гроша мѣднаго не стоятъ! Это просто сумбуръ, кое-какъ схваченные вершки!“ Удивительно! эти и подобныя имъ фразы мы слышали прежде всего отъ самихъ „дѣтей“; Писемскіе, Гончаровы и Достоевскіе пошли только по слѣдамъ гг. Стебницкихъ. Но это такъ и должно было случиться. Для Николаевъ Негоревыхъ было въ высокой степени необходимо поскорѣе убѣдиться, что тѣ „идеи“, которыми они стали-было увлекаться, которыя заставили ихъ-было на минуту забыть объ интересахъ собственнаго благополучія, — что идеи эти „гроша мѣднаго не стоятъ“, что все это „суета суетъ, и всяческая суета!“ И вотъ, съ ловкостью продажныхъ софистовъ, они начали доказывать пустоту и несостоятельность мнѣній, получившихъ полное право гражданства въ „либеральномъ“ міросозерцаніи „дѣтей“; съ неутомимостью кротовъ стали они под-

капываться подъ „зданіе всего нашего либерализма“, и увѣрили-таки себя, наконецъ, что „зданіе это построено на пескѣ“ (т. II, стр. 111). Дойдя до этой увѣренности, они свободно вздохнули; грузъ несносныхъ „идей“ и „теорій“ свалился съ ихъ плечъ, и ихъ плотоядные инстинкты закопошились въ нихъ съ новою силою; и ихъ умъ, по прежнему, вступилъ въ привычный кругъ ассоціаций, по прежнему, направилъ всю свою дѣятельность на интересы „личнаго благополучія и самосохраненія“. Освободившись отъ глупаго пристрастія къ „идеямъ“ и „теоріямъ“, искусившись въ „подкапываніи зданія либерализма“ и никогда серьезно не исповѣдывавши отсталой доктрины „консерватизма“, эти „дѣти“ были приготовлены ко всякаго рода поприщу, и на какое-бы поприще они ни устремились—они вездѣ могли надѣяться достигнуть „благополучія“. И ихъ надежда не обманула ихъ.

VII.

Негоревъ скоро замѣтилъ, что „подкапываться подъ зданіе либерализма“, разрушать обаяніе „новыхъ идей“, было выгодно въ двоякомъ отношеніи. Съ одной стороны, умъ освобождался отъ „неблагоразумнаго“ увлеченія этими идеями, съ другой—въ кругу подобныхъ себѣ преждевременно состарѣвшихся юношей, можно было прослыть за умнаго или, по крайней мѣрѣ, самостоятельно-мыслящаго человѣка. Правда, въ первые моменты „увлеченія“, высказывать свои сомнѣнія было не слишкомъ-то практично. И я думаю, нашъ герой держалъ въ это время языкъ за зубами. Но когда въ головахъ большей части дѣтей, по причинамъ, объясненнымъ выше, началось нѣкоторое *шатаніе* мысли, когда роковой вопросъ, „что дѣлать?“ опредѣлился передъ ними во всей своей запутанной сложности, и они не чувствовали въ себѣ достаточно умственной силы, чтобы распутать эту сложность, о, тогда настало время Негоревыхъ! Они гордо подняли голову и громко-гласно начали ораторствовать о „невыдержанности молодого поколѣнія“ (забывая, что сами они „плоть отъ плоти его, кость отъ кости“), о суетности, верхоглядствѣ „глухихъ дѣтей“, о непрактичности и безсмыслии ихъ „порываній“, ихъ „юноше-

скихъ стремленій“ и „либеральныхъ увлеченій!“ „Знаете-ли, ораторствуетъ одинъ изъ этихъ преждевременно состарѣвшихся „дѣтей“ передъ нѣкоторою барышней, еще къ чему-то „порывающеюся и стремящеюся“,—знаете-ли, мы, право, похожи на людей, которые, ни съ того ни съ сего, „начали собираться въ дорогу: сложили вещи, отслужили напутственный молебень, простились съ родными... запряжены лошади, какъ вдругъ оказывается, что мы не знаемъ куда ѣхать. Остаться, послѣ всѣхъ приготовленій, дома—стыдно, а для путешествія нѣтъ никакой опредѣленной цѣли. Вотъ теперь мнѣ такъ и кажется, что вы, въ положеніи подобной путешественницы, спрашиваете меня, куда лучше съѣздить—въ Москву или въ Пятигорскъ“.—„Положимъ такъ! Мнѣ стыдно оставаться дома, смѣясь сказала Ольга (такъ звали эту „еще къ чему-то стремящуюся и порывающуюся“ барышню),—нужно же рѣшить вопросъ, что лучше, Москва или Пятигорскъ. Я предполагаю вотъ что...“ (т. II, стр. 112, 113) и барышня начала развивать проектъ швейной артели, которую она хотѣла устроить. Она наивно воображала, что этотъ „самостоятельно-мыслящій и выдающій себя за „практика“ юноша подастъ ей какой-нибудь дѣльный, благотворный совѣтъ. Но Негоревъ, разувѣтсся, осмѣялъ ее; онъ пустилъ въ ходъ нѣкоторыя изъ тѣхъ мипъ, съ помощью которыхъ пробовавъ, вѣроятно, подкапываться подъ „зданіе либерализма“, и доказалъ ей „безъ особеннаго труда“ (какъ онъ самъ рассказываетъ, ib), что „если она будетъ дѣлать заработокъ поровну, то мастерицы сочтутъ ее дурой“. „Я ихъ хитростями доведу до того, что онѣ сами потребуютъ у меня того, что нужно“, старалась бѣдная барышня оспаривать софистическую аргументацію „практическаго юноши“.—„Это будетъ интересная партія въ дураки, отвѣчалъ ей неустрашимый Негоревъ. Они — дѣти, неумѣющіе играть, а вы—нянька, желающая тѣшить ихъ выигрешемъ... Но нужно много хитрости, чтобы у васъ не выходилъ розыгрышъ и чтобы вы всегда оставались...“ — „Дурой“, досказала Ольга... (т. II, стр. 113) и т. д. И въ голову бѣдной барышни, и безъ того не слишкомъ свѣтлую, вмѣсто ожидаемыхъ разъясненій, вносятся только новыя сомнѣнія, новыя неразрѣшимые вопросы. Боже мой, Боже мой, что же дѣлать?—„Не такъ

же мы въ самомъ дѣлѣ тупы, восклицаетъ злосчастная Ольга, — что не можемъ сдѣлать для общества ничего полезнѣе, кромѣ обученія грамотѣ двухъ, трехъ ребятишекъ... (стр. 111). Ужасно скверно. Отравиться, утопиться, надо что-нибудь сдѣлать такое, съ отчаяніемъ и опустивъ руки проговорила она. — Если-бъ нашелся сильный человѣкъ, который протянулъ-бы мнѣ руку, я-бы пошла за нимъ въ адъ... Такъ все это надоѣло, вы не повѣрите; мнѣ до боли иногда хочется убить кого-нибудь или себя убить!" и т. д. (стр. 115). Но могъ-ли „ребенокъ“ негоревскаго закала понять эту страшную скорбь, эту жгучую муку, угнетавшую и терзавшую бѣдныхъ „дѣтей"? Могъ-ли онъ увидѣть въ этихъ порывистыхъ и жгучихъ до боли фразахъ что-нибудь кромѣ напускнаго трагизма и пошленькаго „интересничанья"? Когда Ольга говоритъ ему о „сильномъ человѣкѣ", Негоревъ думаетъ, что это она ему дѣлаетъ „авансъ"; когда несчастная дѣвушка въ отчаяніи ломаетъ передъ нимъ руки, онъ успокоиваетъ ее словами: „это идеализмъ въ васъ все ходить." Да, конечно, это идеализмъ, но вѣдь не всѣ же могутъ быть такими реалистами, какъ гг. Негоревы. Ихъ, напришѣрь, уже не смущаетъ несносный вопросъ: что дѣлать? они рѣшили его весьма просто и для себя вполне удовлетворительно: „дѣлать надо то, что выгодно для насъ". „Идеи", „отвлеченныя теоріи", „общая польза" все это только тогда удостоивается ихъ вниманія, когда можетъ имѣть прямое и непосредственное отношеніе къ интересамъ ихъ „личнаго благополучія". Отискивать, выслѣдить и точно опредѣлить это отношеніе, — въ этомъ заключается, главнѣйшій образомъ, вся самостоятельная дѣятельность ихъ ума. Потому, съ одной стороны, объ нихъ совершенно справедливо можно сказать, что они „свободны отъ всякихъ идей", а съ другой — не менѣе справедливо и то, что они постоянно возятся съ какою-нибудь идеею и эксплуатируютъ ее въ своихъ интересахъ. Но искренніе сторонники этой идеи поступать крайне глупо, если вздумаютъ возлагать на нихъ какія-нибудь надежды: они отрекутся и отъ нея, и отъ ея защитниковъ, при первомъ удобномъ случаѣ. Если сегодня они „подвываются подъ зданіе либерализма", то завтра, если понадобится, они съ такою-же развязностью будутъ „подкапываться подъ зданіе консерватизма..." „Что такое общее благо? — дичь въ родѣ

искуства для искусства“, разсуждает Негоревъ, когда къ нему явился его братъ и предложилъ принять участіе въ нѣкоторомъ идеальномъ обществѣ. Негоревъ отказывается, но почему? послушайте: „Если-бы я не сомнѣвался въ успѣхѣ, я-бы на колѣняхъ просилъ тебя принять меня въ свое общество. Ты сдѣлаешься министромъ, а я былъ-бы губернаторомъ...“ (т. II, стр. 126 и др.).

Стоя *онъ* всякихъ умственныхъ принциповъ, они точно также стоятъ и *онъ* вслѣхъ нравственныхъ принциповъ. Въ области морали, ихъ умъ точно также признаетъ *нравственнымъ* лишь то, что для нихъ выгодно. Но тутъ имъ гораздо легче обмануть поверхностныхъ людей, чѣмъ во всѣхъ другихъ сферахъ ихъ отношеній. „Людьми съ твердыми убѣжденіями“ ихъ, конечно, никто не назоветъ, но весьма многіе называютъ ихъ „честными и нравственными людьми“, въ обыденномъ смыслѣ этого слова. Не трудно понять, отчего это происходитъ. Категория поступковъ, подгоняемыхъ *по общепризнанному толкованію*, подъ рубрику: „безчестныхъ и безнравственныхъ“, весьма ограничена и, въ большей части случаевъ, эти поступки всегда обращаются къ личной невыгодѣ лица, совершающаго ихъ. Не нужно слишкомъ большой умственной проницательности, чтобы видѣть, что „интересы собственнаго благополучія“ тѣсно связаны съ интересами общепринятой идеи о „чести и нравственности“. И „благополучные россияне“ не такъ близоруки, чтобы просмотрѣть эту связь. Вы можете быть увѣрены, что они никогда не „вытащутъ платка изъ вашего кармана“, что деньги, которыя они у васъ заняли, вы получите въ срокъ, что они не обольстятъ невинной дѣвушки, что они не подтасуютъ карты и т. п. Вы можете быть увѣрены, что каждый воръ, убійца, мошенникъ найдетъ въ лицѣ ихъ строгаго и безошаднаго судью. Еще маленькимъ мальчикомъ Негоревъ съ глубокимъ презрѣніемъ относился ко всякаго рода открытымъ покушеніямъ на чужую собственность. Когда маленькій Новицкій, въ припадкѣ откровенности, сообщилъ ему, что онъ „утянулъ“ на станціи складной ножикъ, вся цѣпа котораго была грошъ, будущій „благополучный россиянинъ“ пришелъ въ величайшее негодованіе отъ такой „возмутительной испорченности“ своего юнаго товарища и былъ крайне удивленъ, что его отецъ и братъ отнеслись весьма снисходительно къ такому вѣроломному „злодѣянію“ и не за-

клеили гнуснаго преступника своимъ презрѣніемъ (см. т. I, стр. 35—38). Правда, когда „злумышленные покушенія“ на карманы ближнихъ производятся людьми не столь несчастными и обиженными судьбою, какимъ былъ Новицкій (во время эпизода съ ножикомъ), Негоревъ удерживаетъ въ весьма скромныхъ предѣлахъ пылъ своего благороднаго негодованія, и его порицанія смягчаются „милою улыбкою“ и дружескимъ пожатіемъ руки. Такъ въ періодъ уже своего „благополучія“ онъ столкнулся съ нѣвѣжкѣмъ великосвѣтскимъ негодеемъ Стернемъ. Дѣла, которыя совершала этотъ Стернь, были гораздо похуже, чѣмъ „посягательство“ маленькаго Новицкаго на грошевый ножикъ, и онъ не стѣсняясь рассказываетъ о своихъ подвигахъ своему высоко-нравственному пріятелю; высоко-нравственный пріятель не отворачивался отъ него „съ отвращеніемъ“ и презрѣніемъ, какъ онъ отвернулся когда-то отъ Новицкаго, онъ не говорилъ ему, какъ говорилъ послѣднему: „ты воръ, а я съ ворами не хочу имѣть дѣла“, нѣтъ онъ только улыбался и осторожно замѣчалъ: „вѣдь это мерзко и подло“. Но и это замѣчаніе, приправленное улыбками, казалось ему весьма „смѣлою безцеремонностью“, и онъ отваживался на эту безцеремонность только потому (какъ самъ рассказываетъ), что Стернь „былъ очень милъ“ и ни мало его не обижался, а напротивъ, приходилъ отъ нея даже въ нѣкоторый восторгъ (см. т. II, стр. 250—251). Если-бы Стернь былъ не его великосвѣтскимъ пріателемъ, а какою-нибудь ничтожною, ни для чего ему *ненужною* личностью, онъ-бы съ негодованіемъ прогналъ его отъ себя прочь, и, при встрѣчѣ, не протянулъ-бы ему руки. Кто же, послѣ этого, рѣшится сказать, что у „благополучнаго россиянина“ нѣтъ „нравственныхъ принциповъ?“ Однако, у него ихъ все-таки нѣтъ. Его честность (т. е. то, что въ обыденномъ смыслѣ называется честностью) основана на твердой увѣренности, что, *по общему правилу*, выгодно не дѣлать того, чего не одобряетъ такъ называемая „общественная совѣсть“. Но вѣдь нѣтъ правила безъ исключенія. Негоревы очень хорошо это знаютъ. И потому въ тѣхъ случаяхъ, когда не можетъ существовать полной увѣренности въ солидарности „честности“ и „личной выгоды“, они тщательно и всесторонне разсматриваютъ всѣ выгодныя и невыгодныя послѣдствія даннаго поступка, и если первыхъ оказывается болѣе послѣднихъ, они

уже не стѣняются, затѣмъ, никакими „нравственными категоріями“. Въ этихъ „исключительныхъ случаяхъ“ они становятся выше пошлыхъ предписаній „мищанской морали“ и называютъ „честность“ „излишнею“ и „непрактическою“ *деликатностью*. Такой „исключительный случай“, хоть разъ въ жизни, почти всегда выпадаетъ на долю „благополучныхъ россиянь“, и на немъ-то обыкновенно и осповывается ихъ „вышнее благополучіе“. Съ его помощью они дѣлаютъ „свою карьеру“ и преуспѣваютъ на всевозможныхъ поприщахъ „общепользующей дѣятельности“. И Негорева судьба не обидѣла. У него, кромѣ Стерна, былъ еще подобный-же пріятель фонъ-Кронъ. Пріятель этотъ находился въ связи съ дочерью нѣкотораго генерала, протекціи котораго искалъ нашъ герой. Случайно Негоревъ узнаетъ, что у Крона есть письмо отъ генеральской дочки, въ которомъ послѣдняя проситъ своего возлюбленнаго поспѣшить „предложеніемъ“, и сообщаетъ, что ея беременность скоро можетъ обнаружиться, такъ-какъ сдѣланныя ею попытки къ вытравленію плода оказались неудачными. Воспользовавшись крайностью и простодушнымъ легкомысліемъ своего пріятеля, Негоревъ покупаетъ у него это письмо за 300 руб., отправляется къ отцу „преступной“ дочки, даетъ ему понять, „что дѣло о вытравленіи плода, несмотря на его связи, замаять невозможно“, и генераль кончаетъ тѣмъ, что предлагаетъ „высоко-нравственному“ человѣку жениться на его дочери. Нечего и договаривать, что „благополучный россиянинъ“ соглашается; „выгодный бракъ“ окончательно упрочиваетъ его карьеру и доводитъ его до той желанной вершины „благополучія“, на которой ждали его мягкія кресла „статскаго совѣтника“.

VIII.

Но этотъ циническій эгоизмъ, это полнѣйшее безразличіе въ сферѣ отношеній и нравственныхъ, и чисто-умственныхъ, это равнодушное, безучастное отношеніе ко всѣмъ интересамъ мысли, несвязаннымъ съ интересами собственнаго благополучія, еще не составляетъ своеобразной, отличительной черты, характеристической

особенности „благополучныхъ россіянъ“. Черта эта, собственно говоря, свойственна имъ со всѣми пошляками всѣхъ возрастовъ и поколѣній; она не связываетъ; напротивъ, отдѣляетъ ихъ отъ всѣхъ прочихъ „дѣтей“ вторичной формаціи. И если-бы она одна составляла главную, выдающуюся особенность ихъ внутренней фізіономіи, то я не имѣлъ-бы ни малѣйшаго права выводить „благополучныхъ россіянъ“ изъ одного корня съ злополучными, считать ихъ двумя вѣтвями одного и того же дерева. Выше, въ общей характеристикѣ „дѣтей“ этой формаціи было уже сказано, что преобладающею чертою въ характерѣ этихъ „дѣтей“ является подчиненіе всего окружающаго своему я, всѣхъ сознательныхъ движеній животному инстинкту или, выражаясь неточнымъ языкомъ общежитія, господство *ума* надъ *чувствомъ*. Отсюда та „черствость“ и то „резонерство“, которыя такъ антипатичны натурамъ противоположнаго типа,—которыя придаютъ столько оригинальности и могучей силы „овѣринцамъ“, и которыя сообщаютъ эгоизму „негоревцевъ“ такой отталкивающей, такой отвратительный характеръ. Именно изъ этой-то своей способности къ резонерству негоревцы почерпаютъ то „чувство собственного достоинства“ и ту самоувѣренность, которыя такъ рѣзко отличаютъ ихъ отъ ихъ отцевъ. А ихъ „черствость“ и „бездушіе“ дѣлаютъ для нихъ не слишкомъ труднымъ неуклонное и неутомимое преслѣдованіе одной данной, опредѣленной цѣли, вносить въ ихъ дѣятельность тотъ порядокъ и то „гармоническое единство“, которыя не всегда встрѣчались въ дѣятельности ихъ отцевъ и которыя создали имъ репутацію „вполнѣ основательныхъ и солидныхъ“ молодыхъ людей.

Въ умственной жизни этихъ „вполнѣ основательныхъ и солидныхъ молодыхъ людей“ вы встрѣчаете, повидимому, нѣкоторое странное противорѣчіе. Съ одной стороны, никто болѣе ихъ не расположенъ относиться къ серьезнымъ интересамъ мысли съ презрительнымъ равнодушіемъ нахальнаго и поверхностнаго невѣжды; никто менѣе ихъ не связываетъ своей дѣятельности какими нибудь „предвзятыми теоріями“, какими нибудь „отвлеченными принципами“. Съ другой—у нихъ на каждый частный случай имѣется готовая теорія, — каждый свой поступокъ они оправдываютъ логическимъ разсужденіемъ, каждое помысловеніе своихъ плотоядныхъ инстинктовъ—они выводятъ изъ того или

другого теоретическаго принципа. Благодаря этому обстоятельству, они совершенно и вполнѣ гарантированы отъ сознанія своей низости и подлости. Даже когда ихъ ближніе называютъ ихъ въ лицо подлецами и мерзавцами, они нисколько не конфузятся: имъ кажется только, что эти ближніе ихъ „не понимаютъ“, что они судятъ слишкомъ легкомысленно, пристрастно или вообще „глупо“. Когда отъ Негорева начали отвергиваться его товарищи по ученической скамьѣ, когда не только въ братѣ, въ сестрѣ, но даже въ такой низерности, какъ Малининъ, онъ замѣтилъ перемѣну въ отношеніяхъ къ нему, замѣтилъ, что они „какъ будто поохладѣли“ и „стали его дичиться“,—онъ удивляется, и удивляется совершенно искренно; онъ недоумѣваетъ, чѣмъ объяснить эту перемѣну,—онъ не чувствуетъ за собою ничего дурнаго. „Не знаю, наивно оканчиваетъ онъ свою біографію,—въ чемъ я именно измѣнился, но Лиза (его сестра), не смотря на мои ласки, не перестала какъ-то дичиться меня и мало-помалу между нами установились холодныя отношенія“. (Т. 2. стр. 265). Когда его бывшій гимназическій товарищъ, а нынче управляющій его домоу, вышелъ однажды изъ себя, сталъ обвинять его въ погибели другого ихъ общаго товарища Новицкаго (того самаго, который укралъ, во дни юности, складной ножичекъ) и назвалъ Негорева подлецомъ, Негоревъ спокойно велитъ позвать полицію и отвести его въ часть (см. т. 2, стр. 266—269),—спокойно смотреть онъ изъ окна, какъ городской съ дворникомъ ведутъ, по его приказанію, въ часть двухъ его товарищей... и, подобно фарисею, возсылаетъ благодареніе Богу, что онъ,—„благополучный россиянинъ“, не похожъ на „мытарей сихъ“. И никогда, ни разу, въ его душу не закралась даже и тѣнь сомнѣнія въ его честности; отъ твердо убѣжденъ, что онъ всегда поступаетъ „какъ слѣдуетъ“, и что поступать иначе было-бы крайне „глупо“. Вотъ эта-то черта характера „благополучныхъ россиянь“, это благодушное отношеніе къ самому себѣ, это ничѣмъ непоколебимая самоувѣренность и ничѣмъ ненарушимое самодовольство чрезвычайно тонко и вѣрно подмѣчены г. Кушевскимъ. Вездѣ и всегда его герой является одинаково самоувѣреннымъ и самодовольнымъ,—эти самоувѣренность и самодовольство особенно рельефно выражаются въ самомъ тонѣ автобіографіи,—тонѣ вездѣ ровномъ и спокойномъ, немножко насмѣшли-

вомъ и подчасъ даже ироническомъ. Герой далекъ отъ мысли защищаться или оправдываться; вы чувствуете, что онъ рѣшительно неспособенъ даже и представить себѣ, чтобы умный человекъ, какимъ онъ себя считаетъ, — могъ иначе поступать и мыслить, чѣмъ онъ. Самые возмутительные свои пассажи, въ родѣ исторіи съ генеральской дочкой, — онъ рассказываетъ такъ просто и съ такою увѣренностью въ своей правотѣ, что нельзя даже и предположить, чтобы въ его душѣ существовали какія-бы то ни было сомнѣнія насчетъ нравственнаго достоинства его образа дѣйствій. Очевидно, что такихъ сомнѣній у него и не можетъ существовать; его гибкій умъ, отъ юности привыкшій вращаться въ ограниченномъ кругѣ ассоціацій идей, всегда съумѣетъ разсѣять и уничтожить ихъ, — всегда съумѣетъ оправдать и доказать логическую необходимость того именно образа дѣйствій, который наиболѣе соотвѣтствуетъ „интересамъ личнаго благополучія“. Но ненужно думать, будто эти оправданія являются всегда „заднимъ числомъ“, — нѣтъ, его умъ настолько уже изловчился и настолько развился подъ вліяніемъ „новыхъ идей“, что умѣетъ создавать и усваивать „заранѣе“, *напередъ*, такія именно теоріи и аргументы, которые впоследствии могутъ пригодиться для защиты того или другого своекорыстнаго поползновенія его плотоядныхъ инстинктовъ. Если связь между усвоенными такимъ образомъ теоріями и своекорыстными интересами человека вообще слишкомъ осязательна, несомнѣнна и постоянна, то „благополучный россиянинъ“ прикрѣпляется къ этимъ теоріямъ всею своею душою и проповѣдуетъ ихъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда *его личные интересы „данной минуты“* нисколько и не затрагиваются ими. Такъ Негоревъ, еще юношей, уже проповѣдуетъ теорію „рабства женщины“ и вооружается по принципу противъ тѣхъ женщинъ, которыя мечтаютъ о полноправности половъ, и не ограничиваютъ своего назначенія скромною ролью *покорной жены и любящей матери*; такъ онъ возмущается посягательствомъ Новицкаго на складной ножикъ, и считаетъ „подлостью“ выманывать хитростями чужія деньги *a la Стернь*; Когда онъ задумалъ жениться на Софьѣ Васильевнѣ, воображая, что она вполне можетъ удовлетворить его идеалу „покорной и преданной“ жены, онъ просто прерываетъ свою связь съ Аннинькою, хотя Аннинька не прочь продолжать свои отношенія къ

пему. „Женись, говоритъ она ему, — я буду твоей любовницею, твоей слугой, я буду цаловать твои ноги; я твоя раба“. — „Выслушай меня, спокойно резонируетъ „благополучный россиянинъ“, — если я женюсь на другой, я не буду твоимъ любовникомъ“. Но Аннинька не хочетъ слушать никакихъ резонансовъ и настаиваетъ на продолженіи связи; тогда Негоревъ принимаетъ болѣе рѣшительный тонъ и торжественно объявляетъ: „между нами все кончено и мы больше никогда не увидимся одинъ на одинъ“ (т. 2, стр. 181). „Я, рассказываетъ онъ далѣе, не желалъ быть развратнымъ, и, даже не рѣшая теперь вопроса о бракѣ, долженъ былъ непремѣнно сдѣлать выборъ. Я обвѣихъ (Анниньку и Софью Васильевну) любилъ одинаково, и мнѣ было рѣшительно все равно, которая изъ нихъ будетъ моею женою. Мнѣ было жаль огорчить одинаково ту или другую, но огорчить было необходимо: по своей натурѣ и по своимъ убѣжденіямъ я хотѣлъ быть спокойнымъ семьяниномъ, и имѣлъ положительное отвращеніе ко всякимъ любовнымъ интригамъ“ (т. 2, стр. 177).

И какою полною, абсолютною неспособностью испытывать сильныя, рефлективные, симпатическія чувствованія одарены эти натурашки,—это совершенно ясно видно изъ отношеній Негорева къ Аннинькѣ и Софьѣ Васильевнѣ. Обѣ эти барышни были влюблены въ него, и онъ былъ влюбленъ въ нихъ, — но какъ? онъ даже не могъ дать себѣ отчета, которая изъ нихъ лучше и которую именно онъ любитъ. Ему казалось, что онъ любитъ обвѣихъ, въ одинаковой степени! Какъ высока была эта степень, мы можемъ судить по приведенной выше сценѣ его разставанія съ Аннинькой. Аннинька, въ порывѣ отчаянія, въ порывѣ своей безумной, животной любви,—желая вернуть къ себѣ такъ внезапно потеряннаго любовника,—думаетъ пробудить въ немъ чувство ревности. Она бросается на шею къ его брату, дѣлаетъ его своимъ любовникомъ,—но это только еще дальше отталкиваетъ отъ нея „благополучнаго россиянина“; она становится теперь для него „потерянною женщиною“, а „потерянная женщина“, конечно, можетъ возбуждать только презрѣніе и отвращеніе къ себѣ въ такихъ „высоко-нравственныхъ людяхъ“, какъ господа Негоревы. И Негоревъ совершенно спокойно и равнодушно смотритъ, какъ эта больная и несчастная женщина,—такъ еще недавно любимая имъ,—постепенно доходитъ до положенія „про-

ститутки“. Онъ радуется, что такъ скоро и во время отдѣла-
 ся отъ этой страстной любовницы, которая общалась съ нимъ
 такою „безпокойною“ женою. — Такою-же отталкивающею без-
 чувственностью отличается и его любовь къ Софьѣ Васильевнѣ.
 Софья Васильевна долго боролась съ своею любовью, но нако-
 нецъ, рѣшилась высказать ее, — не на словахъ, конечно — для та-
 кого простого способа объясненія нашъ холодный и вѣчно резо-
 нерствующій герой давалъ слишкомъ мало поводовъ — она выска-
 зала ее въ письмѣ. „Прочитайте, прошептала она — (для болѣе
 наглядной характеристики „благополучнаго россиянина“ я пере-
 дамъ эту сцену *перваго любовнаго объясненія* его собственными
 словами) — „прочитайте, — прошептала она, останавливаясь передо
 мной въ выжидающей позѣ, опустивъ свои коротенькія ручки
 по складкамъ платья. — Я не безъ изумленія вскрылъ конвертъ.
 Письмо было писано рукой Софьи Васильевны... (слѣдуетъ со-
 держаніе письма, которое можно и не приводить)... Я прочиталъ
 еще разъ фразу — *я убѣдилась, что люблю васъ*, потомъ еще
 разъ, признаюсь, не безъ волненія, перечиталъ все письмо. Я
 чувствовалъ, что Софья Васильевна пристально смотритъ на меня,
 и боялся поднять глаза. — „Глупо“? спросила она. Нечего и го-
 ворить, что я ни на секунду не колебался выразить ей свое со-
 чувствіе, но какое-то проклятое смущеніе мѣшало мнѣ сдѣлать
 это такъ ловко и удобно, какъ-бы хотѣлось. — „Глупо“? — повто-
 рила Софья Васильевна. — „Напротивъ, очень, очень“... „Умно“,
 хотѣлъ я сказать, но остановился передъ этою плоскостью. Я
 всталъ съ мѣста, зажегъ спичку и началъ смотрѣть (*молча, ра-
 зумнется*), какъ горѣло письмо, брошенное мною на полъ. Ког-
 да остался одинъ черный пепелъ, по которому изрѣдка только
 прыгали огненные искорки, *я совершенно успокоился*, и взялъ
 шляпу. — „Завтра утромъ я зайду къ вамъ“, сказала я (т. 2,
 стр. 176). И онъ ушелъ. А дорогою, знаете-ли, о чемъ онъ
 думалъ? Знаете-ли какія чувства волновали его душу? — „Прежде
 всего, — рассказываетъ онъ, — мнѣ, правду сказать, было немно-
 го *смѣшно* вслѣдствіе странной сцены у Софьи Васильевны, но,
 можетъ быть, я смѣялся и отъ радости. Впрочемъ, радоваться
 особенно было нечему, *исключая, развѣ поощреннаго самолюбія*“. —
 Ему хотѣлось, затѣмъ подумать, кто лучше: Аннинька или Софья
 Васильевна, и которая изъ нихъ болѣе годится въ жены „бла-

гополучному россиянину“, — „но вмѣсто того, чтобы обдумывать теперь строго и серьезно свое положеніе, я увлекся“, продолжаетъ разсказывать Негоревъ, — „довольно страннымъ чувствомъ. Веселость, вызванная воспоминаніями о сценѣ съ письмомъ, скоро замѣнилась чѣмъ-то похожимъ на жалость, отъ которой сжималось сердце. Я чувствовалъ себя безконечно сильнымъ сравнительно съ бѣдной дѣвушкой, у которой первое чувство смяло всѣ ея безсильныя теоріи и убѣжденія, взлелѣянныя съ такою заботливостью. Я испытывалъ то непріятное сознаніе своей силы, какое испытываешь, стоя передъ гнѣздомъ ласточки, гдѣ она такъ заботливо хоронитъ своихъ дѣтенышей“ и т. д. и т. д. (т. 2, стр. 178). Какъ вамъ нравится этотъ пошлый, тщеславный, холодный резонеръ, съ атрофированнымъ чувствомъ симпатіи? — Дѣвушка, которую онъ любитъ (настолько, разумѣется, насколько онъ можетъ любить), которую онъ хочетъ сдѣлать своею женою, — объясняется ему въ любви, — на минуту, онъ приходитъ въ волненіе, но и это волненіе не препятствуетъ ему резонировать: онъ ищетъ, онъ придумываетъ слова, какъ-бы „ловчѣе и удобнѣе“ отвѣтить на ея объясненіе. Онъ боится, — какъ-бы не сказать какой-нибудь глупости... онъ молчитъ, — онъ задерживаетъ свободное теченіе симпатическаго чувства, и превращаетъ его въ холодную рефлексію. Прежде чѣмъ коротенькое письмо успѣло догорѣть, онъ уже *вполнѣ успокоивается* и, церемонно раскланявшись, уходитъ. Посторонній человѣкъ ни за что-бы не догадался, что это сожженное письмо — было любовное объясненіе и что этотъ двадцати-лѣтній юноша прощается съ женщиною, только-что сказавшею ему: я убѣдилась, что васъ люблю“. И вѣдь это не наружное только, напускное спокойствіе, нѣтъ — внутреннее и вполнѣ естественное. Онъ думаетъ не о женщинѣ, которая его любитъ, не о своей любви къ ней, онъ не волнуется, онъ не испытываетъ той непосредственной, безпричинной (повидимому) радости, которая всегда сопровождаетъ сильныя нѣжно-симпатическія чувства, — нѣтъ, его радость весьма опредѣленна и резонна: онъ находитъ, *что самолюбіе его польщено*; онъ тѣшитъ свое ребяческое тщеславіе гордымъ сознаніемъ своей побѣды; онъ приписываетъ эту побѣду превсходству своей умственной силы: „такъ вотъ, — думаетъ онъ, — что ты взяла со всѣми своими теоріями и принципами (Софья Васильевна — изо-

бражаетъ собою нѣкоторую яко-бы *нигилистку*, — занимается „науками“ — естественными, конечно, живетъ „своимъ трудомъ“, и держится либеральныхъ убѣжденій), — стоило тебѣ увидать *меня*, „благополучнаго россиянина“, — и куда дѣвалась вся твоя гордость и стремленія къ независимости, — ты лежишь у ногъ моихъ, и съ трепетомъ ждешь моего отвѣта. Вотъ какой я молодець! Вотъ какъ я могучъ, какъ я силенъ“. На другой день Николай Негоревъ уже вполне овладѣлъ собою; даже *радость польщеннаго самолюбія* не волновала его. „Я, рассказываетъ онъ, — хорошо обдумалъ, какъ нужно вести себя и не чувствовалъ ни малѣйшей неловкости“. „Намъ придется поговорить довольно подробно“, сказалъ я, взявъ ее за руки и усаживая на стулъ. По лицу ея разлился широкій румянецъ, глаза блестѣли кроткимъ участіемъ. Она, казалось, не могла и не хотѣла говорить. — „Согласны-ли вы быть моею женою?“ — спросилъ я, пожимая ея маленькую ручку. — „Да; но подождите, дайте мнѣ немного вздохнуть!“ съ своей большой улыбкой сказала она, слегка коснувшись своими тонкими пальцами моей руки. — „Мѣсяца черезъ два, сказалъ я: — я выдержу экзаменъ и мы тогда можемъ обвѣнчаться. Поцѣлуйтеся“. — Софья Васильевна съ улыбкой подняла голову и мы поцѣловались, если можно такъ сказать, разсудительнымъ поцѣлуемъ“... — „Мнѣ очень понравилось въ невѣстѣ отсутствіе всякаго нахальства страсти и разнузданности чувствъ. Я пожалъ ей руку и сказалъ, что мы будемъ счастливы“ (стр. 184, т. II). Сцена эта не нуждается въ объясненіи. Вы ясно видите, что это не живой человѣкъ, а резонерствующій чурбанъ. Вы скажете, быть можетъ, что въ этомъ случаѣ „шапка пришлась вполне по Сенькѣ“ и что сама дама выказала не менѣе *чурбанныхъ* свойствъ, чѣмъ и ея кавалеръ. Но не забывайте, что сцена эта рассказываетъ Негоревымъ; тонъ и способъ разсказа, то освѣщеніе, въ которомъ онъ выставляетъ Софью Васильевну, — все это можетъ служить матеріаломъ только для его характеристики, а отнюдь не для характеристики „дамы его сердца“. „Дама его сердца“ могла бы вести себя такимъ образомъ, какъ онъ это описываетъ, только въ томъ случаѣ, если-бы и въ ея чувствѣ къ Негореву, какъ въ его къ ней, элементъ рефлексивный, интеллектуальный, рѣшительно преобладалъ надъ элементомъ непосредственно-рефлексив-

нымъ, чувственнымъ. Но очевидно, что этотъ случай не могъ имѣть мѣста. „Разсудительной“, по преимуществу интеллектуальной любви такая особа, какъ Софья Васильевна, никогда не могла чувствовать къ такому субъекту, какъ нашъ „благополучный россіянинъ“. Ихъ убѣжденія, ихъ взгляды, направленіе ихъ ума—все было различно. Въ минуты сознательнаго размышленія онъ долженъ былъ быть для Софьи Васильевны ничѣмъ инымъ, какъ своекорыстнымъ „пошлякомъ“. Если развитая и мыслящая женщина (какою авторъ хочетъ представить Софью Васильевну) влюбляется въ „благополучнаго россіянина“, то это ясный признакъ, что сфера чувствъ, сфера непосредственно-рефлективныхъ движеній взяла перевѣсъ надъ сферою движеній разсудительно-обдуманыхъ, интеллектуальныхъ, надъ умомъ; умъ этой женщины временно, какъ будто „затмѣвается“; сознательная мысль тонетъ въ потокъ бессознательныхъ чувствъ. При такомъ ненормальномъ душевномъ состояніи нужно обладать громадною силою воли, нужно дѣлать надъ собою страшныя усилія для того, чтобы сохранить ту сдержанность, ту приличную и разсудительную холодность, какую, по словамъ Негорева, сохраняла Софья Васильевна въ вышеприведенной сценѣ. Очевидно, Негоревъ былъ совершенно неспособенъ замѣтить эти ея усилія, эти страшныя напряженія ея воли; онъ воображалъ, что она такъ же спокойна, какъ и онъ. Онъ едва обращаетъ вниманіе на ея румянецъ, въ ея улыбкѣ онъ видитъ только болѣзненное выраженіе. Вотъ эта-то тупая непроницательность, эта-то неспособность симпатически относиться къ ближнему даже тогда, когда этотъ ближній—любимая дѣвушка,—вотъ это-то именно и рисуется въ настоящемъ свѣтѣ характеръ „благополучнаго россіянина“. — Неспособный самъ глубоко чувствовать, онъ совершенно неспособенъ понимать и чувства другихъ. Но всего рельефнѣе высказывается его резонерство и безчувственность въ его поведеніи, въ его словахъ и мысляхъ, когда онъ стоитъ надъ трупомъ Софьи Васильевны (см. 2 т. стр. 220—227) и въ сценѣ свиданія съ сестрой (т. 2, стр. 262 и др.). Въ обоихъ случаяхъ онъ старается подавить въ себѣ невольное вколыхнувшееся чувство—терлется, смущается, прискиваетъ и не находитъ приличныхъ выраженій; придумываетъ, какъ бы „лучше и ловчѣе“ сказать—и ничего не говорить. Чувствуетъ, что онъ ведетъ себя глупо, винить себя за безчувственность и еще

болѣе смущается и теряется. Такъ всегда бываетъ съ резонерами, привыкшими постоянно подавлять свои чувства, задерживать рефлексію всѣхъ непосредственныхъ, рефлексивныхъ движеній своей души. Впрочемъ, эти минуты смущенія у господъ Негоревыхъ очень мимолетны. Чувствительность ихъ уже давно приглушена и потому имъ очень легко совладать съ собою. Въ 20 лѣтъ Негоревъ уже говоритъ о себѣ: „я никогда не давалъ воли своимъ чувствамъ и приучился господствовать надъ ними“ (стр. 227). Ему стоило только очень небольшихъ усилій, чтобы отнестись „хладнокровно“ къ смерти своей невѣсты; но и за эти усилія онъ недоволенъ собою; ему-бы хотѣлось остаться „хладнокровнымъ“, безъ всякихъ усилій. Постоянно, такимъ образомъ, муштруя себя и резонируя, онъ, наконецъ, доходитъ до желаемой степени безчувственности; почти „хладнокровно“ выгоняетъ сестру (стр. 262—263) съ мужемъ (своимъ бывшимъ другомъ и товарищемъ по гимназіи), отправляетъ въ часть своихъ бывшихъ товарищей и подводитъ подъ уголовный судъ брата своей жены, — жены, которой онъ обязанъ и своимъ богатствомъ, и положеніемъ въ свѣтѣ. Но тутъ его внезапно постигаетъ такое обстоятельство, на которое, повидимому, никакъ нельзя-бы рассчитывать. „Благополучный россиянинъ“ на вершинѣ своего благополучія сталъ по временамъ испытывать приливы неожиданной тоски. Не уязвленное самолюбіе, не сознание своей низости, не недостатокъ вѣшняго почета — служили источникомъ этой тоски. Его репутація „въ его кругу“ — была, вѣроятно, безукоризненна; его самоувѣренность оставалась непоколебимою, и онъ и теперь, какъ прежде, твердо былъ убѣжденъ, что онъ всегда поступаетъ „какъ слѣдуетъ“. Что-же за причина его несчастья? Онъ чувствуетъ, что его никто не любитъ, что никто ему не симпатизируетъ, потому-что онъ самъ никого не любитъ и никому не умѣетъ симпатизировать; его холодная, животная безчувственность вѣхъ отъ него отталкиваетъ; и по мѣрѣ того, какъ онъ все ближе и ближе поднимается на вершину „благополучія“ — вокругъ него образуется „пустыня“. Первый разъ онъ замѣчаетъ эту „пустыню“ послѣ изгнанія своей сестры, тутъ въ первый разъ онъ ощутилъ незнакомое чувство такъ называемой „душевной пустоты“, тутъ въ первый разъ онъ пожалѣлъ о своей „черствости“. „До сихъ поръ, рассказываетъ онъ, — я всегда

подавлялъ въ себѣ чувствительность, но теперь мнѣ хотѣлось вызвать и расшевелить ее. Я былъ-бы очень доволенъ собою, если-бы почувствовалъ расположеніе заплакать по поводу ссоры съ сестрой. Употребляя фигурное выраженіе, я, такъ сказать, заморозилъ всѣ цвѣты въ своемъ сердцѣ и мнѣ хотѣлось теперь отогрѣть и сохранить послѣдній—мою привязанность къ сестрѣ“ (2 т., стр. 263). Слишкомъ поздно! Своекорыстная эгоистическая безчувственность всегда находитъ свое возмездіе въ самой себѣ. Я знаю, что мораль эта стара и общеизвѣстна, но все-таки она справедлива и „благополучные россияне“, рано или поздно, убѣдятся въ этомъ личнымъ опытомъ.

IX.

Та-же безчувственность и то-же резонерство составляютъ, какъ сказано выше, отличительную черту и въ характерѣ „овѣринцевъ“. Но вотъ что удивительно: безчувственность и резонерство „негоревцевъ“ отталкиваютъ, внушаютъ къ нимъ нѣчто среднее между презрѣніемъ и отвращеніемъ, создаютъ вокругъ нихъ „пустыню“. Напротивъ, тѣ-же качества у „овѣринцевъ“ не отталкиваютъ, а привлекаютъ къ нимъ, внушаютъ глубокую симпатію, создаютъ около нихъ тѣсно сплоченный кружокъ преданныхъ друзей. Любовь и дружба не находятъ себѣ дороги въ комфортабельные хоромы „благополучнаго россиянина“. Друзья юности, самые близкіе люди отворачиваются отъ Негорева, достигшаго вершины вѣшняго „благополучія“. Дружеская симпатія окружаетъ Овѣрина въ К—мѣ острогѣ; арестанты, совершенно чужіе и посторонніе ему люди, думаютъ и заботятся о немъ, какъ о самомъ близкомъ имъ человѣкѣ (см. т. 2, стр. 231 и др.); они дѣлятся съ нимъ своими скудными грошами, — и въ ихъ трогательномъ участіи такъ много деликатности, что вы ни на минуту не усумнитесь насчетъ истиннаго источника этого участія; вы понимаете, что эти люди искренно полюбили и привязались къ своему „злополучному“ товарищу. И во всѣхъ окружающихъ людяхъ Овѣринъ возбуждаетъ къ себѣ симпатію; въ него влюбляются даже заочно. Онъ — герой женщины. Ему никогда не придется, какъ Негореву, пожалѣть о томъ, что никто его не

любить; въ любви и симпатіи всѣхъ хорошихъ и честныхъ людей онъ никогда не будетъ чувствовать недостатка.

Почему-же два совершенно, повидимому, однообразныя качества порождаютъ такія противоположныя послѣдствія? Сопоставленіе вышнихъ отношеній Негорева и Овѣрина къ окружающимъ ихъ лицамъ даетъ вполне удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. У Негорева неспособность поддаваться влиянію непосредственно-рефлективныхъ, симпатическихъ чувствъ открываетъ полную, ничѣмъ несдерживаемую свободу для дѣятельности его эгоистически-своекорыстной мысли. Эта односторонне-направленная мысль, эти вѣчныя заботы „о своемъ благополучіи“ дѣлаютъ для него совершенно невозможнымъ понимать чужое горе и „становиться на мѣсто“ страдающаго человѣка. Поэтому въ его отношеніяхъ къ окружающимъ преобладающими чертами является суровая жестокость и рѣшительная неспособность и неумѣнье облегчать чужія страданія. Негоревъ, даже самъ того не желая, постоянно причиняетъ своимъ ближнимъ только зло. Онъ выдаетъ сестру, къ которой, какъ самъ признается, онъ былъ очень привязанъ, за пошлаго, глупаго и нелюбимаго человѣка; онъ грубо оскорбляетъ дѣвушку, которая страстно его любитъ и доводитъ ее до публичнаго дома; онъ губитъ жизнь своей жены; онъ мучитъ и унижаетъ товарищю своей юности; онъ дѣлаетъ зло и возбуждаетъ къ себѣ ненависть даже въ своихъ великосвѣтскихъ знакомыхъ. Совершенною противоположностью представляютъ отношенія Овѣрина. Онъ никому никогда не дѣлаетъ зла и каждый ближній всегда можетъ рассчитывать на его помощь. Когда еще онъ былъ въ гимназій, гимназисты, эти безцеремонныя попрошайки, совѣстились обращаться къ нему съ просьбами, потому-что знали, что онъ никому ни въ чемъ не отказываетъ. „Попросить у него булки, рассказываетъ Негоревъ, — считалось величайшимъ срамомъ. Онъ отдавалъ обыкновенно половину булки первому попросившему и если находился другой проситель, то Овѣринъ оставался голоднымъ“ (т. 1, стр. 73). И такимъ онъ остался на всю жизнь. Когда разъ нищая попросила у него милостыню и у него не было „мелкихъ“, онъ, ни на минуту не задумавшись, отдалъ 50-ти рублевую бумажку (т. 2, стр. 36). Эпизодъ съ сапожникомъ, перебравшимъ у Овѣрина не только всѣ деньги, но даже и платье (см. 2 т., стр. 55—58),

лучше всего можетъ объяснить намъ, почему окружающіе Овѣрина должны были относиться къ нему съ искреннею симпатіею. Человѣкъ, который умѣетъ такъ просто и легко входить въ наши нужды и съ такимъ полнымъ самозабвеніемъ удовлетворять нашимъ просьбамъ, всегда будетъ самою симпатичною и пріятною для насъ личностію. Въ основѣ человѣческихъ симпатій почти всегда лежитъ бессознательный расчетъ, поэтому мы всего болѣе склонны любить и симпатизировать тѣмъ людямъ, относительно которыхъ существуетъ мнѣніе, что на ихъ помощь всѣ и каждый всегда могутъ рассчитывать, — людямъ, которыхъ въ обществѣ обыкновенно называютъ „добрыми“. Источникомъ этой доброты можетъ быть или „непосредственная чувствительность“, или извѣстное развитіе и направленіе мысли; помогать людямъ можно или вслѣдствіе требованія сильно возбужденнаго чувства симпатіи, или въ силу требованія логики мысли. И, конечно, требованія перваго не могутъ отличаться тою рѣзкою опредѣленностью, тою разумною рѣшительностью, какою отличаются требованія послѣдней. Поэтому люди добрые въ силу извѣстнаго направленія своей мысли, по большей части, пользуются болѣе общою и постоянною любовью, чѣмъ люди добрые, въ силу одной своей чувствительности. Чувствительность часто оказывается весьма скуднымъ источникомъ доброты: ея дѣйствіе слишкомъ мимолетно, и если оно столкнется съ дѣятельностью эгоистически-направленной мысли, — то чувствительный человѣкъ почти для насъ бесполезенъ; когда намъ понадобится немедленная и рѣшительная помощь, онъ будетъ сострадать, плакать, но онъ задумается протянуть намъ руку, если отъ этого должны будутъ пострадать интересы его собственнаго благополучія. Вообще въ добротѣ чувствительныхъ людей немного гарантій для нашего счастья; эгоистическія соображенія часто совершенно парализируютъ ее и почти всегда отнимаютъ у нея значительную часть силы, превращаютъ ее въ нѣчто весьма шаткое и неопредѣленное. Напротивъ, когда человѣкъ добръ въ силу потребностей своего ума, когда его доброта является только обдуманнымъ, практическимъ результатомъ логическаго процесса мысли, тогда на нее всѣ и каждый могутъ положиться. Понять это не трудно. Если у человѣка мысль приняла то безкорыстно-отвлеченное

направленіе, о которомъ я говорилъ выше и которое характеризуетъ умственную жизнь „овѣринцевъ“,—если человѣкъ никогда не думаетъ и не привыкъ думать о своихъ личныхъ интересахъ,—онъ становится способнымъ разбирать и анализировать всякое отвлеченное представленіе съ полнѣйшимъ безпристрастіемъ, безъ малѣйшей примѣси какихъ-бы то ни было эгоистическихъ соображеній. Представленіе о „голодномъ“ и о необходимости для него утолить свой голодъ,—логически приводитъ къ заключенію о необходимости накормить его. У „овѣринца“ этотъ логическій выходъ сейчасъ переходитъ въ дѣло, и онъ не колеблясь отдаетъ голодному свой собственный кусокъ хлѣба. У „негоревца“ рядомъ съ представленіемъ о необходимости накормить голоднаго сейчасъ-же (въ силу привычки связывать всякую мысль съ представленіемъ объ интересахъ собственнаго благополучія) является представленіе о недостаткѣ хлѣба для удовлетворенія собственнаго голода,—или просто, мысль о совершенной бесполезности въ интересахъ собственнаго благополучія лишить себя лишняго куска. И „негоревецъ“ пройдетъ мимо голоднаго совершенно равнодушно. Чувствительный человѣкъ, это правда, — не сохранить такого оттапливающаго хладнокровія,—онъ взволнуется и, быть можетъ, заплачетъ, — но если у него самого всего только одинъ кусокъ хлѣба, онъ не отдастъ его голодному. Одинъ только „овѣринецъ“ отдастъ. — отдастъ, сохраняя полнѣйшее спокойствіе, не выказывая ни малѣйшихъ признаковъ разстроенной чувствительности,—отдастъ и не подумаетъ, что черезъ нѣсколько часовъ онъ самъ будетъ въ положеніи этого голоднаго нищаго.—Но въ этой безгранично-безкорыстной добротѣ есть, однако, несомнѣнные признаки рѣшительной „безчувственности“. Овѣринъ почти не обращаетъ никакого вниманія на тѣхъ, кому онъ помогаетъ; оказавъ помощь,—онъ уже забываетъ и о ней, и о человѣкѣ, которому она оказана. Отдавая сапожнику свои деньги и вещи, — онъ не находитъ „времени разговаривать съ нимъ“ (т. 2, стр. 57). Какъ и Негоревъ, онъ рѣшительный врагъ всякихъ чувствительныхъ сценъ, — и весьма грубо принимаетъ всякія „нѣжности“ и „дружескія изліянія“. Заплакать при видѣ чужого горя—онъ рѣшительно неспособенъ. Отсутствие симпатической „чувствительности“ доходитъ въ немъ иногда просто до жестокости. Когда передъ нимъ вели стонавшаго, окровав-

ленного Володю Шрама, только-что получившаго рану на дуэли,— „Овѣринъ,— рассказывает Негоревъ,— шедшій возлѣ меня, дѣлалъ судорожныя, нетерпѣливыя движенія. Чтобы отвлечь свое вниманіе отъ Володи, я обратился къ Овѣрину и спросилъ его— что съ нимъ?— „Когда животное стонетъ, является потребность добить его. Когда собака визжитъ подъ ногами, ей невольно даешь пинка, сказалъ онъ мнѣ“. Какъ ни были дивны эти слова, замѣчаетъ нашъ „благополучный россіянинъ“,—но, проверивъ свои ощущенія, я нашелъ, что если у меня и нѣтъ желанія добывать стонавшаго человѣка, то такое желаніе можетъ явиться“ (т. 2, стр. 115). Правда, мысль Овѣрина, всегда безкорыстная и всегда логичная, борется съ этою безчувственностью. И эта борьба особенно рельефно обнаруживается въ томъ-же эпизодѣ съ дуэлью Шрама. Боль Шрама, его стоны, его страданія не вызываютъ въ Овѣринѣ ни малѣйшаго сочувствія, онъ относится къ нимъ „безучастно“. Логика его мысли возмущается противъ этого „безучастія“. Какое право,—говоритъ она ему,— имѣешь ты такъ безучастно относиться къ этой боли, къ этимъ стонамъ? Можетъ быть, эта боль и въ самомъ дѣлѣ ужасна, можетъ быть, эти стоны вполне мотивированы вызывающими ихъ страданіями. Чтобы имѣть право равнодушно относиться къ нимъ, ты долженъ сначала убѣдиться, что это не такъ, что эта боль совсѣмъ не слишкомъ жестока, что эти стоны не имѣютъ никакого „достаточнаго оправданія“. „И Овѣринъ, никогда неотступающій передъ требованіемъ логики, — спокойно подходитъ къ столу съ хирургическими инструментами, беретъ ланцетъ, и „тихо, медленно, точно въ доску“, втыкаетъ его въ свою ладонь. „Кровь закапала на полъ, конецъ лезвія вышелъ насквозь и ланцетъ сломался, но лице Овѣрина было неизмѣнно спокойно и важно“. — „Что вы дѣлаете?—вскричалъ докторъ, увидѣвъ Овѣрина“. — „Я ничего не дѣлаю, растерянно пробормоталъ онъ, точно школьникъ, пойманный въ куреньи папирозъ. Очевидно, Овѣрина убивалъ стыдъ за неловкость, съ которою онъ сломалъ чужой ланцетъ. — „Я совсѣмъ не объ этомъ говорю! съ горячностью вскричалъ докторъ, вырвавъ изъ смущенной руки Овѣрина черешекъ ланцета и далеко бросивъ его отъ себя. — Овѣринъ въ это время вспомнилъ, что онъ пачкаетъ кровью чужой полъ (заметьте, даже и въ этотъ моментъ онъ не

думает о себѣ!), и потерявши окончательно, растираетъ кровь ногою. Такъ-какъ пуля у Володи была уже вытащена, то докторъ, поручивъ перевязку раны фельдшеру, грубо схватилъ Овѣрина за руку и повелъ къ свѣту. — „Какъ вы думаете—рана отъ пули больнѣе?“—спросилъ Овѣринъ.—Онъ сохранялъ важность и спокойствіе посторонняго наблюдателя.—„У васъ, послѣ этого фокуса сведетъ пальцы“;—сердито проговорилъ докторъ.—„Я васъ спрашиваю,—болитъ-ли отъ такой раны, какъ у меня?“—„Вамъ лучше знать: я ни разу ни втыкалъ себѣ ланцетовъ въ руку“.—„Мнѣ хочется знать, чья рана чувствительнѣе: моя или его?“ важно спросилъ Овѣринъ, кивнувъ на Володю. Докторъ съ улыбкою успокоилъ его, что Шрамъ долженъ чувствовать меньшую боль, и, порывшись пальцами въ ранѣ, вытащилъ оттуда сломанный клинокъ. Узнавъ, что его рана больнѣе Володиной, Овѣринъ, повидимому, вполне достигъ своей цѣли, и уже не обращалъ болѣе ни на что вниманія“ (т. 2, стр. 168).

Если-бы оказалось, что рана причиняетъ сильную боль, неудержимо вырывающуюся въ стонахъ, — Овѣринъ принудилъ-бы себя сочувственно отнестись къ страданіямъ Володи. Но теперь его собственный, такъ смѣло и эксцентрически произведенный опытъ оправдалъ его передъ логикою его мысли, и онъ вполне доволенъ собою. Такой грубый способъ возбуждать въ себѣ состраданіе къ чужимъ физическимъ страданіямъ проливаетъ необыкновенно яркій свѣтъ на характеръ „овѣринца“. Вы видите передъ собою и „безчувственнаго резонера“, который, при видѣ страданій ближняго, недоувѣрчиво спрашиваетъ себя: „да въ самомъ-ли дѣлѣ онъ такъ страдаетъ, какъ это кажется?“ не преувеличиваетъ-ли онъ своей боли? не притворяется-ли онъ немножко?“ и тутъ же вы видите гуманнаго человѣка, который желаетъ представить себѣ положеніе страдающаго ближняго во всей его реальной истинности, для того, чтобы уяснить всѣ логическія требованія и послѣдствія этого положенія.

Самоотверженіе, съ которымъ этотъ гуманный человѣкъ, ради уясненія логическихъ требованій и послѣдствій положенія страдающаго ближняго, — жертвуетъ своими собственными интересами,—заставляетъ васъ забыть въ немъ холоднаго резонера. Нѣтъ, не только забыть, но если вы хорошій и честный человѣкъ,—вы

еще больше его полюбите за это резонерство, — резонерство всегда направленное къ интересамъ ближняго, никогда неснисходящее до своекорыстныхъ соображеній „личной пользы“, „личной выгоды“. Какъ *своекорыстное* резонерство Негорева всегда приводитъ его къ злымъ и жестокимъ поступкамъ, такъ *безкорыстное* резонерство Овѣрина — логически приводитъ его къ поступкамъ великодушнымъ и благороднымъ. Это великодушіе съ одной стороны, и эта безчувственность, съ другой, производятъ съ перваго взгляда на посторонняго наблюдателя какое-то странное, не совсѣмъ выгодное для Овѣрина впечатлѣніе. Кажется, какъ будто, всѣ свои добрыя дѣла онъ совершаетъ по „разсѣянности“, кажется, какъ будто онъ пренебрегаетъ тѣми, кому онъ помогаетъ. Но, при болѣе основательномъ анализѣ его дѣйствій, не трудно убѣдиться, что эта „важущаяся“ разсѣянность, это „мнимое“ пренебреженіе не заключаютъ въ себѣ ничего оскорбительнаго для его ближнихъ, ничего унижительнаго для его собственной особы. Дѣло въ томъ, что Овѣринъ на свои добрыя дѣла смотритъ просто, какъ на практическія рѣшенія отвлеченной математической задачи; не придаетъ имъ совсѣмъ того особаго значенія, которое имъ придается въ обществѣ. Страдающіе люди, условія, въ которыхъ они находятся, средства помощи имъ и т. п. — для него все это не болѣе какъ простыя элементы задачи; онъ заинтересованъ ими только настолько и только до тѣхъ поръ, пока рѣшается задача. Разъ она рѣшена, — и онъ уже не думаетъ о нихъ, какъ не думаетъ геометръ о тѣхъ уравненіяхъ, при посредствѣ которыхъ онъ разрѣшилъ данную теорему. Онъ не проливаетъ слезъ по поводу этихъ цифръ и не чувствуетъ ни малѣйшей нѣжности къ этимъ „фигурамъ“; — но, это не помѣшаетъ ему рѣшить задачу вѣрно; — онъ непремѣнно рѣшитъ ее вѣрно, потому-что мысль его сосредоточилась на ней одной исключительно, потому что ее не развлекаютъ никакія побочныя представленія корыстнаго свойства. Человѣкъ — цифра, оставшаяся съ плюсомъ благодаря вѣрному рѣшенію, — не будетъ чувствовать никакого неудовольствія за это слишкомъ отвлеченное, математическое къ себѣ отношеніе. Вѣдь оно происходитъ не изъ высокоумнаго пренебреженія къ его личности, — не изъ чувства тщеславія, не изъ пошлаго возвеличенія своего я надъ другими я, не изъ

желанія унизить или оскорбить этого ближняго, — оно проистекает — изъ безкорыстнаго увлеченія интересомъ мысли.

Послѣ всего здѣсь сказаннаго, я думаю, читатель будетъ въ состояніи уяснить себѣ, какимъ образомъ два однородныя, психическія качества, — качества порожденныя и развитыя подъ условіями болѣе или менѣе одинаковыми и составляющія характеристическую особенность внутренней фізіономіи „дѣтей вторичной формациі“, — какимъ образомъ, эти качества, подѣ влияніемъ двухъ различныхъ направленій мысли, различныхъ умственныхъ привычекъ, создали два совершенно, повидимому, противоположныя тина дѣтей — „овѣринцевъ“ и „негоревцевъ“. Въ настоящей статьѣ я взялъ самыхъ крайнихъ и рѣзкихъ представителей обоихъ типовъ; но каждый типъ имѣетъ множество оттѣнковъ и разновидностей. Въ послѣдующихъ статьяхъ мы подвергнемъ и ихъ (въ ихъ главнѣйшихъ чертахъ) своему анализу. Такимъ образомъ передъ нами создастся довольно полная картина психическаго развитія и образованія характера современнаго намъ поколѣнія „дѣтей“. — Читатель долженъ заранѣе извинить меня, если въ этой картинѣ будетъ много неясности, недоказанности, если часто будутъ встрѣчаться повторенія одной и той-же мысли. Я пишу не „психологическіе“, а „литературные“ этюды, не *ученую* статью, а критическіе очерки, поэтому часть этихъ недостатковъ должна быть отнесена насчетъ *формы*, взятой мною для выраженія моихъ мыслей; отчасти-же причина ихъ заключается въ условіяхъ самой задачи. Не говоря уже ни о чемъ другомъ, весьма трудно и едва-ли даже возможно относиться вполнѣ объективно и безпристрастно къ характерамъ окружающихъ насъ, живущихъ съ нами, дѣлящихъ наши радости и печали современниковъ, — современниковъ постоянно фигурирующихъ въ нашей собственной жизни — то въ качествѣ друзей, то въ качествѣ враговъ.

II. Никитинъ.

ПЕРВОБЫТНАЯ КУЛЬТУРА.

Primitive Culture: Researches into the development of Mythology, Philosophy, Religion, Art and Custom, by Edward B. Taylor. London 1871).

I.

Одинъ изъ передовыхъ нѣмецкихъ мыслителей семнадцатаго и начала восемнадцатаго столѣтій — Лейбницъ, современникъ и соперникъ Ньютона, положилъ научной аксіомой, что природа никогда не дѣйствуетъ «скачками», желая этимъ выразить ту, конечно, совершенно вѣрную мысль, что во всѣхъ явленіяхъ и фактахъ природы существуетъ не только строгая, рациональная систематичность, но и присутствуетъ постоянный законъ, всегда болѣе или менѣе ясно указывающій, почему все дѣлается именно такъ, а не иначе. По отношенію къ вещественному міру, къ такъ называемымъ естественнымъ или «физическимъ» отправлениямъ самого человѣка, взглядъ этотъ обыкновенно признается совершенно вѣрнымъ и логичнымъ. Но чуть рѣчь зайдетъ о человѣческой мысли и о различныхъ способахъ ея выраженія — о культурѣ, знаніи, искусствѣ и т. п., тутъ-то повидному, происходитъ крутой поворотъ въ мнѣніи массы.

Давно-ли внесенъ въ исторію сколько нибудь сносный рационализмъ, давно-ли она стала серьезной наукой, да и перестала-ли она для многихъ изъ насъ быть чѣмъ-то въ родѣ скучнаго альманаха или только пособіемъ классической филологіи?.. Въ этомъ отношеніи великая заслуга такихъ добросовѣстныхъ и серьезныхъ ученыхъ, какъ Эдуардъ Тайлоръ, заключается именно въ томъ, что они указываютъ исторической задачѣ ея настоящій смыслъ и ширь, приводятъ ее въ стройную, логическую связь съ антропологіей, сравнительной этнографіей и другими науками, непосредственно изслѣдующими культурную жизнь человѣчества. Такъ-какъ наша собственная литература крайне бѣдна антропологическими и этнографическими свѣдѣ-

ниями и не выработала по этому предмету ничего самостоятельного, то мы считаемъ не безъинтереснымъ, а главное небезполезнымъ познакомить читателей съ нѣкоторыми, наиболѣе законченными и замѣчательными подробностями изъ книги Тайлора: «Первобытная культура, изслѣдованіе въ области мифологіи, философіи, религіи, искусства и обычаяевъ» (Лондонъ 1871 г.), — книга, которая, даже въ англійской литературѣ, весьма замѣчательна необыкновенной полнотою и мѣткими выводами.

Воспроизвести исторію человѣческой «культуры» или, какъ еще выражается Тайлоръ, «цивилизациі» отъ древнѣйшихъ эпохъ до нашего времени, нарисовать цѣльную и вѣрную картину, какими путями, при какихъ условіяхъ развивалась культурная, т. е. умственная жизнь и дѣятельность человѣчества, указать, по возможности, на органическую, внутреннюю связь явленій въ этой области изслѣдованія — такова въ общихъ чертахъ задача историка-этнографа, таковъ объемъ той науки, для которой нѣмцы, какъ намъ кажется, придумали наиболѣе подходящее названіе — «Kulturgeschichte». Не надо забывать, однако, при этомъ, что мы имѣемъ дѣло не съ однимъ какимъ нибудь народомъ, но со всѣмъ человѣчествомъ, какъ нераздѣльнымъ предметомъ изученія, и со всѣми тѣми фактами и явленіями, изъ которыхъ могутъ быть выведены общіе законы развитія человѣческой мысли.

Какими же средствами можетъ заручиться этнографъ при рѣшеніи своей далеко не легкой задачи и какой характеръ будетъ носить его изслѣдованіе? Э. Тайлоръ, для уясненія этого вопроса, прибѣгаетъ къ аналогіи съ естественно-научной классификаціей. «Первый шагъ въ наукѣ о цивилизациі, говоритъ онъ, — заключается въ томъ, что различные факты слѣдуетъ разбить на частности и классифицировать по отдѣльнымъ, однороднымъ группамъ. Такимъ образомъ, рассматривая оружіе, его можно распредѣлить подъ рубриками кося, палицы или булавы, пращи, лука и т. д. Въ ткацкомъ искусствѣ можно различать плетенье, свиванье и нѣкоторые особенные способы приготовленія и сученія нитокъ. Мифическія сказанія удобно дѣлятся на мифы о восходѣ и заходѣ солнца, о затмѣніи, о землетрясеніи, на мѣстные мифы, связывающіе извѣстныя названія мѣстностей съ сказочными преданіями, на родословные мифы, обращающіе названіе цѣлаго племени въ имя какого-нибудь воображаемаго общаго предка. Между религіозными обрядами могутъ представиться различные способы жертвоприношеній душамъ покойниковъ и другимъ невидимымъ

существованію, обращеніе къ востоку при молитвѣ, очищеніе нравственной или религіозной нечистоты огнемъ и волюю. Таковы немногіе, взятые на удачу примѣры изъ огромнаго запаса всякихъ другихъ свѣденій, и задача этнографа заключается въ томъ, чтобы классифицировать эти подробности, нитя въ виду распределеніе ихъ въ географіи и исторіи и существующія между ними взаимныя отношенія. Какой характеръ будетъ носить такая работа, это мы довольно наглядно можемъ уяснить себѣ, если сравнимъ эти свѣденія изъ области культуры съ видами растеній и животныхъ, изучаемыми натуралистомъ. Для этнографа лукъ съ стрѣлой имѣетъ значеніе вида, обычай сплющивать черепъ у дѣтей — другой видъ, обычай считать числа десятками — третій видъ. Географическое распространеніе этихъ обычаевъ, ихъ переходъ изъ страны въ страну должны быть изучаемы точно также, какъ натуралистъ изучаетъ географію своихъ ботаническихъ и зоологическихъ видовъ. Совершенно подобно тому, какъ нѣкоторыя растенія и животныя свойственны извѣстнымъ странамъ, для человѣческихъ племенъ существуютъ характеристическія культурныя примѣты, напримѣръ такія механическія орудія, какъ австраійскій бумрангъ, полинезійскія палки для добыванія огня, маленькія стрѣлы, употребляемыя, какъ ланцетъ для кровоуспанія, у туземныхъ племенъ панамакаго перешейка; то-же относится и ко многимъ другимъ техническимъ средствамъ, мифамъ или обычаямъ, находимымъ изолированно въ какой-нибудь особенной географической области. Каталогъ всѣхъ видовъ растеній и животныхъ извѣстнаго края представляетъ его флору и фауну; точно также совокупность всѣхъ примѣтъ и подробностей бытовой жизни народа изображаетъ собою то цѣлое, что мы называемъ культурою этого народа. И совершенно подобно тому, какъ отдаленныя одна отъ другой страны нерѣдко производятъ хотя и не тождественныхъ, но довольно сходныхъ между собою растеній и животныхъ, такую-же близкую аналогію могутъ представлять и примѣты цивилизаціи у географически удаленныхъ другъ отъ друга народовъ. Дѣйствительно, насколько вѣрна можетъ быть эта параллель, проведенная между распространеніемъ растеній и животныхъ съ одной стороны и распределеніемъ цивилизаціи съ другой, это уяснится всего лучше, если мы припомнимъ себѣ, что однѣ и тѣ-же причины обуславливали то и другое распространеніе; изъ страны въ страну; тѣ-же причины, которыя способствовали введенію воздѣлываемыхъ растеній и прирученныхъ животныхъ, вмѣстѣ съ ними водворили соответствующіе промыслы и знанія. Вмѣстѣ съ

лошадьми и пшеницей въ Америку перешло употребленіе огнестрѣльнаго оружія и желѣзной кирки, тогда какъ Старый-Свѣтъ получилъ взаменъ не только кукурузу, картофель и индѣйскихъ куръ, но также обычай куренія и корабельную висячую койку».

Но группировка фактовъ, характеризующихъ культуру — это, такъ сказать, только одна канва историко-этнографической работы. Вторая и едва-ли еще не болѣе трудная часть задачи заключается въ вопросѣ: какими путями, влияніемъ какихъ условій развивалась культура въ человѣчествѣ отъ относительно первобытныхъ временъ до настоящей эпохи и какіе общіе законы заправляютъ этимъ развитіемъ во всѣ времена и при всемъ разнообразіи и разнохарактерности человѣческой бытовой жизни?..

II.

При изученіи развитія культуры историкъ-этнографъ прежде всего долженъ заручиться какимъ-нибудь опредѣленнымъ мѣриломъ, критеріемъ для оцѣнки прогрессивнаго или ретрограднаго направленія культуры. Такой критерій, за неимѣніемъ лучшаго, даетъ классификація извѣстныхъ намъ человѣческихъ племенъ — отжившихъ и существующихъ — по различнымъ степенямъ цивилизаціи, причѣмъ главнѣйшими характеристическими признаками принимаются: болѣе или менѣе успѣшное развитіе или совершенное отсутствіе нѣкоторыхъ промышленныхъ занятій, каковы въ особенности приготовленіе металловъ, извѣстныхъ техническихъ орудій, земледѣліе, архитектура и т. д., объемъ научнаго знанія, большая или меньшая опредѣленность моральныхъ представленій, уровень религіозныхъ понятій и системъ и т. п. На основаніи подобнаго критерія едва-ли кто можетъ осмѣливать систематичность такого культурнаго порядка народовъ: австраліецъ, туземецъ Отанти, ацтекъ, китаецъ, итальянецъ. Это — чисто этнографической и, какъ полагаетъ Тайлоръ, для ясности изслѣдованія наиболѣе удобный способъ культурной классификаціи, хотя, разумѣется, и онъ допускаетъ весьма замѣчательныя и рѣзкія аномаліи. Такъ невольничество, пріурочившееся у дикихъ и варварскихъ племенъ, по своему характеру гораздо лучше и мягче того рабства, которое цѣлые вѣка и до послѣдняго времени существовало въ европейскихъ колоніяхъ. Отношенія между двумя полами у многихъ дикихъ племенъ несравненно порядочнѣе, чѣмъ между богатыми классами мусульманскаго міра. По отношенію къ

вышей правительственной власти, совѣты старшинъ и племеначальниковъ у дикарей не въ примѣръ разумнѣе и человѣчнѣе сравнительно съ порядками мусульманскаго міра.

Какъ-бы то ни было, но научная этнологія, въ ея современномъ состояніи, оставляя совершенно въ сторонѣ всякія этическія, социальныя и политическія соображенія, прежде и главнѣе всего имѣетъ дѣло съ обычаями народа, съ развитіемъ въ немъ знаній и техническихъ искусствъ, и, на основаніи этого мѣрила, проводитъ постепенную, прогрессивную линію культурнаго развитія отъ дикаго быта, чрезъ варварство, до высшей цивилизаціи. Такимъ образомъ и Тайлоръ принимаетъ то главное положеніе, что бытъ современныхъ намъ дикарей, въ вѣкоторой мѣрѣ, соотвѣтствуетъ раннему культурному состоянію человечества, — тому состоянію, изъ котораго постепенно развилась высшая культура по тѣмъ-же законамъ, которые и теперь дѣйствуютъ съ такою-же строгою правильностью, съ какою дѣйствовали въ отдаленныя отъ насъ эпохи.

Это — такъ называемая прогрессивная теорія культурнаго развитія.

Впервые теорія эта была обозначена рядомъ рѣзкихъ, опредѣленныхъ положеній въ знаменитомъ трудѣ Гиббона «объ упадкѣ римской имперіи». Великій историкъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ рисуетъ первобытное состояніе дикарей, дагѣ изображаетъ медленный и утомительный процессъ прогрессивнаго развитія культуры, хотя и соглашается, что за цѣлыми вѣками труднаго, тяжелаго прогресса слѣдовали иногда моменты быстрого попятнаго движенія. «Блестящіе дни Августа и Траяна, говоритъ онъ, — смѣнялись временемъ мрачнаго невѣжества, варвары разметали законы и великія сооруженія Рима. Но коса—изобрѣтеніе и эмблема Сатурна—все продолжала ежегодно снимать жатвы Италіи, и человѣческія жертвы лестригоновъ никогда не возобновлялись на берегахъ Кампаніи. Со времени изобрѣтенія первыхъ искусствъ, война, промышленность, религіозная пропаганда распространили эти неоцѣненные дары между дикарями Стараго и Новаго Свѣта: они, дары эти, успѣшно разошлись въ человечествѣ и утрачены уже быть не могутъ. Поэтому мы можемъ совершенно успокоиться на томъ отрадномъ заключеніи, что каждый протекающій вѣкъ увеличивалъ и увеличиваетъ запасъ дѣйствительнаго богатства, счастья, знанія и, можетъ быть, нравственнаго добра въ массѣ человечества». («Decl. and Fall of the Rom. Emp.», гл. XXXVIII).

Съ этой прогрессивной теоріей идетъ въ рѣзкомъ разладѣ теорія

вырожденія, наиболѣе энергично изображенная извѣстнымъ противникомъ «новыхъ идей», графомъ Жозефомъ-де-Местромъ въ его желчной филиппикѣ, написанной въ началѣ настоящаго столѣтія. «Мы вѣчно отправляемся», говоритъ онъ, — «отъ той избитой гипотезы, будто человѣкъ постепенно поднимался отъ варварства къ знанію и цивилизаціи. Это — любимая мечта, основное заблужденіе, главная ложь нашего вѣка» и т. д. («Soirées de St-Petersbourg», т. II, стр. 150). Теорія эта была принята многими и далеко недюжинными умами, особенно во Франціи, и нашлись даже ученые сибѣльчакъ, положительно утверждавшіе, что первобытныя искусства и ремесла погибли вмѣстѣ съ потопомъ, вслѣдствіе чего въ человѣчествѣ весьма естественно наступило состояніе варварства и одичалости. Такимъ образомъ, дикарь, принимаемый, по прогрессивной теоріи, представителемъ предшествующихъ, относительно первобытныхъ культурныхъ эпохъ, по теоріи вырожденія является, наоборотъ, какъ продуктъ порчи и угадка древней, болѣе развитой культуры. Здѣсь не мѣсто входить въ обстоятельную оцѣнку той и другой теоріи, имѣющей каждая на своей сторонѣ значительное число adeptовъ. Замѣтимъ только, что та и другая теорія неизбежно должны допускать немаловажныя обоюдныя уступки.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что новѣйшая цивилизація есть только развитіе средневѣковой, которая, въ свою очередь, сибѣнила собою болѣе раннюю культурно-историческую эпоху, представляемую древней Греціей, Ассиріей или Египтомъ. Слѣдовательно, если сторонникъ теоріи вырожденія будетъ утверждать, будто въ первобытныя времена человѣческая мысль и дѣйствіе подчинялись совершенно другимъ законамъ, чѣмъ въ послѣдующее, болѣе близкое къ намъ время, то онъ долженъ еще подтвердить и доказать возможность такой культурно-исторической ненормальности, а иначе законъ неизмѣнности главнаго принципа будетъ такъ-же проченъ и въ этнологіи, какъ въ астрономіи или геологіи. По извѣстному намъ историческому ходу культуры мы смѣло можемъ заключать, какимъ онъ былъ въ до-историческія времена, и утверждать положительно, что и направленіе до-исторической культуры носило въ главныхъ чертахъ прогрессивный характеръ. Съ другой стороны и этнографъ-прогрессивистъ не можетъ не признать, во многихъ случаяхъ, ретрограднаго движенія культуры, не можетъ не согласиться, что многія человѣческія племена перешли отъ прежней, болѣе развитой цивилизаціи къ состоянію если не одичалости, то во всякомъ случаѣ сильнаго

огрубѣнія. И наконецъ—что всего важнѣе для предмета настоящей статьи—древнѣйшая культура никогда не исчезаетъ безслѣдно изъ послѣдующихъ культурно-историческихъ эпохъ, также точно какъ антропологъ сильно затруднился-бы, если-бы его попросили обозначить рѣзкими границами конецъ и начало каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго періодовъ. Предыдущая культура обозначается болѣе или менѣе явственно въ послѣдующей нѣкоторыми своими характеристическими примѣтами и слѣдами—обычаями, обрядами, повѣрьями, которые были занесены силою привычки изъ прежняго общественнаго порядка въ новый и для нихъ совершенно чуждый. Прежде онѣ, эти примѣты, имѣли серьезный бытовой или практическій смыслъ, но потомъ утратили этотъ смыслъ, обветшали, сдѣлались анахронизмами и существуютъ только какъ намекъ на болѣе древнее состояніе культуры, изъ которой развился новый культурный порядокъ. Э. Тайлоръ подобралъ для этихъ обветшавшихъ слѣдовъ старины довольно удачное названіе «survivals», которое мы будемъ переводить просто «анахронизмами», совершенно соглашаясь съ авторомъ «Первобытнѣйшей Культуры», что обыкновенный терминъ «superstitiones» (предразсудки, суевѣрья), уже въ самомъ себѣ заключающій понятіе объ остаткахъ отъ прежнихъ временъ, теперь совершенно утратилъ свое первоначальное значеніе какъ въ англійскомъ, такъ еще болѣе въ русскомъ языкѣ. Для историка-этнографа изученіе этихъ обветшавшихъ слѣдовъ старины, или анахронизмовъ заключаетъ чрезвычайную важность. Наши дѣтскія забавы и игры, народныя присловья и поговорки, странные обычай и повѣрья для того, кто понимаетъ этотъ неясный лепетъ далекаго прошлаго, даютъ возможность прослѣдить до извѣстной степени историческое чередованіе культурныхъ эпохъ, и Эдуардъ Тайлоръ совершенно справедливо признаетъ возможно полное пониманіе этихъ анахронистическихъ явленій краеугольнымъ камнемъ («the vital point») этнографическаго изысканія. Во-вторыхъ, что, по нашему мнѣнію, въ практическомъ отношеніи едва-ли не представляетъ еще большую важность,—не слѣдуетъ считать этихъ анахронизмовъ совершенно невинными, безвредно-поэтическими отголосками далекаго, но болѣе невозвратимаго прошлаго. Напротивъ, бывали случаи, когда эти уста ѣвшія, выѣтрянныя представленія оживлялись вновь, наэлектризовывались неистощимой силою и дерзко стучались въ новую, враждебную имъ жизнь, къ величайшему изумленію мыслящаго человечества, которое считало ихъ давнымъ-давно мертвыми или умирающими. Да, бывали примѣры, когда новая цивилизація, со всѣми

своими исполинскими рычагами и воротами, должна была бить сильную тревогу передъ этими страшилищами, внезапно родившимися изъ сгнивавшей исторической плѣсени...

III.

Странная живучесть достается на долю нѣкоторымъ человѣческимъ повѣрьямъ и мифамъ, даже носящимъ на себѣ всѣ признаки положительныхъ абсурдовъ. Такъ еще Овидій упоминаетъ о суевѣрномъ страхѣ римскаго «простонародья» заключать браки въ маѣ, объясняя мифъ это тѣмъ, что въ маѣ мѣсяцѣ приходятся погребальныя обряды и празднества — Lemuralia ¹⁾).

Но какими судьбами этотъ суевѣрный страхъ могъ до настоящаго времени удержаться не только въ Англіи, но даже у насъ въ Россіи, гдѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ходятъ народные толки, что пары, оженившіяся въ маѣ, будутъ всю свою жизнь «маяться», т. е. проклинать свое супружеское бездолье?.. ²⁾ А между-тѣмъ такіе и еще болѣе очевидные абсурды встрѣчаются въ нашемъ общежитіи сплошь и рядомъ, и притомъ они принимаютъ форму не только народнаго повѣрья, но и обычая, принятаго въ такъ-называемомъ цивилизованномъ обществѣ, принятаго совершенно условно и, такъ-сказать, хронически. Но опытному наблюдателю-этнологу стоить только немного внимательнѣе поприглядѣться къ нимъ, этимъ обычаямъ и повѣрьямъ, чтобы различить въ нихъ слѣды болѣе ранней, отжившей культуры, когда они имѣли и смыслъ, и практическое значеніе.

Многія дѣтскія игры въ новѣйшей Европѣ представляютъ замѣчательные образчики культурныхъ анахронизмовъ и воспоминаній. Если внимательнѣе приглядѣться, ради этнологическихъ выводовъ, ко многимъ забавамъ дѣтей и взрослыхъ, то забавы эти въ сущности окажутся только подражаніями серьезнымъ житейскимъ занятіямъ. Подобно тому, какъ у цивилизованныхъ народовъ дѣти забавляются до-

¹⁾ „Mense malis Maio nubere vulgus ait“. (Ovid., „Fast“, стихъ 487).

²⁾ Это, впрочемъ, не единственный образчикъ того, какъ нашъ народъ любитъ строить свои повѣрья на чистомъ вышлеме, случайномъ созвучіи. Какимъ образомъ, напримѣръ, на югѣ Россіи могло войти въ обиходъ свѣтитъ *макъ* въ день... *Макашевскъ*?

шадками, солдатиками, дѣлають другъ другу визиты, наряжаются офицерами, также точно и дикія дѣти копируютъ тѣ занятія, которыя уже не въ шутку предстоятъ имъ въ послѣдующей, зрѣлой жизни. Замѣчательно при этомъ, что забава обыкновенно переживаетъ серьезное дѣло, которому она подражала.

Лукъ можетъ служить при этомъ наиболѣе близкимъ примѣромъ. Мы находимъ это древнее и повсемѣстно распространенное въ дикой культурѣ оружіе во всѣхъ періодахъ варварской и классической жизни до поздней средневѣковой эпохи. Но теперь оно вообще обратилось въ дѣтскую забаву, т. е. въ культурный анахронизмъ, и только у немногихъ дикихъ племенъ еще удержало за собой серьезное практическое значеніе.

Такимъ образомъ игры и забавы главнѣйшимъ образомъ имѣютъ значеніе воспоминаній того, что когда-то, въ болѣе или менѣе отдаленную культурную эпоху, было серьезнымъ житейскимъ дѣломъ зрѣлаго возраста. Въ этомъ отношеніи Эдуардъ Тайлоръ приводитъ чрезвычайно любопытный примѣръ того, какъ живо, хотя и совершенно безсознательно, въ дѣтскихъ играхъ и забавахъ сохраняется воспоминаніе о фактахъ и событіяхъ изъ самаго отдаленнаго времени. Во Франціи и въ настоящее время существуетъ такая игра: дѣти становятся въ кружокъ и одинъ изъ нихъ зажигаетъ кусокъ бумажки, передавая ее затѣмъ своему сосѣду съ словами: «*petit bonhomme vit encore*», — сосѣдъ передаетъ ее слѣдующему, и такимъ образомъ бумажка обходитъ весь кругъ, причемъ каждый произноситъ тѣ-же-сакраментальныя слова и старается передать зажженную бумажку какъ можно скорѣе, потому-что тотъ, въ чьихъ рукахъ она погаснетъ, долженъ заплатить фантъ, послѣ чего объявляется, что «*petit bonhomme est mort*». Эта невинная забава находится въ странной связи съ весьма некрасивыми подробностями изъ ранней исторіи католицизма. Извѣстно, что приверженцы главной или господствующей католической доктрины любили выставлять религіозные обряды сектантовъ въ видѣ чудовищныхъ и отвратительныхъ оргій. Особенно много ужасовъ рассказывалось о сектѣ манихейцевъ, которыхъ ученіе отразилось впоследствии въ мнѣніяхъ извѣстныхъ альбигойцевъ, получившихъ во Франціи общее и всѣми признанное прозвище «добрыхъ людей» («*boni homines*»). Въ 700 году по Р. Х. армянскій патріархъ Іоаннъ Осунъ обвинялъ манихейцевъ — родоначальниковъ французскихъ альбигойцевъ — въ томъ, что они обожаютъ солнце, что они мѣшаютъ пшеничную муку съ кровью дѣтей и совершаютъ

обрядъ причащенія этой страшной смѣсью, что для этой цѣли они «ужаснѣйшими муками убиваютъ первенца и, еще живого, перебра-
сываютъ его изъ рукъ въ руки между собою, и тотъ, въ чьихъ
рукахъ умереть ребенокъ, достигаетъ высшаго достоинства въ сектѣ». Оказывается, такимъ образомъ, что невинная дѣтская игра «Petit
bonhomme» воспроизводитъ только, въ совершенно безсознательномъ
воспоминаніи, тѣ страшныя обвиненія, которыя возводились на рели-
гіозные обряды манихейцевъ, родоначальниковъ французскихъ «Bon
hommes».

Въ ряду культурныхъ анахронизмовъ, существующихъ въ наше
время въ видѣ странныхъ обычаевъ, неизмѣющихся ничего общаго съ
новѣйшими идеями, есть такіе, которые только смѣшны и совершенно
безвредны, тогда какъ другіе носятъ болѣе грустный характеръ—
характеръ жестокаго изувѣрства. И тѣ и другіе, разумѣется, лишены
всякаго практическаго, жизненнаго содержанія, но какъ-бы мно-
гіе изъ этихъ обычаевъ ни были смѣшны и нелѣпы, повторяемъ, для
этнографа они не лишены важности, потому-что даютъ ему возмож-
ность дѣлать общіе выводы и строить теоретическую аргументацію.

Откуда могло взяться, напримѣръ, странное обыкновеніе «желать
здоровья» при чиханіи? Обычай намъ кажется до того смѣшнымъ
и глупымъ, что мы едва-ли склонны считать его стоящимъ серьез-
наго этнографическаго изслѣдованія. А между-тѣмъ обычай этотъ
стоитъ въ прямой исторической связи съ наиболѣе живучими, упор-
ными вѣрованіями человѣка. Стоитъ только обратиться къ религіоз-
нымъ представленіямъ низшихъ культурныхъ расъ для того, чтобы
видѣть въ названномъ обычаѣ безсознательно уцѣлѣвшее воспоминаніе
о нашихъ собственныхъ понятіяхъ изъ далекой культурной древно-
сти. По мнѣнію дикаго человѣка, болѣзнь является слѣдствіемъ то-
го, что разные духи входятъ въ тѣло и мучаютъ его физическими
недугами и страданіями. Племя Зулу положительно вѣритъ, что
добрыя или гнѣвные души покойниковъ витаютъ возлѣ человѣка,
грезятся ему во снѣ, дѣлаютъ ему добро или зло, входятъ въ
тѣло и причиняютъ болѣзни. Когда дикарю Зулу случится чих-
нуть, онъ говоритъ: «я блаженъ, ибо Идлози (родовой духъ) со-
мною. Онъ вошелъ въ меня. О, дайте мнѣ восхвалять и прославлять
его, потому-что это онъ побудилъ меня чихнуть!» Чиханье служить
у этихъ дикарей вѣрнымъ признакомъ выздоровленія отъ болѣзни.
Чародѣи или жрецы этого племени нарочно практикуются въ частомъ
чиханіи, такъ-какъ, по мнѣнію народа, это—несомнѣнное доказатель-

ство присутствія духовъ. Тѣ-же религіозныя представленія, относительно чиханія, мы находимъ и у американскихъ туземцевъ.

И, наконецъ, не надо забывать, что повѣрье это было весьма обыкновенно и въ древней классической Европѣ. Такъ въ Одиссеѣ говорится о «счастливомъ» чиханіи Телемака; Ксенофонтъ рассказываетъ о чиханіи война, которое было принято хорошимъ предзнаменованіемъ; Аристотель сообщаетъ, что народъ приписываетъ чиханію сверхъестественное, «божественное» значеніе; по словамъ Плинія, даже Тиберій—кровожаднѣйшій изъ людей—никогда не забывалъ пожелать здоровья при чиханіи. Еще замѣчательнѣе, такъ сказать, универсальное распространеніе этого, первоначально религіознаго обряда, потомъ суевѣрнаго обычая, наконецъ безсодержательнаго анахронизма между самыми различными по происхожденію и вѣрованіямъ племенами и притомъ чрезъ всю область культурной исторіи. Чиханіе считалось чѣмъ-то религіозно-важнымъ и у древнихъ индусовъ, и у евреевъ, и у магометанъ. Средневѣковая эпоха передала обычай здравствования новѣйшей Европѣ, гдѣ въ извѣстныхъ кружкахъ общества еще и до сихъ поръ можно слышать при чиханіи отъ русскаго совершенно серьезное «будьте здоровы!» отъ англичанина: «God bless you!» отъ нѣмца: «Gott hilf!» отъ итальянца: «Felicità!»

Не всѣ, однако, изъ уцѣлѣвшихъ культурныхъ анахронизмовъ носятъ характеръ такого забавнаго и, очевидно, совершенно-безвреднаго комизма. Многія изъ дикихъ повѣрій существуютъ или еще очень недавно существовали въ Европѣ, какъ явныя обличенія плотоядной природы человѣка. Таково повѣрье объ утвержденіи фундаментовъ новыхъ зданій на человѣческихъ жертвахъ, таково суевѣрное предубѣжденіе противъ спасенія утопленниковъ.

IV.

Въ 1463 году нужно было починить прорванную водой плотину на р. Ногатѣ, и простолюдины-работчіе положительно объявили, что здѣсь, для успѣшной и прочной работы, необходимо пожертвовать однимъ живымъ человѣкомъ. Вслѣдствіе этого поймали какого-то нищаго, напоили его пьянымъ, и похоронили заживо въ основаніи плотины. Вообще нѣмецкія легенды полны самыхъ возмутительныхъ рассказовъ объ этомъ дикомъ повѣрьѣ, уцѣлѣвшемъ въ народѣ даже до середины настоящаго столѣтія. Такъ въ 1843 году, при постройкѣ моста въ Галле, народъ нешута поговаривалъ, что нужно-бы за-

«Дѣло», № 3.

муровить въ фундаментъ ребенка—такъ, видите-ли, нужно для прочности работы. Особенно живыми красками повѣрье это изображено въ одной сербской легендѣ, рассказывающей о построеніи крѣпости Скадры (Скутари). Злая вила (демонское существо въ древней сербской мифологiи) постоянно, годъ за годомъ, ночью разрушала то, что днемъ было построено тремястами каменщиковъ. Крѣпость строилась сообща тремя братьями. Видя, что тутъ неизбежно приходилось умиловить вилу человѣческой жертвой, братья поклялись выбрать этою жертвою первую изъ своихъ женъ, которая принесетъ обѣдъ рабочимъ, и сохранять до времени отъ женъ въ строжайшей тайнѣ это страшное рѣшеніе. Но два старшіе брата коварно предостерегли своихъ супруговъ, и жертвою пришлось быть женѣ младшаго брата, которая и была живьемъ замурована въ стѣну. Но она просила, по крайней мѣрѣ, на годъ оставить ей небольшое отверстіе въ стѣнѣ, чтобы она могла выкормить своего грудного ребенка. Еще и до сихъ поръ сербскія жены посѣщаютъ могилу доброй матери, обозначенную струею воды, стекающею внизъ по крѣпостной стѣнѣ въ видѣ блага; молочнаго ручья, вслѣдствіе примѣси известки.

Повѣрье это, къ счастью, принадлежитъ теперь въ Европѣ къ уже совершенно вымирающимъ анахронизмамъ, однако мы видѣли, какъ еще недавно замѣчались его грустные слѣды въ «цивилизированной» Германіи, и если сдѣлать небольшой культурно-этнографическій обзоръ въ трехъ частяхъ свѣта—Африкѣ, Азiи и Полинезiи—нельзя не содрогнуться, какъ сильно еще распространено повѣрье это между племенами, напоминающими ранніе періоды нашей собственной цивилизаціи.

Сказанное одинаково относится и къ суевѣрному страху подавать помощь утопленникамъ. Если повѣрье это въ Европѣ еще и существуетъ, то только, такъ сказать, спорадически и совершенно изолированно. Такъ въ романѣ Вальтеръ-Скотта «Пиратъ» рассказывается о торговцѣ Брайсѣ, который отказывается содѣйствовать Морданту въ спасеніи утопающаго матроса, ссылаясь на такой суевѣрный аргументъ жителей шотландскихъ острововъ: «съ ума вы сошли, что ли? Такъ долго прожить на Шотландѣ, и... и... рѣшаться спасти утопленника... Будто вы не знаете, что если вамъ удастся спасти ему жизнь, то онъ надѣлаетъ вамъ когда-нибудь ужасныхъ несчастій?..» То-же повѣрье встрѣчается также между островитянами Сень-Кильды, между барочниками на Дунаѣ, даже между англійскими и французскими матросами. Но въ Европѣ повѣрье это еще до сихъ поръ удержалось въ видѣ положительнаго и упорнаго вѣрованія,

что придает ему уже довольно серьезный этнологическій смысл. Такъ, по словамъ Крашенинникова, камчадалы формулируютъ запрещеніе спасать утопленниковъ наиболее рѣзко: кто спасетъ тонущаго, будетъ утопленъ самъ. Еще обстоятельнѣе рассказъ Штеллера ¹⁾ относительно этого дикаго повѣрья камчадаловъ: если человѣкъ случайно упалъ въ воду, великій грѣхъ для него хлопотать о спасеніи жизни, ибо такъ-какъ онъ былъ предназначенъ къ утопленію, то поступилъ весьма непохвально, не потонувъ, а потому никто не смѣетъ пускать его въ свой домъ, говорить съ нимъ, давать ему пищу или выдавать за него женщину замужъ: всѣ должны считать его умершимъ. Даже если кто упалъ въ воду въ то время, когда возлѣ него стояли другіе, они не только не должны помогать ему спастись, но даже силою должны толкать его подъ воду—ко дну. Даже въ одной странѣ, въ центрѣ современной «цивилизованной» Европы, повѣрье это до сихъ поръ удержалось, повидимому, съ оттѣнкомъ нешуточнаго религіознаго содержанія. По рассказу Громанна, записанному въ 1864 году, рыбаки въ Богеміи боятся вытаскивать тонущаго человѣка изъ воды. Они говорятъ, что «сводной дѣдъ» (т. е. водяной духъ) помѣшаетъ успѣшному ловленію рыбы и потопить ихъ самихъ при первомъ удобномъ случаѣ. Конечно, мы знаемъ, что въ славянской мифологіи Топелець (духъ-спеціалистъ по части насильнаго утапливанья людей) совершаетъ зачастую весьма неприличные проказы, но чтобы и до настоящаго времени соотечественники Ригера и Палацкаго по своимъ религіознымъ понятіямъ были не выше камчадаловъ—вотъ это намъ кажется весьма неприятной занозой въ пятѣ «просвѣщеннаго» панславизма...

Вообще теорія культурныхъ анахронизмовъ подтверждаетъ только ту, для иныхъ, можетъ быть, весьма грустную истину, что человѣчество никогда не производило и не можетъ произвести ничего условно великаго и прочнаго. По мѣрѣ социальнаго развитія человѣчества, говоритъ Эдуардъ Тэйлоръ, — «наиболѣе вѣскія идеи и дѣла могутъ сохраняться до степени безсодержательнаго анахронизма. Первоначальный смыслъ постепенно вымираетъ, каждое новое поколѣніе менѣе и менѣе удерживаетъ его въ памяти; наконецъ слѣдъ древней старины совершенно исчезаетъ изъ народнаго сознанія, и въ позднѣйшія эпохи этнографія старается уже, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, возстановить первоначальный смыслъ этого анахронизма, складывая одно къ другому звѣнья разбросанныхъ или забытыхъ фак-

¹⁾ Steller: „Kamtschatka“, стр. 265, 274.

товъ. Дѣтскія игры, народныя присловья и поговорки, нелѣпные обычаи, въ практическомъ отношеніи, могутъ быть неважны, но они не лишены важности для дѣла этнографической науки, потому что проливаютъ свѣтъ на нѣкоторые, весьма интересные періоды ранней культуры, тогда какъ жестокіе и нравственно-возмутительные предразсудки существуютъ въ видѣ намековъ на первобытное варварство, унаслѣдованное, силою привычки, позднѣйшимъ и болѣе цивилизованнымъ человѣкомъ» („Primitive Culture“, p. 100).

V.

Вопросъ о повѣрьяхъ и обычаяхъ, объ ихъ живучей силѣ, вымираніи и анахроническомъ возстановленіи среди позднѣйшей культуры неизбѣжно и весьма естественно приводятъ этнографа, такъ сказать, къ общей теоріи мифа, къ разслѣдованію тѣхъ болѣе или менѣе повсемѣстныхъ законовъ, въ силу которыхъ возникаютъ мифическія сказанія въ человѣчествѣ. Дѣйствительно, для науки объ историческомъ развитіи культуры весьма важно знать, изъ какихъ вообще источниковъ рождается извѣстное мифическое сказаніе, что обусловило его относительную интенсивность и живучесть и какимъ образомъ оно было занесено въ позднѣйшее время, въ формѣ суевѣрнаго обычая или народнаго повѣрья.

Напомнимъ читателю, что кромѣ интеллекта въ строгомъ смыслѣ, кромѣ той силы ума, изъ которой непосредственно возникаетъ критическое отношеніе къ природѣ и дѣйствительности, человѣку не менѣе сродна и другая обширная сторона сознательности—воображеніе. Фантазія начала работать въ человѣкѣ одновременно съ критической пытливостью ума, если только не раньше. Потребность воображать, создавать фантастическія истолкованія фактовъ такъ-же естественна, какъ и потребность знать. Тѣмъ не менѣе весьма ошибочно, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ мифу, мнѣніе о безгранично-творческой силѣ фантазіи. Поверхностный наблюдатель, запуганный такимъ множествомъ фантастическихъ сказаній и образовъ, неимѣющихъ никакого объясненія въ матеріальномъ мірѣ, дѣйствительно, можетъ заключить, что все это порождено только воображеніемъ поэта, сказочника, сомнамбулиста, — вышло во всеоружіи, какъ Минерва изъ головы Юпитера. Напротивъ, болѣе внимательное изученіе культуры, въ ея историческомъ развитіи, открываетъ, что и здѣсь имѣетъ мѣсто строгая послѣдовательность отъ причинъ къ

дѣйствию, и что единичное воображеніе ничего не создаетъ за-ново, но только развиваетъ, комбинируетъ, вырабатываетъ нѣчто относительно новое изъ предшествовавшаго матеріала. И дѣйствительно, для того, кто желаетъ изучать процессы обще-человѣческаго воображенія, быть можетъ, пѣтъ лучшей, болѣе наглядной работы, какъ группировка отдѣльныхъ мифическихъ сказаній по ихъ этнографическимъ группамъ. Такимъ образомъ, Мауи, новозеландскій богъ солнца, выудившій островъ Новой Зеландіи изъ морской бездны своимъ волшебнымъ багромъ—займетъ мѣсто рядомъ съ индійскимъ Вишну, который, въ видѣ дикаго кабана, ныряетъ въ глубину океана и выноситъ оттуда потонувшую землю на своихъ чудовищныхъ клыкахъ. Австралійскій богъ Байамъ, говорящій туземцамъ грозными раскатами грома, роднится съ олимпійскимъ громовержцемъ — Зевсомъ. И чѣмъ шире проведена въ этомъ отношеніи параллель, тѣмъ, разумѣется, лучше для пониманія извѣстнаго мифическаго представленія. Напримѣръ, Геродотъ рассказываетъ, что младенецъ Киръ былъ выкормленъ женою пастуха, по имени Спако (греч. Кино), и отсюда родилось сказаніе, будто Кира выкормила дѣйствительная сука. Но дѣло въ томъ, что сказаніе это выхвачено изъ цѣлаго цикла однородныхъ мифическихъ преданій; и здѣсь намъ не поможетъ никакое рационалистическое истолкованіе мифа. Въ самомъ дѣлѣ, неужели мы можемъ удовлетвориться тѣмъ толкованіемъ, будто Ромулъ и Ремъ также были выкормлены не волчицей, а кормилицей, случайно называвшейся Лира,—если намъ извѣстно, что національные герои и божества многихъ другихъ народовъ также были выкормлены волчицами, тиграцами, львицами, самками ягуара и такъ далѣе?..

Вообще съ рационалистическими истолкованіями мифа надобно поступать довольно осмотрительно. Если вообще не подлежитъ сомнѣнію, что многія мифическія сказанія намекаютъ на дѣйствительныя историческія событія и лица, то, съ другой стороны, этотъ нехитрый методъ можетъ повести къ самому забавному произволу. Допустимъ, напримѣръ, что намъ захотѣлось примѣнить мифъ о Персеѣ къ наукѣ политической экономіи. Чтожь, это весьма просто: Персей изображаетъ собою трудъ. Онъ находитъ Андромеду, то есть задѣльную плату, освобождаетъ ее и торжественно восстанавливаетъ ея права... А между тѣмъ такой рационалистическій методъ употреблялся уже въ классической древности. Такъ въ гигантѣ Атласѣ, поддерживавшемъ вселенную на своихъ плечахъ, видѣли какого-то древняго, знаменитаго астронома; полагали даже, что самый Зевсъ—это общее, племенное божество арійскихъ народовъ—былъ когда-то царемъ острова Крита,

и критяне показывали даже его гробницу съ высѣченнымъ на ней именемъ этого царя. Въ наше время этотъ рационалистическій пріемъ сдѣлался до того обыкновененъ, что Э. Тайлоръ считаетъ нужнымъ предостеречь отъ излишнихъ увлеченій. «Пріемъ этотъ, говорить онъ, — имѣетъ свою вѣрную и ошибочную сторону. Нѣкоторыя изъ древнихъ, дикихъ легендъ, безъ сомнѣнія, заключаютъ въ себѣ зерно исторической истины, но многія другія только могутъ его заключать» (Primitive Culture, I, стр. 253).

Происхожденіе и первое развитіе мифа, безъ сомнѣнія, соотвѣтствуетъ младенческому состоянію человѣческаго ума, — тому состоянію, которое вообще можно назвать дикимъ; отъ первобытныхъ временъ, чрезъ все поле культуры, мифъ остается въ наиболѣе чистомъ, неизмѣненномъ видѣ у тѣхъ дикихъ народовъ новѣйшаго времени, которые всего менѣе удалились отъ первобытныхъ условій жизни, тогда какъ высшія и позднѣйшія степени культуры видоизмѣнили извѣстный мифическій образъ — частію удерживая только его внутренній смыслъ или развивая его дальнѣйшіе результаты — и сохранили въ этомъ измѣненномъ видѣ, путемъ наслѣдственной передачи. Такова, въ главныхъ чертахъ, сущность этого вопроса.

Но, спроситъ читатель, изъ какихъ источниковъ воображеніе черпаетъ тему для своихъ мифическихъ образовъ первоначально?..

Главнымъ и древнѣйшимъ источникомъ здѣсь является — олицетвореніе природы. Эта не случайная, но воистинѣ стихійная, неизбежная работа ума соотвѣтствуетъ тому его раннему состоянію, когда человѣкъ, подобно ребенку, всюду подозрѣваетъ сознательную жизнь и волю. Въ этнологической наукѣ это присущее первобытному человѣку олицетвореніе всего видимаго носитъ названіе анимизма, и въ трудѣ Э. Тайлора конецъ перваго и весь второй томъ посвящены разслѣдованію этого характеристически-дикаго, анимистическаго міровоззрѣнія. Для низшихъ человѣческихъ расъ солнце и звѣзды, деревья и рѣки, вѣтры и тучи становятся личными, живыми существами, дѣйствующими сознательно, подобно человѣку или животнымъ, — или, точнѣе, видимое представляется, въ глазахъ такого первобытнаго человѣка, только внѣшнимъ орудіемъ или матеріаломъ, за которымъ скрывается дѣйствующее, сознательное, полу-человѣческое существо. И притомъ не надобно думать, что основаніемъ такого міровоззрѣнія служитъ поэтическая образъ, метафора. Напротивъ, оно вытекаетъ изъ самой сущности младенческой природы, изъ глубокаго внутренняго убѣжденія. Приглядитесь къ дѣтямъ: съ какою комической серьезностью они приписываютъ жизнь и сознательность своимъ

кукламъ, деревяннымъ лошадкамъ или солдатикамъ. Самая кукла или игрушка, по нашему мнѣнію, есть только неизбежная побрякка этой анимистической потребности младенческаго ума. Въ человѣческомъ обществѣ вообще такой умственный складъ проявляетъ себя не только въ видѣ обычая, но и въ видѣ ясно формулированнаго закона у наиболѣе цивилизованныхъ изъ историческихъ народовъ. Дикари племени куки, въ южной Азіи, даютъ обычаю мести самое обширное примѣненіе: если тигръ растерзалъ какого-нибудь куки, вся его семья не успокоится до тѣхъ поръ, пока не убьетъ и не съѣстъ того тигра или другого. Но этого мало: если человѣкъ убитъ, упавъ съ дерева, его родственники мстятъ дереву тѣмъ, что подрубаютъ его подъ корень и затѣмъ разметываютъ въ щепки. Изъ классической эпохи можно указать на Ксеркса, съжущаго непослушное море или бросающаго въ него цѣпи — символъ порабощенія. Но еще замѣчательнѣе въ этомъ отношеніи юридическій обычай древнихъ афинянъ. Въ Пританей, какъ извѣстно, заставляло особенное судилище, произносившее приговоры надъ неодушевленными предметами, причинившими смерть безъ человѣческаго участія, напр., надъ топоромъ, деревянной колодой, камнемъ. Въ случаѣ признанной виновности, такіе предметы были торжественно выбрасываемы въ море. Слѣды этой странной процедуры сохранились даже въ позднѣйшемъ англійскомъ законѣ, отмѣненномъ уже въ настоящее царствованіе: не только животное, умертвившее человѣка, но также колесо, переѣхавшее чрезъ него, или убившее его, при паденіи, дерево признавались «данными Богу» (*Deodand*), т. е. продавалось съ публичнаго торга, а вырученная сумма раздавалась бѣднымъ, на основаніи законоположенія, что «*Omnia quae movent ad mortem sunt Deodanda*». Олицетвореніе природы весьма естественнымъ путемъ переходитъ въ ея обожаніе, въ заселеніе всего видимаго божествами или геніями, обладающими сверхъестественнымъ вліяніемъ на человѣческую жизнь. Анимизмъ переходитъ въ пантеизмъ, но въ представленіи первобытнаго человѣка то и другое не имѣетъ строгаго разграниченія. Если въ глазахъ алеута луна обратилась въ грозное божество, которое можетъ швырять камни и убивать ими людей, то, съ другой стороны, буряты, съжущіе своихъ идоловъ за неисполненіе молитвы ¹⁾, доказываютъ, что первобытный человѣкъ способенъ приравнивать самое божество къ своимъ житейскимъ понятіямъ и страданіямъ. Но, повторяемъ, такое анимистическое воззрѣніе на природу не есть одинъ

¹⁾ Сообщено устно.

поэтический образъ, болѣе наглядное уподобленіе, но вытекаетъ изъ самаго глубокаго, внутренняго убѣжденія. Если индеецъ рассказываетъ вамъ, что къ нему явилась луна въ видѣ прекрасной женщины съ ребенкомъ на рукахъ и попросила табакъ и мѣховую шубу,— что-же тутъ общаго съ метафорой?.. Для того, чтобы понимать возникновеніе первобытнаго мифа, нужно, до нѣкоторой степени, обладать складомъ ума первобытнаго человѣка, а это, въ строгомъ смыслѣ, для нашей новѣйшей, прозаически-выдрессированной мысли едва-ли возможно. Мы соглашаемся съ мнѣніемъ Э. Тайлора, что «для полнаго пониманія древняго мифа нужна не только ученость и сила аргументаціи, но и глубокое поэтическое чувство». Но спросимъ, возможно-ли современному человѣку, будь онъ въ высшей степени одаренъ поэтическимъ чутьемъ—такъ всецѣло оторваться отъ прозаической, трезвой дѣйствительности и перенестись въ эту заповѣдную область непроглядной мифической старины? Едва-ли; по крайней мѣрѣ, едва-ли возможно это для здороваго мозга. Эта необыкновенная игривость мифической фантазіи можетъ быть приравнена только къ болѣзненной субъективности сомнамбулиста. Подобная фантазія, дѣйствительно, можетъ создавать видѣнія, неимѣющія ничего общаго съ явленіями обыкновеннаго, осязаемаго міра, а такова именно, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени, была фантазія человѣка мифическаго періода. Съ другой стороны намъ извѣстно, въ какомъ почетѣ между низшими племенами находится и до сихъ поръ болѣзненный экстазъ, порожденный продолжительнымъ углубленіемъ въ свои думы, воздержаніемъ отъ пищи, наркотическими средствами и вообще раздраженіемъ подобнаго рода. И при этомъ любопытно то, что возбужденная фантазія творитъ только по извѣстному, такъ сказать, туземному, образцу. Напримѣръ, фантазія южнаго африканца, вѣрящаго въ идоловъ съ кривою ногой, вызываетъ въ своихъ видѣніяхъ только кривоногое божество. Если чорта рисуютъ съ рогами, когтями и хвостомъ, то именно потому, что въ экстатическихъ видѣніяхъ онъ представлялся въ такой формѣ, замѣтвая ее изъ народныхъ повѣрій. Эта интенсивная напряженность младенческой фантазіи порождаетъ даже весьма интересное патологическое состояніе, которое, въ свою очередь, даетъ начало довольно страннымъ повѣрьямъ. Въ этомъ отношеніи достаточно обратить вниманіе читателя на повѣрье въ оборотней. Оно порождено какимъ-то страннымъ, болѣзненнымъ состояніемъ фантазіи, которое врачи означаютъ вообще мифическимъ названіемъ ликантропіи (греч. *lykos*—волкъ, *anthropos*—человѣкъ). Повѣрье въ людей, обернувшихся волками, тиграми и дру-

гими звѣрами, находить довольно сильное подтвержденіе въ показаніяхъ тѣхъ самыхъ субъектовъ, которые воображаютъ себя превращенными въ подобныхъ звѣрей. Но для насъ въ особенности интересно географическое распространеніе этого почти повсемѣстнаго народнаго повѣрья.

Между не-арійскими туземцами Индіи существуетъ особенная временная болѣзнь, нѣчто въ родѣ *delirium tremens*, — больной воображаетъ себя тигромъ, ползаетъ на четверенькахъ и избѣгаетъ человѣческаго общества. Въ юговосточной Азіи ходитъ также множество рассказовъ о чародѣяхъ, обращающихся въ тигровъ и рыскающихъ за добычей. Какъ быстро и осязательно воображеніе, запуганное этимъ повѣрьемъ, обращаетъ его въ дѣйствительный фактъ, всего лучше показываетъ рассказъ Добрицгоффера объ абипонахъ южной Америки.

Какой-нибудь колдунъ, желая запугать враждебное племя, угрожаетъ ему, что онъ обернется въ тигра и растерзаетъ всѣхъ ихъ на куски. Нѣ успѣлъ онъ ревнуть хотя одинъ разъ, какъ всѣ уже отъ него разбѣгаются. «Глядите-ка, глядите», кричатъ бѣглецы, — «все тѣло у него уже въ большихъ пятнахъ!...» — «Смотрите», въ ужасѣ горланять женщины, — «когти уже отрастаютъ», — хотя шарлатанъ давно уже спрятался въ свой шалашъ. Тутъ ужъ по неволѣ приходится сказать, что у страха глаза велики. «Да вы каждый день безстрашно убиваете тигровъ въ открытомъ полѣ», замѣтилъ имъ одинъ миссіонеръ, — «почему-же такъ боитесь мнимаго, воображаемаго тигра у себя въ поселеніи?!..» — «Э, отецъ, вы этого не понимаете», отвѣчали ему съ улыбкою: — «въ полѣ мы тигровъ не боимся и убиваемъ ихъ, потому-что видимъ, а вотъ этихъ самодѣльныхъ тигровъ страхъ какъ боимся, потому-что не можемъ ни видѣть, ни убить ихъ». Африка, отечество львовъ, леопардовъ и гіэнь, богата рассказами о превращеніяхъ въ этихъ звѣрей. Нѣкто мистеръ Коффинъ сообщаетъ, что онъ самъ почти видѣлъ подобное превращеніе на своемъ молодомъ слугѣ, изъ племени буда: слуга вдругъ куда-то исчезъ, въ открытомъ полѣ, точно провалился сквозь землю, тогда какъ вблизи показалась огромная гіэна... Онъ-же говоритъ далѣе, что дикари племени буда имѣютъ обыкновеніе носить золотую серьгу въ одномъ ухѣ и что совершенно подобныя серьги были находимы имъ въ ушахъ подстрѣленныхъ или заколотыхъ гіэнь. Впрочемъ, прибавляетъ онъ, дикари буда, славящіеся чародѣйствомъ, нарочно втыкаютъ эти серьги въ уши гіэнь, чтобы поддержать выгодное для нихъ народное суевѣріе. Еще характеристичнѣе рассказъ Дю-Шалью изъ его путешествія въ землю Ашанго. Два человѣка были растер-

заны леопардомъ—не обыкновеннымъ леопардомъ, а, какъ говорили, оборотнемъ. Призвали «доктора»—развѣдать, кто именно былъ этотъ оборотень, и тотъ указалъ на племянника самого племеначальника. Послали за провинившимся, который, на разспросы дяди, объявилъ, что, дѣйствительно, онъ растерзалъ двухъ земляковъ: такъ и такъ, молъ, я самъ тому не виноватъ — обращаюсь въ леопарда и тогда мнѣ страшно хочется крови, но послѣ каждаго убійства опять дѣлаюсь человѣкомъ. Дядя, сильно любившій несчастнаго молодого чело-вѣка, сначала этому не повѣрилъ, но потомъ убѣдился, когда племянникъ показалъ ему въ лѣсу два изуродованные трупы людей, уби-тыхъ въ этомъ болѣзненномъ припадкѣ. Несчастнаго торжественно сожгли на медленномъ огнѣ.

Въ Европѣ сильно распространено народное повѣрье о превраще- нияхъ въ туземнаго звѣря—волка—особенно между славянскими пле- менами. Уже Геродотъ записалъ легенду о неврахъ, обращавшихся, на нѣсколько дней въ году, въ волковъ. По славянскому суевѣрью, волки, такъ дерзко нападающіе на людей въ суровую зиму,—не на- стоящіе волки, а «вилколаки», т. е. люди, превращенные въ волковъ чародѣйствомъ. Въ Германіи народное повѣрье не совѣтуетъ говорить о волкахъ въ декабрѣ мѣсяцѣ, потому что въ это время вездѣ рыщутъ голодные оборотни (Währwolf) и могутъ разорвать неосторожнаго на части. Сохранившееся въ англійскомъ лексиконѣ слово «werewolf» (т. е. волкъ-человѣкъ) показываетъ, что повѣрье это было очень рас- пространено и въ древней Англій, и если теперь оно исчезло тамъ, то, какъ справедливо замѣчаетъ Э. Тайлоръ, не столько отъ недостатка простодушія, сколько за отсутствіемъ самихъ волковъ. Наконецъ, Франція—одна изъ странъ, гдѣ повѣрье это приурочилось наиболѣе упорно. Въ 1573 году парламентъ во Франшъ-Конте издалъ за- конъ, изгонявшій изъ страны всѣхъ оборотней. Въ 1598 году обо- ротень въ городѣ Анжеръ показалъ, что его руки и ноги по време- намъ превращаются въ волчьи когти. Не далѣе, какъ десять лѣтъ тому назадъ, путешественникъ Бэрингъ-Гульдъ не могъ достать про- водника поздней порою чрезъ какую-то пустынную мѣстность, посѣ- щаемую оборотнемъ, что дало ему поводъ написать «Книгу объ обо- ротняхъ»—монографію объ этой замѣчательной смѣси мифическаго повѣрья и умопомѣшательства.

Такимъ образомъ, если многія созданія мифической старины для насъ остаются чуждыми и непонятными, то именно потому, что мы уже не обладаемъ необходимымъ органомъ для такихъ представленій— интенсивною, до болѣзненности напряженною фантазіей первобытнаго.

человѣка. Воображеніе древнихъ и дикихъ народовъ, по замѣчанію Э. Тайлора, занимаетъ нѣчто среднее между здоровымъ прозаическимъ мозгомъ новѣйшаго времени и горячечнымъ бредомъ фанатика или помѣшаннаго. Поэтъ нашего времени, говоритъ онъ далѣе, — все еще сохраняетъ много общаго съ складомъ некультурнаго ума въ мифологическій періодъ мысли. Бредни дикаго человѣка могутъ быть узки, безъискусственны, непривлекательны, тогда какъ у поэта онѣ принимаютъ художественную свѣжесть и отдѣлку, но все-же оба они раздѣляютъ какое-то чутье къ реальности тѣхъ идей, которыя, къ счастью или несчастью, въ конецъ подкопаны новѣйшимъ воспитаніемъ мысли (*Primitive Culture*, I, 284). Для насъ же, обыкновеннаго человѣческаго огула, прошли, невозвратно прошли тѣ блаженныя времена, когда люди садилась пировать за однимъ столомъ съ богами или когда сами, подобно Геркулесу, попадали въ небожители. Историкъ Павзаній, разсуждавшій въ духъ почтеннаго Жозефа де-Местра, объяснялъ это тѣмъ, что свѣтъ становится хуже. Не хуже, но, во всякомъ случаѣ, реальнѣе...

VI.

Но,—вправѣ спросить читатель нашего реальнаго, до всего допрашивающагося времени,—къ какимъ практическимъ результатамъ ведетъ изученіе культуры въ ея историческомъ развитіи отъ первобытныхъ временъ, какой смыслъ можно извлечь изъ всей этой неизмѣримой груды фактовъ, догадокъ и сличеній?.. Какая польза, напримѣръ, знать, что въ Индіи жили когда-то, по разсказу Эліана, люди съ собачьиими головами или что на островахъ Тонга татуируются только мужчины, тогда какъ на островахъ Фиджи, наоборотъ, татуируются не мужчины, а однѣ только женщины?.. Гдѣ непосредственные выводы и результаты этой науки—если только это наука, а не безпечальная мозаика самыхъ разнородныхъ фактовъ въ услуду теоретическаго любомудрія? Эдуардъ Тайлоръ соглашается, что изученіе исторіи и доисторическихъ временъ, съ точки зрѣнія культурнаго развитія, само собою разумѣется, можетъ быть интересно для философскаго ума, въ смыслѣ абстрактной науки. Но и кромѣ того, говоритъ онъ, такое изученіе имѣетъ свою, непосредственно-практическую сторону и не останется безъ могущественнаго вліянія на направленіе новѣйшихъ идей и дѣйствій. Проведеніе связи между тѣмъ, что думали и дѣлали древнѣйшіе, некультурные люди, и тѣмъ, что

думаетъ и дѣлаетъ новѣйшее, культурное человѣчество, не можетъ остаться однимъ неприменимымъ теоретическимъ знаніемъ, потому что при этомъ является возможность строить выводы, насколько новѣйшее мнѣніе стоитъ на твердой почвѣ здороваго, новѣйшаго знанія и что изъ нашихъ идей удержалось анахронически и было занесено изъ раннихъ, первобытныхъ періодовъ культуры. Такое значеніе, по словамъ Тайлора, наука культуры можетъ въ особенности имѣть для громадной области права и моральной философіи. Точная наука, разумѣется, всего менѣе можетъ интересоваться изысканіями этого рода. Инструменты и орудія дикаго не могутъ сообщить особенно важныхъ указаній нашимъ техникамъ; современныхъ врачей не особенно заинтересуютъ рецепты дикарей; математики предоставятъ дѣтямъ самыя замысловатыя задачи дикой арифметики; звѣздосчетство низшихъ расъ вызоветъ только смѣхъ въ нашихъ астрономахъ. Но за то для историка, для юриста, для моралиста такое изученіе можетъ быть богато важными послѣдствіями. Всякому извѣстно, наприимѣръ, какое рѣшительное вліяніе можетъ оказывать основательное знакомство съ исторіей на образъ мыслей и дѣйствій современнаго добросовѣтнаго человѣка. А между тѣмъ одна изъ самыхъ важныхъ ошибокъ, въ которую склонны впадать историки, заключается въ томъ, что, при недостаточномъ знакомствѣ съ общими законами развитія мифа, они не умѣютъ отнестись къ древнему сказанію съ должной критикой, отдѣлать вѣроятное отъ чисто-сказочнаго, невѣроятнаго. Для иныхъ въ глубокой старинѣ все—мифъ, для другихъ—все священная истина. Геродотъ вѣрилъ въ волковъ-невровъ и въ одноглазыхъ аримасповъ, Нибуръ отвергалъ всю древнѣйшую исторію Рима, какъ область непроглядныхъ мифическихъ сказаній. Для однихъ слѣпой пѣвецъ Гомеръ, Девкаліонъ и Пирра, походъ аргонавтовъ—лица и событія, дѣйствительно, историческія, другіе склонны считать несомнѣнно-историческія лица и факты только олицетвореніемъ или аллегорическимъ воплощеніемъ мифа, а вѣдь, какъ намъ кажется, это довольно важно для того, кто видитъ въ историческомъ прагматизмѣ и истинѣ не однѣ куклы, придуманныя на забаву взрослымъ. Область нашего современнаго права, въ обширномъ смыслѣ, находится, быть можетъ, еще болѣе въ прямой связи съ изслѣдованіями о первобытной культурѣ. Иное дѣло—законъ или обычай, устанавливаемые народомъ въ извѣстный періодъ своей исторіи, по требованію даннаго времени и даннаго общественнаго склада. Опять иное дѣло, если этотъ законъ или обычай путемъ унаслѣдованія передается дальнѣйшимъ поколѣніямъ, хотя, можетъ быть, въ измѣненномъ, подновленномъ

видѣ. Здѣсь уже этнографія должна привести то и другое въ стройную гармонию, перекинуть, такъ сказать, мостъ черезъ эту бездну, которая дѣлаетъ безсильною всю аргументацію и моралиста, и юриста. Историческій методъ въ сферѣ культивированной жизни, говоритъ Э. Тайлоръ, — приобретаетъ теперь болѣе и болѣе важное примѣненіе. Нельзя отвергать, что, напр., право маіората англійское законодательство унаслѣдовало, въ измѣненномъ видѣ, отъ давно минувшихъ вѣковъ; законъ этотъ такъ плохо клевется съ условіями современной жизни, что для его мало-мальски удовлетворительнаго объясненія мы неизбежно должны обратиться къ средневѣковой эпохѣ. Но всего важнѣе для насъ то, что развитіе и анахроническое переживаніе закона ограничиваются не однимъ только писаннымъ кодексомъ у сравнительно культурныхъ народовъ. Если ключъ къ образованному закону находится въ законѣ варварскомъ, то, съ другой стороны, не надо забывать, что и варварскій законодатель также руководствовался не столько главными основаніями справедливости, сколько уваженіемъ — подчасъ ребяческимъ и смѣшнымъ уваженіемъ — къ традиціи первобытныхъ эпохъ. (*Primitive Culture*, I, p. 406).

Итакъ, сказанное нами здѣсь въ общихъ чертахъ о значеніи этнографическаго изслѣдованія, какъ мы полагаемъ, уже довольно ясно опредѣляетъ роль этнографіи въ сферѣ другихъ соціальныхъ наукъ. Она указываетъ человѣческому обществу, что изъ существующаго въ его порядкахъ здраво и реально, что ошибочно и традиціонно. Постоянно указывать, обнажать остатки сырой, первобытной культуры, постоянно подстрекать къ ихъ ломкѣ и болѣе логической замѣнѣ — дѣло, можетъ быть, не весьма пріятное и въ особенности нелегкое. Но за то польза очевидна для всякаго. Какъ живая, активная сила въ дѣлѣ направленія прогресса и устраненія преградъ, встрѣчаемыхъ имъ на пути, этнографія перестаетъ быть безплоднымъ и скучнымъ теоретизированіемъ. Прежде и главнѣе всего это — наука провѣрки, а, слѣдовательно, наука реформы и улучшеній...

И. Петровъ.

ЖИВЪЯ КНИГИ.

За много лѣтъ, 1859—1871. Статьи, отрывки, исторія, критика, полемика, судебныя рѣчи и проч. В. Спасовича. Спб. 1872.

Г. Спасовичъ, какъ мы слышали, покинулъ вертоградъ россійскаго «судебнаго краснорѣчія» и «россійской литературы», и вмѣстѣ съ достопочтеннымъ Киркоромъ перенесъ свою дѣятельность за предѣлы земли русской. Г. Киркора намъ, конечно, нисколько не жаль—«скатертью ему и дорога». Боямся только, какъ-бы краковскій университетъ не раскаялся въ своемъ приобрѣтеніи и не возвратилъ-бы намъ это сокровище назадъ. Но г. Спасовича намъ жаль; намъ жаль его уже потому, что его удаленіе обрадуетъ сердца публицистовъ «Голоса» и «Московскихъ Вѣдомостей»; нѣтъ сомнѣнія, что гг. Юркевичъ и Баршевъ поставятъ вкладчину свѣчу Иверской Божіей Матери, а г. Думашевскій пошлетъ поздравительную телеграмму г. Краевскому, а г. Краевскій трижды обнимется и поцѣлуется съ г. Лохвицкимъ. Но эта радость нисколько не печалила-бы насъ, если-бы удаленіе г. Спасовича не было для насъ потерей, какъ общественнаго дѣятеля. Не только вертоградъ нашего «судебнаго краснорѣчія», но и наша литература теряетъ въ г. Спасовичѣ не только одного изъ талантливѣйшихъ дѣятелей, но—что для насъ всего важнѣе—дѣятеля честнаго и всегда искреннаго. Правда, въ послѣдніе 5, 6 лѣтъ г. Спасовичъ почти совсѣмъ не занимался литературною работою, исключительно предавшись адвокатурѣ, но и тутъ, однако, онъ сумѣлъ оказать существенныя услуги литературѣ, являясь передъ судомъ ея защитникомъ, защитникомъ всегда искреннимъ и краснорѣчивымъ... Его-же адвокатской дѣятельности литература

обязана разъясненіемъ нѣкоторыхъ любопытныхъ юридическихъ вопросовъ, близко касающихся ея интересовъ, между прочимъ, вопроса о диффамациі, клеветѣ и оскорбленіи въ печати. Съ послѣднимъ вопросомъ, впрочемъ, связываются воспоминанія, не всѣмъ-то благопріятныя для репутаціи г. Спасовича. Въ 1864 году г. Спасовичъ явился въ этомъ вопросѣ самымъ рѣшительнымъ защитникомъ интересовъ литературы и краснорѣчиво отстаивалъ свободу печатнаго слова отъ юридически-полицейскихъ посягательствъ на нее г. Лохвицкаго, а въ 1869 и 1870 году тотъ-же г. Спасовичъ—недавній защитникъ гг. Аксакова и Ефимова (по дѣлу о д-рѣ Каргерѣ)—фигурировалъ въ роли обвинителя г. Крылова, автора обличительнаго повѣствованія о «Столбахъ», и въ роли адвоката г. Вакселя, псковскаго помѣщика, усмотрѣвшаго въ произведеніи г. Крылова оскорбленіе и поруганіе своей дворянской чести. Этотъ, по истинѣ, достойный сожалѣнія, эпизодъ въ адвокатской дѣятельности автора «За много лѣтъ», совпавшій,—должны мы съ грустью сознаться,—съ нѣкоторыми и другими подобными и не менѣе печальными эпизодами, невольно заставляетъ насъ думать, что г. Спасовичъ, какъ адвокатъ, начиналъ мало-по-малу, такъ сказать, *облохвичиваться* (читатель проститъ намъ это новое и академію наукъ еще неизнанное слово, произведенное отъ фамиліи г. Лохвицкаго). Можетъ быть, это неизбѣжная, роковая судьба каждаго адвоката, можетъ быть, имъ уже такъ на роду написано: начавъ «за заравіе», всегда кончатъ «за упокой» своей общественной репутаціи. Говорятъ, что такой финалъ очень выгоденъ для кармана! Что вы на это скажете, г. Урусовъ, защитникъ дворянской чести г. Огарева? Что вы на это скажете, г. Языковъ, защитникъ начальническаго авторитета и «докторскихъ правъ» г. Горвица? Но, можетъ быть, г. Спасовичъ началъ *облохвичиваться* и не въ силу этого адвокатскаго фатума, а просто въ силу своей чрезвычайной чуткости и воспримчивости къ даннымъ настроеніямъ общественнаго мнѣнія. А, такъ-какъ, въ настоящее время лозунгомъ дня сталъ девизъ: «в нашихъ и вашихъ», а любимѣйшимъ изреченіемъ мудрая пословица: «дѣлай такъ, чтобы и волки были сыты, и овцы цѣлы», то что же удивительнаго, если и г. Спасовичъ немножко заразился «иудростью вѣка.» Чуткость и воспримчивость къ господствующему настроенію—это почти неизбѣжное свойство всякой живой, подвижной, увлекающейся натуры, а такую именно натурую всегда былъ и остался г. Спасовичъ. Благодаря этимъ качествамъ своей натуры, онъ съ такимъ усѣхомъ подвизался на поприщѣ адвокатуры, и пользовался такою любовью и симпатіею здѣш-

ней молодежи, когда былъ профессоромъ петербургскаго университета по кафедрѣ уголовного права. Его живая, остроумная рѣчь, отражавшая въ себѣ всѣ свойства его подвижнаго, живого, увлекающаго характера, производила всегда неотразимое впечатлѣніе на слушателей; они чувствовали, что передъ ними не сухой профессоръ-цедантъ, не продажный адвокатъ-софистъ, а живой и честный человекъ, искренне убѣжденный въ томъ, что онъ говоритъ, и прежде еще, чѣмъ согласиться съ нимъ, они уже симпатизировали ему, они уже любили его. Но тѣже свойства г. Спасовича, объясняющія его популярность, какъ профессора и адвоката, объясняютъ намъ разнохарактерность, разбросанность его занятій и неустойчивость его мысли, какъ общественнаго дѣятеля. Онъ былъ рѣшительно не въ состояніи исключительно сосредоточиться на одномъ какомъ-нибудь предметѣ, приурочить себя къ одному-какому-нибудь опредѣленному роду дѣятельности. То онъ отважно бросается въ густой лѣсъ юриспруденціи и съ трудомъ выбирается изъ темныхъ трупобъ криминальной метафизики, возбуждая гнѣвъ и злобу въ гг. Баршевыхъ и Юркевичахъ, то онъ хватается за изученіе польской литературы и издаетъ вмѣстѣ съ г. Пыпинымъ весьма обстоятельный «Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ», то онъ ограничивается скромною ролью журнальнаго рецензента и компилятора, пишетъ разборы юридическихъ книжекъ и передовыя статьи въ «Петерб. Вѣдомости», историческія компиляціи для «Вѣстника Европы», то онъ опять беретъ за старые и новые «кодексы» и «уложенія», и опять фигурируетъ въ роли присяжнаго юриста, только уже не юриста-философа, а юриста-практика. Мы очень хорошо знаемъ силу тѣхъ внѣшнихъ, отъ г. Спасовича «независящихъ обстоятельствъ», на которыя можно сослаться для объясненія всѣхъ этихъ метаморфозъ его общественной дѣятельности. Но одними этими «независящими обстоятельствами» все-таки нельзя ихъ вполне объяснить. Многихъ изъ товарищей г. Спасовича, по петербургскому университету, послѣ достопамятной «исторіи» 1861 года, поразили почти такія-же невзгоды, какъ и его, но это, однако, не заставило ихъ измѣнить своимъ специальнымъ занятіямъ, и г. Костомаровъ не сдѣлался юристомъ, а г. Пыпинъ не сталъ составлять историческихъ компиляцій и писать юридическихъ рецензій. Мы упоминаемъ объ этомъ совѣмъ не для того, чтобы вызвать въ головѣ читателя какую-нибудь, невыгодную для г. Спасовича, параллель между нимъ и гг. Костомаровымъ и Пыпинымъ. Какъ ни велики ученые заслуги послѣднихъ, но все-таки никакая параллель съ ними не можетъ умалять достоинствъ

г. Спасовича. По силѣ и размѣрамъ своего таланта, какъ оратора и какъ писателя, г. Спасовичъ, безспорно, стоитъ выше всѣхъ своихъ бывшихъ товарищей по университету. Бѣда только въ томъ, что г. Спасовичъ, какъ намъ кажется, рѣшительно ошибся при выборѣ своей спеціальности. Его живой, подвижной умъ, хотя и не глубокий, но всегда ясный, здравый смыслъ, не могъ долго уживаться въ душевной, замкнутой сферѣ юридической казуистики и отвлеченно-туманной метафизики, не могъ примириться съ ея бездушными формулами. Онъ хотѣлъ внести въ дремучій лѣсъ метафизической криминалистики свѣтъ наиболѣе гуманныхъ и трезвыхъ воззрѣній, выработанныхъ въ наше время иными, болѣе живыми и плодотворными науками, чѣмъ отжившая и безплодная казуистика. Но у него не хватило ни достаточно энергіи, ни достаточно послѣдовательности для того, чтобы расчистить засоренныя дороги и разсѣять густой мракъ лѣса; онъ самъ скоро запутался въ немъ, и философская часть его «Учебника уголовного права» составляетъ, какъ извѣстно, самую слабую часть этого труда. Его вылазки противъ «абсолютныхъ» и такъ-называемыхъ «относительныхъ» теорій господствующей юридической метафизики слабы и нерѣшительны, а его собственная теорія опирается на такія-же идеалистическія основанія, какъ и теоріи разбираемыхъ имъ криминалистовъ. Многіе изъ читателей, быть можетъ, еще помнятъ тѣ пошлыя обвиненія, клеветы и инсинуаціи, которыми московская пресса встрѣтила «Учебникъ» г. Спасовича; московскіе ученые мужи поручили даже «единому» изъ среды своей «нарочито» отправиться въ Петербургъ и тамъ, въ самомъ логовищѣ «нигилизма и отрицанія», въ актовомъ залѣ с.-петербургскаго университета, поразить на смерть ужаснаго ех-профессора-нигилиста ядовитыми стрѣлами своего краснорѣчія. Извѣстно, что планъ этотъ тогда не совсѣмъ удался и что хотя «ученый мужъ» и прибылъ въ Петербургъ и явился въ актовую залу, но почему-то *не рѣшился* вынимать изъ своего колчана смертоубійственныя оружія. Это сдѣлалъ за него другой московскій «мужъ», тотъ самый, который заявилъ впоследствии, на одномъ торжественномъ обѣдѣ, что если «судить его по его дѣйствительному достоинству», то онъ вполне заслуживаетъ «оплеухи». И что же, по самымъ точнымъ и логическимъ заключеніямъ, оказалось, что авторъ «Учебника» «нигилистъ», «коммунистъ», что онъ давно уже подкапывается подъ «основы бытія», отрицаетъ наказаніе и (это было особенно послѣдовательно!), оправдываетъ терроръ польскаго жовда?

Для всякаго безпристрастнаго читателя «Учебника», для всякаго чело­вѣка, хоть сколько-нибудь знакомаго съ литературною и обще­ственною дѣятельностью г. Спасовича, должна быть вполне очевидна вся нелѣпость подобныхъ благонамѣренныхъ вылазокъ, въ примѣненіи къ автору «Учебника». Но если, съ одной стороны, онѣ нелѣпы, то съ другой—онѣ все-таки весьма многознаменательны: онѣ показываютъ, что уголовныя доктрины автора выражены крайне неясно и неопредѣлен­но, что онѣ могутъ *подать поводъ* (не одному Юркевичу, самъ г. Спасовичъ отчасти признаетъ это въ своемъ отвѣтѣ г. Юркевичу, см. «За много лѣтъ», стр. 50) усумниться относительно того, какъ смотритъ авторъ на основныя догмы криминальной метафизики. И даже послѣ блестящаго отвѣта г. Спасовича г. Юркевичу (вошедшаго въ его книгу «За много лѣтъ», стр. 44 — 50), эти сомнѣнія не вполне разъяснились, да и не могли вполне разъясниться, потому-что они вытекали изъ самой сущности отношеній г. Спасовича къ основ­ному принципу уголовного права. Всѣ теоріи уголовного права при­знаютъ наказаніе за неустранимую необходимость. Такъ-же смотритъ на него и г. Спасовичъ. Но, признавая его необходимость, онъ не рѣшается оправдывать этой необходимости ни тою справедливостью, которою оправдываютъ ее абсолютныя теоріи, ни тою пользою, во имя которой защищаютъ ее теоріи относительныя. Его «высшая справед­ливость» требуетъ «всепрощенія обидъ» (см. отвѣтъ Юркевичу стр. 50), а не возмездія; его гуманность и здравый смыслъ не могутъ примириться съ тѣмъ, чтобы чело­вѣка мучили ради пользы другихъ или даже ради его собственной. Принципъ наказанія не имѣ­етъ, такимъ образомъ, въ его глазахъ никакого философскаго осно­ванія. Онъ остается простымъ эмпирическимъ фактомъ, который мож­но объяснять, но не оправдывать. Ставъ на такую точку зрѣнія, г. Спасовичу нужно было сдѣлать только одинъ шагъ, чтобы при­знать уголовную систему за *историческій продуктъ* данныхъ об­щественныхъ и экономическихъ отношеній, разсматривать ее въ связи съ историческимъ развитіемъ этихъ отношеній. Но въ такомъ случаѣ наука уголовного права теряла-бы всякое самостоятельное значеніе и расплывалась-бы въ исторіи и соціологіи. Г. Спасовичъ не сдѣлалъ этого шага, у него не хватало для этого смѣлости и глубины мысли. Онъ по рутинѣ признаетъ за наукою *право* на самостоятельность и считаетъ «тщетными всѣ попытки распустьить юриспруденцію въ дру­гихъ наукахъ и явленіяхъ жизни общественной» («За много лѣтъ», Теорія взлома, стр. 306). Но тутъ-то онъ и попалъ въ заколо­ванный кругъ, изъ котораго не могло и быть никакого разумнаго

выхода. Юристъ, установившій для принципа наказанія какой-нибудь твердый и опредѣленный критерій, имѣеть въ этомъ критеріи руководящую нить, которая даетъ ему возможность безболзненно и самоувѣренно путешествовать по заутанному лабиринту криминальных формъ. Онъ будетъ знать, какъ къ нимъ отнестись, какъ ихъ оправдать и какъ ихъ объяснить. Правда, это отношеніе будетъ по своему характеру произвольно и метафизично; но оно будетъ всегда ясно и недвусмысленно. Напротивъ, юристъ, незапасшійся такою руководящею, метафизическою нитью и нежелающій выводить юридическія формы изъ формъ общественныхъ и экономическихъ, очутится въ лабиринтѣ уголовныхъ кодексовъ въ крайне-неловкомъ положеніи. Ему придется каждую форму объяснять *самой изъ себя*, переноситься мысленно на мѣсто людей, создавшихъ эту форму и соображать, кѣіе психическіе мотивы обусловили или должны были ее обусловить. Это называется раскрывать «внутренній смыслъ» юридическихъ формъ; предполагается, что «внутри всякой юридической формы извѣстный идеаль кроется точно шелковичный червякъ въ коконѣ» (Теорія взлома, «За много лѣтъ», стр. 307). Нечего и говорить, сколько метафизики и произвола въ этомъ предположеніи, сколько неточности и безсмыслія въ методѣ, доискивающимся путемъ априорныхъ измышленій и психологическихъ тонкостей до воображаемаго «шелковичнаго червя». Но это еще не все. При такомъ отношеніи къ уголовному праву, оно распадается на калейдоскопическую систему ничѣмъ между собою несвязанныхъ юридическихъ формъ. Каждая изъ этихъ формъ требуетъ для себя отдѣльнаго самостоятельнаго анатомированія, и вашъ умъ, начавшій съ свободнаго, отрицательнаго отношенія къ основнымъ метафизическимъ принципамъ права, кончаетъ тѣмъ, что мало-по-малу примиряется съ каждою частною юридическою формою и отыскиваетъ въ ней какой-нибудь глубокой, разумный смыслъ. Идя этою дорогою, можно дойти до геркулесовскихъ столбовъ всевозможныхъ нелѣпостей, до оправданія всякаго эмпирическаго факта, до положенія, что «все дѣйствительное — разумно». Счастіе ваше, если здравый смыслъ шѣпаетъ вамъ называть черное — бѣлымъ, если ваша гуманность протестуетъ и возмущается каждый разъ, когда «существующее» противорѣчитъ вашему идеалу человеческого счастья; благо вамъ, если этотъ идеаль не выгѣснили еще изъ вашей головы анатомическіе анализы юридическихъ формъ. И такое именно счастье выпало на долю г. Спасовича. При его отрицательномъ отношеніи къ основнымъ метафизическимъ принципамъ уголовного права, съ одной стороны, — при его взглядѣ на эту науку,

какъ на науку самостоятельную, при его нежеланіи выводить юридическія формы изъ историческаго развитія формъ соціальныхъ, съ другой, — ему ничего болѣе не оставалось, какъ превратить ее въ анатомію отдѣльныхъ юридическихъ формъ и отыскивать въ каждой изъ этихъ формъ свой особенный, ей спеціально-присущій смыслъ, — ея идеалъ. Его тонкій, діалектическій умъ былъ, повидимому, очень способенъ для такой работы. Однако, онъ не могъ съ нею примириться; метафизическая казуистика не удовлетворяла его постоянныхъ стремленій къ обобщенію, къ синтезу. Его здравый смыслъ не позволялъ ему примириться со всякою юридическою формою и видѣлъ софистику въ ухищреніяхъ мысли отыскать какое-нибудь разумное содержаніе, какой-нибудь идеалъ въ каждомъ данномъ юридическомъ фактѣ. — Благодаря этому обстоятельству, онъ мало-по-малу долженъ былъ придти почти къ такому-же взгляду на частныя юридическія формы, къ которому онъ пришелъ по отношенію къ основному началу уголовного права, — онъ призналъ ихъ за простые эмпирическіе факты и отказался искать въ нихъ *во что бы то ни стало* разумной идеи, осмысленнаго содержанія. «Юридическія теоріи и формы, говоритъ онъ, — похожи на тѣ лѣса, которые ставятъ архитекторъ при возведеніи зданія; они не красивы, но безъ нихъ нельзя обойтись. Ихъ можно разобрать, но вмѣсто разобранныхъ нужно поставить новые» (ib., стр. 315). При такомъ взглядѣ на юридическія формы, юридическая наука превращается въ простой агрегатъ эмпирическихъ фактовъ, а анализъ и изученіе этихъ фактовъ сводится къ простому вопросу: *можно или нельзя безъ нихъ обойтись?* Наука, низведенная до такой жалкой роли и обреченная на такое скучное и, въ большей части случаевъ, совершенно бесполезное времяпрепровожденіе, очевидно не могла дать пищи живому и гибкому уму г. Спасовича. Онъ также мало могъ ужиться и въ предѣлахъ *эмпирической*, какъ и въ предѣлахъ *метафизической науки* права. Вотъ почему въ своей литературной дѣятельности онъ постоянно старался выйти изъ этихъ предѣловъ, вотъ почему мы и сказали выше, что онъ сдѣлалъ ошибку, выбравъ для себя юридическую спеціальность. *Ученымъ юристомъ* онъ не могъ быть по причинамъ, указаннымъ нами выше. Его живой, увлекающійся и потому не слишкомъ-то уважавшій логическую послѣдовательность умъ *) былъ не на столько тупъ, чтобы примириться

---

*) Въ одной изъ самыхъ блестящихъ своихъ юридическихъ статей Спасовичъ высказываетъ мысль, что «крайняя логичность ведетъ на дѣлѣ, какъ всякому изъ

съ ходячею рутиною, и не на столько глубока и оригинальна, чтобы проложить для науки новые пути. *Юристомъ-практикомъ* онъ также не могъ сдѣлаться отчасти вслѣдствіе тѣхъ-же свойствъ своего ума, и отчасти вслѣдствіе постоянного стремленія его мысли къ синтезу, къ обобщенію. Въ его адвокатскихъ рѣчахъ (въ особенности въ рѣчи, сказанной имъ въ защиту г. Кузнецова по такъ-называемому нечаевскому дѣлу, «За много лѣтъ», стр. 418—442) эта синтетическая склонность его ума обнаруживается съ поразительною рельефностью. Склонность къ синтезу мѣшаетъ ему сосредоточиться на единичныхъ фактахъ, обособить ихъ, углубиться въ нихъ, проникнуться ими. Когда вы слушаете или читаете его адвокатскія рѣчи, вамъ невольно кажется, что передъ вами не адвокатъ, а профессоръ, и что его мѣсто не на судебной скамьѣ, а за университетскою кафедрою. Онъ слишкомъ философъ для того, чтобы быть адвокатомъ; но, съ другой стороны, онъ слишкомъ увлекается и недостаточно уважаетъ логику для того, чтобы быть философомъ. Чѣмъ-же онъ могъ-бы и долженъ-бы былъ быть? Намъ кажется, что всѣ свойства и качества его ума всего болѣе соответствуютъ дѣятельности публициста и журналиста. Недовольно-глубокій и оригинальный умъ гарантируетъ его отъ «вредныхъ крайностей» логики, а впечатлительная, увлекающаяся натура дѣлаетъ его очень чуткимъ и воспримчивымъ къ даннымъ настроеніямъ минуты. Кромѣ этихъ общихъ качествъ, необходимыхъ для публициста, онъ обладаетъ способностью выражать свои мысли необыкновенно рельефно, живо и популярно, увлекать своею діалектикою, а подчасъ даже поэтическою образностью и одушевляющею страстностью своей рѣчи. Его компіляціи (по Шпрингеру «Новѣйшая исторія Австріи» и по Фюстель-Куланжу) принадлежатъ къ числу самыхъ талантливыхъ компіляцій, появившихся за последнее время въ нашей литературѣ. Его полемическія статьи противъ Лохвицкаго и Юркевича обнаруживаютъ въ немъ весьма искуснаго журнальнаго бойца, умѣющаго ловко пользоваться богатыми средствами своей эрудиціи и своей діалектики. Въ статьяхъ: «Пятидесятилѣтіе петербургскаго университета» и «Очеркъ исторіи польской литера-

---

тиски, къ величайшимъ нецѣлостямъ» («Теорія взлома», стр. 314). Можетъ быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ это и справедливо. Только человекъ, который такъ смотритъ на «логичность», едва-ли въ состояніи сдѣлаться когда-нибудь замѣчательнымъ ученымъ и всего менѣе онъ способенъ быть *ученымъ-реформаторомъ*. Тотъ, кто боится «крайностей» логики, тотъ не долженъ браться за строго-научную, философски-осмысленную дѣятельность, подъ страхомъ вѣчно пребывать на уровнѣ обыденной посредственности.

туры» онъ является не простымъ рассказчикомъ, преслѣдующимъ какія нибудь отдѣльныя цѣли, а увлекательнымъ публицистомъ. Последняя статья — «Очеркъ исторіи польской литературы» — проливаетъ особенно яркій свѣтъ на талантъ г. Спасовича, какъ журналиста-популяризатора. Ученая эрудиція автора въ ней какъ-бы совершенно скрадывается, благодаря удивительной легкости разсказа, картинности и живости описаній. Сравните этотъ очеркъ съ очеркомъ исторіи южно-славянскихъ литературъ г. Пышина — очеркомъ, весьма замѣчательнымъ по своимъ научнымъ достоинствамъ, — и вы сейчасъ-же увидите всю разницу между талантомъ послѣдовательнаго и логическаго мыслителя и талантомъ живого, увлекающагося публициста. Въ «Очеркѣ» г. Спасовича нѣтъ ни глубокихъ и оригинальныхъ мыслей, ни одной какой-нибудь послѣдовательно-проведенной идеи, подъ которую искусно подгоняются факты, ни ясности и опредѣленности міросозерцанія, — зато увлекательность разсказа, мѣткость сужденія, точность характеристикъ, честность и искренность убѣжденій производятъ на читателя самое выгодное впечатлѣніе и онъ незамѣтно отдаетъ автору свои симпатіи и подчиняется вліянію его руководящихъ взглядовъ. Такова всегда сила талантливаго публициста, и эту силу г. Спасовичъ обнаруживалъ каждый разъ, когда онъ выступалъ на публицистическое поприще. Ту-же силу онъ обнаруживаетъ въ своей полемикѣ съ Лохвицкимъ (по вопросу о диффамаци) и Юркевичемъ (по поводу свего «Учебника уголовного права») и въ своей статьѣ «Пятидесятилѣтіе петербургскаго университета». Эти четыре статьи (или, вѣрнѣе, пять, потому-что Лохвицкому посвящены двѣ статьи), которыя давно уже знакомы, вѣроятно, нашимъ читателямъ, и о которыхъ, поэтому, мы не станемъ распространяться, принадлежатъ къ числу лучшихъ произведеній автора «За много лѣтъ» и очень типично характеризуютъ его умственную физиономію и то честное, всегда искреннее направленіе, котораго онъ держался во все время своей литературной и общественной дѣятельности. Кромѣ нихъ въ сборникѣ помѣщены: весьма обстоятельная и интересно составленная компиляція по книгѣ Шпрингера «Geschichte Oesterreiche's seit dem Wiener Frieden 1809» (помѣщавшаяся въ «Вѣстникѣ Европы» за 1866 г.) — «Новѣйшая исторія Австріи», небольшая компиляція изъ обширнаго сочиненія Фюстель-Куланжа «La cité antique etc.», три незначительныя рецензіи тоже болѣе компилятивнаго, чѣмъ критическаго характера (по поводу книги г. Стасюлевича «Исторія среднихъ вѣковъ», т. 3, по поводу «Уголовно-статистическихъ этюдовъ» г. Неклюдова и 2-й части «Курса гражданскаго права» г. По-

бѣдоносцева), рѣшительно ничѣмъ не замѣчательный и крайне поверхностный «Взглядъ на русскую литературу, на ея главные органы и партіи въ концѣ 1858 г.», небольшая статейка о «Смертной казни», напечатанная, кажется, въ «Сиб. Вѣдом.» въ 1865 году, въ юридическомъ отношеніи неимѣющая серьезнаго значенія, но весьма полезная при тогдашнихъ обстоятельствахъ (извѣстно, какое широкое примѣненіе имѣла у насъ въ то время смертная казнь, благодаря временному расширенію юрисдикціи полевыхъ и военныхъ судовъ) и написанная съ большимъ тактомъ и талантомъ; наконецъ, также небольшая, но очень замѣчательная статья (тоже помѣщенная въ «Сиб. Вѣдом.» отъ 13-го января 1865 г.) «Теорія взлома». Статья эта замѣчательна не только въ чисто-юридическомъ отношеніи, но также и въ отношеніи къ личности самого автора, — превосходно характеризуетъ его положеніе въ наукѣ уголовного права. Въ сжатой, ясной и чрезвычайно популярной формѣ г. Спасовичъ излагаетъ здѣсь главнѣйшія изъ господствующихъ теорій взлома и своими замѣчаніями по поводу этихъ теорій опредѣляетъ свои отношенія къ юриспруденціи вообще. Статья написана въ видѣ діалога между авторомъ и его пріятелемъ. «У меня—такъ начинается г. Спасовичъ—есть пріятель—человѣкъ престранный, завзятый законникъ, великій любитель историческаго въ правѣ, великій почитатель юридическихъ формъ и обрядовъ, умѣющій подъ всякій фактъ и подъ всякую форму подставить какую-нибудь теорію своего издѣлія и защищающій ее потомъ до-ушаду. Онъ былъ врагъ кодификаціи и любитель англійской юриспруденціи съ ея уваженіемъ къ обычаямъ и съ ея грудами судебныхъ рѣшеній; онъ одобрялъ французскій кассационный судъ, за то, что этотъ судъ не согласился уничтожить несправедливый приговоръ, осудившій безвинно на смерть Лезюрка, дабы не поколебать авторитета *rei judicatae*. Онъ возмущался легкостью, съ которою французскіе присяжные оправдываютъ убійство женъ и ихъ любовниковъ ревнивыми мужьями; былъ весьма снисходителенъ къ дуэли и совершенно равнодушенъ къ вопросу о тѣлесныхъ наказаніяхъ. Вообще онъ больше значенія приписывалъ нравамъ, нежели законамъ, былъ постепенцемъ въ прогрессѣ, осуждалъ всякую рубку съ плеча въ дѣлѣ преобразованій и съ ироническою улыбкою скептика смотрѣлъ на такъ-называемыя бумажныя реформы». Однимъ словомъ, это было воплощеніе принципа юридической науки — логической и послѣдовательной, сухой и безсердечной, строго-консервативной и строго-формальной. Съ этимъ мертвымъ воплощеніемъ отвлеченнаго принципа вступаетъ въ разговоръ живой и гуманнѣйшій че-

ловѣкъ — самъ г. Спасовичъ. Г. Спасовича возмущаетъ метафизичность и формализмъ юриспруденціи, съ невозможными фикціями, съ ея нелѣпыми предположеніями. «Хороши вы, господа юристы, говорятъ онъ своему пріятелю, — съ вашею доктриною, по дѣламъ гражданскимъ, что *la forme emporte le fond*, съ вашимъ дѣленіемъ правды на матеріальную и формальную, съ вашимъ ученіемъ, что никто не можетъ отговариваться незнаніемъ закона, между тѣмъ какъ известно, что закона почти никто не знаетъ, съ вашими фикціями и искусственными предположеніями, съ вашею законностью, которая опутываетъ паутинною сѣтью только мухъ, но черезъ которую прорываются болѣе крупныя или болѣе изворотливыя животныя». «Весь этотъ жаргонъ юридическій изобрѣтенъ какъ-будто-бы нарочно для того, чтобы мутить пониманіе человѣка, непосвященнаго въ тайны юриспруденціи: кто изъ профановъ пойметъ эти тонкія различія между зачинщиками и подстрекателями и разными родами сообщниковъ, кто пойметъ, съ перваго разу, что означитъ кража вторичная и третичная, свыше и ниже 30 рублей, дневная и ночная, съ мертвого или съ живого, со взломомъ перваго или втораго рода или со влѣзаніемъ въ хранилище, или съ переодѣваніемъ, съ простымъ умысломъ или съ предумышленіемъ?» (стр. 306). Воплощеніе принципа юриспруденціи — пріятель г. Спасовича старается доказать, что все эти и многія другія «непонятныя» для профана юридическія формулы не такъ нелѣпы и бессмысленны, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда, что подъ ними сокрыто глубокое и разумное содержаніе — нѣкоторый идеалъ справедливости. «Увѣрю васъ, по опыту, говоритъ онъ, — что въ области юридическихъ формъ и отношеній гораздо болѣе исполненныхъ содержанія, нежели выдохшихся и пустыхъ». Живой человѣкъ, какъ и слѣдовало ожидать, сомнѣвается. «Чѣмъ вы это докажете?» спрашиваетъ г. Спасовичъ у своего Ульціана (такъ въ насмѣшку прозывали этого пріятеля). Ульціанъ предлагаетъ, для нагляднаго подтвержденія своихъ словъ, прибѣгнуть къ опыту: «я, говоритъ онъ, — вскрою при васъ одну изъ личинокъ, которыя вы съ пренебреженіемъ отнесли къ умершимъ, и покажу, что внутри ея сидитъ живой еще червякъ. Вы нападаете на сложность юридическихъ формъ, облакающихъ общедоступное понятіе кражи, вы упомянули между прочимъ и о взломѣ. Не хотите-ли избрать для примѣра именно взломъ». Такимъ образомъ, вы видите, что частный, спеціальнѣйшій вопросъ о взломѣ превращается въ вопросъ о цѣлой наукѣ, и вы съ возрастающимъ вниманіемъ начинаете слѣдить за разговоромъ двухъ пріятелей, забывая, что дѣло идетъ объ

одной изъ спеціальтѣйшихъ и микроскопическихъ частности скучной и сухой юридической матеріи. Нужно имѣть много публицистическаго таланта, чтобы съ такимъ искусствомъ втянуть читателя въ кругъ совершенно чуждыхъ ему интересовъ и незамѣтно поднять его на туманныя высоты юридической метафизики. Пріятель г. Спасовича пускается въ сравнительную анатомію взятой для примѣра юридической формы и докапывается, наконецъ, до искомаго «живого червяка» — до теоріи, до логическаго опредѣленія понятія взлома. Теорія выведена по всѣмъ правиламъ индуктивнаго опыта и провѣрена дедуктивною аргументаціею. Ульпіанъ торжествуетъ: онъ чувствуетъ, что поразилъ профана и поддержалъ честь своей науки. Но живой человѣкъ двумя-тремя фразами, внушенными простымъ здравымъ смысломъ, взрываетъ на воздухъ всю его ученую аргументацію; суровый представитель мертвой quasi-науки — какъ это и всегда бываетъ съ подобными людьми — сердится и выходитъ изъ себя. Не зная, какъ отдѣлаться отъ здраваго смысла, онъ пускаетъ въ ходъ обыкновенные полемическіе приемы «непонятыхъ ученыхъ». «Голова-то у васъ совсѣмъ не юридическая, — не находитъ онъ ничего лучшаго возразить г. Спасовичу; — я вамъ излагаю всѣ тонкости построенія извѣстнаго юридическаго понятія, а вы, вмѣсто того, чтобы любоваться ихъ красотою, пускаете въ ходъ вашу мелкую критику. Глядя на статую Венеры Медицейской, вы способны замѣтить, что у нея неловко надѣтъ на ногу котурниъ или раскритиковать складки ея платья или ея прическу. Ne sutor ultra crepidam.» Этимъ и окончился споръ. Но не думайте, что живой человѣкъ такъ-таки и восторжествовалъ надъ мертвою наукою, — нѣтъ: вѣдь живой-то человѣкъ — г. Спасовичъ, а онъ *живой* да не совсѣмъ. По уходѣ Ульпіана онъ не рѣшился выбросить вмѣстѣ съ нимъ за дверь юридическую схоластику, страхнуть съ себя юридическую шиль и ветошь и обратиться въ другую сторону, къ другимъ предметамъ свою пытливую мысль, свою живую дѣятельность. Онъ сталъ, напротивъ, глубокомысленно размышлять надъ метафизическими соображеніями своего пріятеля и пришелъ, наконецъ, къ примирающей и успокоительной мысли, что хоть юридическія формы и «некрасивы, но безъ нихъ нельзя обойтись. Ихъ можно разобрать, но вмѣсто разобранныхъ надо поставить новыя»; «эту форму (т. е. взломъ) можно устранить, но надобно вмѣстѣ съ тѣмъ придумать другой какой-нибудь признакъ, другое обстоятельство, по которому-бы можно было опредѣлить въ извѣстной постепенности наказаніе. Я задался мыслью прискаты такія формы, я долго носился съ этою мыслью, но до сихъ поръ не придумалъ ничего»

(стр. 315). И совершенно напрасно носились; юридическія формы, въ самыхъ существенныхъ и характеристическихъ своихъ чертахъ, опредѣляются не праздными юристами-метафизиками, а экономическими и общественными интересами и отношеніями; юристы являются на сцену съ своими логическими опредѣленіями, подраздѣленіями, деталями, частностями и т. п. только уже тогда, когда форма уже готова и санкціонирована практикою. Конечно, и эти детали, эти логическія и формальныя опредѣленія могутъ послужить нѣкоторымъ матеріаломъ для умственныхъ упражненій. Но работать надъ такимъ пустымъ матеріаломъ, питаться такою недоброкачественною пищею, — право, на такой подвигъ можетъ обречь себя только умъ весьма посредственный и весьма тупой. Г. Спасовичъ не могъ сидѣть долго на этой больничной діатѣ и этимъ мы объясняемъ себѣ его постоянныя и частыя вылазки въ сферы знаній, чуждыхъ мертвой юридической схоластики.

Кромѣ указанныхъ статей, въ сборникѣ «За много лѣтъ» помѣщено нѣсколько рѣчей, произнесенныхъ г. Спасовичемъ въ здѣшнихъ судебныхъ мѣстахъ, и одна — въ одесской судебной палатѣ. Изъ этихъ рѣчей, въ юридическомъ отношеніи, какъ намъ кажется, особенно замѣчательны: рѣчь, сказанная въ защиту графа Ираклія Маркова, рѣчь по дѣлу о порубкѣ въ лѣсахъ сестротѣцкаго оружейнаго завода и въ защиту издателя книги Луи-Блана «Письма объ Англіи». Для умственной характеристики самого г. Спасовича представляетъ интересъ рѣчь, сказанная въ защиту Кузнецова (по дѣлу о государственномъ преступленіи), и г. Гайдебурова, издателя книги Вундта: «Душа человѣка и животныхъ». Рѣчь въ защиту г-жи Авдѣевой (по дѣлу объ убійствѣ фонъ-Зона) заслуживаетъ вниманія, какъ одна изъ прекраснѣйшихъ образчиковъ адвокатскаго краснорѣчія автора «За много лѣтъ».

Туруханскій край, его природа и жители. П. И. Третьякова.
Спб. 1871 г.

Въ русской географіи есть ужасныя слова, въ родѣ *Камчатка*, *Мезень*, *Туруханскъ*, *Устьсысольскъ*, *Березовъ*. Въ этихъ медвѣжьихъ углахъ живутъ главнымъ образомъ инородцы, а русскіе составляютъ меньшинство. Нерѣдко дѣлались попытки для администра-

тивныхъ и торговыхъ цѣлей заселить эти мѣстности русскими колонистами, но почти всѣ попытки оканчивались ничѣмъ. Забайкальскіе старобрядцы, поселенные въ пятидесятихъ годахъ настоящаго столѣтія по дорогѣ изъ Якутска въ Аянъ, почти всѣ вымерли отъ цынга, тифа и голода. Въ началѣ настоящаго столѣтія вздумали было заселить трактъ отъ Енисейска до Туруханска. Приплавивъ народъ на двухъ большихъ баркахъ и въ предположенныхъ къ заселенію пунктахъ начали оставлять по три и по четыре семьи, снабжая ихъ всѣмъ необходимымъ для домообзаводства. Тѣмъ изъ поселенцевъ, которые не были женаты, давались ссыльныя женщины по назначенію земской полиціи. «Случалось, что нѣкоторые изъ мужчинъ не хотѣли жениться на предложенныхъ невѣстахъ, или наоборотъ, женщины отказывались выходить за предложенныхъ мужчинъ, но ихъ такъ или иначе принуждали». Скоро поселенцы сѣли данный имъ хлѣбъ, весь скотъ у нихъ палъ, и болѣе половины ихъ умерло, а значительная часть изъ оставшихся, именно 537 человекъ поселенцевъ и 199 крестьянъ, при первой же возможности переселились на Амуръ и въ Якутскую область (Третьяковъ, 119—122). Въ устьесольскомъ и яренскомъ уѣздахъ и въ архангельской губерніи существуетъ также сильное расположеніе къ эмиграціи въ мѣстности болѣе способныя къ обитанію, напр., въ Сибирь. И мы увѣрены, что при свободѣ переселенія, при большей зажиточности сѣверныхъ жителей и при болышихъ ихъ географическихъ свѣденіяхъ, масса ихъ съ радостью разсталась-бы съ своими медвѣжьими углами, въ которыхъ теперь прозябаетъ она, страдая отъ холода и голода, дичая и вырождаясь.

Непостоянство климата, жестокіе морозы въ продолженіи большей части года, невыносимо жаркое коротенькое лѣто, тундры и болота, снѣга, заносящіе не только дороги, но даже цѣлыя поселенія, скудная растительность и непродоводительная почва, ненаселенность края и трудность путей сообщенія—все это ставитъ жителя медвѣжьихъ угловъ въ самое несчастное положеніе. Вся жизнь его вертится около одного вопроса—какъ бы накормить себя. Хлѣбопашество въ большей части этихъ мѣстностей положительно невозможно; а гдѣ существуетъ хлѣбопашество, какъ, напр., въ устьесольскомъ уѣздѣ, тамъ оно далеко не удовлетворяетъ потребностямъ народонаселенія. Сплошь и рядомъ хлѣбъ здѣсь дѣлается изъ осолодѣвшей муки съ примѣсью соломы, мха и коры; такой хлѣбъ печется небольшими комами и скорѣе похожъ на кусокъ засохшаго навоза, чѣмъ на питательное вещество (М. Т. Сб., 499). Вслѣдствіе страшной дороговизны при-

вознаго хлѣба, устьсысолицы вырубаютъ казенный лѣсъ и на выжженной площади, на которой отлично родится хлѣбъ, сѣютъ его раз или два, потомъ бросаютъ пашню. Но ихъ за это преслѣдуетъ администрація, и большая часть тюремныхъ сидѣльцевъ въ Устьсысолицкѣ состоитъ изъ подобныхъ истребителей казеннаго лѣса (стр. 503). При всемъ этомъ недостатокъ хлѣба, ежегодно десятки тысячъ пудовъ устьсысолицской муки сплавляется скушниками въ Архангельскъ. Для уплаты податей и налоговъ крестьяне вынуждены бьвають продавать по дешевымъ цѣнамъ свой хлѣбъ, который торговцы покупаютъ у нихъ осенью по 40 к. за пудъ, а весной продаютъ его тѣмъ же крестьянамъ по 80 к. и по рублю. Вслѣдствіе этого, даже въ урожайные годы во многихъ селеніяхъ бываетъ голодъ (стр. 504). Рыболовство и звѣроловство служатъ главными источниками пропитанія жителей. Но какъ самые способы добычи, такъ и приготовленіе животной пищи стоятъ на ступени первобытной культуры. Для рыбы не достаетъ соли, и ее ѣдятъ большею частію протухлою, перекишею и гнилою (Третьякъ., 227, 266, 298). Неуловье рыбы и звѣрей бываетъ почти такъ-же часто, какъ и неурожай. Въ такомъ случаѣ въ странѣ водворяется голодъ со всѣми своими ужасами. Такъ, всѣ жители Камчатки, Охотска, Анадырска и другихъ мѣстностей сѣверовосточной Сибири кормятся рыбой. Но одинъ разъ въ три или четыре года рыба, по какой-то неизвѣстной причинѣ, не появляется, и на слѣдующую зиму всегда бываетъ голодъ. Въ 1860 г. болѣе 150 человекъ умерли отъ голода въ четырехъ поселеніяхъ на берегу Пенжинскаго залива, — и подобныя опустошенія голодной смерти случаются не рѣдко. Первой жертвой голода бьвають собаки. Народъ, лишившись въ нихъ послѣдняго средства къ переѣзду, не можетъ покинуть опустошеннаго голодомъ поселенія, и сѣвъ всѣ сапоги, ремни и обрѣзки сырыхъ кожъ, выносить страшную нужду и болѣзнь. Если-бы голодающимъ не помогали своими оленьими стадами кочующіе коряки, то голодная смерть лѣтъ въ пятьдесятъ истребила-бы всѣхъ жителей этихъ сибирскихъ окраинъ (Кеннанъ, 306). Туруханскій край также очень часто опустошается голодомъ, несмотря на то, что въ немъ есть запасные хлѣбные магазины. Случай голодной смерти бьвають здѣсь постоянно и голодъ нерѣдко доводитъ людей до людоедства, хотя г. Третьяковъ, вѣроятно, въ качествѣ бывшаго начальника туруханскаго края, ни слова не говоритъ объ этомъ и даже голодовки инородцевъ готовъ приписать ихъ лѣности и наклонности къ тунеядству. Недостатокъ питанія необходимо ведетъ за собой цыгугу, чему способствуетъ и недостатокъ движенія. « За немѣнѣ-

емъ теплой одежды большая часть остяковъ во время зимы остается неподвижно на одномъ мѣстѣ, помѣщаясь въ сырыхъ вонючихъ ямахъ, среди поразительной нищеты. «Намъ однажды (говорить Третьяковъ) пришлось встрѣтить трехъ остяцкихъ вдовъ и при нихъ шесть малолѣтнихъ дѣтей, которые, будучи нагими, со вздутыми животами и коростами, образовавшимися на груди отъ постоянного пребыванія близь огня, глодали ивовую кору. Одна изъ женщинъ лежала больная на одрѣ, а остальные изнеможенные походили на привидѣнія» (стр. 229). Русскіе сплошь и рядомъ терпятъ одинаковую участь съ этими несчастными инородцами. Однажды на Нижней Тулгузкѣ казакѣ, сторожившіе запасной хлѣбный магазинъ, во время продолжительной весны, прекратившей всякое сообщеніе съ жилыми мѣстностями, съѣли всѣ запасы и даже оленья кожи, наконецъ, во избѣжаніе голодной смерти, рѣшились съѣсть по обоюдному согласію одного изъ товарищей, на котораго выпадеть жребій. Обреченный на съѣденіе спасся только тѣмъ, что, выйдя изъ зимовья съ намѣреніемъ обмытъ передъ смертью свое тѣло, увидѣлъ стоявшаго вблизи сохатаго, котораго голодующіе тотчасъ-же и убили. Солдаты, приходившіе въ Туруханскъ, отъ недостатка пищи и движенія всѣ заболѣвали цынгою и ежегодно умирали въ количествѣ 50%. Для излеченія, ихъ заставляли бѣгать, сажали въ холодную воду, нѣкоторымъ даже втыкали спицы въ ноги,—но ничто не помогало, и начальство, предвидя подобные случаи, устранивало съ осени зимовникъ, т. е. довольно обширную яму, закрытую сверху досками, въ которую втеченіе зимы и накладывалось до 40 солдатскихъ труповъ (стр. 144).

Вредное вліяніе на организмъ дурной и недостаточной пищи усиливается еще крайне плохими жилищами остьдаго населенія, сравнительно съ которыми юрты кочевыхъ инородцевъ, съ ихъ превосходной вентиляціей, служатъ превосходнымъ жильемъ. Черныя избы устьсысольскаго уѣзда и вообще сѣвера, въ которыхъ вмѣстѣ съ людьми помѣщаются и молодой скотъ, просто убійственны (М. Т. Сб., 498). Въ Туруханскомъ краѣ большинство русскихъ живетъ въ зимовьяхъ, которыя такъ описываются г. Третьяковымъ. «Вступая въ зимовье, путешественникъ сначала спускается въ яму, потомъ, согнувшись въ три погибели, входитъ въ сѣни; они столь низки, что приходится идти сгорбившись. По бокамъ сѣней находятся низкіе бревенчатые анбарушки съ дверками, на подобіе небольшого ставня; въ одной изъ анбарушекъ помѣщаются собаки; тамъ онѣ снѣтъ на ледяномъ плу, образовавшемся изъ ихъ мочи. Повидимому собачье жилище никогда не очищается и ледъ тамъ едва-ли совершенно ра-

стайваться лѣтомъ. Какое-же должно быть тутъ зловоніе въ теплое время! Другая анбарушка служить кладовою для домашняго скарба. Внутренность избы, сложенной изъ тонкаго лѣса, который отъ дыма весь почернѣлъ, вовсе не привлекательна. Отъ плошки съ рыбьимъ жиромъ и горящей въ ней свѣтильни больше смрада и кошоти, чѣмъ свѣта. Небольшая сбитая изъ глины печь стоитъ безъ трубы; надъ челою ея, на подкладинахъ сушатся дрова. Въ окнахъ вмѣсто рамъ вставлены льдины, отъ таянія которыхъ идетъ сырость и стекаетъ постоянно вода. Къ самому потолку на шестахъ развѣшаны для сушки сѣти. Вотъ печь затопляется; внутренность избы наполняется дымомъ, который не успѣваетъ выходить въ отверстіе, сдѣланное въ потолкѣ. Изъ непривыкшихъ глазъ текутъ потоки слезъ. Къ тому-же въ верхней половинѣ избы становится такъ жарко, что разгорается голова. Смола, разогрѣвшаяся на потолкѣ, начинаетъ капать вмѣстѣ съ сажею. Изъ стѣнъ, плохо проконопаченныхъ, ужасно дуетъ» (стр. 149).

Рыбная ловля, охота, поправка жилищъ, приготовленіе и поправка промысловыхъ орудій занимаютъ собою все время жителей. Въ мѣстностяхъ болѣе оживленныхъ, чѣмъ Туруханскъ или Камчатка, значительная часть народонаселенія уходитъ на заработки ради куска хлѣба. Цѣлая треть мужского народонаселенія устьсысольскаго уѣзда работаетъ на рѣчныхъ сплавахъ все лѣто. «Весной голодъ выгоняетъ ихъ изъ жилищъ и заставляетъ идти 200 или 300 верстъ искать работъ при сплавахъ. Въ началѣ апрѣля можно встрѣтить многія толпы этого голоднаго народа, въ оборванныхъ полушубкахъ, въ промокшихъ по поясъ штанахъ, съ маленькими запасами плохого хлѣба на дорогу». За лѣто рабочій получаетъ отъ 4 до 15 рублей, и сплавивъ судно, пѣшкомъ идетъ домой отъ 600 до 1200 верстъ, проѣдаетъ весь заработокъ и нерѣдко нищенствуетъ. Всѣ эти рабочіе поступаютъ на суда единственно изъ-за хлѣба, котораго нѣтъ дома (М. Т. Сб., 508). Въ Туруханскомъ краѣ, Камчаткѣ и другихъ подобныхъ мѣстностяхъ нельзя достать даже и такой, нищенски оплачиваемой, работы. Сообщенія этихъ мѣстностей съ другими, болѣе жилыми и развитыми, крайне затруднительны, а въ извѣстное время года совершенно невозможны. Зимой ѣздить на собакахъ и привилегированный путешественникъ помѣщается въ наглухо-закрытомъ ящикѣ, который развѣ немногимъ больше гроба. О дорогахъ и помину нѣтъ. Отправляющійся въ путь рискуетъ заблудиться, замерзнуть, свалиться въ пропасть, быть заживо погребеннымъ снѣжнымъ ураганомъ. Въ сѣверовосточной Сибири приходится иногда проѣзжать

версть 600, не встрѣчая даже слѣдоу челоуѣческаго жилья. Обыкновенно при такихъ поѣздкахъ нѣсколько партій соединяются въ одинъ большой караванъ, который везутъ собаки или олени. Глубокіе снѣга, сильныя вѣтры, продолжительныя туманы, жестокіе морозы нерѣдко губятъ цѣлыя караваны. Въ охотскомъ краѣ есть еще болѣе рискованный путь по берегу моря. Къ берегамъ Охотскаго моря вѣтры постоянно приносятъ громадныя льдины, которыя, примерзая своими краями къ бокамъ прибрежныхъ отвѣсныхъ скалъ, смерзаются одна съ другой и образуютъ родъ карниза, шириною до 3 аршинъ, который во время отлива виситъ на воздухѣ, а ниже его футовъ на 10 шумитъ и волнуется море. По этому-то ледяному карнизу и ѣздятъ тѣ, которыхъ необходимость заставляетъ путешествовать; и это путь самый удобный! (стр. 581). Въ устьсысольскомъ уѣздѣ есть довольно значительныя села, неимѣвшія до послѣдняго времени никакого дорожнаго сообщенія даже съ административными центрами; таковы, напр. Троицко-Печорскій погостъ. Въ пятидесятихъ годахъ къ нему сдѣлали просьбу на протяженіи 140 верствъ. По этой просьбѣ нѣсколько лѣтъ путешествовала одна только земская полиція; то ѣздила она верхомъ, то ее носилъ народъ на носилкахъ. Въ 1859 г. сдѣлали настоящую дорогу, и въ Троицкомъ погостѣ появилась *первая телѣга*, въ которой пріѣхалъ окружный начальникъ. Толпы народа разсматривали телѣгу какъ какое-нибудь чудо, затѣмъ разобрали ее по частямъ и съ торжествомъ носили по селу (стр. 459). Кстати расскажемъ здѣсь довольно забавный и характеристическій случай, переданный намъ однимъ путешественникомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣвернаго поморья проѣзжающіе ходятъ по почтовому тракту пѣшкомъ, хотя и платятъ при этомъ прогоны за *пару*... своихъ ногъ. Эти мѣстности обзрѣвалъ исправникъ, которому хотѣлось побывать въ селеніи, лежащемъ въ сторонѣ отъ тракта, верстахъ въ тридцати, и никогда не видавшемъ исправниковъ на своихъ улицахъ. Пришлось идти по кочкамъ и болоту, подъ палящими лучами солнца, подъ преслѣдованіемъ мириадъ оводовъ и комаровъ. Шель, шель исправникъ со своими проводниками, наконецъ выбился изъ силъ, сѣлъ на пенъ и горько заплакалъ. «Куда вы, подлещы, завели меня!» воилъ плачущій исправникъ, и «подлещы», сдѣлавъ посылки, принуждены были тащить на нихъ обратно своего начальника, доведеннаго до отчаянья этою адскою дорогою.

При такихъ путяхъ сообщенія немногіе торговцы рѣшаются ѣздить въ эти пустынные мѣстности. Привозятъ съ собою хлѣбъ, соль, желѣзо и другіе предметы первой необходимости и не имѣя никакихъ

конкурентовъ, они продають все въ три-дорога, закабаляютъ все народонаселеніе и дѣлаются деспотическими владыками этихъ холодныхъ тундръ. Таковъ былъ, напр., въ Туруханскомъ краѣ купецъ Салтановъ. «Этотъ предприимчивый человекъ такъ хорошо ознакомился съ мѣстностью, что разъѣзжалъ безъ провожатаго по пустыннымъ тундрамъ, пренебрегая всевозможными опасностями, неразлучнымъ при путешествіяхъ въ столь суровой странѣ зимою. Не довольствуясь выгодами, Салтановъ желалъ среди полудикаго населенія разыгрывать роль властителя и даже полубога; такъ иногда уѣвшись въ передній уголъ избы, онъ приказывалъ стоящимъ въ почтительномъ отдаленіи жителямъ ставить передъ нимъ зажженные восковыя свѣчи и молиться на него. «Кланяйтесь Салтанову», говорилъ онъ предстоящимъ; «безъ Салтанова пропадете вы, какъ собаки, не спасетъ васъ самъ Богъ». Съ неисправными должниками Салтановъ поступалъ столь-же дико и жестоко; не довольствуясь употребленіемъ ихъ въ работы при себѣ, онъ запродавалъ ихъ другимъ или расправлялся съ ними собственноручно. Впослѣдствіи, когда между жителями свирѣпствовала повальная горячка и значительная часть ихъ вымерла, а остальные со страху разъѣжались, Салтановъ, разъѣзжая по опустѣвшимъ зимовьямъ и кочевьямъ, обиралъ не только тѣ вещи, которыя хранились у жителей въ сундукахъ и анбарахъ, но даже снималъ съ мертвецовъ жемчугъ, собольи шѣха и другія цѣнныя вещи. Жители рабски подчинялись ему и даже способствовали самымъ дурнымъ его дѣйствіямъ, направленнымъ, напр., къ устраненію въ томъ краѣ торговли или промысла звѣря со стороны другихъ лицъ» (Третьякъ., 287). Подобные торговцы—главные раззорители несчастнаго народонаселенія описываемыхъ мѣстностей, всѣ жители которыхъ находятся въ постоянной кабальной зависимости и у нихъ, и у мѣстныхъ кулаковъ-міроѣдовъ. И невозможно не согласиться съ авторомъ описанія устьсыольскаго уѣзда въ томъ, что для поднятія благосостоянія подобныхъ мѣстностей необходимо найти средства для поднятія физической силы и производительности рабочаго народа, а не привлекать въ край новые капиталы (М. Т. Сб., 493), которые неизбежно усилятъ кабалу и мало принесутъ пользы массѣ народонаселенія.

Доходы жителей до того скудны, что значительная часть ихъ поступаетъ на уплату податей и повинностей. Устьсыольскій крестьянскій дворъ зарабатываетъ въ годъ самое большое 50 р., изъ которыхъ 18 руб. 12 коп., т. е. болѣе $\frac{1}{3}$ дохода, уплачиваетъ въ видѣ податей и налоговъ, не считая натуральныхъ повинностей и содержанія духовенства (стр. 517). Вслѣдствіе этого масса народона-

селенія числится постоянно въ недоимкахъ, взысканіе которыхъ еще болѣе разоряетъ ее. Въ туруханскомъ краѣ, кромѣ того, почти всѣ жители должны казнѣ за забранный изъ запасныхъ магазиновъ хлѣбъ. Для взысканія этихъ долговъ нельзя даже описывать имущества, потому-что лишняго не имѣется. Поэтому, значительную часть должниковъ отрываютъ отъ хозяйства и отдають въ заработки на золотые прииски, гдѣ они погибають и физически, и нравственно, а ихъ семействамъ та-же казна принуждена бываетъ, чтобы не умерить ихъ съ голода, давать постоянное вспоможеніе хлѣбомъ. Безъ казеннаго хлѣба не могутъ жить всѣ русскіе обитатели, которые и заявляютъ начальству, что безъ него они готовы бросить свои дома и лучше добиться поступленія въ каторжную работу, чѣмъ ожидать въ своей тундрѣ голодной смерти (Третьяковъ, 233).

Голодь, смерть, грязная обстановка и климатическія вліянія причиняють ужасныя эпидеміи, которыя то и дѣло опустошаютъ эти мѣстности. Вслѣдствіе ихъ, народонаселеніе устьсысольскаго уѣзда убыло въ 1858 г. на 1,625 человекъ, въ 1868 г. на 431 чел. Кровавый поносъ въ этомъ уѣздѣ сводитъ въ могилу 42% больныхъ (М. Т. Сб., 521, 541). Въ сѣверной и сѣверовосточной Сибири отъ эпидемій нерѣдко вымирають цѣлыя мѣстности, какъ было напр., во время оспы въ туруханскомъ краѣ въ 1851 и 1852 г. «Между инородцами дѣйствіе оспы было ужасное. Безъ всякаго пособія, даже безъ главнаго спутника въ жизни инородца, огня, въ холодной юртѣ или въ шалашѣ, занесенномъ снѣгомъ, среди вонючихъ отрепьевъ лежитъ убогое семейство остяка. На обнаженныхъ частяхъ тѣла этихъ несчастныхъ кожа во многихъ мѣстахъ отъ непрерывнаго чесанья ободрана; по сторонамъ видны кровавыя пятна и слѣды кровавой харкотины, слизанной голодною собакою. Всклоченныя густыя пряди волосъ, отдѣлившіяся у многихъ вмѣстѣ съ кожей отъ головы, лежатъ въ беспорядкѣ. Картина медленной смерти, нарушаемая по временамъ глухими стопами и кашлемъ, завываніемъ собаки и свистомъ вѣтра, невыразимо печальна въ суровой пустынѣ... Въ то-же время встрѣчаются нынѣ картины смерти. Инородцы, утраченные оспою и уже ощущая въ себѣ ея дѣйствіе, бросаютъ родной чумъ и стремятся на своихъ быстроногихъ оленяхъ въ самыя отдаленныя мѣста съ надеждою избѣгнуть неминуемой смерти; но смерть преслѣдуетъ ихъ по пятамъ, и бѣглецы умирають на пути, сядя въ санкахъ» (Тр., 127).

Всѣ упомянутыя неблагоприятныя условія гибельно отзываются и

на физическомъ, и на нравственномъ характеръ народонаселенія, — большого, тщедушнаго, вялаго, тупого, совершенно подавленнаго грозною, злою природою. Въ устьсысольскомъ уездѣ въ 1867, 1869 и 1870 годахъ было представлено въ рекруты 928 человекъ, и изъ нихъ забракowano 269 человекъ, какъ негодныхъ и неспособныхъ къ военной службѣ по своимъ болѣзнямъ. Въ рекруты представляется цвѣтъ здороваго юношества, и изъ этого-то цвѣта юношества 29% оказываются больными! (М. Т. Сб., 534). Русскіе жители туруханскаго края большею частію низкорослы, косноязычны и золотушны; въ нравственномъ отношеніи они такъ-же вялы, апатичны и грубы, какъ и окружающіе ихъ инородцы (Тр., 153). Безечность — отличительная черта и русскихъ, и инородцевъ. Остякъ, напр., до тѣхъ поръ не принимается за промыселъ, пока не истощатся всѣ его съѣстные припасы. Если онъ сытъ, то безпечно поетъ, если голоденъ, то лежитъ и дремлетъ до тѣхъ поръ, пока уже крайность не заставитъ его подумать объ отысканіи пищи. Вялость характера инородцевъ простирается до того, что между ними почти вовсе не бываетъ уголовныхъ преступленій (стр. 171, 196). Въ сѣверовосточной Сибири періодическія голодовки вслѣдствіе неурожа рыбы очень легко и безъ лишннихъ издержекъ можно было-бы предупреждать своевременнымъ запасомъ рыбы. «Въ одно лѣто жители могли-бы наловить и засушить столько рыбы, что ея хватало-бы имъ на три года; но вмѣсто этого, они запасаютъ себѣ продовольствіе только на одну зиму, рискуя на слѣдующую умереть съ голода. Ни тяжелый опытъ, ни громадныя страданія не дѣлаютъ ихъ предусмотрительнѣе. Даже если они видятъ, что голодъ неизбѣженъ, они не предпринимаютъ никакихъ мѣръ, чтобы нѣсколько предупредить и облегчить его, пока наконецъ не уничтожится послѣдняя крошка пищи» (Кеннанъ, 306). Дикость обитателей этихъ мѣстностей, какъ русскихъ, такъ и инородцевъ, изумительная. Въ Камчаткѣ жители приняли Кеннана за русскаго императора, ибо въ его подорожной значилось, что онъ — «телеграфистъ и операторъ» (стр. 74). Въ одной изъ близъ Анадырска Кеннанъ увидѣлъ «гравированный портретъ генераль-маіора Дикса изъ «Harper's Weekly» повѣшеннымъ въ углу вмѣсто образа русскаго святого. Позолоченная свѣча горѣла передъ его закоптѣлой фізіономіей и каждое утро и вечеръ дюжина туземцевъ молилась передъ портретомъ генераль-маіора Соединенныхъ Штатовъ! Такимъ образомъ, генераль-маіору Диксу вышло на долю рѣдкое счастье быть въ одно и то-же время посланникомъ Соединенныхъ Штатовъ въ Парижъ и святымъ въ Сибири» (стр. 257). Но въ Камчаткѣ, гдѣ

не такъ мало проѣзжихъ и нерѣдко бывають даже иностранцы, еще не такая дичь, какъ въ удаленномъ отъ всякаго цивилизующаго вліянія туруханскомъ краѣ. Здѣсь жители крестятся и молятся на русскихъ начальниковъ, какъ на образа, и просятъ у нихъ благословенія, словно у поповъ (стр. 206, 213). «Одинъ крестьянскій старшина получилъ приказаніе явиться въ Туруханскъ, гдѣ онъ отроду не бывалъ. Долго уклонялся онъ отъ этой поѣздки, наконецъ долженъ былъ отправиться. Жена завывала голосомъ, провожая его, какъ покойника; крестьяне, встрѣчавшіеся по дорогѣ, провожали его также съ сожалѣніемъ. Пріѣзжаетъ староста въ городъ и кланяется каждому встрѣчному чуть не въ поясъ, лицо его блѣдно и вся фигура выражаетъ робость; но не прошло и двухъ дней, какъ этотъ-же самый человѣкъ свободно разговаривалъ и такъ громко хохоталъ, что глядя на него и другіе невольно смѣались» (стр. 155). Дикость понятій особенно проявляется въ сферѣ религіи и суевѣрія. Такъ, напр., крестьянинъ П., для спасенія себя и своего семейства отъ бывшей тогда повальной болѣзни, рѣшился въ 1861 г. принести въ жертву свою родственницу дѣвочку, которую и закопалъ живую въ землю (стр. 311). Въ туруханскомъ краѣ, въ Камчаткѣ, на всемъ крайнемъ сѣверѣ русское народонаселеніе заражено суевѣріями и дикими понятіями инородцевъ и по мѣстамъ стоитъ даже ниже ихъ въ умственномъ отношеніи.

Книжка г. Третьякова изображаетъ туруханскій край довольно поверхностно и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ содержитъ въ себѣ такіе пробѣлы и такіа искаженія истины, что мы никогда не взяли-бы защищать полной добросовѣстности ея автора. Будучи начальникомъ туруханскаго края, авторъ имѣлъ полную возможность изслѣдовать движеніе народонаселенія, которое идетъ на убыль, не скрывать ни административной бездѣятельности, ни взяточничества вахтеровъ хлѣбныхъ магазиновъ и другихъ госнодъ, подвизающихся въ туруханской тундрѣ, но онъ ничего этого не дѣлаетъ и такимъ образомъ, скрываетъ отъ читателя главныя причины несчастнаго положенія края. Иногда онъ совершенно искажаетъ истину. Такъ, напр., голодъ нерѣдко доводитъ инородцевъ до людоедства; но рассказывая о нѣкоторыхъ случаяхъ людоедства, авторъ приписываетъ ихъ не голоду, а «одному лишь звѣрскому сластолюбію» (стр. 310). Понятно, что неловко объяснять публикѣ, что, воть, дескать, въ управляемой мною мѣстности люди иногда доводятся голодомъ до того, что пожирають другъ друга!.. Неловко передавать печатно и такіе замѣчательные факты, о которыхъ умалчиваетъ г. Третьяковъ, что нѣкоторые до-

вольно многочисленныя инородческіе роды, не желая болѣе пользоваться благодѣтельными попеченіями земской полиціи, бѣжали въ необитаемыя мѣста Якутской области и живутъ тамъ вдали отъ всякаго начальства... Вообще, неловко, г. Третьяковъ, когда какой-нибудь исправникъ или становой захочетъ изобразить управляемую имъ мѣстность во всѣхъ отношеніяхъ; о нѣкоторыхъ отношеніяхъ ему по-неволѣ придется или молчать или говорить неправду...

Медико-Топографическій Сборникъ. Томъ II. Спб. 1871 г.

Самая интересная статья во 2-мъ томѣ «Медико-топографическаго Сборника»—это описаніе устьсыольскаго уѣзда г. Држевецкаго. Авторъ коснулся въ ней всѣхъ сторонъ народнаго быта и представилъ хотя небольшую, но довольно обстоятельную картину тѣхъ условій народнаго быта, которыя порождаютъ столько болѣзней и производятъ такую смертность. Статья съ удовольствіемъ прочтется и не медиками. Что же касается очерка харьковской губерніи г. Леонтоновича, то несмотря на то, что онъ занимаетъ цѣлую половину книги и изобилуетъ статистическими таблицами, но онъ, по недостатку обобщеній и выводовъ, по многимъ пробѣламъ и крайней поверхностности нѣкоторыхъ отдѣловъ, не заслуживаетъ большого вниманія. То-же самое нужно сказать и объ очеркѣ бассейна рѣки Ріона, г. Пантюхова. Вообще, второй томъ «Медико-топографическаго Сборника» составленъ далеко не такъ удовлетворительно, какъ первый томъ, вышедшій два года назадъ подъ редакціей г. Ловцова.

Кочевая жизнь въ Сибири. Джорджа Кеннана. Переводъ А. Кондратьевой. Спб. 1872 г.

Что же касается книги Кеннана, то это довольно живо написанный дневникъ американца, участвовавшаго въ работахъ по устройству російско-американскаго телеграфа, проведеніе котораго было оставлено вслѣдствіе удачнаго окончанія атлантическаго телеграфа. Кеннанъ передаетъ довольно интересныя подробности о чело-вѣческой жизни въ посѣщенныхъ имъ мѣстностяхъ, хотя нерѣдко по-

падаетъ въ просакъ при своихъ наблюденіяхъ. Такъ, напр., рабское подобострастіе и угодливость забытыхъ камчадаловъ передъ русскимъ начальствомъ и «американскими чиновниками», онъ объясняетъ ихъ крайнимъ добродушіемъ и гостепріимствомъ (стр. 120). Подчасъ Кеннанъ, какъ истый джентльменъ, церемонится съ читателемъ и стѣсняется передавать ему о вещахъ и дѣйствіяхъ, которыя онъ считаетъ неприличными. Говоря о томъ, что въ сѣверовосточной Сибири настой мухомора замѣняетъ водку и что запросъ на мухоморы значительно превышаетъ привозъ ихъ, онъ не объясняетъ того «способа, посредствомъ котораго вся шайка (инородцевъ) ухитряется охмѣлѣть отъ одного мухомора и пребыть въ такомъ состояніи цѣлую недѣлю»... (стр. 158).

Книга Кеннана особенно интересна по своимъ описаніямъ природы и вслѣдствіе того обстоятельства, что со времени крашенинниковскаго «Описанія земли Камчатки», изданнаго около сотни лѣтъ назадъ, на русскомъ языкѣ не было ни одного дѣльнаго сочиненія объ этомъ отдаленномъ и замѣчательномъ полуостровѣ. Если-бы читателю довелось (чего Боже избави!) отправляться на жительство въ одинъ изъ медвѣжьихъ угловъ и если-бы выборъ мѣста жительства зависѣлъ отъ его воли, то мы стали-бы рекомендовать ему Камчатку. Съ своимъ умѣреннымъ приморскимъ климатомъ, съ своими вулканами, изъ которыхъ одинъ достигаетъ высоты 16,000 футовъ, съ изобиліемъ дичи и рыбы, съ роскошными травами въ ростъ челоуѣка, съ почвой, способной для земледѣлія, этотъ полуостровъ—настоящій рай сравнительно съ Туруханскомъ, Мезенью, Кемью и тому подобными ужасными мѣстностями. Все несчастіе Камчатки—въ недостаткѣ русскаго народонаселенія и въ изолированности отъ цивилизованнаго міра. Но эта изолированность временная. При развитіи культуры на полуостровѣ, морская торговля поставитъ его въ постоянную связь съ Америкой, и тогда Камчатка, конечно, станетъ далеко впереди какихъ-нибудь устьесольскихъ или шенкурскихъ уѣздовъ.

Очеркъ судебной психологіи. Составилъ довторъ медицины А. І. Фрезе, директоръ казанскаго окружнаго дома умалишенныхъ и доцентъ психіатріи при казанскомъ университетѣ. Казань. 1871.

Наша юридическая литература не бѣдна сочиненіями по разнообразнымъ отраслямъ судебного дѣла. Съ каждымъ годомъ она разрастается все болѣе и болѣе и въ количественномъ отношеніи ничего не оставляетъ желать. Къ сожалѣнію, внутреннее достоинство юридическихъ произведеній, наводняющихъ наши книжные рынки, совсѣмъ не таково, чтобы можно было радоваться появленію ихъ на свѣтъ. По обыкновенію, мы начинаемъ съ того, чѣмъ должны были-бы окончить; какъ только состоялась судебная реформа, юристы наши принялись знакомить наше общество со всѣми тонкостями судебной казуистики и вводить его въ сферу спеціального юридическаго міровоззрѣнія. За исключеніемъ двухъ, трехъ книжекъ по части юриспруденціи, мы не найдемъ у себя, въ самомъ дѣлѣ, ничего, кромѣ разныхъ «Систематическихъ сводовъ», толкованій какого-нибудь отдѣла уголовного или гражданскаго кодекса, коментированныхъ уставовъ и вообще сочиненій, посвященныхъ исключительно судебной практикѣ и чисто формальной сторонѣ судебной теоріи и примѣненія ея. Поэтому наша юридическая литература носитъ характеръ ремесленный, техническій; она какъ будто существуетъ спеціально для судей, прокуроровъ и адвокатовъ и нисколько не уясняетъ духа судебной реформы, тѣхъ жизненныхъ ея началъ, которые для насъ дороже всякой формалистики, потому что безъ уясненія и пониманія этого духа въ этихъ началъ слѣпая богиня правосудія легко можетъ ошибаться. Это отчасти подтверждается тѣми судебными ошибками, которыхъ было сдѣлано такъ много со времени новой, судебной практики... И большинство этихъ ошибокъ надо приписать именно слѣпотѣ нашей Оемиды и ошибкамъ нашихъ юристовъ.

Господствующая нынѣ система юридическаго образованія, по крайней мѣрѣ въ области такъ называемой уголовной политики, до сихъ поръ держится въ области отвлеченныхъ теорій и смотритъ на человѣка, какъ на спеціальную юридическую единицу, существующую такъ сказать съ позволенія юриспруденціи и ея абстрактвѣ, а между тѣмъ она каждый день встрѣчается съ такими вопросами, которые требуютъ изученія фізіолого-психической организаціи человѣка, поэтому

медики или уголовный политикъ должны руководиться однимъ и тѣмъ-же методомъ, ибо предметъ ихъ изученія одинъ и тотъ-же. Вотъ почему естественныя науки и преимущественно физиологія должны входить очень важнымъ элементомъ въ систему юридическаго образованія. Врачъ, необладающій знаніемъ этихъ предметовъ, обыкновенно называется шарлатаномъ, а его искусство — знахарскимъ, но едва-ли отвѣчаетъ своему высокому назначенію и тотъ судья, который, не зная физиологіи, берется судить о физиологическихъ отправленияхъ челоѣка, о дѣятельности его мозга и нервовъ. Университетскій курсъ, правда, отводитъ мѣсто и физиологіи въ ряду юридическихъ наукъ, но такое жалкое и ничтожное, что въ этомъ отношеніи любой фельдшеръ превзойдетъ самаго образованнаго юриста. О психологіи нечего и говорить, такъ-какъ для нея требуется основательное знаніе физиологіи. Что касается существующей у насъ юридической литературы, то мы уже замѣтили, что она всего менѣе можетъ претендовать на образовательное значеніе, ибо она на столько-же дѣлаетъ компетентными судью и адвоката въ сферѣ обсуждаемыхъ ими юридическихъ вопросовъ, насколько ботаникъ можетъ разсуждать о политической экономіи. Вотъ почему лежащій предъ нами «Очеркъ судебной психологіи» доктора Фрезе составляетъ въ высшей степени отрадное явленіе между существующими у насъ сочиненіями юридическаго содержанія. Наша уголовная юриспруденція богата всевозможными теоріями и системами; она разсуждаетъ съ развязностью точной науки о причинахъ преступленій, о виѣненіи и наказаніи, но ей недостаетъ, однако, самаго главнаго: прочной, неизблемой почвы, на которой она могла-бы безопасно строить свои выводы. Сочиненіе доктора Фрезе приносятъ съ этой стороны огромную пользу нашей юриспруденціи, такъ-какъ оно посвящено разъясненію тѣхъ началъ, на которыхъ она только и можетъ стоять, не рискуя заблудиться въ лабиринтѣ бесплодной софистики и противорѣчій.

По своимъ воззрѣніямъ докторъ Фрезе принадлежитъ къ числу послѣдователей новѣйшей психологіи, основанной на данныхъ физиологіи и самонаблюденія тамъ, гдѣ они недостаточны. Первая часть «Очерковъ» знакомитъ съ нормальными проявленіями душевной жизни и трактуетъ объ ощущеніи, представленіи и волѣ. Авторъ чрезвычайно убѣдительно и просто указываетъ на строго-подчиненную связь между этими главными моментами психической дѣятельности челоѣка. Сфера интеллектуальная, какъ-бы ни была она сложна, равно какъ и всѣ безконечно-разнообразныя душевныя движенія сводятся къ ощущенію—основному свойству нашей нервно-мозговой си-

стемы. Ощущенія или чувственныя воспріятія, очевидно немислимы безъ внѣшняго міра; онъ, и только онъ, создаетъ ихъ и опредѣляетъ до мельчайшихъ подробностей ихъ характеръ, поэтому наружная среда и внѣшнія впечатлѣнія служатъ закладкой дальнѣйшаго психическаго развитія. Когда предметъ, вызвавшій въ насъ впечатлѣніе, перестаетъ дѣйствовать на органы нашихъ чувствъ, ощущеніе, разъ возбужденное, не исчезаетъ, но остается въ памяти, такъ сказать, въ видѣ слѣда или представленія. «Представленіе, говоритъ докторъ Фрезе,—есть актъ совершенно произвольный. Какъ при дѣйствіи на насъ даннаго внѣшняго предмета не можетъ не возникнуть ощущенія, точно также изъ состоявшагося ощущенія не можетъ не возникнуть представленіе; и наоборотъ, мы не можемъ дать начало представленіямъ о предметѣ, никогда невызывавшемъ никакихъ ощущеній. Тѣмъ не менѣе воображенію нерѣдко придаютъ творческій характеръ. Принимаютъ, что въ актѣ воображенія мы создаемъ представленія о предметахъ вовсе несуществующихъ. Мнѣніе это не совѣтъ основательно. Создавать новыя самобытныя представленія мы не въ состояніи. Какъ ни своеобразны, какъ ни причудливы творенія воображенія, но въ нихъ не имѣется ни одного представленія, возникшаго независимо отъ ощущенія. Предметъ несуществующій не можетъ производить никакихъ ощущеній, а помимо ощущенія нѣтъ и представленія, потому-что представленіе есть ничто иное, какъ слѣдъ минувшаго ощущенія. Тѣмъ не менѣе въ воображеніи могутъ рисоваться предметы несуществующіе. Явленіе это объясняется тѣмъ, что изъ числа представленій, хранимыхъ памятью, возникаетъ своеобразное сочетаніе ихъ, дающее изображеніе несуществующаго предмета. Стало быть, творческая сила воображенія заключается лишь въ способѣ сооставленія представленій, полученныхъ нами путемъ ощущенія. Соединяя въ одно цѣлое нѣсколько представленій, возникшихъ на основаніи ощущеній, полученныхъ отъ различныхъ предметовъ, мы какъ-будто создаемъ представленіе о новомъ несуществующемъ предметѣ. Такъ, напримѣръ, сочетая представленія о человѣкѣ съ представленіями о животныхъ, воображеніе рисуетъ намъ небывалое существо съ человѣческимъ лицомъ и львинымъ туловищемъ» (стр. 34). *Воля*, подобно представленію, носитъ также характеръ зависимый и имѣетъ своимъ первоначальнымъ источникомъ ощущеніе. Это есть ничто иное, какъ импульсъ или приказаніе нашимъ мышцамъ дѣйствовать въ томъ, а не въ другомъ направленіи. Мы совершаемъ какое-либо дѣйствіе потому, что въ насъ является потребность прекратить данное состояніе,—потребность, ко-

торая сознается нами въ видѣ ощущенія. Слѣдовательно, насколько безсознательно и непронзвольно ощущеніе, настолько-же бессознательно и хотѣніе. «Нервы и мышцы, говоритъ Г. Фрезе,—составляютъ *conditio sine qua* поп воли. Данное состояніе нервныхъ элементовъ не можетъ оставаться безъ вліянія и на проявленіе воли. Мы производимъ нынѣ дѣйствія, на которыя никогда не рѣшились-бы нѣсколько лѣтъ назадъ, и наоборотъ, за нѣсколько лѣтъ мы совершали дѣйствія, надъ которыми нынѣ сильно-бы задумались. Нѣсколько рюмокъ вина весьма нагляднымъ образомъ измѣняютъ нашу волю. Докторъ Модслей говоритъ, что люди тверже всего убѣждены въ полной свободѣ своихъ дѣйствій тогда, когда находятся въ нетрезвомъ состояніи или подъ вліяніемъ сновидѣній, или въ состояніи помѣшательства». «Наконецъ, продолжаетъ Фрезе,—проявленіе воли вполне зависитъ отъ извѣстныхъ физиологическихъ условій организма. Перерѣжьте движущій нервъ и самая энергичная воля окажется безсильной привести къ движенію мизинецъ. Съ другой стороны, какъ только состоялось раздраженіе движущаго нервнаго органа (вслѣдствіе волевого акта) то происходитъ движеніе уже по однимъ органическимъ условіямъ нервнаго раздраженія, независимо отъ психическаго явленія, вызвавшего его. Тотчасъ по возбужденіи и еще до окончательнаго совершенія извѣстнаго движенія, мы можемъ болѣе не желать его продолженія, но тѣмъ не менѣе въ ту-же секунду остановить его нельзя... Такъ, напримѣръ, увидавъ комара на лѣвой рукѣ, мы произвольно приподнимаемъ другую руку, чтобы убить его. Въ то самое мгновеніе комаръ улетаетъ. Мы ясно понимаемъ, что *теперь* ударъ уже совершенно бесполезенъ, но тѣмъ не менѣе удержаться отъ него мы не можемъ, мы хлопаемъ — производя задуманное движеніе—непроизвольно. Ручаться за то, чтобы въ сферѣ нравственныхъ явленій не встрѣчались подобные факты, очевидно нельзя» (стр. 138).

Переходъ отъ нормальныхъ проявленій психической дѣятельности къ душевнымъ болѣзнямъ обыкновенно весьма нечувствителенъ и отъ врача или юриста требуется чрезвычайная осторожность, чтобы не принять больного человека за здороваго. Помѣшанный не отличается отъ здороваго никакими внѣшними признаками; онъ живетъ, какъ и всѣ люди, въ обычной обстановкѣ, мыслить на основаніи началъ, общихъ всѣмъ здоровымъ субъектамъ, и сплошь и рядомъ ничѣмъ не выдаетъ своего недуга, отчасти потому, что преднамѣренно скрываетъ его по свойству самой болѣзни, но большей частью оттого, что ему въ самомъ дѣлѣ нечѣмъ проявить своего душевнаго разстройства такъ, чтобы мы, все общество, сочли его за помѣшанна-

го. Мы всегда ждемъ отъ помѣшаннаго какихъ-то невообразимыхъ неаппетитовъ, чего-то необыкновеннаго, сверхестественнаго; мы считаемъ его помѣшаннымъ только тогда, если его поступки, измѣренныя нашей мѣркою, окажутся выходящими изъ ряда того, что мы привыкли называть обыкновеннымъ. Но эта мѣрка всегда оказывается до крайности произвольной и чрезвычайно растяжимой. Чѣмъ прикажете, въ самомъ дѣлѣ, выразить помѣшанному свою болѣзнь такъ, чтобы удовлетворить этой мѣркѣ, если даже въ то время, когда онъ совершаетъ, наприимѣръ, кражу и убійство — поступки, повидному выходящіе изъ ряда обыкновеннаго, — вы считаете его здоровымъ? Преступленіе вовсе не есть дѣло обыденное, свойственное большинству людей, и казалось-бы, что оно достаточно для того, по крайней мѣрѣ, чтобы скептически отнестись къ психическому здоровью субъекта, совершившаго это преступленіе и подвергнуть его тщательному изслѣдованію. Но на самомъ дѣлѣ не такъ; мѣрка необыкновенно растягивается и вы совершенно теряетесь, гдѣ предѣлы этого растяженія. Но подходитъ-ли субъектъ къ такой мѣркѣ или нѣтъ, современная психіатрія твердо установила тотъ фактъ, что душевное расстройство можетъ корениться въ людяхъ, которые иногда дѣйствуютъ и мыслятъ разумнѣе и нормальнѣе людей, слывущихъ въ обществѣ подъ именемъ здоровыхъ. Только тщательное изслѣдованіе такихъ больныхъ можетъ открыть въ нихъ признаки страданія. Но необходимое условіе успѣшности такого изслѣдованія состоитъ въ томъ, чтобы всецѣло, по крайней мѣрѣ, на время изслѣдованія, отрѣшиться отъ тѣхъ юридическихъ принциповъ, которые прилагаются къ оцѣнкѣ дѣйствій здоровыхъ людей, иначе вы рискуете найти у помѣшаннаго злую волю, преднамѣренный умыселъ, корыстныя побужденія, словомъ, все то, что обыкновенно считается атрибутами наказуемаго преступленія. Самые обыденные проступки, приписываемые здоровымъ людямъ, могутъ ввести въ этомъ случаѣ въ заблужденіе. Предъ вами стоитъ, положимъ, крестьянинъ, котораго обвиняютъ въ кражѣ топора у своего сосѣда. Крестьянинъ не обнаруживаетъ, повидному, никакихъ признаковъ умственнаго расстройства, особенно для того, кто не намѣренъ ихъ искать, онъ отлично рассуждаетъ, толково отвѣчаетъ на всѣ ваши вопросы и своимъ наружнымъ здоровьемъ такъ и подстрекаетъ васъ подвести совершенный имъ поступокъ подъ извѣстную статью уголовного кодекса. Но не спѣшите съ своимъ вердиктомъ; крестьянинъ можетъ быть совершенно здоровымъ, но онъ можетъ быть неизлечимо больнымъ, онъ можетъ страдать такимъ психическимъ расстройствомъ, которое именно ве-

детъ къ кражѣ и ко всевозможнымъ преступленіямъ. Существуетъ цѣлый рядъ нервныхъ страданій, которыя непосредственно наталкиваютъ одержимаго имъ субъекта на преступленіе. Здѣсь мы имѣемъ возможность убѣдиться, какъ непрочно зданіе нашего разсудка, и какъ деспотически распоряжаются имъ чисто-физическіе процессы нашего организма. Въ самомъ дѣлѣ достаточно незначительнаго измѣненія въ строеніи нерва, чтобы это измѣненіе тотчасъ-же отразилось на психической дѣятельности. Такъ, напримѣръ, если такая микроскопическая частичка нашего организма, какъ кончикъ нерва, на который падаетъ внѣшнее впечатлѣніе, измѣнился въ своемъ строеніи, то нервъ передаетъ мозгу уже совсѣмъ не тотъ предметъ, который на него дѣйствуетъ, а мозгъ съ своей стороны строитъ, сообразно этой передачѣ, совсѣмъ не то ощущеніе и представленіе, какое онъ построилъ бы въ нормальномъ состояніи. Міровоззрѣніе такого субъекта частью уже отклоняется отъ нормы, въ немъ являются своеобразныя идеи и поступки, которыя составляютъ такимъ образомъ прямой результатъ самого измѣненія нерва. Такой субъектъ одержимъ, какъ говорятъ психіатры, иллюзіей чувствъ. Повидимому, онъ совершенно здоровъ, онъ не дѣлаетъ очевидныхъ глупостей, не бредитъ, поведеніе его никто не назоветъ загадочнымъ или страннымъ. Но тѣмъ хуже для этого субъекта, ибо за эту спокойную и тихую форму психическаго расстройства онъ рискуетъ навѣрное подпасть уголовной карѣ. Тотъ-же самый крестьянинъ, о которомъ мы упомянули, входитъ въ комнату сосѣда и никого въ ней не встрѣчаетъ; онъ нечаянно обращаетъ свой взоръ на лежащій въ углу топоръ и, страдая иллюзіей зрѣнія, признаетъ топоръ своимъ и спокойно уноситъ его къ себѣ домой. Преступленіе совершено, сосѣдъ находитъ свой топоръ у крестьянина, что подтверждаютъ и свидѣтели, но крестьянинъ упорно стоитъ на томъ, что украденный имъ топоръ — его собственность. Всѣ данныя для обвиненія готовы и, вооруженный ими, прокуроръ произноситъ ясную, обстоятельную рѣчь, въ которой доказываетъ какъ дважды-два-четыре, что крестьянинъ виновенъ въ совершеніи кражи и, сверхъ того, въ упорномъ заперательствѣ, за что подлежитъ наказанію въ высшей мѣрѣ. Одинъ больной, одержимый иллюзіей зрѣнія, былъ оскорбленъ въ домѣ одного изъ своихъ знакомыхъ какимъ-то неизвѣстнымъ ему человѣкомъ, которому онъ задумалъ отомстить въ удобный часъ. Выйдя изъ этого дома, онъ купилъ ножъ, задумавъ употребить его, какъ орудіе мести. Но подходя къ своему жилищу, онъ встрѣтилъ совершенно незнакомое ему лицо, которое и принялъ за своего оскорбителя, бросился на него, и

нанесъ ему нѣсколько смертельныхъ ранъ. Подобными случаями богата судебная практика всѣхъ государствъ Европы и всѣ они показываютъ, до какой степени необходимо при обсужденіи даннаго поступка обращать вниманіе на его физиолого-психическое происхожденіе. Одно изъ разумныхъ и истинно-гуманныхъ началъ новаго судопроизводства состоитъ въ томъ, что подсудимый до окончанія судебного процесса считается невиннымъ, законъ находится скорѣе на сторонѣ его, чѣмъ обвинителя, и первоначально не ему предлагаетъ защищаться, но обвинителю доказать свое обвиненіе. Исходя изъ такого воззрѣнія невинности обвиняемаго, законъ, очевидно, лишь яснѣе и осозательнѣе выразить этотъ принципъ, если онъ поставитъ суду въ непремѣнную обязанность вводить въ судебный процессъ, какъ постоянный элементъ, тщательное изслѣдованіе психически-физиологическаго состоянія всякаго обвиняемаго. Только такимъ, конечно, путемъ судъ имѣлъ-бы возможность избѣгать ошибокъ, которыя такъ вредятъ цѣлямъ правосудія.

Въ сочиненіи доктора Фрезе перечислены главнѣйшіе виды умопомѣшательства и характеризующіе ихъ симптомы. Эта часть очерковъ составлена, однако, через-чуръ сжато и спеціально, по крайней мѣрѣ, для юристовъ, съ ограниченнымъ образованіемъ. Авторъ озаглавилъ, впрочемъ, свой трудъ скромнымъ именемъ очерковъ и заключилъ его въ такую узкую рамку, что ему едва-ли возможно было говорить о предметѣ своего сочиненія съ большей полнотой. Но и за это можно поблагодарить г. Фрезе. Его «очерки» — первый вполне цѣлесообразный трудъ въ области юридической литературы, являющийся на русскомъ языкѣ. Съ научной точки зрѣнія, онъ вполне безукоризненъ и отличается строго-логическимъ и всегда яснымъ изложеніемъ, что составляетъ вообще рѣдкое достоинство у нашихъ ученыхъ и спеціалистовъ. Намъ остается только пожелать, чтобы книга г. Фрезе нашла себѣ доступъ къ нашимъ юристамъ и внесла въ ихъ мышленіе свѣтлый лучъ истины и справедливости, которыми они слѣжать и въ которыхъ они такъ часто нуждаются.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Талантливое произведение французской политической литературы. — Буржуа-Жантильоны. — Гнѣздо легитимизма, городокъ Абержеманъ. — Въ чемъ состоитъ консерватизмъ французскихъ мелкихъ собственниковъ. — Реакціонныя стремленія версальскаго національнаго собранія. — Неудачи реакціонной партіи. — Обзорніе характеровъ и дѣятельности представителей легитимизма въ городкѣ Абержеманѣ. — Предводитель партіи, красивый мужчина аббатъ де-Корбино. — Вѣроятное происхождение его богатствъ. — Начальникъ штаба легитимистской арміи г-жа де-ла-Соле. — Ея энергичная дѣятельность на пользу католицизма и легитимизма. — Графъ Адольфъ де-Студеасъ. — Благоговѣніе къ нему «абержеманскихъ господъ». — Реакціонная дѣятельность его въ палатѣ. — Щеголь де-Пренсанъ. — Его тѣлеславіе дворянскимъ происхожденіемъ. — Верстовой столбъ де-Преваль. — Его услуги легитимизму въ должности мирового судьи. — Безформенная масса Дорваль. — Служеніе партіи порядка. — Непосѣда и педантъ Малембраншъ. — Вырожденіе буржуазной аристократіи и аристократической буржуазіи Франціи. — Отецъ и сынъ де-ла-Шатеньере. — Солдатскія воззрѣнія сына. — Его политическія симпатіи. — Вліяніе провинціальной тины на свѣжаго челоуѣка. — Скептикъ докторъ Вьень. — Второстепенные агенты абержеманскаго легитимизма. — Воспитатели французскихъ дѣтей. — Немѣлкость реакціонной партіи во Франціи.

Давно мы уже ни слова не говорили о Франціи, о дѣятельности ея изумительнаго національнаго собранія, заседающаго въ Версали, которое постоянно подставляетъ ножку Тьеру и въ то-же время чуть не на колѣняхъ умоляетъ его оставаться главою исполнительной власти; издаетъ законы противъ республиканцевъ и называетъ себя представителемъ французской республики; является защитникомъ свѣтской власти папы вопреки выгодъ Франціи и желанія большинства французовъ. Говоря объ этомъ собраніи, трудно держаться объективнаго изложенія, чего требуютъ существующія обстоятельства. И на этотъ разъ мы оставимъ французское національное собраніе въ сторонѣ и

займемся избирателями, плательщиками податей, подававшими голосъ за представителей большинства собранія и посмотримъ, на сколько оправдывается на этотъ разъ поговорка: каковы избиратели, таковы должны быть и ихъ представители; — каковы слуги, таковы и ихъ господа.

Весьма удобный матеріалъ для такого изслѣдованія представляетъ недавно напечатанная интересная книга подъ заглавіемъ «Les Bourgeois Gentilshommes de 1871». Имя автора этой книги неизвѣстно, но видно, что она написана человѣкомъ умнымъ, талантливымъ и честнымъ. Она представляетъ собой полную картину французской провинціальной реакціи. Лица, дѣйствующія въ этомъ произведеніи, списаны съ натуры, что легко замѣтить даже при самомъ бѣгломъ чтеніи книги. Авторъ представляетъ намъ галерею искусно воспроизведенныхъ фотографическихъ портретовъ лицъ, теперь живущихъ и дѣйствующихъ. Представители высшаго класса въ городѣ Абержеманѣ на Ріони (имя, конечно, вымышленное и можетъ означать всякій провинціальный городъ во Франціи, гдѣ особенно сильна реакція) могутъ служить самыми вѣрными портретами большинства національнаго собранія въ Версали. Убѣжденія же, высказываемыя жителями прочихъ классовъ города и окружающей мѣстности, напоминаютъ собою убѣжденія деревенской и буржуазной (мелкихъ городовъ) Франціи, рѣзко отличающіяся отъ убѣжденій населенія большихъ промышленныхъ и мануфактурныхъ городовъ и преимущественно Парижа.

Абержеманѣ на Ріони очень миленькій небольшой городокъ. Въ немъ можно найти все, что нужно для жизни человѣка: хлѣбъ, ячмень, овесъ, пшеницу, гречиху, пшено, рожь, рѣпу, брюкву, рѣдьку, макъ, картофель, свеклу и другіе продукты земледѣлія, идущіе въ пищу человѣку; подлѣ города разстилаются обширные выгоны для пастбы скота и дубовыя рощи, обильныя жолудями, нужными для выкармливанія свиней. Фрукты и виноградъ растутъ въ самомъ Абержеманѣ или на холмахъ, окружающихъ этотъ городокъ съ пятитысячнымъ населеніемъ. Климатъ въ городѣ умѣренный, не бываетъ здѣсь ни сильныхъ холодовъ, ни жары, которую было-бы трудно выносить, однимъ словомъ, климатъ юга, умѣряемый сосѣдствомъ горъ... Городокъ построенъ амфитеатромъ на горѣ и съ него открываются прелестныя виды на долину рѣки. Весной эта долина имѣетъ видъ обширнаго красиваго зеленого ковра, лѣтомъ этотъ коверъ представляется золотымъ; осенью вся мѣстность носитъ на себѣ характеръ отдыха, покоя, на ней почти не замѣчается движенія, какъ бываетъ обыкновенно въ деревняхъ въ поздніе лѣтніе вечера, когда утомившійся отъ тяжелой работы народъ заваливается спать.

Берега Ріони, окаймленные деревьями подлѣ городка, устьяны мельницами, кузнями, прядильнями, проволочными, хлопчато-бумажными, лѣсо и мраморо-пильными заводами, молотилками, маслобойнями и заведениями для машинной выдѣлки деревянныхъ башмаковъ... Въ деревняхъ, расположенныхъ на обоихъ берегахъ р. Ріони, крестьяне живутъ въ среднемъ довольствѣ со времени первой революціи, которая разомъ освободила ихъ отъ власти сеньеровъ и патеровъ.

До революціи эта прекрасная страна была обѣтованной землей клерикаловъ; патеры охотно селились въ Абержеманѣ и здѣсь когда-то было восемь мужскихъ и женскихъ монастырей. Въ то время въ городѣ было меньше осѣдлыхъ жителей, хотя въ немъ было людіе. Населеніе его постоянно увеличивалось людьми пришлыми, временными жителями и состояло по преимуществу изъ нищихъ, которые стекались въ городъ со всей окрестной страны, страдавшей отъ поразительной нищеты. Въ то время населеніе этой мѣстности отличалось хилымъ, забитымъ видомъ и глубокимъ невѣжествомъ.

Теперь въ странѣ многое радикально измѣнилось. Самая раса стала сильнѣе, мужественнѣе. Свободный трудъ, извѣстное довольство, которымъ пользуется теперь земледѣлецъ, оказали самое благотворное вліяніе. Земли, находясь въ рукахъ монастырей, обрабатывались дурно и давали въ десять разъ менѣе продуктовъ, чѣмъ теперь, когда онѣ перешли въ собственность крестьянъ. Прежде, вокругъ Абержемана были разбросаны маленькія деревушки, состоящія изъ полуразрушенныхъ хижинъ, представлявшихъ собою жалкій, печальный видъ. Теперь на мѣстѣ этихъ деревушекъ выстроено пять большихъ красивыхъ деревень, гдѣ дома тонуть въ зелени обширныхъ садовъ. Здѣсь, какъ и вездѣ, владычество католическихъ монаховъ разоряло край, а уничтоженіе этого владычества тотчасъ-же влекло за собой улучшеніе быта мѣстныхъ жителей.

Конечно, достопочтенные патеры и теперь еще весьма сильно вѣтшиваются въ дѣла Абержемана и облагаютъ пошлиной работу и собственность. Они собираютъ милостыню въ видѣ динарія св. Петра, они просятъ на колокольни и на колокола, они прибѣгаютъ къ подпискѣ въ пользу «братьевъ христіанской школы», въ пользу «сестеръ успоковающихъ бѣдняковъ», названныхъ такъ, можетъ быть, потому, что онѣ ухаживаютъ исключительно за богатыми. Патеры собираютъ дань подъ разными прочими предлогами, во имя спасенія души изъ чистилища;—они собираютъ очень много, но на что расходуются ихъ сборы, никому неизвѣстно. Духовенство не отдаетъ отчета въ израсходованіи этихъ суммъ. Но каждому изъ жителей Абержемана хорошо

известно, что шатеръ, явившійся въ нихъ городъ и окрестную страну совершеннымъ бѣдникомъ, умирая, всегда оставляетъ хорошее наследство своимъ родственникамъ. Граждане Абержемана, неся налогъ въ видѣ добротныхъ даяній въ пользу духовенства, утѣшаютъ себя тѣмъ, что теперь у нихъ нѣтъ болѣе нищенства, которое процвѣтало до первой революціи. Къ тому-же теперешніе поборы паперовъ ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлалось прежде, когда, волей-неволей, люду непривилегированному приходилось платить не мало и монастырямъ, и мѣстному сеньеру. Въ тѣ времена жители Абержемана, какъ и многихъ другихъ мѣстъ, обязаны были печь свой хлѣбъ въ общественныхъ печахъ, доходъ съ которыхъ шелъ въ пользу монастырей, приходскихъ священниковъ и графа, владѣтеля Абержемана. Никто не смѣлъ печь хлѣба у себя дома, каждый—купецъ, ремесленникъ и крестьянинъ — платилъ значительный налогъ за право пользования печью. Точно также никто, кромѣ сеньера и монастырей, не имѣлъ права строить мельницы; кто хотѣлъ молоть свое зерно, тотъ несъ его на мельницу, принадлежавшую сеньеру или монастырю, и платилъ опредѣленную подать за право помола. Высчитывать всѣ поборы монастырей и сеньеровъ, которые тяжелымъ ярмомъ ложились на жителей Абержемана и окрестной страны, — не стоитъ, они коротко известны всѣмъ, кто хоть немного занимался исторіей Франціи.

Всѣ эти факты, хорошо известные людямъ науки, людямъ интеллигенціи, наконецъ, известные той части читающей публики, которая, кромѣ романовъ, заглядываетъ и въ такъ называемыя книги, трактующія о серьезныхъ вопросахъ, — эти факты мало известны массѣ французскаго народа, которая, однакожъ, если можно такъ выразиться, сознаетъ ихъ инстинктивно и потому питаетъ сильную вражду къ старому порядку. Огромное большинство 15 милліоновъ французскихъ крестьянъ, 10 милліоновъ ремесленниковъ и рабочихъ въ городахъ и 5 милліоновъ мелкихъ буржуа, — консервативны, но они консерваторы именно по отношенію къ тѣмъ результатамъ, какіе добыты революціей 1792 года. Съ перваго взгляда такое выраженіе, какъ «консерваторы результатовъ, добытыхъ революціей», можетъ пожалуй показаться парадоксомъ, однакожъ невозможно найти другого выраженія, которое-бы лучше опредѣляло консерватизмъ массы французскаго народа; очевидно, французскіе легитимисты сильно ошибаются, объясняя этотъ консерватизмъ въ свою пользу. Событія послѣднихъ восьмидесяти лѣтъ вполне подтверждаютъ это мнѣніе; при каждомъ переворотѣ, при каждой реформѣ, консервативная масса французскаго народа задавала себѣ одинъ и тотъ-же вопросъ: «насколько эти событія

соотвѣтствуютъ результатамъ, добытымъ первой революціей?» — и, смотря по полученному отвѣту, подавала свой голосъ за или противъ нихъ.

Первый Бонапартъ безъ всякихъ затрудненій занялъ тронъ, но только потому, что народъ провозгласилъ его солдатомъ, диктаторомъ революціи. Пораженный необычайной, неожиданной для него легкостью завладѣнія престоломъ, Бонапартъ потерялъ способность смотрѣть на вещи прямо, настоящими глазами; ослабленный своими успѣхами, онъ вообразилъ, что можетъ вести народъ всюду, куда ему вздумается; самъ имѣлъ неловкость начать борьбу съ тѣмъ самымъ принципомъ, которому онъ былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ. Какъ во Франціи, такъ и вѣдь ея, Наполеонъ возстановлялъ маіораты, поземельную и клерикальную аристократію, онъ сдѣлался наконецъ абсолютнымъ повелителемъ Франціи и палъ, окончивъ свою жизнь на маленькомъ островѣ, лежащемъ далеко отъ береговъ Европы, среди Атлантическаго океана. Его повалилъ консерватизмъ французской массы, которая поддерживала его только до тѣхъ поръ, пока онъ не трогалъ результатовъ, добытыхъ революціею.

Реставрація была также безпрекословно принята этой массой и опять-таки только потому, что Людовикъ XVIII обязался не трогать результатовъ, добытыхъ революціей. Соблюдая это обязательство, Бурбоны могли-бы долго управлять Франціей. Но возможно-ли было такимъ людямъ, какъ Карлъ X, оставаться вѣрными подобному обязательству? Конечно, нѣтъ. Графъ д'Артуа, вступившій на престолъ подъ именемъ Карла X, былъ сильно убѣжденъ въ своемъ правѣ, которое онъ считалъ возможнымъ поддерживать только при существованіи стараго порядка, — и Карлъ X палъ, подобно Наполеону I. Представитель Орлеанской фамиліи, Люи-Филиппъ вступилъ на тронъ, предварительно обязавшись не трогать результатовъ, добытыхъ первой революціей. Благодаря кальвинисту Гизо, іезуиты снова водворились во Франціи и стали представлять изъ себя опасную силу; всѣ усилія ихъ были направлены на уничтоженіе результатовъ, добытыхъ первою революціей. Люи-Филиппъ не противодѣйствовалъ іезуитамъ, но, старѣя, и самъ подчинился имъ, вслѣдствіе того, іюльская монархія пала и замѣнилась второю республикой. Эта республика, въ свою очередь, была уничтожена государственнымъ переворотомъ 2 декабря. Удача этого переворота, по-видимому, противорѣчитъ выраженному выше мнѣнію. Но это такъ кажется только съ перваго взгляда. Люди, замыслившіе этотъ переворотъ, дѣйствовали чрезвычайно ловко: они погубили вторую респуб-

лику во мѣнѣ консервативной массы, распустивъ слухъ, что **соціалысты** и коммуны, изъ которыхъ будто-бы состояло **республиканское** правительство, намѣрены отнять всю собственность у частныхъ лицъ и передать ее государству и, такимъ образомъ, уничтожить важнѣйшій результатъ, добытый первою революціей. Наполеонъ III обязанъ своимъ успѣхомъ преимущественно торжественному **заявленію**, что онъ станетъ управлять, опираясь на принципы 1792 года, и, въ противоположность прежней аристократической и буржуазной политикѣ, будетъ держаться **наполеоновскихъ** идей, которыя будто-бы выше всего ставятъ интересы сельскихъ жителей и городскихъ рабочихъ. Но, совершивъ государственный переворотъ противъ республики и республиканцевъ, Наполеонъ III по необходимости долженъ былъ дѣлать уступки буржуазнымъ и аристократическимъ классамъ общества. Старѣя, онъ все болѣе и болѣе подчинялся вліянію императрицы Евгении, которая, въ свою очередь, была послушнымъ орудіемъ въ рукахъ іезуитовъ и ультра-католической партіи. Однакожъ, и при этихъ ошибкахъ, благодаря своей политикѣ оставлять въ покоѣ мелкихъ собственниковъ-земледѣльцевъ и даже лѣстить имъ, Наполеонъ III могъ бы еще долго держаться на французскомъ престола, если-бъ не сдѣлалъ непростительной ошибки, затѣявъ мексиканскую экспедицію, и поразительной нелѣпости, вызвавъ на борьбу Германію.

Теперь, когда вторая имперія Бонапартовъ, послѣ пораженій подъ Седаномъ, Мэцомъ и Парижемъ, ввергнувъ Францію въ поразительныя, почти баснословныя бѣдствія, пала залитая кровью, — когда Франція, нѣсколько оправившись, начинаетъ приходить въ себя, консервативная масса снова спрашиваетъ: затронуты-ли результаты, добытые первой революціей? Съ тревогой она замѣчаетъ, что реакція, политическая и клерикальная, пытается воспользоваться народными бѣдствіями для устройства своихъ личныхъ дѣлъ. Она видитъ, что всеобщія несчастія обогатили нѣсколькихъ биржевыхъ игроковъ, которые нажили милліоны, играя на повышение и понижение государственныхъ бумагъ въ то время, когда національное собраніе, невозможное во всякое другое время, спѣшило заключить миръ съ Германіей, принимая тяжкія условія побѣдителя, хотя еще была возможность продолжать войну и, если выйдти не съ побѣдой (что почти было невозможно), то, по крайней мѣрѣ, заключить несравненно болѣе выгодный миръ. Это собраніе не разошлось послѣ заключенія мира, что обязано было сдѣлать, но пользуясь тѣмъ, что въ немъ на 500 реакціонеровъ приходится всего 250 либераловъ, республиканцевъ и

квази-республиканцевъ, оно объявило себя учредительнымъ собраніемъ и намѣрено засѣдать на неопредѣленное время. О томъ, что оно могло предупредить парижское возстаніе и, своими невѣроятными ошибками, только ускорило его—мы говорить не стаемъ, объ этомъ мы сказали подробно въ свое время. Послѣ этого торжественнаго заявленія своей политической незрѣлости національное собраніе переходило отъ одной ошибки къ другой, оно, лучше сказать, реакціонная партія, издавала законы въ пользу реакціи, которые обращались противъ самой реакціи, мечтала о сліяніи различныхъ фракцій своей партіи, такъ-какъ она составляетъ въ собраніи большинство, дѣлала много шума, толкуя о своихъ программахъ, и кончила тѣмъ, что фракціи еще болѣе разобщились, а программы произвели такое впечатлѣніе на публику, что ихъ постарались скорѣе спрятать.

Эту поразительную неудачу трудно объяснить тѣмъ, что руководителями реакціоннаго движенія были избраны люди, неловкіе и неопытные въ политическихъ маневрахъ. Здѣсь было столько шансовъ на побѣду, что даже самый безтолковый предводитель могъ одержать ее. Поэтому ясно, что причину пораженія слѣдуетъ искать не въ неспособности вождей, а въ чемъ-нибудь другомъ, предъ чѣмъ не могли-бы устоять даже самые талантливые предводители. Уяснить эту причину намъ поможетъ авторъ, котораго мы цитировали, рассказавъ намъ, изъ какихъ элементовъ создалась реакціонная армія. Онъ насъ познакомилъ съ Абержеманомъ на Ріони, лагеремъ этой арміи; теперь онъ намъ покажетъ главный штабъ арміи и корпусъ офицеровъ.

Первое лицо, съ которымъ знакомитъ насъ талантливый авторъ,— аббатъ де-Корбино. Почтенный аббатъ долженъ считаться дивизионнымъ генераломъ реакціонной арміи, расположившейся лагеремъ подлѣ Абержемана. Аббатъ не знатнаго происхожденія, хотя онъ и присоединилъ къ своему имени аристократическую частицу «де», но между всѣми господчиками, собранными въ лагерьъ, только онъ одинъ оказался способнымъ давать направленіе стратегическимъ эволюціямъ и принять отвѣтственность за исходъ кампаніи. Отецъ аббата де-Корбино былъ простой поселянинъ; отдавая сына въ семинарію, онъ сказалъ ему: «смотри-же, непременно сдѣлайся приходскимъ священникомъ, тогда ты будешь ѣсть бѣлый хлѣбъ и выйдешь замужъ твоихъ

сестеръ». Однакожъ аббатъ не сдѣлался ни приходскимъ священникомъ, ни викаріемъ. Его молодые годы протекли въ домахъ старинныхъ сеньеровъ, гдѣ онъ училъ сыновей семинарской латыни, а дочерей немножко исторіи, излагая ее по клерикальному образцу, немножко географіи, немножко грамматики. Училъ онъ сухо, казенно, но тѣмъ не менѣе сдѣлался любимцемъ дамъ въ Абержеманѣ и во всѣхъ его окрестностяхъ.

Аббатъ де-Корбино былъ красивъ собой. «Какой красавецъ!» говорили про него дамы. «Какой прелестный мужчина!» добавляли болѣе смѣлыя горничныя. Аббату уже пошелъ пятидесятый годъ, но онъ все еще красивъ, силенъ и ловокъ.

Когда онъ дебютировалъ въ Абержеманѣ, въ домѣ г. Пиларда-дела-Шатеньере, онъ обладалъ всѣми качествами молодого священника, только-что окончившаго семинарскій курсъ. Онъ выказывалъ суровую, непреклонную ревность къ дѣлу католицизма и тѣмъ завоевалъ протекцію у сильныхъ клерикальнаго міра. Однакожъ его вѣтшность была совсѣмъ не суровая, и когда онъ участвовалъ въ религиозныхъ процессіяхъ, опутивши глаза внизъ, его можно было принять за стыдливую, кроткую дѣвушку. Г-жа де-ла-Шатеньере нашла молодого священника очаровательнымъ, и любовалась имъ, когда онъ возилъ на спинѣ ея старшую дочь, малютку. Онъ умѣлъ угождать всѣмъ въ домѣ. Хозяйка души въ немъ не чаяла, распространяла его проповѣди, всѣмъ и каждому читала его весьма плохія статьи, печатаемыя въ журналахъ и ежедневно получала отъ него братскій поцѣлуй. Молодой священникъ предложилъ, чтобы младшему сыну г. де-ла-Шатеньере было дано лучшее образованіе, чѣмъ его братьямъ, и мальчикъ тотчасъ-же помѣстили сначала въ лицей, а оттуда перевели въ Сен-Сиръ; по окончаніи курса онъ поступилъ въ линейную войска и имѣеть уже чинъ маіора. «Это прививокъ самого де-Корбино», твердили злые языки.

Теперь де-Корбино уже не скачетъ пѣтушкомъ предъ дамами, не заискиваетъ въ нихъ. Онъ живетъ уже не въ Абержеманѣ, а въ главномъ городѣ департамента, гдѣ служитъ обѣдню, когда ему вздумается, исповѣдуетъ только тѣхъ, отъ которыхъ можетъ выпытать что-нибудь важное для своихъ интересовъ; живетъ онъ съ комфортомъ, принимаетъ у себя и самъ дѣлаетъ много визитовъ. За столомъ онъ никогда не мѣшается въ безцѣльные тенденціозные разговоры, съ буквальной точностію воспроизводимые провинціальными газетами. Во время этой пустой болтовни онъ иронически улыбается и ѣсть исправно. Если эта болтовня не прекращается и послѣ обѣда,

онъ садится въ уголь и притворяется внавшимъ въ глубокую задумчивость. «Онъ собирается съ мыслями», въ такихъ случаяхъ говорятъ шопотомъ дамы, благоговѣнно взирая на свой кумирь.

Когда аббатъ де-Корбино посѣщаетъ епископскій дворецъ, самъ епископъ всгааетъ и идетъ къ нему на встрѣчу. Если онъ обращается къ префекту, ему рѣдко приходится ожидать выхода сановника, — такъ цѣнять его значеніе въ краѣ. Уже двѣнадцать лѣтъ тому назадъ аббатъ де-Корбино представлялся самому графу Шамбору. Онъ былъ душой партіи въ провинціи. Прежде онъ не имѣлъ никакого состоянія, но теперь онъ богатъ. Кто осмѣлится подозрѣвать въ чемъ нибудь аббата де-Корбино? Если онъ дѣлаетъ частыя и таинственныя поѣздки въ Ліонъ, то это вовсе не потому, что у него тамъ отданы деньги на проценты... Развѣ сумма, собираемая въ видѣ динарія св. Петра, уменьшилась съ той поры, какъ сборомъ ея сталъ распоряжаться аббатъ де-Корбино? Нисколько не уменьшилась, по крайней мѣрѣ, ни одинъ благоразумный человѣкъ не станетъ утверждать противное... Извѣстно было только, что изъ каждаго своего путешествія аббатъ возвращался съ весьма кругленькими суммами. Но вѣдь всемъ также было извѣстно то огромное вліяніе, какое имѣлъ аббатъ де-Корбино на буржуазную жантильмерію и очень могло случиться, что кругленькія суммы онъ собиралъ въ видахъ ея-же пользы. Для дамъ этого круга аббатъ де-Корбино былъ оракуломъ, непогрѣшимымъ судьей, и эти дамы заставляли своихъ мужей думать головой аббата. Мужчины этого круга были люди мало способные, мало развитые, а извѣстно, что при такихъ качествахъ мужчинъ, владычество въ семьѣ достается всегда на долю женскаго докопѣнія.

Читатель, конечно, догадывается, что коадьюторомъ, начальникомъ штаба у аббата де-Корбино была женщина. Эту роль играла однакъжь не г-жа Пилардъ де-ла-Шатеньере, а жена нотариуса Раво, которая жила врозь съ мужемъ и, разбогатѣвъ, нашла нужнымъ называться г-жей де-ла-Соле по имени фермы, въ которой она родилась.

Г-жа Раво де-ла-Соле была женщина большого роста, съ серьезными выразительными чертами лица, съ роскошнымъ станомъ, съ черными глазами, обрамленными густыми черными бровями. Одѣва-

лась она, какъ всё провинціальныя ханжи и знала, когда ей нужно опускать глаза и принимать на себя видъ набожной женщины, занятой благочестивыми размышленіями.

Тридцать лѣтъ тому назадъ, выходя замужъ за нотариуса Раво, она была здоровой, сильной, страстной женщиной. Ихъ медовый мѣсяцъ прошелъ очень быстро и г. Раво скоро сталъ находить, что прелести служанокъ его жены нисколько не ниже прелестей самой госпожи. Г-жа Раво родила, но ребенокъ вскорѣ умеръ, и супруги, по добровольному соглашенію, разъѣхались. Г-жа Раво получила значительную пенсію отъ своего мужа.

Поселившись въ Парижѣ, г-жа Раво воспользовалась свободой и отдалась любовнику, котораго страстно полюбила. Но любовникъ скоро охладѣлъ къ ней и наконецъ бросилъ. Въ отчаяніи она бѣжала изъ Парижа и поселилась въ женскомъ монастырѣ въ Бретани, какъ свободная жилища, но не какъ послушница. Здѣсь она ежедневно писала письма къ бросившему ее любовнику, которыя однакожъ не отправляла къ нему. Между тѣмъ безцѣльная, однообразная жизнь въ монастырѣ начинала надоѣдать ей, но она не знала, за что приняться, какъ вдругъ встрѣтилась съ красавцемъ аббатомъ де-Корбино, посетившимъ монастырь, гдѣ она жила. Аббатъ понялъ, какая энергія таится въ этой женщинѣ и какую пользу она можетъ принести клерикальнымъ стремленіямъ. Въ немногихъ словахъ онъ разъяснилъ ей блестящую роль, какую она можетъ играть, соединившись съ нимъ. Онъ сообщилъ ей надежды легитимистской партіи, указавъ ей на необходимость сліянія интересовъ Генриха V съ интересами папъ и католической церкви. Съ подобающими предосторожностями аббатъ посвящалъ свою ученицу въ таинства мелочности и предрасудковъ, характеризующихъ то общество, среди котораго ей придется дѣйствовать. Изъ его словъ ей легко было понять, какъ ничтожно это общество и какъ легко подчинить его своему вліянію.

Ея рѣзкая, энергическая красота должна была произвести сильное впечатлѣніе въ этомъ обществѣ, гдѣ преобладалъ типъ стертой, тусклой, слабой расы. Подвижность и энергія г-жи де-ла-Соле сначала нешугали этихъ тяжелыхъ на подъемъ лимфатиковъ. Чтобы войти въ это общество, г-жѣ Соле пришлось выдержать много испытаній. Но, прикрываясь авторитетомъ де-Корбино, она вышла побѣдительницей изъ всѣхъ этихъ испытаній, вступила въ общество и стала работать. Теперь она работаетъ съ пожирающей энергіей, не знаетъ ни усталости, ни отдыха.

Она вездѣсуца въ Абержешанѣ. Она не пропускаетъ ни одной

церковной службы, ни одной религиозной процессии. Ее можно встретить вездѣ. Она посѣщаетъ больныхъ въ городѣ и въ окрестностяхъ. Ей извѣстны душевныя и тѣлесныя тайны каждаго жителя Абержеманъ. Изъ женскаго любопытства? О, нѣтъ! знаніе этихъ тайнъ необходимо для ея политическихъ и религиозныхъ цѣлей. Комитетъ благотворительности зависитъ вполнѣ отъ нея, ничего не дѣлается помимо ея воли и расчетовъ. Если затѣвается какой-нибудь сборъ въ пользу клерикаловъ и священнику или викарію неловко обращаться съ нимъ къ публикѣ, г-жа де-ла-Соле беретъ дѣло на себя. Раздавая пособія бѣднымъ, она держитъ ихъ въ своей власти и пользуется ими при выборахъ. Она считается покровительницей «братьевъ христіанской школы» и «сестеръ, успокоивающихъ бѣдняковъ» и всегда успѣваетъ собирать въ ихъ пользу значительныя пожертвованія. Ни одинъ адресъ къ папѣ, ни одна петиція не минуется ея рукъ. Во время послѣднихъ выборовъ она употребила въ дѣло всѣ средства, которыя находились въ ея распоряженіи. Она обѣщала, давала деньги, работала за четверыхъ.

На этотъ разъ, однакожь, всѣ ея усилія пропали даромъ. Легитимистская партія потерпѣла пораженіе.

Г-жа де-ла-Соле была у г. Пиларда-де-ла-Шатеньере, гдѣ собрались всѣ представители партій, когда пришло извѣстіе о результатахъ выборовъ. Узнавъ о пораженіи, понесенномъ ея партією, она поднялась надменная, подавляющая и холоднымъ, презрительнымъ взглядомъ остановила нѣмыя упреки, съ которыми думало обратиться къ ней собраніе. Отъ ея взгляда лица всѣхъ протестующихъ приняли сладкое, подобострастное выраженіе.

Такимъ образомъ душой, главой всякаго легитимистскаго движенія въ Абержеманѣ на Ріони былъ сынъ крестьянина, а главной пружиной его—дама буржуазнаго происхожденія. И тотъ, и другая считались людьми знатнаго происхожденія, выражаясь парламентскимъ языкомъ, по недоразумѣнію, или, говоря на языкѣ простыхъ смертныхъ, вслѣдствіе совершеннаго ими подлога, прибавленіемъ аристократической частички къ ихъ фамиліи. Легитимистская партія въ Абержеманѣ не могла найти ни одного способнаго и энергическаго членка между своими членами знатнаго происхожденія и должна была обратиться за предводителемъ въ болѣе низменныя сферы общества, а такъ какъ самыми вліятельными членами партій были женщины,

то, естественно, что такимъ главой долженъ былъ сдѣлаться красивый, проницательный аббатъ.

Дѣйствительные предводители легитимизма въ Абержеманѣ аббатъ де-Корбино и г-жа де-ла-Соле, номинальнымъ-же главой считается графъ Адольфъ де-Студеасъ, богатый и знатный.

Нѣсколько прихрамывающій, неповоротливый, расплывшійся, неопытный, плохо одѣтый графъ не могъ назваться привлекательнымъ. Ему было 45 лѣтъ отъ роду, умственные способности его были не особенно блистательныя, однакожъ буржуа-жантильеры охотно признали его своимъ предводителемъ, внимательно выслушивали каждое его слово, когда онъ удостоивалъ ихъ своимъ разговоромъ и прощали ему всё его странности, находя ихъ весьма натуральными. И не удивительно. Графъ Студеасъ получалъ съ своихъ лѣсовъ, луговъ и виноградниковъ болѣе 200,000 франковъ годового дохода. Онъ, конечно, могъ себѣ все позволить.

Графъ всегда избѣгалъ разговоры о папѣ и католической церкви. Онъ даже не посѣщалъ обѣденъ и никто не зналъ, исповѣдывался-ли онъ когда-нибудь. Тѣмъ не менѣе мѣстные іезуиты ухаживали за нимъ, льстили ему и кланялись до земли при встрѣчѣ съ нимъ. Но на всё ихъ заискиванія онъ отвѣчалъ холодною, однакожъ не выгонялъ ихъ. О нихъ, впрочемъ, заботились мать графа и его жена, вполне преданные аббату де-Корбино.

Почти столько-же вниманія оказывалъ графъ Студеасъ и буржуа-жантильерамъ Абержемана, которые терлись вокругъ него и ловили каждое его слово. Графъ держалъ ихъ въ почтительномъ отдаленіи и презиралъ ихъ. За то онъ очень любилъ бесѣдовать и водить хлѣбъ-соль съ своими рабочими, фермерами и вообще съ сельскимъ земледѣльческимъ людемъ. Этотъ народъ также подчинялся его вліянію, но не потому, что графъ былъ знатнаго происхожденія. Простые люди уважали въ графѣ крупнаго поземельнаго собственника и человека, обычай котораго мало разнится отъ ихъ обычаевъ. Графъ любилъ заниматься плотничьей работой и зналъ свое дѣло хорошо. Обращеніе его съ простымъ людемъ было задушевное. Они толковали съ нимъ по простотѣ, но дрожали передъ его женой. Во всѣхъ своихъ поступкахъ графъ руководствовался только своей фантазіей и знатію, не хотѣлъ никакихъ свѣтскихъ приличій. У него теперь нѣсколько дѣтей, которые получаютъ воспитаніе подъ руководствомъ аббата де-Корбино, конечно, въ духѣ легитимизма.

Дѣдъ Адольфа засѣдалъ въ палатѣ во время реставраціи, былъ членомъ извѣстнаго клерикальнаго общества при Карлѣ X, а отецъ, при

Луи-Филиппъ, умѣлъ ладить со всѣми кабинетами, какой-бы партіи они ни были, такъ что каждый изъ нихъ давалъ ему мѣста съ хорошимъ содержаніемъ. Политическая карьера самого графа Адольфа также ничего не говоритъ о томъ, какихъ именно убѣжденій онъ держится. Когда была провозглашена вторая имперія, онъ былъ членомъ *нѣмой* палаты и постоянно подавалъ свой голосъ за всѣ мѣры, которыми утверждалось господство Наполеона III. Когда же сформировалась оппозиція сорока пяти, графъ Адольфъ присоединился къ оппозиціи, состоявшей изъ либераловъ всѣхъ оттѣнковъ, и употреблялъ всѣ усилія, чтобы пробить брешь въ зданіи второй имперіи. Онъ рукоплескалъ, когда эта имперія свалилась въ пропасть, но повѣсилъ носъ, когда ее смѣнила республика.

Во время войны съ Германіей, онъ носился всюду съ своимъ горемъ, и всѣмъ и каждому постоянно напыщенно толковалъ объ изумительной военной организаціи прусскихъ войскъ, о силѣ и могуществѣ Пруссіи. Но хотя онъ сильно вздыхалъ объ участи обезсиленной и потрясенной Франціи, но было ясно видно, что онъ горюетъ о ея страданіяхъ лицемерно, потому что при всякомъ мужественномъ порывѣ ея подняться, онъ разводилъ руками и порицалъ этотъ порывъ.

Онъ имѣлъ своихъ собственныхъ корреспондентовъ вездѣ, и въ Лотарингіи, и на Луарѣ. Получаемыя отъ нихъ письма онъ читалъ каждому встрѣчному, комментировалъ ихъ, снималъ копіи и разсылалъ по всей провинціи съ своими объясненіями, чѣмъ способствовалъ распространенію паники и деморализаціи. Онъ первымъ въ департаментѣ получалъ подробныя извѣстія о ходѣ дѣлъ, объ отдѣльных стычкахъ и сраженіяхъ; если эти извѣстія были печальнаго характера, онъ спѣшилъ распространять ихъ въ публикѣ; если-жъ въ нихъ сообщалось объ успѣхахъ французовъ, онъ тщательно хранилъ ихъ въ своемъ портфелѣ.

Во время февральскихъ выборовъ 1871 года онъ явился кандидатомъ въ клерикальномъ спискѣ, ловко смѣшанномъ съ либеральными элементами. Графъ Адольфъ былъ выбранъ. Какъ либераль? Конечно, по крайней мѣрѣ, онъ самъ желалъ, чтобы его считали либераломъ.

Во время гражданской войны онъ требовалъ, чтобы Парижъ былъ уничтоженъ до основанія. Свое желаніе онъ заявлялъ торжественно, во всеуслышаніе, не такъ, какъ дѣлали многіе изъ его друзей, ратовавшихъ противъ Парижа въ тихомолку. Онъ подавалъ свой голосъ за всѣ реакціонные проекты. Когда сдѣлалось извѣстно, что епископы приготовляются нанести ударъ по вопросу о непогрѣшимости

паны, онъ рукоплескалъ ихъ усиленно. Въездъ въ Римъ короля Виктора-Эммануила привелъ его въ сильнѣйшее негодованіе, а послѣдніе дополнительные іюльскіе выборы заставили его окончательно выйти изъ себя и потерять самообладаніе. Онъ увидалъ теперь, что его мечтамъ не суждено сбыться и что событія, точно нарочно, идутъ вопреки всѣмъ его расчетамъ и соображеніямъ.

За графомъ Адольфомъ де-Студеасъ тянулася цѣлая куча личностей, которыя играли при немъ роль вассаловъ, слывшихъ подъ нарицательнымъ именемъ «обержеманскихъ господъ». Натураліетъ, давшій намъ описаніе высшей породы, занимается также и «обержеманскими господами», причемъ обращаетъ особенное вниманіе на гг. Гойарда де-Пренсака, Жента де-Преваля, Дорваля и Лагира де-Малебранша.

Гонтранъ Адальбертъ де-Пренсакъ слыветъ въ обществѣ за извѣстнаго щеголя. Онъ имѣетъ болѣе 20,000 франковъ годового дохода. Но деньги не задерживаются въ его рукахъ, онъ тратитъ ихъ почти съ такой-же щедростью, съ какой ихъ тратили старинные французскіе дворяне, однакожь умѣетъ во время сдерживаться и быть расчетливымъ. Онъ болтливъ и любитъ разглагольствовать о своей щедрости и объ услугахъ, оказанныхъ друзьямъ. Онъ, что называется, добрый малый, но съ примѣсью тщеславія и подчасъ грубаго чванства. Во всѣхъ партіяхъ, даже между республиканцами, у него есть пріатели. Онъ считаетъ себя легитимистомъ, но едва-ли отдаетъ себѣ отчетъ, почему онъ присоединился къ этой партіи; онъ машинально исполняетъ предписанія католицизма, ходитъ даже на исповѣдь, хотя считаетъ ее скучнымъ дѣломъ. Онъ сильно увлекается въ ту или другую сторону и, повидному, всегда безпричинно. Воспитаніе онъ получилъ довольно плохое и умъ его неспособенъ къ правильному мышленію. Онъ любитъ бесѣдовать съ вдовствующими легитимистками и ихъ горничными; любитъ жеманныя, напыщенныя фразы. Онъ стрекочетъ цѣлый день, точно сорока. Его, впрочемъ, нельзя назвать дуракомъ и онъ дѣлаетъ усилія, чтобы не оставаться нулемъ. Но при всѣхъ своихъ усиліяхъ полезнымъ человекомъ онъ сдѣлаться не можетъ, точно судьба его осудила на вѣчное шалопайничанье безъ пользы для себя и для другихъ... Съ перваго взгляда онъ можетъ показаться человекомъ либеральнымъ, онъ умѣетъ отпускать

либеральныя фразы. Но чуть разговоръ принимаетъ серьезный характеръ и вопросъ идетъ уже не объ изверженіи либерализма, а о дѣлѣ, Пренсакъ теряетъ почву и умаляется до полнѣйшей ничтожности. Собственно говоря, убѣжденій у него нѣтъ никакихъ.

Впрочемъ, онъ старается всегда показывать видъ, что твердо убѣжденъ въ томъ, что его фамилія чисто-дворянскаго происхожденія, безъ всякой плебейской примѣси. На его печати, на посудѣ, на экипажѣ, однимъ словомъ, вездѣ, гдѣ можно, вырѣзанъ графскій гербъ. Когда Пренсакъ жилъ въ Парижѣ, гризетки латинскаго квартала иначе не называли его какъ графомъ... Онъ не колеблясь подписывается: Адольфъ де-Пренсакъ. Его дѣдъ не рѣшался на такую смѣлость. Онъ былъ простой земледѣлецъ и, разбогатѣвъ, купилъ ферму Пренсакъ, въ то время считавшуюся дворянскимъ имѣніемъ. За триста добрыхъ эку онъ купилъ дворянскій чинъ, какъ говорили при дворѣ Людовика XV и Людовика XVI. Однакожъ добродушный Гойардъ, купивъ дворянское имѣніе, не рѣшился назваться дворяниномъ. Онъ скромно подписывался: Жанъ-Жакъ Гойардъ по прозванію Пренсакъ. Его сынъ пошелъ дальше и писалъ уже: Филиппъ Гойардъ Депренсакъ. Этотъ Филиппъ въ 1815 году явился болѣе ревностнымъ легитимистомъ, чѣмъ самъ король. Съ бѣлымъ знаменемъ въ рукахъ, онъ дрался въ рядахъ союзной арміи, вторгнувшейся во Францію.

Адальбертъ Пренсакъ желаетъ забыть, что онъ происходитъ отъ Гойардовъ и когда ему кто-то напомнилъ объ этомъ, онъ дрался съ нимъ на дуэли. Адальбертъ свято чтитъ всѣ предрассудки старинныхъ эмигрантовъ. Онъ рѣшительно ничего не дѣлаетъ и не способенъ ни на какое дѣло. Онъ ничему не научился, хотя ему пришлось учиться довольно много. Его жена управляетъ имъ и всѣмъ домою.

Пренсакъ не требуетъ себѣ доходнаго мѣста, онъ можетъ вполне удовольствоваться однимъ почетомъ. Однакожъ, при всѣхъ его недостаткахъ, Пренсакъ, въ глазахъ Генриха V и папы, едва-ли не лучшій изъ обержеманскихъ буржуа-жантильомовъ.

Несторъ Жентъ де-Преваль занимаетъ въ Абержеманѣ должность мирового судьи. Которое изъ прозвищъ—Жентъ или Преваль—было его настоящей фамиліей, остается неразрѣшимой загадкой...

Несторъ очень высокъ ростомъ и ходитъ вытанувшійся, точно вер-

стовой столбъ. Когда ему приходится ходить вмѣстѣ съ женой, то его крошечная подруга едва поспѣваетъ за нимъ, плетясь мелкой рысцой. Несторъ болтливъ и говоритъ фамиллярнымъ топомъ со всякимъ первымъ встрѣчнымъ, рѣчь его всегда отличается банальностью и сальностью. Умъ его весьма ограниченъ, онъ неспособенъ ни на какую серьезную работу.

Дливыми неровными шагами выступаетъ это забавное созданіе, это привидѣніе, облаченное въ длиннополое пальто, цвѣта бильярднаго сукна. Кажется, что нѣтъ ни капли крови въ тѣлѣ этой длинной вѣшалки; ея оловянные глаза глядятъ безсмысленно. Несторъ близорукъ и носитъ зеленые очки, а также плоскую фуражку съ огромнымъ козырькомъ. Такимъ, какъ онъ описанъ здѣсь, его можно видѣть каждый вечеръ въ одномъ изъ наиболѣе посѣщаемыхъ кафе Абержемана.

Несторъ сознаетъ свою посредственность, но и у него есть пунктъ тщеславія: онъ играетъ на контрбасѣ и гордится своими музыкальными способностями. На своемъ инструментѣ онъ аккомпанируетъ въ перкви пѣнію псалмовъ и церковныхъ пѣсень, и считаетъ себя важнымъ и необходимымъ участникомъ во всѣхъ церковныхъ торжествахъ и церемоніяхъ своего прихода.

Несторъ принадлежитъ къ такъ-называемой партіи порядка. Во время второй имперіи, въ качествѣ мирового судьи, онъ постоянно хлопоталъ о сборѣ подписей подъ адресами, выражающими преданность особѣ Наполеона III. Если бы какимъ нибудь случаемъ престолъ достался одному изъ Орлеановъ, Несторъ принесъ-бы торжественное поздравленіе новому владыкѣ и ликовалъ-бы отъ всего сердца. Но тѣмъ не менѣе всѣмъ другимъ знаменамъ онъ предпочитаетъ бѣлое знамя Генриха V. Когда вторая имперія пала и была провозглашена республика, Несторъ спрятался въ свою ячейку и сидѣлъ тихо, не промолвивъ ни слова, до тѣхъ поръ, пока не обнаружилась реакціонная политика большинства національнаго собранія. Тутъ Несторъ нѣсколько оживился, но все еще находится въ выжидательномъ положеніи. Онъ занимаетъ мѣсто мирового судьи, благодаря милости и поддержкѣ абержеманскихъ господъ, изъ клана которыхъ онъ взялъ свою жену. Разумѣется, онъ, какъ судья, служитъ ихъ видамъ и, по ихъ желанію, выпроваживаетъ изъ города или дѣлаетъ разныя прижимки людямъ имъ не нравящимся, такъ называемымъ неблагонамѣреннымъ. Партія, въ этомъ случаѣ, держится старой, давно испитанной политики, забывая, конечно, что такая политика никогда не приводитъ ни къ чему путному.

Г. Дорваль, одутловый толстякъ, круглый, малорослый, плотный, дородный, сутуловатый, съ багровымъ оттѣнкомъ кожи на лицѣ, носящій голову впередъ, представляетъ собой жирную массу, безъ всякой формы, безъ всякаго сложенія и безъ мускуловъ; груди у него совсѣмъ нѣтъ, есть только животъ, колыхающійся на маленькихъ, дрожащихъ ногахъ; Дорваль не ходитъ, а переваливается, съ трудомъ даже сохраняя равновѣсіе.

Немудрено, что при такой физической дряблости, и нравственная сторона организациі Дорваля не дорогой цѣны. Религіозныя убѣжденія его застыли на тѣхъ выводахъ, которые онъ сдѣлалъ въ своемъ самомъ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ, а традиціонныя предрасудки вкоренились въ немъ во всей ихъ неприкосновенности. Однакожъ, нельзя сказать, чтобы онъ былъ круглый невѣжда, и не приобрѣлъ никакихъ знаній. Онъ прошелъ полную школу воспитанія и схватилъ сырьемъ не мало свѣденій. Онъ считаетъ себя вполне счастливымъ, когда ему приходится разъяснять другимъ и то, что онъ понимаетъ, и даже то, чего онъ совсѣмъ не понимаетъ. Онъ радуется и торжествуетъ, когда какая-нибудь добродушная барыня обращается къ нему съ такой рѣчью: «Разъясните намъ это, г. Дорваль, вѣдь вы все знаете». И онъ начинаетъ разъяснять напыщеннымъ жаргономъ и изливать передъ слушательницами свою ученость безъ мѣры, почти безъ смысла; съ закрытыми глазами онъ идетъ на проломъ и извергаетъ такую шумиху фразъ, что слушателямъ приходится поскорѣе бѣжать изъ комнаты, иначе у нихъ разболится голова. Несчастныя слушательницы, однакожъ, стойчески выносятъ мученіе и слушаютъ оратора до конца. Многие, менѣе терпѣливые люди въ подобныхъ случаяхъ пытаются иногда направлять разговоръ въ другую сторону, но такая мѣра ни къ чему не ведетъ: Дорваль не закроетъ рта и не отвѣтитъ на задаваемые ему посторонніе вопросы до тѣхъ поръ, пока не выложитъ всей своей учености, приобретенной на школьной скамьѣ. Память у него изумительная. Онъ не забылъ ничего, что училъ, и всегда помнить все прочитанное. По выходѣ изъ школы онъ читалъ много, читалъ безъ разбора: романы, путешествія, ученые журналы, театральныя пьесы, молитвенники, собранія проповѣдей, сонники, гадательныя книги и пр.; все прочитанное ложилось пластомъ въ его головѣ и смѣшивалось въ кучу, разобрать которую не было никакой возможности. Такое чтеніе, конечно, не могло оказать никакого вліянія на его развитіе. Всѣ его понятія были перепутаны, никакой системы не было въ его мышленіи; въ этой жирной тушѣ трудно было сыскать человѣка, — это было неодушевленное существо, сонливое и

монотонное въ своемъ вѣчномъ движеніи. Нечего искать у него сознательныхъ убѣжденій, силы характера. Имъ пользовались, когда это было нужно, но никогда не совѣтовались съ нимъ, никогда серьезно не спрашивали его мнѣнія. Товарищи, жена, дѣти, нянька, всѣ вокругъ него дѣйствовали, какъ имъ вздумается, не обращая на него никакого вниманія. Онъ зналъ это, иногда сердился втихомолку, но не умѣлъ найти средства, какъ измѣнить эти отношенія къ себѣ людей.

При добродушіи своей природы Дорваль никому не мѣшалъ. Мягкость и сговорчивость были отличительными качествами его характера и миряли съ нимъ всякаго. Поэтому онъ былъ вездѣ принятъ, имѣлъ между своими пріятелями людей самыхъ различныхъ убѣжденій. Офицеръ главнаго штаба, онъ сдѣлался адъютантомъ одного генерала, носилъ зонтикъ и молитвенникъ генеральши, вѣчно ходилъ съ нею въ спектакли, ежедневно исполнялъ для нея множество комиссій: на почтѣ, у цвѣточницы, въ разныхъ магазинахъ, справлялся объ адресахъ нужныхъ людей, писалъ письма и дѣлалъ заказы для дома и по туалету. И всѣ эти комиссіи онъ исполнялъ безкорыстно, не смѣя даже поднять глазъ на свою очаровательную начальницу.

Тѣмъ не менѣе его безкорыстныя услуги были вознаграждены щедро и, считаясь при генеральшѣ, онъ выигралъ по службѣ болѣе, чѣмъ еслибъ онъ служилъ въ Африкѣ и участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ. Въ самое короткое время службы при генеральшѣ онъ получилъ чины капитана и батальоннаго командира и сдѣланъ былъ кавалеромъ ордена почетнаго легіона. Передъ выходомъ въ отставку онъ обезпечилъ себѣ мѣстечко въ 8,000 франковъ содержанія, а потомъ оставилъ военную службу съ пенсіей въ 2,500 франковъ. Ему повезло и на новомъ мѣстѣ, а когда ему вздумалось опочить отъ служебныхъ трудовъ, онъ имѣлъ уже кругленькій капиталецъ и хорошую пенсію.

Несомнѣнно, что такая легкость составленія себѣ карьеры подъ покровомъ полусвѣта канцелярій и окончанія дѣлъ домашнимъ образомъ, весьма мало гармонировавшія съ понятіемъ о равенствѣ, свободѣ и публичности, побудили Дорваля отдаться душой и тѣломъ партіи, которая сочетаетъ порядокъ только съ служеніемъ лицу и требуетъ вездѣ и во всемъ полицейской инициативы. Въ этомъ порядкѣ патеръ играетъ важную роль, а непогрѣшимость папы считается догматомъ, на которомъ должно опираться государственное устройство.

Дорваль былъ набожнѣйшимъ изъ абержеманскихъ господъ; онъ часто исповѣдывался и причащался. Набожнымъ онъ сдѣлался въ са-

ныя раннія лѣта своей жизни. Еще въ школѣ онъ постоянно отмаливалъ свои грѣхи. Желая слыть хорошимъ товарищемъ, онъ не отказывался кутить по воскресеньямъ вмѣстѣ съ другими и въ точности выполнялъ всю программу кутежа. За то въ понедѣльникъ онъ съ рыданіями и воплями протанавливалъ все свободное время на молитвѣ, умоляя Бога о прощеніи. Остальные дни недѣли въ немъ происходила борьба между страхомъ передъ грѣхомъ и опасеніемъ подвергнуться опалѣ товарищей; но приходило воскресенье и онъ со страстію предавался кутежу. Въ полку онъ поступалъ по тому-же правилу: послѣ кутежа отмаливалъ грѣхи. Конечно, его набожность была чисто-вѣтшняя: онъ добивался только одного, чтобы прочесть известное число молитвъ, подобающихъ случаю, но его разумъ нисколько не участвовалъ въ этихъ упражненіяхъ. Онъ не пропускалъ ни одной церковной службы и соблюдалъ посты.

Съ женой Дорваль жилъ не въ ладахъ; онъ надоѣлъ ей до тошноты своимъ ханженствомъ съ одной стороны и кутежами съ другой, и они наконецъ разошлись. Они продолжали жить въ одномъ домѣ, но никогда болѣе не сходились, какъ мужъ и жена. Г-жѣ Дорваль сдѣлано было множество предложеній выступить на арену общественной дѣятельности, — ей предлагали сдѣлаться членомъ разныхъ благотворительныхъ обществъ, добиваясь, чтобы она сдѣлалась сборщицей на церкви, въ пользу монастырей, папы и пр.; но она упорно отказывалась отъ всѣхъ предложеній и заперлась у себя дома съ своими курами, кроликами, голубями, свиньями и телятами, которыхъ она съ любовію воспитывала.

Дорваль всегда подписывался просто «Дорваль», хотя считалъ, что имѣетъ право подписываться: «д'Орваль». Онъ принадлежалъ къ легитимистской буржуазной жантильмеріи, но былъ скорѣе орлеанистъ, чѣмъ легитимистъ. Однакожъ политическія убѣжденія здѣсь не играли никакой роли. Единственный мотивъ, руководившій дѣйствіями Дорваля, было тщесловіе. Со слезами умиленія онъ часто рассказывалъ, что однажды принцъ Омальскій, росшивая пуишъ съ офицерами, удостоилъ собственноручно зажечь трубку Дорваля, въ то время еще молодого лейтенанта. Послѣ 1848 года, въ своихъ спорахъ съ республиканцами, которыхъ онъ постоянно ругалъ, онъ всегда приводилъ этотъ трогательный разсказъ. -

Орлеанистъ Дорваль (только благодаря рекомендаціи принцессы Матильды ему удалось получить мѣсто, о которомъ мы говорили выше) представляетъ типъ чиновника высшей провинціальной администраціи. Во время второй имперіи, въ чиновники почти исключительно попадали

орлеанисты или бонапартисты, впрочемъ въ то время эти партіи (конечно, въ чиновничьемъ мірѣ) настолько сливались, что трудно было отличить, гдѣ начиналась одна и кончалась другая. Легитимисты или занимали мѣста въ духовенствѣ, или же ихъ слѣдовало искать между крупными собственниками. Сейчас мы познакоимся съ однимъ изъ такихъ собственниковъ, вращавшимся въ кругу абер-жеманскихъ господъ, съ Лагиромъ де-Малебраншемъ.

«Малебраншъ», на старинномъ французскомъ языкѣ значитъ худая вѣтвь, печальный отростокъ, бѣдное козѣно. Наружность Лагира вполне подходила къ этому опредѣленію. Маленькій, съ искривленнымъ станомъ, съ рѣдкими волосами на бородѣ и еще болѣе рѣдкими на головѣ, съ вѣчной слезливостію и гноемъ въ глазахъ, Лагиръ былъ очень некрасивъ собою. Вѣчно волнующійся, лихорадочно возбужденный, онъ никогда не могъ посидѣть на мѣстѣ. Онъ постоянно жалуся, точно его коробило отъ чего нибудь. Вы видите, что онъ какъ будто задумался, но еще минута, и онъ снова вскочилъ и вертится вокругъ васъ, говоритъ или вслухъ читаетъ свою газету; еще минута—онъ снова сидитъ и т. д.; онъ мѣшается во всякій разговоръ, путаетъ и мѣшаетъ всѣмъ и себѣ; играетъ-ли вы въ карты, онъ вертится подлѣ васъ, подсказываетъ, съ чего ходить или передаетъ интересныя мѣста изъ своей газеты. И такъ всегда, онъ не знаетъ самъ ни минуты покоя и мѣшаетъ всѣмъ.

Нечего удивляться, что въ круговращательномъ движеніи жизни онъ ставитъ себя вездѣ на первое мѣсто, лучше сказать, никого не видитъ, кромѣ себя; ему постоянно кажется, что все, что ни дѣлается вокругъ него, — дѣлается имъ; все, что слышать онъ отъ другихъ, ему кажется говорить онъ самъ, вашъ рассказъ онъ принимаетъ за свой собственный; вообще Лагиръ крайне тщеславное существо, съ чрезмѣрнымъ самолюбіемъ, относящееся ко всѣмъ безъ всякой церемоніи; онъ слишкомъ легковѣренъ и въ этомъ состоитъ его оригинальность.

Его память такого-же качества, какъ и егѣ фигура. Не то чтобы она была совсѣмъ плоха,—вѣтъ, онъ легко запоминаетъ разныя событія, но онъ видитъ все вскользь, въ половину, большею частію въ извращенномъ видѣ, кое-какъ. Если онъ цитируетъ латынь, — а онъ любитъ цитировать, хотя плохо знакомъ съ литературой латин-

ской и всякой другой, — онъ непремѣнно перековеркаетъ фразу или употребить ее не кстатѣ. Если онъ прочтетъ, что либералы и республиканцы сдѣлали какую-нибудь уступку клерикаламъ, онъ неминуемо скажетъ: «Timeo Danaes et dona ferentos». «In verito vinas», повторяетъ онъ до пресыщенія своему другу де-Шатеньере, который не охотно пьетъ вино у Лагира, такъ какъ оно подозрительнаго качества.

Онъ знаетъ немножко химію и зоветъ соль chlorure de sodium. Пятифранковую монету онъ величаетъ *дисконъ*. О чемъ-бы вы ни заговорили, у него на все есть готовая теорія. Произнесетъ кто-нибудь слово «майскій жукъ» или, пожалуй, «золотысячникъ», онъ тотчасъ-же спѣшитъ объяснить, къ какому классу принадлежитъ это насекомое или это растеніе. Если онъ спрашиваетъ васъ о здоровьи, берегитесь сказать, что вы чувствуете себя нехорошо. Онъ вамъ немедленно разскажетъ исторію вашей болѣзни, посоветуетъ лекарство, сообщитъ, какія мѣры необходимо принять противъ повторенія болѣзни и пр. Лагиръ самый скучнѣйшій изъ педантовъ.

Лагиръ вообще вѣтренъ, но только не тамъ, гдѣ дѣло касается его интереса. Онъ очень расчетливъ вездѣ, гдѣ можетъ получать выгоду. Хотя легитимистъ и сочувствующій нѣмцамъ, онъ занималъ должность мэра во время войны. Опасаясь, что его лошадь можетъ попасть въ руки враговъ, онъ предложилъ ее городу Абержеману, произведя предварительную оцѣнку, съ условіемъ по окончаніи войны возвратитъ ему животное или цѣну за нее. На тѣхъ-же условіяхъ онъ передалъ городу свою телѣгу. Во все время войны городъ Абержеманъ кормилъ его лошадь, а по заключеніи мира возвратилъ ему и лошадь, и телѣгу...

Кромѣ должности мэра, Лагиръ исполнялъ обязанность начальника пожарныхъ и полковника національной гвардіи.

Почему Лагиръ явился въ лагерь легитимистовъ? Только потому, что онъ женился на дочери де-Шатеньере, весьма невзрачной особѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ замужества она умерла, за ней послѣдовали и ея дѣти. Обѣ эти фамиліи — Малебраншъ и Шатеньере — видимо вырождались. Изъ двухъ братьевъ извѣстнаго намъ Шатеньере, одинъ умеръ сумасшедшимъ, другой былъ совсѣмъ разслабленный. Его племянники и племянницы страдали хроническими нервными болѣзнями. Съ глухимъ выраженіемъ на лицахъ, почти обезумѣшіе, они слонялись по улицамъ. Всякій видѣлъ ясно, что эта фамилія должна скоро вымереть. И конечно, Малебраншъ былъ не изъ тѣхъ

здоровыхъ натуръ, чтобы могъ обновить кровь въ будущемъ поколѣніи. Только дѣятельность и трудъ вызываютъ умственное развитіе и жизнь; наоборотъ, инерція и рутинна ведутъ къ смерти или къ одичанію, къ возвращенію къ первобытнымъ предкамъ.

Вся семья Малекранша вымерла и для служенія папѣ и легитимизму отъ нея остался одинъ только Лагиръ. Не бойкаго защитника приобрѣтала въ немъ партія! Мы знаемъ, сколько безкорыстія, достоинства и умѣнья держать себя проявлялъ онъ въ своихъ общественныхъ сношеніяхъ и въ отправленіи должности мэра.

Это физическое вырожденіе буржуазной аристократіи и аристократической буржуазіи во Франціи составляетъ фактъ капитальной важности, такъ-такъ одновременно съ физическимъ идетъ вырожденіе моральное и умственное. Въ этомъ смыслѣ высшіе классы французскаго общества представляютъ совершенную противоположность съ высшими классами англійскаго, до сей поры поддерживающими здоровье и даже красоту своей расы, отпрыски которой въ коллегіяхъ, итонской и гарроуской, и въ университетахъ, оксфордскомъ и кембриджскомъ, получаютъ вмѣстѣ съ умственнымъ и физическое воспитаніе;—послѣднее даже имѣетъ преимущество передъ первымъ. Народная масса любитъ, чтобы ея повелители были красивы на видъ и сильнаго тѣлосложенія. Легитимисты много теряютъ отъ того, что претендентъ на тронъ, Генрихъ V, обладаетъ непривлекательной фигурой, что его сложеніе дряблѣе и лимфатическое; неудобно, что представитель военнаго принципа хромаетъ, представитель наследственной династіи не имѣетъ дѣтей и не можетъ имѣть ихъ; нехорошо и то, что по поводу его рожденія черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ смерти его отца, ходятъ довольно странныя слухи. Во всякомъ случаѣ изъ графа Шамбора невозможно сдѣлать героя монархіи, образъ котораго поразилъ-бы народное воображеніе!

Здѣсь мы начертили нѣсколько портретовъ главнѣйшихъ изъ абержеманскихъ господъ. Теперь намъ слѣдовало бы перейти къ ихъ ближайшимъ пособникамъ, къ ихъ орудіямъ, но мы прежде остановимся на типѣ людей, которые и принадлежать и не принадлежать къ этимъ «господамъ» которые помогаютъ ихъ дѣлу и между тѣмъ стараются держаться въ сторонѣ и недовольны, если ихъ смѣшиваютъ съ этими господами,—остановимся на типѣ провинціальныхъ либераловъ и псевдо-либераловъ, слишкомъ развитыхъ или слишкомъ чест-

ныхъ для того, чтобы взять на себя прямую отвѣтственность за реакціонерныя замашки и дѣйствія, и однакожь своимъ молчаніемъ и своею пассивностью помогающихъ этимъ дѣйствіямъ.

Маіору Пиларду де-ла-Шатеньере около двадцати девяти лѣтъ (прошло уже слишкомъ 30-лѣтъ какъ аббатъ де-Карбино поселился въ домъ Шатеньере). Маіоръ не слишкомъ высокаго роста, довольно силенъ, худъ, хрящеватъ, костлявъ, держится прямо. Элегантности въ немъ немного, но онъ очень опрятенъ и выглядитъ вполне порядочнымъ человѣкомъ. Усовъ онъ не носитъ, а бакенбарды его, растушіе по англійскому образцу, выхолоены съ большимъ стараніемъ. Носъ и губы его толсты, зубы совершенно бѣлые. Все показываетъ, что онъ очень внимателенъ къ своей наружности и не упускаетъ изъ виду никакой мелочи. Почти ни одна черта ни въ его характерѣ, ни въ его наружности не напоминаетъ аббата Карбино и если онъ дѣйствительно прививокъ аббата, то очень дурно привитый.

Въ арміи онъ не считался ни тяжелымъ товарищемъ, ни дурнымъ офицеромъ, хотя онъ вообще обращался со всѣми холодно и нѣсколько надменно и никогда ни въ комъ не заискивалъ. Въ Абержеманѣ ему приходилось имѣть дѣло почти исключительно съ мелкой жантильмеріей, съ которой онъ не сходилъ уже потому, что сильно скучалъ въ этомъ сонливомъ обществѣ. Онъ дѣлалъ все, чтобы не нравиться этому обществу и дѣйствительно въ Абержеманѣ его никто не любилъ. Его жена, г-жа Ксавье де-ла-Шатеньере, была мало способна на то, чтобы своей популярностью искупить непопулярность мужа. Она была мала ростомъ и не отличалась красотой. Она говоритъ безъ знаковъ препинаній, исцускаетъ цѣлый медоточивый каскадъ изысканныхъ, жеманныхъ фразъ, безъ вкуса и запаха, которыя однакожь считаетъ она изящными и замѣчательными. Она часто поетъ, но поетъ безъ всякаго чувства и не имѣетъ никакого понятія о модуляціи голоса. Она не ходитъ, но скользитъ; она похожа на ночную бабочку, у которой крылышки находятся въ рудиментарномъ состояніи. Тестъ обожаетъ ее и считаетъ образцомъ совершенства.

Де-ла-Шатеньере старшій человѣкъ не злой и враговъ не имѣетъ. Но онъ совсѣмъ плохъ по части дѣла, мало образованъ, характера нерѣшительнаго, любитъ поговорить. Ходитъ онъ покачиваясь со стороны на сторону, нетвердыми шагами, точно пьяный; онъ не лю-

бить уходить далеко от своего дома и, гуляя, вѣчно кружить на одномъ и томъ-же мѣстѣ. Онъ довольно твердъ и неизмѣненъ въ своихъ убѣжденіяхъ, болѣе оттого, что всякая перемена для него представляется тяжелымъ трудомъ. Онъ стоитъ за папу, за католицизмъ, за Генриха V и за клерикальное обученіе. Онъ гордится своимъ сыномъ, маіоромъ. Не потому-ли, что среди этихъ буржуазантильмовъ, считающихъ ничегонедѣланье признакомъ хорошаго тона, только одинъ или почти одинъ маіоръ занимается чѣмъ-нибудь? О нѣтъ! Де-ла-Шатеньере провелъ свои юные годы вмѣстѣ съ своей матерью и сестрой за вышиваніемъ ковровъ, онъ не станетъ уважать человѣка только за то, что тотъ трудится. Его самолюбію льститъ особенно то, что его сынъ, служащій въ арміи, принадлежитъ къ его партіи. Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ говорилъ аббату де-Корбино. Однакожъ, въ одинъ прекрасный день ему привелось разочароваться въ своихъ предположеніяхъ.

— Какъ, замѣтилъ онъ своему сыну,—ты увѣришь, что армія не имѣетъ убѣжденій.

— Она одушевлена чувствомъ національности, она иногда увлекается, но она не раздѣляетъ никакихъ политическихъ убѣжденій.

— Однакожъ ты самъ имѣешь-же какія-нибудь убѣжденія?

— Убѣжденія моего полковника, батюшка.

— Я понимаю, дисциплина! Но въ душѣ?

— Въ душѣ, какъ и по наружности, я держусь убѣжденій моего полковника.

— Прекрасно! Но когда ты самъ сдѣлаешься полковникомъ, и я надѣюсь, этого ждать не долго, какъ-же тогда?

— Я стану слѣдовать убѣжденіямъ моего генерала.

— А если будешь генераломъ?

— Я стану согласоваться съ убѣжденіями военного министра.

— Но твои разсужденія приличны офицеру, который вышелъ изъ мѣщанъ, но никакъ не человѣку съ именемъ!

— Съ именемъ! Но вспомните, когда дядя Пилардъ, вашъ пра-дѣдушка, торговецъ сукнами...

— Молчи, несчастный! А, ты меня совсѣмъ сразилъ, ты, вѣроятно, либераль, въ родѣ этихъ республиканцевъ. Почему я знаю— можетъ ты коммунистъ?

— Я только исполняю свою обязанность. Я солдатъ и повинуюсь. Когда я выйду въ отставку, тогда другое дѣло, я присоединюсь къ какой-нибудь партіи.

— Но когда ты поселишься здѣсь, я надѣюсь, ты не станешь

подавать свой голос вмѣстѣ съ этой городской толпой, съ этими крикунами, съ этими несчастными, которые орутъ: «да здравствуетъ республика!»

— Когда я поселюсь здѣсь, я стану вотировать за нашего приходскаго священника, за «шаристовъ» и «братьевъ», хотя у нихъ мужицкія манеры, за Генриха V, за папу и за церковь. Тогда ничто не будетъ препятствовать мнѣ заявить свои политическія симпатіи.

— Ты влилъ бальзаму въ мою кровь. Такъ выходи-же поскорѣе въ отставку и прїѣзжай къ намъ.

— Я хочу быть генераломъ и стою на хорошей дорогѣ.

— Но твою жену здѣсь обожаютъ, а ты пользуешься уваженіемъ. Не оставляй матери, которая безумно любитъ тебя. Ты будешь наслаждаться здѣсь, какъ рыба въ водѣ. Ты станешь охотиться если вздумаешь, хотя «эти господа» никогда не охотятся.

— Нѣтъ, батюшка, нѣтъ. Я люблю и васъ, и матушку; но дни здѣсь проходятъ однообразно, сонливо; здѣшній народъ какъ будто не имѣетъ никакихъ интересовъ въ жизни. Мужчины здѣсь не живутъ, ничего не дѣлаютъ, ничево не стоятъ, они бесполезны и непріятны. Женщины здѣсь все; онѣ говорятъ, болтаютъ, судятъ вкривь и вкосъ и даютъ тонъ общественному мнѣнію. Что можно дѣлать въ подобной средѣ? Ваши мужчины не мужчины, а женщины на содержаніи у «этихъ дамъ» и имъ кстати заниматься вышиваньемъ по канвѣ. Три вдовствующія старухи, пережевывающія общія мѣста, двѣ пустозвонныя бабенки, угощающія разнымъ вздоромъ, — вотъ здѣшній ежедневный насущный хлѣбъ.

— Ну, какъ хочешь, оставайся на службѣ. Но, по крайней мѣрѣ, я могу, кажется, увѣрить Корбино, что мы имѣемъ поддержку въ арміи, что ты раздѣляешь наши чувства и надежды. Какъ и всякій другой, по непремѣнно щедрѣе, чѣмъ всякій другой, Генрихъ V станетъ раздавать чины и начальническія должности. Безъ интриги ничего не подѣлаешь. Наполеонъ III, этотъ ловкій авантюристъ, держался поддержкой крестьянъ и арміи. Здѣшній крестьянинъ уже въ нашихъ рукахъ; вы, сыгсвья знатныхъ фамилій, должны привлечь на нашу сторону армію.

— Вы забыли, что у Наполеона III былъ дядя. У Генриха V предшественникъ Людовикъ XVIII, — на солдата этимъ не подѣиствуете. Крестьянинъ—(солдатъ тотъ-же крестьянинъ, но только въ военной формѣ)—имѣетъ только одну повелительницу — свою землю. Онъ знаетъ, что ее дала ему революція. Республика и Наполеонъ I

сохранили ему ее, не смотря на эмигрантовъ, не смотря на вторженіе чужеземцевъ. Вотъ катехизисъ солдата. Сзади Генриха V, какъ его тѣнь, въ глазахъ крестьянина, стоитъ патерь. Если крестьяне позволяютъ приходскому священнику вести себя къ избирательнымъ урнамъ, они все-же относятся къ нему недоувѣрчиво. Попробуйте толковать солдату о св. Людовикѣ, о Людовикѣ XIV, — для него это будетъ китайская грамота. Крестьянинъ знаетъ только первую революцію, солдатъ начинаетъ свою эру съ первой имперіи. Все, что было раньше, для нихъ тайна, которую они не желаютъ разгадывать. Не рассчитывайте-же пока на меня въ вашихъ реставраціонныхъ планахъ. Здѣсь я стану кричать вмѣстѣ съ вами: «да здравствуетъ Генрихъ VI!» «да здравствуетъ папа!», а моя жена станетъ собирать деньги для папы. Но въ арміи я только солдатъ и не могу быть ничѣмъ инымъ, какъ только солдатомъ.

Изъ этого разговора видно, что маіоръ не желалъ себя компрометировать. Но, конечно, еслибъ Орлеанъ или Бонапартъ даль-бы маіору метлу въ руки, чтобы вымести кого слѣдуетъ, онъ очень охотно схватился-бы за метловище.

Фюзье де-Гіэръ былъ честный человѣкъ. Онъ получилъ хорошее образованіе, развилъ себя и желалъ трудомъ достигнуть извѣстнаго положенія въ обществѣ; ему удалось только вполонину и онъ очутился въ Абержеманѣ, въ этомъ болотѣ сонливости и рутинны, среди праздныхъ шалопаевъ, какъ и онъ виновныхъ въ подлогѣ, прибавленіемъ къ своему прозвищу аристократической частицы. Фюзье не страдалъ мизантропіей, онъ былъ человѣкъ общительный, кроткій, веселый и подчасъ очень остроумный, онъ не могъ не познакомиться съ обществомъ, но не сближался съ нимъ. Дочь Верлопа, богатаго брюссельскаго золотаря, ставшая при посредствѣ Корбино г-жею Гіэръ, при своей способности сходиться съ людьми, перезнакомилась со всѣми абержеманскими дамами и сошлась со многими изъ нихъ.

Дѣдъ Фюзье, торговецъ свиньями, прибыльно велъ свою торговлю и, не долго затрудняясь, купилъ своему сыну землю, считавшуюся дворянскимъ имѣніемъ. Потомъ повезъ его сватать богатую невесту, дочь ростовщика. И это предпріятіе удалось; Фюзье получилъ за невестой нѣсколько мѣшковъ добрыхъ эку, что произвело сильное впечатлѣніе на абержеманскій людъ. Къ несчастію, почтенная дама была слишкомъ плодovitа и большое состояніе, раздѣленное между ея на-

слѣдниками, раздробилось на весьма маленькія частички. Фюзье, съ которыми мы имѣемъ теперь дѣло, женившись на дочери Верлопа, снова сталъ состоятельнымъ человѣкомъ.

Величайшей слабостью Фюзье была нерѣшительность; его постоянно тянуло въ двѣ противоположныя стороны: то его влекло къ съдой старинѣ, то онъ вспоминалъ, что требованія новаго времени должны быть выполнены предпочтительно. Въ Рениѣ, гдѣ онъ жилъ до своей свадьбы, онъ сходилъ съ людьми различныхъ убѣжденій. Онъ любилъ, чтобы вопросъ разсматривался со всѣхъ сторонъ. Самъ онъ принадлежалъ не то чтобы къ самымъ передовымъ, но все-же симпатизировалъ либеральнымъ убѣжденіямъ. Онъ не избралъ окончательно своей партіи, но въ политическія пренія всегда вносилъ свой прямой умъ и открытое симпатическое сужденіе. Онъ былъ убѣжденъ, что папство не имѣетъ будущности, что оно спѣло свою пѣсню, что теперь оно находится въ агоніи и смерть приближается къ нему быстрыми шагами. Онъ не жалѣлъ о немъ, но и не торжествовалъ. Также точно онъ полагалъ, что для Франціи болѣе другихъ выгоденъ республиканскій образъ правленія. Но какая изъ формъ республики лучше—Фюзье рѣшить не могъ и колебался. Когда-же онъ поселился въ Абержеманѣ, его сомнѣнія усилились еще болѣе. Сперва онъ не рѣшался пускаться въ разсужденія съ абержеманскими «господами», онъ опасался затронуть ихъ больное мѣсто своими убѣжденіями; онъ относился чрезвычайно деликатно къ ихъ мнѣніямъ, къ ихъ хронической рутинѣ, къ ихъ дикимъ предразсудкамъ. Къ нему иногда заходилъ его приходскій священникъ, онъ принималъ его добродушно, улыбался его топорнымъ остроуміемъ, приглашалъ его по временамъ къ себѣ обѣдать, но не отдавалъ ему визита. Въ день выборовъ «господа» прислали Фюзье избирательный бюллетень, онъ не прочелъ его и положилъ въ избирательную урну. Мало-по-малу, помимо своего желанія, онъ попалъ въ болото; онъ пытался было выѣхать на сухое мѣсто, но нога входила все глубже и глубже; вотъ закрылись колѣни, вотъ погрузился животъ, вотъ и горло закрылось грязной тinou, и погрузился онъ въ болото по самые глаза: они еще горятъ иногда прежнимъ огнемъ; Фюзье обращаетъ ихъ къ берегу и вспоминаетъ, что когда-то онъ былъ совсѣмъ чистъ и могъ всѣмъ прямо смотрѣть въ глаза. Онъ дѣлаетъ еще усиліе вы-свободиться. Но напрасно — пучина скоро совсѣмъ поглотитъ его.

Въ свое время Фюзье искалъ истину, докторъ же Вьень изъ Перьера о такомъ пустякѣ никогда не помышлялъ. Докторъ Вьень жилъ въ Перьерѣ у самой границы Абержемана; братъ его въ Ламаркѣ. Чтобы различить ихъ, одного звали Вьень изъ Перьера, другого—Вьень изъ Ламарка. Докторъ Вьень не имѣлъ никакого притязанія на аристократическую частичку и не придавалъ ей вообще никакого значенія. Когда ему замѣчали о знатномъ происхожденіи абержеманскихъ господъ, онъ не говорилъ ни слова и иронически улыбался. Вьень доподлинно зналъ всѣ ихъ тайны, и душевныя и тѣлесныя.

Вьень некрасивъ собой, рябой, хромаетъ; голова его сильно напминаетъ свиную морду; въ его глазахъ выражается простоватость и даже тупость; ротъ широкій, чувственный, физиономія открытая. Разговаривать съ докторомъ пріятно, онъ много видѣлъ, наблюдалъ; въ его приговорахъ замѣтна проникательность и умѣнье вѣрно цѣнить людей и событія нашего времени.

Желанія Вьеня ограничиваются десятью тысячами франковъ годового дохода. Его мечта—жить хорошо и имѣть возможность подсмѣиваться надъ тщеславіемъ однихъ и надъ спѣсью другихъ. Втайнѣ Вьень скептикъ; не вѣритъ онъ ни въ папу, ни въ Генриха V, но онъ постоянно вотируетъ съ «господами», а жена его собираетъ деньги въ пользу папы. Онъ не вѣритъ въ медицину, но рассчитываетъ при ея-же посредствѣ нажить 10 тысячъ доходу. Когда ему говорятъ объ успѣхахъ, сдѣланныхъ медицинской наукой, онъ иронически улыбается.

Во время холеры 1832 года Вьень былъ въ Парижѣ студентомъ на выпускѣ. Онъ со страстію принялся лечить эту, въ то время совсѣмъ еще неизвѣстную, болѣзнь. Первый больной, котораго ему привелось лечить, былъ столяръ въ послѣднемъ градусѣ болѣзни. Всѣ употребленныя имъ средства не оказали никакой помощи больному. Въ отчаяннѣ Вьень сказалъ женѣ больного, чтобы она давала ему все, чего онъ просить. Столяръ потребовалъ селедку, поѣлъ ее и выздоровѣлъ. Удивленный Вьень занесъ этотъ случай въ свою записную книжку. Въ это время его позвали къ слесарю, тоже умирающему. Вьень прописалъ ему селедку, тотъ поѣлъ ее и черезъ часъ умеръ. Вьень записалъ въ своей книжкѣ: «селедка излечиваетъ холеру у столяровъ и не оказываетъ никакого дѣйствія на слесарей».

Съ этой поры Вьень избралъ универсальнымъ средствомъ отъ всѣхъ болѣзней листья латука, и жилъ со всѣми въ мирѣ. Разъ

только де-ла-Шатеньере напалъ на него сильно за то, что онъ никогда не ходитъ въ церковь, даже на похороны своихъ друзей.

— Это дѣло темперамента, г. де-ла-Шатеньере, — дѣло темперамента. Моя натура не выноситъ запаха воска и ладона, я всегда заболѣваю, когда услышу ихъ. Г-жа Вьень, напротивъ, очень ихъ любитъ; конечно, она еще и потому ходитъ въ церковь, что только тамъ можетъ показать свою красную шаль съ желтыми разводами. Двадцать лѣтъ уже она носитъ эту шаль; когда она надѣла ее въ первый разъ, я былъ съ нею въ церкви, но съ той поры ни разу не повторялъ своего посѣщенія, хотя моя жена была увѣрена, что я стану ходить съ нею каждый праздникъ.

Маленькій Малебраншъ посоветовалъ ему употреблять меркуріальныя средства и упрекнулъ его, что онъ мало заботится объ интересахъ ихъ общей партіи.

— Въ политикѣ, какъ и въ любви, все зависитъ отъ возраста, сказалъ докторъ. — Съ двадцати до двадцати пяти лѣтъ я стоялъ горой за Наполеона великаго, генія битвъ, и увлекался дѣвочками, у которыхъ горѣли глазки. Теперь я довольствуюсь г-жей Вьень, страдающей хроническимъ ознобомъ, у которой, притомъ, красный носъ; въ политикѣ же я стою за Генриха V, хромого, какъ и я.

Займемся теперь второстепенными агентами клики этихъ «господъ».

Вотъ сельскій нотаріусъ Мафусанлъ Эліасъ. Худой, прозрачный, хрящеватый, сушая вѣха, ходитъ онъ механически, прямо, не смотря ни на право, ни на лѣво. И во время ходьбы онъ не разстается съ своими дѣлами, онъ дѣлаетъ вычисления въ умѣ и не любитъ тратить время на пустую болтовню съ знакомыми, встрѣчающимися на пути. Одинъ изъ его клерковъ, шалунъ, весьма непочтительный къ хозяину, большой выдумщикъ и шутникъ, рассказываетъ, что Эліасъ вмѣстѣ съ женой и двумя ихъ сыновьями, два дня въ недѣлю, питаются обрѣзками бумаги, поджаренными въ маслѣ. Странное дѣло, онъ имѣетъ отъ своей жены четырехъ дѣтей. Великая потеря времени, излишніе расходы! Къ счастью, обѣ дѣвочки умерли. Изъ сыновей одинъ выказываетъ страсть къ играмъ всякаго рода и неспособность къ серьезнымъ прибыльнымъ занятіямъ; онъ разслабленъ и вѣчно ходитъ съ большой головой. Другой ничѣмъ не отличался-бы отъ прочихъ людей, еслибъ не походилъ на своего отца. Эліасъ мечталъ

пустить его по своей дорогѣ и передъ смертью передать ему свое насиженное мѣсто.

Эліась скупъ и безсердечный лихоимецъ, онъ надуваетъ абержеманскихъ «господъ», но они держатся за него крѣпко и вѣрятъ ему. Эліась отлично знаетъ тайну ихъ ипотекъ; въ 1815 году, когда началась реакція, Эліась, тогда еще человекъ не старый, сослужилъ имъ службу. Въ признательность за услугу абержеманскіе господа сдѣлали Эліаса казначеемъ госпиталя и богадѣльни. Эліась умѣетъ извлекать пользу изъ своей должности, тѣмъ болѣе, что распорядителя и контролеры все тѣ-же «господа», которые доставили ему мѣсто.

Вотъ посмотрите, стоитъ въ тѣни кривоглазый Бломъ. Онъ служить въ полиціи и правительство платитъ ему содержаніе за то, что онъ представляетъ начальству ложныя донесенія, писанныя подъ диктовку его благодѣтелей, абержеманскихъ «господъ».

Пойдемъ далѣе и мы встрѣтимъ сестру Кукупету... Что за странное имя, не дано-ли оно ей въ наказаніе за какой-нибудь проступокъ, который она искупила принятіемъ монашескаго сана? Кто знаетъ, можетъ быть и такъ. Въ католицизмѣ, куда ни повернешься, вездѣ приходится наткаться на тайны, разгадывать которыя не легко. Мы знаемъ только, что когда она жила у патера Олонье, ее звали Катериной, она была отличной работницей и трудилась цѣлый день безъ усталы.

Олонье цѣнилъ Катерину и былъ правъ. Маленькая, живая, проворная, легкая, съ кошачьими глазами и ухватками, она была очень мила и могла нравиться. Нравилась она патеру и его викарію; они оба нравились Катеринѣ; мужчины не ревновали одинъ другого, и миръ и счастье царилы въ этой семейкѣ. Катерина не роптала на работу и угождала равно обонимъ патерамъ; патеры, въ свою очередь, угождали Катеринѣ.

Почему Олонье разстался съ Катериной, и зачѣмъ она поступила въ монастырь, — остается непроницаемой тайной. Катерина попала въ орденъ «Голубыхъ сестеръ», куда, какъ извѣстно, обыкновенно уединяются работницы патеровъ, поступившія въ разрядъ инвалидовъ. Но Катеринѣ было далеко до старости, когда она оставила домъ Олонье. Новая тайна. Катерина была назначена сидѣлкой въ абержеманскую больницу. Едва слышно скользила она по палатамъ, она вездѣ поспѣвала, все видѣла и слышала, ни одну замочную скважину не пропускала безъ осмотра. Она говорила тихимъ голосомъ и умѣла го-

ворить такъ кротко и убѣдительно, что каждый невольно становился съ нею откровеннымъ.

Каждое утро Катерина представляетъ г-жѣ Солье обстоятельный отчетъ обо всемъ и получаетъ отъ нея приказанія. Въ городкѣ нѣтъ лучшаго разносчика новостей, какъ скромная молчаливая Катерина. Всѣ новости, получаемыя съ театра войны, пригодныя для цѣлей легитимистовъ, распространялись преимущественно при посредствѣ Катерины.

Столь-же ревностнымъ слугою легитимизма, какъ и Катерина, считается братъ Импудентіусъ, специальная обязанность котораго обучать дѣтей грамотѣ и наставлять ихъ въ почтеніи къ «господамъ» и въ почитаніи католицизма.

Импудентіусъ представляетъ собою первобытный хаосъ, соединеніе могучей энергіи и поразительной силы съ отсутствіемъ всякаго свѣта и системы. Импудентіусъ знаетъ немного геометрію, арифметику, грамматику, географію и исторію. По части дисциплины онъ выдрессированъ великолѣпно. Весь его моральный багажъ заключается въ іезуитскомъ катехизисѣ. Едва онъ вышелъ изъ младенческаго возраста, его отдали въ геенну огненную, т. е. въ іезуитскую школу, гдѣ его школили немилосердно, чтобы превратить его въ бессмысленную машину, знающую только пассивное повиновеніе, слѣпую покорность и неимѣющую никакого понятія, что за слово такое «любовь къ людямъ». Вынеся множество мукъ, Импудентіусъ далъ обѣтъ безбрачія. Но животные страстные инстинкты развиты въ немъ до крайности и горе той женщинѣ и даже ребенку, которая встрѣчалась съ нимъ въ то время, когда этотъ дикій звѣрь срывался съ цѣпи. Біографъ этого монаха рассказываетъ намъ, какъ несчастный бросился, подобно дикому звѣрю, на одну поселянку съ намѣреніемъ изнасиловать ее, какъ помѣшали ему совершить преступленіе и какъ онъ, отъ стыда и страданія, не зная на комъ выместить свою злобу, избилъ, съ яростію канибала, прелестнаго, скромнаго, здороваго ребенка. Съ этой поры ребенокъ сталъ задумываться, хриѣть и умеръ на четырнадцатомъ году.

Страшно подумать, сколько дѣтей, и мальчиковъ и дѣвочекъ, во Франціи осуждены воспитываться у такихъ монаховъ, какъ Импудентіусъ. Не лучше монаховъ и монахини, которыя, какъ доказали послѣднія событія, сильно способствуютъ развращенію бѣдныхъ дѣтей. Каковъ же названіе заслужить національное собраніе, настаивающее на оставленіи воспитанія на старыхъ началахъ и противящееся введенію дароваго и обязательнаго обученія?

Почтенный авторъ «Les bourgeois-gentilshommes» очерчиваетъ еще нѣсколько весьма интересныхъ портретовъ изъ галлерей абержеманскихъ «господъ» и ихъ помощниковъ, но мы дальше не ставемъ слѣдовать за нимъ и замѣтимъ, что представленныя фотографіи не составляютъ какое нибудь мѣстное явленіе, но онѣ—типы современныхъ французовъ, взятыхъ изъ извѣстнаго круга общества. Абержеманскихъ «господъ» во Франціи тысячи; изъ нихъ составилось большинство національнаго собранія въ Версали, они управляютъ теперь разоренной и обезсиленной Франціей. Корбино, Дорваль, Пренсакъ, Преваль, Шатеньере, Студеасъ, Импулентіусъ—таковы личности, отъ которыхъ зависятъ теперь благосостояніе страны, населенной тридцатью пятью милліонами людей, пользующихся правомъ голоса при выборахъ.

Но къ счастью Франціи эти люди, въ рукахъ которыхъ находится сила и направленіе общественныхъ дѣлъ, отличаются крайней посредственностью, неумѣлостію и отсутствіемъ необходимаго мужества. Они не умѣютъ во время сосредоточить своихъ силъ и постоянно терпятъ пораженія. Противники ихъ въ собраніи тоже слабы, тоже неумѣлы, тоже не обладаютъ мужествомъ, но они все-таки стоятъ за движеніе, за маленькій прогрессъ и противятся застою и рутинѣ и побѣду одерживаютъ они, а не ихъ противники. Трудно сказать, долго-ли продлится теперешнее неопредѣленное состояніе во Франціи, но по всему замѣтно, что конецъ его приближается.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Вопросъ объ артеляхъ.—Отношеніе къ нему нашихъ ученыхъ и ихъ обществъ.—Засѣданіе Вольнаго-экономическаго общества 5 января 1872 г.—Докладъ г. Яковлева «объ артеляхъ въ Россіи».—Пренія, возбужденныя докладомъ.—Программа, составленная для разработки вопроса объ артеляхъ.—Питомцы Воспитательнаго дома и ихъ положеніе въ деревняхъ.—Новое постановленіе относительно «почетныхъ попечительницъ», избираемыхъ земствомъ и обязанныхъ наблюдать за положеніемъ питомцевъ.—Значеніе этой мѣры.—Почему она не обѣщаетъ благихъ результатовъ?—Процессъ братьевъ Мясниковыхъ.—Отношеніе къ нему журналистики.—Что придаетъ этому процессу важный общественный интересъ?

Еще не особенно давно, когда вопросъ объ экономической ассоціаціи сталъ интересовать у насъ многихъ не только съ теоретической стороны, но и въ практическомъ отношеніи, и когда въ Петербургѣ явились слабыя попытки основать подобныя предпріятія, — московскія газеты заговорили о неблагонамѣренности этихъ начинаній и даже въ пылу излишняго рвенія намекнули, что въ Петербургѣ есть люди, которые будто-бы хотятъ покрыть всю Россію фаланстерами. Нечего говорить, на сколько вредно могли-бы отозваться подобныя намеки на этихъ первыхъ стремленіяхъ систематично примѣнить ассоціаціонное начало къ различнымъ отраслямъ производства. Нечего говорить о томъ, какъ помогали московскія газеты превращенію очень простаго дѣла, имѣвшаго чисто коммерческій характеръ, во что-то политическое, во что-то таинственное. Все это давно извѣстно, давно оцѣнено по достоинству всѣми. Чувство чистоплотности просто не позволяетъ снова разворачивать эту грязь бессмысленныхъ инсинуацій. Теперь можно только пожимать плечами, вспоминая о томъ, какія нелѣпости могли проповѣдываться заклятыми врагами всякаго движенія впередъ и какъ много находилось тогда легковѣрныхъ людей, способныхъ, подъ влияніемъ страха передъ всѣмъ новымъ, вѣрить даже такимъ вещамъ, которыя были,

очевидно, лишены всякаго здраваго смысла. Именно этого здраваго смысла не существовало въ сравненіи экономическихъ ассоціацій съ фаланстерами. Между тѣми и другими лежитъ цѣлая пропасть, которую не такъ легко перейти. Конечно, это должны были знать и дѣйствительно очень хорошо знали московскіе писаки, такъ-какъ невѣжество такъ называемыхъ общественныхъ дѣятелей хотя и бываетъ иногда очень велико, но все-таки оно не можетъ идти такъ далеко, чтобы эти господа не знали того, о чемъ можно узнать изъ самаго дряннаго популярнаго руководства политической экономіи. Теперь эти времена прошли и даже въ нашемъ обществѣ начался такой-же поворотъ въ другую сторону, какой уже произошелъ среди извѣстной части западно-европейскихъ экономистовъ. Последніе стали все сильнѣе и сильнѣе склоняться къ тому мнѣнію, что экономическія ассоціаціи способны дать консервативный характеръ рабочему классу. Какъ бы ни было смѣшно и ненаучно это мнѣніе само по себѣ, но въ немъ есть своя хорошая сторона: оно заставило глядѣть снисходительно на экономическія ассоціаціи даже тѣхъ людей, которые еще такъ недавно не могли говорить объ этихъ предпріятіяхъ безъ пѣны у рта. Теперь эти люди готовы даже шокровительствовать новому ассоціаціонному движенію, впрочемъ, съ оговоркою, чтобы въ экономическихъ ассоціаціяхъ не было ничего политическаго. Эта оговорка, конечно, смѣшна и излишня, такъ-какъ политика и оптовая покупка экономическою ассоціаціею жизненныхъ припасовъ, политика и устройство на общія средства экономическою ассоціаціею какой нибудь мастерской, политика и основаніе ассоціировавшимися людьми банка не имѣютъ, сами по себѣ, ничего общаго между собою. Они не будутъ имѣть ничего общаго даже и въ томъ случаѣ, когда каждый изъ членовъ этихъ экономическихъ ассоціацій будетъ сильно интересоваться политикою, безъ чего, конечно, не обходится дѣло въ западной Европѣ и чего конечно, не могутъ запретить никакіе Казиміры Перье, уговаривающіе членовъ экономическихъ ассоціацій не заниматься политикою и, повидимому, забывающіе, что въ Парижѣ, напримѣръ, не можетъ жить ни одинъ мелкій лавочникъ, не занимаясь ею. Но какъ-бы то ни было, измѣненіе во взглядахъ на экономическія ассоціаціи быстро толкнуло западную Европу къ устройству различныхъ кооперативныхъ обществъ, которыя тамъ считаются теперь не десятками, а сотнями. У насъ же, хотя взгляды на это дѣло и измѣнились, но пока мы все еще занимаемся, главнымъ образомъ, только изслѣдованіемъ самого вопроса. Къ стыду нашему оказывается, что этотъ вопросъ, успѣвшій у насъ надѣлать уже шуму и вызвать разныя инсинуаціи, остается по

прежнему незнакомымъ и смутнымъ для насъ, хотя онъ, давнымъ давно, разработанъ на Западѣ, хотя въ немъ неосталось теперь ни одной темной стороны. Здѣсь наше невѣжество и наше незнакомство съ западно-европейскою наукою выступаютъ чрезвычайно ярко на свѣтъ, и наши ученые должны-бы покраснѣть за себя, когда имъ приходится спорить о томъ, о чемъ уже не спорятъ на Западѣ.

Засѣданіе 5 января въ политико-экономическомъ комитетѣ Вольнаго экономического общества, посвященное вопросу объ артеляхъ, въ достаточной степени показало, сколько пробѣловъ еще осталось у насъ по вопросу объ экономическихъ ассоціаціяхъ. На этомъ засѣданіи былъ прочитанъ докладъ А. В. Яковлева «объ экономическомъ значеніи артели и условіяхъ ея развитія въ Россіи». Засѣданіе комитета было открыто краткою вступительною рѣчью председателя В. И. Вешнякова, въ которой онъ указалъ на связь доклада г. Яковлева объ артеляхъ съ началомъ и съ ходомъ разработки у насъ, въ Россіи, этого вопроса. Оказывается между прочимъ, что началомъ разработки вопроса объ артеляхъ въ Россіи нужно считать время бывшей въ Петербургѣ въ 1870 г. мануфактурной выставки, на которой члены особой комиссіи отъ петербургскаго политико-экономическаго комитета должны были воспользоваться представленнымъ матеріаломъ по вопросу о русской кустарной производительности. Затѣмъ, на съѣздѣ сельскихъ хозяевъ въ Москвѣ, по случаю празднованія пятидесяти-лѣтней дѣятельности московскаго общества сельскаго хозяйства, былъ прочитанъ и обсужденъ докладъ объ этой-же кустарной промышленности, породившій мысль объ артеляхъ въ нашемъ отечествѣ. Эта послѣдняя мысль получила такое развитіе, что въ прошломъ еще году былъ образованъ, при московскомъ обществѣ сельскихъ хозяевъ, особый комитетъ для разработки вопроса о ссудныхъ и промышленныхъ артеляхъ и особый отдѣлъ комитета въ Петербургѣ. Такъ-какъ этотъ комитетъ выработалъ извѣстную программу, то бюро политико-экономическаго комитета нашло своевременнымъ приступить къ обсужденію этого вопроса и съ признательностью приняло предложеніе А. В. Яковлева представить докладъ объ экономическомъ значеніи артели и условіяхъ ея развитія въ Россіи.

Такимъ образомъ вопросъ, волновавшій извѣстную часть общества еще въ концѣ пятидесятихъ годовъ, вопросъ, которымъ серьезно занялся еще въ 1864 году такой вполне достойный уваженія ученымъ, какъ Н. В. Калачовъ, — этотъ вопросъ удостоился вниманія нашихъ хозяевъ и экономистовъ только въ 1870 году и дождался только въ 1872 году того, что имъ серьезно занялось Вольно-экономическое

общество. Въ эти годы уже успѣли основаться и безвременно погибнуть разныя производительныя ассоціаціи и разныя потребительныя общества, доказывавшія своимъ существованіемъ, что общество готово вѣсти хоть оцущью къ примѣненію на практикѣ ассоціаціоннаго начала, а присяжные ученые и Вольно-экономическое общество все-таки оставались нѣмы и не отвѣчали ни однимъ вполне серьезнымъ словомъ на потребности общества. А между тѣмъ сколько пользы можно было принести въ эти годы, направивъ на настоящій путь попытки разныхъ неопытныхъ людей. Этотъ фактъ вполне характеризуетъ, какъ слѣдятъ за направлеиомъ общественнаго движенія и наши ученые, и ихъ комитеты. Въ западной Европѣ первые проблески какого-нибудь новаго направленія въ обществѣ вызываютъ цѣлую массу ученыхъ изслѣдованій, серьезныхъ работъ и оживленныхъ преній, а у насъ—у насъ при каждомъ движеніи только какой-нибудь праздный борзописецъ пустякъ въ ходъ злую инсинуацію, ученые же опомнятся лѣтъ черезъ десять, черезъ двѣнадцать и займутся вопросомъ, интересующимъ общество.

Послѣ рѣчи г. Вешнякова начался докладъ г. Яковлева. Прежде всего докладчикъ указалъ на чрезвычайную запутанность у насъ вопроса объ артеляхъ, замѣчаемую не только въ самомъ обществѣ, въ средѣ котораго этотъ вопросъ успѣлъ уже поселить извѣстныя опасенія политическаго свойства, но даже и въ нашей отечественной журналистикѣ. Причину существованія запутанности вопроса объ артеляхъ г. Яковлевъ признаетъ неразработанность этого вопроса и неправильное наше пониманіе исторіи возникновенія и духа западно-европейскихъ ассоціацій. «Мы, говоритъ онъ, взяли изъ западной Европы слово «ассоціація» съ твердымъ намѣреніемъ цѣликомъ перенести это учрежденіе на нашу почву, не сколько не справляясь ни съ его тамошнимъ характеромъ, ни съ экономическими и другими условіями Россіи. Мы вовсе не сообразили, что западно-европейская ассоціація имѣла связь съ политическимъ движеніемъ и, перенося цѣликомъ ея организацію въ Россію, мы полагали, что этимъ самымъ ставимъ нашъ народъ на высшую ступень развитія. Словомъ сказать, мы приняли ассоціацію за цѣль, а не за средство.»

Эти соображенія г. Яковлева едва-ли вѣрны. Взгляды общества на вопросъ объ экономическихъ ассоціаціяхъ дѣйствительно могутъ быть запутаны, но эта запутанность не есть принадлежность одного нашего общества; въ западной Европѣ точно также еще до сихъ поръ извѣстная часть общества имѣетъ очень смутныя понятія объ экономическихъ ассоціаціяхъ и разнымъ экономистамъ постоянно приходится

объяснять обществу, что между экономическими ассоціаціями политикою или социализмомъ и коммунизмомъ, нѣтъ ничего общаго. Если-бы взгляды известной части западно-европейскаго общества на это дѣло не были такъ смутны, то такимъ господамъ, какъ Веронъ, Курсель Сенель, Бодриляръ, Де-Мець-Нобле, Казимиръ Перье, не приходилось-бы постоянно повторять фразъ, въ родѣ слѣдующихъ: «Это превосходное и очень почтенное движеніе, неимѣющее ничего общаго съ тѣмъ, что пугало насъ въ другое время», «если это и социализмъ, то это не социализмъ, проповѣдовавшійся Люксембургомъ: это социализмъ, носящій на себѣ штемпель академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ», «экономическія ассоціаціи являются самымъ вѣрнымъ и самымъ честнымъ средствомъ для излеченія отъ заблужденій и опасностей социализма». Конечно, эти фразы были-бы ненужны, если-бы все европейское общество имѣло ясное понятіе объ экономическихъ ассоціаціяхъ. Но если европейское общество можетъ смѣшивать чисто-экономическія ассоціаціи съ социализмомъ и коммунизмомъ, то еще позволительнѣе дѣлать подобную ошибку нашему малообразованному обществу. Совсѣмъ не то съ вопросомъ о нашихъ народныхъ артеляхъ. Едва-ли кто-нибудь въ нашемъ обществѣ смѣшивалъ наши народныя артели съ чѣмъ-то опаснымъ, непонятнымъ, тайнымъ. Это дѣло намъ слишкомъ знакомо, слишкомъ близко и мы не можемъ не знать его, не можемъ опасаться его. Конечно, наша журналистика тоже никогда не видѣла въ вопросѣ о народныхъ артеляхъ чего-нибудь темнаго и запутаннаго. Никто изъ писавшихъ объ этомъ предметѣ никогда не выказывалъ такого грубаго невѣжества. Даже тѣ московскіе враги ассоціаціоннаго движенія, о которыхъ мы упомянули выше, хотя и нападали на общества, возникавшія въ Петербургѣ подъ именемъ «артелей», но никогда не смѣшивали этихъ обществъ съ народными артелями и очень хорошо знали, что эти предпріятія занимствовали только слово «артель», а въ сущности стремились во всемъ походить на западно-европейскія экономическія ассоціаціи. Такимъ образомъ, вопросъ о народныхъ артеляхъ оставался по прежнему яснымъ и не возбуждалъ никакихъ опасеній. Если-бы г. Яковлевъ строго отдѣлилъ чисто-народныя артели отъ обществъ, взявшихъ названіе артелей и возникавшихъ по образцу западно-европейскихъ экономическихъ ассоціацій, то онъ увидаль-бы, что у насъ запутаны не взгляды на артель, а только взгляды на экономическую ассоціацію. Запутанность же эта, какъ мы сказали, не есть принадлежность нашего общества, а является просто слѣдствіемъ перенесенія къ намъ экономическихъ

ассоціацій, является какъ ихъ неизбѣжный спутникъ. Г. Яковлевъ, повидимому, считаетъ страннымъ стремленіе цѣликомъ пересадить на нашу почву экономическія ассоціаціи, хотя именно такъ пересаживались онѣ во многихъ частяхъ Европы, независимо отъ времени и силы политическаго движенія въ рабочемъ классѣ. Передовые люди просто стремились этою мѣрою предупредить тѣ катастрофы, которыя могли произойти вслѣдствіе невыносимаго ухудшенія экономическаго положенія рабочихъ. Г. Яковлевъ говоритъ, что мы полагали, что, перенося цѣликомъ ассоціацію на нашу почву, мы этимъ самымъ ставимъ нашъ народъ на высшую ступень развитія. Но въ чемъ-же тутъ была ошибка, если эта мысль руководила дѣйствіями тѣхъ людей, которые заботились у насъ о развитіи экономическихъ ассоціацій? Развѣ они были не правы, когда думали, что извѣстная часть нуждающихся классовъ встанетъ на высшую ступень развитія, вступивъ въ экономическія ассоціаціи, сильно содѣйствующія и умственному и нравственному усовершенствованію своихъ членовъ? Г. Яковлеву кажется, что многіе принимали ассоціаціи за цѣль, а не за средство. Но этой мысли нечего и опровергать, если подъ именемъ «ассоціація» подразумѣвается экономическая ассоціація: одно экономическое развитіе народа никакъ не могло быть признано цѣлью, особенно тѣми людьми, которые заботились у насъ о развитіи экономическихъ ассоціацій.

Впрочемъ, трудно сказать, правъ или не правъ г. Яковлевъ, упрекая кого-то за то, что ассоціацію считали цѣлью, а не средствомъ, такъ-какъ онъ придаетъ слову «ассоціація» широкое, всеобъемлющее значеніе и вслѣдствіе этого дѣлаетъ странные промахи. Такъ онъ говоритъ, что ассоціація дѣло далеко не новое, что если-бы мы имѣли исторію ассоціацій, то мы не считали-бы ихъ произведеніемъ XIX вѣка, и знали-бы, что ассоціаціи существовали и въ средніе вѣка, что онѣ умножаются теперь только вслѣдствіе большаго развитія народа. Изъ этихъ словъ видно, что г. Яковлевъ считаетъ ассоціаціею вообще соединеніе нѣсколькихъ единицъ для извѣстной цѣли. Это вполне вѣрное объясненіе самаго слова ассоціація и, принимая ее въ такомъ широкомъ смыслѣ, нужно было сказать, что не только въ средніе вѣка, а вездѣ и во всѣ эпохи человѣческой жизни человечество имѣло ассоціаціи, что и Россія не была исключеніемъ изъ этого правила. Можно было сказать, что первая ассоціація основалась тогда, когда вступили въ союзъ два первые жившіе на землѣ челоуѣка. Но вѣдь ассоціаціи въ этомъ смыслѣ никто не считалъ произведеніемъ XIX вѣка; каждый гимназистъ, если онъ не

слыхалъ отъ учителя исторіи о существованіи въ древнія времена ассоціацій въ этомъ смыслѣ, то онъ могъ заглянуть, хотя случайно, въ какой-нибудь энциклопедическій лексиконъ и сдѣлать это великое открытіе. Но если г. Яковлевъ принималъ въ такомъ значеніи слово «ассоціація», то къ ассоціаціямъ ему нужно будетъ причислить цѣхи, корпораціи, гильдіи, сельскія общины и наконецъ совершенно растеряться, когда надо будетъ точно опредѣлить характеръ той ассоціаціи, о которой говоритъ онъ. Именно такимъ образомъ путается г. Яковлевъ: онъ очевидно говоритъ о современныхъ экономическихъ ассоціаціяхъ и въ то-же время утверждаетъ, что ассоціаціи существовали и въ средніе вѣка, не замѣчая, что характеръ средневѣковыхъ ассоціацій былъ совершенно не тотъ, какой имѣютъ нынѣшнія экономическія ассоціаціи и что послѣднія-то ужъ никакъ не существовали въ средніе вѣка. Онъ говоритъ, что въ западной Европѣ ассоціація является юридическою, регламентарною и договорною формою, тогда какъ наша русская артель имѣетъ чисто-патріархальный характеръ. Но къ чему можно здѣсь примѣнить слово «ассоціація»: ко всѣмъ-ли обществамъ, существующимъ въ Европѣ или только къ чисто-экономическимъ ассоціаціямъ, получившимъ широкое развитіе съ легкой руки рочдэльцевъ, Шульце-Делича и т. п. дѣятелей? Если г. Яковлевъ говоритъ вообще объ ассоціаціяхъ, какъ это онъ дѣлалъ, говоря о существованіи ихъ и въ средніе вѣка, то онъ ошибается, что на Западѣ всѣ современные ассоціаціи регламентированы и имѣютъ юридическія формы. На Западѣ существуетъ цѣлая масса ассоціацій, остающихся въ той-же патріархальной формѣ, въ какой находятся наши артели. Такъ еще недавно однимъ изъ сотрудниковъ «Дѣла» было указано на существованіе въ Бельгіи непризнанныхъ правительствомъ обществъ взаимной помощи, нерѣдко имѣющихъ свои засѣданія въ кабакахъ и неведущихъ никакой строгой отчетности; въ Англій, гдѣ также существуетъ много подобныхъ обществъ, было высчитано въ послѣднее время, что эти общества, сохраняя свою патріархальную форму, существуютъ среднимъ числомъ не болѣе пятнадцати лѣтъ; но самымъ яркимъ представителемъ подобныхъ обществъ является общество, извѣстное во Франціи подъ именемъ «Compagnage» и охватывающее почти всѣхъ рабочихъ Франціи; оно до сихъ поръ сохраняетъ свои первоначальныя, патріархальныя формы, свои значки, палки, ленты и проч. Но можетъ быть г. Яковлевъ говоритъ только объ экономическихъ ассоціаціяхъ въ родѣ шульце-деличевскихъ и рочдэльскихъ обществъ, тогда, конечно, онъ правъ: эти общества имѣютъ юридичес-

кую, регламентарную, договорную форму. Но подразумевая подъ словомъ «ассоціація» именно только такія общества, онъ не могъ сказать, что подобныя ассоціаціи существовали и въ средніе вѣка. Еще менѣе онъ могъ говорить о запутанности нашихъ взглядовъ на ассоціаціи, такъ-какъ запутанность-то взглядовъ происходитъ, главнымъ образомъ, оттого, что нѣкоторые изъ господъ ученыхъ, подобно г. Яковлеву, употребляютъ слово ассоціація безъ всякихъ точныхъ опредѣленій и такимъ образомъ даютъ полный просторъ подводить подъ это понятіе все, что угодно, начиная съ родового союза полудикихъ племенъ и кончая международнымъ обществомъ современныхъ европейскихъ рабочихъ. Если-бы эти господа держались болѣе опредѣленной строго-научной терминологіи, если-бы они не относились къ наукамъ съ развязностью фельетонистовъ, то имъ приходилось-бы рѣже упрекать общество и журналистику въ запутанности понятій и они увидали-бы, что и въ обществѣ и въ журналистикѣ сложились довольно опредѣленные взгляды на рочдзельскія и шульце-деличевскія общества, на ассоціаціи Лассаля и Люи-Блана, на международное общество и т. д. Если въ этихъ взглядахъ и есть противорѣчія, то это происходитъ, конечно, не столько отъ запутанности самихъ вопросовъ, сколько отъ различія убѣжденій людей извѣстныхъ партій.

«Ассоціація, продолжаетъ г. Яковлевъ, не можетъ быть вездѣ однородною и зависитъ отъ тѣхъ препятствій, которыя ее вызываютъ. Препятствія эти бываютъ четырехъ родовъ: во-первыхъ; отъ внѣшнихъ силъ, независящихъ отъ человѣка, что преимущественно представляется въ первобытныхъ обществахъ; во-вторыхъ, отъ малонаселенности; это препятствіе имѣетъ особенное значеніе въ Россіи. Рѣдкость населенія вызываетъ недостатокъ сбыта и ограничиваетъ производство удовлетвореніемъ только мѣстныхъ потребностей. Невозможность же удовлетворенія мѣстнымъ производствомъ потребностей населенія ведетъ къ отхожимъ промысламъ, причемъ неизбежно образуются артели для самозащиты въ чуждой незнакомой мѣстности; въ-третьихъ, отъ конкуренціи; препятствія этого рода ведутъ къ образованію ассоціацій для охраненія заработной платы (trade's union), извозничьихъ артелей, артелей въ родѣ существующей въ ярославской губерніи для выдѣлки ящиковъ, и въ-четвертыхъ, отъ неудовлетворительности производства вслѣдствіе недостаточнаго скопленія капитала въ рукахъ производителей; это препятствіе, главнымъ образомъ, встрѣчается въ западной Европѣ и вызываетъ учрежденіе ссудныхъ и кредитныхъ ассоціацій.»

Остановимся на минуту на этихъ соображеніяхъ докладчика. Пре-

пятствія, вызывающія ассоціацію (конечно, тутъ г. Яковлевъ говоритъ исключительно объ экономической ассоціаціи), бываютъ четырехъ родовъ: во первыхъ, отъ внѣшнихъ силъ, независящихъ отъ чело-вѣка, во-вторыхъ, отъ малонаселенности, въ-третьихъ, отъ конкуренціи, въ-четвертыхъ, отъ неудовлетворительности производства, вслѣдствіе недостаточнаго скопленія капитала въ рукахъ производителей. Но развѣ второе, третье и четвертое препятствіе не суть тоже внѣшнія силы, независящія отъ чело-вѣка? Но развѣ исчерпываются этимъ все причины, вызывающія экономическія ассоціаціи? Вотъ, напримѣръ, общество *Comptoirage* было вызвано во Франціи не конкуренціею, не малонаселенностью, не неудовлетворительностью производства, а просто, съ одной стороны, безправіемъ рабочихъ классовъ въ старыя времена, и съ другой, привычкою молодыхъ французскихъ рабочихъ совершать путешествіе по Франціи для окончательнаго своего ремесленнаго образованія. Это общество являлось какъ-бы арміею рабочихъ, всегда готовыхъ на борьбу за своихъ собратьевъ и всегда спѣшившихъ оказать матеріальную помощь этимъ собратьямъ. Вообще г. Яковлевъ не ошибся-бы, если-бы оставилъ только первую причину возникновенія экономическихъ ассоціацій, то-есть внѣшнія, независящія отъ чело-вѣка препятствія, являющіяся вслѣдствіе извѣстныхъ условій положенія данной мѣстности и развитія даннаго общества. Перечислять все физическія и социальныя условія, заставляющія чело-вѣка ассоціироваться въ извѣстныя эпохи, нѣтъ никакой возможности, тѣмъ болѣе невозможно это сдѣлать такъ, какъ это дѣлается г. Яковлевымъ.

Далѣе г. Яковлевъ говоритъ: «такъ какъ ассоціація есть не цѣль, а только средство, вызываемое мѣстною экономической обстановкой, то она и принимаетъ вездѣ особыя формы. На западѣ Европы, каждая страна усвоила себѣ только нѣкоторыя изъ видовъ ассоціацій, согласно съ экономическими условіями страны. Такъ, въ Англіи развились преимущественно потребительныя ассоціаціи, страховыя общества на случай болѣзни, недостатка работы и такъ-называемыя *trade's union*; въ Германіи—ассоціаціи кредитныя, и только во Франціи встрѣчаются ассоціаціи многихъ родовъ: сельско-хозяйственныя, производительныя и потребительныя. Понятно, что заботиться у насъ о развитіи ассоціацій по европейскому образцу нѣтъ никакой возможности: экономическія условія Россіи совершенно отличны отъ западно-европейскихъ. У насъ городского населенія почти не существуетъ; вся Россія занимается почти исключительно земледѣліемъ, причѣмъ промыслы являются только пособіемъ, а крупная промыш-

ленность существуетъ у насъ, какъ исключеніе. Вотъ почему наши артели приняты, да и должны были принять особыя самобытныя формы. Такъ, напримѣръ, наши потребительныя общества, харчевныя артели, имѣютъ характеръ совершенно отличный отъ западно-европейскаго (?), и въ то-же время онѣ распространены у насъ повсюду — и въ народѣ, и въ войскѣ, и среди арестантовъ, въ тюрьмахъ. Мнѣніе, что ассоціація есть явленіе, предвзначенное исключительно для бѣднаго класса, не можетъ быть принято, такъ-какъ начало экономической самозащиты доступно всѣмъ, въ доказательство чего можно указать на общества взаимнаго кредита, взаимнаго страхованія и др., составленныя преимущественно людьми достаточными.»

Выше г. Яковлевъ сказалъ: понятно, что заботиться у насъ о развитіи ассоціацій по западно-европейскому образцу нѣтъ никакой возможности. Теперь же онъ говоритъ, что мнѣніе, будто-бы ассоціація есть явленіе, существующее исключительно для бѣднаго класса, не можетъ быть принято и указываетъ на существованіе у насъ обществъ, взятыхъ цѣликомъ у западной Европы. Но если эти общества могли быть перенесены къ намъ, то почему-же не могутъ быть перенесены и другія общества? Не потому-ли, что у насъ не существуетъ городского населенія, какъ говоритъ г. Яковлевъ? Но вѣдь существуютъ же подобныя общества въ Австріи, гдѣ городовъ съ 100,000 населеніемъ только 3, тогда какъ у насъ 5, съ 50,000 населеніемъ въ Австріи 7, у насъ 12. И изъ 8,000,000 человѣкъ городского населенія, конечно, большинство состоитъ изъ бѣдняковъ, которымъ могли-бы помочь различныя экономическія ассоціаціи, являющіяся въ западной Европѣ. Но отчего-же не являются среди этихъ людей экономическія ассоціаціи? Вѣдь г. Яковлевъ говоритъ, что когда являлись препятствія экономической дѣятельности, когда не противодѣйствовала общественная обстановка и не мѣшало преобладаніе фатализма, вездѣ являлись ассоціаціи? У насъ среди городского населенія являются сотни препятствій экономической дѣятельности и явленію экономическихъ ассоціацій противодѣйствуетъ только общественная обстановка, невѣжество нуждающихся классовъ и апатія нашихъ общественныхъ дѣятелей, думающихъ, что развиться экономическимъ ассоціаціямъ по западно-европейскому образцу нѣтъ никакой возможности у насъ. Они забываютъ все разнообразіе формъ европейскихъ ассоціацій, дающихъ возможность выбирать любую; они забываютъ, что наше городское нуждающееся сословіе мало отличается отъ нуждающагося городского населенія западной Европы, они забываютъ, что ассоціаціи и въ западной Европѣ начинались, большею частью, не по

собственной инициативѣ нуждающихся, а по программамъ развитыхъ людей, они забываютъ, что даже и при большомъ развитіи нищеты въ городахъ невѣжественные бѣдняки не дойдутъ сами по себѣ до мысли объ ассоціаціи.

Г. Яковлевъ, повидимому, придерживается того мнѣнія, что возникновеніе экономическихъ ассоціацій, обусловливаясь экономическими препятствіями страны, не обусловливается пропагандою. Это совершенно ложно. Никогда и нигдѣ не приступали рабочіе сами къ устройству регламентированныхъ, правильныхъ экономическихъ ассоціацій, не смотря на самыя тяжелыя экономическія положенія. Самый злой противникъ шульце-деличевской системы замѣтилъ, въ одной изъ своихъ рѣчей, что Шульце-Деличъ «своею неутомимою дѣятельностью въ самое тяжелое время, единственными личными силами сдѣлался отцомъ и основателемъ германскихъ ассоціацій и далъ этому дѣлу толчокъ, представляющій въ высшей степени важныя и обширныя послѣдствія». Безъ этого толчка, безъ толчка, который давали рабочимъ и противники Шульце-Делича, Германія, вѣроятно, долго бы не дождалась правильныхъ экономическихъ ассоціацій. То-же самое мы видимъ въ Рочдэлѣ, гдѣ, повидимому, рабочіе устроили потребительную ассоціацію совершенно самостоятельно. И здѣсь предшествовала устройству ассоціаціи съ одной стороны сильная и долгая агитація манчестерскихъ дѣятелей, съ другой—теоретическая и практическая пропаганда Оуэна. Во Франціи пропаганда и практическая дѣятельность Бюшэ, конечно, имѣли одно изъ самыхъ сильнѣйшихъ вліяній на основаніе экономическихъ ассоціацій въ средѣ рабочихъ, которые до 1831 года, не смотря на всѣ экономическія препятствія, не пробовали прибѣгнуть къ этой мѣрѣ. Возьмемъ еще болѣе яркій примѣръ. Въ Бельгіи въ послѣдніе двадцать, тридцать лѣтъ народонаселеніе возросло не особенно быстро, производительность не потерпѣла никакихъ особенныхъ катастрофъ или толчковъ, такъ-что экономическое положеніе страны осталось очень мало измѣненнымъ. Однако, до 1864 года въ этой странѣ совсѣмъ не заводилось такихъ экономическихъ ассоціацій, имѣющихъ регламентарную, юридическую форму, какія уже были въ сороковыхъ годахъ во Франціи и Германіи. Бельгійскій апатичный и испорченный филантропіею и католическою пропагандою, рабочій не бралъ на себя инициативы въ дѣлѣ устройства правильныхъ экономическихъ ассоціацій. Когда-же въ 1864 году началась пропаганда правильныхъ экономическихъ ассоціацій такими людьми, какъ Нигонъ, Пуле, д'Андримонъ, — эти ассоціаціи стали быстро развиваться въ Бельгіи. Ихъ направленіе, ихъ харак-

теръ, все это зависѣло отъ пропагандистовъ. Этихъ фактовъ нельзя не знать, нельзя игнорировать ихъ. Вглядываясь попристальнѣе въ исторію развитія правильныхъ экономическихъ ассоціацій въ западной Европѣ, нельзя не придти къ тому убѣжденію, что онѣ могутъ и должны развиваться и у насъ только при помощи усилій развитыхъ и знающихъ людей, которые укажутъ нуждающимся классамъ на выгоды и на характеръ подобныхъ обществъ. Но, конечно, было бы ошибочно думать, что правильными экономическими ассоціаціями можно замѣнить нашу патріархальную артель. Еслибы даже это и *смыдвало* сдѣлать, то, скажемъ прямо: этого *нельзя* сдѣлать. Долголѣтній опытъ доказалъ въ западной Европѣ, что правильныя экономическія ассоціаціи могутъ развиваться только рядомъ съ патріархальными экономическими ассоціаціями, члены которыхъ не тотчасъ бросаютъ старыя формы своихъ обществъ, какъ это видно въ Англіи, Бельгіи и т. д. Иногда эта патріархальность формъ ведетъ къ разтратѣ общественныхъ капиталовъ, къ гибели обществъ, но обычай очень сильно коренится въ болѣе или менѣе невѣжественной массѣ и уничтожать эти обычай насильственно—это значить то-же, что вгонять какую-нибудь наружную болѣзнь внутрь. Стѣсненія въ этомъ случаѣ не повели бы ни къ чему, какъ это видно во Франціи, гдѣ преслѣдовалось, на примѣръ, общество «Compagnage». Мануфактуристы и часть рабочихъ требовали 5-го марта 1791 года запрещенія этого общества; правительство издало 4-го июня 1791 года актъ, запрещавшій во второй статьѣ это общество; потомъ эта статья была подтверждена 241 статьєю уголовного кодекса при Наполеонѣ; тѣмъ не менѣе общество существовало, сохраняя свои патріархальныя формы, и очень удивило временное правительство, когда въ началѣ марта, послѣ февральской революціи передъ ратушею появились всѣмъ знакомые значки, ленты и палки членовъ этого общества, представлявшаго собою нѣчто въ родѣ цѣлаго ряда самыхъ разнообразныхъ артелей, связанныхъ одною тѣсною связью.

Итакъ развитіе правильныхъ экономическихъ ассоціацій можетъ и должно идти рядомъ съ существованіемъ патріархальныхъ артелей. Развитіе правильныхъ экономическихъ ассоціацій будетъ зависѣть отъ степени дѣятельности развитыхъ людей. Если эта дѣятельность будетъ равняться нулю, то рабочіе никакъ не дойдутъ своимъ умомъ до основанія правильныхъ экономическихъ ассоціацій. Въ западной Европѣ, когда экономическія препятствія дѣлались невыносимо тяжелы, никѣмъ неруководимые рабочіе рѣшались не на устройство правильныхъ экономическихъ ассоціацій, а на роковыя, вредныя, необдуманныя

и не организованныя стачки, которыя очень рѣдко приводили къ какимъ-нибудь благопріятнымъ результатамъ, очень рѣдко оканчивались такъ благополучно, какъ первая исторически-извѣстная стачка евреевъ. По большей части онѣ приводили къ ненужной и роковой гибели вошедшихъ въ стачку; какъ это часто случалось, напримѣръ, въ Лионѣ, начиная съ погрома 1744 года. Это вполне понятно, такъ-какъ мало развитый рабочій въ затруднительномъ положеніи скорѣе можетъ прибѣгнуть къ грубой силѣ, чѣмъ къ какой-нибудь сложной экономической комбинаціи, требующей извѣстной доли развитія и образованія.

Далѣе г. Яковлевъ говоритъ, что западно-европейскія ассоціаціонныя формы могутъ служить у насъ образцомъ. (Еще-бы нѣтъ!) Какъ на примѣръ, онъ указываетъ на вопросъ о круговой порука. Обыкновенно утверждаютъ, что полная круговая порука составляетъ необходимое условіе артели; но это справедливо только до извѣстной степени, говоритъ онъ. «Въ нѣкоторыхъ артеляхъ, какъ, напримѣръ, въ ярославской для выдѣлки ящиковъ, гдѣ члены участвуютъ не только паевыми взносами, но и всѣмъ своимъ трудомъ, необходима полная круговая порука; но въ обществахъ взаимнаго кредита, въ сыроваренныхъ артеляхъ, которыя не поглощаютъ всего труда челоуѣка, существуетъ только ограниченная круговая порука. Если нѣсколько челоуѣкъ пріобрѣтаетъ нужную имъ машину для общаго пользованія, то здѣсь совсѣмъ нѣтъ круговой поруки.»

И тутъ г. Яковлевъ несовсѣмъ правъ. Вопросъ о круговой порука до сихъ поръ остается спорнымъ вопросомъ и зависитъ не столько *отъ характера общества*, сколько *отъ взглядовъ людей* на дѣло; при рѣшеніи его люди различныхъ партій, различныхъ національностей приходятъ къ различнымъ выводамъ: Въ Англіи изъ 820 обществъ взаимнаго кредита (loan-societies) въ 1865 году только 20 приняли за правило круговую поруку. Въ Германіи же большинство экономическихъ ассоціацій руководствуется принципомъ круговой поруки, что Жюль Симонъ объясняетъ тѣмъ, что большинство кооперативныхъ обществъ въ Германіи основывается мелкой буржуазіей, знающей очень хорошо дѣло, образъ жизни, средства каждаго изъ членовъ общества и потому не боящейся ручаться и отвѣчать за этихъ членовъ обществъ. Точно такая-же круговая порука принята въ Люттихскомъ народномъ банкѣ, гдѣ 4 статья § 18 обязываетъ общниковъ солидарно отвѣчать за всѣ займы банка, и не дѣлаетъ оговорки, что они отвѣчаютъ только своими взносами; вслѣдствіе этого при поступленіи новаго члена о немъ наводятся самыя

подробныя справки, такъ-какъ члены не всегда хорошо знаютъ другъ друга, а такое знакомство съ дѣлами и характеромъ поступающаго есть необходимое условіе при круговой порукаѣ. «Во Франціи вопросъ о полной круговой порукаѣ вселяетъ просто ужасъ», какъ выражается Воловскій, и нѣкоторые изъ членовъ правильныхъ экономическихъ ассоціацій требовали «не только уничтоженія круговой поруки вообще, но даже круговой поруки въ размѣрахъ членскихъ взносовъ», говоря, что несправедливо заставлять простыхъ членовъ общества нести ту-же отвѣтственность, которую понесутъ выбранные администраторы общества. Видя это отвращеніе къ принципу круговой поруки, Воловскій совершенно вѣрно замѣтилъ, что «нельзя дѣлать круговую поруку безусловно обязанностью и возводить ее въ законъ во Франціи, такъ-какъ нужно прежде всего сообразоваться съ нравами, привычками и даже предубѣжденіями жителей каждой страны». Мнѣніе Воловскаго раздѣляли и такіе люди, какъ Жюль Симонъ, и такіе дѣтели, какъ нѣкоторые французскіе рабочіе, члены международного общества. Этого-же мнѣнія держались составители проекта закона, представленнаго въ январѣ 1870 г. бельгійскимъ палатамъ. Они предоставляли полную свободу ассоціирующимся принимать вполне или ограничивать или не принимать вовсе круговую поруку. Итакъ, главнымъ образомъ, круговая порука обусловливается не характеромъ экономической ассоціаціи, какъ думаетъ г. Яковлевъ, а характеромъ ассоціирующихся личностей, характеромъ страны, однородностью ассоціирующихся личностей или ихъ разнообразіемъ, близкимъ знакомствомъ или полнымъ незнакомствомъ ассоціирующихся между собою и т. д.

Если взять въ расчетъ все разнообразіе формъ возникшихъ въ западной Европѣ экономическихъ ассоціацій, если посмотрѣть на все разнообразіе условій, при которыхъ онѣ сложились, если принять во вниманіе всю массу оттѣнковъ тѣхъ лицъ, которыя ассоціировались, то, конечно, нужно будетъ придти къ тому непрѣтному заключенію, что мы можемъ, сообразно съ характеромъ нашихъ нуждъ и съ характеромъ нуждающихся въ экономическихъ ассоціаціяхъ, выбрать въ западной Европѣ любую, самую подходящую изъ выработанныхъ формъ экономическихъ ассоціацій. Только недостатокъ знакомства съ дѣломъ можетъ насъ заставить говорить о томъ, что западно-европейскія экономическія ассоціаціи непереносимы на нашу почву. Познакомьтесь съ ними поближе и вы увидите, что даже русская патріархальная харчевая артель существуетъ тамъ среди массы разнообразныхъ не-регламентированныхъ обществъ взаимной помощи.

Конечно, въ докладѣ г. Яковлева не обошлось и безъ упоминанія

о консервативности ассоціаціоннаго принципа, ну да объ этомъ нечего толковать: теперь объ этомъ толкуютъ съ особенной радостью всѣ западно-европейскіе экономисты известнаго сорта, тѣ самые экономисты, которые еще такъ недавно толковали, что экономическія ассоціаціи ведутъ къ социальнымъ и политическимъ революціямъ. Наука тутъ, конечно, ни причесть; такъ было угодно взглянуть г. Наполеону III, а ему было угодно посмотреть такъ на дѣло потому, что въ шестидесятыхъ годахъ нужно было помазать по губамъ французскихъ рабочихъ обѣщаніями развитія правильныхъ экономическихъ ассоціацій и этимъ удержать массу отъ другихъ болѣе крупныхъ требованій; въ этомъ случаѣ экономическія ассоціаціи дѣйствительно оказались консервативнымъ началомъ.

Въ концѣ доклада г. Яковлевъ переходитъ къ вопросу, что нужно дѣлать для содѣйствія артелямъ. Если артель необходима во всякой мѣстности, то слѣдуетъ-ли ожидать ея естественнаго возникновенія или необходимо вызывать ее какими нибудь мѣрами? Это тотъ знаменитый вопросъ о самопомощи и о вѣдѣтельности правительства, который вызвалъ такія горячія пренія въ Германіи. По мнѣнію докладчика, вопросъ этотъ относительно Россіи разрѣшается тѣмъ положеніемъ, которое создано освобожденіемъ крестьянъ и особенно судебною реформою. Гласный судъ содѣйствуетъ развитію юридическихъ понятій и вытѣсняетъ патріархальныя отношенія, основанныя на словесномъ договорѣ и неподкрѣпленныя письменнымъ условіемъ. Наши же артели не знаютъ иного договора кромѣ словеснаго; поэтому необходимо создать несуществующее еще у насъ артельное право и юридически оформить артель; съ другой стороны, нельзя не сознаться, что мы не знаемъ нашей артели, не знаемъ, чѣмъ она вызвана и обусловлена, поэтому всякое законодательное вѣдѣтельство только затруднило-бы естественное развитіе артели. Единственный исходъ изъ такого положенія—всестороннее изслѣдованіе существующихъ артелей и вызвавшихъ ихъ экономическихъ условій. Докладчикъ закончилъ свой докладъ слѣдующими вытекающими изъ него положеніями.

1) Русская народная артель есть первая, патріархальная форма, тогда какъ форма европейской ассоціаціи—регламентированная и болѣе совершенная форма одной и той-же идеи сгруппированія лицъ для экономической самозащиты.

2) Развитіе въ народѣ понятія формальнаго юридическаго права дѣлаетъ необходимымъ переходъ изъ формы патріархальной къ формѣ болѣе юридической.

3) Прямое, непосредственное вмѣшательство законодательства въ регламентірованіе артелей—преждевременно.

4) Развитие того или другого вида артелей или ассоціаціи въ данной странѣ есть результатъ экономическихъ условій страны.

5) Для разрѣшенія задачи облегченія для артели перехода изъ формы патріархальной въ юридическую, необходимо параллельное изслѣдованіе существующихъ артелей и экономическихъ условій труда, чтобы имѣть возможность: а) опредѣлить различные виды дѣятельности артелей; у) установить въ нихъ точную терминологию; в) выяснить общія черты внутренней организаціи всякой артели и частныя, соотвѣтственно различнымъ ея видамъ; и г) выяснить экономическія стороны народной жизни, требующія примѣненія артельного начала.

6) Только по окончаніи этой предварительной работы возможно составленіе артельного договора и разработка артельного права.

7) Для исполненія предварительныхъ работъ необходимы соединенныя усилія частныхъ лицъ и сельско-хозяйственныхъ и промышленныхъ обществъ и содѣйствіе правительства, которое могло-бы выразиться въ оказаніи матеріальнаго пособія для изслѣдованія и въ разработкѣ судебною практикою артельного обычнаго права.

8) Кромѣ того, прибавимъ мы отъ себя, нужно, чтобы люди, которые займутся этимъ дѣломъ, были дѣйствительно знающіе и добросовѣстные люди, а не поверхностные дилетанты, нахватавшіе нѣсколько свѣденій о дѣлѣ изъ популярныхъ книжечекъ извѣстнаго направленія.

Вслѣдъ за докладомъ начались весьма оживленныя пренія, въ которыхъ принимали участіе: В. П. Безобразовъ, Н. И. Водовъ, князь А. И. Васильчиковъ и Э. И. Вреденъ. Г. Безобразовъ представилъ сначала краткій историческій очеркъ развитія на Западѣ ассоціаціоннаго и революціоннаго духа, выразилъ нѣсколько пожеланій, необходимыхъ, по его мнѣнію, для успѣха нашихъ артелей въ будущемъ. Онъ желалъ-бы видѣть устраненными у насъ не только недоразумѣнія, бывшія на Западѣ и въ особенности во Франціи, но и регламентірованіе, могущее привести къ весьма печальнымъ результатамъ. По его мнѣнію, было-бы хорошо, еслибы законодательство ограничилось только признаніемъ существованія артели, а образованное общество облегчило-бы устройство артелей своими знаніями, не подходя къ нимъ съ понятіями и цѣлями, хотя и общепольными, но совершенно чуждыми практическимъ цѣлямъ людей, соединяющихся въ артели. Г. Безобразовъ, какъ видно, все чего-то боится. Напрасно. Будьте благонадежны! Мужчинамъ не къ лицу та боязливость, которою отличалась

когда-то Коробочка. Г. Водовъ высказалъ то мнѣніе, что всѣ виды ассоціацій и артелей основаны на одномъ принципѣ—равноправности; различіе же между ними заключается въ тѣхъ затрудненіяхъ, которыя встрѣчаютъ нѣкоторыя изъ нихъ въ капитализаціи вкладовъ. Круговая порука есть непремѣнное условіе всякой ассоціаціи, лишь-бы только порука не превышала вклада, внесеннаго членомъ артели. (Мы уже говорили, чѣмъ обуславливается круговая порука вообще и какъ часто она даже не можетъ простираться до размѣровъ членскихъ взносовъ). Что-же касается охранительныхъ мѣръ, то онѣ крайне необходимы для нашихъ артелей, и если ассоціаціи во Франціи пошатнулись, то только вслѣдствіе отсутствія тамъ въ послѣднее царствованіе охранительнаго элемента. Къ этому можно-бы прибавить, что во Франціи губило экономическія ассоціаціи не только отсутствіе охранительнаго элемента, но и подозрительное отношеніе къ нимъ правительства, не только не охранявшаго, но просто не выносившаго ассоціаціонныхъ попытокъ. Въ пятидесятыхъ годахъ правительство нападало вооруженною силою на самыя невинныя ассоціаціонныя попытки; оно захватывало имущество обществъ; оно преслѣдовало, какъ тайныхъ злоумышленниковъ, ассоціировавшихся людей и кончило свои преслѣдованія только въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда нужно было отвлечь вниманіе рабочихъ отъ болѣе важныхъ предметовъ, чѣмъ экономическія ассоціаціи. Э. И. Вреденъ старался доказать несамобытность русской артели, вовсе не отличающейся отъ западно-европейскихъ артелей, къ которымъ по систематизаціи подходитъ, напримѣръ, наша петербургская биржевая артель; кромѣ того, наша дружина имѣла въ цехахъ соотвѣтственное учрежденіе и на Западѣ. Наши артели могутъ точно также уклоняться отъ артели, какъ уклонялись отъ нея западно-европейскіе цехи; систематизированіе ихъ и есть средство для предупрежденія этихъ уклоненій. (Разумѣется, людямъ, подобно г. Яковлеву, стоящимъ за полную самобытность русской артели, слова г. Вредена показались довольно странными и, можетъ быть, лишенными всякаго основанія. Болѣе близкое знакомство съ дѣломъ могло-бы разсвѣять эти недоразумѣнія и показать, что русская артель не есть какое-то растение, прямо выросшее на русской почвѣ и не подававшееся никакимъ внѣшнимъ, ввоземнымъ влияніямъ. Еще въ 1864 г. Н. В. Калачовъ замѣтилъ о самомъ происхожденіи артели слѣдующее: «Артель, въ смыслѣ товарищества нѣсколькихъ лицъ, соединяющихся своимъ капиталомъ и трудами или только послѣдними, для какой-нибудь работы, промысла или предпріятія, и вслѣдствіе этого отвѣчающихъ другъ за дру-

га, — есть явленіе, встрѣчающееся у насъ еще въ глубокой древности, а названіемъ своимъ она указываетъ на отдаленныя, и именн торговыя связи нашихъ предковъ съ восточными народами, на языки которыхъ этимъ словомъ означаются общины и товарищи». На такое же происхожденіе съ Востока указываетъ и легенда, недаромъ сложившаяся объ основаніи общества Comragonage, приведенная въ книгѣ А. Михайлова «Пролетаріатъ во Франціи».)

Князь Васильчиковъ перешелъ въ своей рѣчи на болѣе практическую почву. Онъ, опираясь на седьмое положеніе доклада, замѣтилъ, что мысль о необходимости изслѣдованія русской артели выяснилась въ одномъ изъ засѣданій петербургскаго отдѣла комитета, учрежденнаго при московскомъ обществѣ сельскихъ хозяевъ для разработки вопроса о ссудныхъ и промышленныхъ товариществахъ, когда присутствовавшіе члены обратили вниманіе на то, могутъ-ли кредитоваться наши артели въ ссудосберегательныхъ товариществахъ. Въ виду необходимости изученія нашихъ артелей, князь Васильчиковъ остановился на анализѣ тѣхъ способовъ, которые могутъ быть пригодны въ настоящемъ случаѣ. Отвергнувъ enquête, какъ способъ дорогостоящій, онъ указалъ на необходимость опубликованія во всеобщее свѣденіе особой программы, по которой лица, заинтересованныя въ разрѣшеніи вопроса о русскихъ артеляхъ, могутъ быть вызваны для сообщенія въ вышеозначенное отдѣленіе московскаго комитета свѣденій объ артеляхъ, какъ обработанныхъ, въ видѣ отдѣльныхъ монографій, такъ и необработанныхъ, въ формѣ уставовъ, договоровъ, статистическихъ и библиографическихъ свѣденій и т. п. По окончаніи преній, председатель комитета В. И. Вешняковъ, резюмировавъ докладъ А. В. Яковлева, предложилъ присутствующимъ поручить бюро комитета обсудить ту форму, въ которой можетъ выразиться содѣйствіе со стороны комитета предполагаемой разработкѣ вопроса о русскихъ артеляхъ. Это предложеніе было принято съ сочувствіемъ большинствомъ присутствующихъ, съ условіемъ, чтобы бюро представило означенныя соображенія свои на обсужденіе комитета.

Каковы бы ни были промахи и недостатки доклада г. Яковлева и рѣчей присутствовавшихъ на засѣданіи лицъ, — этотъ докладъ и эти пренія будутъ памятны въ исторіи вопроса объ артеляхъ и экономическихъ ассоціаціяхъ. Засѣданіемъ 5-го января положено первое начало для болѣе серьезнаго изученія этого вопроса. Было-бы очень отпадно, если-бы эта попытка не пропала безслѣдно. Заканчивая нашъ отчетъ, мы спѣшимъ выписать сообщенныя въ газетахъ свѣденія, касающіяся предполагаемаго сборника матеріаловъ объ артеляхъ въ Рос-

сіи. Этотъ сборникъ имѣеть быть изданъ въ настоящемъ году петербургскимъ отдѣленіемъ комитета, учрежденнаго при московскомъ обществѣ сельскихъ хозяевъ для разработки вопроса о ссудныхъ и промышленныхъ товариществахъ (артеляхъ). Къ участию матеріалами въ этомъ сборникѣ комитетъ приглашаетъ всѣхъ лицъ, интересующихся и занимающихся вопросомъ о русскихъ артеляхъ и располагающихъ свѣденіями по этому предмету, какъ въ обработанномъ видѣ, т. е. въ видѣ отдѣльныхъ монографій, такъ и въ необработанномъ, въ формѣ уставовъ, договоровъ, статистическихъ и библиографическихъ свѣденій и т. п. Всѣ эти свѣденія должны быть адресуемы на имя князя Александра Иларіоновича Васильчикова (въ Петербургъ, на Литейную, въ собственный домъ князя). За матеріалы, признанные соответствующими цѣлямъ сборника, авторы ихъ, по отпечатаніи ихъ матеріаловъ въ сборникѣ, будутъ вознаграждены, смотря по богатству фактическаго содержанія, до 75 р. за печатный листъ. Вотъ, между прочимъ, и самая программа вопросовъ по отдѣламъ, предлагаемая комитетомъ въ руководство лицамъ, желающимъ снабдить его имѣющимися въ ихъ рукахъ матеріалами объ артеляхъ:

1) Что въ данной мѣстности подразумѣвается подъ словомъ артель или товарищество?

2) Списокъ существующихъ въ данной мѣстности артелей и товариществъ, съ обозначеніемъ цѣли, для которой онѣ существуютъ. При этомъ исключаются товарищества на вѣрѣ и вообще коммерческія, учрежденныя на основаніи закона о товариществахъ.

3) Въ чемъ заключаются различіе и особенности каждой изъ артелей: а) занимается артель самостоятельно промысломъ, или составляется для найма въ работу къ хозяину или подрядчику; б) устраивается ли артель для пріобрѣтенія сообца сырого матеріала на издѣлія каждаго изъ ея членовъ, или же для совмѣстнаго производства или сбыта; в) соединяется ли артель для общаго пользованія заведеніемъ, машиною, зданіемъ, судномъ и т. п.; г) артели харчевыя, для общаго пользованія столомъ, одеждою, помѣщеніемъ и т. п.; д) артели для взаимнаго вспомошествованія на случай болѣзни, увѣчья, несчастій; е) артели для страхованія и охраненія имущества и зданій отъ огня, скота отъ падежа, полей отъ градобітія и т. п.; ж) артели, обезпечивающія вѣрность своихъ членовъ передъ хозяиномъ въ исполненіи принятыхъ предъ нимъ послѣднимъ обязательствъ, напримѣръ, бнржевыя артели и т. п. и наконецъ з) артели смѣшанныя, преслѣдующія разомъ нѣсколько изъ вышеприведенныхъ цѣлей.

4) Устраивается-ли артель безъ опредѣленія срока своего стованія, или только временно, для отдѣльнаго какого-либо или предпріятія. Также отхожая-ли артель, или мѣстная и с ея возникновенія: а) вызовъ и подборъ лицъ и б) заключае договоръ письменно и словесно.

7) Внутреннее устройство артели: а) лица завѣдующія дѣлам телю; б) способъ выбора, замѣщенія и смѣны означенныхъ в) ихъ права и обязанности; г) способъ учета и надзор ними, выборными-ли, или сходомъ; д) способъ ихъ вознагражде е) пріемъ, выходъ и условія исключенія членовъ артели; ж) с ствуютъ-ли различные разряды членовъ и чѣмъ они обусловливан з) нанимаютъ-ли артель рабочихъ или подручниковъ, временно постоянно и на какихъ условіяхъ; и) вносятся-ли выкупныя ден размѣръ ихъ, переходъ по наследству и возвратъ въ случаѣ вы или исключенія члена; і) внутренній распорядокъ въ работахъ; к) в сканія съ членовъ въ случаѣ неисполненія условія; л) способъ шенія общихъ артельныхъ вопросовъ посредствомъ-ли выборныхъ, артельнымъ сходомъ; въ этомъ последнемъ случаѣ—способъ соби нія голосовъ; м) счетоводство и отчетность, сроки и порядокъ с денія счетовъ; и н) способъ распредѣленія прибылей, наложеніе четовъ и штрафовъ, раскладка убытковъ и взысканіе ихъ.

8) Кѣмъ и въ какой формѣ заключаются артелию займы денег или матеріаловъ или другія обязательства.

9) Способъ ответственности артели передъ сторонними людьми принятыхъ ею на себя обязательствахъ, т.-е. круговою порукою и инымъ способомъ.

10) Существуетъ-ли въ артели запасный или иной какой кап таль, способъ его возникновенія, предметъ, на который онъ служитъ и права на него.

11) При какихъ условіяхъ и въ какомъ порядкѣ прекращаетс дѣйствіе артели.

12) Недостатки артельного устройства, признаваемые самими ар тельщиками, и предлагаемые ими мѣры къ ихъ устраненію.

Кромѣ отвѣтовъ на вышеприведенные вопросы, комитетъ желалъ бы, чтобы лица, доставившія свѣденія, обратили-бы особенное вни маніе на историческую и экономическую сторону артелей, какъ-то на причины ихъ возникновенія, вліяніе ихъ и на нихъ окружающе среды, причины ихъ успѣха или паденія и т. п., а также доста вили-бы въ видѣ приложения: а) списокъ употребляемыхъ въ арте ляхъ своеобразныхъ названій, напримѣръ: дуванъ, первая, вторая

рука, и описаніе усвоенныхъ ими обычаевъ; б) списки или подлинники условія, договоры, формы счетоводства, обязательствъ и т. п.; в) статистическія данныя, на сколько возможно полныя, какъ-то: о числѣ членовъ, ежегоднаго ихъ приращенія или уменьшенія, цифры капиталовъ, оборотовъ барышей или убытковъ, цѣны произведеній, матеріаловъ и заработковъ и т. п.; и г) библиографическія указанія на мѣстную литературу объ артеляхъ, какъ, напримѣръ, статьи помѣщенные въ губернскихъ вѣдомостяхъ и т. п.

Эта программа довольно полна и остается только пожелать, чтобы князю А. И. Васильчикову удалось встрѣтить сочувствіе начатому дѣлу и собрать какъ можно больше необходимыхъ матеріаловъ. Было-бы очень грустно, если-бы и здѣсь выразились вѣчная апатія и равнодушіе нашего общества, проглядывающія каждый разъ при разрѣшеніи тѣхъ или другихъ вопросовъ.

Но если общество и его серьезные дѣятели очень вяло и апатично относятся къ такимъ имѣющимъ общій интересъ и остающимся нерѣшенными вопросамъ, какъ вопросъ объ артеляхъ и экономическихъ ассоціаціяхъ, то еще равнодушнѣе относятся они къ тѣмъ вопросамъ, которые, такъ сказать, рѣшены и подписаны. Только иногда какое-нибудь правительственное распоряженіе и какая-нибудь новая административная мѣра напоминаютъ обществу и его дѣятелямъ, что рѣшенный вопросъ рѣшенъ далеко неудовлетворительно и что само правительство считаетъ нужнымъ дополнять и вѣдывать условія, въ которыхъ находится дѣло. Но даже и такія распоряженія и мѣры не выводятъ общество изъ его апатіи и иногда даже не возбуждаютъ толковъ въ литературѣ о томъ, какими кричащими недостатками вызваны тѣ или другія правительственныя мѣры. Такое равнодушіе общества къ будто-бы рѣшеннымъ вопросамъ очень ярко проглядываетъ напримѣръ, въ отношеніи къ вопросу о положеніи питомцевъ Воспитательнаго дома въ деревняхъ. Это положеніе далеко не блестяще, какъ видно изъ официальныхъ документовъ, и дѣло тутъ идетъ не о какомъ-нибудь десяткѣ личностей, случайно и временно находящихся въ дурномъ положеніи. Число обоого пола питомцевъ Воспитательнаго дома составляло въ 1871 году 22,736 душъ, изъ нихъ дѣтей отъ законныхъ браковъ было только 339 человекъ. Количество приносимыхъ дѣтей не уменьшается, а все разростается. Такъ съ 1861 года по 1871 годъ было принесено 17,655 человекъ, а съ половины 1865 года по 15 марта 1868 года дѣтей было принесено 16,059 человекъ. Большинство этихъ дѣтей находится въ

деревняхъ на воспитаніи. Уже въ грудныхъ отдѣленіяхъ въ самомъ Воспитательномъ домѣ ихъ смертность довольно велика:

такъ въ 1867 году она составляла	16,07%
» » 1868 » » »	17,22% ₁
» » 1869 » » »	18,77% ₁
» » 1870 » » »	18,46% ₀ .

Но еще сильнѣе смертность въ деревняхъ. Нечего говорить, что сами наши крестьяне живутъ при очень плохихъ гигиеническихъ условіяхъ и что они не могутъ предложить лучшихъ гигиеническихъ условій чужимъ дѣтямъ, взятымъ ими на воспитаніе, когда и ихъ собственныя дѣти погибаютъ слишкомъ рано отъ дурного ухода и дурной печи. Но нужно прибавить, что брать на воспитаніе питомцевъ Воспитательнаго дома обратилось въ профессію у нѣкоторыхъ изъ крестьянокъ недалекихъ отъ Петербурга деревень. Эти люди рассчитываютъ съ одной стороны на выдаваемые за воспитаніе деньги, съ другой стороны надѣются найти въ воспитанникѣ работника, который начинаетъ помогать воспитателямъ уже въ томъ возрастѣ, въ которомъ посылаются на фабрику только дѣти самыхъ бѣдныхъ рабочихъ въ западной Европѣ. Посѣщая деревни, петербургской губерніи, мы перѣдко видѣли этихъ дѣтей, 7—8 лѣтъ, моющими полы въ избахъ, носящими воду, вообще исполняющими работы, которыя подл силу только взрослому. Воспитательницы, избравшія себѣ профессію воспитаніе дѣтей, набираютъ на грудь воспитанниковъ даже тогда, когда начинаетъ пропадать молоко и, конечно, не думаютъ о томъ, каково будетъ ребенку рости на одной соскѣ.

Но грязная и губительная соска вскармливаетъ ребенка даже и тогда, когда у воспитательницы есть молоко, такъ-какъ этимъ молокомъ она кормитъ своего собственного ребенка. Рядомъ съ дурною пищею идетъ и дурное обращеніе съ дѣтьми. Хорошо живетъ дѣтямъ только въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ воспитаніе питомцевъ не сдѣлалось профессіею. Эти-же семьи составляютъ меньшинство. Конечно, никакіе инспекторы и попечители не могутъ услѣдить за всѣми злоупотребленіями, повторяющимися изо-дня въ день въ отдаленныхъ деревняхъ, такъ-какъ инспекторы и попечители могутъ наѣзжать въ деревни только изрѣдка, на нѣсколько часовъ. Но если-бы они и могли лучше наблюдать за положеніемъ дѣтей, то они все-таки не могли-бы передѣлать обыкновенныхъ тяжелыхъ условій, при которыхъ живутъ у насъ бѣдняки изъ крестьянъ. Мы не станемъ въ этомъ случаѣ опираться ни на свѣденія, сообщенныя по этому поводу въ различныхъ литературныхъ произведеніяхъ, ни на свои

собственныя наблюденія, такъ-какъ все это давно извѣстно и само управленіе Воспитательнаго дома лучше чѣмъ кто-нибудь знаетъ эти злоупотребленія и, повидимому, тяготеетъ ими, изыскивая средства для ихъ искорененія и рѣшаясь на тѣ или другія предохранительныя мѣры. До сихъ поръ эти мѣры оказывались довольно слабыми, какъ это видно изъ официальныхъ данныхъ и изъ того, что въ настоящее время, по инициативѣ статсъ-секретаря Шторха, утверждена еще одна мѣра для усиленія надзора за питомцами Воспитательнаго дома, находящимися въ деревняхъ. Эта мѣра мотивирована тѣмъ, «что съ одной стороны окружные врачи петербургскаго Воспитательнаго дома, вслѣдствіе обширности вѣренныхъ ихъ надзору округовъ, многочисленности и разбросанности находящихся въ сихъ послѣднихъ деревень, и трудности сообщеній по причинѣ дурнаго состоянія дорогъ, — не имѣютъ возможности часто навѣщать питомцевъ въ мѣстахъ ихъ жительства, въ особенности отдаленныхъ отъ сельскихъ лазаретовъ, а съ другой стороны, что получаемыя начальствомъ Воспитательнаго дома помимо окружныхъ врачей и надзирателей отъ постороннихъ вѣдомству лицъ свѣденія могли-бы служить полезнымъ указаніемъ къ принятію тѣхъ или другихъ мѣръ къ лучшему вскармленію и воспитанію питомцевъ». Въ виду этихъ недостатковъ и съ намѣреніемъ достигнуть этихъ цѣлей, 26 января состоялось распоряженіе о назначеніи почетныхъ попечительницъ, избираемыхъ земствомъ изъ среды мѣстныхъ землевладѣлицъ и обязанныхъ наблюдать за кормленіемъ и воспитаніемъ обоаго пола питомцевъ Воспитательнаго дома. На этихъ почетныхъ попечительницъ возлагаются слѣдующія обязанности:

а) для уменьшенія по возможности смертности между дѣтьми, деревенскіе воспитатели коихъ весьма часто не имѣютъ понятія о самыхъ необходимыхъ гигиеническихъ условіяхъ ухода за младенцами, осматривать сколь возможно чаще питомцевъ, въ особенности грудныхъ, въ мѣстахъ ихъ жительства, обращая вниманіе на ихъ содержаніе, на уходъ за ними и вообще на обращеніе съ ними воспитателей, и объясняя послѣднимъ, какъ слѣдуетъ обходиться съ дѣтьми;

б) дѣлать распоряженіе о немедленномъ отправленіи въ сельскіе лазареты Воспитательнаго дома тѣхъ питомцевъ, кои при осмотрѣ будутъ найдены больными;

в) посѣщать учрежденныя Воспитательнымъ домою сельскія школы, для наблюденія за надлежащимъ исполненіемъ учителями ихъ обязанностей, и оказывать возможное содѣйствіе къ исправному посѣщенію школъ учениками, разъясняя воспитателямъ, что забота объ обуче-

нѣ ввѣренныхъ ихъ попеченію воспитанниковъ составляетъ не только ихъ долгъ, но и въ извѣстныхъ случаяхъ, въ особенности для воспитателей изъ финскаго населенія петербургской губерніи, прямую ихъ выгоду, такъ какъ чрезъ ознакомленіе питомцевъ, въ школахъ съ основаніями православной вѣры и главнѣйшими молитвами, равно съ русскимъ языкомъ и грамотою, можно будетъ, со временемъ, избѣгнуть столь тягостнаго для нихъ перевода ихъ воспитанниковъ въ другіе округа для обрусѣнія;

г) содѣйствовать окружнымъ врачамъ къ устройству новыхъ школъ, съ указаніемъ самыхъ удобныхъ для сего мѣстностей;

д) о всѣхъ замѣченныхъ неисправностяхъ и безпорядкахъ, равно о худомъ содержаніи питомцевъ сообщать окружнымъ врачамъ, не дѣлая, впрочемъ, лично отъ себя никакихъ распоряженій;

е) обсуждать, раза два или три въ году, на общихъ сѣздахъ, между собою и съ участіемъ окружныхъ врачей, жѣны, которыя могли-бы быть приняты къ лучшему воспитанію питомцевъ и о своихъ предположеніяхъ сообщать почетному опеуну, управляющему Воспитательнымъ домоу.

Новое положеніе о почетныхъ попечительницахъ возлагаетъ на нихъ не шуточные обязанности: объяснить воспитателямъ необходимыя гигиеническія условія, указывать, какъ нужно обходиться съ дѣтьми, наблюдать за надлежащимъ исполненіемъ учителями ихъ обязанностей, все это не легко и требуетъ значительной подготовки, иначе это можетъ обратиться въ простую забаву. Конечно, не этого желаетъ правительство, не этого требуетъ оно отъ почетныхъ попечительницъ. Но какъ мало встрѣтятся женщинъ, дѣйствительно подготовленныхъ къ исполненію великой обязанности, возлагаемой на нихъ! И какъ вредны, какъ губительны дѣлаются нападенія разныхъ князей Мещерскихъ на широкое образованіе женщинъ, въ виду подобныхъ распоряженій правительства. Эти распоряженія прямо указываютъ на необходимость самой широкой подготовки, безъ которой дѣло можетъ принести гораздо болѣе вреда, чѣмъ пользы, а князья Мещерскіе стараются тормозить женское развитіе и говорятъ, что женщинамъ совсѣмъ не нужно широкое мужское образованіе. Эти господа сами прямо идутъ въ разрѣзъ съ совершающимися реформами и еще рѣшаются упрекать другъ друга въ неблагонамѣренности! Впрочемъ, прежде всего ихъ собственныя измышленія обличаютъ ихъ крайнее невѣжество и неразвитость, а потому къ подобнымъ господамъ, можно относиться только съ тѣмъ сострадательнымъ снисхожденіемъ, съ которымъ мы относимся къ каждому мало развитому и полуграмотному челоуѣку.

когда онъ рискуетъ судить и вкривъ и вкось о серьезныхъ вопросахъ науки и общественной пользы.

Подобные господа, толкующіе съ свѣтскою развязностью о серьезныхъ вопросахъ, являются въ литературѣ тѣмъ-же, чѣмъ являлся мольеровскій ищанинъ во дворянствѣ.

Мы боимся, что новая мѣра, къ которой обращается правленіе Воспитательнаго дома, будетъ не особенно плодотворна, именно въслѣдствіе недостаточной подготовки и неразвитости женщинъ. Кромѣ того, успѣхъ этой мѣры будетъ зависѣть отъ большей или меньшей склонности къ филантропіи почетныхъ попечительницъ, хотя, конечно, для поощренія ихъ къ исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей имъ присвоиваются слѣдующія права и преимущества: а) утвержденіе Государыней Императрицей каждой изъ избранныхъ уѣздною земскою управою почетной попечительницы въ семъ званіи, по представленіямъ опекунскаго совѣта; б) удостоеніе почетныхъ попечительницъ, за прослуженіе установленнаго числа лѣтъ, маріинскимъ знакомъ отличія безпорочной службы, безъ выдачи, впрочемъ, денежнаго вознагражденія, и в) доведеніе до свѣденія Ея Величества объ особенныхъ заслугахъ почетныхъ попечительницъ.

Какъ-бы ни были привлекательны эти права и преимущества для развитыхъ женщинъ, отъ которыхъ единственно и можно ждать пользы въ дѣлѣ наблюденія за питомцами, но все-же въ основаніи обязанность почетныхъ попечительницъ остается чисто филантропическою. Мы, какъ знаютъ читатели «Дѣла», смотримъ съ особеннымъ недоувѣріемъ на филантропію и потому въ нашихъ глазахъ является еще одна преграда для полного успѣха принятой мѣры: недостатокъ развитыхъ и вполнѣ образованныхъ женщинъ и вѣчная небрежность филантроповъ въ исполненіи взятыхъ на себя обязанностей, вотъ что, по нашему мнѣнію, прежде всего затормозитъ полное исполненіе предначертаній опекунскаго совѣта. Но есть еще одно главное обстоятельство, которое будетъ дурно вліять на полную удачу новой мѣры. Это—неимѣніе крестьянами средствъ не только для исполненія требованій относительно чужихъ дѣтей, но и для соблюденія гигиеническихъ условій въ отношеніи къ своимъ собственнымъ дѣтямъ. Попечительницы и правленіе Воспитательнаго дома, вѣроятно, очень скоро встрѣтятся на практикѣ съ тѣми вопросами, существованіе которыхъ мы уже предвидимъ теперь: что дѣлать, если у крестьянина нѣтъ коровы, а значить и средствъ для доставленія молочнаго пища ребенку? Что дѣлать, если избы въ деревнѣ сыры, холодны и страдаютъ отъ сквознаго вѣтра, что плохо отзывается на

дѣтяхъ? Что дѣлать, если цѣлая деревня потонула въ грязи, если въ избахъ нѣтъ житья отъ таракановъ, клоповъ и пр.? Что дѣлать, если большинство крестьянъ можетъ держать дѣтей только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы эти дѣти исполняли съ малыхъ лѣтъ работы? Что дѣлать, если въ одной, въ другой, въ третьей семьѣ находится одинъ пьющій и буянящій членъ, нескупающійся на подзатыльники и тычки, достающіеся на долю дѣтей? Что дѣлать, если крестьяне не посылаютъ акуратно дѣтей въ школу потому, что школы находятся далеко, а дороги грязны и тяжелы, одеженка же дѣтей плоха и ветха? Что дѣлать, если изъ всѣхъ учителей, получающихъ, какъ знаютъ читатели «Дѣла», крайне малое, нищенское содержаніе, ни одинъ не удовлетворяетъ всѣмъ разумнымъ требованіямъ, предлагаемымъ сельскому учителю и пр.?

Мы могли-бы предложить еще множество вопросовъ, которые, вѣроятно, уже представлялись и, конечно, представятся и въ будущемъ правленію Воспитательнаго дома.

Но довольно и этихъ немногихъ вопросовъ, чтобы понять, что вопросъ о положеніи питомцевъ Воспитательнаго дома еще далеко нерѣшенъ новою мѣрою о назначеніи почетныхъ попечительницъ и требуетъ очень и очень серьезныхъ изслѣдованій и реформъ.

Когда этимъ займутся—Богъ вѣсть!

Съ тѣхъ поръ, какъ гласный судъ вывелъ нашу судебную практику изъ темныхъ и безгласныхъ канцелярій стараго суда на свѣтъ божій и надъ нами, по выраженію г. прокурора Кони, засвѣтило *то солнце, которое называется судебными уставами*,—съ тѣхъ поръ не многимъ процессамъ удалось обратить на себя такое общественное вниманіе, возбудить столько толковъ, догадокъ и предположеній, какъ процессу братьевъ Мясниковыхъ. Еще за долго до открытія судебныхъ засѣданій публика предугадывала ходъ самаго дѣла, комментировала его подробности, такъ что предсѣдатель суда принужденъ былъ оговориться передъ присяжными засѣдателями, чтобы они не увлекались общественнымъ мнѣніемъ и произнесли свой приговоръ только на основаніи тѣхъ фактовъ, какіе были раскрыты судомъ. Это напоминаніе о хладнокровномъ взглядѣ на дѣло и безпристрастной оцѣнкѣ его было, конечно, вызвано тѣмъ громаднымъ интересомъ, который принимала публика въ этомъ процессѣ, давая ему то или другое направленіе, согласно своимъ симпатіямъ, или антипатіямъ. Когда-же

открылся судъ, публика буквально ломилась въ его залу и ожидала по нѣскольку часовъ на лѣстницѣ позволенія войти въ судебную камеру. Ни чтеніе длиннаго обвинительнаго акта, ни допросы множества свидѣтелей, ни ораторское состязаніе адвокатовъ, изъ которыхъ одинъ началъ вызывать загробныя тѣни, а другой чуть не упалъ въ обморокъ отъ такой сильной риторической фигуры своего товарища, наконецъ ни тѣснота помѣщенія, — ничто не могло утомить вниманія публики. Отъ первой и до послѣдней минуты она слѣдила съ самымъ напряженнымъ любопытствомъ за ходомъ дѣла и окончательнымъ его результатомъ. Когда закрылся судъ и напечатаны были стенографическіе отчеты о процессѣ, журналистика успѣшила высказать свое мнѣніе и стать на сторонѣ оправданія или осужденія... «Петербургскія Вѣдомости» выступили съ рыцарскимъ великодушіемъ на защиту Мясниковыхъ и, аргументируя въ пользу оправдательнаго вердикта, провозгласили устами своего воскреснаго фельетониста, что такой безукоризненно-честный адвокатъ, какъ г. Арсеньевъ, могъ взяться защищать только правое дѣло. «Такъ говорить, какъ онъ говорилъ, ораторствуетъ г. Суворинъ, могъ только человѣкъ, не только даровитый, но и убѣжденный въ правотѣ своего кліента. Этого не могли не видѣть и не чувствовать присяжные». («Петерб. Вѣдом.» № 64). Безкорыстіе безпримѣрное по меньшей мѣрѣ, достойное общественной признательности! Впрочемъ «Искра» замѣтила на это академической газетѣ, что защитники Мясниковыхъ гг. Арсеньевъ и Языковъ будто-бы получили, каждый по 10,000 руб. за свои доблестные труды въ самомъ зданіи суда («Искра», № 9). Далѣе «Петерб. Вѣдомости», поучая общественное мнѣніе, совѣтуютъ ему не увлекаться разными толками и не спѣшить обвиненіемъ на томъ-де гуманномъ основаніи, что отвѣтственность обвинителя ложится тяжелымъ гнетомъ на совѣсти его... Этими гуманными отношеніямъ къ ближнему поучаетъ насъ никто иной, какъ тотъ-же г. Суворинъ, который, нѣкогда бросая свое пасквильное письмо въ лицо г-жи Лядовой, вовсе не думалъ о нравственной отвѣтственности своего публичнаго приговора. А «Новое Время» отмѣтило фактъ, что въ тотъ же день и только въ другомъ отдѣленіи суда, женщину, укравшую 4 1/2 коп. присяжные обвинили и судъ приговорилъ къ пятилѣтнему заключенію въ тюрьмѣ, съ лишеніемъ всѣхъ правъ и преимуществъ. Отчего-бы фельетонисту «Петербург. Вѣдомостей» не напомнить о нравственной отвѣтственности по поводу и этой четырехкопѣечной преступницы? Но защитникомъ четырехъ копѣекъ былъ не г. Арсеньевъ, можетъ возразить намъ Незнакомецъ, и слѣдовательно,

тутъ нельзя было ручаться за правое дѣло; только тамъ оно и очевидно, гдѣ г. Арсеньевъ является адвокатомъ, и съ такими товарищами, какъ гг. Языковъ и Дещицъ, которые упражнялись не столько въ оцѣнкѣ представленныхъ имъ фактовъ, сколько въ напускномъ риторическомъ пафосѣ. «Отечественныя Записки» справедливо замѣтили по поводу этой ораторской жестикуляціи, что гораздо было-бы лучше заняться болѣе серьезнымъ обсужденіемъ, куда дѣвались конторскія книги покойнаго кушца Бѣляева, чѣмъ либеральнымъ краснорѣчиемъ по поводу быстрого обогащенія концессионистовъ и обращеніемъ къ загробнымъ тѣнямъ. Положимъ, что никакое воспитаніе не учить подлогамъ, но оно также не учить и тому, чтобы увозить изъ дома близкаго покойника, едва положеннаго на столъ, документы и счетныя книги, увозить ночью цѣлыми каретами, брать чужія деньги и оставлять ихъ подъ кроватью своей любовницы. Все это, очевидно, требовало не столько адвокатскихъ жестовъ и восклицаній, сколько здраваго смысла и умѣнья отнестись критически къ наличнымъ фактамъ. Но такъ какъ процессъ о подлогѣ духовнаго завѣщанія Бѣляева долженъ еще пройти кассационную инстанцію, то многое еще можетъ выясниться изъ дальнѣйшаго его хода и повліять на окончательную его развязку...

Но что-же могло придать этому процессу такой громадный интересъ, чѣмъ онъ могъ возбудить къ себѣ такое общественное вниманіе? Подложныя духовныя завѣщанія—не рѣдкость; они такъ-же обыкновенны и стары, какъ человѣческое желаніе поживиться на чужой счетъ. Слѣдовательно, въ самой сущности дѣла Масниковыхъ нѣтъ ничего особеннаго и выдающагося изъ обыденнаго ряда преступленій. Самая личность обвиняемыхъ еще менѣе могла привлечь на себя такое зоркое вниманіе публики и журналистики. Мало-ли богатыхъ людей, являющихся на скамьѣ подсудимыхъ, и однакожь никто не интересуется ими, никто не слѣдитъ за рѣшеніемъ ихъ участи. Вѣроятно, точно такъ-же кончился-бы и процессъ Масниковыхъ, еслибъ не помогла его гласности драматическая обстановка самого дѣла. Въ самомъ дѣлѣ, тутъ, повидимому, соединилось все, что обыкновенно называется роковымъ стеченіемъ обстоятельствъ; какой-то мрачно-трагическій характеръ лежитъ на всемъ ходѣ этого дѣла и невольно возбуждаетъ любопытство каждаго. Прежде, чѣмъ начинается самый процессъ, ему предшествуетъ молва съ разными перипетіями и катастрофами. Сарапульскій мѣщанинъ Мартыановъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ первымъ съ тѣмъ, чтобы начать дѣло о наследствѣ кушца Бѣляева, и вскорѣ умираетъ въ больницѣ; за нимъ ѣдетъ

мать его, и едва успѣла подумать о процесѣхъ, какъ тоже отирается къ отцамъ вслѣдъ за своимъ сыномъ. Переписчикъ духовнаго завѣщанія и слѣдовательно самый достовѣрный свидѣтель въ этомъ запутанномъ дѣлѣ, Целебровский, умираетъ въ домѣ умалишенныхъ; за нимъ черезъ нѣсколько времени умираютъ Сицилинскій и Отто, засвидѣтельствовавшіе духовное завѣщаніе, такъ что за гробомъ Бѣляева тянется цѣлая похоронная процессія такихъ покойниковъ, которые всего ближе стояли къ нему и всего лучше могли разъяснить дѣло. Все это, конечно, могло быть простою случайностію, тѣмъ не менѣе, читая этотъ синодикъ, точно присутствуешь на представленіи древне-классической драмы, гдѣ *Судьба* поражаетъ одного героя за другимъ, чтобы въ концѣ концовъ очистить путь болѣе счастливому смертному, котораго она избрала своимъ привилегированнымъ любимцемъ. Для довершенія этого драматическаго положенія, одинъ изъ свидѣтелей по дѣлу Мясниковыхъ едва вступилъ въ залу судебного засѣданія для показаній, какъ зашатался, упалъ и умеръ. Далѣе выступаетъ на сцену самая интересная личность, уже не столько трагическая, сколько комическая, мелкая откупная сошка, провозгласившая себя передъ судомъ извѣстнымъ всей Европѣ агитаторомъ, чуть не Мадзини, явившимся на поприще міровой дѣятельности прямо изъ-за стойки кабака. Это нѣкто Шевелевъ, котораго характеристику такъ искусно представила намъ прокурорская власть. «Это мелкій откупной приказчикъ, говоритъ прокуроръ,—служившій потомъ въ конторѣ Мясниковыхъ, женихъ невѣсты, которой, съ цѣлю весьма понятною, онъ предъявляетъ облигаціи, ему не принадлежащія, за что и преслѣдуется Мясниковыми, какъ за присвоеніе ихъ собственности; затѣмъ привлеченный къ дѣлу Каракозова, но, очевидно, настолько мало виновный въ немъ, что, не смотря на тогдашнія строгости, содержится въ части и гуляетъ цѣлые дни на свободѣ; бѣглець за-границу, живущій въ Пештѣ и издающій брошюры, будто-бы извѣстныя всей Европѣ; затѣмъ членъ коммуны, доблестный защитникъ Парижа и правдивый свидѣтель по настоящему дѣлу». Ясно, что все прошлое Шевелева ручалось за то, что изъ этого роскошнаго пѣвѣтка, распустившагося на болотѣ стараго откупа, долженъ былъ современемъ развиться някто иной, какъ извѣстный всей Европѣ агитаторъ. Иначе и быть не могло. Начать съ обмана своей невѣсты и окончить героической борьбой за идею—это такъ естественно и логично, что г. Кони не могъ не остановиться передъ такимъ феноменомъ. «Очевидно, продолжаетъ прокуроръ,—тутъ являются такіе переходы и крайности, которые трудно совѣстить: человекъ борется за самыя крайнія идеи,

идуція въ разрѣзъ съ общественнымъ строемъ, для торжества этихъ идей жертвуетъ жизнью на баррикадахъ Парижа, даже раненъ при этомъ (!?), и вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ возможнымъ, подъ предлогомъ, что для него «цѣль оправдываетъ средства», написать ложное письмо (о которомъ будто-бы просилъ его Ижболдинъ) за небольшія деньги, при чемъ выраженіе — *цѣль оправдываетъ средства* онъ понимаетъ самымъ узкимъ образомъ... Цѣль, на которой написано — 150 р., оправдывала для Шевелева средство, могущее погубить человѣка. Очевидно, что этотъ «провинціальный секретарь», служившій по откупамъ въ Россіи и по коммунахъ во Франціи, не очень разборчивъ на средства и не очень далеко ходитъ, выбирая свои цѣли». Пусть не подумаетъ читатель, что г. Кони употребляетъ демосфеновскую антигезу, сопоставляя коммуны съ откупами, — нѣтъ, — это не антигеза, а истинная паралель, такая-же, какую можно было бы провести между откупщикомъ Кокоревымъ и, напр., Уильбефорсомъ. И вотъ этому-то герою, Шевелеву, служившему по откупамъ и выдававшему чужія облигаціи за свои, суждено было бросить на вѣсы правосудія довольно вѣское показаніе противъ Ижболдина, противника Мясниковыхъ. За Шевелевымъ идутъ и другіе, менѣе романтическія, но не менѣе загадочныя личности, которыхъ не выдумать ни одной творческой фантазіи, но которыя выросли, какъ грибы, подъ благодатнымъ солнцемъ стараго откупа, — такъ что докторъ правъ Лохвицкій имѣлъ полное право замѣтить Арсеньеву, что самый откупъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ систематическимъ подлогомъ.

Если теперь читатель, не мудрствуя лукаво, всмотрится своимъ здравымъ смысломъ въ такую личность, какъ Шевелевъ и его товарищи по откупной службѣ, если онъ прослѣдитъ весь ходъ дѣла съ его трагическими, комическими, тайными и явными махинаціями, и спроситъ себя: приводилось-ли ему за послѣднее время читать такой страшный романъ? то мы отвѣтимъ за него, что такого романа, со временъ «Выхода большого Сатаны» у насъ не было сочинено. Послѣ этого становится понятнымъ, почему такое обыкновенное дѣло, какъ подложное завѣщаніе, приняло характеръ важнаго общественнаго интереса.

Но не это одно привлекло вниманіе публики къ мясниковскому процессу. Въ судѣ было сдѣлано нѣсколько обращеній къ *общественной совѣсти*; къ ней апелировала и обвиняющая, и обвиняемая сторона. Но что такое общественная совѣсть? Кому она принадлежитъ и что служить для нея критеріемъ оцѣнки нашихъ поступковъ и намѣреній? Никто на эти вопросы не въ состояніи отвѣчать положи-

тельно, потому-что въ этомъ словѣ нѣтъ ничего конкретнаго и осязательнаго. Мы знаемъ только, что это нравственный судъ той коллективной личности, которую мы называемъ обществомъ. Но такъ-какъ общество состоитъ изъ разнообразныхъ элементовъ, часто совершенно противоположнаго характера, изъ такихъ послѣдовательныхъ градацій ума, развитія, соціального положенія, нравственнаго достоинства и пр. и пр., что нѣтъ никакой возможности подвести ихъ подъ одинъ уровень, то и общественная совѣсть не можетъ имѣть для насъ строго-опредѣленнаго смысла. Одна общественная группа будетъ считать совѣстливымъ то, что другая найдетъ безсовѣстнымъ. Одна совѣсть будетъ симпатизировать гг. Каткову и Трубникову, а другая отъ нихъ отвернется; для одной совѣсти ничего не значить сказать *да тамъ*, гдѣ внутреннее сознание говоритъ *нѣтъ* *). Поэтому измѣрять общественною совѣстію значеніе того или другого факта, по меньшей мѣрѣ, опрометчиво; или, по крайней мѣрѣ, надо знать, какой фракціи общ-ства принадлежитъ этотъ нравственный судъ. Впрочемъ, наша публика интересуется судебными процессами вовсе не потому, чтобы вѣшиваться съ своей совѣстью въ юридическую практику; она ищетъ въ нихъ только провѣрки своего собственного сознанія, своего прошлаго и настоящаго. Какое то инстинктивное чувство ей подсказываетъ, что этотъ обвиняемый есть плоть отъ ея плоти, кость отъ ея кости; что такъ или иначе она участвовала въ сформированіи его характера, его житейской обстановки, его понятій и дѣйствій; словомъ, гласный судъ, выслушывая публич-

*) Эти отвлеченныя понятія о совѣсти напомнили намъ недавно прочитанную нами замѣтку въ «Петерб. Вѣдом.», гдѣ *Незнакомецъ*, не зная въ чему-бы придраться по поводу тоста, предложеннаго «Новымъ Временемъ» и «Дѣломъ» на юбилей г. Островскаго, — тоста за тѣхъ, кто служилъ и служитъ *честной русской мысли*, нашелъ въ этомъ выраженіи плеоназмъ, потому-что русская мысль, по объясненію Незнакомца, и не можетъ быть иной, какъ честной. Для одной совѣсти это, конечно, плеоназмъ, а для другой — нѣтъ. Одна, напр., совѣсть будетъ находить печатныя инсинуаціи противъ молодого поколѣнія, женской личности, униженіе того или другого дѣятеля изъ чисто-личныхъ и мелкихъ расчетовъ лоскутныхъ рядовъ—подвигомъ либеральнымъ, а другая совѣсть назоветъ это отвратительнымъ дѣломъ. Поэтому какъ-бы ни были растяжимы совѣсть и грамматика г. Суворина, но едва-ли онѣ подгонятъ подъ рубрику плеоназмовъ понятіе: честная русская мысль. Впрочемъ, мы охотно уступаемъ кн. Мещерскому — «Гражданину» полемическое состязаніе съ Незнакомцемъ объ относительной ихъ силѣ въ логикѣ и грамматикѣ. Кн. Мещерскій, положа руку на сердце, можетъ спокойно начать свое обращеніе къ Незнакомцу словами: мы, любезный собратъ, одного поля ягоды!—съ тѣмъ только различіемъ, что я въ 1872 году начинаю проповѣдывать то, что ты проповѣдывалъ въ 1868 или 1869 году.

ныя показанія массы свидѣтелей, отдѣляя всѣ постороннія и прививныя факты отъ самой сущности дѣла, провѣряя его на основаніи документовъ и искренняго сознанія подсудимыхъ, приподнимаетъ передъ нами тотъ фиговый листокъ, которымъ прикрывало наше общественное тѣло прежняя безгласность. Вотъ эта именно сторона и возбуждала любопытство и вниманіе общества во всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ процессахъ со времени открытія нашего гласнаго суда.

Роль эта, конечно, могла-бы быть такъ-же хорошо выполнена пресою, еслибъ она обладала тѣмъ-же просторомъ въ сферѣ общественной дѣятельности, какъ и офиціальныи судъ, — если-бъ у нея было побольше такта и поменьше мелкихъ личныхъ соображеній, если-бъ она, наконецъ, не была такъ скудоумна, какъ это показали намъ «Петерб. Вѣдом.» въ мясниковскомъ дѣлѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ процессъ, раскрытый въ свое время и по живымъ слѣдамъ, путемъ печати не имѣлъ-бы теперь для суда и сотой доли тѣхъ трудностей, на которыя вполнѣ основательно жалуется прокуроръ. Во всякомъ случаѣ это дѣло знаменательнаго общественнаго характера и общество, не желая оставаться равнодушнымъ къ своимъ существеннымъ интересамъ, иначе и не могло отнестись къ нему, какъ съ полнѣйшимъ участіемъ. Надѣмся, что оно не охладѣетъ и къ дальнѣйшей его судьбѣ.

Во 2-й кн. „Дѣла“ въ стихотвореніи „Монопля“ въ нѣкоторыхъ экземплярахъ во время печатанія выпали буквы, что исказило смыслъ нѣкоторыхъ строкъ этого стихотворенія. Возстановляемъ ихъ въ ихъ первоначальномъ видѣ.

НАПЕЧАТАНО:

Стр. 7, купл. I.	Въ коноплѣ, у лѣсистой ложби
„ 3 и 4, куп. III.	чь глухую, когда не свѣтила луна,
„ 7 и 19, куп. VI.	мятель, какъ безумная, плача, рваласы!
	пришлось его ей встрѣчать.
	овъ изъ шеи ей на руки льеть,

Слѣдуетъ читать:

Стр. 7, купл. I.	Въ коноплѣ, у лѣсистой ложбины
„ 3 и 4, куп. III.	Въ ночь глухую, когда не свѣтила луна,
„ 7 и 19, куп. VI.	А мятель, какъ безумная, плача, рваласы!
	Не пришлось его ей встрѣчать.
	Кровь изъ шеи ей на руки льеть.

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА

„ДѢЛО“

(въ С.-Петербургѣ, по Троицкому пер., д. Гаоце № 13.)

ВЫШЕЛЪ И ПРОДАЕТСЯ ТРЕТІЙ И ПОСЛѢДНІЙ ВЫПУСКЪ СОЧИНЕНІЯ

Ч. ДАРВИНА

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЧЕЛОВѢКА И ПОЛОВОЙ ПОДБОРЪ.

Съ рисунками. Перев. съ англійскаго подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Изд. Редакціи журнала „ДѢЛО“.

Цѣна всѣмъ тремъ выпускамъ, составляющимъ около 80-ти печатныхъ листовъ, съ рисунками, 5 р. безъ перес.; съ перес. 5 р. 60 к. Цѣна третьему выпуску отдѣльно 2 р. безъ перес.; съ перес. 2 р. 30 к.

НВ. Въмѣсто ст. Т. Гексли: «Критики Дарвина», обѣщанной какъ приложение къ 3-му выпуску, редакція нашла возможнымъ издать отдѣльную книжку съ портретомъ Ч. Дарвина и съ общимъ обзоромъ его дѣятельности. Книжка эта будетъ вынущена въ первыхъ числахъ будущаго мая.

Городскимъ покупателямъ будетъ выдаваться эта книжка безплатно, а иногороднихъ, желающихъ получить ее, просить выслать 50 к. на пересылку, изъ какой-бы то ни было мѣстности—деньгами или почтовыми марками.

Тамъ же продаются слѣдующія изданія Редакц. журнала „ДѢЛО“:

Популярная гигиѣна. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. Соч. Карла Реклама. Изданіе третье. Съ приложеніемъ *Дѣтской гиѣны*, д-ра М. С. Зеленскаго и вступительной ст. В. О. Португалова *Безпрѣдвѣльность гиѣны*“. Съ рисунками. Ц. 2 руб. На пересылку прилагается за 2 фунта

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ Фр. Шпильгагена, Съ портретомъ автора и съ предисловіемъ: *Люди будущаго*—Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома. Ц. 2 р. безъ перес. На пересылку — за 3 фунта.

Комедія всемірної історії, Іог. Шерра. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣм. Въ 2-хъ томахъ. 1-й томъ только-что вышелъ вторымъ изданіемъ. Цѣна обомъ томамъ 3 р. безъ перес. На пересылку—за 2 фунта. Отдѣльно первый выпускъ продается за 2 р. безъ перес.

О подчиненіи женщины. Соч. Дж. Ст. Милля. Перев. съ англійскаго подъ редакцію Г. Е. Благосвѣтлова. Изд. 2-е. Ц. 1 р. безъ перес. На пересылку—за 1 фунтъ.

Уроки элементарной физиологии, Томаса Гексли. Изданіе второе. Перев. съ англійскаго; съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Около 100 рисунковъ. Ц. безъ пересылки 1 р. На пересылку—за 1 фунтъ.

Исторія Крестыанской войны въ Германіи. Д-ра В. Циммермана, составл. по лѣтописямъ и разговорамъ очевидцевъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Три тома, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Ц. тремъ томамъ безъ перес. 2 р. На пересылку—за 3 фунта.

Отъ Земли до Луны—97-мь часовъ прямого пути. Жюли Верна. Перев. съ франц. Ц. безъ переплета 50 к.; а въ переплетѣ 1 р. На пересылку—за 1 фун.

Сочиненія О. М. Толстаго. Съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Ц. двумъ томамъ 1 р. 50 к. безъ перес. На пересылку—за 2 фунта.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣч. рода. В. М. Флоринскаго. Ц. 50 коп. безъ перес.; съ перес. 80 к.

Печатаются и въ скоромъ времени выйдутъ слѣдующія книги:

Политическіе этюды Жака Лэфрениа. (Исторія Франціи. Политическіе портреты. Очерки политическихъ событій въ различныхъ странахъ). Въ 2-хъ томахъ, около 40 печат. листовъ. Цѣна 3 р. безъ перес.

О питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. Соч. д-ра Жюля Сира. Перев. съ французскаго, подъ редакцію А. Н. Моригеровскаго. Цѣна 2 р. безъ перес.

Подписчикамъ на журналъ „Дѣло“, какъ и книгопродавцамъ, дѣлается уступка 20%, съ вышеозначенныхъ цѣнъ. Пересылка считается особо.

У КНИГОПРОДАВЦА

Н. А. ШИГИНА,

Въ С.-Петербургѣ, по Большой Садовой ул., въ д. Нажескаго
Е. Н. В. корпуса, № 5.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ.

Соч. С. С. Шашкова.

Русскія реакціи.—Поучительная исторія о нѣмцахъ. — Рабство въ Сибири.—Сибирскіе инородцы въ XIX столѣтіи.—Россійско-американская компанія.—Иркутскій погромъ въ 1758—1760 гг. 2 т. въ 8-ю д. л., болѣе 40 печ. лист. Спб. 1872 г. Цѣна за 2 т. 2 р. 50 к., съ пересылкой во всѣ города Россіи 3 р.

ШВЕЙЦАРІЯ И ШВЕЙЦАРЦЫ.

Соч. *Вильяма Геворта Диксона* съ присоединеніемъ его же статьи:

УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ВЪ ЦЮРИХѢ.

Переводъ съ англійскаго подъ редакціей *А. Михайлова* и *Н. И. Шульгина*. Спб. 1872 г. Цѣна 1 р. 25 к., съ пересылкой во всѣ города Россіи 1 р. 50 к.

СОДЕРЖАНІЕ: Глава I. Горный народъ.—II. Сен-Готардъ.—III. Альпійская страна.—IV. Борьба за существованіе.—V. Дождь и утесы.—VI. Германцы и кельты.—VII. Общины.—VIII. Общинныя власти.—IX. Общинное управленіе.—X. Кантоны и полу-кантоны.—XI. Кантональное устройство.—XII. Кантонъ Цюрихъ.—XIII. Чистая демократія.—XIV. Революція.—XV. Народныя побѣды.—XVI. Союзъ.—XVII. Союзный договоръ.—XVIII. Иезуиты.—XIX. Богомолье.—XX. Монастырь и кантонъ.—XXI. Келья св. Мейрада.—XXII. Освященіе четокъ.—XXIII. Послѣдніе бенедиктинцы.—XXIV. Борьба церквей.—XXV. Школа.—XXVI. Демократія въ школахъ.—XXVII. Женева.—XXVIII. Первоначальныя школы.—XXIX. Среднія учебныя заведенія.—XXX. Школа и армія.—XXXI. Защита страны.—XXXII. Армія.—XXXIII. Въ полѣ.—XXXIV. Новый походъ.—XXXV. Результатъ.

УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ВЪ ЦЮРИХѢ: I. Первоначальныя школы.—II. Городскія школы.—III. Среднія учебныя заведенія.—IV. Женскія школы.—V. Политехнический институтъ.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ НОВОСТЕЙ
ПЕТРОВА И МЕДВѢДЕВА.

С.-Петербургъ, Гостинный дворъ, № 119, 120 и 121.

П О Л У Ч Е Н Ы

ИЗЪ ПЕРВЫХЪ ПАРИЖСКИХЪ ДОМОВЪ,

ДЛЯ ВЕСЕННЯГО СЕЗОНА:

ЖАЛЪТО, ТЮНИКИ, ЖАНЕТЫ, лонскаго бархата . . . отъ 90 до 250 р.	Костюмы, шерстяные . . . отъ 25 до 85 р.	Ротонды драповыя . . . отъ 25 до 60 р.
» dtap-de-France . . . » 75 » 200 »	» фая . . . . . » 75 » 350 »	» Escossais . . . . . » 50 » 95 »
» монтаньякъ . . . . . » 40 » 75 »	ЛѢТНІЯ РОТОНДЫ	» двухъ-стороннія » 30 » 60 »
Платин, кашемиръ, терно, черные и бѣлые вышитыя » 12 » 100 »	самыхъ модныхъ тканей . отъ 20 до 65 р.	Дамскія шляпы . . . . . » 7 » 20 »
	Зонтики дамскіе . . . . . » 3 » 12 »	ЗОНТИКИ
	» Бъ-touts-сав на длинныхъ паллахъ.	Fantaisie . . . . . отъ 6 до 20 р.

Р. S. Въслѣдствіе перемѣны почтоваго тарифа, торговый домъ ПЕТРОВА и МЕДВѢДЕВА принимаетъ пересылку на свой счетъ лишь до 2,000 верстъ, свыше же этого расстоянія, гг. покупатели благоволятъ принимать половину почтовыхъ расходовъ на свой счетъ.

Докладъ г. Яковлева «объ артеляхъ въ Россіи».—Пренія, возбужденныя докладомъ.—Программа, составленная для разработки вопроса объ артеляхъ.—Питомцы воспитательнаго дома и ихъ положеніе въ деревняхъ.—Новое постановленіе относительно «почетныхъ попечительницъ», избираемыхъ земствомъ и обязанныхъ наблюдать за положеніемъ питомцевъ.—Значеніе этой мѣры.—Почему она не обѣщаетъ благихъ результатов?—Процессъ братьевъ Мясниковыхъ.—Отношеніе къ нему нашей журналистики.—Что придаетъ этому процессу важный общественный интересъ?

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА

„ДѢЛО“

(въ С. Петербургѣ, по Троицкому переулку, д. Гасова, № 13)

ВЫШЕЛЪ И ПРОДАЕТСЯ ТРЕТІЙ И ПОСЛѢДНІЙ ВЫПУСКЪ
СОЧИНЕНІЯ ДАРВИНА:

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЧЕЛОВѢКА

И

Половой подборъ.

Перев. съ англійскаго подъ редакцію Благосвѣтлова.

Цѣна всѣмъ тремъ выпускамъ, составляющимъ около 80-ти печатныхъ листовъ, съ рисунками, 5 р. безъ перес.; съ перес. 5 р. 60 к. Цѣна третьему выпуску отдѣльно 2 р. безъ перес.; съ перес. 2 р. 30 к.

НВ. Въмѣсто ст. Т. Гексли: «Критики Дарвина», обѣщанной какъ приложеніе къ 3-му выпуску, редакція нашла возможнымъ издать отдѣльную книжку съ портретомъ Ч. Дарвина и съ общимъ обзоромъ его дѣятельности. Книжка эта будетъ выпущена въ первыхъ числахъ будущаго мая.

Городскимъ покупателямъ будетъ выдаваться эта книжка бесплатно, а иногороднихъ, желающихъ получить ее, просить выслать 50 к. на пересылку, изъ каковой бы то ни было мѣстности — деньгами или почтовыми марками.

При этой книжкѣ помѣщены слѣдующія объявленія: 1) объ изданіи журнала Дѣло въ 1872 году; 2) объ изданіяхъ редакціи журнала Дѣло; 3) отъ книгопродавца Н. А. Шингина и 4) отъ торговаго дома Петрова и Медвѣдева.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„Д Ъ Л О“

въ 1872 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной конторѣ редакціи, въ
Троицкомъ переулкѣ, домъ Гассе, № 13, и у книгопродавцевъ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжномъ магазинѣ для иногород-
нихъ, на Невскомъ проспектѣ, про-
тивъ Думы, № 36.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ книжномъ магазинѣ П. Г. Соло-
ева, бывшій Базунова, на Стрѣвномъ
бульварѣ, въ д. Алексѣева.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала „ДЪЛО“:

Безъ пересылки и доставки	14 р.
Съ пересылкою иногородн	15 > 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	15 >

Подписная цѣна для заграничныхъ абонентовъ:

Пруссія и Германія—18 р.; Бельгія, Нидерланды и Придунайскія княжества—
19.; Франція и Данія—21 р.; Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція и
Греція—21 р.; Швейцарія—22 р.; Италія—23 рубля.

Для служащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе какъ за поручитель-
ствомъ гг. казначеевъ.

Редакторъ-издатель Н. ШУЛЬГИНЪ.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

Widener Library

3 2044 079 301 883

